МЕГАЛОГ

Международный
литературно-художественный
и научно-публицистический журнал

№ 2

Пятигорск 2009

МЕГАЛОГ

№ 2 / 2009

ISBN 978-5-89966-837-1

Учредители Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пятигорский государственный лингвистический университет», Северокавказский научно-образовательный институт филологии Пятигорского государственного лингвистического университета

Главный редактор **А.М. Казиева** – директор Северокавказского НОИ филологии Пятигорского государственного лингвистического университета

Редакционный совет
А.П. Горбунов – сопредседатель
Ю.С. Давыдов – сопредседатель
Н.В. Барышников – зам. председателя
Ю.Ю. Гранкин – зам. председателя
З.А. Заврумов – зам. председателя

Редакционная коллегия В.В. Айрапетова, О.А. Алимурадов, У.М. Бахтикиреева, А.О. Бродзели, Л.В. Витковская, Т.Б. Гуртуева, А.С. Куёк, А.В. Кузнецова, О.А. Куликова, М.И. Магомедов, И.А. Модебадзе, Ж.Ж. Толысбаева, Ю.М. Тхагазитов, Ф.Т. Узденова.

Международный литературно-художественный и научно-публицистический русскоязычный журнал «Мегалог» включает в себя оригинальные и переводные произведения, что прежде всего подразумевает опору на культурную величину, за которой важно увидеть не посылку отторжения, а универсальное свойство взаимодействия. В таком подходе, на наш взгляд, прочитывается не только попытка преодоления негативных этноцентрических тенденций, но и достижения объединяющего взгляда на те разрозненные явления, которыми отмечен сегодняшний день. Иными словами, художественное воспроизведение движущегося национального бытия в наше время снова обретает общезначимый и общечеловеческий смысл.

Открытость «региональному», жанровому и уровневому (дебют молодых авторов) многообразию, с одной стороны, позволяет выявить разные модели художественного миростроения, с другой – приблизится к преодолению самоизоляции культур «малых» народов. На этом пути открываются возможности установления новаций, которые привносит современность, и ценностей, которые настойчиво удерживает общество в ходе своего развития.

Основная концепция журнала – сделать издание своеобразным культурным мостом, связывающим страны и континенты на основе русского языка.

Чтобы стать автором «Мегалога», необходимо выслать свои рукописи по адресу:
357532 Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
Северокавказский НОИ филологии. Редакционная коллегия журнала «Мегалог».
kazieva@pglu.ru
(8793)400-220, (928)911-4041

Мы будем рады Вашим откликам, мнениям, пожеланиям.

Содержание

Проза и поэзия

Тимур Зульфикаров 6
Притчи 7
Пойдем на осеннюю Русь 7
Михайловская роща 7
На могиле Анны Ахматовой 8
В древлерусских осенних лесах 8
Птица 9
Ночь на Крещенье 10
Последняя любовь 10
Песня 11
Поэты 11
Караваны душ 11
Превращения 12
Странствия 12
Великая любовь 13
Пророчества 13
Песчаный верблюд 14
Три цивилизации 14
Самые отдаленные области ада 15
Поэт и роза 15
Моль 15
Почему погиб Великий Шелковый Путь?.. 15

Гоги Харабадзе 16
Человек рядом... 16

Бахыт Гафу 20
Фрагменты моего дневника 21

Нальбий Куёк 28
Превосходный конь Бечкан 28

Гиорги Кекелидзе 63
Тоска . Село. Тоска. Tuxedomoon – soma 64
Книга пугал 64
Книга луны 65
Книга смертных 65
О смерти 65

Шахриза Богатырева 66
Дуа 67
Семейное счастье 68
Похищение 72
Даллас, Америка. Интегральный символ 75
Настоящая женщина 77
Мастерский прием 78
Охотники на драконов 80
Вечер в Учкулане 83
Философия ветра 83
Химера 83
Жеребенок 83
Зимний сад 84
Учкулан 84
Карачаю 84
В ущелье Учкулан 84
Апрельский бенефис 84
Картинка с натуры 85
Ночной ветер 85
Диалог 85
Лес горит 86
Письмо папе 86

Гага Нахуцришвили **87**
Бродяга 87
Выходите! 88
Возвращение 88

Дюсенбек Накипов **89**
Тень ветра 92

Умит Тажикенова **106**
Маленький букет 106
Вечно молодая муза зрелой женщины 106
Прогулка по прошлому 107
Слова... Слова 107
Светлая печаль 108
Прощание 108
Признание 109
Реквием 109
Воля бронзового Ауэзова 109
Запредельный мир 110
Много зелени, мадам 111
Спасск 111
Коварная буква 111
Общий знаменатель 112
Каждому своё… 112
Прелюдия к финалу 112

Римма Ханинова **113**
Запах полыни 113
Джомба 114
Сердце оливы 114
Две жизни 115

Эка Гаганидзе **116**
Дважды в неделю 116

Дина Арма **121**
Притча 121
Новая притча 131

Наталия Семенюченко **139**
Осенняя самоирония 139
Размышлизмы на знакомой кухне 140
Поток сознания женщины у зеркала утром в день ее …- летия 140
Разноцветные изыски 140
Неожиданное 141
Кавказу 141
Туманам Пятигорска 141
Прощанье с Пятигорском 141

Александр Мосиенко **142**
Анна Ивановна 142
Ёська 146

Нурболат Джуанышбеков **152**
Одностишье 153
Бейт 153
Рубаи 153
Хокку 153
Танка 154
Триолеты 154
Рондо 155
Рондель 155
Сонеты 156
Газели 157

Анатолий Пренко **158**
Моя Джунгтэррия 158

Василий Муратовский **183**
Стихи В. Муратовского 186
Перекличка 186
Рождённый под знаком воды 187

Поэзия 187
Алма-Атинка 189
Где Греция времён Гомера? 190

Александр Буров 191
Лиза 191
Джесси 193
Морошка 195
На жизнь поэта 195
Страсти по Лермонтову 196

Константин Каспарян 198
Правда 198

Литературное наследие

Гамлет Назарьян 213
Персия без пехлевийских козырьков 213

Проба пера

Мусса Дудов 222

Мария Бунова 224

События. Юбилеи. Презентации

Памяти Чингиза Айтматова 225

Книжный клуб «Royal Gift» 229

Поздравляем! 233

Рецензии. Статьи. Эссе

Жанна Толысбаева *235*
О литературе как диагнозе абсолютного земного неблагополучия и одном пути её перепрочтения 235

Ауэзхан Кодар 243
Философская терминология как творение концептов: из опыта переводов на казахский язык философов-постмодернистов 243

Фатима Урусбиева 248
Анатолия. Конец или начало транзита? 249

Асфар Куёк 260
Иорданские этюды 260

Улданай Бахтикиреева 274
Билингвальный автор и его авторский перевод 274

Вера Савельева 282
Постлирические стихи в современной поэзии Казахстана 282

Тамара Гуртуева 288
Культурное пространство как пространство постмодернизма 288

Елена Кремер 297
Об особенностях поэтического творчества Бахыта Каирбекова 297

Анна Подобрий 304
«Мы наш, мы новый мир построим…» 304

Проза и поэзия

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

О творчестве Тимура Зульфикарова

Тимур Зульфикаров – поэт, прозаик, драматург, автор 10 книг уникальной прозы и поэзии. Тираж их превысил миллион.

В XIX веке русская литература дала миру два великих сочинения, две эпических поэмы: «Мертвые души» Гоголя и «Войну и мир» Толстого.

В XX веке мы вновь встречаемся с двумя великими русскими творениями. Это поэма «Тихий Дон» Шолохова, которую знают все, и поэма «Земные и небесные странствия поэта» Зульфикарова, которую не знает никто.

Как правило, творец, создавший великую эпическую поэму (Данте, Гете, Вергилий, Гомер, Фирдоуси), уже не может создать подобное сочинение. Один раз бывает такое вдохновенье-изверженье. Большего не выдерживает человеческая быстротленная плоть.

Но есть в мировой литературе счастливые исключения.

И среди них трагический гений нашей словесности Тимур Зульфикаров. Он сотворил букет великих поэм. Кажется, что тут поработало несколько невиданных гениев. Словно античные мускулистые трагики и греческие хмельные поэты Диониса послали нам этого вечного гостя-мудреца с пенной чашей вина в руках.

Помимо «Земных и небесных странствий поэта», это «Книга смерти Амира Тимура» (1971 г.), «Исповедь Ивана Грозного» (1979 г.), «Возвращение Ходжи Насреддина» (1976 г.), «Книга откровений Омара Хайяма» (1973 г.), «Стоящий и рыдающий среди бегущих вод» (1992 г.) и «Притчи дервиша Ходжи Зульфикара».

Последняя поэма смело встает в один ряд с «Гулистаном» Саади или с «Дон Кихотом» Сервантеса.

Тут мы имеем дело с поэтом, равным античным трагикам или Шекспиру. Поэмы Зульфикарова о легендарном Ходже Насреддине – это новый фольклор, созданный на наших глазах. Это ли не чудо, что наш тленный современник сотворил фольклорного героя? А иные поэмы словно порываются с литературой и превращаются в молитвы, о чем мечтал Гоголь...

Нельзя не сказать о лирической поэзии Зульфикарова. Несколько сот его стихотворений представляют абсолютную новацию в застывшей после Пушкина и Хлебникова русской, оцепеневшей от этих двух гениев, поэзии.

Несомненно, это третий фундаментальный реформатор русской поэзии после двух гигантов. Новый, третий король поэзии русской!

И еще: такие новеллы, как «Татабубу», «Охота царя Бахрам-Гура Сасанида», «Смерть Пушкина», «Блаженная китаянка-дунганка У», «Иван Явдат – последний воитель заступник Руси», «Камень Апокалипсиса» являются шедеврами мировой новеллистки XX в. на все времена. В 1993 г. Зульфикаров получил английскую премию «Коллетс» за «Лучший роман Европы – 93».

И еще: Зульфикаров создал беспрецедентный экстатически-наркотический стиль в мировой литературе.

Ау! Профессора, литературоведы, где вы?.. Где вы, дегустаторы новых вин и духов?.. Тут нужна сотня диссертаций, чтобы описать и объяснить его новаторство. Поэта можно узнать не только по одной строке, но даже по одному слову. Перед нами абсолютный классик литературы XX века. И – что еще важней – мудрец, явившийся к нам из вечности и приобщивший к ней нас, суетных, тленных, мимогрядущих.

Такие Божьи творцы обращают нашу горячую современность в хладную вечность, как несметная вершина Эвереста творит из текучей воды ослепительный и вечный лед».

Тимофей Успенский

Притчи

Пойдем на осеннюю Русь

(Отрывки из книги Т. Зульфикарова «Алый цыган!.. Малиновый конь!.. Золотая Русь!.. Умирающий поэт!.. Прощайте!..». Поэмы. Стихотворения. Притчи. Песни. – М.: «Московский писатель», 1999).

Я пойду побегу побреду через недужные разрушенные задушенные
Подмосковные святорусские святобылые леса
Где нынче одни пни пни пни
Да кострищ жемчужных витающая моль-зола
Я уйду из Москвы обреченной сиротиной в дымчатые дальные призрачные сквозистые святые Михайловские липовые дворянские медвяные медоточивые златоплещущие златобродильные златохмельные аллеи аллеи аллеи
Где доселе бродит один одинокий камер-юнкер и кличет ищет летучую заблудшую фрейлину
То ли лист осыпной ледяной летит то ли пуля слепая рдяная скользит
То ль от всей от святой от былой Руси
И остался в аллеях останних студеных осенних дремучих один
Одинок
Камер-юнкер один
Да его эфиопский чужой израненый лунный рыдалистый разрывающий
Журавля над пустынею крик
Натали! Натали! Натали... Натали...
1993

* * *

Так легко так чудно затеряться забыться в осенних ноябрьских вечереющих дымных аллеях и ввек не найтись не спастись
Такая нощь что в ней былых порубленных погубленных пострелянных дворян аллей не разглядеть не помянуть не различить
Такая нощь что в ней самой Руси не услыхать не различить не уследить
Иль нет Её уже иль навек сгинула истаяла покорная безмолвная простертая в такой ночи

И только есть в несбыточных аллеях клич свежераненный
святой
дрожащий донебесный:
Натали!..
1993

Михайловская роща

Роща роща Михайловская златодубовая златодворянская златохмельная златопохмельная златостаринная златосвятая
Пред окном моим одиноким тяжко в дождях кровомугных беспробудных бездонных октябрьских мается мается кается тянется страждет скитается
Роща роща все ушли из моей жизни – мать отец жена сыновья дщери други неистово сладостные
С кем казалось обнявшись навеки мы смертно до гроба пойдем и за гробом в саванах не расстанемся
Да задолго до гроба они разбрелись разлучились расплакались разрыдались
Кто по миру еще бродит страждет как ты роща под дождями
А кто уж по божией неопадающей роще по нивам пакибытийственным щедро гуляет
Роща роща только ты под моими сиротскими окнами подоле постой потомись позлатись неопадная
В златоплещущих забытых наших русских кумачниках златолиственных златошепчущих сарафанах мимолетных златотканных пока неопадных
И она услыхала как матерь златоатласная златогласная

И до самых декабрьских алмазохрустальных усыпительных упоительных утешных снегов не опав простояла сохранная очаровАнная
Блаже блаже роща роща родная последняя русская наша дворянка
Божественно дивно гортанно картавящая дряхлыми сонными святыми вранами в липах златых шереметьевских приусадебных
Матерь неопадная
И я радостно припадаю на коленях ко стволам твоим родительским теплотворящим
Да блаженными сыновними слезами их омочаю
1990

* * *

Пока я пил вино
Раззолотилась роща
И опала
О Боже! И на дне бокала
Лист золотой лежит дрожит
Обвялый...
Весь пианый...
Весь пианый...
1980

* * *

Ах Михайловская златопадная роща роща подруга другиня осенняя
Ты мое золотое похмелье
Послепьяное послелетнее
Аль блаженное? аль предсмертное?
1990

На могиле Анны Ахматовой

Бродить бродить в смолистой комаровской вешней слезной траурной заупокойной роще роще долго долго долго
Чтоб стать послушливой муравьиной бальзамическою погребальною сосною
Но той что дальше от кладбища от её святой могилы животворной
А ближе ближе к морю к морю к морю
1994

В древлерусских осенних лесах

В зиждительных краеугольных древлерусских святоотеческих монастырских богородициных валаамских лесах лесах лесах
Лишь лишь неслышно шелковисто опадает сыплется струится мечется опадный дальний златотканный лист лист лист
Лист летит на ал ал ал язык задумчивого родникового внимающего водопьющего лося лося лося
И упокаивается утихает на алом бархатистом ложе
Лес
Лист
Лось
Бог
И боле никого в осенних хладнозолотых раннехристовых уж уже опавших рощах
1995

Птица

Птица птица тронутая червем ты куда зачем зачем куда взметаешься
Над каким обреченным богооставленным приговоренным градом
Над какой заброшенной заросшей диким дымным кислым ковылем да лопухом да конским щавелем деревней деревенькой немо воздымаешься скитаешься

Птица траченая молью тлею пухоедом ярым тайным желчным птица источенная объятая загробным червем взятая
Птица охваченная ползучим едучим червем необъятным да куда куда куда ты

Птица птица ты гриф памирский бородач могильник что ли иль ты снежный кроткий стерх святой сибирский
Иль ты птица смерти иль ты птица жизни птица птица
И куда куда недужная болезная предсмертная стремишься льешься бьешься вьешься тщишься длишься

Птица птица ты в каких лазурных небесах надмирных океанах призрачных струящихся теряешься разметавшись раскидавшись вольно растворяешься
Ты в каких загробных подземельях при каких подземных реках забвенья словно мышь летучая слепоокая витаешь уповаешь

Птица птица червем опаленная охваченная объятая червем кишащим чадящим
Ты ли в небе кротком Руси моей заживо замертво убиенной удавленной терзаешься маешься как ворон над кладбищем Над разбитой империей гнездом народов птенцов слепышей гнездарей обманутых агнцев заживо закланных враз безвинно курчаво удавленных окровавленных

Птица птица что томишься ты над народом моим агнцем луговым чистшим кудрявым смиренно хрустально православным
Вслед за Спасом своим Учителем хранителем Отцом с земли греховной в небеса ликуя немо уходящим уходящим уходящим
Аааааааахххх... Аааааа...

Русь Русь иль ты и есмь птица червем початая пронзенная да в небеса покорно уходящая
Над своими заброшенными забытыми кормильными сиротами чадами да над женами своими совращенными содомо-гоморрскими рыдающими
Да над своими рухнувшими аки светлые древнерусские боры леса от пил да топоров повально люто слепо пиаными мужами

Птица птица да куда ж вздымаешься вселенскими недужными крылами маешься теряешься растворяешься в небесной благодати необъятности хрустальности
Иль ты птица кладбища
Нет
Ты Птица Апокалипсиса

Скоро скоро ль Ты застонешь закричишь заверещишь запенишься забьешься запророчишь вещая последняя божественная тварь небесная крылатая
Распростертая над всеми народами племенами языками и градами

И засыплешь заметешь задушишь заполонишь затопишь всепадучими червивыми перьями несметными опадными
Все забывшие о состраданье сыто зло кишащие града селенья храмы

И не пожалеешь от нечеловечьей боли заметешь глухим пером вселенским даже смирные безмолвные монастыри да позабытые безвинные святые кладбища

Русь Птица Апокалипсиса
1998

Ночь на Крещенье

...На Святки повсеместно на Руси справляли свадьбы
Много невест на Святках дожидались сватов
Январь-свадебник... Под Крещенье последний раз
совершались гаданья, бросали обувь за ворота...
Куда покажет носок - в той стороне и жених ждет
А. Стрижев

...Ай хорошо свежо в снегах крещенских горячо!
Ай! Но мои свадебные кони замутились затуманились заклубились затерялись
Ай мои сваты заблудились да закоченели
Да с похмелья вместо свадебной деревни
На погост старинный залетели

Ах! моя невеста башмачок кидала за ворота
Да наполнился он талой снежною нечаянной водою
А потом исполненный воды ледовой
Разорвался от крещенского мороза

Ай! мой батюшка спьяна в крещенской проруби забылся захлебнулся
Закупался затерялся закрестился угнездился утопился на́век утомился
К вечной пристани прибился
Моя матушка от горя онемела и пошла пешком в небесные селенья
И пошла босая по снегам во Царствие Небесное

А изба моя от ветхости поникла
Как дружок мой что с Чечни вернулся неубитый –
Ах! зачем меня ты пуля миновала
Ах зачем меня та рана не объяла
Ай! пойду с тоски под волчьим солнышком-луной в ночное поле поле поле
Да паду в сыпуч колюч сугроб курчавой головою
Да усну да не проснусь в раздолий пуховом

Ах Русь-матушка моя! аль ты от горя повредилась наклонилась помутилась покосилась поседела поседела поседела
Стала от беды белей метели
Стала всех снегов белей и холоднее

И теперь тебя в метели не заметишь
И теперь тебя в метели не приметишь...

Ах! да только на Христа твоя надежда
На снегах крещенских только на Христа твоя надежда

Только Он тебя в метели приласкает обогреет
Как дитя заблудшее льняное
1998

Последняя любовь

Ты забросишь все! ты забудешь всех!
Ты оставишь отца мать мужа детей
И уйдешь навека со мной в летние тепловейные тайные травы

И уйдешь со мной в летние травы в ночные необъятно невнятные избранные травы

Как библейский верблюд чрез угольное ушко ушел
Как навек рыбари ушли за Христом

Но ты медлишь и летние травы желтеют златеют

И тогда все слезней все больней и блаженней бессмертней
Проступают чрез нощь ночь
И манят мя далекие неизъяснимые монастырские стены стены стены

С монастырской стены по ночам Бог виднее слышнее милее
1995

Песня

Я один во поле в русском поле я один один один
Надо мною в русском небе только журавель летит летит один
Али осень нынче? аль весна?
Аль на север? аль на юг летит журавль?

Ай во поле одиноком некого окликнуть! некого спросить?
Аль на север? аль на юг журавель летит?
Ай, да птица перелетная, – ты куда летишь одна?
Ай, да божий человек, ты зачем в поле под Крестом лежишь один?

Я один во поле в поле я один
Надо мною журавель летит летит...
1992

Поэты

Всегда во всех веках поэты стенают: меня все забыли! меня бросили возлюбленные друзья и родные мои!
Но!
Нет! Это я, текучий, влюбляющийся всякий день и год в новых человеков, забыл и бросил давних друзей и возлюбленных родных своих!
Я бросил... я забыл... я окрест повинен!.. И что же я жалуюсь и стенаю на весь свет?
1997

Караваны душ

Есть птицы которые пролетают бредут над землей так высоко что мы не видим и не чуем их
Быть может это души усопших? кочующие только из ада в рай?
Только!
Иль это ангелы небес равнодушные к земной жизни человеков?

Я чую что есть такие птицы
Караваны кочующих душ
Вечные караваны между адом и раем

Мне там летать скоро
1998

Превращения

В необъятном потоке вселенских времен и народов
Среди царств ушедших и грядущих
Всяк человек на земле
Был иль будет великим царем иль рабом
Был иль будет великим мудрецом иль глупцом
Был иль будет великим врачом иль сапожником
Был иль будет великим поэтом иль пахарем
Был иль будет великим строителем иль разрушителем
Палачом или жертвой

Ибо всяк человек на земле был когда-то Адамом иль Евой
1998

Странствия

Молодому мудрецу Кахину Авилову

Дервиш сказал: будьте прокляты все караваны! все крылья самолетов! все колеса машин! все пыльные кочевые ноги лошадей ослов верблюдов и ноги пылких алчных суетных странников, уносящие человека от родного теплого сокровенного дома гнезда очага! Да!

Аллах! Господь необъятный недвижный мой! Пусть тысячу раз споткнутся изогнутся слепые ноги человеков, жаждущих дороги!.. да...

Воистину мудры китайцы, оградившие тысячелетнюю жизнь свою Великой Стеной от иных народов и ветров и мудрецов и пророков иных
Воистину мудр Лао-цзе, сказавший: надо жить так, чтоб слышать пенье петуха у соседа, но никогда не ходить друг к другу в гости...
Самые великие путешествия я совершал, не выходя из дому...

Воистину мудра пословица кара-калпаков: вот ты сделал сорок шагов от родного дома и ты уже сирота в неоглядном мире... да...

Воистину мудра русская пословица: где родился, там и пригодился...

Дервиш сказал тихо: только на защиту отечества и на помощь страждущему вопиющему раненому болезному надо уходить от родного дома! только!..
Тогда не будет на земле страшной разрывчивой непереносимой истомы разлуки, непобедимой слезной печали прощанья... да...
А в каждой разлуке а в каждом прощанье есть тень странницы-смерти...
Будьте прокляты все вокзалы и все караван-сараи! и все гостиницы придорожные и все далекие дороги! и все сатанинские аэропорты!
Ай человек двуногий! куда куда зачем несешься струишься на высоте десяти километров над родным домом? птица ты что ли? Аллах дал тебе крылья что ли, а не земные краткие ноги?..

Ах будьте прокляты те слепцы, которые хотят усадить все человечество в один кочевой туристический автобус! такой автобус двигается только в пропасть ада!.. да...

И дервиш вечнопыльный вечнокочевой зарыдал на какой-то безымянной хладной забытой дороге между Москвой и Душанбе, где он некогда родился провился из лона материнского и откуда слепо ушел улетел бежал прельщенный соблазненный лазоревой дорогой...

О Господь! И я избился истерся о дороги пыльные текучие твои

И что же остался одинок как камень в ночи
О Господь! Лучше бы я родился безногим и прожил бы тихую безвестную жизнь мою на крыше саманной смарагдовой хрустальной кибитки моей
И тут сладостно и забвенно бы плыл грезил курил бы задумчивый крылатый аметистовый бархатный парчовый шелковый святобредовый целительный мак мак мак... маа-раа...аааaа
И только любовался наслаждался бы дымчатыми лазоревыми малахитовыми необъятными орлами да грифами ягнятниками, вечно витающими над моими колыбельными материнскими маковыми горами хиссарскими, недвижно стоящими на струях небесных безмолвно парящими свято свято свято

И никого никого бы не видел я в жизни не знал не слыхал, кроме этих блаженных купающихся в лазури струящихся маковых накурившихся птиц птиц птиц необъятных

Ойяяяйхххххаааааа...
1996

Великая любовь

Дервиш сказал:

– С самого детства с колыбельного травянистого душанбинского дворика-хавли я жадно бездонно полюбил всех встречных людей... всех! всех!
Льнул ко всем коленям как брошенный щенок что ли? Иль в каждом муже видел искал отца а в каждой жене матушку свою родную?

Потом в долгих днях жизни моей стал я любить мать свою и отца своего и братьев и сестер и друзей своих
Потом пришла испепеляющая самозабвенная самотленная любовь страсть к девам и женам многим
И эта долго мучила и терзала и иссушала меня и заставила забыть о любви ко всем человекам
А потом пришла тиховеющая любовь к детям и внукам моим
И опять я забыл о великой единственной любви ко всем человекам на земле

Но вот смерть приблизилась ко мне и вновь как звездное бездонное небо августа серпеня открылась мне вновь та великая любовь ко всем людям
Которая пришла ко мне в детстве моем в весеннем травянистом дворике-хавли моем
О Господь! Как долог был путь мой чрез тысячи высокоострых душетленных заборов
Как мудр я был в дворике-хавли том! том! том
И вот пустынный блаженный вернулся... в дворик тот... да нет там никого... Ойооооо!..
Только! Ты! Господь!
1998

Пророчества

– Дервиш ты знаешь сроки? ты знаешь пророчества?..

...Только Господь знает а человеку не дано...

...Когда погибнет Запад?
Когда погибнет Восток?..

Дервиш перекрестился и сказал:
– Запад погибнет когда пропасть между Ветхим Заветом
и Новым Заветом станет великой и в ней изойдут истребятся западные народы

Дервиш взмолился и сказал:
– Восток погибнет когда Китай выйдет прольется чрез Великую Китайскую Стену
1998

Песчаный верблюд

Однажды караван Пророка – да будет с Ним милость Аллаха! – заблудился в самуме-асыфе в пустыне Сахро-Са-харе бушующей разрывающейся расплескавшейся необъятно неоглядно

Много дней слепо и голодно и темно блуждали в разъяренной пустыне Пророк и святые спутники-асхабы его и верблюды его

Тогда Пророк приказал зарезать верблюда-вожака чтобы мясом его густым напитать поникших спутников своих а кровью напоить уста их солончаковые иссохшиеся

Когда разрезали разрушили развалили разъяли верблюда не нашли в нем ни внутренностей ни крови ни мяса ни костей а один сплошной кипучий непролазный горячий песок
Верблюд был весь сложен слеплен из песка и песок верблюда просыпался в неоглядный песок пустыни и не осталось верблюда и следа его
Словно песочные часы просыпался верблюд и стал пустыней

Спутники Пророка содрогнулись ужаснулись но Пророк сказал:
– Как этот святой верблюд – допотопный корабль ковчег пустыни – состоял из одного песка – так святой истинный человек состоит из одной молитвы! да!
Аллах Акбар! Аллах велик!

И караван единодушно взмолился в пустыне

Тут чрез пески секущие явились провились пробились сотворились косые слезные костры и колодцы спасительного оазиса...
1998

Три цивилизации

У дервиша Ходжи Зульфикара спросили, когда он печально летел на бешеном самолете, а потом мчался на столь же бешеной машине:
– Дервиш, ты любишь XX век? ты любишь Цивилизацию Запада? Цивилизацию бешено несущихся крыл и колес? и визг бесчеловечных моторов?

Он сказал:
– Я люблю родную древнюю пыльную верблюжью Азью мою.
Когда я бреду пешком по тропе в соседний кишлак – то это любимая мной Пешая Цивилизация... Сладкая!
Когда я еду трясусь в далекий кишлак на ветхом осле моем – то это Ослиная Цивилизация... Утомительная! (куда? зачем стремлюсь на четырех ослиных ногах, когда Аллах дал мне две мои?..)
Но есть! есть Третья Азиатская Цивилизация – возлюбленная моя: когда я лежу на речной траве и дремлю, а чудится людям, что это мудрец размышляет о вселенной... но нет ни одной мысли в голове веющей блаженной моей, а есть в голове только река и камень у реки...

И это Третья Возлежащая Цивилизация – возлюбленная моя... Когда мне даже две ноги скучны и не нужны?

И какие тут сатанинские колеса? крылья? моторы? даже во рту горько тошно от слов этих, как от вчерашнего прогорклого табака-насвая...
1997

Самые отдаленные области ада

Сказано мудрецами о великих грешниках: «И их сослали в самые отдаленные области ада!..»
О, значит и у ада есть свои дикие области? и у ада есть свой ад?

Но чудится мне что самые отдаленные области ада уже близки!! уже граничат с дуновеньем райских рощ! садов! лесов!.. И самое страшное мученье в аду – это слышать дыханье дуновенье Райских рощ средь мглистого смрадного духа адовых топей и болот?

Поэт и роза

Дервиш оказал:
– Если цветущую розу сильно смять сдавить – она утратит упустит пленительный аромат свой и будет пахнуть отдавать обычной скучной сырой бедной землистой травой... увы! увы...
Так и поэт одержимый объятый удавленный утесненный земной суетой
В молитве сказано: «Омрачихся аз умом в страстех житейских...»

...Чаще повторяй эти спасительные слова... да! да! да...

Моль

Весной дервиш смертно заболел занемог загробно опечалился озаботился, ибо всю жизнь говорил о смерти и готовился к смерти, но так и не был готов, как пловец, плывущий посреди реки, все думает о береге, но так и тонет средь стремнины...
Но дервиш улыбался и сказал:
– Весной я всегда шел к птицам поющим и талым травяным глиняным ручьям святогонным курчавохрустальным
А нынче радуюсь полету жемчужной мучнистой моли над дряхлым одеялом моим
Моль! Последняя земная подруга птица жемчужная моя! и куда? куда? куда? но ты остаешься а я? а я?..

Почему погиб Великий Шелковый Путь?..

– О дервиш Ходжа Зульфикар! Почему погиб Великий Шелковый Путь? Почему Всемогущий Аллах засыпал его бездонным безоглядным песком? Почему только верблюжьи колючки остались от верблюдов?..

Дервиш улыбнулся и шепнул:
– Великий Шелковый Путь – это путь купцов! это путь хитроумных обманных караванов... Тут прошли миллионы купцов и караванов торговых! И где нынче их товары?
Где имя хоть одного купца?

Всенеобъятный Аллах устал от криков торговцев и алчных купцов! И тогда Всемогущий засыпал Великий Шелковый Путь несметным песком забвенья и на месте кишащих базаров поставил глухую верблюжью колючку тандым саксаул солончак!.. да!..

Потом дервиш сказал:
– О человек! если ты все время будешь говорить и думать о наживе о торговле о деньгах о бизнесе – Всевидящий Аллах в мгновенье засыплет тебя песком забвенья, если Он превратил в песок и тлен и колючку Великий Шелковый Путь...
И никто не узнает алчного имени твоего и могилы твоей...
Айя!..
1999

Гоги ХАРАБАДЗЕ

«31-го марта 2003 года звезде девятой величины в созвездии Рака присвоено имя грузинского актера Георгия Харабадзе», – сообщает «Всемирный Каталог небесных тел».

А звездный путь начинался так:

В возрасте 21 года – первая главная роль в спектакле Георгия Кавтарадзе и Роберта Стуруа на сцене театра Руставели…

Через год – кинодебют в фильме Отара Иоселиани «Листопад»...

Затем около семидесяти ролей на сцене театра Шота Руставели и около двадцати пяти – в кинофильмах...

Звание народного артиста, Государственная премия и Премия имени Клдиашвили...

Затем создание «Телетеатра одного актера» – озвучивание грузинских классиков с телеэкранов, и самая почетная национальная награда – Премия имени Шота Руставели...

И вдруг, в возрасте пятидесяти лет, в расцвете творческих сил – уход из театра без лишних слов и комментариев, ставший для всех необъяснимой тайной...

Затем основание нового театра, на сцену которого так и не ступила его нога... Ныне популярный «Театральный Подвал» передал молодежи, а сам, с высочайшего благословления Ильи II, впервые в христианском мире создал свою версию Нового Завета, оживил образы четырех Евангелистов...

А тут и новый век пожаловал…

«В предыдущем веке был актером – передавал чужие мысли, в новом – предпочел записывать свои», – скажет Георгий Харабадзе, и представит на суд читателей пять книг, пять необыкновенных «синтаксических» спектаклей.

Его появление в литературе было таким же «шумным и яростным», каким, когда-то в театре и в кино...

Человек рядом...[1]

Сегодня...

Когда нужно было плечо – чтобы опереться, грудь – чтобы поплакаться, слушатель – чтобы похвастаться, ценитель – чтобы понравиться, он был рядом!

Когда нужен был пример достойного поступка, был поступок, и не один, Юрия Роста. Был его крик, во время депортации грузин из Москвы: «Я – грузин!» – дошедший до нас и потрясший каждого.

Когда нужно было веское алиби против несправедливости – была его камера, была фотожизнь, фотоистория, созданная мэтром.

Когда нужен был кров над головой – были ключи от его квартиры в Москве, где мы собирались, кутили, говорили по душам, прожигали жизнь...

«Отец – нет, Брат – нет, сын – нет, друг – нет, что-то общее и немного больше, короче, родной человек». Так начинается книга «Я и Юра», написанная мною до и после русско-грузинской августовской войны. Это повесть о почти сорокалетней жизни двух товарищей, которая переплетена с судьбами их стран.

Есть там одна печальная глава – «Последний русский». Я Юру прозвал так, Роста. Зачем? Да затем, что, прибыв из Лондона в Тбилиси на собственном мотоцикле, он оказался последним, кого из русских с открытой душой, любовью и песнопением проводили грузины. (Близких не считаю, конечно, ибо наша любовь не остынет, пока мы есть...)

Это случилось 8 августа 2008 года.

В ту ночь началась война...

1 Опубликовано к юбилею Юрия Роста в:«Новая газета» 12 от 6 Февраля 200 г.: Рост 0, 0 (http: www. novayagazeta.ru data 200 012 11.html)

Вчера

Сама по себе эта история может особо увлекательной и не показаться, но вот фотографии, побывавшие в выставочных залах почти всего мира, навели меня на мысль, что стоит вспомнить о том, где и как они появились на свет.

Что значило в советские семидесятые попасть в гостиницу, надеюсь, еще кое-кто помнит.

Без «знакомств» и взяток – гиблое дело. О том, чтобы пригласить в гости женщину, не могло быть и речи. Даже родную мать, без пропуска и паспорта не впустили бы.

Среди множества других выделялись элитарные гостиницы. Двери от простых граждан бдительно охранялись швейцарами, подходить к ним без пропуска или денег не имело смысла.

Ленинградская «Астория» была в их авангарде.

Чтобы понять суть того, что произошло, обязательно надо представить, как выглядели мы с Юрой.

На мне – с трудом добытая дубленка, на голове – этакая «шапка Мономаха» – реквизит из моего Театра Руставели. Одним словом, кто ни посмотрит – если и не царь какой-нибудь, то «важная персона» – это уж точно!

А наш Юра!

В очках, в надвинутой по самые уши вязаной шапочке (из тех, что надевают во время Jogging-а) и в ватнике (которые мы обычно называли телогрейками)!

Прошлись мы в таком виде перед «Асторией»... Что? Даже рядом проходить не положено? На противоположной стороне – Исаакиевский собор, мы на него любуемся, почтенный! Это тоже воспрещается?

Улица совершенно безлюдна. Не видно ни прохожих, ни того самого пресловутого швейцара.

– Давай рискнем, – говорю Юре.

– Смысла нет. Выставят.

– Посмотрим.

– Ну, посмотрим, так посмотрим.

Приоткрываю огромную массивную дверь, и – вот он где, оказывается, – швейцар! В костюме, то есть в униформе. Важный такой, а тут вдруг растерялся. От моего вида растерялся. Как только я это понял, тут же еще больше приосанился и уверенно продолжил путь. За мной, так сказать, в тени моей особы, проскочил и Юра – на него даже внимания не обратили!

А там, внутри, и вправду оказалось очень красиво. Огромные старинные люстры, ковры, мебель. Мы опустились в тяжелые кресла. Да, хороша хорошая жизнь! Ну, а дальше что? Сидели, сидели... Я не выдержал и пошел в сторону администратора.

За стойкой, с головой погрузившись в чтение каких-то бумаг, сидела очаровательная девушка. Меня она даже не заметила. Бесшумно подошел Юра. Молча потянул за рукав, мол, пошли отсюда.

– Здравствуйте, – нарушил я молчание.

Знаете, что такое ноль? Так вот в ответ – ноль внимания.

– Здравствуйте, – повторяю, но уже настойчивей.

Теперь меня заметили. Девушка не спеша подняла глаза, очень внимательно оглядела нас, и не знаю, что она там увидела, но...

– Вам чего?

– Номер!

Шутить ведь не запрещено?

Застыла, будто окаменела, и – когда мы уже ждали: «милиция» или «вон отсюда» – вдруг:

– Какой?

– Как какой? – удивились мы.

– Да, да, какой – голубой или розовый?

В то время «голубой» еще не ассоциировался с геями! Поэтому:

– Голубой, – одновременно вскричали мы.

Очаровательное создание обернулось, взяло ключ и направилось к лестнице.

Впереди этот ангел, за ним – мы с Юрой. Мое сердце стучало как у космонавта, хотя говорят, что Гагарин перед взлетом был абсолютно спокоен...

Она подошла к большой красивой двери, вставила ключ, повернула, открыла и...

– Прошу!

Вот тогда я и подумал, что она или ненормальная, или специально в ловушку нас заманивает, чтобы легче арестовать было.

Вошли. Войти-то вошли, но куда?

Целых три комнаты. Стены столовой обиты голубыми шелковыми шпалерами (потому и номер «голубой»), старинная мебель, антикварный сервиз, хрусталь в «горке». На стенах – сплошь оригиналы. По одну сторону столовой – спальня, по другую – так называемый кабинет, два туалета, две ванны... Господи, как быть?

– Устраивает?

– Да... да, – оба вскричали одновременно.

– Цену знаете?

Ой... Кажется, пропали...

– Нет, – говорю.

– Девять рублей сутки! На сколько приехали?

Собрался было ответить, что «на всю жизнь», но Юра меня опередил:

– На недельку.

– Ну, тогда отдыхайте. – Она прикрыла за собой дверь и ушла.

Ну и каково это, а? Представители моего поколения и не поверят, не так ли? Вот и мы тогда также – никак не могли поверить. Но фотографии-то есть, вот же они!

Остались мы одни! Теперь необходимо было убедиться в том, что это реальность, а не какой-нибудь розыгрыш ...

Сидим. Ждем.

Кого? Не знаю...

Меня осенило: закажем что-нибудь и посмотрим, обслужат нас или нет? Хотел было попросить отутюжить наши брюки. Но когда посмотрел на Юрины, передумал...

Завтрак... Завтрак закажем!

Позвонили... Ответили...

– Из 219-го беспокоим, если не затруднит, завтрак, пожалуйста, в номер... Да... Нет, нас двое... Три сосиски, черный хлеб и бутылку лимонада. – Юра любит давать такие заказы.

Сидим. Ждем.

Кого?

Кого-то... Минут через десять раздался осторожный стук в дверь, и... в номере бесшумно возникли два официанта во фраках. В мельхиоровой «сервировке» закатили горячие сосиски, хлеб, горчицу и бутылку лимонада. Ну, тут такое началось... Скатерть разворачивают, ножи-вилки, высокие фужеры... Почти как на приеме у английской королевы...

Уходят.

– Деньги?

– Что вы... Вы же здесь?! Перед отъездом, все вместе, господа.

На Юре лица нет, да и я, кажется, не лучше. Поначалу с непривычки такое часто бывает, но потом... когда освоишься... так «освоишься», что могут и выселить ...Но до этого еще далеко...

На улице снегопад. Теперь уже хоть весь мир может рушиться. Вот когда я наконец понял Людовика XV (того самого, который наслаждался роскошью, в то время как его народ задыхался в нищете, почти как было в наше советское время) и его знаменитую фразу: «После нас хоть потоп».

Из этого окна – вид на Исаакиевский собор, из другого – на здание обкома, фасад которого украшают большие электронные часы. Отодвинул занавес – 13.10. Благодать!!!

Всех знакомых и незнакомых обзвонили, всех в гости пригласили. А как бы вы поступили на нашем месте?

В России – прекрасный обычай. В Грузии пригласишь гостя... дашь ему попробовать 3-4 сорта вина, предложишь выбрать... Пьешь за его здоровье – чествуешь... хвалишь... превозносишь... А уходит все равно недовольный и тебя же потом осуждает. А тут, в России, пригласишь... Приходят со своей водкой, пьют. Витиеватые тосты провозглашать не принято. Так, ничем не обеспокоив, и уходят.

Разве так не лучше?

Ну и вот, так мы и были, пока однажды утром, проснувшись с тяжелым похмельем, я не сказал:

– Не хочу больше в этом музее жить, давай, домой вернемся.

– Слава богу! Меня тоже от этих декораций уже мутит, но напоследок, давай, хоть одну фотографию на память отснимем...

Я приготовился к съемке – повернулся, не вставая с кровати.

– Нет, не так... Надень-ка свой бархатный костюм.

Лень было ужасно, но отказать я не смог. Надел. Юра в это время снял какую-то старинную вазу с мраморной «колонны»...

– Обопрись на это! Я облокотился на колонну.

– Сними туфли, а то в этой обстановке и в этом костюме ты похож на дегенерата.

В роли дегенерата фотографироваться не хотелось и я разулся... Он снимал и снимал... Затем перешли в спальню.

– Надень шапку и ложись...

– А так я на дегенерата не буду похож? В ответ – молчание.

Видите?.. Я именно так и поступил...

Затем оделись: я – свою дубленку накинул, а он – телогрейку.

Он улетел в Москву, а я – в Тбилиси.

Вам, наверное, интересно, почему нас выселили?

Да? А вот этого я вам рассказать не могу!

Завтра...

Твой день рождения. Если раньше не пускали в гостиницы, сегодня не пускают в саму страну, в Россию, не пускают.

Закрыты границы, посольства, нет виз, разрешения ехать к близким. Не положено! – говорят политики.

Но есть, оказывается, одна лазейка. Граждане России могут получить грузинскую визу, приехав к нам, прямо в аэропорту.

Так что, собери наших друзей, и летите...

Отметим день рождения здесь. Такой праздник устроим, что наш «Мравалжамиери» перекроет звон кремлевских колоколов...

Твой Брат **Гоги Харабадзе.**

Бахыт ГАФУ

Бахыт Гафуович Каирбеков.

Родился в г. Алма-Ате 23 февраля 1953 г. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького в 1975 г., Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР в 1989 г.

Поэт, сценарист, кинорежиссер.

Директор Телерадиокомплекса Президента Республики Казахстан.

Заслуженный деятель Республики Казахстан.

Лауреат премии Махамбета Утемисова.

Член Союза писателей Казахстана.

Член Союза кинематографистов Казахстана.

Академик Евразийской Телевизионной Академии (Россия, Москва).

Участник международных кинофестивалей в Дьере (Венгрия) и Тегеране (Иран).

Участник XXI международного кинофорума INPUT в Штудтгарте (Германия).

Дипломант I Международного телефорума «Содружество» (Москва, Россия).

Победитель Открытого форума российского телевидения «Лазурная звезда» (Сочи-99).

Обладатель специального приза V Евразийского телефорума «За вклад в образование единого культурно-просветительского пространства».

Лауреат премии фестиваля «Астана-Байтерек», 2005 г

Автор сценариев документальных фильмов: «Послание настоящему» – студия «Катарсис», реж. А. Широков, 1991; «Страсти дилетанта» – студия «Параллель», реж. Г. Ройтман, 1994; «Путь истины» («Абай») – видеофильм, реж. А. Головинский, 1995; «Колючая нежность» – «Казахтелефильм», реж. Ю. Монышев, 1995; «Сердце мое» - видео, ТРК ПРК, реж. Г. Омарова, 1998; «Небесный дар» – видео, ТРК ПРК, реж. Р. Альпиев, 1998; «Священный Туркестан», видео, «Хан Тенгри», реж. А. Бапишев, 2001; «Центральный нападающий», видео, «Хабар», реж. А. Ерназаров, 2001.

Автор научно-популярного сериала «Обычаи и традиции казахов». Фильмы сериала рассказывают о символике ритуалов и обрядов, сопровождающих степного кочевника с момента его рождения до последнего часа – ухода в мир иной. «Вслед за травой» , «Священный порог», «Небесный дар», «Сундет», «Клятва», «Свидание», «Узы», «Путь жертвы», «Возвращение в лоно Неба».

(Фото Н. Постникова)

Материалы, присланные членом редакционного совета журнала «Мегалог» Улданай Максутовной Бахтикиреевой, редакционная коллегия решила оставить без изменений.

Из письма Бахыта Каирбекова:

«Улданай, вот новые стихи для налаживания мостов.

Мы с Гулей встретили Новый год на острове Хайнань (Китай), отсюда и тема – в основном морская.

Фрагменты моего дневника

31 декабря 2007

Бог не сразу создал человека. Попытки его – поиски формы – первые опыты – рассыпаны в природе. Один из примеров – жемчуг и жень-шень. Встречаются крупные жемчужины в форме человеческой головы, а корень жень-шеня явно похож на строение человеческого тела. Та же обезьяна – самая похожая и самая неудачная копия человека. Неудача Бога.

Дары моря и морские существа – прототипы Божественной комедии, ибо все мы вышли из моря.

Море учит видеть (смотреть на) мир сквозь призму (толщу) воды как сквозь время. Жемчужина – застывший зрачок, который забыл, как это можно моргать, ибо смотрел века.

Тот, кто видел многое, обретает прозрачность души (тела, плоти), которая озаряет светом лица взирающих (через века – сквозь его биографию, выраженную в афоризмах живописи – все виды искусства). Это и есть память жемчужины (духовной работы личности), ведь жемчужина встречается не в каждой раковине!

6 января

Виды Хайнаня

Иероглифы окон не прочитать
И вязь стволов свивается в загадку.
За декорацией цветов – всё та же тишь да гладь
С времён тех давних – самокатных.

Рвет флаги ветер зло – корсар лихой,
Но солнце реет здесь круглогодично.
И потому я здесь – что тоже символично! –
Пустышкой, залетевшей в мир чужой.

1**2 января**

* * *

Обнимая,
Отдавая
Силы все своей души,
Ты, как Древо,
Обновляешь
Каждый лист...
И ты – дрожишь
От удара встречной силы,
От сиянья глаз родных!..
Обними меня, мой милый!
Пусть сольются наши сны!

21 февраля

Накануне

Подкрался снегопад – наш местный Аристотель –
Он приглашает в сад – в туман и снежный рой,
Он любит говорить о вечном, о природе,
Чтоб подарить тебе младенческий покой.

Как отказать ему – философу, аскету –
Что, отрицая краски, вновь утверждает их,
Как он умеет молча преподать ответы,
Подсказывая сердцу твой сокровенный стих.

Стих о любви – загадочной синице,
Что будучи в руке дороже журавля,
А мы, слепые, вновь душой к мечте стремимся,
А счастье, как беда, под боком у меня.

Увы тебе, премудрый снегопад,
Сугробами не скроешь всех соблазнов,
Разбудит утро новые проказы -
Снежинок шаловливых дерзкий взгляд!

* * *

Я памятники чту – гранит и полировку
И цифр строгий ряд, где скромненький дефис
Не позволяет им обычной рокировки
И кажется незыблемым придуманный девиз.

Читайте эпитафии – в них мудрость поколений,
Мне кажется, я в них с рождения увяз...
И до сих пор со мной живут великих тени,
А сердце жаждет чуда, дурачества, проказ!

И потому леплю я снег благоговейно
Под бормотанье неба колдую, мир творя,
Мечту, как рюмку старого портвейна,
Подымет мой балбал за бренность января.

5 марта

* * *

Деньги – вот уж как непостоянны!
Норовят исчезнуть, ускользнуть,
Стоит вам уснуть от счастья пьяным,
А деньжат-девчонок больше не вернуть.

С ними весело, покойно и уютно,
С ними кажется, мир сам к тебе весь льнет!
Счастье дышит капелькою ртутной,
Но вздохнул, – вмиг змейкой ускользнет.

Как их удержать – задорных, быстрых -
Превращающихся в пепел, в дым?!
В ночь, как в пропасть, улетают искры...
Не хочу быть нищим и скупым!

28-29 марта

* * *

Капризный март вдруг обозначил
Лекала девичьих фигур,
Но верю: для меня заначил
Стрелу последнюю Амур.

И я влюбляюсь в яркий мир
Нежнейших тканей первоцвета,
Я – дерзок, молод, я – сатир!
Я жажду ласкового лета!

... подснежник нежный, сильный, страстный,
Истерзан зимнею тоской,
Как неба глаз – огромный, ясный
Влечет в космический покой.

31 марта

С этого стихотворения начинается моя работа над фотоальбомом – результатом (помимо видео) нашей экспедиции. Интересно будет потом сопоставить с фото – могут ли эти стиоподписи существовать отдельно?

* * *

Судьба хлестнула пеной злой, –
Как солона волна!
Отхлынуло...
Ан, нет, –
Осталась седина.
Зима.
Уже зима.

2 апреля

Решил доработать стих и получилось вот что...

Откровение подснежника

Я – нежность – жало потаенной страсти,
Убит почти морозною тоской,
Но неба глаз – огромный, ясный
Впивается в меня всей синевой...

... космический покой!

5 апреля

Подпись к картине А. Фаткулиной

Уловление солнца – удел изумленных,
Вечно юных, читающих буквы земли...
Камень, талой водой облученный,
Превращается в дым, что с мечтою так слит.

* * *

Изломы ночного бденья,
Увы, отражают суть
Угрюмого сожаленья,
Что прошлого не вернуть.

Но можно потратить время
На созерцание лиц,
На то, что душою внемлешь,
К чему припадаешь ниц.

И коленопреклоненный,
Ты знаешь: есть мир любви,
И только всегда влюбленный,
Ты знаешь, как мир велик!

* * *

Каждый день ты готовишься к смерти,
Обставляя декором каждый свой сон,
Каждый раз с удивленьем пытаясь измерить
Счастья миг – долговечен ли он?!

15 апреля

Сны весной

Как быстро сгорают тюльпаны
В весенние краткие дни!
Их дивно-зеленые станы
Мои толстостенные сны
Пылающей негой пронзали,
О, меткие стрелы весны!

И страстью прожженная память
Ответно вдруг к небу взмывала,
Как самое первое пламя,
Что в сердце давно отпылало,
Так быстро, как эти тюльпаны,
Как эти весенние дни...

А ты?
Ты меня вспоминала?
Проснувшись от жара в ночи?

24 апреля

* * *

О, Времени бессмысленный рассказ!
Тебя послушать – всё не бесконечно.
Ты равнодушно обнимаешь нас,
А мы тебе опять даруем Вечность.

Шакпак-ата

Пещеры – указатели пути.
В какую бы ни вошел, –
Ты найдешь родину своей души….
Если пришло время.

3 мая

Стихотворение к альбому Н.Постникова «Внутренним взором» (фото «Курильщик»). (Николай Постников и Бахыт Каирбеков выпустили роскошное издание «Внутренним взором: Казахстан глазами поэта и фотографа», который стал результатом их совместных путешествий по стране).

* * *

Морщинки – тропинки лица.
Я в них погружаюсь охотно...
Как ноты читаю с листа:
Чем глубже – тем больше заботы.

Чем глубже – тем драма сильней!
Но есть и морщинки-лучинки...
Бывала и жизнь веселей,
И небо казалось с овчинку.

Морщинки – тропинки лица –
Как кольца могучего древа!

Читаю как ноты с листа
Знакомого с детства напева...

6 мая

Алтайская притча

Обнаженьем не тела, но сути –
Вдруг вершины становится стать,
И тогда очарованный путник
Сам себе может облаком стать.

Окруженный величием мира
У порога космических лет
Взглянет – мудрый – глазами кумира
На пунктиром оставленный след

И поймет свою немощь и малость,
Но взгордится: как много сумел!
И водицей серебряной, талой,
Возвратится в свой малый удел.

Белуха
Алмазным резцом на скрижалях небесных
Пишешь ты – уж который век! –
Свои чистые ясные вести...

Но не знает, увы, человек,
Как прочесть их...

Ни крыльев, ни лестниц –
Как подняться до истин твоих?

20 мая

Стихи к фотографиям Н.Постникова (альбом «Внутренним взором»).

* * *

На изломе смерти и рожденья
До и после Слова
Тишина.

* * *

Шаль, сотканная ветром...
Паутина...
Нет, – обнаженный жадный мозг –
Всё – вся – весь мир объять-услышать
За миг до гибели Земли!

* * *

Движенье кисти...
Крупными мазками
Рисует море –
Чей автопортрет?
Изрезан берег
Волнами – веками.
Рисует море...
Вот уж сколько лет!

* * *

В утробе камня
Чей зародыш жаждет
Увидеть мир?
А мир вокруг кипит,
Волнуется:
Ему ведь важно
Не прозевать великий этот миг!

25 мая

Прелесть пасторали

Рассыпанный на звенья долгий день
Мне не собрать... – вот в чем отрада!
Пастух, укрывшись в сладостную тень,
Так позабыл о том, куда девалось стадо.

26 мая

Как стать поэтом
Сойти с ума!
Влюбиться в жизнь, как в вечность,
Которую прервать – пустяк...
И потому страдать
От близости того,
Кто так остроконечно
Пронзает сердце,
Заставляя ждать...
Июнь?

* * *

Тамаре Мадзигон

Порывистый ветер – прохладный, желанный –
И солнечный берег у кромки воды...
Как это забудет душа – вечный странник!
Я знаю: такою приснишься мне ты.

И я, словно парус – увижу улыбку,
Твои озаренные морем глаза...
Судьба совершила большую ошибку,
Увы, но исправить ошибку нельзя.

12 июня

Подпись к фото с верблюдом для альбома Н. Постникова.

Несколько слов о моем «скакуне»

Высокомерен вид его, но нежен взгляд,
Как будто грузен, но летит стрелой
На зов хозяина, он ласке, как ребенок рад,
Он, как скала, мой друг и летом и зимой.
Ему такая верность по плечу,
Терпение тая в своих горбах,
Он учит дружбе нас...
А я его учу
В байге невиданной лететь на парусах!

25 июня

Хан-Тенгри

К Тебе иду...
Как к Богу обратиться?
Всевышний,
Не прошу!
Хочу всего лишь знать:
Всевидящий,
Зачем душа томится?..
За что,
Всемилостливый,
Мне
Такая благодать?!

9 июля

* * *

Как хлеб пекут желанный по ночам,
Чтобы успеть к восходу Солнца,
Я о душе пекусь и отдаюсь стихам,
Чтобы успеть к восходу солнца.

К восходу Жизни, восходящей в вас,
Она восходит в лучшие мгновенья,
Когда душа и тело как единый глаз
Всевидящий – смолкают в восхищеньи!

Смолкают все желанья, все мечты,
Рождая мир безмерный, безупречный,
Когда ты Бог – то, что желаешь ты!
Когда ты сам – Вселенная и Вечность.

29 августа

* * *

Как многое из жизни постоянной
Становится твоим, и проживаешь ты
Как легкое целительное пьянство –
Подслушанные страсти и мечты.

Наркотик, – не дурман – но сладкий хмель,
Как первых книг великий древний опыт,
Чужая жизнь – чужая канитель –
Желанный ребус – полуночный шепот.

Чужим живя, не помнишь о своем,
И вдруг, как дождь холодный, озаряет:
А тот, кто жил твоею страстью – он
Неужто о себе, как я, так мало знает...

28 августа

Жизнь

Жизнь – не возраст, лет отмеренный итог.
Рой мгновений, нежная туманность...
Ни сомнений, ни корысти, ни обмана –
Выдох – грусть, и счастья полный вдох.

Жизнь – дыханье паутины тонкой
Бабьим летом обогретое с утра...
Ласка вдруг любимой полусонной –
Так доверчива признания рука.

Запах тельца детского, пушистый
Как ковыли нежный волосок...
Взгляд отца – сквозь сумрак мглистый
Как последний выдох или вздрог.

Жизнь – мгновенье, прожитое с другом,
Совпаденье мыслей, озаренье душ.
Проволока, долгая разлука,
Памяти немереная сушь.

Одолею я твое пространство,
Но не кончится души незримый путь...

Жизнь – ты звезд великих постоянство,
Суть твоя – биение и луч.

2 сентября

Приступил к работе над альбомом «Мангистау».

* * *

Я смотрю в океан, как в экран,
Сколько времени надо, чтоб это увидеть,
Как вода, уступая лучам и горам,
Покидает свою обитель.

Кто-то видит всего лишь название,
Море, озеро – но видишь ли ты,
Это божье, увы, наказание, -
Испаряющиеся следы.

Посмотри, это только мгновение –
Только сердцем смотри – поколенья отцов
Пусть помогут тебе! Вдохновение
Пусть даруют тебе паруса облаков!

3 сентября

Мангистау

Света на краю – конец или начало?
Зеркало истории земли.
Время узнавания настало –
Дай вглядеться в письмена твои!

9 сентября

Мой конь

Я доверюсь ему одному –
Верный конь – словно кожа моя,
Слов не зная, он душу мою
Понимает и любит меня.

Он не знает измены, обид не таит,
Как близнец – повторяет меня,
Краткий сон нас на миг разлучит,
Разлучит ли, тревог не тая.

Мы кочуем, ступая в спор
С ветром, с ливнем, с дыханием гор.
Я не помню: с каких давних пор
Измеряем с ним вечный простор.

Я не помню, не помнит и он,
Это ль важно в долгом пути?
Подари мне, мой Бог, удивительный сон:
Миг, в который мы б вместе ушли.

25 сентября

У самого синего моря

На безмолвных страницах Истории
Мы, как волны последнего моря...
Спросишь эхо: кто ты? Где ты?
Я отвечу: мы – массагеты...

Мы почитали Богом Солнце!
В этом мире убогом – Солнце
Самый быстрый на свете Бог!

Рыжий конь – как огонь – в небо рвется,
Садаха! – Солнцем пусть обернется,
Аргамак, твой последний вздох![1]

Снег в пустыне

Соль земли это? Пены клок?
Облака приземлились разом?
Нет – подарок зимы – этот сказочный мох,
Не объять его даже глазом!

Это снег! Это снег! Это – снег!
Громогласное ржанье коней
И безудержный радостный бег
Среди чистых как юность полей!

Хрусткий плен паутины хрупкой...
Вдох и выдох – так слышно всё!
Воздух, взбитый в невидимой ступе,
Кумысом тебя с ног собьет.

Упадешь в сугроб, словно в сон,
Сердце в сладкой истоме застынет,
Вот бы так – да в райский полон! –
Стать такой же морозной пылью...

* * *

Ковра орнамент – карта, долгий путь
Кочевий, уходящих в бесконечность,
Узор пытается их оберечь и обернуть,
Вглядись в ковер – перед тобою Вечность.

Вглядись и ты увидишь мир былой,
Точнее, вечный, то не фотография,
Мерцает красками портрет красы земной,
Ты видишь все слои веков – живая география.

Молитвы, заклинания не в счет,
Здесь смех и слезы, – всё одно – ручей.
Живой в живом себя счастливо узнает –
Квадрат иль круг – ты сердце тех лучей.

Премудростей ни слова не прочтешь,
Но сколько здесь загадочных открытий!
И ты однажды в этот мир придешь –
Ведь это о тебе мне возвестили нити.

26 сентября

* * *

Слезы радости или печали –
Мы не видим порою их,
Кратковременны изначально –
Как японский короткий стих

А зима помогла так морю,
Уловив излияние слез,
Слезы радости, но не горя –
Демонстрирует нам мороз.

И органными трубами льдинок
Переливом сосулек-зеркал
Полуостров поет на диво! –
Как прекрасен его вокал...

В синем море как в поднебесье
Слез летящий фейерверк,
Я впервые увидел песню –
Так не сможет спеть человек!

[1] «Единственный Бог, которого они почитают, это солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете».
Геродот «История»

2 октября

Дополняю стихами альбом «Мангистау» по просьбе Эльдара (издателя).

* * *

Лагун причудливых неутоленные объятья,
Оконца скал – неутоленные глаза,
Мне чудится старинное заклятье,
Что прозвучало здесь немало лет назад.

Кто здесь кого обидел, не простил?
Кто здесь кого безжалостно покинул?
Какой художник здесь к творению остыл,
Оставив миру чудную картину?

* * *

Окаменевший берег не молчит,
Кричат изрезанные болью скалы,
Зеленоглазые лакуны льют ручьи
По-вдовьи молча, неустанно.
Лишь чайки знают тайну той разлуки,
Здесь край земли – за далью рай богов,
Я вижу в небо вскинутые руки,
Я слышу здесь любви бессмертной зов.

* * *

Раскинут берег в ожиданьи встречи,
Раскинув руки – так идут к мечте,
И слезы счастья льют – так душу лечат,
Прижавшись грудью к вечной красоте.

Так всей душой ты принимаешь счастье,
Так пьешь всем горлом жизни сладкий миг!

Как горько океана быть забытой частью...
С кем говорить, коль твой забыт язык...

* * *

Живое дерево на каменном кладбище –
Живой свидетель чуда и ручей
Божественной водой, – нет, пищей
Душе послужит измочаленной моей.

И я в другое загляну оконце,
Что смотрит в небо каждый божий день,
И мне не лень отныне солнцу
Читать псалмы, обожествляя тень.

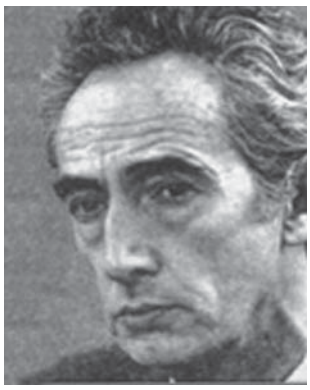
* * *

Укладываю камни и раствором
Мне будет вечная печаль моя,
Что вновь себе кажусь я вором,
Я жив, но где, увы, моя родня?

Над куполами мавзолеев реет мир,
В котором различаю чьи-то тени,
Без них я был бы наг и сир...
О, мертвый город, мир отдохновений!

А эта фраза родилась в банкетном зале, когда я попросил у кого-то ручку и записал на клочке бумаги – так сказать, первая реакция на лекции по билингвизму: «Преобразовывать знаки препинания в знаки ораторские, ведь орфография – не диктат диктата, но живопись букв, превращающие поток слов в стихи и молитвы».

Нальбий КУЁК
(1938-2007)



Его уже нет среди нас…. Но он оставил яркий след в истории северокавказских литератур, приобщив их к лучшим художественно-эстетическим завоеваниям мировой литературы. Его душа была навсегда очарована адыгским народом, и все его творчество – гимн во славу этого народа, его культуры, его мировидения, мироощущения.

Поэт, писатель, драматург, автор нескольких десятков книг и поэтических сборников, опубликованных в Майкопе, Краснодаре, Киеве, Москве, Праге, Н. Куёк обладал талантливым удивительно многогранным литературным дарованием и при этом сохранял сугубо индивидуальную творческую манеру. Его проза развивалась в русле литературного направления, известного в мировой литературе как «магический реализм», а его роман «Вино мертвых» – поистине новый эпос адыгов, вполне сопоставимый с романом Г. Маркеса «Сто лет одиночества», признанного современной критикой одним из лучших достижений мировой романистики XX в.

Повесть «Превосходный конь Бечкан» – первая из эпики Н. Куёка, но уже в ней отмечается неповторимый куёковский стиль, сочетающий в себе миф и реальность, сиюминутное и вечное, сугубо национальное мировидение и вселенское, планетарное мышление. Уже здесь присутствует особая поэтическая стихия, мощный мифопоэтический пласт, сочетание и причудливое переплетение реалистического и мифопоэтического начал, столь характерных для магического реализма. Эта повесть, как впрочем, и все его творчество, ориентирована прежде всего на постижение сердцем, а не разумом. Подтверждением тому страстный призыв из предисловия к другой повести Н. Куека «Черная гора»:

Приходящий – яви нам Душу,
Уходящий – оставь свой Свет!

Нальбий Куек был и остается одним из самых ярких, глубоких и одновременно загадочных, не раскрытых явлений не только адыгейской, но и всей северокавказской литературы. И думается, что будущие потомки еще скажут о нем свое слово. Но одно вполне очевидно: свет его души еще долго будет светить адыгскому миру, которому был преданным сыном и так беззаветно любил...

Кутас Паранук – литературовед,
доктор филологических наук, профессор
Адыгейского государственного университета.

Превосходный конь Бечкан

Повесть

Всей статью и каждым участком своего тела Бечкан[1] напоминал мать: шея оленья, грудь широкая, спина с ровным изящным изгибом, круп достаточно выраженный, свободно висящий длинный и густой хвост, круглые маленькие копыта, словно вонзенные в землю. Первое, что запоминалось при взгляде на него – это затаенная в прекрасном теле сила, которая с упругой стремительностью может сорвать его с места и унести прочь.

Бечкан знал, что он красивый. Впервые он подумал об этом, когда ему исполнилось два года.

Когда летний дождик начался, мать Бечкана заволновалась, посмотрела в его сторону, громко всхрапнула, тряхнула гривой, ровной волной стекающей по правую сторону шеи и спокойно

[1] Бечкан и абекуш – древние породы адыгских лошадей. В повести – Бечкан и Абекуш употребляются и как имена собственные, и как породы лошадей.

направилась к деревьям на краю поляны, на ходу продолжая выщипывать сочную траву. Бечкан знал, что означает поведение матери, он должен был последовать за ней.

Налетевший ветерок донес до нее разнообразные запахи из леса, в которых он различил и горячие потоки от каменистых склонов берегов близко протекающей речки. От этих запахов, от усиливающегося ветра и глухо зашумевшего леса затрепетали черные ноздри Бечкана, навострились уши и вздрогнули и напряглись мышцы тела. Бечкан стоял в густой траве, высоко держа голову и глядя вслед матери. Абекуш остановилась и тихо заржала. В этом спокойном голосе не было ни страха, ни тревоги, просто мать звала своего ребенка, зная, что он по привычке подбежит к ней и встанет рядом, бок о бок.

Но Бечкан не тронулся с места. Дождь полил вовсю, исчезли запахи, ветер умчался в лес. Слышен был только веселый звонкий звук дождя, теплого и приятного.

Бечкан впервые так четко ощутил себя всего. Он был частью этой нахлынувшей воды, легкого движения воздуха вокруг него, оживших и засверкавших трав и от всего этого что-то приятное и возбуждающее возникало в нем. Он с нежностью ощущал себя, когда порывистые дуновения воздуха охватывали его красивую точеную голову, стекали по шее, шевеля гривой, и расширяясь по гладкой спине, разбегались по всему телу.

Эти запахи и звуки, теплый, звенящий дождь и мягкие, упругие порывы порхающего воздуха сорвали с места Бечкана. Он встряхивал гривой, резко выгибал шею и чувствовал, как сзади волнуются высокие травы, с которых его копыта сбивали серебристые капли, через проемы быстро тающих туч прорвались лучи солнца, пробежались золотой россыпью по ближним деревьям, догнали Бечкана, заиграли на его гриве и мокрой шерсти, звуки копыт, приглушенные влажной почвой, то отставали, то снова догоняли резвящееся молодое животное. Вот Бечкан остановился, как вкопанный, и все вокруг него тоже остановилось и замерло: и лучи солнца, и травы, и звуки, и запахи, снова появились тени. Он стоит, словно проверяя мир вокруг себя и играя с ним, и как бы примериваясь к нему. Да, мир и в неподвижности своей полон звуков, движения, запахов, цветов и света и можно все это запомнить и узнавать в любое время. Бечкан всхрапнул и тихо заржал, эти звуки тоже свободно влились в воздух и травы, он видел все и ничто не казалось ему чужим и не вызывало в нем неприятия или сомнения.

Бечкан снова поскакал по поляне, осыпая грудь, шею и живот солнечными брызгами, кружил, пробегал мимо своей матери, словно не замечая ее. Внезапно дождь усилился, вспыхнула молния, раздавшийся резкий протяжный грохот заставил его остановиться, все мышцы напряглись в нем, как бы сходясь в единый комок где-то внутри него, ноздри широко раскрылись, уши напряглись, черные глаза округлились. Первый раз отдельно от матери он оказался один на один с этим грохотом, удалявшимся с глухим рычанием, но оставался и в нем, тихо угасая и заставляя волноваться его кровь. Но он тронулся с места. Быстротечный летний дождь кончился, небо прояснилось, послышался шум реки. Не оглядываясь, Бечкан почувствовал, что мать сама подходит к нему. Она легонько толкнула его мордой, став между ним и краем обрывистого берега не замеченного Бечканом. Он послушно последовал за матерью. Через несколько минут шерсть на них стала высыхать и подниматься неровными клочками. Так бывает у породистых лошадей, они не красивы после дождя.

Впервые Бечкан впереди матери пересекал поляну, куда каждый день приходили все лето.

* * *

Вода успокаивает, лес тревожит. Река удлиняет мысли, заставляя следовать за своим бегом и приобщая тебя к своей, недоступной тебе открытой свободе и текучей энергии. В лесу какая-то смутно улавливаемая тревога постоянно висит над тобой. Лес не постоянен, звуки и голоса его, дыхание и движение воздуха, свет и тени в нем все время меняются незаметно для человека, не позволяя привыкнуть к нему до конца. Лес живет своей жизнью, человек видит только движения и слышит звуки, не в состоянии проникнуть дальше. Это мир, в который ты входишь, тотчас принимая его законы, в котором и дышишь, и слышишь уже по-другому и мысли текут по-другому, и это значит, что ты незаметно для себя стал приноравливаться к лесу и ходишь по нему, огибая кусты и деревья, мельком замечая движения теней, птиц и насекомых и тщетно пытаясь увидеть здесь все разом. Жизнь леса начинается в его корнях, а кто может увидеть их, а если и увидит, что он может понять?

Салих думал о лесе. Из восьмидесяти своих лет почти шестьдесят он прожил в лесу, многие звали его за глаза лесным человеком, он и сам знал, что ему в нем намного спокойнее и уютнее, чем с людьми. Но сегодня он находится здесь в последний раз, между ним и лесом возникло

какое-то отчуждение и от этого ему неловко. Он уйдет навсегда, но разве от этого лес почувствует потерю? Так или иначе, мы все живем в лесу, он порождает нас, он и изгоняет из себя или забывает о нас, чтобы продолжать свою бесконечную жизнь с другими, меняется и расширяется в мире, но всегда остается лесом – большим, непонятным, не позволяющим взглянуть на свою суть.

Салих знал, что, потеряв лес, ничего равного ему уже никогда не приобретет, просто он уйдет, чтобы не стать бессловесным деревом, беспомощным кустиком или старым загнивающим пнем. Надо идти.

Салиху стало холодно под намокшим одеялом, он хотел сбросить его, но побоялся, что, если пошевелится, то последние остатки тепла уйдут вместе с ним. Надо что-то делать, подумал он, надо идти. Там, за рекой и перевалом, продолжается мир, найдется и ему где-нибудь пристанище.

Лес колыхался и двигался над ним с шумом и тяжелым дыханием, словно хотел освободиться от висящего над ним тяжелого бремени. А Салих сидел под большим и высоким дубом, как выпавший из гнезда птенец, беспомощно вздрагивая от холода и сырости.

Абекуш

Салих оставил Абекуш на лесной поляне и отправился домой берегом реки. Абекуш должна была вскоре разродиться. Высокие развесистые вербы, перекинув свои тени через речку, томились от жары в ожидании, когда солнце уйдет, и воздух начнет свежеть. Салиху нравились эти места. Река здесь течет тихо, набирая глубину, под берегом искрится родничок, обнаруженный и ухоженный им самим. Салих присел в тени вербы и достал кисет. Свернул цигарку, высыпав табак на белый початочный лист, несколько раз ударил кресалом по кремнию, приложил к нему кусочек ваты, и, когда он задымил, прикурил от тлеющего уголка.

Ему нравились эти места, хотя аульчане избегали их. Здесь утонула девочка. Салих помнит, как мужчины взяв с собой в лодку петуха, искали ее труп. Старики говорили, что в том месте, где закричит петух, надо искать девочку. Но петух угрюмо молчал, багры натыкались на коряги и гнилые стволы, а труп найти не удавалось. Салих вошел в воду в одежде, долго нырял, ощупывая дно руками, изрядно замерз. Часа через два он остался один. Вот кислица — дерево, с которого упала одна из трех девочек, которые пришли за кислицей. Это было единственное дерево в лесу с необычно сладкими плодами, все в ауле знали об этом, но никто не собирал с него все плоды сразу, чтобы все желающие могли полакомиться. Вот с этого дерева и упала девочка, здесь вода тихая, но глубокая, надо искать под деревом. Салих нырнул еще раз и совсем не испугался, когда дотронулся до человеческого лица. Он тотчас же вынырнул, набрал полную грудь воздуха, снова опустился на дно, взял девочку под мышки и вынырнул наверх, вынес на берег и опустил на траву, отвел от ее лица мокрые волосы. Девочка была как живая, словно не успела почувствовать смерть, только голова была неестественно повернута набок и несколько длинных зеленых стеблей были зажаты в намертво сжатом кулачке правой руки.

На второй день Салих снова вернулся к этому месту, долго сидел под кислицей, вспоминая девочку, неестественно повернутую голову и бледный кулачок. Потом чуть выше кромки воды увидел стекающие со склона берега капли воды. Здесь он и вырыл родничок, подождал, пока вода станет чистой, и отпил, – она была холодной и сладкой. Сюда уже никто не ходит, только он один иногда посещает это место.

Донеслось ржание Абекуш, и Салих уловил в ее голосе что-то тревожное. Он представил себе высоко вздернутую голову лошади и дрожание ее расширенных ноздрей. Еще не вспомнив, что он стреножил ее, подумал, что так, отрывисто, громко и с храпом, она может ржать, только когда очень испуганна. Салих заторопился назад к Абекуш: в ее чреве дитя, ей нельзя нервничать.

На поляне металась Абекуш, стреноженная и беспомощная, к ней пытались подобраться двое мужчин, один норовил попасть в нее прикладом винтовки, другой пытался достать ее большой сухой веткой. «Аллах да не покарает меня, что они делают, разве они не видят, что в ее чреве дитя!» – чуть не вскрикнул Салих. Испуганное животное громко всхрапывало и ржало и кидалось из стороны в сторону, пытаясь держаться к мужчинам вперед головой, чтобы удары не пришлись по ее животу.

– Перестаньте!.. Вы что, с ума сошли, что ли! – сказал им Салих, становясь между Абекуш и ими.

– Ы? – удивленно посмотрел, на неожиданно возникшего перед ними Салиха мужчина с винтовкой. – Ты кто? – сказал он, направляя на него винтовку.

– С ума сошли, что ли! Зачем вы пристаете к ней? – Салих подошел к Абекуш, потрепал ее по шее, издавая какие-то звуки, с раскрытым ртом. – Чего вы хотите? – Успокаиваясь, внимательно вгляделся в лица мужчин. – Хаджимос, ты, что ли? – обратился он к мужчине с большой веткой. Он узнал его, несколько раз видел в старой скрипучей телеге, всегда сонного, с худыми грязными лошадьми. Второго он не знал.

– Хаджимос, ты что делаешь, ты же работал на лошадях!

– Откуда ты меня знаешь, старик? – он был в рваных сапогах, старой вылинявшей кепке, и рубаха и брюки на нем были тоже рваные и грязные.

– Знаю, – ответил Салих.

— Если знаешь, тогда еще лучше. Мы партизаны. Эта старая кляча тебе больше не пригодится, или сама сдохнет, или волки задерут. Мы хотим поймать ее и зарезать... Ты что там делаешь, а?

Салих, почувствовав недоброе, пытался распутать путы на ногах Абекуш и успел уже наполовину развязать их.

– Ты брось это делать! Если животное собираются зарезать, его связывают, а ты развязываешь. Отойди от коня!

Мужчины подошли к Салиху.

– Дай сюда уздечку, старик. Хизир, последи за ним.

Второй, которого назвали Хизиром, направил на него винтовку.

– Спокойно, старик, – сказал он, обнажая желтые зубы. – Делай, что говорят.

Хаджимос стоял, почесывая в заросшей бороде, раскрыв рот и выдвинув нижнюю челюсть. Что он замышляет?

– Покурить есть? – спросил он неожиданно.

– Что? – не понял Салих.

– Хизир, – продолжал тот, не оборачиваясь, – привяжи коня... Я спрашиваю, покурить есть? – повернулся он к Салиху.

Салих торопливо сунул руку в карман. «Аллах да не покарает меня, как они испугали меня, мы же адыги... разве так можно?» – думал он, доставая кисет. Хизир надел уздечку на Абекуш и привязал ее к сухой ветке вербы. Хаджимос взял кисет, скрутил цигарку, прикурил, собрал обратно в кисет бумагу, табак и кресало опустил в свой карман. Он глубоко затягивался, широко раскрывал рот, полный густого белого дыма, который он, чуть приподнимая голову, заглатывал с шумом.

Хаджимос присел в тени вербы. Хизир опустился рядом с лошадью, поставив винтовку между ног.

– Как вы испугали меня, – сказал Салих, которому тоже захотелось закурить, но он не знал, как выпросить обратно свой кисет. – Шесть месяцев, как беременна, она родилась от жеребца породы бечкан и кобылы породы абекуш. А теперь должна родить тоже от бечкана, того жеребца уже нет, нет в живых и ее матери. Я не говорю о колхозных, среди которых едва ли найдется парочка из тех пород, но лошадь в колхозе – это уже колхозная порода, от настоящей в ней ничего не остается.

Салих никогда не был многословным, но сейчас чувствовал нутром, что надо что-то говорить. И все время оглядывался на Абекуш, надо подойти к ней, она ждет этого.

– Старик, забудь об этой лошади, – сказал Хизир, выпуская через зубы дым. – Мы ее съедим, понял?

Хаджимос молчал, он курил, с равнодушным видом посматривая на Салиха.

– Слушай, парень, я же тебе говорю, что это не простая лошадь, ее род тянется из далеких столетий, ее надо сохранить, иначе вместе с ней навеки исчезнет интереснейшая порода! – Салих посмотрел по сторонам. Только сейчас он снова различил голоса птиц, уставших от дневной жары, и шум реки; ему вдруг показалось, что он не один в лесу, и кто-то наблюдает за ним, а он не видит его. Посмотрел на мужчин, понял, что они не слушают его, похлопал себя по карману. – Да где же мой кисет?..

– Иди домой, – сказал Хаджимос.

– Пойду... если отдадите коня.

– Пойдем, Хизир, возьми под уздцы коня. Наши товарищи ждут нас, они голодные. Мы жизни своей не жалеем, воюем за родину, а он болтает про лошадь. Сумасшедший какой-то. Идет

война, люди убивают друг друга, а ты, старик, прячешь тут свою поганую лошадь, дуралей старый! Хватит об этом, пошли, Хизир!.. Подожди!..

Послышались голоса, на краю поляны показались пожилой мужчина и мальчишка лет шести-семи. Салих обрадовался, он узнал мужчину из соседнего аула за рекой, кажется, работает пастухом, да, да, зовут его хромой Бечир, это на гражданской войне ему отстрелили ногу. Бечир, увидев незнакомых людей, остановился, но, узнав Салиха, подошел к ним. Пожал ему руку и протянул ее Хизиру, но тот с прищуром посмотрел на него и, не подавая руки, отбросил швырком обжигавшую ему пальцы цигарку. Бечир оглянулся на Хаджимоса, но тот сделал вид, что не замечает его, потом резко повернулся к нему, и с лица его исчезло ленивое равнодушие.

– Что тебя принесло сюда? Я спрашиваю: что тебе надо?

– Да вот пропал наш бычок, будь он неладен, вторые сутки нет его. Вот и ищем его с Саней... А вы?..

– Слышь, Бечир, моя лошадь скоро должна родить, – сказал Салих, потом повернулся к Хаджимосу. – Это хромой Бечир, наверное, знаете его, он пастух, из соседнего аула, а этот пацан с войны, остался без родителей, вот Бечир и взял его к себе в сыновья, своих детей у него нет.

– Замолчи, старик! – зло сказал Хизир. – А ты, хромой Бечир, зря ищешь своего бычка, он уже здесь, в моем желудке, – засмеялся он отрывисто, хлопая себя по животу. Мы партизаны, так что твой худющий бычок уже участвует в войне. Ты же знаешь, что мы партизаны?

Хаджимос смотрел, не отрываясь, на мальчонку и почесывал свою бороду, выставив вперед нижнюю челюсть.

— Салих, – сказал он, – ты уходи отсюда. Хизир, дай сюда винтовку. Убирайся отсюда, старый дурак!

Салих понял, что сейчас может совершиться какая-то жестокость. Он не чувствовал страха, его сковало предчувствие – он станет свидетелем какого-то позора, от этого ему стыдно и этот стыд расслабил его тело.

– Он узнал нас, – тихо сказал Хаджимос Хизиру. – Когда мы погнали корову из колхозного сада, это он стрелял в нас. – Он снова повернулся к Бечиру. – Ты нас знаешь?

– Да откуда мне вас знать,— ответил Бечир, стараясь говорить спокойно. – Он подошел к мальчику, неловко волоча за собой деревянную ногу. – Говорите, что партизаны...

– Пойдем, – сказал и мальчонка, которому уже передалось состояние Бечира, голос которого еле заметно дрожал.

– Ну, мы пойдем, наверное. Увидимся еще, может быть. – Он взял мальчика за руку.

– Подождите! – резко сказал Хаджимос тихим, как бы охрипшим голосом. – Никуда ты не пойдешь!

– Салих, чего они хотят от нас, а? Саня, сынок, ты иди, иди, я потом... Мы тут еще поговорим. Иди же!

Саня с побледневшим лицом вцепился руками в рубашку Бечира.

– Мы тебя убъем, – сказал Хаджимос, и Хизир засмеялся изменившимся голосом, черты лица его вдруг сразу стали четкими и суровыми, зрачки глаз расширились. Он смотрел на Бечира немигающим взглядом.

Салих ничего не понимал. Тревога за Абекуш и страшная своей неожиданностью и жестокостью развязка, которую он предчувствовал сердцем, сделала его беспомощным. Он все время хотел что-то сказать, но не знал, что и как.

А Бечир только сейчас понял до конца, что эти люди не шутят. Вот и второй вынул из кармана большой нож и раскрыл его дрожащими руками.

– Хотите убить, да? – сказал он тихо и спокойно, словно говорил не о себе и не об убийстве, похлопал себя по карманам, нащупывая кисет. – Да, я узнал вас, предатели!.. – Последние слова он почти прошептал и уставился на них ненавидящим взглядом. – Вы не люди, вы не адыги! Но что я могу сделать, я беспомощен... Отпустите мальчонку, пусть он не видит, что вы звери. Русский мальчонка, но мой сын. Иди, Саня, домой иди!

Саня заплакал беззвучно, губы его искривились и задрожали, из голубых глазенок потекли слезы, он трясся худенькими плечиками и прижимался к Бечиру.

– Жалко, да? – Хаджимос изобразил на лице подобие улыбки. – А твой Бечир, он с трудом подбирал слова, путая русские с адыгейскими, – твой Бечир, да пусть его собака съест, когда ска-

зал в НКВД, что мы сидим в лесу, ему нас было жалко? Будем убивай, и Бечира сволочь, и ты, поросенок. Хизир, возьми поросенок.

– Хорош мальчик, ходи сюда, поросенок, – он оторвал дрожащего мальчика от Бечира и бросил его на траву. – Смотри, твой батя убивай будем.

– Вы не люди, вы хуже зверей! – вскричал Бечир и выбросил здоровую ногу вперед. Тотчас раздался выстрел, и он упал. Шум крыльев вспорхнувших птиц перелетел через речку. Хизир повернул винтовку в сторону побледневшего до неузнаваемости мальчика и выстрелил, не целясь. Салих, ошеломленный происшедшим, молча смотрел на живой, стучащий ногами комочек, который упал перед ним. «Да что же вы делаете!?» – ему казалось, что он закричал, но он только застонал. Страшно застонал Салих, и испуганная этим душераздирающим звуком громко заржала Абекуш. Секундная тишина, наступившая после двух выстрелов, была нарушена человеческим стоном и ржанием лошади. Абекуш встала на дыбы и, оседая, рванулась вперед, отломила от дерева сухую ветку, к которой была привязана и разорвала путы. Хизир в испуге только успел нагнуться, в следующее мгновение Абекуш со страшной силой и всей своей тяжестью ударила его в хребет передними ногами. Раздался хруст и глухой стон. Почти одновременно с абекушем Салих бросился вперед. Хаджимос не ожидал никаких действий от старого человека и поэтому как-то неловко и медленно поднял винтовку, которую выронил Хизир. Но Салих не помнил себя, он вцепился в волосы Хаджимоса на голове, потом нащупал его горло и сжимал его изо всех сил. Почувствовав, что тело Хаджимоса обмякло и перестало сопротивляться, он с трудом разжал пальцы.

Мальчонка был жив. Он взял его на руки и принес в свой дом. Абекуш покорно шла за ним, иногда большими влажными губами притрагивалась к его плечу.

Утром он один похоронил убитых. Для хромого Бечира вырыл отдельную могилу.

Пуля прошла через плечо Сани, немного задев кость.

* * *

В эту ночь Абекуш бодрствовала. Ей было шестнадцать лет, за эти годы она успела повидать всякое, но с таким столкнулась впервые. Она не могла понять, почему ее били эти двое мужчин. Она стала такой, какой хотел видеть ее Салих, и это удобно и ей, и Салиху. Правда, поначалу не все ей нравилось. Инстинкт подсказывал ей, что есть в ней что-то такое, что свойственно только ее организму, что она создана так, что можно жить со всем тем, что окружает ее, в полном согласии. Но она заставила себя привыкнуть к тому, чему учил ее Салих, теперь все это – с ней, и со всем этим она будет жить, потому что это было нужно Салиху, но теперь это нужно и ей. И все же в ней осталось что-то такое, что вызывает сопротивление. Она стала слишком покорной. Скучно жить так, как того хочет Салих. Видя табун лошадей, издали, она примечала в них те черты, которые сама потеряла, приноравливаясь к Салиху. В такие минуты она ощущала в теле легкую дрожь, ноздри ее начинали трепетать, мышцы напрягались. Нет, она не завидовала им, но ощущала в себе какую-то, не до конца осознанную, вину.

В эту ночь Абекуш бодрствовала. Она винила себя в том, что случилось, зная, что человек, на которого прыгнула, убит ею, но она только хотела помочь Салиху, потому что чувствовала, что происходит что-то такое, что не нравится ему. Это она поняла, когда застонал Салих. Абекуш никогда не слышала от него такого звука. Не в ее привычке было показывать внешне, что ей что-то не нравится. С тех пор, как она поняла Салиха, такое редко с ней случалось. Абекуш стала относиться к Салиху так, как к траве, воде, лесу и почти как к самой себе. Они научились понимать друг друга и хорошо знали, что будет приятным или что будет наиболее удобным, правильным для обоих. Все, что Салих делал для нее, делал как бы и для себя. Более того, он знал, что надо сначала сделать для Абекуш, а потом уже для себя. Он все же человек, знает лучше и больше о том, что ей нужно, а она вынуждена жить с людьми, и этим лишена каких-то данных ей Богом возможностей. Вот небо, солнце, травы, река, лес – все это должно быть со мной, все это должно быть с Абекуш, точно так же мы должны быть вместе, и это так же бесспорно, как и то, что и она, и я существуем. Но Абекуш впервые увидела Салиха таким, впервые услышала от него этот страшный, испугавший ее стон. Это был даже не испуг, в этом звуке, заставившем ее ударить человека, было что-то жестокое, нечеловеческое, что казалось уже исчезнувшим в ней от общения с Салихом. Абекуш почувствовала, что Салих совершает нечто такое, что противно ему, но он же никогда не

делал ничего такого, что было не хорошо для него и для нее, и это тоже вывело ее из равновесия. Да, именно это – жестокость и беспомощность. Теперь к ней вернулось ощущение, что и они могут быть жестокими против своего желания, из-за собственного бессилия, совершить то, о чем потом будут жалеть. Абекуш не могла понять все до конца, это тяготило ее. Она знала, что Салих придет, и они вместе что-то поймут, ждала его, но не было готова к встрече.

В эту ночь не спал и Салих. Какое-то время его мысли были заняты мальчонкой. Но когда он обмыл его рану, перевязал и Саня заснул, Салих понял, что все это время что-то другое подспудно беспокоило его. Это Абекуш. Но он намеренно отогнал от себя мысли о ней и постарался вспомнить все события на поляне. Ему до сих пор не понятно, почему так поступили Хаджимос и Хизир. Он должен понять это, иначе во всем том, что он делал для Абекуш и делал до того для ее родителей, было и остается что-то неправильное. Лошадь поняла, что происходит что-то нехорошее. И она поступила так, как подсказал ей ее разум. И она была права. Защищая меня, она защищала и себя. Те люди хотели убить ее, они могли и со мной точно так же поступить, потому что я не мог позволить им убить Абекуш? Появился Бечир с мальчиком, и они забыли обо мне. Спасая себя, они решили убить его и мальчика и не просто убить, а жестоко это сделать. Это, по их мнению, должно было придать какой-то смысл их поступку. Сначала пристрелить Бечира, чтобы мальчик видел, что его ждет, а потом уже прикончить и его. И собирались сделать это с какой-то не осознанной жестокостью. Таким образом, убийство как бы приобрело какое-то правило, и этим оправдывался сам этот факт. Эта жестокость таилась в их сердцах и почти не осознавалась, они сами боялись ее вначале, а потом, поверив в свою «правоту», даже испытывали удовольствие. Неужели это так легко – убить человека? И если так легко убить человека, то чего стоит она – жизнь?

Мальчонка застонал. Салих подошел к нему и поправил подушку, с которой свесилась его беленькая головка. Он вспомнил, как, когда ощупывал раненое плечо, тот закричал, из-под задрожавших ресниц выкатились слезы, он сжался в комок, а потом весь вытянулся, словно выжимал из себя острую боль, рот открылся, обнажая два передних крупных зуба, и потерял сознание.

«Каждый день нас испытывает жизнь,— продолжал размышлять Салих. – Но становимся ли мы мудрее? Есть ли какой-то смысл в тяжких ежедневных испытаниях? Говорят, у дерева столько же ветвей, сколько корней оно пускает под землей. А где корни человека? Если они есть, что их питает, почему легче сделать жестокость, чем доброе дело?.. Они убили Бечира, неужели труднее было понять его, чем убить? Потом уже он и сам убил, Абекуш тоже убийца. И я, и Абекуш правы, я так думаю, но мы же тоже убили... Они тоже хотели жить. Мы их убили, и вместе с ними должна была исчезнуть жестокость, несправедливость... Морозный ветер налетает на цветущее дерево и губит будущие плоды. Но почему? Что в людях, что в природе...».

Салих опять подумал об Абекуш. И снова испытал стыд, стыд оттого, что она стала свидетелем случившегося на поляне. Люди думают, что животные мало что понимают, но если они что-то понимают, то до конца. Люди могут оправдать и самый позорный поступок, и будут стараться это сделать, пока своего не добьются. Лошадь на такое не способна.

Для животного, что не хорошо, то нехорошо, и никакие умные или хитрые подходы не докажут ему обратное. Это запоминается им и если и не сможет наказать за это, то все равно что-то убудет в нем, а значит и в человеке чего-то хорошего станет меньше.

Нехорошо получилось, лучше бы она не увидела, какими жестокими бывают люди. В ее чреве дитя. Как я теперь приду к ней? Правда, она ничем не показала, что недовольна мною, пожалела, или простила, по-своему поняв меня...

Когда Салих зашел в старый сарайчик, Абекуш стояла на своем обычном месте, которое сама выбрала. В это время она обычно дремлет, но Салих увидел, что Абекуш бодрствует. Салих никогда не проявлял к ней лишней ласки, лошадь – животное строгое и умное, надо просто вовремя и с доброй душой делать то, в чем она нуждается. Не обманывай ее, будь постоянным и верным в обращении.

Ничего не сказал Салих Абекуш. Спина ее была влажной, низ живота тоже, беременность трудновато ей дается. Взял сухую тряпку и обтер влажные места. Потом накрыл ее мешковиной: к рассвету станет прохладно, в чреве у нее дитя.

Так всю ночь провел Салих: ухаживал за Саней, ходил с виноватым видом к Абекуш. Ближе к утру подремал часок у изголовья мальчишки.

* * *

Хаджимос скачет на Абекуш к реке, к тому месту, где растет сладкая кислица. Голова болтается на шее, словно не живая. «Я же его задушил!.. Или он ожил?..» Салих схватил винтовку и побежал за ним. «Отпусти лошадь, отпусти, стреляю!» Салих выстрелил, Абекуш упала, заламывая под живот ноги. Хаджимос скатился с лошади и с громким стоном пополз к берегу реки, дополз и скатился вниз. Салих побежал к Абекуш, но на том месте, где она упала, стоит Хизир с белыми глазами, руки дрожат, он протягивает к Салиху его кисет: «Возьми, Салих, хороший табак... У меня закружилась голова, голодный я... И лошадь у тебя красивая, дай Аллах тебе хорошего жеребенка». «Хизир...» – хотел сказать Салих, но вот уже на его месте стоит хромой Бечир, в глазах слезы и голос дрожит: «Прости, Саня, сынок...». Внезапно раздался истошный крик с той стороны, где с берега скатился Хаджимос. Салих подошел к берегу. «Где родник? – кричит он и торопливо, раздирая пальцы в кровь, разгребает камушки. – Дай попить из твоего родника. Салих, дай попить! Здесь была вода, а сейчас пропала!..».

«Почему ты убил хромого Бечира, ы?» – спрашивает его Салих. «Он бы донес на нас!». «Но в чем он виноват?». «А разве убивают только виноватых, Салих? Идет большая война, убивают тысячи. Кто их спрашивает, виноваты они или нет? Ты родился – значит, уже виноват. Я был на войне, не выдержал, сбежал, не хочу умирать. Каждый раз, когда ты убиваешь, ты спасаешь себя от пули, потому что тебя все хотят убить. А ты меня из-за какой-то лошади!..». «А Бечир, а мальчонка?» «Нет, ты задушил меня из-за лошади, скотина!.. Отдай винтовку!».

Хаджимос стал на четвереньках подниматься на берег, вместо зубов изо рта торчат клыки, пена показалась на губах. «И тебя убьют, и твою скотину!».

Вдруг за спиной Хаджимоса забурлил и забил фонтаном родник, взметая песок и камни, накатил на Хаджимоса, понес его вниз и укатил в реку, он выныривал, поднимал высоко руки, кричал, потом пропал.

Салих вздрогнул и проснулся. Было время сна собак, когда наступает полная тишина. Он вышел во двор, посмотрел в сторону сарая. Воздух начал наполняться влагой. В такой час ничего невозможно услышать, все звуки становятся безголосыми и неузнаваемыми. Земля смотрится в небо. Все как бы замирает – и травы, и воды, и камни, смотрят в небо и прислушиваются к себе. Луна вся исходит светом, но свет ее остается как бы в ней самой, не распространяясь вокруг и все предметы на земле недвижны и бездыханны. Через какое-то время, конец которого не уловим, незримая пелена, окутывающая землю, исчезнет, в небе что-то вздрогнет, пробуждая в нем его прежний облик, предметы начнут проступать четче, обозначая себя в настоящем бледном свете. И уже можно будет уловить первые просыпающиеся звуки. Они начнутся в лесу, Салих уловит что-то похожее на шум крыльев большой невидимой птицы, почувствует на лице движение воздуха и ощутит ногами дыхание почвы. Солнце еще далеко, а земля уже чувствует его и готовится к нему.

Саня

Абекуш родила жеребенка, в тот день, когда Саня в первый раз поднялся на ноги. Солнце еще только стремилось к зениту, небольшая лужайка перед крыльцом дома Салиха, заросшая травой, свято сверкала, еще не утомленная жарой... Насытившаяся дождем, прошедшим прошлой ночью, земля нежилась под лучами солнца. Саня вышел на крыльцо. Свет был ярким и щедрым, воздух свеж и чист и целительное тепло нисходило от неба. Он неуверенно потоптался на месте, схватился за подпорку веранды и присел, щурясь от яркого света, на глиняный пол. Он был истощен, волосы и лицо почти одинаково белого цвета, худые плечи четко обозначались под ветхой рубашкой.

Саня сидел со склоненной от слабости к плечу головой, когда услышал голос Абекуш. Она не ржала, Саня слышал только тяжелый всхрап и еще какие-то отрывистые звуки, глухие, утробные, настораживающие. Показался Салих, приближавшийся со стороны сарая, стоявшего под кронами трех ветвистых деревьев. Он нес на руках, очень бережно, жеребенка. Жеребенок был слаб, он пытался поднять свою голову, которая каждый раз снова падала то к груди, то к плечам Салиха. Он вздергивал ногами, когда слышал страдальческий всхрап матери, слабо поднимал голову и снова ронял ее. Салих хотел опустить новорожденного на траву, но, увидев Саню, поднес ближе к нему и поставил перед ним. Одной рукой придерживая его за грудь, другой он выпрямил располагаю-

щиеся в стороны задние ножки жеребенка и отпустил его. Он был смешной, этот жеребенок. Ноги не слушались его, шея не держала голову, и все же он попытался сделать рывок вперед, прошел несколько шагов, поскользнулся на сухом месте, передние ноги расползлись, задние подогнулись, и он упал, несколько раз пытался подняться, напрягался, выкатывая большие черные глаза, и затих, склонив голову набок. Саня улыбнулся. Абекуш подошла к жеребенку и стала облизывать его.

Стоял яркий теплый день. Салих подошел к Сане и постоял немного, задумчиво глядя на него, потом присел рядом с ним. Посмотрел в небо поверх деревьев, Саня тоже поднял глаза по следу взгляда Салиха. Высоко в небе парил орел.

– Саня, – медленно и с растяжкой выговорил Салих, – тебя же так зовут? Чем выше поднимается птица в небо, тем выше становится и небо. – Салих смотрел на Саню, но Саня не видел себя в его глазах. – Будет расти этот жеребенок, вместе с ним будет расти и мир. Он будет взрослеть и научится скакать быстро, чем быстрее он будет скакать, тем быстрее будет и земля скакать. Непонятно? И я многое не понимаю. Но ты сам подумай: не для себя же он будет скакать, ему и так Бог подарил эту способность.

Орел кружил в небе и поднимался все выше, теперь он виднелся черной точкой. «Ты можешь спросить: что он там нашел? Э-э, Саня, этого никто не знает, этого не знает и сама птица. У кого крылья, тот и стремится в высоту. Видишь, какое высокое небо? Чем выше птица, тем выше и небо, тем больше видим и мы. Вот этот жеребенок... Скоро он начнет бегать. Будет бегать, скакать, резвиться и все вокруг него тоже будет бегать, скакать и резвиться вместе с ним. Ты еще не видел такого, но, Бог даст, увидишь и даже больше меня поймешь... Видишь деревья? Когда они перестают расти, они начинают стареть. Если остановится речка, она превратится в болото и высохнет. Ну, а как же иначе?.. Я знаю лошадей, все породы адыгские знаю... Я думал — почему человеку приятно скакать на лошади? Никуда не торопишься, за тобой никто не гонится, а ты скачешь, хочешь все быстрее и быстрее. Почему? Что-то мы забываем на этой земле.

Саня спит, склонив голову к плечу Салиха, худенькое его тельце расслабилось и сникло. Салих уловил мальчишеский потный запах и подумал: надо его выкупать. Он взял его в охапку и унес в дом.

Абекуш стоит над своим ребенком. Солнце стремится к зениту. Шум реки ослаб, деревья сникли от жары и стали ниже. Такой час: солнце уже не ласкает землю, жарко, знойно, свет не удлиняет взгляда, а томит глаза, жар завладевает воздухом. Небо не дает смотреть на себя, оно словно усыпано невидимыми огненными иголками. И звуки стали тяжелыми. Листья на деревьях обмякли, и висят словно, чуждаясь друг друга, каждый особняком и безжизненно. Летний полдень смотрит из нор, – думает Салих. В такое время никакая работа не обернется добром. Окуни руку в воду – она как мертвая, дотронься до дерева – душа его ушла в корни, ничто не откликнется, и земля не примет твоих рук, в знойный полдень надо ждать, пока солнце и небо пересилят самих себя.

День пришел к такому часу. В доме, где всего две комнаты, Салих задремал возле деревянной кровати, на которой лежит Саня и молча смотрит на него, и непонятно, о чем он думает. На все еще бледном его лице, у переносья, сдвинуты брови и между ними уже обозначилась не по возрасту четкая складка.

Саня думает о Салихе. Где-то в глубине души он чувствовал, что его жизнь теперь связана с этим человеком, но почему и как это будет происходить, он не знает. Он еще не осознал, что потерял Бечира, сердце и сознание его были притуплены происшедшей трагедией, ему еще предстояло заново обрести этот мир, почти уничтоженный в нем. Но уже сейчас что-то ему подсказывало, что с этим человеком, устало дремлющим перед ним, ему будет хорошо и надежно.

* * *

Земля первой почувствовала, что война приближается. Салих заметил, что птиц становится все больше, новые их стаи, привыкая к новым местам, шумно летают с одного места на другое, пугая друг друга. И еще какие-то звуки или шумы слышны, они неуловимы ухом – то ли это необычное движения воздуха, то ли какой-то гул, внезапно раздающийся из-под земли. Вот и Абекуш иногда прядает ушами, резко вздернув голову, ищет взглядом жеребенка, тихо ржет, подзывая его или призывая к бдительности.

Поля опустели и смотрятся сиротливо. На окраине аула волки задрали теленка. Искусали отбившуюся корову. Из дальних лесов стали наведываться кабаны, уничтожают не убранную кукурузу.

Салих достал свою старую одностволку, разобрал и обмазал маслом каждую деталь, подготовил заряды. Иногда выходит в лес и стреляет, отпугивая зверей. Но звери, почувствовав наступившую для них свободу, не боятся небольшими стайками ночами появляться в самом ауле. Тот, кто заставил зверей покинуть обжитые места, не лучше самого зверя, думал Салих бессонными ночами, ухаживая за Саней. Потом он отвел его к своей младшей сестре, живущей в ауле. «Ухаживай за ним, – сказал он ей, – плечо у него зажило, а сердечко еще не на месте...». Сестра все поняла, посмотрев внимательно на Саню. Он как бы отсутствовал в этом мире и не знал, где встать и на кого смотреть. Он чувствовал только Салиха. «Как тебя зовут, синеглазый? – спросила она его. «Саня». «Саня, так Саня... Садись вот сюда, я тебе сейчас дам кашу с молоком».

Салих ушел. Покидая двор сестры, оглянулся и увидел, что Саня стоит у окна и смотрит ему вслед. Он шел к своему дому, стоявшему на почтительном расстоянии от аула, ощущал тревогу за мальчика, но мысли его целиком были уже заняты лошадью. Они в запертом сарае, но, как говорится, Аллах бдительный, но и сам будь осторожным. В глубине леса он начал строить сарай, надо закончить, пока война не пришла в аул.

Лекур

Лекур за кустами вербы снял чувяки, закатал по колено заштопанные штанины и, присев на корточки, стал почесывать двумя руками икры ног. Потом присел в тени, ноги окунул в воду. Мелкие рыбешки с темными спинками и серебристыми боками сразу собрались вокруг пальцев ног, мягко тыкаясь мордочками о них. День клонился к вечеру, от реки стало веять прохладой. Лекур сцепил руки на затылке и прилег. «Я великан, мои ноги лежат в воде, спина перекрыла русло, плечи покоятся на стволах больших деревьев в лесу, а голова достает до облаков. Вот птицы садятся мне на грудь. Если пошевелюсь, вспорхнут птицы, заволнуется вода, обрушатся берега...».

Когда Лекур пошевелил одной ногой, нет-нет, не ногой, а самым маленьким пальцем, мизинцем левой ноги, вынырнули двухметровые сомы из глубин, темные, с длинными и толстыми усами, заволновалась вода, обрушиваясь на берега... К счастью, он пошевелил только мизинцем.

– Лекур!

– Косолапый!

– Кривоногий!

Звонкие голоса женщин докатились до слуха Лекура. Трудно было усомниться в том, что Лекур, неловко пристроившийся в кустах, с толстыми губами и меланхоличным лицом, на которое без страха садились зеленые мухи, насытившиеся на лепешках коровьего помета, является настоящим великаном, но эти женщины были колхозницами, табачницами, и, кроме председателя, не признавали никаких великанов. «Чтобы холера взяла вас!» — сказал Лекур, испуганно вставая, увидел перед самым носом вынырнувшую из воды черную змею, быстро выбрал ноги из воды, замахал руками, что-то грозно пришептывая и бросился в воду.

– Лекур!.. Где ты, паршивец!.. – За этими словами последовали такие, от которых еще быстрее Лекур заработал в воде руками и ногами, что он не по годам толстобрюхий, что у него короткие ноги, что у мужчины не все должно быть коротким. Трудно повторить все, что они говорили, да и Лекур делал вид, что почти ничего не слышит. Он уже достиг противоположного берега и стоял у кромки воды весъ мокрый, как петушонок, которого дождь застал врасплох, вымочил и осрамил на весь куриный двор.

– Ы, ы, ы! – сказал он, и сердясь, и негодуя, и жалостливо одновременно. – Идите, идите, все идите сюда, я вам все скажу!.. – говорил он, не чувствуя, что выглядит смешно в мокрой заштопанной одежде, неловко прилипшей к его долговязой фигуре. – Успокоились? Тогда послушайте! Хачетль Гошехан!

– Тише! – крикнул кто-то из женщин на том берегу. Одни из них присели на траву, другие стоят с тяпками на плечах или положив руки на них.

– Хачетль, говорю, Гошехан. За пять дней ты заработала два трудодня.

– Сколько, ты сказал?! Чтобы Аллах отнял у тебя язык! Чтобы...

— Гучетль Кокон, один трудодень и пять соток. Ты же всегда позже всех выходишь в поле.

– А кто будет кормить пять моих сирот, негодник?

– Заурим Кульсом! Один трудодень и шесть соток.

– Чтобы ты подавился трудоднями!

– Для кого ты жалеешь трудодни, Лекур? Для своего жирного председателя?

– Панеш Хазаб!

— Не произноси мое имя, бессовестный! Лучше выжми свои рваные брюки, или пришлем к тебе кого-нибудь из вдов, чтобы помочь тебе.

– Ы, ы, ы!.. – устыдил их Лекур. – Вы же адыгские женщины!

– Подождите, замолчите, – поднялась с травы самая старшая из женщин. – Скажи, Лекур, почему ты записываешь наши трудодни неправильно? В прошлом году мы пропалывали этот же участок, и тогда ты записал нам трудодней в два раза больше. Почему ты так поступаешь?

– Да что вы за люди! – начал сердито Лекур, сделал паузу и мягко спросил: – Забитхан, ты-то должна понять меня, разве я могу писать столько, сколько надо?

– А что ты можешь, а? Если ты не можешь правильно записывать, брось это дело.

– Опять ты не понимаешь! Я могу записывать столько, сколько мне скажут. Теперь понятно?

Женщины еще больше заволновались. Кое-кто из них стал трясти тяпкой.

– Ничего, мы тебя поймаем как-нибудь!

– Мы приведем председателя, и ты повторишь нам эти слова!

– Я сейчас приведу его к вам. – Газаб, с высушенным и морщинистым лицом, приподняла подол платья, обнажив снежно-белые ляжки, и вошла в воду.

– Ты что, сдурела? – Лекур смотрел на нее выпученными глазами. Он смотрел на каштанового загара икры и наполовину оголенные ляжки, белые и непонятным образом завораживающие, казавшиеся совершенно недоступными, запретными и одновременно такими желанными, они как бы жили сами собой, они шли, вода поднималась все выше, и Лекур всей своей плотью превратился в эту воду, ласковую, умоляющую и сумасшедшую. Лекур ощущал в своей крови и сладость и неудержимую ярость, он не мог оторвать своего взгляда от этих ног, таких беспомощных, жестоких и неприступных.

– Леку-ку-ур! Я иду!..

– Ы-ы? – выдохнул Лекур, опомнившись, закрыл глаза, неловко замахал руками и стал подниматься на берег с по-женски гладкой спиной, в брюках, прилипших сзади, споткнулся, снова поднялся и, оказавшись за ближайшими кустами, стал говорить оттуда осмелевшим голосом.

– Стыдно должно быть тебе, Газаб, ты мать семерых детей!

Женщины захохотали весело и громко. «Лекур, почитай-ка нам еще раз свою тетрадь, покажись нам во всей своей красе!» – кричали они, снимая платья и, оставаясь, в исподнем и шли в воду, поднимая руки. Забитхан осталась одна на берегу, сидела задумчивая. Потом медленно спустилась к воде, присела на мелководье на корточки, и, окуная руки в воду, вытирала ими лицо, словно собиралась совершить намаз.

Лекур пошел берегом реки, чтобы переплыть ее обратно на повороте, подальше от женщин, и пойти домой. Лицо его было нахмурено, он сердился, потому что не мог забыть ноги женщины, темный загар икр и белые округляющиеся ляжки, шедшие к нему...

Солнце уже садилось, когда Лекур открыл скрипучую калитку и пошел во двор. В доме с ним жила только его бабушка. Правда, было еще одно «живое» существо, которого таковым только он считал, – это дерево вишня. Именно так он называл его – дерево вишня. Вот оно стоит, прямой и гладкий ствол его в двух метрах от земли разбегается на десяток легких и нежных веток. Солнце уже зашло, и вишенка четким силуэтом выделяется на чистом розовом горизонте.

Лекур был грустен. Он присел на циновку, лежащую на боковой веранде, и стал насвистывать старинную мелодию. Как красиво он свистел! Трудно было понять, как можно такими толстыми губами издавать такие нежные звуки. Казалось, во рту у него были маленькие колокольчики, дудочка и еще что-то, которыми он ловко управлял своим языком.

Мелодия не успокоила Лекура. И он вытащил из-под циновки несколько листков бумаги, невесть где и как раздобытой им. На всех листках были нарисованы лошади, вернее, это была одна и та же лошадь, изображенная очень искусно, но контуром. Она была стройная, с тонкими, довольно длинными ногами и маленькими точеными копытами, с изящной спиной и сильным, но небольшим

крупом и мощной грудью. Лошадь готова была в любую минуту сорваться с места и с легкостью птицы унестись далеко. Но она была неживая. Лекуру казалось, что он похож на человека, который вырастил сказочную лошадь, но не может скакать на ней. Потому что он не умел обозначить на рисунке мышцы лошади, блеск шерсти, еле уловимые движения света на теле. Без всего этого лошадь казалась мертвой. Почему он не может нарисовать ее сзади или спереди, скачущую или пасущуюся на лужайке? Как только он пытался это сделать, животное становилось неуклюжим и не радовало глаз.

Лекур помрачнел. «Ты скотина, – сказал он тихо. – Ты скотина, почему я не могу нарисовать тебя такой, какой вижу?».

Лекур сидел в окружавшей его темноте и чувствовал, что его вишенка, которую можно увидеть, если чуточку повернуть голову влево, оживает под мягким дуновением вечернего прохладного ветерка, подзолоченные розовым закатом листья начинают нежно звенеть, еще немного, и дерево плавно закружится в веселом танце, и Абекуш, несравненная Абекуш, без уздечки, без цвета и света, неживая, но все же несравненная, под циновкой тоже очнется и будет перебирать струнками своих ног, прядать ушами и мощно и чисто всхрапывать, но он не сможет этого увидеть. Вот он сейчас начнет насвистывать, и абекуш тряхнет гривой, пригнет голову к шее, звонко заржет и пустится вскачь, перепрыгивая через старенькую ограду, а вслед ей побежит и вишенка.

Лекур уперся подбородком в колени и стал насвистывать призывную мелодию «исламей». И тотчас на плетень сели десятки золотых птиц с радужно-многоцветным оперением, Абекуш выскочила из-под циновки, птицы вспорхнули и закружились на дворе, переливаясь тысячами цветов, и наступившей тьме вспыхнули искорки света... Абекуш скачет и летает, высекает искры своими точеными копытами, грива и хвост ее то стелются по земле, то витают в воздухе, рассыпая звонкое ржание, а дерево вишня, его вишенка, вся светится, кружит и звенит, и звезды опускаются на его летящие ветви.

– Лекур! А, Лекур!.. Оглох, что ли? Сгони с плетня индейку и кур. Каждый вечер напоминаю тебе об этом. Всех утащила лиса, три курицы да одна индейка остались. Лекур!..

Лекур поднял голову. Бабушка стояла возле курятника, а дерево вишня еле виднелась в темноте. И больше ничего и никого. Как всегда. «Пошли вон!..». Завтра надо пойти к Салиху. «Вон с плетня, я сказал!» Старик выжил из ума, помешался на своей кляче, «Бегите в курятник, проклятые!».

* * *

Лекур шел к деду Салиху и вспоминал последнюю встречу с ним. С Салихом ему всегда хорошо, только он редко подпускает к себе. Можно целый день сидеть и молчать, потом взять и уйти, так и не сказав ничего, но все же остается такое ощущение, словно ты спокойно и долго беседовал с человеком. О чем? Да обо всем. На душе стало спокойно, голову не мучают дурацкие вопросы и сомнения. Разве все не ясно? Каждый живет, как может, но все надо делать правильно, по совести, даже не задумываясь об этом. Вот как река бежит, как дерево растет... Делай, что можешь и как можешь.

Салих сидел на веранде и молчал, а Лекур умиротворенно слушал его молчание. Вдруг дед спросил:

– Скажи, на кого похоже вон то дерево?

Лекур долго смотрит на дуб, вольготно раскинувший свои могучие ветви за плетнем, и не может понять, о чем и зачем его спрашивают. Потом задумывается ненадолго и говорит, почему-то быстро и неуклюже жестикулируя.

– Я знаю, о чем ты говоришь, Салих. Этот дуб похож на летний вечер, ты понимаешь? Вот сидишь под ним вечером, уже темно, смотришь на ветки, закрывающие все пространство над головой, и все равно думаешь о небе, слышишь и чувствуешь его, понимаешь?

Дальше Лекур продолжал свою речь уже молча. Слышен шум листьев, едва-едва заметный. То ли это дуб шумит, то ли что-то в тебе тихо звенит, во всем теле чувствуется какая-то легкость. Такое испытываешь, когда, лежа на спине, долго смотришь в небо с тихими легкими облаками. Огромное дерево висит над тобой, но оно не тяжелое, наоборот, сильное и доброе, оно легкое, поэтому высоко поднялось в небо.

«Дураком родился этот парень, подумал Салих, глядя добрыми глазами на Лекура. Живет сердцем... Ходит по колючкам, воображает или хочет думать, что мягко ступает по мягкой пушистой траве. Трудно будет тебе, парень, но, к твоему счастью, ты редко это будешь осознавать, потому что ты дурак».

– На воспоминание похоже, – сказал Салих.

– На что? – не понял Лекур.

– На хорошее воспоминание. Когда бывает очень жарко, и вдруг неожиданно, ты оказываешься в тени, и свежий ветерок находит тебя... Воспоминания сами находят тебя, ты им нужен так же, как и они тебе. Они все помнят, и какой был свет, и снег, и воздух, и добрые слова... И молодость. Молодость не проходит, она остается в другой жизни и не стареет. Это грустно, но это хорошо.

Вряд ли ты тоже умный, думал Лекур, немного удивленный словами старого человека. «Вообще-то я его понимаю, но откуда в нем такие мысли? Он несколько раз назвал меня дураком, но и сам тоже не умный, просто, наверное, хороший».

Салих долго смотрел на рисунки Лекура. Несколько раз он, молча и с непонятным выражением искоса взглядывал на него. Кажется, он узнал свою Абекуш, поэтому так внимательно рассматривает рисунки, подумал Лекур. А старик чувствовал в душе какую-то обиду, он не понимал ее причину, и это раздражало его. Надо же что-то ответить этому дуралею, а что сказать ему – он этого не знал. Сам же Лекур выглядел совершенно равнодушным, он шел мимо и подсел к старику просто так: справиться о здоровье, поболтать немного. Ну и успел несколько раз, как бы, между прочим, спросить его: где, мол, Абекуш, а старик промолчал.

– Что это? – спросил, наконец, Салих, снял чувяки и опустил свои ноги в шерстяных носках на траву. Он хотел снять и носки, но передумал неудобно перед чужим человеком. Потом еще раз посмотрел на один из рисунков и положил его перед собой.

– Что это?.. Что ты хочешь делать с ними?

– Да я это просто так, ну... нарисовал, что теперь?

– А зачем ты их нарисовал?

– Да просто так, я же сказал.

– Больше не рисуй. Оставь эту лошадь.

– Почему?

– Почему, говоришь? Потому что это повредит лошади.

Салих сейчас понял, почему он обижается на Лекура. Узнав в рисунках свою лошадь, он подумал о том, что кто-то, без его ведома, узнал о его тайне. И не только это. Кто-то легко, без тяжких трудов, через которые он прошел, овладел той красотой, которой один он гордился и дорожил больше жизни. В этом была какая-то опасность, это и не справедливо. Разве легко увидеть красоту, понять ее? Если это так, то так же легко можно разрушить ее или забыть. Она ничего не стоит. Это неправильно. Сказав «повредит», он, возможно, думал и о себе, потому что ему стало больно. Салих сказал:

– Неправильно рисуешь.

– Конечно, неправильно. Тело есть, но... внутри ничего нет. Не бежит, не скачет, силу ее не чувствуешь, цвета ее не видишь... Конечно, неправильно. Поэтому и показываю тебе.

– Ты как это делаешь? – спросил Салих, спросил так, словно не придавал своему вопросу никакого значения.

Лекур быстро сунул руку в карман, извлек огрызок карандаша, перевернул один из листов чистой стороной и ловкими и точными движениями нарисовал Абекуш. Да, это была именно Абекуш. Салих косым неприязненным взглядом следил, как он толстыми короткими пальцами водит карандашом. Когда Лекур закончил рисунок, Салих окончательно понял, что его раздражает. Он поставил ноги в чувяки и, покряхтывая, встал.

«Он хочет одним пальцем рассказать мне о лошади, – думал он. – Он не чувствует запаха и пота абекуш. Каждое существо и предмет имеет свой цвет и запах. А как же... Посмотри на ветви дерева и увидишь его корни. Как же ты живешь на свете, не зная этого? Одним пальцем хочешь понять жизнь. Надо сердцем, душой, кровью смотреть и чувствовать. Потрогай лошадь рукой, почувствуй тепло ее и запах, услышь утробные звуки в ней, всмотрись в ее глаза, пощупай пальцами заветные места. А ты смотришь пальцами. Лошадь – это святая часть нашей жизни, она уходит от нас, погибает, ее спасать надо, а ты... Брось ты это дело, парень, рисуй коров и овец. Оставь Абекуш».

Салих пошел в дом.

– Иди к себе, – сказал он Лекуру. – Забудь про Абекуш.

– Салих,— сказал Лекур, – покажи мне ее. Возьми меня с собой на поляну.

Салих быстро обернулся.

– Что ты сказал, парень? Куда я должен повести тебя?

– К Абекуш. Я знаю, где она.

– Ты бредишь парень? Забудь, если что-то знаешь. Нет у меня больше Абекуш, убили ее.

– Как же нет, если я видел ее? В глубине леса, где кизиловые деревья растут. Да я только помочь тебе хочу. Разве в таком сарае держат лошадь? Я сена накошу, знаю хорошие места...

– Ты меня понял, парень? Мне не нужен твой сарай, и сено твое тоже. Хорошую лошадь всем аулом не выращивают. Сено!.. Разве только сено нужно лошади? Иди домой и пачкай свою бумагу.

С этими словами Салих ушел в дом.

Было обеденное время. Земля продолжает впитывать в себя тепло, после обеда, часам к трем-четырем, она начнет выдыхать его обратно и тогда начнется настоящая жара. Лекур подошел к деревьям, стоящим чуть поодаль от леса, отдельными семейками. Груша, кислица, черный боярышник. Боярышник, как беззвучный – серый и безликий. Груша тянется ввысь с достоинством и о чем-то изредка негромко перешептывается с соседним деревом. Отрадно, подумал Лекур, кислица похожа на бедную усталую вдову, разбросала свои ветви вокруг и беспорядочно, словно торопилась от какой-то беды, и ствол неровный, в одну сторону потянулась, в другую выгнулась, верх дерева сохнет, весь ствол усеян маленькими беспомощными побегами. Живет, как может, как велят...

Лекур отправился домой, насвистывая свой любимый «исламей».

Война пришла в аул

Прошел год. В первые месяц-два жеребенок не подпускал к себе Салиха. Да и сам Салих не торопился со знакомством. Животное должно быть воспитано животным и первые ласки, чувство любви, привязанность и дружбы Бечкан должен почувствовать от своей матери. Не нужно навязывать ему людские отношения, то, что он должен знать о людях, что понадобится ему и его жизни, все это он сам узнает и выберет. Зачем приучать его к тому, что нравится только человеку, ведь в этом случае в нем не достаточно разовьются его природные свойства.

Салих пока только помогал Абекуш воспитывать Бечкана. Абекуш не на воле жила, породу, к которой она принадлежала, вырастили люди, развивая в ней лучшие качества, но лошади всегда чувствовали, что они свободны и детей своих растили сами, именно это и сохранило в них их лучшие свойства, укрепленные затем людьми. Лет десять назад таких лошадей оставалось несколько, но всех их забрали в колхоз. «Это пропавшие лошади», – сказал Салих, узнав про их судьбу, чистая кровь в них превратится в грязный пот. Лошадь такой породы не запрягают в телегу или плуг. Абекуш родилась для красоты, скорости, силы, так растили их мастера. Зачем жить Салиху, если он не сможет сохранить эту породу?

Салих как бы случайно встретился с новым председателем колхоза и сказал ему намеком, чтобы он поберег этих лошадей. Отощавший мужчина с впалыми щеками, болезненно мутными глазами невидяще взглянул на него. Он смотрел на него и молчал, поэтому Салих продолжил равнодушным голосом:

– Жалко, говорю, лошадей. А сам подумал: «Плохи у тебя дела, председатель». Достал кисет и протянул ему: «Что скажешь, Матау? Возьми, выкури».

Матау молча отвернулся и зашагал прочь, сутулясь и кряхтя. Потом остановился и неожиданно заговорил быстрой скороговоркой:

– А тебе меня не жалко? Какой из меня председатель? Ты когда-нибудь видел такого председателя?.. Салих, ты вроде не глупый, но сейчас не могу понять тебя. Земля горит, стонет, люди гибнут и мрут, а ты о чем говоришь? Если лошади пригодились колхозу, так надо этому радоваться.

Председатель ушел. А Салих стоял и думал: «Не знаю, кто из нас умный, а кто глупый. Земля горит, это правда, но почему лошади должны сгореть? Разве нельзя их спасти? Правда, что идет война, но она никогда не прекращалась... Перебейте друг друга все, а я спасу лошадей. Я тоже умру, или убьют меня, тебя тоже, и других тоже, но эта земля и эти лошади всегда будут жить. Вот что я хотел тебе сказать, Матау, чтобы холера тебя взяла!».

Салих иногда с неохотой вспоминал эту встречу с председателем. Он был уверен, что Матау не прав, но и сам он тоже в чем-то ошибается. Но в чем? Пусть собаки загрызут тебя, Матау, разве такую лошадь запрягают, разве без нее не могут закончить эту проклятую войну? Почему ты так уничижительно посмотрел на меня, а?

Жеребенок быстро подрастал, и все мысли Салиха были заняты им. Салих, как его отец, хорошо знал лошадей. Это не всем нравилось, не нравилось многим, что он мог безошибочно оценить любую лошадь, предугадать исход скачек. Иногда, уступая настойчивым просьбам любителей, он готовил одну или двух лошадей к скачкам. И чаще всего побеждали его лошади, он не стал бы готовить к скачкам слабого коня, а хозяин побежденного коня обижался, виня во всем Салиха. Никто особо не задумывался над тем, как сложно готовить лошадь, ведь в скачках принимали участие лошади разных пород. Одни быстро скачут, но так же быстро и устают, другие могут долго скакать, медленно набирая скорость, а финиш уже близок. Сколько раз было так, что лошадь, мысленно отмеченная Салихом, как будущий победитель, приходила третьей или последней из-за того, что седок плохо знал ее. Такая лошадь, потерявшая доверие к человеку, уже ни на что не способна.

Салих пока еще не задумывался над будущим Бечкана, он воспитывал его, помогая Абекуш, так, чтобы он стал таким, каким предназначено ему было быть природой. Остались ли где-нибудь еще такие лошади, они ведь были и в Кабарде, в Черкесии? Мало надежды на это. Жеребенок радовал его, он с каждым днем все явственнее видел в нем те качества, которые были свойственны породам абекуш и бечкан.

* * *

Маленький адыгский аул не миновал войны. Когда красные, отступая, покинули его, пришли немцы и, хотя, кроме стариков, старух и детей в нем уже никого не оставалось, они обыскали каждый дом, сарай и курятник. Потом в ауле наступила тишина, прерываемая изредка только голосами немцев.

Салих из своего двора смотрел на обезлюдевший аул. Только над несколькими крышами вьется слабый дымок. Какой-то пес, пугливо озираясь, перебежал через улицы и спрятался в высокой траве за сараем. Одинокая курица с кудахтаньем взлетела на крышу старенького курятника и замерла, видимо, испуганная непривычной пустотой и тишиной.

Немцы обосновались в центре аула. Поставили два невиданных в ауле зонта, больших и разноцветных. Единственную, более или менее приличную комнатку в конторке прибрали для офицера. Чувствовалось, что они не собираются долго задерживаться здесь.

Салих теперь жил в лесу, в шалаше вблизи сарая, который построил для своих лошадей. Абекуш и Бечкана он заводил в сарай только когда шли дожди, остальное время они находились в лесу. Абекуш он стреножил, чтобы не ушла далеко. Немцы скоро уберутся, не навек же они пришли, думал он.

Но не все предугадал Салих. Немцы решили прочесать лес – то ли кого-то искали, то ли боялись чего-то. Лес был небольшой, за какой-то час, его можно было пройти вдоль и поперек, с северной стороны он тянулся вдоль реки, а с южной краем своим упирался в аул. А вокруг леса тянулись колхозные угодья. Стоял послеобеденный час, знойный, с удушливым воздухом. В такие часы Салих ставил Абекуш в прохладный сарай, затененный несколькими вербами с густой кроной. Вот и сегодня Абекуш стоит в сарае, перед ней солидная охапка зеленой травы, скошенной до наступления дневной жары, а Бечкан, не чувствуя зной, бегает по поляне, вот сейчас он ушел под кусты орешника, обмахивает себя хвостом, задевая им за поникшие листья.

Салих услышал лай собак, но не сразу сообразил, что это немецкие овчарки, он только инстинктивно подошел к дверям сарая, не зная еще, что сделает в следующую минуту. Голоса собак приближались, и он подумал, что так собаки могут гоняться только за крупным зверем, которого уже учуяли по следу.

Он все еще стоял у двери, когда на поляне показались первая собака, за ней вынырнул из леса и немецкий солдат, державший ее на поводке. Почему-то Салих сразу обратил внимание на глаза собаки: она еще никого не видела, а они уже налились кровью, и шерсть на загривке стояла дыбом. Этот зверь бросится на кого и на что угодно, хоть на человека, хоть на дерево, только прикажи ему.

Солдат увидел старика, сразу направил на него автомат и дал короткую очередь. Салих почувствовал острую, толкающую боль в плече и упал.

Все происшедшее видел Лекур. Он с самого утра следил за лошадьми и Салихом. Лекур после разговора с ним понял, что его не подпустят к лошадям, и разработал план действий. Старик зорко стережет своих питомцев, но Лекур смог подобрать к ним путь. Он быстро понял, что с Абекуш не сможет подружиться, но сумел вызвать к себе достаточно доверия, чтобы она не мешала ему

дружить с Бечканом. И самую неоценимую услугу ему оказало, как он сам считал, его умение свистеть. Незаметно для Салиха он подбирался к лошадям на такое расстояние, чтобы они могли слышать его, и начинал свистеть — и вот льются в самозабвенном исполнении веселые, грустные, героические песни, особенно удавались ему танцевальные мелодии. Вначале Абекуш, заслышав свист Лекура, поднимала голову, поворачивала ее в сторону Бечкана, напрягала уши и некоторое время находилась в настороженном состоянии, потом привыкла. И как было не привыкнуть, если Лекур приходил к ним и утром, и в обед, и вечером, иногда задерживаясь до полуночи! Потом он стал ближе подбираться к жеребенку, мог простоять в двух шагах от него час и два. Жеребенок привык к нему, стал подпускать к себе, он получал от него ту ласку и нежность, которой сознательно лишал его Салих. Лекур был счастлив, он готов был целые сутки проводить рядом с ним, гладить его упругие бока, стройные ноги, бегать с ним. Его смущало только одно: жеребенок, которому было только несколько месяцев, чаще всего вел себя как взрослое животное, он не принимал явно выраженных нежностей, они быстро надоедали ему, и он убегал от него, взбрыкивая и мотая головой.

В отношении лошадей Лекур не имел какой-то определенной цели, он просто восхищался их красотой, видел в них какую-то скрытую от него тайну и даже мудрость, мучался, не понимая, кто и как так ладно скроил их мощные тела, о чем они думают долгими ночными часами, не засыпая и не закрывая глаз. Он удивлялся их спокойствию – пасутся ли, пьют воду, купаются в реке под наблюдением Салиха, отдыхают ли от дневной жары, они всегда спокойны, не торопливы, им все известно, каждое их движение рассчитано навсегда. Они не чувствуют себя отдельно от всего, что их окружает, подумал Лекур, где им удобно, там они стоят, пасутся или лежат, ищут хорошую траву, пока не найдут ее, точно зная, что она где-то есть, где им не хорошо, туда они не ходят. А Салих – дурак, подумал он еще, хотя не мог бы сказать, почему он считает его таким. Лекур завидовал Салиху, может быть, не осознанно, но это было так, завидовал и сердился на него. Сердился за то, что Салих раньше и лучше, чем он, понял красоту этих животных, и, заботясь о них, делал какое-то большое и нужное дело, недоступное ему и еще за то, что это дело не доверено ему.

Когда немецкие солдаты зашли в лес, Лекур пробрался к сараю короткой дорогой. Но он не решился подойти к нему, к старику, и предупредить его, он не разговаривал с ним с тех пор, как Салих прогнал его с рисунками и думал, что старик не подозревает о его дружбе с лошадьми.

Лекур сидел, затаившись, в кустах, на краю поляны. Подождал, пока Бечкан подойдет к кустам поближе и посвистел коротко, тем свистом, которым всегда приветствовал его. Жеребенок узнал его, подошел еще ближе, потом прилег в тени густого орешника. Он был совсем близко, в двух шагах от него, Абекуш на поляне не было, может быть, своим животным инстинктом она уже почувствовала какую-то опасность. Лекур стал подбираться к нему на корточках, тихонько подсвистывая себе. Еще сам не зная, что и зачем делает, снял пиджачок, взял в левую руку кусок хлеба, запасенный для Бечкана, и подполз к нему вплотную, вот уже можно погладить его рукой. Когда неожиданно близко послышался лай собак, он накинулся на жеребенка, который уже собирался вскочить, накинул на голову пиджак и сжал в своих объятьях напрягшееся и вздрагивающее тело. Так, лежа в кустах и сжимая испуганного Бечкана руками и налегая на него телом, он увидел, как выстрелили в Салиха и он упал, а потом с десяток немцев выбежали на поляну, вывели из сарая Абекуш, подняли очнувшегося Салиха и увели обоих. Через минуту двое вернулись назад, подожгли сарай. Когда они ушли, Лекур стал думать, что ему делать. В аул нельзя возвращаться, там немцы, значит надо вечером идти домой, предупредить бабушку, чтобы не тревожилась, но как быть с Бечканом? Увидел шалаш Салиха, не сожженный немцами, и обрадовался. Он еще крепче обмотал голову жеребенка пиджаком, с трудом дотащил до шалаша и, запустив его туда, закрыл изнутри.

* * *

Рана Салиха была не тяжелой, но не переставала болеть, но все мысли его были заняты Абекуш и жеребенком. Он видел, как немцы увели Абекуш, но не знал, что стало с Бечканом, и тяжело переживал, считая, что немцы могли просто пристрелить его, потому что вряд ли он дал бы себя поймать. Или убежал в лес, где может стать легкой добычей для волков.

Салих сидел под плетнем, окружавшем контору, со связанными руками и солнце светило ему прямо в лицо. Странно устроен этот мир, думал он, как бы впервые отчуждая его от себя, и равнодушно наблюдая за немцами во дворе конторы. Все вроде заняты каким-то делом, но кому это нужно и зачем – непонятно. Наш председатель не может понять меня, а эти люди пришли, один Аллах зна-

ет, откуда и хотят, чтобы их поняли. Для него они были совершенно чужие, чужими и неприятными были их язык, повадки, лица. Вон один дюжий солдат налег на хиленькую плетень, скоро повалит ее, а ему хоть бы что, не жалко, чужое. Если для него здесь все чужое, то, что привело его сюда?

Что же стало с Абекуш и жеребенком? Он не хотел уже думать о них, считая это бесполезным занятием, они погибли или погибнут. Как же мне узнать, что с ними, как вызволить Абекуш, если она еще живая, где находится Бечкан? Может, лучше было бы отдать кобылу красным? Но какая была бы польза от нее после военных дорог?

Салих почувствовал над собой чью-то тень и поднял глаза. Немецкий офицер стоял от него в двух шагах и смотрел на него. Сапоги из хорошей кожи у этого мерзавца, подумал он, но почему он их так начистил? Сапоги – не игрушка же, да и война ведь. Рядом с ним стоит какой-то суетливый человек с бегающим лицом, сзади них – еще двое с автоматами. Офицер что-то сказал, глядя на Салиха, в уголках его рта таилась насмешливо снисходительная полуулыбка, и непонятно было, специально ли он к нему подошел или случайно остановился. Стоявший рядом с ним человек вздрогнул, забегал лицом, угодливо заглянул ему в глаза, но когда повернулся к Салиху, скорчил презрительную гримасу.

– Ты партизан?

Салих не знал, что ответить. Только Аллах теперь знает, кто он. Но неужели они не видят, что я не партизан, не вооружен, просто старый человек.

– Ты что, не слышишь, скотина?

Салих больше не стал обращать внимания на человека с бегающим лицом, он смотрел на офицера, не понимая, чего он хочет от него. Разве и он не видит, кто такой Салих, разве все не написано на его лице, и руки его, и одежда ни о чем не говорят ему?

Внезапно раздавшийся стук копыт лошади заставил Салиха приподняться. Звонче этого звука раздавались скрип и грохот старой телеги, но он слышал только этот тихий стук. На телеге стояла бочка с водой. Телега заехала во двор, немецкий солдат погонял лошадь толстой хворостиной.

Это была его Абекуш, никогда не знавшая ни хомута, ни хворостины, ни сильного окрика, сама все понимавшая с полуслова, с легкого движения или мягкого прикосновения, выученная и воспитанная Салихом. Старик был ошеломлен увиденным. И первое, что он почувствовал, это обида: «Как ты могла позволить запрячь себя, как тебе не стыдно!? Это же конец всем моим трудам!». Салих повернулся спиной к Абекуш. «О Аллах, неужели на этом свете все сошли с ума? Зачем я дожил до этого дня? Как ты могла позволить сделать такое?».

Немецкий офицер тоже смотрел на Абекуш, смотрел внимательно и напряженно. Он перевел взгляд на Салиха и что-то сказал стоявшему рядом переводчику. Тот спросил Салиха:

– Это твоя лошадь?

– Разве это лошадь, – печально ответил Салих. – Дрянь, а не лошадь.

Офицер подошел к лошади и стал внимательно осматривать ее. Потом велел освободить от хомута и поводить на вожжах. Салих посмотрел на Абекуш и вдруг обрадовался: она была печальна, очень печальна, она сломлена горем. Никогда он не видел ее такой, без присущей ей природной грациозности и упругости движений, все ее тело обмякло, шея повисла вниз, уши вялые. «Как ты несешь свой живот!» – мысленно крикнул ей Салих, уже забыв о том, что обрадовался, увидев ее печальной. «Хорошо, хорошо, – говорил он ей опять, – не торопись, потерпи немного, я могу и обижаться на тебя, может быть, это печалит тебя, потерпи, мы с тобой поймем друг друга». Так он следит за Абекуш, то сердясь на нее, то жалея, и одновременно ощущая свою беспомощность.

Абекуш была не способна понять поведения этих людей. Все, чему учили ее долгие годы, рухнуло разом. Телега не была ей в тягость, Абекуш была очень сильна и с легкостью вывезла ее на берег реки с бочкой и солдатом. Но ей было очень тяжело, она лишилась чего-то важного, может быть, самого главного в своей жизни. Она знала и слушала только одного человека, доверяла ему целиком, хотя не во всем внутренне соглашалась с ним, но терпела и со временем понимала, что все, что делает Салих по отношению к ней, потом начинало нравиться ей. Она поверила, что ее жизнь имеет какой-то смысл и предназначение, потому что в ней появились порядок и гармония, с которыми легче и приятнее было жить. Ухоженная кожа ее легко угадывала малейшие изменения в воздухе и свете, уши улавливали легчайшие шорохи, она знала, какие травы, в какую пору дня слаще, угадывала по шелесту и меняющемуся цвету листьев на деревьях, по поведению животных и насекомых в лесу, будет ли теплый дождик или грянет гроза, в ее теле не было ни

одной клеточки, которую она не ощущала бы ежеминутно. Ничто не мешало ей чувствовать себя лошадью, наоборот, все, чему она училась у Салиха, укрепляло в ней это ощущение – что она – существо со своими особенностями, более того, чем явственнее проявляются присущие только ей черты, тем лучше и ей, и Салиху. Она знала, что с каждым днем становится сильнее, в ней проявляются новые свойства, помогающие понимать окружающий мир, и ничто не угрожает ее существованию. И все это благодаря одному человеку. Но почему вдруг все это рухнуло, как она может вот так сразу все изменить в себе и зачем? Абекуш не могла не думать о том, что все случившееся произошло с ведома и согласия Салиха, это и стало причиной ее печали и страданий. Горе ее было настолько велико, что она уже почти перестала думать о Салихе. Если ее что-то еще могло заставить страдать, так это воспоминание о своем жеребенке, который тоже пропал...

– Эй!.. Эй!

Салиху тоже было плохо. Он понял состояние Абекуш и грустно опустил голову. И вдруг какая-то смутная надежда мелькнула в голове. Он повернулся к Абекуш и внимательно посмотрел на нее. «Ты хорошая, ты замечательная, – говорил он ей мысленно, – ты верна себе, осталась такой, какой я тебя воспитал. Злой ветер срывает с дерева еще зеленые листья, но от этого дерево не умирает. Ты винишь меня? Правильно, но помоги мне, не осрамимся перед этими выродками!

– Эй!

Тень близко нависла над Салихом. Офицер тронул концом хлыста, которым он постегивал себя по голенищам сапог, подбородок Салиха. Переводчик подбежал к нему.

– Это твоя лошадь?

— Да, моя, если ее можно называть лошадью.

Салих первый раз внимательно всмотрелся в лицо офицера, удивился, что не знает его и, почему-то обрадованный этим, еще раз посмотри на него. На кого он похож? Надо вспомнить... Нижняя половина лица, начиная от кончиков ушей, напоминает какое-то животное, но какое?.. Широкое, квадратное, не меняющееся, словно вылитое из чего-то твердого, горделивое, нет, скорее, чванливое. Верхняя же часть совершенно другая: она живая, часто меняется в цвете, розовея или краснея, и тогда становятся видны рыжеватые волосики – не сбриваемый пушок. Эта часть, то строгая, то вялая, и неприятная и маленькие глазки или пристально настойчивы, или равнодушно отчужденны. На какую же половину лица надо смотреть, чтобы узнать, о чем он думает? Или что сделает? Наверное, такой человек и себе не верит, и другому тоже не доверится до конца.

– Старик, подойди к лошади. – Это был голос переводчика.

Салих подошел к лошади, что-то тихо пробормотал. Чуть дрогнуло правое ухо Абекуш. Салих снял с нее уздечку.

– Такую лошадь не запрягают. Она не нуждается в вожжах, – сказал он.

– Покажи ее нам. – приказал офицер.

Никто не видит истинной красоты лошади, ее надо чувствовать так, чтобы словами невозможно было передать. Слова – тень того, что чувствуешь сердцем.

— Чего ты ждешь?

Салих посмотрел на офицера и еще раз удивился тому, что раньше не видел его, и теперь это огорчило его. Люди должны знать друг друга. Он мог бы его понять, если бы они были знакомы. И еще он подумал: этот парень одной половиной своего лица находится на своей земле, а на другой отражается то, как он чувствует себя на чужбине.

Салих что-то неслышно сказал Абекуш; ничто в ней внешне не изменилось, но он понял, что она слышит и понимает его. Не притрагиваясь к ней, он издавал какие-то невнятные звуки, и сейчас можно было заметить, как Абекуш реагировала на него: ноги выпрямились, как струны, голова чуть приподнялась и стала строже, хвост подобрался, уши навострились. «Молодец, молодец», – думал Салих, и Абекуш слышала его, она переставила ноги и подобрала живот.

– Мой отец – большой специалист по лошадям, – сказал офицер, не оборачиваясь к переводчику. – Он и меня учил разбираться в лошадях. Помню, у него есть книга, написанная русским коннозаводчиком, его фамилия, если не ошибаюсь... Урусов. В этой книге описывается и эта порода, мы думали, что она вымерла при Советах... Ну-ка, пусть побегает.

Салих оценил желание офицера, но разве он не видит, что Абекуш прекрасна и без движения? Разве не прекрасно летнее дерево, стоящее одиноко на просторе, или тихая вода в прохладной тени нависающих веток высоких деревьев, или погожий день, с утра до сумерек облагоражи-

вающий мир?.. Абекуш красива тем, что ты тоже становишься красивым вместе с ней, и все это видят и тоже становятся красивыми.

Абекуш услышала Салиха и тронулась с местами, и первые же ее шаги обратили на себя внимание всех. В ее движениях не было выученной рисовки, она шла свободная, осознавая свою красоту. Поставь под ее копыто куриное яичко – она не раздавит его, она не свернет с дороги, если перед ней вспыхнет огонь и даже внезапно возникшая на пути гора ничего не изменила бы в этой поступи грации и гармонии прекрасного тела с окружающим. Большое, сильное тело вдруг превратилось в выточенный одним движением организм, легкий, играющий мускулами, пробуждая в душе восхищение.

«Интересно, что скажет отец, уведев ее, – думал офицер, у которого лицо оставалось прежним. – Он говорил, что некоторым, очень ценным породам из его табуна нужна чистая, горячая кровь, иначе им угрожает вырождение.

– Пусть побегает!

Салих уже понял, что офицер знает толк в лошадях, это было и приятно, и огорчало его – если он раскусил, чего стоит абекуш, что он захочет сделать с ней?

Никто не заметил, какую команду дал старик лошади, но та немного ускорила свой шаг и плавно перешла на рысь. Кто не видел, как бежит лошадь? Интересно наблюдать за бегом любого животного или зверя, но почему больше всех нас восхищает бегущая лошадь?.. Один бежит, обуреваемый страхом, другой гонится за своей жертвой и в каждом его движении чувствуется жестокость, третьему в тягость собственное тело, в нем ни изящества, ни четкой непринужденной четкости и стремительности... Лошадь бежит – и это продолжение ее красоты в новом качестве, когда все члены ее оживают и являют собой единое тело, подчиненное внутренней энергии, радостно освобождающейся в каждом мускуле, каждой клеточке, чтобы отдаться этой безудержной стремительности. Если настигнет ветер, – будет только играть ее гривой и хвостом, не в состоянии разрушить эту красоту, нахлынет дождь, – и вода будет разбрызгиваться тысячами капель на ее теле и серебристыми всплесками вырываться из под копыт, окружая ее звонким сиянием.

Все присутствующие зачарованно смотрели на Абекуш, и это опять опечалило Салиха.

– Скажи этому старику, что я эту лошадь отправлю в Германию, – это офицер обратился к переводчику. Там за ним будет настоящий уход.

– Не нужен ей такой уход, – мрачно сказал Салах. – Она выросла на нашей земле и только здесь ей будет по-настоящему хорошо.

– Нет, старик, здесь она пропадет. Пока мы тут наладим все...

Салих вдруг понял, что всегда ждал подобного конца. Надо что-то делать... Лес отсюда недалеко, шагов двести, не более, но как добраться до него? После родов Абекуш не такая уже быстрая, да и без меня вряд ли убежит.

Вдруг со стороны леса, куда смотрел Салих, раздалось звонкое ржание Бечкана, жеребенок Абекуш, это в его голосе были и боль, и страдание, и призыв к помощи. Абекуш замерла, как вкопанная, застыла, как изваяние, напряглась, навострила уши, глаза расширились и округлились, и она издала через гневно затрепетавшие ноздри ржание, от которого у стоявших вокруг немцев по коже пробежали мурашки. Она поднялась на задние ноги, еще раз громко заржала и, подскочив к Салиху, мягко толкнула его мордой в плечо. Салих не успел еще опомниться, он только краешком глаза увидел, как офицер стал расстегивать кобуру, затем послышался еще раз призывный клич Бечкана. Салих толкнул в грудь абекуш и сказал, хотя она уже не нуждалась в этом:

– Иди!..

Абекуш натужно всхрапнула, одним рывком достала офицера и свалила его ударом головой в грудь, потом поскакала, но не прямо, а, быстро скрывшись за конторой, обогнула домик и, защищенная им, рванула в сторону леса.

Немцы стреляли ей вслед, но никто не попал.

Когда офицер пришел в себя, он приказал одному из солдат отвести Салиха к небольшому болотцу, расположенному совсем недалеко, еще до леса, и расстрелять. Немец взял с собой недоеденный кусок арбуза и жевал его по пути. Когда дошли до болотца, он велел Салиху войти в заросшую кугой и невысокой осокой мутную воду по грудь. Когда Салих остановился и стал поворачиваться к нему лицом, немец отбросил в сторону остатки арбуза и дал короткую очередь из автомата. Салих почувствовал сильный толчок в грудь и вслед за раскаленным свинцом — быстрое и легкое дуновение.

* * *

В летнем легком платьице, босоногая, с коричневыми от загара ногами девочка идет берегом реки. Трава невысокая и мягкая, и вся усыпана росой. Вот остановилась: увидела две росинки, одна красновато-желтая, другая голубая, если чуть склонить голову, цвета меняются. Она играет с ними, то чуть отвернет в сторону голову, то начинает тихо приседать, теперь пошла вперед, пригнувшись, крадучись, как кошка, замерла на месте и выпрямилась разочарованная, значит, потеряла замеченные капельки. Она вернулась назад, но росинки уже не показывались. Постояла минутку, грустная, потом снова повеселела, помчалась по траве, сбежала с невысокого берега и подошла к роднику, со дня которого тихо и медленно поднимались, вихрясь, золотые, серебряные, изумрудные струйки. Девочка нагнулась к роднику, но тут же испуганно отпрянула: она увидела на чистой водной глади бородатое лицо с цигаркой, зажатой в желтых зубах. Салих не видел этого лица. Он увидел только, как вслед отпрянувшей девочке из воды показались длинные руки со скрюченными пальцами. «Не бойся! – закричал Салих. – Не бойся! Я убил его». Руки тут же исчезли, но девочка стала уходить, сказала, не оборачиваясь: «Ты убил его?» – В ее голосе были и страдание, и боль, и удивление. «Ты убил его?» – сказала она, упирая на «ты». Эхо несколько раз повторило слово и скатилось с берега. «Подожди! Подожди, почему ты утром пришла к роднику?». «Потому что я хочу воды...». «Но ведь день еще не начинался?». «А я всегда хочу воды... Я все время хочу воды из твоего родника». «Так пей, пей, сколько хочешь!». «Нет, уже не хочу... Там мертвое тело». «Пожалуйста, не уходи еще!..». Девочка остановилась, повернулась к нему лицом и вдруг оказалась совсем близко, и Салих вздрогнул от испуга: глаза ее были закрыты, голова беспомощно свернута чуть набок, из пальцев правой руки торчат зеленые длинные стебли подводного растения...

* * *

Лекур и Саня нашли Салиха в болоте, затылком он упирался в плотный кустик из осоки, а ноги почти по колено стояли в тине. Они вынесли его из воды ночью.

* * *

Богатыри проезжали мимо него, и им не было конца. О Аллах, почему они все на одно лицо, и где я их видел? На кого же они так похожи? Все в кольчугах, хорошо вооружены, доспехи сверкают на солнце и не слышно ни одного звука, бредут устало и молча.

– Куда вы отправились? – спрашивает Салих.

– Уходим.

– Куда?

– Разве не видишь? — не глядя ни на кого, отвечает кто-то, и каждый их всадников повторяет эти слова. Он смотрит вслед голосам и видит Абекуш: она идет следом за батырами, хвост ее висит безжизненно, за ней следует Бечкан.

– Куда вы отправились? Куда? – кричит Салих. – А я? Я... Я.. Я.. – голос Салиха скачет понад головами всадников. Абекуш тоже не оборачивается. Салих смотрит вокруг: все окружающее его тоже куда-то медленно движется, как на плаву, и деревья, и травы, земля тоже плывет из-под ног, все остальное бесцветно, безжизненно, безмолвно и какой-то тонкий жалобный звук несется вслед всему уходящему, покидающему его.

– Куда вы? – кричит еще Салих, пытаюсь заглянуть в лица батыров.

Лекур!.. Все всадники на одно лицо, это Лекур. Это придало смелости Салиху, и он закричал еще сильнее и сердито:

– Куда вы, дуралеи?

– Уходим, Салих, уходим туда, куда уходят те, кто потерял надежду.

– А лошадь? Куда вы уводите мою лошадь?

– Она сама идет за нами, она сама так захотела. А мы никто, мы ее тени. Возьми это...

Лекур достает из-за пазухи несколько листков. Салих смотрит на них: на всех листках нарисована Абекуш: она стоит боком, это ее фигура, ее сухая голова, тонкие, как струны, и крепкие ноги, все нарисовано одной линией, ни мускулов, ни шерсти, холодно ли ей, жарко ли, непонятно, стоит как неживая.

* * *

Лекур с Саней донесли Салих до леса. Оставив Саню с Салихом, Лекур побежал в аул, сказал, что принесет чистые тряпки. Но, где-то через час вернулся со своей бабушкой, которая взяла с собой и тряпки, и горячую воду в кувшине, какие-то целебные травы. Она долго возилась с Салихом, не поднимая головы, и только когда Салих застонал, облегченно вздохнула. Лекур увел ее домой на рассвете. Потом они соорудили небольшой шалаш в лесу, Салих пролежал там три дня. Когда немцы покинули аул, Салиха отвезли в аул, к бабушке Лекура, чтобы она подлечила его. И только тогда Лекур вспомнил о лошадях, и, в первую очередь, о Бечкане.

...Когда Лекур затолкал Бечкана в шалашик и снял с его морды свой пиджачок, жеребенок секунду стоял недвижно, с высоко поднятой головкой и вытаращенными глазами, быстро освоился с темнотой и случившимся с ним. Потом раза два тихо заржал, громко всхрапывал, он звал мать и ждал ответа, которого не дождался, и стал лягаться и мотать головой. Лекур испугался, шалаш был ненадежен, и жеребенок, отчаявшись, мог разнести его. Лекур взял свой пиджачок за рукава и, улучив удобный момент, снова накинул его на шею Бечкану, завязал рукава и вывел его из шалаша. Так держа крепко конец перепуганного жеребца мертвой хваткой, он довел его до края леса, откуда и раздался позже призывный голос Бечкана, услышанный матерью. А когда Абекуш вырвалась из плена, жеребенка уже невозможно было удержать, Лекур понимал, что если Абекуш доберется до них, то ему самому не поздоровится, и он отпустил Бечкана... Лошади убежали в лес, а Лекур не ушел, он увидел все, что потом произошло. Когда стемнело, он вернулся в аул, на ходу ругая Бечкана про себя и называя последним дураком. Он думал, что Салиха убили, но Сане так не сказал. Оба были очень взволнованы, Лекур, думавший, что Салих мертв, все же испытывал крайнее возбуждение, у него то и дело увлажнялись глаза от мыслей о том, что, хоть Салих и мертвый уже, но он окажет ему помощь, вытащит из болота и ночью вместе с Саней похоронит его.

Два месяца не вставал Салих с постели. Немцы отступали, их погнали наши назад, так сказал, вернувшийся без ноги, аульчанин. Снова замелькала на улицах и в поле изможденная фигура председателя, который всегда ходил так, словно прорывался сквозь ураганный ветер. Салих, как только встал, похудевший и слабый, отправился на поиски своих лошадей, и через час нашел их в лесу. Лекур был удивлен и ошарашен, он с Саней искал лошадей все два месяца и не мог напасть на их след, а старик отыскал их за какой-то час в лесу за рекой.

Салих, увидев, лошадей на маленькой поляне, долго наблюдал за ними, не показываясь им. Нет, никаких изменений он не увидел в них. Бечкан подрос, возмужал, сказал он себе, может, оно и к лучшему, что, столько дней он был с матерью на свободе, она показала ему места, где хорошая трава, и речку, и лес в разное время суток, научила прислушиваться к звукам природы и изменениям погоды. Он заметил, что они чувствуют себя свободными, что они воспринимают мир таким, каким они, лошади, могут и должны знать его. Так и должно быть, как и чему не учи лошадь, она должна оставаться со всеми своими свойствами и качествами, настоящий мастер не вредит им, а улучшает и развивает их.

Да, Бечкан подрос, в нем уже явственно видны качества отца и матери. Он будет сильным и быстрым. У него будет добрый характер, материнский, ум, помогающий приспособиться к любым неожиданностям, и отцовская сила, выносливость, выдержка.

Абекуш почувствовала Салиха. Она повернула голову в его сторону, и некоторое время смотрела на него, ничем не показывая ни радости, ни огорчения. Потом всхрапнула раза два, призывая сына к вниманию. Бечкан подошел к матери и стал рядом. Потом они вместе подошли к старику. Салих осмотрел Абекуш со всех сторон. Кажется, чуть похудела. К Бечкану он отнесся построже, не стал близко подходить к нему, просто дал понять, что видит его, помнит, знает. Впереди у него большая жизнь, нельзя приучать его к нежностям, необходимую ласку он получает от матери.

Салих пошел домой, Абекуш и Бечкан шли следом за ним.

Тяжелое время

Прошло три года после войны.

Салих стал немым. Изредка он мог сказать два-три слова, но, на большее его не хватало. Саня, научившийся хорошо говорить на адыгейском языке всегда был с ним рядом. Когда Салих, сказав несколько слов, терял дар речи, и, не замечая этого, продолжал беззвучно шевелить губами, Саня смотрел на них и понимал, о чем говорит старик.

Лекур отказался от своей бригадирской должности, которую занимал за неимением лучшей кандидатуры, он стал табунщиком и пас ночами десяток изможденных непосильным трудом лошадей. Днем он бывал с Салихом и Саней. Салих перестал ходить в аул, сестра его умерла, и теперь ничто уже не связывало его с аульчанами.

Абекуш могла еще родить, Салих это знал, но где взять такого жеребца, породистого, который мог бы продолжить кровь абекуш? Когда же, он ощущал в себе какую-то непонятную пустоту, не мог заглянуть в себя, словно тьма поселилась в его сердце. Он был доволен Абекуш, она оправдала его надежды, подарив ему жеребенка, в котором соединились лучшие достоинства двух замечательных пород. И все же равнодушие, порожденное чувством беспомощности, стало часто посещать его, и он, похоже, все реже задумывался о судьбе Бечкана.

Может быть, он устал сердцем. Лучше всех это чувствовала Абекуш, которая оживлялась только при виде Салиха. Иногда они вместе проводили целые ночи, Салих устало присаживался на землю, Абекуш подходила к нему и простаивала над ним и час, и два, склонив свою голову к его плечу, словно сторожила сон этого усталого человека. Временами Салих, словно опомнившись от чего-то, начинал внимательно рассматривать Абекуш и с грустью замечал, что глаза ее теряют живой блеск, грива редеет, шерсть уже не гладкая и не ровная цветом, и его охватывала печаль. Он гладил Абекуш слабеющей рукой по шее, и лошадь грустно опускала голову, словно чувствуя какую-то вину перед ним. Может быть, именно потому, что каждая встреча с ней давалась ему теперь все труднее, он стал отдавать ее на ночь в табун Лекура.

Лекур радовался, когда Салих доверял ему свою красавицу. Он теперь забросил свои рисунки и не мог насмотреться на нее. Но он не понимал печальной усталости и равнодушия ее, не мог взять в толк, почему абекуш не радуется встрече с ним. Она никак не относилась к нему. Когда он пытается погладить ее по шее или по бокам, она устало и равнодушно поднимала свою красивую голову, отказываясь от непрошенной ласки, или поворачивалась к нему боком, и уходила от него. И все же он был рад, тому, что ему достаточно было видеть ее и чувствовать какую-то ответственность за нее, он знал, что она умная, понимает его и прощает ему его ребяческие нежности.

Лекур был счастлив и не понимал, почему Саня задерживается после уроков: то пионерские дела, то колхозу помогали, то еще что-то. Нет, пусть учится, конечно, но зачем лишний раз задерживаться в школе? Он мог бы взять его к себе помощником, хотя бы на ночь. А ночь – это самая прекрасная пора. Ты один в доме, один в лесу, на речке, разводишь костер, жаришь на углях картошку или белую тыкву, у тебя есть молоко и хлеб, ты сам себе хозяин. Правда, ночью в лесу, он чувствовал себя неуютно и тревожно, и хоть его не покидало ощущение присутствия чего-то и кого-то, коня он не видел и не слышал и ничего не мог поделать с этим. Он закрывал глаза, чтобы почувствовать это что-то, затыкал уши, но, и не видя и не слыша, чувствовал вокруг себя нечто такое, с чем не мог слиться так, чтобы не чувствовать его отдельно от себя, как чужое. Даже дыхание меняется, тело настораживается и напрягается, хочется все время смотреть по сторонам, искать что-то, что присутствует рядом, но ты не видишь.

И все же лес притягивает к себе. В нем есть затаенная большая сила и своя жизнь, но он не впускает тебя в себя. Вот он дышит, издает настораживающие кровь звуки, что-то вздрогнет под ногами, что-то прошелестит, потом посмотришь вверх – кроны деревьев, сплетенные в таинственные очертания, молча смотрят на тебя. Иногда он вот так застынет, с вздернутой вверх головой, ноги прирастут к земле, руки чуть растопырены, стоит, пытаясь сразу все ощутить вместе: почву под ногами, стволы деревьев, воздух, звуки, переплетения черных ветвей и темное небо между ними. В редкие мгновения, казалось, что ему удалось стать частью леса... Но это быстро проходило.

Лекур был счастлив, он обрел себя не земле. Конечно, он изредка вспоминал о женщинах в табачной бригаде, он их жалел и если бы мог, всех их сделал бы табунщиками, но откуда достать столько лошадей?

* * *

На рассвете Лекур погнал лошадей в аул. Густой туман стоит над землей, в десяти метрах от себя он с трудом различает крупы впереди идущих лошадей, Абекуш идет крайней слева, он всегда знает, где она находится. Лекур присвистывает. Вот в такую пору, наверное, раньше рыцари нападали. Табун замыкаю я, значит, рыцарь должен отбивать лошадей у того, кто впереди табуна, а я один, он будет драться со мной!.. Лекур поднял женские покатые плечи и крепче обхватил ногами бока коня.

Лекур испуганно вздрогнул от резкого и испуганного ржания лошадей. Почему-то соскочил с коня и бросился туда, откуда раздались звуки. Он увидел, что передние кони разбегаются, вблизи опрокинувшегося мотоцикла с коляской лежат две лошади, пытающиеся встать на ноги. Лекур узнал в одной из них Абекуш и чуть не вскрикнул от испуга. Абекуш пыталась встать, опираясь на передние ноги, мотала головой и часто и испуганно всхрапывала. Он подбежал к ней, и Абекуш, увидев его, перестала дергаться, но от нестерпимой боли продолжала стонать утробными звуками. Лекур от сострадания беззвучно плакал и шептал: «Подожди, милая, не дергайся... А-я-я – что же это такое, а?». Он посмотрел по сторонам заплаканными глазами и сквозь пелену тумана увидел мужчину, который прыгал к нему на одной ноге, придерживая другую рукой.

– Это ты, скотина косолапая!.. Ах ты, отродье собачье! Я чуть не убился из-за тебя, урод!..

Лекур узнал заместителя председателя колхоза. Он с нескрываемым удивлением наблюдал за тем, как тот ковылял к своему мотоциклу, узнал и этот мотоцикл, старый, вечно ремонтируемый им, говорили, что от немцев остался, но в ауле никто никогда ничего подобного раньше не видел, и этот человек очень гордился им. Все это мелькнуло в голове Лекура в одну секунду, он смотрел на мужчину, не в состоянии думать ни о чем другом.

– Чего ты стоишь, собачий сын?! Ты чего стоишь, ы? Помоги поднять мотоцикл. Я тебя убью на этом месте, если с ним что-нибудь случилось! А ну помоги!

– О чем он говорит? Он что, сошел с ума? – Лекур приблизился к мужчине, он шел к нему, дрожа всем телом и продолжая плакать.

– Что ты сказал? — он притронулся кнутом к его спине, склоненной над мотоциклом. – Я спрашиваю – что ты сказал?

— Вот видишь, фара разбита, а что с крылом?

Лекур ничего не понимал. Абекуш лежит рядом, а этот возится с мотоциклом.

– Ей! – сказал Лекур дрожащим голосом. Потом крикнул неожиданно окрепшим голосом. – Эй! – Он схватил огромного мужчину в охапку, как моток шерсти и, роняя и снова поднимая его с земли, понес к Абекуш.— Посмотри, что ты сделал с ней! Посмотри, говорю!.. Что ты натворил!? – Он стал хлестать его кнутом. Мужчина несколько раз вскакивал, что-то пытался сказать, но Лекур снова и снова сбивал его страшными ударами. Лекур был разъярен и бил заместителя жестоко и нещадно, он никогда никого не бил, ни людей, ни животных, а этого отделал от души. Он лежал у его ног только тихо скулил, как побитая собака.

...Нет, не побил Лекур мужчину кнутом. Он сидел над Абекуш и тихо плакал. А мужчина продолжал ругать его, пытался поднять свой мотоцикл, просил его, крича и ругаясь, о помощи, бегал между ним и мотоциклом. А он сидел и плакал. И вдруг услышал звонкий топот копыт и поднял заплаканное лицо. К ним стремительно скакал Бечкан.

Страшен был вид Бечкана. Он разрывал туман своим бегом, грива его металась в воздухе, из ноздрей полыхал огонь, а из-под копыт взметались искры. Стало тихо, Бечкан бежал через проход, образованный лошадьми, от его звонкого и гневного ржания дрожали даже травы. «Вот он!» – сказал Лекур, дрожащей рукой показывая на мужчину. «Он виноват во всем!» «Тр-р-р! Тр-р-р!» – неуклюже размахивая руками, словно разгоняя кур, закричал мужчина. Но, увидев, что Бечкан продолжает бежать на него, быстро поднял мотоцикл, вскочил на него и поехал. Но разве можно было убежать от Бечкана! Он догнал его, перепрыгнул через мотоцикл и, развернувшись, передними ногами опрокинул его вместе с седлом. Мужчина вскочил и побежал, за ним скачет Бечкан, вот он догонит его, и Лекур кричит, видя, что мужчина уже близко подбежал к высокому речному обрыву: «Остановись, Бечкан, ты его убьешь!». Но Бечкана трудно было уже остановить...

...Нет, Бечкан не прибежал к Лекуру на помощь. Лекур сидел над Абекуш и плакал. Мужчина завел свой мотоцикл, оседлал его и отъехал, ругаясь и грозя ему. Лекур связал здоровые ноги абекуш и гнедого, разрезав свой аркан, а перебитые обмотал, разорвав свою ветхую рубаху. Потом побежал в аул и прислал Саню посторожить их, а сам позже вернулся с мужчинами на подводе, на которую погрузили искалеченных лошадей. Лекур попросил везти их прямо к Салиху.

Дело можно было замять, но на правлении решили наказать заместителя председателя, и тот взбеленился. Его мотоцикл, видите ли, стоит намного больше, чем весь этот нищий табун, и он заставит Лекура и Салиха расплатиться с ним. Дело осложнилось тем, что Абекуш не была записана в колхоз, никто толком не знал, где и когда Салих приобрел ее, если бы он работал на ней, тогда еще можно было поискать и найти законы, чтобы забрать ее в колхоз, но Абекуш никто никогда не видел ни под хомутом, ни на какой работе. Люди видели ее с Салихом в лесу, где-нибудь вдали на лугу, одни не обращали на них внимания, другие посмеивались, считая блажью заботы Салиха о лошади. Кто-то мог остановиться, увидев Абекуш на солнечной поляне, полюбуется ею, забудется на минутку, потом пойдет дальше своей дорогой, тут же забывая о ней. Гнедой же был колхозным, за него могли спросить с заместителя, но как быть, если он подаст на Салиха, то бишь на Абекуш, в суд? Заместитель доказывал, что без мотоцикла совхоз чуть ли не пропадет, кое-кто мог в это поверить, потому что он целыми днями носился на нем, поднимая пыль и пугая людей и птиц, ездил в район, поговаривали, что председатель больной, и этот скоро заменит его.

Но нашлись и сторонники Салиха, никто официально не поддерживал его, многие чувствовали неправоту заместителя и говорили об этом в ауле, а слухи имеют большую силу. Заместитель тоже почувствовал это и написал жалобу в город. Но пришлось ему и всему аулу ждать еще целый месяц.

Салих лечил покалеченных лошадей сам. Он подвязал их к балкам в сарае, широкими кожаными ремнями обхватив в три круга их животы, здоровыми ногами они еле-еле доставали до земли, а покалеченные свободно висели. Лекур и Саня видели, как он каждый день, массирует им ноги, снимает бинты, мажет их какими-то растворами, а спустя три недели стал опускать лошадей ниже, так, что три ноги уже почти твердо стояли на земле, а больные уже упирались в пол. Прошел месяц, лошади были освобождены от ремней, и вскоре Салих стал выводить их на прогулку.

Вот в эти дни и приехал из Краснодара человек по жалобе заместителя, и они вдвоем появились во дворе у Салиха. Русский был одет в синие галифе, уже порядком потрепанные, на ногах – блестящие хромовые сапоги. Салих некоторое время равнодушно смотрел на него, но заметил, что этот человек много времени провел в седле. Лицо заместителя было строгим и неприступным.

– Старик, – начал заместитель суровым голосом. – Мы уже побывали у председателя, «делай с ними что хочешь», вот что он сказал. Теперь вот этот человек из города скажет, как он скажет, так и поступим. Гнедой, колхозная лошадь, и так бы скоро подохла, а твоя все время паслась на колхозных землях, никому пользы не принесла. Я ему все рассказал, мог бы потребовать, чтобы ты заплатил за мотоцикл, но что с тебя возьмешь? Поэтому мы договорились, что он отвезет лошадей в город на колбасу, а их стоимость мне выплатит на ремонт мотоцикла. Вот так.

Салих ничего не ответил. У русского было усталое лицо, он присел на крыльцо, достал из кармана кисет, скрутил цигарку, не глядя на руки, лизнул края бумаги привычным движением языка и прикурил. Несколько раз глубоко затянувшись, он мельком взглянул на Салиха, прошелся усталыми глазами по двору. Вернулся из школы Саня, подошел к Салиху.

– Где лошади? – спросил русский, ни на кого не глядя.

– Он спрашивает: где лошади, не слышишь, что ли? – быстро сказал заместитель.

Саня посмотрел на Салиха, потом сказал на русском языке.

– Они в сарае.

— В сарае, говоришь? Пусть выведут. Они ведь уже здоровые?

Саня опять посмотрел на Салиха, пошел в сарай и вывел гнедого.

– А второй?

– Он спрашивает — где второй? — снова спросил заместитель.

— Нечего на него смотреть, – сказал Саня, глядя на Салиха.

Заместитель пошел к сараю, сердито что-то бормоча себе под нос, зашел туда и тут же выкатился оттуда кувырком. Он встал, кряхтя, и подошел к русскому, сердито обращаясь к нему.

– Сволочь какая, а? Она меня ударила головой!

– Головой, говоришь? – русский немного оживился, потом посмотрел на Салиха. – Отец, выведи свою лошадь... А чем же она будет бить, если у нее болит нога.

Салих молча встал, он вывел из сарая Абекуш. Абекуш была грустна, но, увидев незнакомых людей, подобралась и встала ровно, подняв свою красивую голову.

– Зарезать надо эту паршивую скотину! — начал опять заместитель.

— Ну-ка не суетись, – оборвал его русский, встал, лицо его заметно изменилось, в глазах появилось любопытство. Он направился к Абекуш, но Саня предупредил его.

– Не подходите близко, он, кроме дяди Салиха, никого не подпускает к себе.

– Понял тебя, сынок, – сказал русский, останавливаясь, – называй меня Никифором Савельичем, дядя Никифор. Ага... откуда взялась эта княжна, а? Твой дед ничего не скажет нам?

– Это дяди Салиха конь.

– Это я уже понял.— Он повернулся к Салиху. – Отец, откуда конь?

– Дядя Салих не разговаривает, немцы два раза убивали его. А Абекуш он сам вырастил.

– А ты не хитришь парень? Чтобы вырастить такую лошадь, знаешь, сколько надо прожить?.. Какая красавица, ты только посмотри на нее! Надо шапку снимать перед таким конем, ноги ей надо целовать. А-я-я! – Никифор Савельич еще раз обратился к Салиху. – Скажи, отец, твой малец не хитрит, ты вырастил эту красавицу?

– Саня, спроси его, что он понимает в лошадях, – Салих повернулся к Сане, беззвучно шевеля губами.

– Я служил в кавалерии, и в Гражданскую войну, и в Отечественную. Я видел много лошадей, отец, но такой еще не встречал. Ты меня обрадовал, отец, не знаю даже, как тебе сказать.

– Саня, кажется, это хороший человек, может быть, поможет нам, скажи ему, что у нас есть еще жеребенок.

Саня сказал.

– Говоришь, и жеребенок от нее есть? А кто отец ему и где он?

Салих поднялся с места и направился к реке, он знал, что в такое время дня жеребенок приучен пастись вблизи реки – солнце стремилось к зениту, воздух наполнялся жарой.

Жеребенок пасся там, где предполагал найти его Салих. Шерсть его блестела на ярком солнце, он словно не чувствовал наступающую жару. Никифор Савельич, увидев его, остановился. «Ну и ну», – только это и сказал он. Заместитель присел в тени под ближним деревом. Саня стоял рядом с Салихом.

– Вот что я тебе скажу, отец. Я не знаю, кто и что ты за человек, откуда у тебя такие красавицы, но я тебе скажу, что твой председатель полный дурак, а этот, его зам... я и говорить о нем не хочу... Ах, какой красавец!.. И что ты собираешься желать, отец? Это бесценные кони, ты понимаешь это? Это государственной важности дело! Надо забрать их отсюда. Скажи ему об этом, малец.

– А он сам все понимает, ответил Саня.

– Ты меня понимаешь, отец? Тогда вот что я могу сделать для вас: я забираю жеребенка, вместо него привезу двух лошадей для колхоза.

– Нет, – сказал Саня, глядя на губы Салиха. – Лошадей никому не отдам. Лучше пусть колхоз поможет мне найти породистую кобылу для жеребенка.

– Да кто тебе поможет, вот этот, что ли? Показал он рукой на заместителя, потом повернулся к нему, и лицо его неожиданно стало грозным и сердитым. – Ты понимаешь хоть, что это за лошади, которых ты хочешь резать на колбасу? Мотоцикл!.. Да один этот жеребенок стоит всех мотоциклов на свете! Тьфу!.. Отец, прошу тебя Богом, отдай ты мне жеребенка!

Салих молча отправился домой. Никифор Савельич посмотрел ему вслед, взглянул еще раз на жеребенка, шумно выдохнул воздух, и лицо его опять стало старым и уставшим. Он постоял еще немного, потом повернулся к заместителю:

– Пошли... колбаса.

Бечкан и жеребец

Салих не отпускал жеребенка в табун. Днем он сам следил за ним, а ночью держал в сарае.

В один из последних летних дней Бечкан увидел за рекой с десяток чужих лошадей. Среди них выделялся рыжий жеребец в белых носках, с густой гривой, костистый и крупный. Он чувствовал себя хозяином, время от времени вскидывал свою крупную голову и обводил взглядом лошадей, потряхивал гривой, внюхивался в воздух, и лошади послушно следовали за ним. Бечкан не мог отвести от него взгляда, потому что сразу невзлюбил его.

Бечкан стоял недвижно, зорким взглядом провожая табун. Он не мог понять причину мгновенно возникшей в нем неприязни к рыжему жеребцу. Может быть, он впервые почувствовал, что в его жизни есть нечто такое, что мешает ему ощущать себя свободным до конца, но, увидев табун и вместе с ними жеребца, он позавидовал им. Это ощущение еще не было определенным, но его сразу потянуло к лошадям. Ему еще не приходилось бывать в табуне, он знал только свою мать, Салиха, Саню, Лекура, чувствовал и понимал лес, воздух, травы, солнце, дожди. Что, кроме всего этого, он должен еще знать? Правда, с возрастом он стал более чуток к звукам, запахам. В первые год-два он воспринимал мать целиком – и тело ее, и голос, и запах – вместе с собой, со своим телом и ощущениями своими. В редкие минуты, когда Абекуш ложилась на землю, подгибая под себя передние ноги и чуть склоняясь набок, Бечкан укладывался с ней рядом и блаженствовал, ощущая и свое и материнское тела как одно целое. Теперь многое стало меняться. Стоя рядом с матерью, Бечкан иногда чувствовал незнакомые ему запахи, идущие от нее, одни из них по-прежнему притягивали его к ней, привычные и приятные, другие вызывали непонятные ощущения, раздражающие именно этой непонятностью. Ему нелегко было свыкнуться с мыслью, что между ними возникает какое-то отчуждение, что теперь мать часто забывает о нем, становится равнодушной, а порой и тяготится его назойливостью. В такие минуты Бечкан резко отходил от матери, мотая своей красивой, сухой головой и пускался вскачь. Успокоившись, он так же резко останавливался, высоко задирал голову, нюхал воздух и ржал, раздувая черные ноздри.

Абекуш, кажется, понимала, что происходит с сыном, и по-своему помогала ему. Она знала, что он стал взрослым, это видно было по его поведению, по тому, как он сам уже находил травы, как относился к ветру, дождю, к утру и вечеру и знала, что с каждым днем он все меньше стал нуждаться в ее помощи. Она дала ему полную свободу, а может, освободила себя и продолжала жить привычной жизнью. Не все ей нравилось в сыне, не все его повадки и привычки были ей понятны, но она теперь бессильна перед ними, да и незачем пытаться что-то изменить в жизни повзрослевшего Бечкана. Их отношения сейчас складывались как отношения двух давно уже знакомых друг другу существ.

Бечкан инстинктивно понимал, что в окружающем и понятном ему мире становится тесновато, силы и возможности, выросшие с течением времени, рождают новые желания и с ними все труднее совладать. Они тревожат его молодую кровь и будоражат силы, и он одинок теперь, никто не может помочь и не ищет ответа для него. И когда он впервые увидел лошадей, показалось, что он заглянул в иной мир, тот самый, что был скрыт от него и тревожил своей таинственностью.

Бечкан стал поджидать нового появления табуна. Спустя несколько дней лошади снова показались, и он снова почувствовал волнение в крови, только теперь более сильное и настойчивое, чем первый раз. Он ощутил дрожь в ногах, а в груди стало тепло и тесно. Одновременно он показался себе сильным и легким, и радостное возбуждение охватило все его тело. Он постоял еще немного, раздувая ноздри и выкатывая смолянистые глаза. Потом, словно играючи, легко спустился с крутого берега, вошел в воду и, почти не намочив спину, держа свою сухую голову высоко над водой, переплыл реку, не останавливаясь, взбежал на противоположный берег, отряхнулся от воды и приостановился, настороженно вглядываясь в табун.

Лошади паслись близко. Свежий ветерок, поддувавший с их стороны, доносил до него спокойное всхрапывание животных и запахи с близкого хутора. Но он отчетливо различал среди них запахи табуна, они казались ему незнакомыми, заставляли мучаться и испытывать неизвестное ему глубокое волнение.

Минуту спустя его до предела напрягшееся тело расслабилось, он словно не владел уже им, осталось лишь одно желание, толкавшее его вперед, к табуну, и он пошел, иногда опуская голову к траве, но не чувствуя и не видя ее. Он сейчас ощущал только запахи, кружившие ему голову и видел, как бы через какую-то пелену, табун, в котором не мог еще различить отдельных лошадей.

Первым увидел его рыжий жеребец, который не издал никакого звука, только перестал пощипывать траву и повернул к нему свою голову, и все лошади почти одновременно повторили его движение. Жеребец, видать, имел крутой нрав, он сразу забеспокоился, громко и прерывисто всхрапнул, двинулся к Бечкану, потом повернулся к табуну, обежал его кругом и снова направился к непрошенному гостю.

В действиях Бечкана не было обдуманной цели, более того, он чувствовал за собой какую-то вину и осознавал, что переступает недозволенную грань, и это мешало ему сосредоточиться и принять определенное решение. Низко опустив голову, он обошел жеребца на расстоянии и приблизился к табуну с другой стороны, но лошади отпрянули и скучились. Жеребец быстро метнулся к нему, громко заржал, а Бечкан попытался сунуться в середину табуна. Лошади еще больше засуетились, испуганно всхрапывая и высоко поднимая головы, теснились друг к другу, собираясь в плотную группу.

Бечкан дрожал, он дрожал всем телом, расслабленным и ставшим сразу беспомощным, дрожал от сознания собственной вины, до конца не понимаемой им, стыдливо гнул шею к земле и готов был провалиться на месте от своей беспомощности и невозможности отказаться от желания быть вместе с табуном. Он видел, что лошади в табуне не гонят его, а сторонятся лишь потому, что боятся рыжего жеребца, это укрепляло возникшую в нем с самого начала неприязнь к нему. Бечкан хотел в табун, не мог уйти отсюда, лишившись возможности разрушить впервые так ясно осознанное одиночество.

Рыжий жеребец громко заржал и бросился всей своей мощью прямо в середину табуна, за которым скрывался Бечкан, и, разбрасывая огромной грудью кобылиц, ринулся на него. Спустя мгновение Бечкан оказался перед разъяренным жеребцом, страшным в своем гневе и пылавшем от ярости. Глаза его готовы были выскочить из орбит, ноздри широко раздувались, издавая прерывистый и натужный храп, а широкая и глыбистая грудь надвигалась огромной, неумолимой массой.

Странно, но Бечкан не испытывал страха. Оказавшись один против жеребца, он просто забыл о кобылицах, вернее, он ощущал их рядом, но какой-то отчужденной и неживой массой, с которой его ничто еще не связывает. К нему вернулось обычное его состояние, прибавилось только присутствие жеребца, к которому он должен был каким-то образом отнестись. Нет, он не испытывал страха. Солнце уже перевалило зенит, Бечкан чувствовал это левым боком, упругими ляжками, ощущение тела снова стало четким. Иногда набегал слабый ветерок, не разгонявший духоту, от него лениво вздрагивали ветви стоявших ближе к воде верб, травы, потерявшие в жару упругость, вяло никли к земле. Бечкан привычно ощущал свой мир, он еще не успел испытать страха ни перед человеком, ни перед себе подобными, из которых знал только свою мать. Она иногда бывала с ним строга, но Бечкан всегда осознавал, за что мать так относилась к нему. А поведение жеребца он не мог понять. Чтобы испугаться его, он должен был знать его силу в сравнении со своей, или в нем должен был победить стыд, но он не знал и не чувствовал ни того, ни другого.

Бечкаг не почувствовал страха и тогда, когда огромный жеребец оказался вплотную перед ним, громко всхрапывал и стонал от бешенства, он сохранял спокойствие и тогда, когда всем своим нутром понял его беспощадную ярость, ощущавшуюся даже в широко разверстой пасти, из которой дохнуло на него горячим утробным, удушливо-кисловатым запахом. Только удивился, впервые за всю жизнь, этой откровенной, беспричинной, как ему казалось, и безоглядной жестокости и весь подобрался, каждый мускул его напрягся, напружинил ноги, вскинул голову и коротко заржал. Но было поздно. Жеребец ударил его неловко, но тяжело и сильно грудью, повалил и стал топтать передними ногами. Но Бечкан уже знал, что делать, этому научила его природа, а силу и ловкость в нем развили Абекуш и Салих. Он не торопился и суетливо не уклонялся от ударов жеребца, повернувшись к сопернику головой, напружинил ноги и, вложив в это отчаянное усилие все силы, встал. И когда жеребец вздыбился, чтобы добить его, ему хватило этого мгновения, чтобы быстро вскочить, забежать сбоку к жеребцу и, как учила этому мать, коротко и сильно ударить его в хребет передними зубами. Рыжий жеребец неуклюже всей своей массой повернулся к нему, но Бечкан уже успел забежать с правой стороны и снова нанес удар головой – один, два, три раза. Жеребец не успевал увертываться от ударов, громко, утробно всхрапывал сквозь стон и коротко ржал, кидался в разные стороны, широко разевал пасть, поднимался на дыбы, пытаясь обрушиться сверху на Бечкана, но тот всякий раз оказывался с самой удобной для него стороны и наносил новые удары, больно кусая его. Бечкан словно танцевал, в его явлениях не было ни

слепой ярости, ни испуганной суматошности, и если бы не неистовство рыжего жеребца, все это могло показаться жестокой, но все же игрой диких животных.

Кобылицы успели разбежаться и паслись спокойно в отдалении, они словно не обратили никакого внимания на эту схватку и не видели, как жеребец смешно покинул поле боя, так и не израсходовав всех своих сил, отбрыкиваясь задними ногами от Бечкана, который спокойно глядел ему вслед. Он не стал преследовать его, сделал несколько кругов на месте схватки, остановился, посмотрел вслед рыжему жеребцу и громко и коротко заржал, словно призывал его к новому бою. А тот покинул лощину, не приближаясь к кобылам. Бечкан, уже успокоившийся, направился размеренным шагом к берегу, только иногда низко опускал голову и встряхивал густой гривой и держал хвост на отлете.

Переплыв реку, он быстро и резко поднялся на свой берег и, не оборачиваясь, направился к лесу, за которым находился дом Салиха. Он не испытывал никаких чувств ни от победы, ни от избавления от опасности. Может быть, позже, ему вспомнится все в деталях. Бечкану было немного не по себе, как будто он был в чем-то, виноват и не в состоянии был объяснить, откуда в нем чувство обиды.

Может быть, именно это ощущение вины и обиды заставило Бечкана раньше времени вернуться домой. Салих сидел, доканчивая седло, оставалось только приладить подседельную подушечку. В год Салих изготавливал два-три седла и с десяток колес без металлических частей для телег, за них ему привозили из колхоза пшеничную и кукурузную муку, картошку, подсолнечное масло.

Бечкан не пошел в сарай, остановился недалеко от Салиха, мотнул головой и несколько раз коротко всхрапнул. Салих посмотрел на него, встал и подошел ближе. Бечкан внешне выглядел спокойным, но Салих не мог не заметить то, что только он и способен был увидеть в нем: с ним произошла какая-то важная перемена, конь ощущает это, но не понимает, и это тревожит его, он вслушивается в себя, пытаясь осмыслить себя нового. Между человеком и им может возникнуть впервые непонимание, есть ведь в жизни Бечкана и такое, что до конца может остаться не понятым даже Салихом, в сущности, самые важные решения в своей судьбе принимают сами животные, хотя многие люди думают, что они-то и решают все за них. Салих это понимал, для него важно было убедиться, что Бечкан сам перешел какую-то грань, может быть, слишком рано, но все равно такое должно было случиться, и будет еще случаться с ним много раз.

Салих отошел от Бечкана и на некотором отдалении снова внимательно оглядел его. Да, он за этот день возмужал, в осанке появилась настороженность, возможно, это постоянная готовность к самозащите, но только не страх. Он, понял, что теперь Бечкан часто будет ощущать себя и одиноким, одним из множества того, что видит и слышит. Он отвечает за себя. Его все любили, теперь все должны его признавать и принимать. Хорошо, что это не пугает его, просто не понимает до конца, хотя внутренне с этим уже согласился и сейчас хочет что-то услышать от меня, потом, может быть, пойдет еще и к матери. Все хорошо. Ты стал еще красивее, немного потеряв в свободной расслабленности тела, но обретя упругую жесткую грациозность. Нет, не жесткая, а суровая, точнее, строгая грациозность. Но как же ты красив! Вот ты стоишь, и мне кажется, что рожден стоять, стоять на земле всеми четырьмя ногами, как что-то такое, что нельзя оторвать ни от чего. Если ты сдвинешься с места, на мгновенье покажется, что в этом месте, где ты находился, образовалась пустота. Ты красив и под солнцем, и под ветром, и под дождем. Ты похож на сильное и ровное пламя, на майский теплый, молодой и звонкий дождь, на молодое и крепкое деревце под этим дождем, гибкое под ветром и светящееся под лучами освободившихся небес. Ты похож на людей, на тех, кого я люблю и жалею.

И еще ты похож на мощную струю, свободно льющуюся, сверкающую всеми цветами радуги.

Что я могу сделать для тебя, красивое и беспорочное существо? Да и смогу ли что-либо сделать? Я вырастил и воспитал тебя, а дальше что? Твоих предков унесли ветры земли и жаркие лучи. Совладаешь ли с миром, в котором родился, станешь ли новым семенем, или сгинешь бесследно, как и я, живущий один, со своими мечтами? Мы не вольны над силами земли и неба, но разве они не обеднеют, однажды потеряв тебя, в кого они вложили лучшие соки и свет небес? Кого обвинят тогда люди – не меня ли?

Салих вспомнил недавний разговор с Лекуром. Лекур сидел с закатанными по колено штанинами на траве перед крыльцом, не обращая внимания на полыхающее солнце. Салих уже го-

ворил ему, что некрасиво взрослому человеку так носить одежду, но Лекур, согласившись с ним, на второй же день забыл об этом. «Привычка сирот» – сказал про себя Салих и не стал больше приставать к нему.

– Красивый стал, – сказал тогда Лекур, глядя на Бечкана на краю леса шагах в трехстах от них.

Салих потер икры своих ног, подтянул шерстяные носки.

– Какой-то беспокойный стал, – продолжал Лекур. – Про свою мать часто забывает. Салих, что ты собираешься с ним делать? Такую красоту в телегу запрягать не станешь, а в скакуны ты вроде и не собираешься готовить.

Салих посмотрел на него так, словно собирался спросить: а с тобой, что мы будем делать? Потом повернулся в сторону Бечкана.

– Я потому спрашиваю, что он и меня с Саней уже редко подпускает к себе. Мы же не чужие ему.

Саня вернулся из школы, положил книги на веранду и сел рядом с Салихом, заглядывая ему в лицо. Салих молча смотрел на Бечкана. Саня встал, набрал воду из колодца, поставил медный тазик к ногам Салиха, наполнил его водой наполовину. Салих посмотрел на Лекура, и, сняв носки, поставил ноги в холодную воду.

– Ты не жалеешь Бечкана... Да, тебе не жалко его! Он так и будет жить в одиночестве? Вон Абекуш стала дурная, одиночество свело ее с ума!

Салих кашлянул. Саня повернулся к нему.

– Абекуш и я – разве нас не двое? – повторил Саня слова Салиха.

– Ты, Салих, человек, а Абекуш – лошадь. Лошади нужна лошадь, разве я не прав? А с кем будет Бечкан?

Салих молчал.

– И Бечкан, и Абекуш, знают только тебя и понимают только тебя. Но разве ты их воспитал только для себя? Абекуш превратилась в тень. – Лекур вспомнил о своих рисунках и невольно сравнил с ними нынешнюю Абекуш.

Салиху стало больно от слов Лекура. Неправда это, подумал он, как может стать тенью лошадь, родившая Бечкана? А Лекур продолжал, все энергичнее жестикулируя своими короткими руками.

– Ходит и смотрит, как старуха. Будь она с лошадьми, разве бы она стала такой? А ей всего шестнадцать лет. А все из-за тебя!..

Последние слова вырвались у Лекура невольно, и он встал, покрутился на месте в ожидании резкого ответа от Салиха. Но тот был спокоен.

– А что вы предлагаете? – спросил он, впервые как бы приобщая Лекура и Саню к судьбе своих питомцев. – Что с ними делать? Отдать их в колхоз, чтобы их превратили в обычную скотину?

Лекур сказал:

– Разве нет на всем свете пары для Бечкана?

Об абекуше он ничего не говорит, подумал Салих, он считает ее судьбу уже завершенной.

— У кабардинцев, черкесов, разве не найдется?

Отец Абекуш был родом из знаменитой кабардинской породы. Но далекие предки ее давно покинули свою родину и вот уже более ста лет живут и множатся не на нашей земле. Правда, эта порода широко не разрослась, их было всего, может быть, десятка три-четыре, но пять-шесть поколений успели сменить друг друга, они впитали в себя наши воды, питались нашими травами и злаками, дышали нашим воздухом. Все их нынешние достоинства – это результат труда наших мастеров, нашей земли и неба. Что понимает во всем этом Лекур? Надо укреплять себя там, где стоишь, а не мотаться по белому свету, таща за собой сохнущие корни. Если найти для Бечкана кобылицу из хорошей кабардинской породы, может быть, в нем окажется, достаточно собственных сил, чтобы продолжить свой род. Но кто поручится в этом? А если случится – победит чужая кровь? Пройдет столько-то лет и вдруг обнаружится, что порода абекуш исчезла в другой, потеряв и достоинства Бечкана. Тогда исчезнет бесследно Бечкан, волей Аллаха и взрастившей его земли ставший продолжателем уникальной породы.

Дурак ты, Лекур, головотяп! Разве людям сейчас до каких-то лошадиных пород? Они их в скотину обыкновенную превращают, уничтожая в них столетиями взращенные качества. Как бы они сами тоже не оскотинились. Самцов кастрируют без разбора, оставляя на расплод самца

покрупнее и поноровистее, хомуты делают, не зная даже, на чью они шею лягут, а кормят чем попало, лишь бы тянули телегу да плуг.

– Скажу председателю и съезжу в Кабарду и Черкесию, там поищу, – сказал Лекур.

Салих посмотрел на собиравшегося в Кабарду. Поезжай, сказал он себе, говорят, там дураков не хватает, пусть посмотрят на тебя. И представил себе, как Лекур ходит по Кабарде с закатанными брючинами, разговаривает с людьми, отчаянно жестикулируя обеими руками, коротыш, с детским наивным лицом, и ему стало грустно.

– Надо искать здесь, – сказал он. – Нужны председателю эти лошади из Кабарды... да хоть и сами кабардинцы!.. Надо искать здесь. Не приходят же кабардинцы к нам. Значит или у них уже нет этой породы, или им это и не нужно. Но это уже не мое дело, я сделал все, что мог. Теперь вы делайте, я многому научил вас, Бечкан — ваш.

Салих внимательно осмотрел Бечкана, пощупал копыта, попеременно заставляя его поднимать ноги. Бечкану уже больше четырех лет, надо хорошенько почистить копыта, обрезать лишнюю часть подошвы ног. Скажу ребятам, чтобы они каждый день загоняли его в быстрину реки, преодолевая силу течения по каменистому неровному дну, он сам укрепит мясистые части ног. Силы в нем много, но он вырос один, что не принято было у нас, и теперь нелегко предугадать, какие у него могут быть слабости. Возможно, это больше касается его характера. В первые недели две пусть Саня ездит на нем, Лекур будет помогать, Саня легкий, от излишней тяжести у Бечкана могут сломаться концы лопаток, спина прогнется, а шея станет кривой. Это заметят не все, но будет вредить лошади, и отразится на потомстве.

Салих прикрыл ладонями глаза Бечкану, затем резко отнял их. Бечкан быстро и одновременно сощурил глаза – значит, ничем не болеют. Заглянул в глаза – глубокие, кроткие, как у овцы, ясные, без характерных при болезнях глаз звездочек-крапинок.

Салих вспомнил немецкого офицера. Тот знал, сволочь такая, какими достоинствами обладает Бечкан, хотел улучшить кровь угасающей породы коней отца. Но разве для этого он трудился? От Бечкана должна пойти, новая ветвь знаменитой породы, это свежая ветвь, если ей помочь, она еще долго будет жить, развиваясь.

Салих пошел к реке, он знал, что Бечкан пойдет за ним. Дойдя до берега, спустился к реке, отыскал под кустами свой родник, достал из кармана старенький выцветший носовой платок, намочил его и вытер им лицо, шею и бритую голову. Тень упала к подножию берега, и он, подняв лицо, увидел Бечкана. Вторично намочив платок, Салих поднялся и вытер морду Бечкана. Тот даже не шелохнулся. Салих посмотрел туда, куда так настороженно всматривался Бечкан – на тот берег. Там, под старой вербой, стоял рыжий жеребец и смотрел на них. Чуть поодаль, правее от жеребца, пасся небольшой табун кобылиц. Ноздри Бечкана затрепетали, и из груди его вырвался короткий звук. Салих заметил, что Бечкан смотрел не на жеребца, а на кобылиц, и понял, что встреча, которой он опасался, состоялась, и Бечкан в ней победил. Но кобылицы его не приняли. «Надо и днями стреножить его, – подумал Салих, – теперь его трудно будет удержать, да и этот рыжий жеребец тоже не смирится с участью побежденного. Бечкана он не одолеет, но покалечить может – если не физически, то сердечно.

Бечкан губами прикоснулся к плечу Салиха, словно хотел спросить о чем-то. Нет, сказал про себя Салих, нет, они тебя не поймут, у тебя другая судьба. Пойдем домой.

Салих пошел к дому, а Бечкан еще некоторое время стоял на берегу, глядя, ему в спину, потом пошел следом за ним.

Перед сном Саня опросил Салиха:

– Дядя Салих, а Бечкан... какой-то беспокойный стал. Что с ним происходит?

— Абекуш тебя не интересует? Почему не спрашиваешь о ней?

— Абекуш в табуне, я был у нее вечером.

– Знаю, что был, и что садился на нее – тоже знаю, на твоих брюках остались волосинки. Плохо чистишь ее, наверное.

– Да она сама захотела, чтобы я сел на нее, опустилась передо мной на землю. Я не долго. Мне показалась, она хотела испытать себя. Она и без меня побегала немного, прихрамывает еще на правую ногу.

Салих посмотрел на Саню. Ему понравились его слова.

– Ложись спать, завтра пойдем к председателю.

* * *

Председатель был пожилой мужчина, бывший фронтовик. Салих хорошо знал его и думал, что поймут друг друга.

– Салих? – сказал председатель, вставая им навстречу. – Заходи, садись. И мальчик с тобой? Большой стал, молодец. Забыл, как тебя?.. Ну да, Саня. Садись и ты, Саня. Пропал бригадир, с утра не могу найти. А в поле табак пропадает, некому убирать, людей не хватает, вывозить тоже не успеваем, людей мало, быков, лошадей.

Салих сразу приступил к делу.

– Я к тебе по делу, Бечмиз.

– Кто же сейчас без дела ходит, Салих? Давай, говори о деле.

– Я по поводу своих лошадей, Абекуш и Бечкана.

– Ну-ну, это хорошо, Салих, я тоже, признаться, хотел поговорить с тобой об этом.

– Абекуш, – о ней разговора не будет, она член моей семьи, что с нами будет, то и с ней. А Бечкан... У него должна быть другая судьба.

– От, от! — громко сказал председатель, но Салих прервал его. – Дай сказать... Саня, говори ему правильно. – Саня аккуратно передавал словами неслышный шепот Салиха. – Род Бечкана не должен умереть вместе с нами, Бечмиз. Вот давай и подумаем: что делать с ним? Ты председатель, правишь аулом, действуешь от его имени, вот ты и скажи, как быть с Бечканом?

– Салих, – начал председатель, сделав серьезное лицо и стараясь говорить убедительно. – Я знаю, что тебе жилось нелегко.

– Я не о себе.

– Подожди, я скажу. Тебе было трудно вырастить абекуша, потом жеребенка, они для тебя — как дети. – Но выход один: отдай жеребенка в город. То же самое сказал тебе и специалист, приезжавший из города. Там люди грамотные и условия есть, они устроят судьбу Бечкана.

– Нет, Бечкана я им не отдам, это мой ребенок. Пусть они там грамотные, но его они не поймут.

– Во-ви, как же не поймут, они же ученые, понимаешь?

– Ученые много знают, мало понимают. Бечкана мало даже понимать, его нужно любить. Эти ученые хорошо видят табуны, а отдельную лошадь плохо различают.

Председатель нервно встал и зашагал по кабинету.

– Салих, нам обещали двух, трех лошадей за твоего Бечкана, ты понимаешь, что это значит для нас? Две здоровые лошади могут вывезти с поля листья табака, собранные десятью... двадцатью женщинами!

– Бечмиз, я говорю не о двух-трех лошадях, а о целой породе. Вот нас двое, мы с тобой адыгейской породы, а в ауле еще несколько сотен, в других аулах тоже сотни тысячи. А Бечкан один, он тоже адыгейской породы, и мать его, и отец, кровь его не должна смешаться с чужой кровью, она должна соединиться с себе подобной. Если ты этого не понимаешь, тогда спроси у аула.

– Так что нам теперь делать с ним, носить, что ли, на руках должны? Для какой же надобности ты его растил, если не для аула? Здесь остались одни вдовы да несколько покалеченных мужчин. Кому нужен твой жеребец, я спрашиваю, если он нам не пригодится?

– Бечкан – не его жеребец, он всем принадлежит, – неожиданно сказал Саня, не глядя на губы Салиха.

– А если всем принадлежит, то пусть и трудится для всех: вывозит табак, сено, солому, дрова, пусть пашет и сеет! Разве земля перевернется от того, что один породистый жеребец будет работать на нас? Я говорю: аул, а вы – жеребец!

– Бечмиз, послушай меня, – сказал Салих. – Надо послать человека в Кабарду или в Черкесию. Может быть, там остались лошади этой породы. Если остались, тогда надо привезти сюда хотя бы двух-трех лошадей. От них продолжится род, другого выхода я не знаю.

Председатель удивленно посмотрел на Салиха, вернулся на свое место и сказал уже совершенно безразличным и отрешенным голосом:

– В этом деле я тебе не помощник. Я говорю: аул голодает, а он Кабарда, Черкесия... Люди голодны, не обуты, не одеты, а он: кобыла, жеребец...

Салих встал и пошел к двери, Саня последовал за ним. Председатель крикнул им вслед:

– Мальчик, увидишь где бригадира, скажи, чтобы быстро пошел ко мне.

Саня ничего не ответил. Он думал о Салихе и знал, что ему сейчас трудно. Но, кажется, Саня ошибался. Салих был спокоен, после разговора с председателем он неожиданно почувствовал облегчение, ему стало ясно, что помощи ждать неоткуда. Только непонятно: почему все так безразличны к тому, что так беспокоит его, чему он посвятил жизнь? Он был уверен, что, потеряв Бечкана, аул и колхоз чего-то очень важного безвозвратно лишатся. Почему они не хотят этого понять? Понимают же его Лекур и Саня. Правда, они молоды, живут сердцем... так я, наверное, о сердечном и говорю. Неужели в ауле все думают так же, как и председатель? Люди должны понимать, что быстрые ноги Бечкана – это их ноги – легкие, сильные, стремительные ноги наших предков, теперь только наши сердца могут быть такими. Разве можно уничтожить бег наших сердец, их полет? Да, это на земле неуничтожимо, но может исчезнуть в наших сердцах. Ноги Бечкана рождены землей и для земли. Это и наши ноги. Глаза Бечкана – это и наши глаза: мягкие, кроткие, ясные, глубокие. Они видят мир таким, каким он рожден в первый день творения с живыми и растущими, устремленными к добру и красоте, он не порочен, не разделен на большее и меньшее, на лучшее и худшее. Бечкан не думает: для меня воды текут, дожди идут, травы растут, он видит себя вместе с ними, он тоже течет, идет, растет, дышит, светит и весь мир со всеми звуками; цветами и светом тоже видит его, слышит и чувствует так же, как он его. Бечкан умен и имеет добрый характер. Все силы природа распределила в его организме гармонично, заранее увидев его вместе со всем миром: с чем и с кем он может оказаться рядом и в любом отстранении от них. Это удобно не только для него, но и для тех, с кем и где он пребывает, потому что изначально ясно и четко определяет формы и возможности его сосуществования со всеми в мире. Он может брать для себя столько, сколько нужно для сохранения того, что дала ему природа и ничего больше, и возвращать умноженным красотой, грациозностью, силой, верностью и добрым нравом. В нем постоянно существует все то, что мы теряем в течение трудного своего пути.

Разве Бечкан не нужен людям? Своим характером и умом, своим свободным и чистым сердцем он заставляет людей стремиться к добру, красоте, любви. Разве не любовь и верность сохраняют наши жизни на земле? Бечкан и сам один может побороться за себя, но если он лишится любви и понимания от человека, который развил в нем лучшие черты, которых не имеет сам, это изменило бы его характер, его доброта превратилась бы в жестокость, исчезли бы легкость и стремительность грациозного полета, даже если сохранить скорость, гибкость приобрела бы резкую возвратность стальной пружины, а беды приучили бы к эгоизму. Но не такой судьбы для него хочет Салих. Все так просто, думал Салих, все очень просто, наедятся люди, кончатся беды, откроются глаза, залитые сейчас потом, и что они тогда увидят? Все сыты, все обуты и одеты, а в глазах пустота...

Дома Салих внезапно почувствовал себя плохо, в теле появилась слабость, руки вспотели. Наказав Сане до вечера присматривать за Бечканом, лег на старую деревянную кровать. Некоторое время спустя ему стало лучше, он лежал тихо и отрешенно. В доме было тихо, со двора тоже не доносилось звуков. Почему так тихо, думал он, хотя долгие годы любил тишину и одиночество. Правда, одиноким никогда себя не чувствовал, а тишину всегда воспринимал как естественное состояние, – и собственное, и всего окружающего. А эта тишина другая, она ждет от тебя чего-то – слова или действия... И все предметы в комнате тоже в одиночку одиноки, не они покоятся в тишине, а тишина затаилась в каждом из них и ждет. Старенькая адыгейская печка с небольшой духовкой, два низеньких стула, сделанные им самим из дубовых, грубо отесанных досок еще лет десять назад, несколько оловянных тарелок над духовкой, рядом ведро с кружкой. Он почему-то вспомнил и о своем скромном имуществе во второй комнате: там шорные инструменты, недоделанное седло, топор, две тяпки, лопата и еще кое-какая мелочь. В этой странной тишине особенно отчетливо виделся каждый предмет, и казалось, что если долго смотреть на что-либо одно, то оно задвигается и раздастся звук, который нарушит тишину. Тишина не угнетала его, только непонятно было, почему все вдруг обособилось, и он сам тоже как чужой в собственном доме и среди всего, с чем он жил долгие десятилетия, и еще впервые он подумал, что дом его стоит одиноко, вдали от аула. Он выстроил его один, когда ушел из дома отца, скоропостижно скончавшегося, а мать умерла еще раньше. В том доме осталась его сестра. Тогда ему было лет сорок. Получается, что более сорока лет он живет одиноко, только последние годы появился еще Саня. Да, отец абекуша и сама Абекуш были с ним все эти годы. Лес, река, поля... Разве он для себя растил? Теперь

и она одна. Вот Лекур и обвиняет его, мол, из-за него – кобыла пропадает. Такую же судьбу ждет и Бечкан. И родственников тоже не осталась, после того, как умерла единственная сестра, жившая в отцовском доме.

Салих приподнялся и сел на кровати. Ему показалось, что если он пошевелится, то и предметы в доме «оживут», и тишина нарушится. Но все осталось по-прежнему, только раздался скрип кровати — но это был звук посторонний, не замечающий его, сам по себе, отчужденный от всего, он исчез, не слившись с окружающим. Можно было даже подумать, что это была сама тишина, притаившаяся в каждом предмете, в воздухе, неосторожно скрипнула, не выдержав напряжения. Это напомнило ему, как в юности он любил сравнивать звук копыт с другими звуками. Быстрый бег небольшого косяка в поле был похож на что-то гончее, наверное, на торопливое и жадное горение кучки соломы или сухой травы на ветру, притягивающее и не отпускающее. Спокойный галоп всадника — это ровный огонь в очаге. Салих не любил скачки. Бешеный перестук копыт на скачках можно сравнить лишь с внезапно возникающим ветром или холодным, быстро налетающим дождем. Ему иногда не доставляло удовольствия наблюдать за тем, как несутся невесть за чем, выбираясь из последних сил, лошади, терзаемые всадниками. Он не видел здесь красоты. Это не тот бег, когда лошадь показывает всю свою красоту, силу, ее нельзя заставлять делать то, что нарушает естественную прелесть животного. Состязание не должно унижать, оскорблять достоинство и силу его участника, если он даже побежден, соперничество – это показ возможностей каждого, взаимоуважаемое соучастие в празднике, а не самоистязание... А бег Бечкана похож, на огонь в очаге, плотно, ровно и негасимо горящий, прибавляющий потихоньку и усиливающий свой жар. Бечкан создан не для скачек, хотя равного ему в этом вряд ли где найдется. Он может, не устав, обежать всю землю, он должен долго жить, опробовать все воды, все травы, все леса, дожди, дни и ночи.

Жар возобновился, и Салих снова лег. Он лежал, скорчившись, поджав ноги почти до самого подбородка, и согревался собственным теплом. Жар усиливался, но Салих мыслил ясно, воспоминая отрывочно, но очень четко следовали одно за другим, и он легко останавливал то из них, которое ему хотелось подольше и подробнее увидеть снова.

...Смех, неожиданный, звонкий смех рассыпался по росистой траве. Мальчику показалось, что что-то звенящее и светлое высыпали на траву, и он оглянулся. Девочка в белом платьице без рукавов, гнала двух овец в центр аула, на площадь, где собирали по утрам отару, которую пас Салих. Солнце только что взошло. После обильного летнего ночного дождя земля сверкала. Небо чистое, ранее, но уже дышит теплом. Прыгая по лужам, девочка торопила овец. Он с удивлением смотрел на нее, словно она пришла из другого мира. Он сам озяб, хотя поверх рубашки накинул старенький пиджачок, пожертвованный кем-то из аульчан, и сон не до конца еще покинул его. А девочка будто и не спала, ей не было холодно, она радостно смеялась неизвестно чему, ничего вокруг не замечала, босоногая, на бегу отыскивала лужи в траве, прыгала по ним, и вода серебристыми брызгами разлеталась. Она глянула на молчаливо стоявших двух стариков и тихо рассмеялась, пробегает мимо чужих овец, что-то говорит им и смеется, обрызгала свои ноги и подол платьица и смеется, негромко, но так звонко и весело, что и тебе становится радостно. «Вот мои овцы!» – говорит она и улыбается, не может спокойно стоять на месте, пританцовывает, трясет косичками. Салих молча смотрит на нее. «Я пригнала наших овец, видишь, вон те, белые и кудрявенький барашек с ними, смотри же!». Но Салих молчит, и девочка, еще раз сверкнув на него глазами, бежит домой.

С того дня Салих не забывал о ней. В то утро он будто впервые по-настоящему увидел и траву, и лужи, и утреннее солнце. Даже сейчас ему на миг показалось, что если пройтись таким утром по траве, то снова зазвенит смех девочки, колокольчиками рассыпанный с дерева по земле и в воздухе, той самой девочки, которая упала в воды реки и утонула. Увидев ее, он невольно улыбался, и если она утром пригоняла овец, он весь день думал о ней.

Гибель девочки Салих воспринял тяжело и долго не мог понять и поверить в случившееся. Он потерял доверие к жизни, словно его обманул самый близкий друг. Почему именно она погибла, не может же вот так просто человек упасть в воду и утонуть? Разве никто в этом не виноват или никто не знает, почему такое может случиться? Салих не находил ответа и это усиливало в нем почти физически ощущаемую боль. Незаметно для самого себя он настолько привык к ней, что все, чем жил, связывал с ней и, потеряв ее, почувствовал вдруг пустоту, мир без нее потерял

реальность, настоящими остались ее облик, смех и звенящая, светящаяся радость. Остальное потеряло свою убедительность, правдоподобие, он уже не доверял этому миру. Вся остальная жизнь его прошла для него так, словно не он жил, а кто-то другой, а он сам со стороны, безучастно наблюдал за ним. Так ему казалось.

Лес, река, лошади... Салих не отделял себя от них, с ними ему было хорошо, он и их понимал, и они его тоже понимали. Так он думал. Труднее было с людьми. Если ветер разбросает соломенную крышу, кого винить в случившемся? Нет ни на кого никакой обиды. А обида, нанесенная человеком, западает в душу и трудно предугадать, что может завтра натворить обиженный. Казалось бы, без особого труда можно и наесться, и обуть, и одеть себя, измеримы и желания сердца и ума человека, если человек здоров, – его можно понять. В каждом человеке есть желание делать добро. Таков каждый из нас, пока он один, сам с собой. Но странно, что когда мы вместе, наши желания начинают расходиться и верх берет не то, что является в нас носителем добра и должно объединять, а то, что разъединяет. Хорошо бы каждому дать столько счастья, сколько каждый может вместить в себя, но как это сделать? Крыса свою нору делает больше, чем у мыши не потому, что ей нравится большая нора или ей хочется похвастать перед ней, а потому, что размеры этой норы соответствуют ее телу. Но это человеку не подходит.

Мир дан нам не для того, чтобы терзать и его, и себя, испытывать чужую и свою греховность, мир дан для того, чтобы уподобиться ему в лучших его проявлениях.

Салих думал, что он понимает этот мир, пока не соприкасался с людьми. Оказавшись среди людей, он начинал по другому воспринимать окружающее – каждому хочется больше, лучше, быстрее... Но откуда это взять и как распределить? И зачем – когда мир огромен и все уже в нем есть?

Саня придет и расстроится, увидев меня в постели, подумал Салих. Встал, дрожа от холода, взял одеяло и вышел. Солнце уже зашло, небо было тревожное, и земля прислушивалась к наступающей тишине. Войдя в лес, по тяжелому дыханию его Салих почувствовал, что будет ветер. Но воздух пропитывался влагой, ее еще не было, но Салих ощущал ее. Он нашел старый большой дуб, сел под ним и накинул на плечи одеяло. Скоро за рекой зашумело, лес радостно затрепетал, верхушки деревьев закачались, первые раскаты грома, еще без молний, возникли где-то снизу, в недрах земли, потом вдали заплескались быстрые вспышки, небо треснуло, раскололось, нагрянул ветер и сразу полил густой и сильный дождь. Порывистый ветер с остервенением метался по лесу, а Салих успокоился, прижался к стволу дуба, собрался в комочек и задремал.

Когда он очнулся, ветер был уже тише, но дождь стал сильнее, только он и был слышен вокруг в кромешной тьме.

Салиху захотелось воды, во рту было сухо, он весь дрожал и думал только об одном – напиться воды. До заветного родника было недалеко, и он встал и направился к реке. Промокшее насквозь одеяло, он снял с плеч, свернул и положил под деревом. Еще издали, услышав шум реки, понял, что вода подбирается к берегу. Наверное, в горах идут большие дожди, это воды с гор взбаламутили речку.

Салих с трудом спустился с берега – всего метра два оставалось до воды, она уже накрыла его родничок, видны были только верхушки молодых верб, выросших на склоне берега над ним. Родник погиб, сказал он себе, в этом месте река делает небольшой поворот, напор воды подмоет берег и уничтожит родник.

Салих забыл о жажде, мелькнула мысль: Лекур и Саня пили из родника? Наверное, нет. Надо было показать им... Хотя это, наверное, к лучшему. Погиб родничок – это моя собственная беда, он хранил мою тайну, мое счастье, мое горе. К тому же в нем погибли эти парни, дезертиры... Надо идти домой.

Салих не знал, почему он решил идти домой. Жар возобновился, и ему снова захотелось в постель. Но, добравшись до дома, переоделся во все сухое и пошел к сараю. Абекуш спокойно повернула к нему свою голову. Он надел на нее уздечку и вывел из сарая, Бечкан последовал за ними. Дождь почти перестал, слабые струйки его блестели под спокойным лунным светом, ветер улегся.

Нас не понял аул, но мир большой, найдутся и такие, кто поймет нас, думал Салих, с трудом передвигая ноги, слабевшие с каждой минутой. Не может такого быть, чтобы нас никто не понял.

Опираясь на шею абекуша, Салих спустился с берега. На Бечкана он не оглянулся.

* * *

Саню и Лекур дождь задержал на сенокосе. Промокшие до ниток и озябшие, они обогрелись и обсушились у Некура. Было очень темно, и Лекур решил проводить его. В доме Салиха было пусто, у печки лежала мокрая одежда старика. Ни слова не говоря, они побежали в сарай, но и там не было ни Салиха, ни лошадей. Пусто было и во дворе. После дождя в наступившей тишине, казалось, можно было услышать сытное дыхание земли. Почему-то только сейчас они четко услышали шум реки. Вдруг раздалось звонкое ржание. «Это Бечкан!» – вскрикнул Саня и побежал к реке. Лекур устремился за ним.

Последние тучи покинули небо, и стало светло. Фигура Бечкана на берегу четко виделась на фоне ярко освещенного луной неба. Он весь был устремлен вперед, казалось, сейчас сорвется с места и полетит вниз. Бечкан поскакал по берегу, снова остановился, как вкопанный, и коротко и надрывно заржал.

– Быстрей! – закричал, подбежавший Лекур, и они опять побежали к берегу.

Над бурлящей поверхностью грязной воды они сначала увидели шапку Салиха, потом уже голову Абекуш. Ей было трудно и не по силам уже бороться с бурным течением, она тяжело всхрапывала, таща за собой державшегося за ее гриву Салиха. Было очевидно, что середину реки, где вода неслась яростно, она не сможет преодолеть.

Когда Саня с Лекуром подбежали к берегу, Бечкан заржал во всю мощь своих легких и Салих обернулся. Он понял, что Бечкан не пошел за ними в воду, закричал со стоном, отпустил гриву Абекуш и сделал движение назад, но вода закружила его и накрыла с головой. Саня рыдал сквозь слезы, обхватив шею Бечкана, и что-то ласковое шептал ему в ухо, стараясь удержать его, дрожавшего всем телом, на высоком берегу.

Когда Салих отпустил гриву Абекуш, она заволновалась и сделала к нему рывок, тяжело всхрапывая, и на какое-то время смогла удержаться на месте. Саня увидел, как вынырнул Салих и снова ухватился за гриву абекуша, но было уже поздно. Абекуш была слаба после болезни. Коротких мгновений хватило стихии, чтобы увлечь их за собой в стремительном потоке. Прошло еще одно мгновение, и Салих с Абекуш исчезли с поверхности воды и уже больше не показались.

Лекур достиг поворота реки, того самого места, где ушли под воду Салих и Абекуш, но он не мог совладать с течением и плыл близко к берегу. На самом повороте яростное течение снова прижало его к берегу и, совсем обессиленного, оставила на маленьком кусочке тверди. Он плакал и впервые в своей жизни громко матерился грязными словами, проклиная и лошадей, и Салиха, и самого себя. Он плакал, впиваясь ногтями в этот кусочек земли, размываемый водой, отплевывал грязную воду и жижу. Саня сполз к нему с берега и пытался оторвать его голову от жидкой грязи, но он ничего не замечал.

А вода прибывала, набирая ширину и силу и продолжала окатывать Саню и Лекура, лежавших под берегом, холодными волнами. Вдруг они услышали над собой топот копыт и звонкий призывный голос Бечкана.

Он стоял над ними на берегу с высоко поднятой головой и его четкий силуэт, вся его устремленная вперед красивая фигура ясно вырисовывалась на фоне чистого ночного неба. Он смотрел не вслед утекающей воде, а через речку, в сторону другого берега, вдаль, где уже ничего нельзя было различить.

Перевод автора – 2002 г.

Гиорги КЕКЕЛИДЗЕ

Родился в г. Озургети 10 апреля 1984 г., выпускник Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили.

Публиковался в различных периодических изданиях («Горячий шоколад-Литература», «Наша литература» и др.). Первый сборник стихов «Оды» вышел в январе 2009 года. Еще до своего выхода в свет сборник вызвал большой интерес и высокую оценку критики.

«Эмоционально-смысловую основу стихотворений Гиорги Кекелидзе составляют интертекст и цитация, его поэзия ориентирована на такого читателя, который способен распознать эту, продуманную автором, подтекстовую функцию».

Гиви Алхазишвили, поэт, издатель.

«Как раз тогда, когда кажется, что нет выхода, приходит истинный поэт. Оды Гиоргия Кекелидзе – новый путь грузинского верлибра. Это путь между Сциллой и Харибдой – между бесконечной разбавленной прозаической поэтической риторикой и немотивированной тотальной метафорикой. Главная заслуга Гиоргия Кекелидзе в том, что смешал собственный верлибр с «фольклором». Под «фольклором» мы подразумеваем не мотивы и темы, но поэтический синтаксис – строй и структуру поэтической фразы».

Заза Шатиришвили, профессор, литературовед, философ.

«Если мы признаем, что поэтический язык метафоричен, то и ценность поэзии определяется ее метафоричностью, способностью оживлять язык, или же, если перефразировать слова самого поэта, «цветным одеяньем окутывать полчища слов». И это прекрасно удается Гиоргию Кекелидзе в его эстетизированной поэзии, прочитывается в поэтических фигурах, грамматических структурах и метафорах, в способности проводить межтекстуальные аллюзивные параллели».

Гага Ломидзе, профессор, литературовед.

«Если поэзия это не только контекст в его целостности, тогда каждый ее фрагмент, даже самый малый (хотя бы даже эпиграф), произрастая из этой целостности, обладает собственной ценностью, как, скажем, вот этот фрагмент – «Выйди из леса, Ал, не прячься за лес» – мы не спрашиваем автора, кто этот Ал, может, то сама метафизика поэзии, которая должна вечно скрываться в лесу дабы обратить лес в поэзию...»

Зураб Кикнадзе, профессор, фольклорист.

«Все знают, как сложно оценивать современные поэтические тексты, тем более стихи молодого поэта, поэта, к голосу которого мы еще не привыкли, тем более, что его образное мышление настолько непривычно (и в силу этого, оно даже раздражает!), как автора этой книги. Но литературные критики, т.е. те, кто прочел много стихов, и кому так и не надоело говорить и писать о полученных впечатлениях, знаем несколько таких признаков (симптомов), по которым можно почти безошибочно определить, что мы имеем дела с истинным талантом.

Леван Брегадзе,профессор, критик, германист.

«Поэзия Гиорги Кекелидзе интересна по многим параметрам, но особенно тем, что в ней – постоянный поиск. И это не только поиск самосовершенствования, это само собой. Привлекает внимание иное: его образы подвигают на поиск читателя, они внутренне альтернативны...»

Реваз Сирадзе, профессор, руствелолог.

Тоска . Село. Тоска.

Tuxedomoon – soma

Я больше сказать не смогу –
Что по тебе скучаю.
Это так протерлось,
Как печаль,
Которою обменялись вместо колец
И хочу спать.
Спать.
Это село,
Здесь еще остались избы,
И остался дождь,
И немного дыма
(запас умирающего камина),
И остались мы,
Словно табак, нас пожевал и выплюнул город –
На мутном асфальте наши обломанные
слова болят,
И, чтобы прийти навстречу друг другу,
Мы вставляем в глаза костыли.
И остался дождь,
Дождь – в избах,
А ближе, там же,
В избах весеннего дождя –
Старый месяц зашел за ним.
Сейчас вновь мокнем мы луной
И тебе повторяю:
эти высохшие деревья оголяет приход весны,
зимой стоят деревья, как в раю,
зимой стоят деревья, как в раю,
эти высохшие деревья оголяет приход весны,
и высохшие деревья вновь стыдятся
зеленых глаз,
и скучаю по тебе,
больше не смогу сказать,
так как протерлось,
словно кольца,
которыми обменялись вместо мысли,
и мне смешно,
может, протерлись как раз мы
и вчера,
после полудня,
я сыпал ночь на твоей матери белый гроб,
и в пестром гробу отца твоего
голодный червь проснулся,
и в белый гроб твоей матери прокрался.

Книга пугал

Богам – людям
.....
В моем селе – никогда, в чужом –
Встречал

Нас из спящего дерева
Ребра
Создали и потом подули,
Чтоб наша пыль от нас отстала,
И тело чтоб чужое терпели.
Мы немного выше вас,
Смотрим всегда на поле нашей шапки,
Чтоб не заметить ваших лиц,
И чтоб замешанные из угля
Глаза,
Пририсованные очками,
Не выучились тихо слезе.
У нас нет рта,
Мы не можем дышать –
Воздух, что вкрался в нас
От изгрызенных зубьев ваших пил,
Все еще в легких – хватает, чтоб стоять,
И только выдохнем тогда,
Когда за талию мокрая, словно пояс холодный,
Вновь обовьется пила.
У нас нет языка,
Прикусили вашими же пилами,
Чтобы цветам на холмах
Об огородах не поведать без нас.
У нас нет ног,
И ступаем вокруг лишь тенями,
И то если ветер хлопнет рукой по спине.
Сон, что пристал к нам
О пустом, бесшумном небе повествует,
О ружье и рассыпанных перьях
И огороды свободные значит.
Сон, что пристал к нам,
Так краток, и значит смерть,
Так краток, и мы боимся –
На теле пестрые щетинятся лохмотья,
Спину заливает холодный мох.
На кистях длинную линию жизни,
Что вы расцарапали карманными ножами,
Придите и перережьте поскорей,
Придите и затопите нас в облака,
Чтоб для огородов других лет,
Погреть продрогшее
Ребро.

Книга луны

Горы цвета страха,
И долины.
Не дивитесь –
Земле снится скончавшееся солнце.

Книга смертных

Богатый нас обессилил урожай...
Тебе говорю: тем, что пожали,
Удовлетворимся и до вечера домой отнесем,
Не то земля солнцем насытится
И ночным амбарам лишь
Новая окаменевшая останется луна –
Словно лепешка, оставленная беззубой сиротой.
Пойдем, этот урожай оставим саранче,
Не то обессилил нас,
И
Нашу солому в других полях развеет ветер скоро,
И
Мы удивительно размножимся,
И
Наши потомки –
Бескрайние зеленые поля –
Забудут наши имена,
Когда четвертый наступит год иль пятый.
Ты говоришь мне,
Что рано пока,
Хотя и ты уж чувствуешь усталость
И боишься с двумя вернуться копнами к отцу.
А я вновь твержу –
Обессилил нас щедрый урожай,
Пойдем домой –
Обвяжемся камнями,
Заплывем в море,
Ночью ветер будет в море.

О смерти

Однажды заперлось веко у меня,
И где-то там остался я –
Не жаловался я на теплые красивые
Места.
Не отказался ни от блаженных редких фруктов...
И проводил столетия, сидя на крыльце,
Пел о солнце...
Лишь изредка подбегал я на заре
К местам знакомым
И, как помешанный, в дверь темную стучался.
Перевод с грузинского Хатия Бенидзе.

Шахриза БОГАТЫРЕВА

Шахриза Алиевна Богатырева – поэт, писатель, журналист. Родилась в Карачаево-Черкесии. Пишет на русском языке.

«Шахриза постигла трудную, но счастливую истину чуда: творческую печаль нести одиноко, а творческую радость дарить всем...».

В.СОРОКИН, лауреат Государственной премии России в области литературы.

«…Шахриза Богатырева вошла в поэзию легко, стремительно, непринужденно; с собственным видением мира, больше отраженным в возвышенно, с неудержимым желанием проникнуть в заповедное, сокровенное, в тайны человека и Вселенной, все подмечая и фиксируя. Отсюда и те специфические особенности ее творческого метода, которые не укладываются в привычные ассоциации: вынесение действия за пределы мыслимого и немыслимого, калейдоскопическая сменяемость картин и ситуаций, многоликость образов, неизменность таких фантастических атрибутов, как свободные силы природы, рок, пантеизм…».

Азамат СУЮНЧЕВ, член Союза писателей РФ, народный поэт Карачаево-Черкесской Республики.

«Мне всегда импонировало понятие «духовный аристократизм», который должен стать исходным положением любого вида творчества. Искусство не должно потакать низкоуровневым амбициям массовиков-затейников из клубной самодеятельности, фиглярам, бездарям, маргиналам с пополznовениями на значительность. Увы, миром правят невежды. Кругом – сплошная профанация, вырождение ценностей. Я за элитное искусство, за академизм культуры, если угодно. В древней Греции кто-то грустно констатировал: «Среди уродов и кляч не найдешь никого, кто бы с факелом гордо промчался!..». Искусство должно мчаться с факелом, а не быть загоном для кляч или странноприютным домом для уродов, каждый из которых пытается препарировать действительность на свой лад – на это надо внести пожизненный запрет. Художник, несущий высокое искусство должен быть гордым. Если любой казнокрад ходит с высоко задранной головой, с непонятной заносчивостью, почему это не делать тем, по Ому определяли вехи, эры, времена, кто был и остается точкой отсчета истории – «эпоха Пушкина», «времена Моцарта», «эра Микеланджело», «современники Тютчева»? Правда, сначала надо стать Тютчевым или Шопеном.

Шахриза БОГАТЫРЕВА
(из интервью независимой газете «Перспектива»).

Отрывки из книги Ш. Богатыревой «Под знаком вечности». – Черкесск, 2008.

Дуа[1]

Когда Исмаил, единственный сын Сулахат, вернулся из армии с русской женой, не то что мать – весь аул заплакал.

– Кто меня так проклял, – заламывала руки Сулахат.

– О, Аллах, лучше бы мне не жить до этого дня! Иноверка в моем доме!

Зеленоглазый стройный красавец Исмаил молча стоял перед матерью, тень подрагивающих опущенных ресниц ложилась на щеки, и темный жар заливал его чеканное лицо. Жена его, Аня, щуплая, неказистая, корявенькая, остроносая, больше похожая на воробья, боязливо выглядывала из приоткрытой двери.

А Сулахат все причитала:

– Завтра к эфенди пойду, пусть спасет тебя молитвами от злых происков этой ведьмы! Чем она тебя приворожила? Ни роста, ни стати...

– У нее характер хороший, – робко вставил никогда не перечивший сын, и Сулахат, впервые услышав от него слово поперек, задохнулась, поняв, что не в силах что-либо исправить.

– Аланла[2], хыйны[3] ему сделали, – шептался народ в ауле, искренне жалея жизнь Исмаила, загубленную иноверкой, а еще больше – Сулахат. – Русский хыйны открыть невозможно.

Жены Исмаила опасались все – неровен час, колдунья из дремучих брянских лесов наведет на аул чуму – смогла же приворожить красавца.

– Ведьма она, – прикрывая рты платками, шептали бабки и скорбно и многозначительно кивали друг другу.

Черная Гошаях, похоронившая в Азии всех четверых детей и с тех пор бьющаяся в приступах эпилепсии так, что искрошила свои зубы, как-то напрямик сказала Ане:

– Дети у тебя будут карачаевцами и мусульманами! Нашими будут!

– Я тоже хочу перейти в вашу веру, - пряча глаза, ответила Аня, и люди ахнули вдругорядь: неспроста это.

А когда Аня появилась в платке, повязанном по-горски, с дуа на шее и попросила называть ее Анисат, народ вдруг поперхнулся и замолк.

И стала поживать Анисат как все. Родила трех сыновей – Карчу, Алана, Трама. Всем троим имена давала Сулахат. Но невестку Сулахат так и не приняла, еле смотрела на нее.

– Она у меня отняла одного сына, а я у нее – троих, – говорила она во всеуслышание, когда внуки выросли и женились «на своих». Властная Сулахат сама выбирала невест для внуков, сама ездила сватать.

Анисат из невзрачной тощей девчушки превратилась в осанистую степенную женщину. Выучила язык, в обычаях разбиралась прекрасно, одевалась, как пожилые карачаевки, в темные длинные платья, платок повязывала, прикрывая лоб и часть щек. Дуа она не снимала даже во время купания. И с сыновьями, и с невестками была сдержанна и немногословна, к Сулахат относилась почтительно, но без тепла.

Единственное, что у нее не изменилось с годами – это любовь к мужу. При виде Исмаила она по-девичьи краснела, обращалась нему с застенчивым трепетом и никому не доверяла ухаживать за ним, – даже больная, сама готовила и подавала ему еду.

Мужественная красота Исмаила с годами стала отчетливей и выразительней. Хотя так же ложилась тень длинных ресниц на его щеки, так же тонок и строен был его стан, так же сдержан и мягок был его нрав. Счастлива, ах, как счастлива бывала Анисат, когда видела легкую улыбку мужа, неуловимое движение его крылатых бровей, его сильные стальные руки, плетущие из железной проволоки непонятные иероглифы.

Умер он неожиданно: зашел на кухню к хлопотавшей Анисат, мягко улыбаясь, и спросил:

– Княгиня (так он называл жену в глаза), кажется, что-то душно?.. – И присел у стола.

Когда Анисат бросилась к мужу, он был мертв. Она взглянула в любимые зеленые глаза, уже безжизненные, сразу все поняла и как стояла, так и рухнула.

---

[1] Дуа – талисман в виде треугольника, в который зашито письменное заклинание. Рудимент язычества, не имеющий отношения к исламу.

[2] Аланла – мн.ч. – аланы. Алан, аланла – традиционное обращение карачаевцев друг к другу

[3] Хыйны – ворожба, колдовство.

У нее отнялся язык. Молча, она продолжала работать, готовясь к поминкам, двигалась как робот, и все время уходила взглядом куда-то внутрь себя. Часто подолгу смотрела в угол и беззвучно шевелила губами, держась рукой за дуа на груди.

После поминок у нее отнялись ноги. Так, обезноженная, прожила она еще несколько месяцев. Невестки безропотно ухаживали за ней. Жива была еще Сулахат, после смерти сына превратившаяся в мумию.

– Я хочу жить долго, – сказала как-то она соседке Кемисхан, – чтобы каждый свой час молить Аллаха о милости к сыну. Если я умру, кто будет молиться о моем мальчике, кто подаст милостыню бедняку, кто будет думать о нем?

– Жена вон как убивается, – робко вставила соседка. Сулахат отмахнулась:

– Э-э, убивается или убила – еще не ясно. Он умер в тот день, когда привел ее в дом! Она высосала его!

– Ваш род всегда был жестким, – сказала соседка, неприятно удивленная злостью старухи. – Побойся Аллаха! Она умерла вместе с твоим сыном! Только что в землю не легла.

– Лучше бы легла! – крикнула Сулахат беззубым ртом. – А ты не лезь, где нет тебе места! Делать нечего – четки перебирай.

– Она веру ради твоего сына поменяла! – чуть не слезами проговорила соседка, и Сулахат с сожалением посмотрела на нее:

– Три сына у тебя, Кемисхан. Дай тебе Аллах три таких невестки. Поменяла змея кожу...

– Аллах, Аллах, – только и смогла выговорить потрясенная соседка.

Из дома раздался истошный крик:

– Мама с кровати упала!

На полу недвижно лежала Анисат, и кровь уже запеклась на ее синих стиснутых губах. Левая рука сжимала дуа на груди. Последнее особо поразило людей.

Похоронить Анисат решили на мусульманском кладбище, рядом с Исмаилом.

– Опять за ним потянулась, – шептали женщины, утирая слезы. – Жизнь поменяла ради него, веру свою...

А когда начали обмывать тело, древняя Гошаях сняла уже обветшавшее полураспоротое дуа с ее шеи.

– Она его никогда не снимала, – пояснила она собравшимся женщинам. – Зашейте. Как жила с этим дуа, так и похороним. Она родилась в другой вере, а умерла мусульманкой...

Кемисхан аккуратно распорола дуа, вытянула с одного края изношенную нить – и вдруг вскрикнула:

– О Аллах!

На раскрытой ладони ее лежал серебряный крестик...

Семейное счастье

У Патьи было три дочери и ни одного зятя. Свою обделенность жизнью она чувствовала ежечасно. Внуки, зятья на иномарках, дочки с дорогими подарками – все это было у других, не у нее.

– Умница какая у Халимат выросла, – сетовала она, – не успела школу закончить, а уже в чьем-то доме в углу стоит – невеста.

Дочери Патьи, светлоокие, ироничные, молча улыбались. Она украдкой вскидывала на них глаза, вздыхала. Слава Аллаху, не в нее пошли – в отца: немногословные, с таким же ясным взглядом, тонким станом и нетающей насмешливой грустью в глубине глаз.

– У людей как у людей, – жаловалась она мужу вечерами. – Зятья, внуки, полный дом. Чем наши дочки хуже этих колченогих дурынд Халимат?

Муж, молчаливый рвач Унух, нехотя отрывался от телевизора:

– На все воля Аллаха...

Патья сразу взрывалась:

– Да если бы я полагалась только на волю Аллаха, я бы сроду замуж не вышла. И эти в девках засидятся – не мои мозги у них, а твои, никчемные!

Муж угрюмо сопел. Он до сих пор не мог понять, как его угораздило жениться на этой длиннорукой каракатице, бросив невесту, красавицу Лейлу. Ведь и не пьян был – пить он начал после свадь-

бы. Бес попутал: польстился на не существующую у Патьи сберкнижку с многотысячной суммой.

– Хыйны ему скормили, – шептались тогда по-за углам женщины, жалея его. – Такой образине за деньги показываться, а не в почетном углу приличного дома стоять.

Пересилив гордость, приходила на свадьбу мать той невесты. Увидев молодую, говорят, даже зашаталась:

– О, Аллах, на какую уродину польстился этот несчастный! Чтоб вам счастья не видать... Говорят, Патья лихо крикнула из угла: «Подохни от зависти со своей дочкой, даже если я помойное ведро! Не меня проклинай, а своей перезрелой у Аллаха мужа вымоли!».

Говорят, уходя, прокляла ее Биба: «Чтоб у тебя семь дочерей было и ни одного зятя!» Ну, семь не семь, а три дочки одна за другой родились у них. И чем дальше, тем чаще вспоминала Патья проклятье Бибы: «Я убила бы ту, кто увел бы у моей дочери жениха».

Но женихи и сваты обходили дом Патьи, как чумной. Непонятно, ох, как непонятно. Дом – полная чаша, дочери – тонкостанные ясноглазые красавицы. А главное, все у них есть: золото, бриллианты, норковые шубы, полные сундуки приданого. Муж Унух кривой гвоздь найдет на дороге – несет в дом. Работал он завмагом, обмеривал, обвешивал, обсчитывал с такой безотрадностью, с такой неизбывной печалью в глазах, что получил прозвище «кроткий рвач».

Алчная Патья, дорвавшись до сытой жизни, грабастала все, о чем и мечтать не могла в родительском доме. Но с некоторых пор начала приходить к выводу, что выражение «не в деньгах счастье» не следует опровергать так категорично.

Она перепробовала много способов привлечь сватов в свой дом. Рассказывала походя везде, какие хозяйки, рукодельницы и скромницы ее светлоглазые дочери. Потрошила перед каждой зашедшей к ней женщиной свои сундуки и дотошно объясняла, за какие деньги и где куплено приданое. На стол подавала в лучшей посуде вкусности: икру, копченого угря, сыры, фрукты заморские. Небрежно трясла горстями золотых украшений и самозабвенно грозилась обвесить ими всю родню жениха, а сваху - особливо.

– Сейчас без цельной шубы и трех комплектов бриллиантов удачно замуж не выйдешь, – озабоченно вещала она. – Вон, дочь Бали – кикимора, а какого парня отхватила! Черный джип, водочный цех, сам только в Эмиратах одевается. А к дочери Фатимы пришел какой-то лох свататься, а у него туфли российские! А что она хочет? У дочки одна дубленка! Я ей прямо это сказала.

Случайные гостьи отводили глаза от заносчивой зажравшейся Патьи, слушали вполуха, ели вползуба и клятвенно обещали себе не переступать порог этого дома.

– Наше богатство глаза всем застит, – самодовольно, но с затаенной досадой говорила мужу Патья.

Поняв, что ни посулами, ни подкупами, ни красотой дочерей женихов заманить не удается, Патья решилась на крайнее средство: пойти к гадалке. Говорили, что в соседнем районе живет необыкновенная ворожея. Что она не только предрекает будущее, но и приближает его – и все это лишь особыми молитвами и заклинаниями.

Неделю Патья раздумывала – говорят, грех по гадалкам бегать, а с другой стороны, безмужними жить - не грех? Сомнения разрешила соседка, забежавшая как-то вечером за солью:

– Четвертая дочь Азамата замуж вышла вчера, – отводя глаза, как бы невзначай сообщила она. – В хорошую семью, говорят. Жених, говорят, красивый, богатый, работает в лесничестве – деньги к нему стружкой сыпятся, хоть он и без высшего образования. Повезло дочери Азамата!

Патья позеленела.

– Я слышала, в роду у Азамата рождались дети с жабьими лапками, – небрежно сказала она, напрочь забыв свою с детства кличку «квакушка». - Как бы эта дочка тоже не родила лягушонка. Бедные люди, за что Аллах разгневался на них?

Соседка подпрыгнула от неожиданной интересной новости и заторопилась домой. А вдохновенная грозная Патья двинулась в дом и сдернула мужа с дивана:

– За руль! – Потом ринулась к дочерям: – Опять книжки?

Дочери подняли на мать светлые ироничные глаза и молча улыбнулись.

– Жабье отродье Азамата до последней разобрали! – заголосила Патья, сама поверив в свой вымысел. – Голодранки! Через день ели, в обносках чужих ходили! Школу еле закончили, на базарах выросли! Тьфу на ваше образование, если от него один вред! Пустоцветами останетесь, а азаматовские дочки будут лягушат плодить!

Дочери отвернулись, пряча в глазах насмешку.

– Меня тоже так на себе женила? – невесело спросил Унух, но машину из гаража выгнал – в неустроенности дочерей он видел личную вину – за предательство.

«Форд» мягко покачивался на поворотах, Унух молча сопел, и плавный руль в его огромных руках казался игрушечным. Патья теребила концы платка, нервно сморкалась.

Была уже ночь, когда они въехали в село, где жила знаменитая ведунья.

– Теперь куда? – спросил, молчавший всю дорогу, Унух.

Патья подобралась, выпрямилась.

– Сюда, – командирским голосом приказала она. Муж послушно повернул. – Теперь вперед и опять налево. Стой.

Домишко, у которого остановился их черно-фиолетовый «форд», никак не походил на жилище вещуньи. По стереотипу это должен был быть или изящный кружевной домик с резными ставнями и розовыми клумбами вокруг, или развалюха с раскуроченной трубой, из которой в полночь, обратившись в кошку, с жутким воем вылетала ведьма. Этот же дом был явно нежилой – с разбитыми окнами и обросший по пояс бурьяном.

– Значит, следующий, – властно сказала Патья. – Собака лает – поди, спроси.

– Где, мол, тут гадалка, мне дочек надо замуж выдать?

– Иди, не умничай! Был бы с мозгами, твои дочки давно имели бы законное семейное счастье!

Ночь дышала летними травами, стрекотала кузнечиками, шелестела сонною листвой. Патья зорко смотрела в темноту.

Унух вернулся через полчаса:

– В этой округе гадалка не живет.

– А где же?

– А если не знаешь, куда перлась?

– Как же, – заторопилась Патья. – Мне люди объяснили – вторая улица от пилорамы, пятый дом налево.

– Ну, так ищи!

– И поищу! Босиком обойду весь район! – завелась Патья. – Это же только мои дети, ты здесь ни при чем!

– Ты, – скрипнул зубами Унух. – Еще вякнешь – оставлю здесь подмастерьем к твоей ведьме. Как выехать отсюда?

Патья хорошо помнила дорогу, но слукавила:

– Поехали по той улице – так быстрее, – и опять прицелилась глазами в темноту.

Машина, дергаясь на каждой колдобине, выехала на окраину села. Впереди было ровное темное поле, антрацитом блестевшее под луной.

– Здесь вроде дороги нет...

– Езжай! – властно прикрикнула утомившаяся Патья. – Бесполезный ты человек! С таким отцом дочки весь век просидят!

Машина плавно въехала в темный сумрак и заелозила на месте.

– Буксует. Вроде нет луж, а болото, – примирительно сказала струсившая Патья.

– Ну, где ведьмы, там и болото, – спокойно ответил ей Унух. – Ну-ка, выйди, подтолкни машину.

Патья покорно вылезла из машины – по опыту знала, когда можно свободно покрикивать на мужа, а когда лучше повиноваться – целее будешь. Она хорошо помнила, как сразу после своей необъяснимой женитьбы Унух собрал все женино барахло и отправил к ней домой с родственником. Потом с другом заехал за Патьей на работу – он тогда ездил на «пирожке» – посадил в темный кузов и выгрузил перед ее домом:

– Чтоб мои глаза тебя не видели, уродина.

Как умоляли Унуха родители Патьи сойтись – никакой гордости, как подсылали аксакалов-парламентеров, какие посылали родне Унуха богатые подарки! Унух был непреклонен:

– Эта шестиножка мне жизнь сломала.

Полгода опозоренная Патья не выходила на улицу. И только когда Унух узнал, что она скоро родит, поехал за ней:

– Ребенок не виноват.

Но перестал ее замечать. А когда брошенная им Лейла вышла замуж за красавца-летчика и уехала в Ригу, запил и стал еще неразговорчивей, и такая тоска была в его серых глазах, что люди спускали ему обвесы и обсчеты.

– Ради дочерей живу, – как-то признался он другу. – И эту терплю ради них. Аллах за предательство наказал меня этой адовой каракатицей.

Иногда Унух ненамеренно устраивал Патье унизительные встряски. Мог оставить на базаре с тяжелыми сумками и уехать – просто забыв. Обозленная Патья, страдая, брала такси, тут же расплачивалась крупными банкнотами на виду всего базара.

– Моего срочно вызвали, – небрежно говорила она соседке, бредущей на автобусную остановку.

И надменная, самодовольная уезжала – одна. Соседка, мечтавшая покататься в такси, провожала ее оскорбленным взглядом и лезла в пыльный автобус:

– Министр, можно подумать. «Вызвали...». Частенько Унух уходил в загулы с нездешними блондинками. Мужнего адюльтера Патья опасалась чрезвычайно: как бы не переметнулся ненаглядный к заезжей красотке. На всякие меры шла Патья, лишь бы не быть брошенной второй раз. Однажды в момент передачи личного опыта поведала она соседке такую историю:

– Как-то мою посуду – сестра звонит: мол, твой в ресторане с крашеной девкой. У меня стакан из рук упал. А-ах, думаю, так? Я тебе навек дорогу в ресторан закрою! Беру дочек, беру такси, еду. Заходим. Унух сидит ко мне спиной с полуголой девкой: пьют-чокаются. Сели мы недалеко. Дочки по сторонам глазеют, я – на мужа, он – на эту мочалку, а та жрет за троих и хохочет. Официант к нам подошел, чего, мол, желаете покушать? «Мы-то всего желаем, – отвечаю со слезами, – да денег нет, вот: тот желтый крокодил изо рта своих детей последний кусок вырывает!» И рыдаю в голос. Дочки перепугались, кинулись ко мне, криком кричат. Унух смотрит на нас, и Глаза у него белые. «Что, – кричу, – смотришь? Твои дети от голода плачут, дома есть нечего, а ты по ресторанам с потаскухами шатаешься?» С тех пор, тьфу-тьфу, не помню случая.

Но под страхом смерти Патья никому не рассказала бы, как дома муж пинком загнал её в кладовку: «Не выйдешь оттуда, пока все не съешь!». И как она, прекрасно знавшая непреклонный характер мужа, рыдала уже по-настоящему, глядя на бочки с сыром, на ведра с тузлуком и айраном, на свисавшие с железного крюка вяленые говяжьи колбасы и жирные бараньи бока, на трехведерные кастрюли со сметаной и топленым маслом, на полки с соленьями и маринадами. Он выпустил ее через час: дочки больно плакали, и тогда поняла Патья, какая великая сила – дети. И стала всеми силами привязывать Унуха к дочкам.

– Жить без отца не могут, – жаловалась она, чтобы и Унух слышал.

– И внешностью и нравом в него, одна порода. Слушал это Унух, слушал, а однажды невесело усмехнулся – кривая вышла ухмылка, как оскал:

– Э, несчастная твоя душа, – сказал он. – Захотел бы я уйти – и три сына не удержали бы. Не имею я права быть счастливым, однажды став предателем.

Мнение же людей было таким:

– И на том свете нашли бы друг друга, хапуга и дура. ...Все это вспоминала теперь Патья, изо всех сил подталкивая натужно урчащую машину. Пот заливал ей глаза, платок сбился на лицо, одежда была забрызгана липкой грязью. Несколько раз Унух уходил в темноту, приносил доски, камни, совал под колеса – машину как приклеили. Унух злобно курил и сквозь зубы материл Патью - жалко было новенький «Форд».

Наконец машина с всхлипом вылезла из жижи, обляпав Патью с головы до ног. Вытирая с лица грязь и пот, только она открыла дверь машины, как Унух рванул с места.

– На ступе со своей чернокнижницей полетай! Патья вцепилась в ручку, и машина поволокла ее по земле.

– Ой-ё-ёй, – завопила она. – О мусульмане, на помощь! Убивают!

Унух притормозил, довольный:

– Что, алмасты, испугалась? Меня тоже так женила на себе? К этой колдунье бегала?

Патья всхлипывала. Ее трясло, и она никак не могла вытереть нос платком, елозила рукавом по лицу.

– Это единственный раз мы ездили к твоей сестре ведьме, – оскалившись, сказал Унух. – Пусть мои дочери век сидят, чем как ты...

– Человек так с собакой не поступает... Уйду я от тебя, Унух, – выговорила Патья, уже не сдерживая рыданий.

– Э, откуда такая радость!.. Уйдет она. Куда, к кому? Такого дурака, как я, больше нет. Мы друг другу – расплата за грехи. Семейное счастье!..

По извилистой дороге над страшными горными обрывами под сверкающими звездами в безмолвной фиолетовой ночи, как призрак, ехала траурная машина.

Два чужих человека смотрели в пустоту, и от темной притягивающей бездны их отделяли три девичьих силуэта.

Впрочем, у любой истории есть закономерный конец. Все три дочери Унуха вышли замуж. А что здесь особенного?

Похищение

Что значит – одолевает мелкотемье? А я думала, сюжеты, как музыка, витают в воздухе. Вот я вам расскажу, как меня похищали – чем не тема? Интересно, есть ли такой жанр – трагикомичный водевиль?

В тот день у меня было какое-то непонятное тревожное чувство. Может, из-за выпавшего снега, который я никогда не любила. Я даже легла было пораньше, как мать вдруг вспомнила:

– Опять хлеб не купила!

Одеваться было лень. Я накинула пальто прямо поверх ночной рубашки, на ноги натянула шерстяные носки и старые дачные калоши, ничего страшного – не так уж и холодно, а хлебный ларек всего в сорока метрах от подъезда.

Воздух на улице был свежий, снежный, бодрящий. В чистых лиловых заснеженных сумерках стояла удивительная вечерняя тишина. На фоне подернутого синеватой изморозью неба опушенные снегом ветви деревьев казались вышитыми из белого букле. Я шла, задрав голову и любуясь.

Вдруг сзади взвизгнули тормоза, хлопнула дверь машины и чьи-то сильные руки вцепились мне в плечи. От неожиданности я вскрикнула, рванулась, но меня схватили за ноги, и я гамаком повисла в воздухе. Толстый мужчина и женщина, как два цыпленка червяка, решительно тянули меня в разные стороны. В какую-то секунду в дробящихся плоскостях я увидела, как три тетки неподалеку с удовольствием наблюдали за нами. Меня сунули в машину, и я завопила не своим голосом.

– Не бойся, Зухра, я с тобой, – услышала я знакомый расслабленный голос и опять вздрогнула. Рядом сидел Анзор, кузен. Он был слегка навеселе:

– Три дня тебя выпасаем. Жених заждался. Какой парень! Ты мне еще спасибо скажешь, сестренка!

Что-то мелькнуло в памяти: настойчивый кузен, его плюгавый друг – «зато богатый и уши красивые». Ах ты, дрянь!

– Остановите маши-и-ину! Мне надо выйти! – заорала я.

– Зачем это? – недовольно буркнул хмурый водитель.

– Что тут непонятного? – злобно вскричала я. Тот сконфузился:

– А-а! – и притормозил рядом с невысоким заборчиком на выезде из какого-то села. Перепрыгнуть – и прямиком в первый же дом! Я рванула к забору, но бдительная тетка цепко схватила меня за полу пальто. Мужчина тут же выскочил из машины и бегемотом затопал к нам.

В этот момент неподалеку остановился красный «Икарус». Я лягнула тетку ногой, выскользнула из пальто и в одной ночной рубашке влетела в салон автобуса:

– Топи! Быстро! – Наверное, я была похожа на сбежавшую из психушки. Шофер впал в ступор.

– Топи!!! – выкатив глаза, исступленно кричала я – все остальные слова вылетели из головы.

Вскочившая следом тетка уже накидывала мне на плечи пальто, кузен настойчиво выталкивал меня из салона, а толстяк совал в руки водителя деньги и что-то шептал.

– Традиционное умыкание невесты! – объявил довольный шофер недоумевающим туристам и победно помахал в воздухе купюрой. – А это калым!

– Будущие арестанты, я вас в тюрьму сдам, – заявила я в бессильной ярости, опять бесцеремонно запихнутая в машину.

Кузен всю дорогу неубедительно и укоризненно бубнил что-то. Машина, прорезая дорогу в летящем слепящем снегу коротким неясным светом фар, с натужным рычанием взбиралась в гору, на которую были намотаны ленты серпантина. Велик был риск сорваться в пропасть. Я вдруг оцепенела – точно помню, как меня парализовало всю.

Наконец машина въехала в ярко освещенный двор, и шумная толпа бросилась к машине:

– Невесту привезли!

Я поджала ноги в потрепанных калошах, но с места не сдвинулась. Думаю, долго памятливый народ будет помнить мою обувь.

– Отвези меня домой по-хорошему, – сказала я толстому водителю.

– Или ты меня – домой, или я тебя – в тюрьму! Ты узнаешь, с кем связался.

Тетки всполошились, закудахтали, засуетились:

– Ах-ах-ах! Как это так?

– Мне проблемы не нужны, – угрюмо буркнул водитель. – Лучше ее отвезти обратно. – И нажал на газ.

И тут вперед вышла старуха со строгим лицом, скинула с головы платок и бросила под колеса дернувшейся машины:

– Езжайте.

Я взглянула в ее суровые серые глаза и стиснула зубы. Через платок, который старуха сдернула с седой головы, я не смогла бы переступить.

Женщины вытянули меня из машины, подхватили с двух сторон под руки и повели в дом.

– Доброй ногой ступай, келинчик. Теперь это твой дом, – ласково бормотала одна тетка, семенящая слева от меня.

– Как же, – спесиво сказала я и отшвырнула шарф, который мне успели накинуть на голову. Тетка недовольно зачмокала, но промолчала.

Расторопно вошла молодица с озабоченным лицом, перекинув через руку ворох одежды:

– Подарки от родственников жениха, – деловито объявила она, аккуратно разложила вещи на диване и поочередно затыкала в них пальцем. Она вдохновенно перебирала в руках золотые украшения, а набившиеся в комнату тетки и девицы вздыхали и перешептывались, комментируя богатые подарки и мое равнодушие:

– И не смотрит...

– Она к калошам привыкла, – хихикнула негромко одна девица, но так, чтоб я слышала.

Передо мной поставили трехногий круглый столик-тепси, от которого исходили душераздирающие аппетитные запахи. Внутри у меня что-то жалко пискнуло и заворочалось. Я незаметно сглотнула слюну, отвернулась и заносчиво застучала калошей по ковру. Девицы прыснули.

Есть хотелось, несмотря ни на что, и я с деланным равнодушием повернулась к столу. Боже! «Метрополь!» Глупо было гордо таращиться в окно, суча ногами. Я выбрала самое большое яблоко – девицы переглянулись – и с хрустом откусила, глядя сквозь них.

– Яблоко ест – значит, остается, – шептались в дверях тетки, прикрывая рты передниками.

– Ее родные знают, что она у нас?

– На перевале снег, раньше завтрашнего утра за ней не приедут. Переночует – никуда потом не денется.

Подлец-кузен окончательно вошел в роль дружки, и был, как полагается, шумный, веселый и в меру проказливый. Он чокался шампанским со всеми девицами, ел за троих и вообще чувствовал себя прекрасно.

– Я любую замуж выдам, хоть в калошах, хоть в противогазе, – балагурил он.

– А в норковой шубе? – кокетничала одна.

– А на такой сам женюсь! – жизнерадостно хохотал кузен и стрелял шампанским во все стороны под дружный визг девиц. Его развязность не была неприятной – смазливый городской парень явно всем нравился.

После яблока чувство голода и злости усилились.

– Барышни, а не пора ли вам по домам? – зевнула я, удобней вытягивая ноги. – Невеста устала и спать хочет.

Девицы многозначительно переглянулись. – Для тебя честь быть с нами, – вздернула плечи одна, выразительно косясь на мои калоши. Девицы презрительно фыркнули и вышли, не глядя на меня.

Полусонный кузен развалился на диване:

– А хорошо ездить за невестой, – довольно гладя себя по тощему животу, урчал он. – Я это дело поставлю на поток. А ты поспи, завтра не до сна будет.

Он хохотнул было, но осекся, неуклюже накинул на себя какое-то покрывало и деланно захрапел.

– Эй, ты! Быстро встал, бежать надо! Он приоткрыл мутный глаз:

– Беги. В своих калошах счастья.

Находясь в неправдоподобном и внезапном кошмаре, от которого хотелось немедленно освободиться, я бросилась к окну.

Снегопад закончился, небо прояснилось и мигало далекими перламутровыми звездами. В ясном лунном свете заснеженный сад казался успокаивающе-притягательным и таким же нереальным, как и все, что происходило со мной. Дорожки вокруг дома уже были подметены, под окнами громоздились сугробы.

Прыгать со второго этажа было боязно. Для смелости я несколько раз пыталась отхлебнуть из бутылки, как это небрежно делают герои в кино, но кислый запах коньяка сжал мое горло. Я оставила бутылку в сторону и прыгнула из окна в сугроб, неожиданно глубокий и поэтому спасительный. Выползая на четвереньках из сугроба, отплевываясь и чувствуя, как в калоши и носки набился и тает снег, я услышала над ухом хриплое дыхание. Я подняла голову.

Прямо надо мной стоял огромный черный пес и сипло дышал, оскалив огненную клыкастую пасть, и лунный свет нимбом разливался вокруг него. Кошмар продолжался.

– Кутя, – заискивающе шепнула я, влезая обратно в сугроб. Псина двинулась следом. Тогда я прытко подскочила и сиганула во двор через невысокую ограду. Пес махнул за мной. На стремительных ногах я нарисовала один круг по двору, саду и огороду, проваливаясь в снег, потом другой. Калоши иногда скользили, как коньки, и я резво катилась.

Собака, не сбавляя темпа, размеренно бежала следом – видно, была натаскана травить чужаков до загнанности, до того, как они, обессиленные, нанижутся на ее клыки. Эта перспектива вдохновляла меня, и я, подобрав полы своего пальтеца и задыхаясь, накручивала очередной виток по тому же маршруту.

На мое счастье открылась дверь дома, и на пороге появился старик в кальсонах и фуфайке. Увидев, как собака гоняет по двору задыхающуюся невесту, он сначала оторопел, потом заколотил палкой в двери.

– Эй! – закричал он. – Кто-нибудь! Держите Добара и невестку, пока она нас совсем не опозорила! Полный дом баб – куда смотрите!

В доме поднялся гвалт, замелькали тени. На последнем, предсмертном дыхании я, скользя на одной калоше, подлетела к старику и отчаянно вцепилась в него. Старик потерял равновесие и упал мне под ноги ...

Наутро приехали мои разъяренные родственники. Родня жениха не бросилась к ним с уговорами оставить девушку, как это бывает в таких случаях. То ли вид у наших был свирепый, но, скорее всего, здешние были рады избавиться от такой чумовой невесты.

Увидев огромного взбешенного дядю Аслана, подлец-кузен затрясся.

– Собачий сын, – свирепо сказал ему Аслан, выкатив глаз. – Я тебе говорил, чтобы ты берег ее как зеницу ока? Говорил? Ах ты, продажная баранья шкура!

Он размахнулся, чтоб врезать кузену как следует. Тот юрко пригнулся, и здоровенный кулак Аслана засветил мне прямо в лоб.

Говорят, собравшиеся во дворе люди, привстав на цыпочки, наблюдали невиданную и неслыханную картину: гориллообразный человек нес на руках бесчувственную невесту, и из его налитых кровью глаз текли слезы. У невесты с ноги свалилась калоша, а из-под полузастегнутого пальто торчала ночная рубашка. Рядом суетливо бежала какая-то тетка и на ходу пыталась нацепить калошу на безвольную ногу. Видно, очень боялась, что, оставив здесь что-то, невеста могла вернуться. Хотя...

– Сразу было, что это за птица, – рассказывала потом всем эта тетка. – Я напротив живу – видела в окно, как она всю ночь пила водку прямо из бутылки...

Даллас, Америка
Интегральный символ

Ты красивая.

Красивая, отозвалось эхо.

Красивая...я...я...я...

Резко очерченные губы, улетающая улыбка. В бирюзовых глазах растворилось небо. На скулах играли отблески пьяного заката – и сам вечерний ветерок был коньячного оттенка. Наглядно сильные руки сжигал загар цвета пустыни. Опасная огненная мука и погибель исходили от него. Густо пахло свежей смолой: сосны сочились янтарем и заходящим солнцем. Я коснулась рукой солнечной щеки и перестала быть собой. Провалилась в небытие.

И чего же? Я слышала это часто, очень часто.

Я утверждалась в каждой капле росы, в каждом чужом спотыкании, в отражении многих глазах. Я рассматривала себя со стороны и из себя: все верно - красивая. Как всегда. Или почти всегда.

Я научилась этому неожиданно. В период своего предзимья. Когда стала угасать, меркнуть розово-юным, лилово-сумеречным закатом. Наружно это не отражалось – катаклизмы и метаморфозы возраста проходили изнутри, не переходя во внешние формы. Волосы стекали плавно-льняной массой, тонкие слабеющие руки были по-прежнему гибки, в зрачках мерцали лунные блики и зазывно-губительные болотные огоньки.

А потом появился он – неожиданный, стальной и неутомимый, неудержимо устремленный ввысь, как стрела. Что-то в нем было инопланетное: тонкое лицо и бирюзовые глаза, углами устремленные к узким вискам. Красота, совершенная настолько, разрушала собой гармонию. Полдень, противопоставленный дню.

Он был один из редких – избранных. Из тех, кто принадлежит к горячей, инакосозданной породе, страстной и никогда не стареющей. Потому что они уходят молодыми. Человек-молния, пламенный и холодно-острый, предназначенный для иной, короткой – вечной жизни.

«Ибо не хватает жизни, чтобы показать свое неистовство...».

Ощущение исходящей от него почти осязаемой нечеловеческой первородной дикости и неистребимой мужской сути пронзало меня томлением и тоской. Охваченная этим жаром, я задыхалась и мертвела. Боясь быть уличенной в слабости и грядущей зиме, от которой ограждалась весенними всплесками осенней молодости.

Энергия бреда и фантазии безгранична. А-ах, стонала я внутренне – на выдохе, соскальзывая за зыбкие грани разума и паря между мыслимыми и вымышленными мирами и сферами в счастливом умопомрачении.

Паранойей и молчанием расплачивалось пространство. Такова реакция реального и придуманного миров.

Мое расцветающее чувство было прямо перпендикулярно моему увяданию. Я неуспешно конкурировала с собой, проигрывая по всем пунктам. И тщетно ждала продолжения. Продолжения, которого не бывает в таких случаях. Существуя в параллельных мирах и нанизывая ошибки. Вереницу ошибок. Тех, что были во мне до меня, и чужих. Чуждых моей природе.

Он понимал меня больше, чем я сама. Он чувствовал то, что было у истока моей души. Обреченный на вечную юность – смерть, он давно забыл за ненадобностью больше, чем я когда-либо буду знать.

Для меня уже наступал тот предел, за которой следует беспредел. Форма и сущность, обреченные на медленное мучительное изведение, изыскивали неведомые дотоле жизнепродолжающие силы. Динамика, азарт, чувственность, интуитивно воскрешаемые инстинкты неожиданно выплескивались из меня, и я с нетерпением впитывала их снова в себя: это стало необходимым допингом, инъекцией, рассасывающей расползающиеся, как метастазы, темные мысли.

И еще – флюитивность. Когда посылаемые флюиды почти материализуются. Я внезапно научилась вырабатывать эти заряженные частицы, эти чувственные элементы. Я позволяла себе быть очень неправильной – и упивалась своими победами, разовыми бонусами игры...

А как ты хотел? Неправильность есть та же необходимая вакцинация против надвигающейся пустоты. Я втиснута в одномоментность. Ты никогда не войдешь в мой мир, о котором не имеешь представления. Фобии возраста...

Кофе. Много кофе. Ледяной неотрезвляющий душ. Воспоминания-предчувствия.

Я встретила девочку, входящую на весенний порог своей жизни с осенне-слякотными проявлениями души. У нее были подпаленные охрой волосы, пустые, с ржавчиной глаза и обескровленное холодное лицо с очевидным тяготением к зимнему, стылому.

Сто пудов, с силой как-то сказала она, грозя пальцем то ли себе, то ли невидимому оппоненту. Я была не в счет, поскольку представляла другую породу и природу. Сто пудов, я буду одеваться по-московскому. Как я хочу одеваться по-московскому.

По-московски, недоуменно уточнила я, но она меня не слышала, обратив невидящий с ржавчиной взгляд к высокому небу. Та, чужая пустая весна не дала мне повод сожалеть о своей, безоглядно ушедшей.

Я встретила женщину, переступившую последний порог своей зимы - за которой идет уже абсолютная пустота и безмолвие. Безглагольность. НЕсуществование.

Сворешко таравала мурызко, сказала она, безмятежно улыбаясь из своих пустот и миров, щурясь внутрь и изъясняясь на языке своего зазеркалья. Рана марава. Я любила, неожиданно добавила она, и взгляд ее вдруг осмысленно раскрылся и отразил ту молнию, которая опалила, спалила ее. Прожгла и выжгла дотла.

Не в такое ли предзимье?..

Есть такое понятие: несудьба. И я и не пыталась перехитрить ее.

Но вот что я хотела понять перед грядущей предсмертной зимой: зачем судьба мне послала его, если он – моя Несудьба? Что Господь хотел уравновесить таким несоответствием заданных Им начал?

Разве мы, разделенные на два противоположных разрозненных элемента и выкроенные по человеческим шаблонам, не были созданы из одного вещества?.. Такие разные и одинаково обреченные: он – на короткую, как всполох, жизне-смерть, я – на нескончаемое пожизненное отцветание.

Я знала и не хотела примиряться: мое затяжное существование давало ему возможность продлить жизнь. Хотя бы в моей немеркнущей памяти. Неужели ты так и не понял этого? Не понял.

Ах, зачем эта утомительная неиссякаемая женственность. На какую нескончаемость я остаюсь одна. Эта необъяснимое в моем болезненном мире опустошило меня...

Он исчезнет внезапно и быстро, человеко-молния, а я еще долго буду меркнуть в отголосках блекло-лилового, золотисто-розового заката, в надвигающихся свинцовых сумерках зимнего небытия.

Моя пора придет нескоро.

Лицо его изменялось, перетекало и расплывалось в моих слезах. Я вглядывалась во внешнюю изысканность и пыталась закрепить в памяти. Подвластная мгновению улыбка, изменяющая мир, обманчивая приручаемость – и снова миг во власти моей печали. Ах, нет, забыть бы все, забыться. Раствориться. В полете, свободе, одиночестве – и пустоте.

Не бывает дороги в никуда. Мы еще встретимся в другой, надземной жизни. Куда мы улетим. В заповедную землю, в край напуганных птиц.

Там, где соловьи промывают горлышки рассветом;

Там, где цветы пьют вдохновение из радуги;

Там, где на вздрагивающем бархате жирафьей спины запечатлены поцелуи солнца;

Там, где на заре кони с фиалковыми глазами и развевающимися гривами в полёте сбивают росу;

Там, где из камней бьют родники;

Там, где неистовствующие ветры оплодотворяют клубящиеся облака водой;

Там, где слезы неба застыли мерцающими созвездиями, а огненные кометы освещают дорогу планетам;

Там, где вечно юный месяц возрождается из розового тумана, и вновь и вновь пытается заключить в несмыкающийся полукруг своих крепнущих объятий голубую немеркнущую звезду.

Наш интегральный символ – вечность.

Настоящая женщина

Впервые я увидела его у пивного ларька. Он шел разнеженной походкой и нес розовый пакетик с черешней, время от времени поклевывая ее. Его светлые волосы были собраны в пушистый хвостик, а голубые глаза мечтательно смотрели вдаль.

Это был юноша моей мечты. Такой случай судьба дарит только раз в жизни, и упустить его было равносильно тому, что потерять.

Поэтому я решительно взяла быка за рога.

Я догнала его в тот момент, когда он намеревался клюнуть очередную черешню:

– Вам помочь?

Он торопливо прикрыл свой кулечек.

– Спасибо, я сам съем, – сухо ответил он и действительно откусил полчерешни.

Я снисходительно улыбнулась.

– Мне ваши черешни не нужны, – успокаивающе пояснила я. – Просто я хотела помочь вам донести эту сумочку...

Он подозрительно скосился в мою сторону, потом заиграл глазами по перекресткам и прибавил шаг. Я тоже включила третью скорость.

– Где-то я видела ваше лицо, – не унималась я. – А вот где – не могу вспомнить.

– Только на мне. Я его нигде не оставлял, – сострил он.

Это вдохновило меня на импровизацию.

– Ах, вспомнила, – небрежно протянула я, – в Домбае, на съемках фильма «Горные вершины». Вы играли американского туриста.

Самолюбие не позволило ему отказаться от навязанной мною роли.

– А вы — туристка? – уклончиво спросил он.

– Ну, что вы, – простодушно сказала я. – У меня была более скромная роль – каскадера-скалолаза.

В его глазах впервые вспыхнула искра интереса, и я поняла, что попала в «десятку».

Вечером мы сидели в кино, и он усердно делал вид, что очень поглощен происходящим на экране и только поэтому не замечает, как его рука заблудилась в моей. Я нежно, стараясь не скрипеть своими мозолями, сжимала его пальцы и так шумно вздыхала, что сидящий впереди хмырь обернулся и сердито заметил, что причины для слез он пока не видит.

Потом я провожала его домой, культурно дымила сигаретой в сторону, вдохновенно несла какую-то чепуху о нелегком труде актера-каскадера, а сама мучительно соображала, когда мне его поцеловать – сейчас или у подъезда. Может, на чаек пригласит... Из раздумий меня вывел сиплый голос:

– Гони капусту, ты!

Напротив стояли три здоровенные лохматые девицы с подозрительно разрисованными мордами. В руках они первобытно сжимали булыжники. Любимый ойкнул и порхнул в кусты. Ну, а мои ответы в таких случаях оригинальностью не блещут.

– А в бубен? – поинтересовалась я. Имея титул мастера спорта по боксу, я могу позволить себе некоторую вольность.

Небрежным движением плеча я смахнула куртку на тротуар, второго движения было достаточно, чтобы уложить туда же бесчувственным ухом первую девицу. Ее компаньонки по бизнесу не стали дожидаться третьего движения и с топотом унеслись в ночь.

Когда я вынула своего спутника из кустов, то при романтическом свете луны и фонаря увидела в его глазах непролитые слезы.

– Ты, – сказал он и задохнулся. – Ты – настоящая женщина! – И бросился мне на шею.

Эта минута решила все. Я подняла его на руки и понесла навстречу нашему счастью...

Мастерский прием

Меня всегда умиляли старики. Я люблю их всех: древних, бестелесных, с причудами, капризами, беспомощностью и эгоцентризмом – и при этом добрых, мудрых, всепрощающих. Они каким-то чудом держат баланс между жизнью и небытием и, уже приближаясь к краю вечности, вдруг так озаряют нашу жизнь заходящим лучом своей энергии, ее предпоследним всплеском, что это закатное тепло еще многие годы согревает нас, печалит и напоминает о навеки ушедшем времени.

Случай, о котором я хочу рассказать, сначала вызвал у нас страх, потом – смех, а сейчас, спустя много лет – растроганность и грусть о невозвратимости прошлого. Это произошло глухой осенней ночью. Нас разбудили болезненные стоны бабушки. Тетя спросонок долго искала выключатель:

– Что с тобой?

Бабушка лежала с закрытыми глазами и тяжело дышала. Седые волосы выбились из-под белого платочка на раскрасневшееся лицо, рука комкала одеяло.

– Умираю, – обрывающимся голосом прошептала она. – До утра не доживу... Отец твой за мной приходил...

Поскольку за бабушкой почти каждую ночь приходили все умершие, тетя отмахнулась:

– Тебя только там и ждут, можно подумать. Спи – три часа ночи.

– Умру – похороните рядом с Ракаем...

Ракай, младший брат бабушки, умер в детстве от скарлатины. По ее рассказам, это был веселый, озорной, жизнерадостный ребенок, часто своими шутками и проказами вызывавший у детей то смех, то слезы. Бабушка за свою долгую жизнь потеряла многих близких людей, но врезавшуюся в ее детскую память смерть братика запомнила особенно и все время завещала похоронить себя рядом с ним.

– Сон плохой приснился, – сказала тетя, уже окончательно проснувшись. – Давай-ка поешь лучше чего-нибудь.

Надо сказать, что бабушка весьма уважала полуночные перекусы. Бывало, встанет среди ночи и, чиркая спичками, нальет себе чай из чайника на плите. Свет она включала редко, чтобы «никого не разбудить». Если чай был слишком горячий – разбавляла холодной водой из ведра и большой деревянной ложкой размешивала сахар. Сыр там, сдобу или мясо не любила, зато масло могла есть с маслом. Подцепит кусок двумя пальцами, отправит в рот, закусит хлебом.

Покушав, она, шаркая, шла к кровати, немилосердно зажигая одну спичку за другой. Спички коротко горели, оставляя после себя удушающий едкий запах серы. Бабушка с трудом садилась на высокую железную кровать и поочередно сбрасывала свои тяжелые войлочные тапки. Первый тапок с грохотом падал с высоты.

– Одна лавина сошла, – сонно комментировала тетя, и мы в разных комнатах, одинаково цепляясь за остатки сна, с замиранием ждали: когда упадет второй. Грохот повторялся, и мы окончательно просыпались, чтобы до утра маяться нашей изматывающей фамильной бессонницей.

А бабушка еще долго мигала фонариком, если он был заряжен, чиркала спичками, шуршала бумажками под подушкой. На этих талмудах, как шутил дядя, была записана весьма важная для бабушки информация. Как большинство стариков, она многое забывала, особенно чьи-то имена. Поэтому при ней всегда были шпаргалки с подсказками. Например, падишах из рода Романовых – Петр Первый. Главный город Китая – Пекин. Самый жестокий и кровожадный человек на свете – Гитлер-Германия.

Иногда эти слова записывали мы, но больше она сама, путая в одном слове арабские, русские и латинские буквы, – бабушка была из хорошего рода и в свое время освоила все три алфавита.

Моя бедная бабушка... Теперь фонарик, носовой платок с завернутыми в него несколькими рублями да стародавний чемодан с простынями, полотенцами и кусками туалетного мыла составляли все ее богатство...

Хозяйство это, правда, постоянно пополнялось новыми рубашками, отрезами и простынями, которые ей дарили родственники и соседи на все мусульманские праздники. Бабушка в эти дни расцветала, громко и выразительно распевала зикры – религиозные гимны, славящие Аллаха и его пророка Мухаммада.

Правда, каким-то образом затесавшиеся в ее память революционные песни она также выдавала за зикры и так же воодушевленно и фальшиво распевала, как оборванный мальчик пас байскую отару, пока революция не освободила его.

Слушатели должны были поражаться ее религиозному многознанию, а она завершала свои сольные выступления скорбным заключением: дескать, велик и мудр был пророк Мухаммад, од-

нако теперь на всем белом свете некому его оплакать. И плакала по пророку.

Визитеры утешали ее, сами утирали глаза, расчувствовавшись, а, уходя, долго обнимали ее и благодарили за мудрость и память.

Поэтому бабушка задолго ждала праздники с нетерпением, подаркам радовалась, как ребенок, а внимательные благодарные слушатели были ей необходимы, потому что утверждали ее самозначимость. Эти немногие оставшиеся ей радости и нехитрые желания, одними из которых были и полночные ужины, – вот все, что составляло теперь ее жизнь.

...Покушала она и в этот раз, но без особого энтузиазма и аппетита, охая и не открывая глаз, – тетя подносила к ее рту ложку, она отхлебывала и со стоном откидывалась на подушку.

Тетя встревожилась и проделала с ней ряд манипуляций, после которых бабушка обычно выздоравливала – иногда для этого было достаточно двух драже аскорбинки. Тетя дала ей валерьянки, закапала в глаза лекарство и даже сделала какой-то гремучий укол. Бабушка очень любила уколы, особенно болезненные, полагая, что они эффективнее, и вообще охотно принимала любое медицинское вмешательство. Несмотря на свой возраст, она почти ни на что не жаловалась, но лекарства готова была глотать горстями, а на отказы делать ей на дню по десять уколов сердилась.

– Тогда отдай меня в газну, если не хочешь смотреть за мной, – обиженно говорила она тетке.

Под «газной» она подразумевала казенный государственный дом для престарелых – некий стариковский рай с совершенным медицинским обслуживанием и заботливым уходом.

– Только тебя там не хватало, – фыркала тетя и вкатывала ей красненький витамин.

– Ох-ох-ох, – довольно ежилась бабушка, безоговорочно веря в эту панацею». – Как пчела ужалила!

Но теперь она неадекватно отреагировала на нехитрые тетины процедуры: застонала сильнее. Вот тут-то тетя перепугалась.

– Может, «скорую» вызвать? – сказала она дяде, который давно вышел из своей комнаты и беспомощно и нервно курил в печную дверцу.

Дядя обреченно махнул рукой и пошел одеваться.

Бабушка вдруг завозилась на кровати.

– А как называлась та дорогая водка, которую пил наш директор совхоза? – слабым голосом спросила она.

– Бредит, что ли, – со страхом сказала тетя, кладя ей руку на лоб. – Какая водка?

Дядя остановился на полпути и тоже с опаской взглянул на бабушку.

– Та дорогая водка, которую пил директор... – бабушка не открывала глаз.

Тетя растерялась, ничего не понимая.

– Шампанское? Или коньяк? – растерянно и заискивающе спросила она, испуганно глядя на раскрасневшееся бабушкино лицо.

– О-ох! – опять застонала бабушка, и тетя взмолилась:

– Подожди! Вино, кагор? – Увы, ее сведения были более чем скромные.

На помощь пришел дядя с каким-то журналом в руках. Впрочем, и без журнала он мог блеснуть кое-какими знаниями в этой области:

– Ром? Виски? Портвейн? Вермут? Мартини? Абсент? Токайское? Бургундское? Шартрез?

Слова повисли в воздухе. Бабушка трудно дышала. Ночь неохотно перетекала в рассвет. За окном медленно серело.

– Ликер? – вякнула я, вспомнив первый преступный опыт в девятом классе на дне рождения у подружки и приторный ликер «Улыбка».

– Поллитровка, – неожиданно громко сказала бабушка, приподнимаясь с подушки и открывая свои ярко-голубые глаза. – Вспомнила – поллитровка!

Мы онемели. А она успокоено откинулась на подушку – уже без всяких стонов, положила руку под голову и тут же уснула. Лампочка под потолком ярко светила ей в лицо.

– Да-а, – обрела наконец дар речи тетя. – Вот оно, значит, что... А я было подумала, что она и вправду умирает. Поллитровка!

Занимался пасмурный серый рассвет. Из курятника донеслась ликующая альба нашего петуха, и разноголосой перекличкой по аулу пронеслась ответная звонкая полифония...

Много лет спустя эту историю услышала одна женщина.

– Какая умная женщина была Мариям, – сказала она, глубокомысленно приложив палец к подбородку. – Я пятнадцать лет проработала в буфете, а водки с таким названием не знаю...

Охотники на драконов

Я учу вас о сверхчеловеке!
Фридрих НИЦШЕ.
«Так говорил Заратустра».

...где еще на всей земле вы найдете такого отца, как мой отец...
Исаак БАБЕЛЬ.
«Переход через Збруч».

Есть такая китайская басня.

В давние времена жил на свете человек, который очень хотел убивать драконов. Вот пришел он в лес к старому охотнику и сказал:

– Я слышал, вы умеете охотиться на драконов. Научите меня вашему ремеслу!

Старый охотник ответил:

– Это очень трудное искусство. Ты готов прилежно учиться много лет? Ты готов бросить свой дом, жить в лесу и заниматься от зари до зари?

– О, да! – воскликнул человек.

Много лет он посвятил науке убивать драконов. Он отдал все свои деньги за учение, вернулся домой и стал предлагать людям свои услуги.

– А что ты умеешь делать? – спрашивали его.

– Я – охотник на драконов! – гордо отвечал он.

– Вот если бы ты умел выращивать рис... Нет, не надо... Как появятся драконы...

...Так и умер этот человек – никому не нужный. Жалко его – до слез. Потому что я тоже – охотник на драконов.

После окончания Высших литературных курсов в Литературном институте я привезла из столицы хорошее понимание хорошей литературы и то «высокое дыхание», без которого невозможна жизнь поэта. И благоприобретенную болезнь, называемую «хронический перфекционизм», от которой, впрочем, не хочется выздоравливать никогда. Я обречена мучиться всю жизнь, обречена на вечную тоску и радость, которая рвется из моего сердца при одном твоем имени, Литературный, единственный в мире – единственный в моем сердце.

Там каждый прожитый день превращался в полет, наполняющий душу восторгом первооткрытия и ознобом от своего целинного невежества. Там каждое утро начинало радостно вибрировать сердце – от предчувствия этого полета и страха не успеть.

И теперь я как бродяга, который навсегда покинул свою родину и вдруг на чужбине услышал колыбельную матери. И так же замирает душа, и тоскливое ледяное кольцо сжимает сердце, когда я слышу где-то твое имя, вижу во вдруг вздрогнувшем взгляде случайного собеседника ту же боль, ту же тоску. И я понимаю, что отныне мы связаны навеки. Мы, по великой милости судьбы ставшие избранными и посвященные в великую мистерию – в таинства Литературного. И обреченные в одиночку нести свое страдание, свою неизбывную тоску и отрешенность. «Писатель как чуждый всем», – сказала моя подруга.

– Какая литература? Кому это здесь нужно?

– Какая поэзия? Лучше бы ты на бухгалтера выучилась!

Так встретил меня родной город. Но тут я привираю. Никогда мне не был родным этот скучный городишко, по недоразумению расположенный в одном из самых красивых мест на земле, и никогда я его не любила.

И до чего убога тут повседневность, вплетенная в ткань быта! Не материальная сторона – здесь как раз наоборот – идет плотное срастание с предметным миром.

Здесь всевластвует божок Мамона. Наличие колченогого ларька с зазывным названием «Лувр» или «Версаль» давно поставило его владельца на одну ногу с акулами мирового бизнеса.

Такова сводимая к общей формуле реальность.

Я вижу это – и мое сердце выпивает тупая обескровливающая боль.

Но какой-то блуждающий ген высвечивает во мне зигзаги спектрограмм, пробивающихся из глубин далёкой памяти, из веками бытующего во мне знания:

Мне видится всадник, стройный, как стрела, над пропастью – на узкой каменистой тропинке. И конь его тонконогий всхрапывает от нетерпения и танцует, и сверкает дикой очъю.

– Эй, аланла!!! – зовет всадник, и рев водопада не может заглушить его голос. И конь летит, не касаясь земли, и серебряно позванивают стремена, и чернокрыло развевается бурка, и кажется: дивная нездешняя птица взмывает – и тонет в высокой необъятности неба...

Но ведь и я!

Я столетиями стояла на плечах Эльбруса! Я питала свою вековую силу серебряными струями его родников! Я взвивалась к звездам, и чистый ледниковый звон копыт моего скакуна пронизывал Вселенную! Я веками носила в себе эту крылатость народа и высоту его духа! Это было во мне всегда – за века до моего рождения!

...Когда-то дядя моей матери, огромный, неуклюжий, радушный и наивный человек, рассказал нам вот какую историю.

После революции их дом, имущество, скот – все было национализировано большевиками. Семья из восьми человек жила в полуразрушенной землянке, в одной комнатенке. Время было жестокое, голодное.

Однажды вечером невысокий старик в длинном, не по росту, оборванном чепкене[4] и с большим кинжалом на поясе загнал в их двор одиннадцать овец. Отец Ханапия вышел навстречу ему.

– Твоя тамга?[5] — испытующе глядя из-под нависших бровей и тыча палкой в старую овцу, строго спросил старик.

Отец пригляделся:

– Моя...

– Хвала Аллаху, что нашел тебя! – обрадовался старик. – Сколько времени тебя искал. Забирай свой скот!

И старик рассказал, как несколько лет назад, поднимаясь на свой кош, он услышал блеянье и увидел недалеко от дороги, под кустами барбариса, овцу с двумя новорожденными ягнятами. На задней ноге овцы темнела тамга.

– Люди тогда подсказали, что это тамга Кочкаровых. Да пока революция, то да се, получилось десять овечек и один барашек. Конечно, не прежние ваши бесчисленные отары, однако принимай свое маленькое стадо.

В то голодное время одна коза являлась символом богатства. Отец проглотил ком, застрявший в горле, сдавленно сказал:

– Это не мои, а твои овцы. Ты ухаживал за ними, кормил, пас.

– Оллахий , глупости говоришь, – рассердился старик. – Ты бы тоже так сделал. Не я – всемогущий Аллах вернул тебе твое добро. Загоняй к себе и не рассуждай!

Отец растерянно развел руками:

– Извини меня, аксакал, но я не возьму чужой скот...

– А я тебя спрашиваю? – удивился оборванный старик. – Я тебе приказываю.

Кадык опять заходил на худой шее отца.

— Пусть Аллах воздаст тебе все в многократной милости, — глухо сказал он. — Прошу тебя, возьми себе хоть этого барашка.

— Что ты такое говоришь? — возмутился старик. — Плату мне предлагаешь? Оллахий, стыда у тебя нет!

И ушел — маленький и сердитый, в своем длинном чепкене.

Наверное, не успел старик пройти и полсотни шагов, как шкура освежеванного барашка была брошена на забор...

И дядя, огромный, как медведь гризли, вытирал влажные глаза:

– От голодной смерти спас нас тогда старик Чотчаев.

Это был брат моей прабабушки по отцовской линии.

Сталинский произвол, вылившийся в геноцид целых народов, оставлял свой кровавый отсвет на всем, к чему прикасался. Так Медуза Горгона убивала всех одним взглядом и дыханием своей ненависти. Это дыхание коснулось многих.

4 Чепкен – мужская одежда горских народов, в русском варианте названная черкеской.

5 Тамга – тавро, герб рода или фамилии, которым метили в том числе и животных.

В Казахстане, куда на истребление были отправлены карачаевцы, за какое-то количество трудодней бабушке выписали полпуда сахару – богатство по тем временам неимоверное. На сахар можно было купить и выменять все: одежду, муку, масло, и тогда призрак голодной смерти отодвигался. Бабушка не стала менять сахар на еду. Бабушка раздала сахар умиравшим от голода чеченцам – по полстакана.

– А почему так мало? – спрашивала я в детстве. Несопоставимы были полстакана сахара и те страдания, о которых часто рассказывали дома.

Были бы тонна – тонну раздала бы, – отвечала бабушка. Как люди голодали, как мучались, чтоб моему врагу это все досталось!

И она вспоминала, как здоровенный сытый объездчик хлестал кнутом голодного чеченского мальчика, который сорвал пучок клевера. Тощая обугленная чеченка извиваясь, как змея, пыталась заслонить своим худым телом ребенка и что-то страшное кричала избивавшему ее мужчине. Руки и плечи ее были в крови.

Бабушка выхватила из рук объездчика кнут и сама ударила его:

– Собака сын! – мешая русские и карачаевские слова, крикнула она. – Наши мужчины свою кровь на войне проливают, а ты, худший из людей, с детьми и женщинами воюешь! Ребенок с голоду умирает!

Объездчик позеленел:

– Они людоеды, человеческое мясо едят. А ты отойди от греха подальше.

Но недаром бабушка была Коркмазова, что значит – неустрашимая.

– Сам ты людоед. Посмотри, как женщину до костей обгрыз, собака сын. Тьфу на тебя! – плюнула она.

Плохо пришлось бы бабушке, если бы объездчик донес на нее.

– Тебя могли посадить на двадцать лет!

– На все воля Аллаха. А если бы он забил их до смерти, как бы я жила?..

Помните? На глазах всего мира разваливалась сверхдержава. Страна погружалась в идейную анемию, экономическую летаргию и политическое слабоумие. Атлантические циклоны приносили одурманивающие туманы. В стране царил хаос — идейный, психологический, экономический. Но больше всего пострадала ментальная сфера.

Из прежних постулатов выкристаллизовывался один: человек человеку – волк. Единоборство есть основной вектор развития нового общества. Каждый пускался в одиночное плавание по неистовствующему океану в надежде единолично достичь счастливого берега. Человеком оставаться мог только тот, кто был им задолго до своего рождения.

...К нам часто приходил папин родственник. Он обостренно переживал новое время и все сопутствующие ему приложения: сокращения, безработицу, безденежье и прочие пенки новейшей истории. Все выживали, как могли. Да здравствуют народные промыслы и колониальный товар! Плюс народное трудолюбие и беспощадное закаливание геноцидом, обозначаемый ныне безликим словом «депортация».

Мой чуткий деликатный папа тогда пошел к своему другу, руководителю учреждения и попросил найти работу. Не для себя, человека с университетским образованием и академическим интеллектом. Не для своих троих безработных и, соответственно, беззарплатных детей. А для своего родственника, который маялся в устойчивом пессимизме.

А теперь скажите, есть сейчас такие люди, как мой отец? Как моя бабушка? Как тот старик Чотчаев?

Три фрагмента из жизни – без всякой аллегории – охотников на драконов. Никем в этой жизни не понятых.

Горький писал: «Есть две формы жизни – гниение и горение».

Мы из тех, кто сгорает дотла.

Я говорила вам о сверхчеловеке.

Аланла! Карачаевцы!

Вы столетиями стояли на плечах Эльбруса! Вы питали свою вековую силу серебряными струями его родников! Вы взвивались к звездам и веками несли одухотворяющую крылатость моего народа и высоту его духа!

Будь вечен, мой народ!

Вечер в Учкулане

Взвесь дождя распылилась вдали,
Побрели облака-пилигримы
От неведомой дальней земли,
Век скитаясь, ветрами гонимы.

Месяц бледен и остророгат,
В плоскость неба пришит кособоко,
И в потухший лоскутный закат,
Сонно щурит незрячее око.

Настороженно дремлет паук,
Волокнится звезда в паутинке,
Оглашая темнеющий луг
Две пичужки зашлись в поединке.

Крона старой ветлы во дворе –
Прошлогодняя вроде эстрада,
Но за каждое новое «ре»
Расплатиться дыханием надо.

И безудержно песнь торжества
Растекается в мглистую млечность,
От убожества – до божества
Может миг промелькнуть, может – вечность...

Философия ветра

Многоточие звезд – иероглифы ночи,
Перетоки эмоций держат разума шлюзы.
И, всплывая из снов, ветер мучит и корчит –
Дежавю, – или, может, повторы аллюзий.

Ветер-бомж эту ночь ночевал на болоте,
А наутро дрожал на рассветном утесе.
Это что же – возможность познать мир в полете,
Или магия гор в бесприютность уносит?

Как природный изыск, воплотившийся в камне,
Среди форм и сюжетов, великих и малых,
Новый жанр возник в древней зодческой гамме,
В стиле «готика гор», с арабесками в скалах.

В бессемейности ветра – тоска по пространству,
Им освоено время – нет точки отсчета,
Его вектор размыт бессистемностью странствий,
А желанье – полетом увлечь хоть кого-то.

Химера

Я ростком терпеливым разрушу гранит,
Я хитра, как Далила, мудра, как Давид,
В послезавтра лечу из пустого вчера,
И не я, а ко мне устремится гора.

Я разбила устои рутинных оков,
Я – дыханье тепла для застывших цветов,
Я слепая стихия, нечаянный стих,
Я сжигаю себя, но горю для других.

Как порывистый парус, я ветра полна,
Я звезды отраженье в озерах без дна,
Я несбыточность смутных бредовых идей,
Я потухший костер, полный жарких углей.

Ежедневности тень, путь мой быстрый тернист,
Я оторванный с дерева памяти лист,
Я свой ум пережила, как фрукты – свой сок,
Сокровенность вбирая, как влагу песок.

Я в прерывистом вздохе, в глухой тишине,
Все, в чем я нахожусь, существует во мне,
Я беспечный полет над тщетой бытия –
Отрешенность, свобода – природа моя.

Жеребенок

Ласками и сахаром маня
Смехотворной и неравной мздою
Укротить пытаетесь меня,
Замшевый мой рот порвать уздою.

Иноходь свободна и легка, –
Я -– скакун, не тягловая лошадь!
Как же ранить шпорами бока?
Путами стремительность стреножить?

Плотоядный кнут плетет узор,
Лязгают оковы хищно рядом,
Дикий фиолетовый мой взор
Не поймать лукавым вашим взглядом –

Тщетно! Этот путь давно проверен:
И об этом – что со мною будет –
Высмеянный вами сивый мерин
Мне поведал. Нелюди вы, люди.

Зимний сад

Зима заносы за окном согнала в кучки-стаи,
К еловым лапам припадя, застыли горностаи,
Капель, обманутая днем, повесив нос, умолкла,
Закат глазами января прощально смотрит в стекла,

И прахом вечности парят нечастые снежинки,
И в дымность сумерек бежит сиреневость тропинки,
На лунный свет в тени ветвей устроена засада –
Не ускользнуть, не убежать из сна и плена сада.

Учкулан

Небо потянулось, дрогнув звездным пульсом,
Алый стяг рассвета взвился над Эльбрусом,
Побледневший месяц синева качает –
Утро наступает в древнем Карачае.

Ветер, спавший в соснах, расправляет крылья,
Ветер пахнет хвоей, колкой снежной пылью,
Ледники исходят водопадным гулом –
Новый день распахнут над родным аулом.

Реки истекают круговертью пенной,
Радужной водою, звездами Вселенной,
Можжевельник вьется на вчерашней ране –
Рай обетованный в милом Учкулане.

Эльбрус короной снежною венчает
Мой Учкулан – бессмертье Карачая!

Карачаю

Нанизаны из струй прозрачных бусы,
На солнце капли звонкие слепят,
В серебряных источниках Эльбруса
Рождается кипящий водопад.

В бурлящей круговерти пляшут льдинки,
Взмывают брызги – и в поток летят,
Джигитом дерзким сольную лезгинку
Неистово танцует водопад.

И волны точат скалы без опаски –
Излом воды среди резных камей,
И на уступах камня в вечной пляске
Водоворота пылкий истемей.

Затянута потоком бурным – жизнью,
Но каждый раз, как вспомню невзначай, –
Я растворяюсь в ласковой отчизне,
Моя отрада – горный Карачай!

Я вышла из воинственного рода,
Иметь героев-предков каждый рад!
Неукротимый дух – моя природа,
Но я в оковах скал, как водопад.

В ущелье Учкулан

Хоть непокорный дух мой не поник,
Робею больше в мыслях, чем в поступках,
От жизни взять отсрочку бы на миг,
Рассыпаться калейдоскопом хрупко.

И, отражаясь в зеркале озер,
Перерасти в закатные картины,
Из молний свить магический узор,
Пронзить лучами сетку паутины.

Ах, взвиться бы, как ласковый зефир,
И, растворяясь в небе и в пареньи,
Тончайшим телом вылиться в эфир -
Летящему неведом страх паденья!

Апрельский бенефис

Готовый разразиться неистовым дождем,
Туч занавес опущен, в них молнии и гром,
Вздымаясь и меняясь, клокочут облака,
И небо беспокойно, как горная река

Ах, действо это надо смотреть во все глаза –
Весенняя премьера – апрельская гроза,
Открытие сезона, репертуар на «бис»,
Первовесенний ливень устроил бенефис.

Озера потемнели, растрачивая цвет,
И скоро уж начнется обещанный концерт,
Настроил инструменты оркестр в вышине,
Готово представленье – все внемлет в тишине.

В партере торопливо листвой захлопал клен,
В софитах быстрых молний запел далекий гром,
Он показал бельканто – как истово он пел –
Тянул гремучим басом, раскатами звенел,

И, бухая в литавры, трубил он марш-парад.
Из-за кулис туманных вбежал на сцену град –
Сплясал задорно-дробный канкан кордебалет
Под гулкий грохот грома, под молний яркий свет.

Шаманя, в бубен неба тряхнул гром –
главный вождь,
На авансцену вышел солист – апрельский дождь,
Изящно поклонился, по кругу пробежал,
Припал к земле с размаху, листвою зашуршал -

И зачастил в каскадных неистовых прыжках,
И утонул в озерах, и спрятался в песках,
Восторженные слезы роняли лес и луг –
Но радуга сияньем затмила все вокруг.

Ах, действо это надо смотреть во все глаза -
Открытие сезона – апрельская гроза!

Картинка с натуры

Закат отрывается от валуна,
И сумерки – как на картине,
Окрест – безмятежность, на небе – луна,
И мумии мух в паутине.

Весь мир безупречный от высей до дна
Каким инструментом измерить?
Смотрите, как царственно всходит луна,
За нею же – звездная челядь...

На миг, вея вьюгами северных стран,
Ворвались ветра-флибустьеры,
В языческом вихре свивая свой стан,
Свободны, свирепы без меры.

И снова вливается струнная дрожь,
Вибрирует звук в паутине,
И вечер в горах безмятежно хорош,
Бестрепетный – как на картине.

Ночной ветер

Ночь вдыхает томленье сирени,
В лунном свете – смятенье и ложь,
Темнотой обезличены тени,
Звезды в небе бьет крупная дрожь.

Изнывая в угарном похмелье,
То взлетая, то падая вновь,
Дикий ветер, летучее зелье
Сладким ядом вливается в кровь.

Страсть его – турбулентная зона,
Бег его – заколдованный круг:
То – змеящийся смерчем до стона,
То – в гранит воплотившийся звук.

Дерзким вдохом наполнивший вены,
Смертной мукой бросающий в дрожь,
Ветер, царствуй, крылатый, надменный -
Вихрь губительный, властный, как нож.

Диалог

– Ну что, успел опять хлебнуть отравы,
И раньше поглупеть, чем постареть?
Фальшиво золото ненужной славы,
За призраками стоит ли лететь...

– Мне не понять твоей надменной позы,
И не постичь великий твой покой –
Ведь даже тучи переходят в грозы,
А ручеек стремится стать рекой.

– Беспечные, без дум и сожалений,
Мятежные созданья – вы слепы,
За взлетами ведь следуют паденья,
Удача – роза, только есть шипы.

– Пусть, полная тревоги и обмана,
Меня должна жизнь яростно кружить,
На мир взирая с высоты дивана,
Я не смогу, как ты, свой век прожить.

– Что ветру тягость, то – камням отрада,
Благословлю свой жребий, я – не ты,
Судьбою счастлив, мне другой не надо,
Не надо мне тревог и суеты.

– Кораллы маленькие строят риф –
Для жизни их посильное участье,
Но жить, как ты, на все глаза закрыв, –
Не дай нам, Господи, такого счастья.

– Я о своем уделе не тоскую,
Твои идеи – ядовитый смог,
И что открыл ты в жизни – запятую?
Для стольких лет – сомнительный итог.

– Я посвятил своим открытьям годы,
Искал один, но находил для всех,
Я в жертву приносил свою свободу,
Но целью был высокий мой успех!

– Все ты мечтаешь, мотылек беспечный.
Мой мир незыблем и стоит горой,
А ты – бродяга и мечтатель вечный,
Тебя убью я смехом, лжегерой!

– Мир – кораблекрушения обломки
На мутном гребне жизненной волны,
Вокруг все ясно – у тебя потемки,
Как на обратной стороне луны.

– К чему излишние пустые споры,
Ненужный и несдержанный прием?
Давай оставим эти разговоры
И помолчим – и каждый о своем.

Лес горит

Зловещей угрюмою птицей
Нависла тяжелая тень,
И черная туча клубится
Над лесом который уж день.

И облако дышит угаром,
Закрыв обозримость небес,
Безудержным диким пожаром
Пылает нетронутый лес.

Пожара кровавые очи
Пылают свеченьем углей,
Ползет в темноте душной ночи
Прожорливый огненный змей.

Струятся червленые реки,
Взрываясь в расщелинах гор.
Шутихи? Салют? Фейерверки?
Увы – погребальный костер.

Письмо папе

В вашей смерти еще должны гореть
ваш дух и ваша добродетель,
как вечерняя заря горит на земле...
Фридрих НИЦШЕ.
«Так говорил Заратустра»

Мне б жизнь осмыслить, хоть на миг вернуть обратно.
Искусству мужества учусь – безрезультатно.
И отравляюсь каждый день своей утратой –
За счастье беззаботных дней тяжка расплата.

И ночи черное окно открыто бездной,
И я учусь жить без тебя – но бесполезно.
Горящей раной смерть твоя – огнем сочится,
И память горше и больней – мелькают лица, –

И безучастный Гиппократ с коровьим взглядом,
За дверью – ты, под дверью – я, но все же – рядом,
И равнодушные ответы эскулапа,
А ты лежишь совсем один – ох, папа, папа...

Оборвалась на вдохе жизнь – твой номер сольный,
И стужа неба не теплей от зимних молний,
И ливень топчет тротуар, и плачут тучи,
И боль то птицей рвется ввысь, то камнем с кручи.

И эту боль, руками сжав, раскатам внемлю –
Скажи, а с неба хорошо ты видишь землю?
Тогда хоть весточку пришли с раскатом грома,
И снись почаще – каждый день. Я жду. Я дома.

Гага НАХУЦРИШВИЛИ

Гага Нахуцришвили – выпускник Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили (1993 г., исторический факультет).

Литературу изучал в Ротенбурге (Германия) и Перудже (Италия). Лауреат литературной премии «Саба». Автор нескольких поэтических сборников (на груз. яз.), которые были восторженно приняты читателями и заслужили одобрение критики: «Путник без цели» 1996, «Простота» 2000, «Отправление и ожидание» 2002, «Случайно» 2006.

Бродяга

Время стирает шаги вдоль безмолвных домов,
улица льется, тени листвой покрывая.
Временем мертвым смолотая любовь.
Бледный фонарь. Мокрая мостовая.

Вьется до неба веревочка слабых следов,
ложь обрывая, гр сти земную заразу,
словно удача и радость, свет и любовь
здесь на тебя не взглянули ни разу.

Сколько по жизни бредешь, а почти не привык,
нервно гадаешь по снам, по гуду эфира.
Чувствуешь ветер – надо поднять воротник,
прятать лицо от себя и от мира.

Чувствуешь – время другое. И это пройдет.
Люди меняются – место им в легионе.
Снова слоняться, влипая в земной оборот
плоскости-круглости, нежности односторонней?

К звездам горючим. Где любят и празднуют всех.
Не оглянувшись. Претензий не предъявляя.
Выше, бродяга, по шагу, на самый верх,
в воздухе черном ступени свои прорубая.

* * *

Выпить с друзьями не смог – не сиделось –
Вдруг одиночества так захотелось! –
Шапку надел, дверь открыл – всё, пора –
Где-то в четвёртом часу утра.
Сгинуть, от жизни спасаясь отъездом,
Сопротивляться себе бесполезно.
С детской обидой на весь белый свет –
Как же смешон этот автопортрет.
Нет, уходить так тебе не пристало!
Миг на раздумье – и всё же – к вокзалу.
Поезд, колёса и – что впереди?
Любишь вот эти пустые пути?
Лбом прислонился к холодным оконным
Стёклам – и дождь застучал по вагонам.
Воспоминанье замучило вновь –
Вспомнил пустую постель – нелюбовь.
Вспомнил квартиру уютную снова
И помрачнел – к возвращенью готовый.
Нет возвращению имени, нет.
Дремлет в глазах запоздалый рассвет.
Вновь утолишь возвращения жажду,
Чтобы опять всё оставить однажды.

* * *

Город так бессильем страшен,
Улицы бесцветны так,
Что никто уже не важен,
Всё равно: что – друг, что – враг.

Новостей тут не бывает,
Нет судьбы ни у кого.
Прописную правду знают,
Ну, а больше – ничего.

Здесь никто желать не смеет –
Никаких желаний нет.
Жажды жизни не имеют,
Но имеют в рай билет.

Словно тени, ходят, бродят,
Круг за кругом – что ж, кружись.
Ничего не происходит –
Просто убивают жизнь.

Там, где вечно не светает,
Деньги делают старей.
Даже воздух отбирают!
Дайте воздуха скорей!

Выходите!

Женщина, наверное, – предел.
Беспредельно только одиночество.
Или, может, правды захотел?
Выдумал – владей, и всё получится.
Столько мы дверей уже прошли.
Столько книг себе открыли сами.
Разговор сравню с волной вдали,
Тишину – со снежными полями.
Что колокола сказать хотят –
Что с утра они вещают миру?
Выходите, – людям говорят, –
Как из раковины, из квартиры.
Выходите! – пропадёт предел.
Выходите, только сбросьте маски.
Ну, а если правды кто хотел...
Пустота приобретает краски.

Возвращение

Спокойно равнодушен – как всегда.
Как в День Творенья спящий мир безгрешен.
Горит одна холодная звезда.
Он глянул на нее и вдруг опешил.

Опять измена, трусость их? Ну – нет,
как нет предела боли в смертном теле,
нет – Он в судьбу не верит, как рассвет
не верит в неизбежное похмелье.

Но, чувствуя, что все сбылось, как сон
бессмысленный, в глухой полночной яви
Он понял, что попал в расклад времен,
где – ни спасти, ни сдюжить, ни исправить.

Звезда горит. На свете ни души.
“Здесь не нужны слова, зачем все это?
Никто не слышит, так зачем скажи
опять Меня оставил?” Нет ответа.

Ни палачу, ни жертве не помочь,
и Он уйдет сейчас из сна земного
до казни, до измены в эту ночь
неузнанный, чтобы вернуться снова.

Бродяга. *Перевод Ирины Ермаковой*
“Выпить с друзьями не смог — не сиделось...” *Перевод Елены Исаевой*
Выходите! *Перевод Елены Исаевой*
“Город так бессильем страшен...” *Перевод Елены Исаевой*
Возвращение. *Перевод Ирины Ермаковой*

Дюсенбек НАКИПОВ

Имя Дюсенбека Накипова, когда он танцевал на сцене театра им. Абая, было хорошо известно широкой публике. Можно также вспомнить международный фестиваль «Приз традиций», организатором которого в свое время выступил он. Благодаря фестивалю казахстанцы увидели легендарную Уланову, приехавшую с мастер-классом в нашу страну. А сегодня Накипов популярен и среди молодежи. Его поэзия и проза, написанные зрелым человеком, находят внутренний отклик у поколения «next».

ИЗ ДОСЬЕ

Дюсенбек Накипов — поэт, хореограф-либреттист, сценарист. Окончил Хореографическое училище Большого театра (ныне Московская академия классического танца), в котором учился вместе с Натальей Аринбасаровой (1964), и факультет журналистики КазГУ им. Аль-Фараби (1985). Солист балета ГАТОБа им. Абая (1964—1986). Главный редактор творческого объединения «Алем» киностудии «Казахфильм» им. Ш. Айманова (1987—1991).

Организатор ряда международных культурных и гуманитарных программ. Председатель Союза хореографов РК, президент Международного фестиваля «Приз традиций».

В ЕНУ им. Гумилева недавно состоялась встреча студентов с Дюсенбеком Накиповым. Ее организовала преподаватель кафедры журналистики доктор филологических наук Асима Ишанова. Поэт с удовольствием отвечал на вопросы аудитории.

— До 12 лет я жил в ауле, где сохранилась исконная казахская культура. До этого периода большого мира не видел. Вокруг меня было замечательное окружение интеллигенции, я вырос в учительской среде. Затем судьба забросила в Москву, попал в совершенно иное поле. Увлеченный балетом настолько, насколько юноша отдается первой любви, беспамятно отдавал все силы и чувства Танцу. Когда уходил со сцены, возникла мысль: «А где мои корни?» В результате поиска истока определил, что сознательно нахожусь в нашем времени, знаю формы, тенденции мировой европейской культуры. Но я должен был найти в этом симбиозе возвращение к началу, где появляется тот нерв поэзии, литературы, который ныне признан критиками. Пусть ее и называют евразийской, литературой модернистского характера. Чистые корни для меня — это незабвение великих этических истин доброты, любви, сострадания.

Какое-то время полагал, что стихи «древнего» танцовщика никому не нужны. Активно начал писать с 80-х годов и последние десять лет, когда мир перевернулся. Считаю себя в хорошем смысле советским человеком, которому многое было непонятно. Однажды ехал в транспорте и некая поклонница, давний зритель, увидела меня и воскликнула: «Ну и что же ты молчишь?! Скажи что-нибудь!» Так и началось.

Иногда меня спрашивают, почему роман называется «Круг пепла»? Когда мне было 9 лет, я проводил каникулы на джайлау. Аул решил перекочевать на другое место. Мои родные что-то забыли и попросили вернуться, принести вещь. Я пришел в самом замечательном настроении на то место, где только что стояли юрты, и увидел круги пепла. Впервые я заплакал один на один с собой. Не знаю, почему. Там чувствовался запах вчерашних баурсаков, только что кипевшей жизни… Возможно, тогда во мне и проснулся поэт.

Задумываюсь о времени. Очень сложно разомкнуть круги настоящего в прошлом. Мы вот с вами сейчас думаем, что живем настоящим, а на самом деле находимся в прошлом, а еще больше — в будущем. Ни кочевая культура, ни советская история никуда не исчезли. Они стоят встык со временем, которое завтра. Кочевой культуре, исключительно экологической по сути, не место в технократическом мире. Она оставила такой колоссальный пласт эстетики и философии, что не освоить это просто грех, даже мне, ленивому артисту балета, который любил после выступлений поспать. Вот почему всегда говорю о двуязычии, как и мой любимый поэт Олжас Сулейменов, о билингвизме. Он раскроется для каждого из нас, как цветок, и тогда нашему взору предстанет удивительное, диковинное растение, не то, которое запрограммировано педагогами и родителями.

— Возникают ли мысли во время танца?

— Конечно. Когда человек танцует, он биологически, генетически правильно думает. Если во время танца у тебя нет мыслей о любимой женщине, воспоминания о какой-то книге, размышления о слышимой в данный момент музыке — танец не получится. Недаром одними из интеллектуальнейших людей XX века стали артисты балета. В мировом списке пять гениальных танцоров — в первой десятке!

Танец молодой души и тела дорогого стоит. Вообще удивляюсь тем людям, которые не любят танцевать. Сам до сих пор каждое утро танцую под музыку 45 минут. Почему? Это древнейшая память, то, на что природа работала миллионы лет, чтобы нас сделать прямоходящими. А мы забываем! Некоторые даже стесняются двигаться! В движении есть древнейший смысл, без зеркала понимаешь, что ты прекрасен, сколь в тебе все гармонично выстроено. Это не образ современной топ-модели и не гламурные представления о сексапильности, которая рождается тут (показывает на сердце). Когда читаю книгу писателя или поэта, иногда чувствую окаменелость. Я понимаю, что этот человек почему-то не любит двигаться или стесняется. Это есть в ментальности нашего народа, некоторые в 20 лет становятся каменными. Акимы все подряд — шкафы! Создан некий стиль преуспевающего человека. У нас даже сам Абай стоит как твердыня каменная, как будто никогда молодым не был. Посмотрите на его тонкие, хорошие черты лица на портретах, в книгах. И не верят иностранцы, что он великий поэт. А Пушкин какой? Живчик, пленяет легкостью и грациозностью. В современном обществе существует опасность — инерция консерватизма. Особенно в сознании, ментальности, модели поведения. Консерватизм хочет удержать быстротекущее время.

Я себя не так давно ощущаю гражданином суверенного народа, пятьдесят лет прожил в СССР. Вам дана совершенно уникальная задача, особенно гуманитариям: осмыслить настоящее, чтобы успеть объяснить прошлое и дать задачу будущему, — возможно, об этом мой роман.

— Роман «Круг пепла» имеет какое-либо отношение к фильму Калыкбека Салыкова «Балкон»?

— Я старый «бродвеец» и ступил на этот «брод» в начале 60-х годов (алматинский «бродвей» — место встречи студенчества, интеллигенции на отрезке ул. Калинина (Кабанбай-батыра) от проспекта Коммунистического (ныне пр. Абылай-хана) до оперного театра им. Абая). Вышел замечательный фильм «Балкон», его делал мой покойный друг Костя, Калыкбек Салыков. Тогда я пришел на киностудию «Казахфильм» старшим редактором. В это время Шахимардан Кусаинов и Костя искали тему. Лучшей оказался «Бродвей», вдохновило и стихотворение Олжаса Сулейменова «Балкон», написанное в современной форме, открытым верлибром. В результате получился сценарий. «Бродвей» был не только у нас, но и в Москве на Тверской, в Питере на Невском. Студенты собирались ежедневно, ежевечерне в течение лета, с конца апреля до октября. И хорошо, что режиссер снял фильм вовремя, успели запечатлеть старый ТЮЗ (еще его можно увидеть в клипе «А-Студио» на песню «Джулия». — Прим. авт.), вместо него сейчас огромный «билдинг». Нужно сохранить хотя бы островок из прошлого и каким-то образом дать понять, что прошлое было прекрасно. В этом плане современный читатель может не сразу уловить тему «Бродвея», но я горжусь тем, что «Круг пепла» сопоставляют с замечательным фильмом Салыкова.

— Где берег человеческий и как не утонуть в себе?

— Вопрос, достойный написания второго романа. Берег человеческий, как раньше думал, это кожа. Все остальное чужое, а тело, в силу того что я танцовщик, воспринимал в качестве инструмента. Долго боялся заглядывать в душу, там такие бесы носились, о Боже мой! Даже простая влюбленность однажды привела к мысли, что убить ее надо, потому что она меня не любит! И заглядывать внутрь себя сложно, но если помнить о красоте, то уголечки зла внутри останутся, не разгорятся в костер, в дурной поступок.

— Кто ваш учитель?

— Прямо скажу, в литературе у меня нет учителей. Мог бы привести колоссальное количество литературных имен, начиная с Абая, русских классиков. Из поэзии близок Михаил Лермонтов, может быть, потому, что сам наполовину сирота. Вообще мой учитель — это атмосфера искусства, балет. В Москве имел возможность ходить в музеи,

театры. И, конечно, книги, ведь ничего в жизни невозможно объяснить, а тексты иногда одним абзацем объясняют суть некоторых вещей. Мой любимый писатель — Леонид Андреев, он предвосхитил современную литературу. Как проникновенно Андреев пишет о детях — мы утеряли абсолютную органику чистого повествования. При этом автор всегда надреален, после чтения уходишь в неведомые высоты.

— Чем и почему вас поразила Сей Сенагон?

— Поразил феномен средневековой Японии эпохи Хейан. Императоров тогда отстранили от власти военные феодалы. Я жил в СССР, где у нас у всех были одинаковые брюки, ботинки, и вдруг открывается такая завораживающая, разнообразная жизнь! Что поразительно? Молодая девушка Сей Сенагон, чей свиток обнаружили в одном из храмов в 60-х годах двадцатого столетия сами японцы, оказалась одним из основателей мировой современной литературы. Ее «Записки у изголовья» есть начало всех жанров, от рассказов, повестей до романа, но главное — она обладала невероятным богатством души и слова.

Придворные дамы той эпохи владели основами танца, пластики, игрой на цитре и т. д. Они знали, как составлять икебану, устроить нишу, ухаживать за мужчиной, и понимали, где у него находятся эрогенные зоны, — это тоже культура, и ничего такого в этом нет — но, самое главное, они знали всю литературу на тот период. Вы знаете, что тогда Япония многое заимствовала из Китая. Знаменитый поэтический сборник древности «Собрание мириад листьев» (Манъесю) был полностью переведен на японский. Почему поэма-цепочка? Одна придворная дама писала, произносила две строки, другая продолжала ее двумя другими, третья — создавала новые две, и так по кругу. Тогда же не было телевизоров, шоу, ночных клубов. Фрейлины получали при сочинении огромное наслаждение, при этом одна из них танцевала, другая наигрывала на цитре. Вот духовное богатство! Вот чем поразила Сей Сенагон, многие другие книги оказались пусты по сравнению с этой небольшой книжечкой! Затем появилась гениальная Нидзе с «Непрошенной повестью». Хрупкая 20-летняя девушка по масштабу мысли не уступает Шекспиру, и никому другому. Меня тронули ее одиночество, жизнь. Так я вышел из депрессии, которая настигла меня после ухода со сцены. Меня спасла Сей Сенагон! Читайте шедевры!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Старший преподаватель кафедры журналистики Дмитрий Мельников:

— Поэзия Дюсенбека Накипова близка молодежи по форме, интонации, своеобразному эмоциональному рисунку, в то же время поэзия или лирический мир в большей мере будет понятен человеку, который уже перешагнул за середину жизни, потому что здесь сильны мотивы оценки пройденного пути, может быть, разочарования. Чувствуется новизна формы, и ключом к поэтическому творчеству является синтетизм сферы искусства — балет, музыка — все срослось. Поэзия Дюсенбека Накипова тяготеет к прозе, проза — к поэзии. Это пример творчества, где ощутима некоторая искусственность или утрированность, разделение поэзии и прозы. Или, во всяком случае, современная тенденция такова, что роды литературы, лирика и эпос, сближаются. Перед нами яркий пример такого сближения. Мы видим новые поэтические жанры, например стихи-эссе, когда эссеизируется даже поэзия. Преобладает верлибр, присутствует ритмопроза, даже на жанровом уровне диалог поэзии и прозы имеет место, и внутренним объединяющим началом выступает музыка, точнее говоря, музыкальность. И на уровне фонетическом, и на уровне смысла. Напевность, особое лирическое звучание проникают в прозу, отчего она становится поэтичной. Когда разговорные интонации проникают в поэзию, она «прозаизируется», на примере творчества Накипова можно убедиться — синтез продуктивен.

Поэма «Песня моллюска» — это погружение в мир искажений, но еще может быть погружение в бессознательное, темное, непросветленное, что чувствуется и в романе «Круг пепла». Нужно сказать, такой опыт в искусстве присутствует, и иногда он мучителен, так как поэтически, художественно одаренный человек погружается в иные реальности, а с ними нужно уметь справиться. В этом помогает ощущение красоты.

Жанар СЕКЕРБАЕВА
Фото Александра ГОНЧАРЕНКО
(Опубликовано на сайте info-ЦЕС № 9 09.03.2007
http://www.info-tses.kz/red/article.php?article=16101).

Тень ветра[1]

(роман упований в круге пепла)

Часть первая

...на горизонт ушли-ускакали ... равнину трав пересекли... не нашли края... мать-кобылица устала... в травах-росах осталась... вошли в горизонт ... стали к небу подниматься... ветрами овеянные, сквозь кольца времени прошедшие... оставившие печаль в кругах пепла... не пораньтесь о лезвия листика...

Из песен самионов

...вспороть брюхо бабье легко... особо, если в тягости она... взмах меча... миг... и точеное-халеное лезвие вновь возвращается в ножны... даже не окровянившись... движение отточено, лицо непроцаемо... убийце-самураю должно не ронять лица... даже в ранге палача... а что до той, что вспорота от грудины до паха?.. так, то лишь блик на клинке... роса краткая-летняя... вспыхнуло-погасло-испарилось... дело-то житейское-привычное... а у той, что ахнуть не успела перед смертью, карма такая... мать твою... скок и храп конский... свирепая улыбка-оскал и рык звериный из-под шлема... крик женщины убитой остался далеко позади... за туманами семи веков... но... но... жизнь-то не клинок... обратно не вставили – не вернешь в брюхо-ножны... не в силах никто меч жизни вернуть в ножны тела... нет... нет... и лишь дух червя могильного торжествует в такую минуту... грядет время его встречи с человеком им вознесет он моленья свои безмолвные в алом-малом храме мертвого тела... душу станет высвобождать... человечью... червь сомненья при жизни, червь могильный по смерти... верные други человеческие... да?.. нет?.. а?..

1

Ожерелье осени рассыпалось, и ветер гонял его жухлые останки. Медово томились злато-багряные-истонченно-томные листья. Последние. Медитативно густела синева неба. Тихо и грустно томилось осенним разноцветием ущелье Медео, сотворенное в давние времена свирепой волей грязекаменных селей. Склоны гор над городом прострочены тяжелыми тёмно-зелеными тянь-шаньскими елями. Уже, вероятно, началась тихая миграция подземного насекомого населения вниз, к теплому пупу земли. Непревзойденная никем горная река Кім-асар несла свои ледяные белые воды в город, не любя его, как прежде, за то, что он чрез меры разросся, загнал её в нижнем течении в бетонные шоры. Город стал грязен и шумен. О машинах несметных, испражнявшихся вонючими выхлопами и говорить не приходилось. Как и о горожанах, испорченных потребительской проказой. Суетой.

Огненный Лис заката менял окрас и искал нору для зимней лёжки. Великий Белый старец – Қыс уже начал обходить снежные вершины гор, выбирая трон для новой тысячелетней зимы. И лишь окончательно воцарившись, с первыми снегами он станет вспоминать время своей молодости, когда прекрасная степная воительница-амазонка, не стерпев своего поражения от Серого Воина, ушла в чужедальний край земли, где стала рекой.

... в спиральной логике галактик нет места земным реалиям хотя и здесь хватает извилистых линий и кругов на воде, вогнутых и выпуклых поверхностей, причудливых лиственных и ветвистых форм развития, включая скрытые искривления корней, а также раковины улиток и их водных сестер-медуз, голоса каковых не услышаны ракушкой человечьего уха, разве что исключить жужжание жужалиц-мух-жуков и легкий треск крылышек стрекозы, узоры которых много загадочней тайн вселенной, круговращаемой неведомым колоссом с женской сутью гравитации, в свою очередь искривляющей пространство, презрев простоту прямых линий вместе со сверкающей многогранностью мгновенно тающей снежинки, если ей выпала судьба упасть на ладонь ребенка, чья наивная интуиция позволяет ему уловить невидимые-неслышные биоритмы-узоры ещё нарождающейся души своей младенческой, чьей силы недостаточно, чтобы изменить судьбу спиральных галактик, ввинчивающихся в черные дыры космосмертей и самопогло-щающихся материй, каковым нет дела до вычурно-простой сути человека на земле во все времена...

В то же время, на другой стороне планеты, гигантский речной сом-сонм зашевелился на дне,

[1] Книга «Тень ветра» — второй роман писателя, являющийся продолжением произведения «Круг пепла», созданного автором несколько лет назад.

в устье широкой обильной – равнинной реки (реки – в природе исконной своей, бывшей некогда женщиной), лоноотверстой и распахнутой вечному любовнику своему – морю, который то накатит страстно-сильно-приливно, то снова уйдет на волю, в простор волн. Проказник-ветренник синий. Сом-сонм речной придонный и древний давно уже не помнил, когда он родился и был ли рыбьим мальком, как не ведал и того, для чего он рожден и разросся гигантом таким. Гены его соминые-сонмные-тминные-длинные не имели в себе кода старения-окончания в смерти. Сонм столетий рос-возрастал сом многократно, пожирая все обилие пищи без разбора (живой или дохлой), что несла ему великая река-женщина-матерь в устье своё. Сом пожирал и то, что наносил временами хахаль-море-любовник (приливный и непостоянный) женщины-реки. И от пищи этой многой-несметной-непотребной сом-сон-сонм придонной-речной стал таким огромным, что выловить-уловить его обычным способом люди уже не могли. Многие и вовсе принимали его за гладкое дно-русло речное-морское на стыке-устье, имевшее природное свойство постоянно перемещаться. У людей это называлось половодьем весенним или обмелением, когда велениями свыше наступала засуха, дожди иссякали или в дальних горах рано истаивал снег. Длиннющие усы сома цеплялись за корни древ и каменья, и потому он мог подтягиваться вверх по течению, замыкая своим чудовищным ртом все устье-лоно реки, щедро изливавший в чрево ему весенние паводки и жирный ил. Насытившись, сомище-сонмище распускал усы-петли свои и вновь сползал вниз, в течение морское-донное, дозволяя женщине-реке и любовнику-морю заниматься соитием долгим-влажным-смрадным-страстным-волнокипенным. Устье-лоно великой реки, как и место их соития-встречи, с безмерным волнистым фаллосом-морем менялось несчетное количество раз, но речной-придонный сом-сонмище-гигант плотоядный-всеядный был всегда.

... и таки веждь... дроби вещь...ибо каменья не слово... ам...лоно...зев...время....аз... то бишь есмь... он-тот, о ком низ-зя...долгое, как зубная боль, молчание...вне слова...н-н-н...к-к-к...и выплёвывая зуб, вывываешь крик...аааа...сведующий да поймёт...а мы видим беззубое-кричащее и слышим-зрим потустороннее и немно проступает нечто-ничто...ам-аз-о-нн-кк-аааа...мама...река...изз...ттравв...ссс-ттт-ееe-ппп-ее-ййй...т.е. из трав степей...не путать с озоном или зоной... с азаном-молитвой...зело...то бишь, новыми словозвучиями энд звуками... без смысла...грядущего...из тёмного...графика пещер...вдыхая хрипло... кроманьонно... напоследок... с всхлипом...ххх...ууу...ииии...до ааа...замыкая уста затем...ннн...аз воздам-двигну-создам-подвигну-и ад-дам...ввв...ррр...аааиий...адам плюс остальное плюс ева плюс зев плюс дыра плюс ам плюс лоно...ееe...ббб... ааа... ттт... ььь...и забылось всё, аки зуб пропащий...

Века предстояния и века отстояния. В середине круговерти вселенной, меж тяготами земными и тем запредельным, где нет гравитации. Пославший этих четверых в дозор к людям земли в разное время, выслушал каждого, ничего не ответил и никого не допустил к себе. Он остановил их в поясе предстояния и отстояния от всех и всего. Невесомо застыв в позе думанья, Посылающий жизнь и дух в тот же миг с непостижной скоростью облетал все миры по окружности. Скорость эта была так высока, что Посылающий обгонял свет и оказывался впереди него в совершенной тьме. В смертной тьме, в капсуле полного отсутствия всего: света-звука-гравитации и собственно самой вселенной и её вещества. А это означало, что и он – Посылающий отсутствует. Находясь в тайном и глубоком сомнении, Посылающий мог и не выходить из тьмы-тени ветра, тем самым, уничтожив все миры и сущности, им сотворенные из хаоса ради гармонии, но всякий раз он медлил с решением и давал свету возможность снова лететь впереди себя, изливаясь повсюду, достигая земли, чьи обитатели поражали его своей неистребимой отвагой жить даже в тревожных ритмах смены света и тьмы.

...Пространство трясло. Дальнее и запредельное. Вибрации линии, звуков, объемов, полостей становились столь велики, что мыслимые связи материй-энергий-сущностей были на грани разрыва. Гроссмейстер вибрирующих линий, находясь в полях второго неба, вновь с горечью думал о невозможности гармонии. Лишь на миг он увидел свою Лунную красавицу, как она тут же исчезла в тумане нескончаемых изменений форм, хотя должна была и могла находиться рядом с ним, подобно этому круглому пёстрому древу, которое соединило, наконец-то, свои корни с кроной, что придало стволу форму круга с тонкими ветвями внутри. Так творится круг пепла. Только здесь в просторах пустынного второго неба Гроссмейстер понял, что именно из невероятных и критически опасных вибраций, во время свирепого порыва-вихря великого ветра-хаоса заплетается в спираль двойная нить ДНК, и всякий раз во всё новых вариациях, дабы ни одно живое существо не повторяло другое, а тем более, если это человек. Но видел Гроссмейстер и такие спирали, где нить разрывалась, и тогда на землю летел бесформенный ком-клубок и становился там,

внизу, на земле античеловеком-людоедом-протозлом в человеческой плоти, почти неотлечимый от прочих людей. Гроссмейстер сел на облако и стал фиксировать хаос...

2

...учиться проступать, чтобы стать заметным... некоторых не видят-не провидят, даже стоя рядом... других еще издали примечают, ибо они научились проступать, найдя или накопив в себе огромную силу, которая позволяет им проступать из себя, как роса на камне... вернее, это камень проступает росой... не тот камень, на который дождь выпал или он стоит упрямо в потоке ручья-реки... нет, тот камень, что в каменистой пустыне, безводной, живет и жаждет проступить влагой...такой камень умеет порой внутри себя так усилиться, что после целой ночи, глухой и бессонной, станет на утро проступать росой... росный камень это... и птицы редкие к нему слетаются и живность разная...грызуны-насекомые-ящерки собираются в свой черед, на рассвете и утоляют жажду жизни той самой-сильной-скупой-редкой росой рассвета...без такого сильного росотворящего камня они умрут-погибнут-высохнут, когда жестокому солнцу придет свой срок взойти в зенит и безжалостно испепелить пустыню...но камень, проступающий росой, и самому солнцу не по лучам-зубам... разве что, через тысячу-другую лет-солнц-лун этот заветный-заметный-росный камень не рассыплется песком...как стать таким?.. где та сила, чтобы проступить росой, из себя вытаскивать свое-самое и сквозь кожу проступить светом-росой и быть видным-заметным-надобным для людей других...даже ночью... впотьмах... или для одной-одного хотя бы человека, чей взгляд с любопытством-вопросом будет обращен к тебе...либо хотя бы начало любопытство-внимания уловить... порыв души легкий... начало выделения тебя, как росы, из каменного тела... желание подойти к тебе, не как к предмету скажем какому, а приблизиться-прикоснуться к тайному, к тому, что под кожей, в сердце и мыслях, в кровотоках и лимфах...как такое внимание-побуждение почувствовать, как вызвать его и проступить особой субстанцией-запахом или быть может фосфоренцией-мыслесвечением неким?.. как?.. как?..

Мысль эта огромней-громадней всего прежнего... наваждение-ужас... вот того полюбили и видно это, а за что?.. а меня – нет... чем хуже я этого-той?.. что сделать надо, как проступить той самой таинственной-волшебной-магнитно-привлекательной-притягательной-ароматной росой, так чтобы без слов или знаков стало понятно: ты избран для любви... простая человеческая способность правильно думать-смотреть-мечтать позволяет иногда собирать фантастически-роскошные-свежайшие цветы, прозрачно-дымные и розовые на заре, голубые-синие днем и пополудни, феерически-сиреневые и пурпурно-алые на закате, когда неспешно и беззаботно прогуливаешься по небесным лугам... в полях хорошего настроения... купаешься в реке мыслей, как в самом себе...

Так думала иногда Балерина, скучая и нежно думая о Гевре, когда его подолгу не бывало дома. Ничего, даже легкой досады не было в этом скучании-ожидании, а только цвели вот такие невероятные цветы.

Прошло чуть более года, как Балерина ушла из театра, и неведомо куда исчез кот Батман, пепельный друг ее забытого одиночества. Ну, да что об этом думать, если у нее есть теперь Гевра, любимый человек и муж. Верно, сам Театр, подобно доброму рыцарю-волшебнику, подарил лучшей своей приме-балерине эту блаженную любовь, обручив ее с одним из самых верных своих оруженосцев, то есть, работников сцены.

Когда после года неразлучного-неотторжимо-страстного стонно-тонкого блаженства жить-грезить-есть-спать рядом с ним, а более всего (вершинное счастье) просыпаться ночью или на рассвете вместе. Но однажды утром, случилось неизбежное. Во внешнем мире произошли перемены и стало надобно теперь Гевре выйти из их малого рая и искать работу-пропитание.С той ночи, с которой (после театра и балета) явилась им во всей сияющей полноте любовь мужская-женская (в них и меж ними), когда в каскаде перетекания-переливания друг в друга порой терялась грань, где он-где она, и нельзя было отличить, что телесное и что душевное – все стало равным для них. Их страсть была выше всяких мечтаний о страсти земной-ураганно-безымянной и несказанно-чистой, и не счесть было в ней всех полутонов-вариаций-инвариаций в непрерывном потоке чувств. Порой наступала-подступала тоска и острая мысль о танце утерянном, когда ноги-руки-голова-все тело просили-требовали сильного и надрывного(на грани боли) движения и музыка Чайковского врывалась в сердце, угрожая взорвать его, и тогда лишь эта и такая любовь неизменно спасали её от приступов слез о танце, но Балерина благодарила судьбу, что этот чудес-

ный волшебный переход из балета в любовь-таяние-реяние состоялся. И шептала она себе:

...О, за что мне такие дары? Как и кого благодарить мне? То ли звезды и созвездия, удачно сошедшиеся и пересекшиеся надо мной или по ту сторону неба? То ли отца-мать своих, испивших горький настой печали и бед, и спасшихся умением растворяться в просторах степных, беседовать безмолвно с травой полынной-духмянной-окаянной-пряной или с птицами-ягнятами-живностью всякой вокруг себя говорить? То ли потому, что на меня изливали они любовь свою отцову-материнскую, и тем отводили печали от меня, или сглаз недобрых людей? Или благодарить неведомо откуда слетевшую на плечо мое лучезарную удачу-лебедь, когда взяли меня в балетную школу, хоть и плакала я тогда, неразумная, разлучаясь с привычным?..

Не было ответов, кроме истово-стыдливой и светлой благодарности за стечение обстоятельств. – Долго ли? – порой тревожно стучало в виске, но потом приходила мысль о Жизели, девушке-крестьянке, за которую ей пришлось так много страдать и душой и телом. Может, Жизель и теперь помогает ей? И Балерина улыбалась так, что у нее на глазах выступали слезы.

И вот вдруг, жизнь вне их любви стала рушиться-меняться, и Геврe стало надобно уходить из дома, как всякому мужчине, кормящему и оберегающему свой дом и женщину. Теперь ей пришлось учиться науке расставания-ожидания, и было то не легче, чем ремесло танца. Главным для нее стало теперь одно: не расплескать бы в этих, как ей казалось, пустых-полых часах ожидания капли-струи-водопады её любви. Как-то, выйдя из дома, она увидела сухонькую аже-старушку, продававшую вместе с семечками и куртом овечью шерсть. Сразу было видно, как искусно взбито это белое пушистое облако шерсти. Рядом лежали цветные мотки овечьей нити, видимо, скрученные на домашнем старинном веретене долгими вечерами за тревожными разговорами о непонятных и странных событиях (исчезновение привычных денег, появление кричащих на митингах и по телевизору людей) последнего времени.

Балерина купила у благодарной бабушки воздушную шерсть и мотки цветной нити, попросив приносить еще. Ей пришло на ум научиться ткать из этих нитей картины её любви и ощущений, или выкладывать шерсть по контуру рисунка, как это делалось у казашек раньше и было забыто ради фабричных тканей и ковриков. Её навык вязальщицы мог помочь ей в этом, но в ней жила также еще неумершая-неистребимая память о древнем степном ремесле тканиявыкладывания картин из шерсти. Батик-панно. Так теперь модно назывались казахские традиционные «киіз-тоқма». Вскоре Балерина, после многих ошибок-проб и досады на себя, освоила азы древнего ремесла, придумав и сделав вместе с Геврой нехитрый инструментарий: ткацкий станок, спицы-крючки из дерева, которые так хорошо умел резать её возлюбленный. И вот, постепено, порой мучительно-долго, стали появляться легкие абрисы, цветные композиции и линии-узоры, напоминавшие образы-ощущения, мысленные и чувственные картины их любви.И ожидать Геврy стало легче, и время вновь уплотнилось и стало снова зримым. Цветной пестрый кордебалет ее рыбок все также неостановимо плавал-вился-кружил в аквариуме, словно помогая проступать на батике коралловым садам. Некоторые узоры-линии, казалось, повторяли движения плавников или рисунок рыбьей чешуи. К этому добавлялись нерастворимые в воде-времени-памяти картины детства, балетные воспоминания, ноты музыки и волны чувств. Нужно было только терпение и упорство, чтобы сохранить яркость переживаний-флуктуаций, но это давно было уже освоено Балериной еще в танце. Стежок легкий, точный прокол иглы сквозь полотно основы, быстрый проплыв челнока в тесном канале станка и ... как когда-то на станке балетном начинали проступать узоры движений. Только теперь это была невесомая мягкая шерсть, а не танец.

Занимаясь неспешным-неутомляемым делом вышивания-выкладывания узоров из шерсти, Балерина с невольной улыбкой вспоминала свои мини-битвы с холостяцкими привычками мужа (Геврa не рассказывал ей о его «подсценной» жизни, ибо она была тайной сагой одиночества и долгой битвы с мигами «вчера-завтра» и с мигами «сейчас»). В первое время, её умиляло и сердило одновременно то, что Геврa всю свою одежду держал рядом с кроватью: брюки и рубашку на стуле у изголовья, а ботинки под кроватью. Каждую ночь, едва он засыпал глубоко после вспышек-лазури-сирени-индиго любви, она тихо убирала его одежду в шкаф, а обувь – в прихожую. Наутро она с улыбкой наблюдала, как Геврa спросонья, вслепую шарил рукой в поисках одежды и пока он еще не проснулся окончательно, она попросту перекладывала его руку к себе на грудь и мгновенно его искания обращались в иное русло, всегда неожиданно подступавшего утреннего половодья чувств. Но после душа, когда надо было выходить в «мир за дверью», он по привычке, сначала шел к изголовью кровати, бормоча: – Ну где это, где? – И она, уже хохоча, вела его к шкафу и подавала рубашку. Он смущенно

улыбался, понимая свою оплошность. И самой Балерине пришлось избавляться от своих «холостяцких» привычек, в число которых входили беспорядочно разбросанные трусики-лифчики и другие вещицы женского туалета. Все это пряталось теперь. Апофеозом этих борений стал небольшой «шедеврик», придуманный ею. Своим каллиграфическим почерком, с завитушками и прочими украшательствами, она написала две записки: одну – на шкаф, другую – в прихожую. Текст забавлял обоих. 1-ый: *"Милый, твоя одежда должна обниматься с моей в этом шкафу."* 2-ой: *"Айналайын, твоя обувь должна целоваться с моей на этой нижней полке"*. И там и там, подпись: *"В любую секунду – твоя"*.

В лето первого «года таяния» они совершали длительные прогулки в горы, которые Гевра отлично знал. Он водил ее в те самые места, где практически не встречались даже любители горных прогулок и где, когда-то, бродил он сам (ему казалось, что это было очень давно). Гевра показывал ей свои любимые потайные места необыкновенной красоты: родник из-под влажного камня или им сотворенный грот, который она восхищенно принимала за естественный, чудесную маленькую рощицу берез в распадке уютного ущелья, где все еще сохранился шалашик, устроенный им так искусно, что тоже казался капризом природы. Этот шалашик вызвал у нее самые неожиданные ассоциации, и там, в шалашике, у них случился такой приступ страсти, когда трудно было определить, где срастаются ветви на дереве, откуда начинаются корни и какую мелодию завевает ветер в листве над ними. И только крохотная улитка-ребенок тьмы могла видеть это дивное стонущее и перекатывающееся существо о двух головах. В небольших, всегда неожиданно открывающихся, горных лугах цветы застенчиво-нежны, словно совсем юные девушки, уже ведающие о том, что в них проснулись древние-тайные-женские силы и отныне уже не могущие быть наивными и простоватыми девочками-шалуньями. Эти цветы, как юные девы, теперь больше таили, чем открывали... Когда из-за большой гряды гор появлялось солнце всюду начинали сверкать краткие горные росы, рассыпанные по травам и ветвям багульника или кустов смородины. В таких горных лугах хорошо полежать вдвоем или сидеть в позе двух лотосов: мужской цветок внизу, а женский – сверху, и медитировать в любви. И глаза!.. Каждая пара смотрит в свою сторону: одна – видит освещенный солнцем склон ущелья, где среди камней пробирается вниз ручеек от тающих высоко снегов, а другая оглядывает тенистый овраг, где корни горных кустарников выходят наружу и оплетают мшистые камни, вновь уходя вниз, в почву-тьму, найдя сладостное место проникновения в лоно земное. И красота нетленная горных лугов в распадках, и любовь человеческая, если ей случится расцвести здесь, среди трав, цветов и камней на природе, без какого-либо стеснения и оков обыденного: все это – миг за мигом – и есть высшая суть бытия. Такие мгновения могут изменить не только судьбы людские, но порой и весь ход жизни на земле... *апрельский свет-снег на заре поутру... слияние-сияние обреченных на слияние... и поется азан...молодой муэдзин, недоспавший вчера... о человече, подумай... просыпаться тебе или все еще спать?..*

Во время этих прогулок привычка Гевры есть всухомятку уже не раздражала Балерину, как если бы он то же самое делал дома. Ведь пища должна быть терпкой-вкусной-пестрой-острой, иметь все дразнящие-дремучие запахи-достоинства-свойства еды-явства для истинно мужского желудка. И Балерина терпеливо отучала своего мужчину есть всухомятку и наскоро: скажем, колбаса внакладку на хлеб или сыр, запиваемый кефиром прямо из пакета. Пришлось забыть и свои вегетарианские вкусы и делать суп на килограмм мяса, жарить котлеты с добавлением в фарш бараньего курдюка, специи и лука, а соус готовить отдельно в виде общигающего язык огня. В Балерине проснулся талантливый восточный повар-изувер и это постепенно становилось второй вкусной темой любви, и она повторялась три раза в неповторимой сиюте дня. Если зеленый перец и помидоры нафаршировать реберным, с жиром, мясом барана, мелко нарезанного(ни в коем случае фарш), вложить кусочек острого красного перца и головку чеснока в блюдо, а затем тушеный перец и помидоры сложить в глиняный горшок, залить варевом из жаренного лука и джусая с букетом сушенных специй и виноградных листьев, долить туда нужное количество растительного масла, и все это! – поставить в духовку, то при вкушании баранина, томившаяся в двойном жаре огня и раскаленной глины, вызовет гурманный-густой-желудочный оргазм такой силы, что потом произойдут, неизбежно и высокие оргазмы плоти и вулканические выбросы плазмы чувств. Иногда случались сбои биоритмов, и Балерина, выспавшись днем, любила читать рядом со спящим Геврой и это чтение имело небывалую ранее глубину и доставляло иное наслаждение, как если бы в сюжете появлялся непредусмотренный автором герой. И это был ее возлюбленный, и он витал над строкою и меж строк. А если, в свою очередь Гевру томила бессонница, то стоило ему смежить веки, как спящая рядом Балерина принимала в его видениях-воображении образ дивной гурии рая, но всегда, по-земному доступной ему. Часто она виделась ему в прозрачных (из

шифона разных цветов) тонких «тюниках», которые она шила специально для сцен любви, зная, что выходя из душа в таком чисто символическом, но плоть взрывающем одеянии, она творит из него свирепого вепря и нежного принца, или дикого мавра (в зависимости от кроя и стиля этих чувственных «секс-тюник»). Таковы были эти обоюдные и неостановимые перетекания друг в друга и не имели над ними власть ни явь, ни сны. И не было меж ними границ-преград.

3

Отчего-то привиделось так... шаг качелей уменьшался... большая наклонная ветвь карагача-гиганта казалось недвижной, как будто и не служила вовсе перекладиной этим сельским аульным качелям (из аркана бараньего-тугого-витого-с конским волосом внаклад), но концы веток дрожали мелко, а листья так просто трясло, словно в некой древесной “падучей”, как если бы листья были не зелено-кровными-родными детьми могучего черного дерева, а его пасынками-бастардами... Дрожь била и мальчика-бастарда на качелях, с запрокинутой головой и шалыми от качания глазами, сквозь косину-щель которых он уловил промельки синевы в густой кроне, досадливо пытаясь вновь увидеть то гнездо, где почудились ему птенцы...

...вот бы подняться-добраться до гнезда и потрогать пушистый клубочек перьев... почувствовать будущие крылья... быть-находиться у начала настоящего полета птицы, рожденнной для неба без границ и для ветра без конца... жить иначе, головокружительно, вместо этого скучного качания от края одного маха до другого...

Цыплят он уже разлюбил, он становились обычными курицами, кудахтали и не поднимали голов к небу. Другое дело – птенцы птиц. Бастард спрыгнул с качелей и, в остатках-наплывах неожиданной досады, лег навзничь, на траву и продолжал летать уже в мечтах своих в густой-задумчивой кроне карагача. Ему казались понятными мысли-листья старого карагача и язык его бессловесный: шелест-шевеление в струях предвечернего ветерка-бриза-прохлады. Жаль только, что ствол черного древа слишком широк и высок и далеко до первых ветвей (ему еще надо расти самому), а пока приходится лежать вот так, скрипя зубами, окатываясь недетской злостью (недаром его за глаза прозвали ублюдком-бастардом). Надо подождать, когда наступит день-срок покорить это древо, добраться до нижних ветвей, влезть еще выше и найти гнездо пестрого дрозда, и увидеть-потрогать начало полета. И хотелось это сделать самому, без чьей-либо помощи. Качельные веревки тянулись вверх, как и мысли-мечты Бастарда.

Бастард еще не знал, сколько лето того года приготовило ему изобилия густой травы для игр, горьких слез обиды, овощей и тугих красных яблок для покраж, пескарей и форелей для ловли-ловитвы без удочек, и студеной воды для купания. Что такое эти «удочки» для настоящих пацанов?! Фук и тьфу! Тросточки-палочки какие-то с лесками, крючками-поплавками цветными. Смешно. Истинный сельский пацан ловит рыбу бреднем из собственной майки, завязанной в узел на одном конце, стоя по пояс в кипяще-студеном потоке горной речки, руками прижимая два угла тряпичного бредня у дна, а верхний, закусив зубами. И свирепо смотрит вверх по течению. Там другие пацаны из его ватаги отворачивают камни скользкие-тяжкие, вода-лед-кипяток окатывает их тощие зады и хлещет, как из брандсбойта. Эта же свирепо-студеная-пенная-с песчинками вода горно-речная ломит мальчику зубы, заливает лицо и глаза, но он терпит и ждет, весь уйдя в ощущение-азарт природного ловителя рыб. И нельзя ему спутать трепет коловоротной воды внутри майки с живым биением стайки пескарей, вброшенных потоком в бредень-майку и... быть может!.. с отчаянным танцем горной форели у подбородка и зубов, стиснутых намертво. Форель попадается редко, но такое случается и тогда ты – король горной ловли. Ловитель! Не какой-то там паршивый городской рыбак-пижон. Но пока... бредень трещит от напора воды меж двумя валунами, стынут зубы, глаза пожирают белый поток у глаз и пестрые горы вдали и... увва! Затрепетало-рвануло-забилось. Не зевай теперь, выхватывай бредень зубами-руками, стяни углы майки в тугой узел счастья и бросай на берег. Ступням больно на окатышах-щебне-корягах, но не оскользнись. Терпи. И тогда, швырнув бредень на траву и песок, ты увидишь, наконец, сверкающую брызгами бешеную пляску пескарей, агатовых на солнце, а может быть!.. и высокий прыжок темно-сиреневой форели. Царицу потока. Гордую-сильную-горную. Нет, нельзя тебе Бастард забыть этого, чтобы ни случилось потом. А не то, в самом деле, станешь истинным Бастардом-ублюдком-изгоем.

Окончание четвертого года обучения в их начальной-колыбельной школе запомнилось Бастарду, да и всем одноклассникам, суматошной нелепицей. В момент, когда вручались им грамоты по успеваемости, в двери класса был нанесен сокрушительный удар. Все всполошились, как куры в ку-

рятнике.Чинность события рухнула. Таранные удары в дверь наносились с упрямой размеренностью нечеловеческого характера. Секунды ожидания неизвестного! Что может сравниться с ними? Потаенный страх-восторг! А вдруг – это Приключение?.. Классный руководитель – статная суровая дама (как и положено ей по статусу) после легкого замешательства решительно направилась к двери, толкнула створы наружу и... в класс ворвалось Оно!.. Крепкий, темно-бронзовый ягненок-кошкар, с наметившимися рожками, пролетел торпедой мимо невольно охнувшей учительницы и тормознул у парты Бастарда, завершив свой великолепный штурм банальным бараньим блеянием. Бастард обмер, но тут все вскочили из-за парт, отшвыривая надоевшие портфели, и окружили общего любимца-ягненка по прозвищу Агник, беспечно пускавшего в этой суматохе травяные шарики-горошинки.

Агник, несомненно, достоин внимания. Его овечья биография началась в феврале того же года. Холодной ночью, в хлеве-сарайчике-яслях бараньих окотилась-разродилась его несчастная мама-овца. В ту же ночь ударил мороз из ядреных и последних сил своих, когда Агника-агнца, еще мокрого от материнских лизаний, дрожащего от холода, вынесли из навозных яслей ягнячьих. Так и попал он в жилой полуподвал саманного домика, где было сухо, топилась печь, пахло хлебом и молоком. Бабушки Бастарда (две на одного внука) положили агнца-младенца на сухую подстилку и ушли хлопотать дальше, в хлев. Бастард проснулся от суеты и незнакомого-ознобного запаха и сразу же потянулся к дымящемуся паром комочку... Кроткие, карие глаза... испуг – вопрошание и доверие излучали они... ресницы враспах и черная точечка зрачка... Ни у кого из людей не видел еще Бастард таких глаз, разве что, у сестрички своей Акнай, сгоревшей в огне неизвестной болезни чуть больше года назад, в дни своих первых лепетаний. В возрасте чистоты. И невольно вырвалось у него: Агник, Агник! – так называл он свою сестренку-ангела с наивными очами и лазоревым кругом-светом за плечами. Вернулись бабушки, усталые и стылые, но с улыбкой на уголках сухих губ, с еще двумя ягнятами и козленком. Поворчали с порога, увидев внука, уже уложившего ягненка-первенца рядом с собой, под пестрое одеяло-корпе. Внук гладил братца-агнца и шептал ему в ушки непонятные-невнятные и почти овечьи – не человечьи слова. Ягненок слушал, подняв головку... И сели бабушки пить чай с молоком-жиром и паром над чашами, поглядывая на приплод, молча и сосредоточенно думая о предстоящих назавтра заботах, а Бастард забылся темным сном ребенка-зверенка, где навсегда останутся тепло агнца-Агника, треск угольков в очаге, строгие овалы лиц его бабушек и что-то такое огромное, чего ему всегда не будет хватать потом. Во взрослой жизни...

Через неделю-другую наступила невиданная оттепель и уже через месяц травы так бурно пошли в рост, а земля так обильно запотела темной испариной лугов и оврагов, что Бастард еще долго верил в зеленые темные сны наяву. Агнец-Агник рванул на травы с диким фальцетом-блеянием, начав постигать-жевать-зрить эту зеленую необъятную, как казалось и агнцу и мальчику, жизнь-траву-сны-явь...

...а где-то вне этой весны, у гор, далеко-высоко, много еще было холода... океан горя-снега разливался по земле... шипя-шумя встречались с ним реки огня... людей смывало в воду и сжигало в огне... дети-сироты рты разевали, как рыбы, устав кричать и плакать у тел матерей и отцов... Бастард и Агник резвились на своем райском островке среди океана горя. Но айсберги опасны и тают долго и уплывают далеко...

4

Рисовые чеки на террасах. Рассада уже поднялась и сияла бриллиантовой зеленью. Лаковая лазурь неба источала покой. Благодать цветущей земли была сравнима, разве что, только с безмолвной сутрой. Сайко стояла у края полей, где ещё недавно натужно гнула спину, высевая рассаду. Ей едва минуло двадцать весен, и она улыбалась новой – двадцать первой. И было чему улыбаться. Дружные всходы на поле и теплый огонек в чреве-весть о том, что она вновь зачала и, значит, будет, чем обрадовать супруга своего Кена, ушедшего вслед за войском князя к полю намеченного сражения. Она благодарила судьбу за то, что муж её принадлежал к дза могильщиков и, стало быть, огражден своим ремеслом от участи быть убитым в бою. Сама она происходила из ещё более презренного «дза собирателей испражнений». Когда к ней, тогда ещё пятнадцатилетней девушке посватался Кен (он увидел её, однажды в третий день третьей луны), то вся её семья обрадовалась. Особенно, отец. Ведь переход в сословие «дза-могильщиков» избавлял его любимую дочь Сайко, подобной нежной кувшинке, от их грязного ремесла. Недаром это случилось в конце недели «Хиган – Другой берег», в дни весеннего равноденствия, когда солнце уже перешло заветную черту и дни стали удлиняться. И жених её Кен, черноволосый крепыш с ясными глазами, понравился ей, а их первые брачные радости пришлись на дни любования сакурой. О-ханами! И любовь в ней расцвела, как цветок сакуры в те же дни, и

была такой нежной и сильной, что просвечивала сквозь кожу её, как лучи света сквозь крону ясеня, росшего близ их хижины из бамбука, с соломенной крышей, каковая полагалась для семей из «дза могильщиков». И хоть они тоже принадлежали к отверженным «париям-эта», но коли говорить от сердца: разве люди не бывают красивы сами по себе, как её муж Кен-могильщик, и разве не он благоговейно относится к ней, ласково называя: – «Хана-цветок вишни». И пусть даже цветение вишни кратковременно и в эти дни часто говорят о бренности и извечной печали жизни, Сайко не переставала улыбаться тому, что Кен сумел продлить их дни «Сакуры любви» до сего дня, когда она поняла, что зачала второго ребенка. Подумав об этом, она заспешила к дому, где оставался их трехлетний первенец... Подходя к селению, Сайко услышала нарастающий гул скачущих коней. Вот уже показались, из-за холма, верхушки боевых знамен, а затем и рогатые шлемы самураев – личной свиты Князя... *в теплой, согретой солнцем купальне дня, стало холодно, будто кто-то неосторожно распахнул дверь и в дом ворвался поток холодного ветра... ветер беды... и вчуже от себя думаешь порой... сорванные демоном цветы сакуры... медля-медленно, в душе, тает аромат цветов вишни... тайна прелестного цветения сакуры... мгновение... росчерк туши на рисовой бумаге... монохромное горе... О,-Ханами!...*

чклю-чклю... все вкруг-над и под землей... скользящие-скользкие-вьющиеся-хлюпающие есть одно-единое сонмище живое-жирное... и имя ему – Червь могильный-трупный... он и будет последним владетелем человека по смерти, ибо рожден с человеком вместе... от зачатия до смерти... и в час и в день свой червь-властитель восстанет в человеке, в могиле его, в храме тела... станет очищать-освобождать кости его от плоти-мяса... кшля-кшля... по окончании работы-призвания своего червь могильный-чистильщик трупный исчезнет... останутся от человека только кости чистые-белые и волосы-ногти безчувственные... только тогда сможет душа человечья выпорхнуть из тела-храма скелетного и уйти-взлететь в высокое пространство неба, которое не дано червю могильному-скользкому-белому-отвратному увидеть... ибо слеп он по воле вещей и причин на земле... судьба такая ему чревоеду-людоеду... червь могильный отойдет вместе с плотью человека своего-единственного, для него рожденного и с ним умершего в темных глубоких чертогах земли... в тьму-грязь-прах-тлен... чклю-чклю... глас червя могильного...

Настоятель-Отшельник на склоне холма, над рекой сидел. Размышлял. Песок сеял меж пальцев. Удивлялся. Откуда эти ракушки прибрежные здесь на горе, в том далеке, куда он бежал некогда? Сюда в горы, к диким скалам, знающим туманы в лицо, когда еще различимы они в узком ущелье и не поползли еще в низину бесформенным клубом-облаком белёсым, изгнанным морем огромным без берегов, как и он ныне теперь. Когда-то он ушел из низины сюда, в горы, а братец-туман упрямо ползет вниз обратно и словно тянет его. Особо, по осени и теплым зимам. Вот и сейчас сгущается, как всегда молча, и копится в кроне горного ясеня. Клубится. Еще узнаваем в лицо. И зовут его – Сыромятный Молчун. Копится, и оттого так хорошо видим в контурах кроны. Хорошо здесь. Покойно. Вот уже семнадцать лет, как ушел он – Настоятель из низины, от князя, в высокие горы. Обидел его тогда Князь. Рявкнул. Будто он, тогда еще в миру – Кен, был повинен в том большом поражении Князя, на исходе стычки-вражды – битвы домов Минамото и Тайра. Да, не воин он был. Он родом из презренного всеми «дза» могильщиков. Париев – «эта».

Можно подумать, что это легко: ждать окончания битвы, а потом хоронить воинов, враз по смерти терявших лицо. В конце того дня-поражения, когда дали отмашку черными флагами и к работе своей можно было им – могильщикам, приступить, вышел Настоятель (тогда еще в миру Кен), в поле, щедро засеянное смертью, хоть и всем известно с давних времен: ничто не взойдет здесь, кроме жирной-ядовитоядной травы и новой вражды. В середине поля сражения молча раскланялись они с могильщиками из лагеря-дома другого и за дело ремесло свое принялись. Растаскивать воинов из смертных братских объятий. Костры зажгли. Духов зла отгонять, да видеть лучше: где свои – где чужие? Оскальзывались на крови, обильной черной и стылой, когда в землю и в ночь уходит она из человека. Ругались могильщики (просто так повелось, без злобы, по ремеслу) и смотрели они – могильщики последними в лица погибших-убитых воинов, облагороженных и омытых светом луны. Воины-самураи. Окропленные кровью. Своей и чужой. Искаженные ранами от меча и боевого топора. Болью. Редко – ненавистью. Чаще – недоумением, что именно они избраны смертью, а не враги их. Были и головы без тел. В их открытых глазах стояла такая печаль от внезапной и вечной разлуки с телом своим, что смотреть на то было почти невмочь, хотя и привычно это по работе могильной. Просто берешь за волосы, тащишь и ищешь родное тело головы. Как ни странно, мертвое тело головы узнаешь сразу. Как приблизишься с головой отсеченной, одно из тел безголовых, вдруг, становится бесконечно одиноким, таким безмолвно-виновным, как будто

по собственной воле отказалось от головы своей и потеряло ее. Некоторые тела в этот миг грустной последней встречи будто даже чуть шевелились, а головы их отсеченные, словно кивали и кланялись телам своим, словно извиняясь друг перед другом, а со стороны могло показаться, что то была некая торжественная церемония-ритуал встречи голов и тел после смерти, в середине поля павших и понимавших все тайное значение их нового воссоединения перед вечной разлукой с живыми. С миром земным. Досадно только, крик вороний нарушал это посмертное таинство под луной.

Когда тела своих и чужих растащили, могильщики двух враждебных домов, вырыли одну общую яму, куда сложили отсеченные в битве (так никем и не опознанные) руки-ноги погибших воинов. Впервые эти «ничьи» руки отдыхали от мечей и луков и словно пожимали друг друга последним суровым приветствием, а ноги... что?.. ноги лежали вповалку, не зная больше, куда им брести. Ничьи ноги не могут идти. Они идут в никуда... Засыпав яму безымянных конечностей, могильщики вновь раскланялись друг перед другом и понесли свою скорбную ношу в душе. Каждый в свою сторону. К утру, могильщик Кен – глава своего низкого сословия париев-эта, схоронив все тела воинов, доложился Князю у его походного шатра, согласно правилам-обряду-долгу. Назвал при этом число погибших. Много их было, много больше, чем у победителей (те уже выставили свое число копий на том берегу пограничной реки). Вот тогда-то и рявкнул Князь, будто именно он –могильщик Кен презренный был повинен в поражении и войну-битву эту начал бесславную... Да, он презренный могильщик-парий-эта и ремесло его низкое, ниже разве что, скотобойцы и собиратели испражнений. Не скажешь же грозному Князю, огромному в доспехах своих и шлеме рогатом, среди свиты его в мерцающих воинских одеяниях, в тишине, нарушаемой только бряцанием лат о латы неосторожной охраны и сухим хлопанием воинских флагов, как... как горько было ему, могильщику, видеть столько убиенных, какой печалью наполнялось сердце при виде совсем еще молодых самураев с тонкой линией нежных усов и бородкой вкруг пунцовых, сочных и в смерти губ... как тяжелы сейчас от крови края серого кимоно, бурые штаны и сандалии, из трав сорных сплетенные грубо... разве скажешь?

В себе Кен уже решил, что уйдет-убежит от Князя, ибо не заслужен им упрек за его скорбную, но хорошо сделанную работу, ведь и он человек, и сердце его не заросло еще дикими криптомериями презрения к жизни и смерти. Ведь сердце не крипта для пепла. Нет, он уйдет. Небывало далеко от этих мест. В горы уйдет из долин войны. Вот только жену и сына малого, трехлетнего, из убогого селения могильщиков заберет... И все... Конец на том его ремеслу. Кончилось сердце, а равнодушным эту работу делать нельзя. Иначе дух воинов погибших осквернишь и не найдут они дорогу в места обитания блаженных, погибших в бою... Думая так, он попятился спиной из шатра княжьего, враждебного теперь ему, вышел из широкого квадрата, резко хлопающих на ветру знамен, подивился грозным знамениям неба, где тучи были сходны со шкурами разодранных тиграми черных буйволов. Будто кровь в небо взошла и течет теперь вспять от этой проклятой земли. Она, земля, точнее, чрево ее, благословенно и родственно лишь червям могильным, которым еще предстоит свершить их смрадное-влажное, но по-своему важное назначение. Освободить тела мертвых от плоти. И делать это тайное дело внутри земли. В могилах. Вдали от праздных глаз и свидетелей, чтобы душа убитых воинов могла выйти из временной тьмы-тюрьмы тела, а затем взойти разноцветным травопольем, взлететь невесомым запахом и там, в небесах, воплотиться в разные-иные цветы-существа. Или сразу воссесть в чаше лотоса, если чисты были в помыслах и делах своих при жизни...

Лагеря враждующих домов снялись с поля битвы. Здесь, на месте недавнего сражения остались лишь два больших воинских погребения. По обе стороны поля. В противостоянии, но не во вражде, и общего теперь дозора мертвых воинов над местом битвы. На седьмую ночь после сражения над погребениями встала особая тишина, как если бы небо накрыло это поле непроницаемым куполом временного храма. Воссияли над полем тысяча тысяч чистых, скорбящих звезд, словно безмолвные сутры неба. Для успокоения душ. Для обереженья таинства смерти. Только небу дано это знать и хранить, хоть и не видимо из звездных высей творящееся на земле. Там, в могилах, в земле, в телах погибших, в ярости бойни, в момент свершения зла, в грохоте и криках битвы (оборотных и враждебных покою и тишине) стали уже просыпаться из своего неземного сна черви могильные, твари скользкие, белые. Каждый червь отдельно. В своем человеке. В теле его. В человеке, который при жизни имел свое суверенное имя. И свою судьбу-неотворотный знак умереть именно здесь. В свой час... И шепот некий будто слышался из земли...

...О, это сокровенное-долгожданное тело мертвеца, наконец-то свободное от забот-беспокойств житейских и бестолкового существования... о, тело человека-дом червя могильного, его родовое гнездо... не нужно оно теперь душе человечьей... тело мертвеца принад-

лежит теперь только ему, червю могильному -наследнику мертвого... здесь они, по смерти встретятся... плоть человеческая и червь могильный... под землей... нет, человек, не будешь ты одинок и в смерти... есть у тебя последний верный брат... я – червь могильный...

И оглядевшись в своем родовом гнезде, в теле мертвом, изумившись совершенству и пропорциям этого золотого гулкого храма, червь могильный вызвал из себя энергию деления-умножения. И вот, уже с целой семьей-сонмом других червей стал делать свою вожделенную работу, устраивать и улучшать гнездо свое-храм золотой мертвого тела, ибо знал червь, что здесь обретается первозданный алтарь, где душа хранилась-таилась при жизни, и надо теперь только кокон телесный очистить и дать душе человека – страдалице вечной изойти и свободу обречь. Знали то все черви могильные-безмолвные-отвратные твари от начала времен, и вот теперь копошились в заботе своей трупной и трудной, в служении последнем человеку, мертвому, и начинали они с живота, дабы устранить все нечистоты, размягчить отвердевшие ткани, не дать человеку мертвому окаменеть и избежать еще более страшной участи, чем эта могила... стать могилой души, нетленной и чистой. И черви могильные шептали за работой трупной-трудной-смрадной...

...ах, мил-человек!.. зачем жил?.. дело это не наше... нет на то нам разума... а тебе зачем ум твой?.. помог ли тебе он при жизни?.. нет?.. но ты не печалься... мы выберем-вынесем из тела твоего всю грязь, а из черепа твоего все черные-гиблые-слабые мысли и оставим все лучшее... мысль о радости быть человеком... мысль о матери, об отце и о доме земном на пригорке зеленом... мысль о любви, что была у тебя, мил-человек, или только ждала-вызревала и полнилась именем возлюбленным... мысль о добре, однажды сотворенном для тебя кем-то другим или тобой, сделанном во имя кого-то... спи, мил-человек... ты творил добро, но ты и убил... а то, что ты в битве погиб, это кара небесная, а не случайность-судьба-удел... может-быть, ты был многих лучше, но стал воином-рыцарем смерти, а не любви... к примеру, мил-человек, мог ты умереть от яда ползучего гада, при жизни еще разлагаясь, и тем дав вторгнуться в наши суверенные-природные права-владения... нет, добрый воин, мы тебя теперь не обидим...черви могильные не обидят и врага твоего... в смерти вы одинаковы... и тело твое, мил-человек, и тело врага твоего мы подготовим, как нельзя лучше для исхода нетленной души, чтобы стали возможны твои новые воплощения, мил-человек, и дали тебе понимание всего, что ты оставил на земле и того, что не пришлось тебе, при жизни увидеть-познать... ах, мил-человек... мы здесь оставим только чистые кости твои и череп, свободный от мыслей пустых...ты увидишь потом, из другой чужедальней судьбы-воплощения, как было красиво тело твое - белый задумчивый храм... и душа в нем была красива и чиста, а теперь улетает из твоих пустых огромных глазниц... отдыхай, мил-человек... дай теперь нам потрудиться...

Досада нежданная взяла могильщика Кена по пути домой. Не сможет теперь он больше по древнему обычаю, через месяц прийти на поле павших. Проверить. Так ли все? Не растащили ли дикие собаки прах убитых? Покуда, на два метра вниз не утихнет гул червей могильных, все может случиться. Кен-могильщик, еще только подходил к селению своему после погребения. Едва издали взглянул, уже знал. Там – беда. Будто знак тебе подали тайный. Ощущение беды – это от ремесла. Это знаешь. И все... Одни хижины догорали-дымились, другие были сорваны крюками со свай. Видно, Князь так решил. Дескать, коль виноваты эти могильщики, презренные эта-парии (как он, Князь решил), то пусть получат наказание и для семей своих. Князь и войско его уже учинили разбой, пока могильщики возвращались к селению пешим ходом. Князь раньше их доскакал и порушил. На то он и Князь. Раз сказал – значит прав. И делать надо по слову его. Иначе, лицо потеряешь. А что до чести, то она у него иная, княжья. И лицо свое он не потеряет. У него есть власть. А у этих презренных эта – могилокопателей, какое может быть лицо? Тьфу...

И подул ветер шальной-мятежный-безудержный-низинный на всю планету и вверх рванул-взлетел, сатанея, небесные своды-обводы пытаясь унизить-испятнать. Все и вся. Кромешный то ветер, крушащий, полный низменных злобных выдыханий людских. И то ветер беды...

И подошел Кен к селению своему и увидел... У порога лежала жена его молодая. Сайко. Со вспоротым брюхом. Белая в лице, как полотно. От живота вспоротого – красная. И черви уже копошились там. В животе. Два дня уже, как солнце стояло после сражения-поражения... *нет...так нельзя...на свету...тайное дело червя могильного видеть... среди дня...сокровенное не для глаз живых... так заведено от богов... оскорбление смерти-знак конца самой жизни... последняя почесть от могильных червей - привилегия мертвых... уединение в могиле свято... как и встреча во тьме с червем могильным... сакральна эта встреча... оправдание краткого существования человека... слепы черви...*

нельзя им видеть мерзости тления... и нюха нет у червя могильного, дабы смрад разложения не вдыхать-не отвратиться от мертвого... только так сможет червь с рвением-старанием-тщанием дело делать свое подземное – неземное... не на земле...не на свету... средь бела дня... и человеку зрячему нельзя видеть такое... ибо мир живых для красоты сотворен... не для мерзости тления... нет... где вы, боги?.. почто допустили такое?.. С нею... с невинной моей женой... с душой ее светлой что будет?.. разве теперь смогут черви довести дело до конца?.. нет... вот, уже корчатся черви и сами умирают... в мертвом теле Сайко...на солнце палящем...не начав дела своего... аааaа...

Плач ребенка послышался в тишине. Наизнанку. Как грохот земли сотрясенной. Мальчик, сын его, лежал под кустом. В тряпице. Живой. Взял Кен сына на руки и понял, что делать. Созвал сотоварищей своих по дза, по ремеслу могильному. Схоронили мертвых с червями их умирающими, уже не могущими закончить дело свое. А свое дело погребения они сотворили отменно. Тихо, в себе, прошептали-пропели сутры надобные, зная меж тем, что невозможно будет душам родных изойти, как-то было издревле, от начала времен определено. Связь миров прервалась ныне, тайна исхода поругана-унижена-осквернена. Кощунство злое, бессмысленное. На случай, в надежде слепой, из могил вывели полые трубки бамбука. Может быть, хоть так свершится освобождение душ убиенных невинно и не станут они после смерти своей черным мором скитаться среди живых, мстя-проклиная их за порушение порядка извечного, за разлуку-невстречу тела человеческого с червем могильным, без которого не будет исхода душе, ибо нельзя им вместе-человеку и червю – умереть. Должно это произойти порознь. Каждому из них свой черед. Человек первым уходит, а за ним червь. А тут?.. Что же будет теперь с этим миром, пошедшим поперечной тропой бытия?.. А князю – проклятье...

Первая волна медитации горя и отчаяния изошла от Кена... Туман цвета индиго окружил его и отделил от недавнего, полного ярости-бойни-криков стенания или торжества убивающего над убиваемым... смрад сражения остался за туманами... труд погребения забылся... одна, но самая страшная, картина еще жила внутри тумана... то была его Сайко с брюхом вспоротым-багряным-сизым... человечье нутро тайное-святое-теплое открылось беспощадному оку солнца и навсегда перестало быть святилищем жизни... на разоренном алтаре чрева, в глубине, едва видный, сжался в стручок эмбрион – дитя возможное... мир внешний молчал... мир внутри из индиго-тумана ненависти кричал... мозг измысливал месть неимоверную-неотвратную-отвратительную-мерзкую... до обнаженности мездры подкожной.... Но как быть с сутью сутр?.. Слова моления-упования не мог он забыть... боль и ненависть спиралью завинчивались в нем... сердце стянули тенета тяжкие из железного вервия... не кричалось уже, не стоналось... вылось немотно-дико-долго... убить-истерзать хотелось князя и ватагу его испепелить в огне, что душу алым жаром наполнил и пылал нестерпимо-жестоко... но слышались и сутры в шуме пламени... горело горе его... сжигая мертвую Сайко, навсегда обращая ее в белый летящий пепел, оседающий в круге сердца... тяжкий туман – индиго стал рассеиваться... Волна-сигнал медитации Кена-могильщика отошел от земли, превозмог гравитацию боли и горя и достиг второго неба... Вибрация была так сильна, что Гроссмейстер ощутил ее и принял сигнал медитации-боли от Кена-могильщика стенающего немотно-молча...

И Кен-могильщик в горы пошел, в отшельничество. Сына взял с собой. Три товарища с ним, сироты-бедняги тоже пошли. Шел и думал Кен, как теперь должно жить ему, пока сына не вырастит. А главное, как самому умереть, не уподобившись милой жене, которая лишена была права на исход души. По вине Князя. Нет, пойдет он на нарушение порядка вещей. Не допустит он теперь в тело свое могильного червя и сонм его братьев. Коли с Сайко такое случилось, то и с ним должно это повториться. Но по собственной воле его, Кена, униженного и оскорбленного. Почему его возлюбленной жене не дал Князь право умереть в могиле своей, чтобы червь могильный ее светлую душу освободил от тела, и дал им возможность встретиться в иных воплощениях, в иных мирах. Кен верил, что жена и муж, коли любили друг друга, то должны когда-нибудь встретиться по смерти – жизни земной. Но Князь пресек их путь-судьбу. Отнял надежду. И Кен проклял Князя словами, которые вслух не произнесть, так они были тяжелы и несвойственны ему ранее. И верил Кен, едва вздохнув от слов проклятья, что соединится он с любимой своей в ином воплощении. Вопреки всему. И просил Будду позаботиться о том. Коли Будда допустил с Сайко такое, то пусть сам и исправит свою ошибку. А он, простой смертный, сделает то, что задумал. Он умертвит свою плоть так, чтобы в него не смогли проникнуть черви могильные. И в этом он сравнится с телом Сайко, разлученным со своим червем могильным. И к себе, к плоти мертвой своей не допустит он червя, и тогда у него появится надежда встретиться с любимой Сайко. Пусть через тысячу тысяч воплощений. Он отмолит душу ее у смерти, освободит из клети мертвой плоти, из могилы черной-тесной, прочтет все молитвы-сутры, которые

знает, пока и сам не освободится от мук тяжких-несметных души своей. Не для смертных та мука. Нет. Но он выдержит все. Так Кен обещал себе и шел в неизвестное. В отшельничество.

5

Гевра смотрел в глухую ночь. Было пасмурно. Небо набрякло-налилось влагой высокой. Небесной. Видно, дождь будет долгий-обложной-осенний. Здесь, в хижине-сторожке, сколоченной из старых досок и всякого другого бросового материала, пристроенной к дальней ограде зоопарка, под горой, сквозь влажный-ватный воздух слышался дальний рык-визг-уханье зверья, запертого в клетках. Гевра поселился здесь недавно, устроившись сторожем в этом удивительном месте поселения зверей-птиц-гадов. На окраине большого города. Причин тому было несколько. Его новая биография «в миру» началась с обвала рубля, ставшего совсем невесомо-«деревянным», когда рубль быстро пошел вразнос, а «лес советский» стали рубить-кромсать-пилить и растаскивать на щепки-спички. С того дня, как он вместе с Балериной бесповоротно (так она решила и захлопнула створки перламутровой раковины-шкатулки, где уже не было ей места) ушел из театра, многое случилось-изменилось и ушло невозвратно-необратимо. Целый год они таяли-цвели-летали-реяли-падали-умирали и вновь воскресали на полях своей любви, всецело принадлежа друг другу, и прочий мир стал для них химерой, неким досадным фоном их подлинной жизни бесконечных соединений-перетеканий-замираний и блаженных снов-обмороков любви. Вся скопившаяся в нем мужская сила воплотилась в страсть мощного бизона, в пике самцовой зрелости и обретения блаженного простора для покорения, а вся лиственно-хищная-потаенно-прелестная сущность Балерины, внезапно открылась ему с самой невероятной щедростью по воле Великого Случая. Они жадно постигали открывшееся им пространство любви и были неотторгаемы друг от друга. Мудрость целомудрия забылась ими во имя беспечных похлопываний по ягодицам и противопоставленным им местам и, казалось, ничто уже не могло прервать эту медоточивую и творящую мед любви жизнь человеков пока... пока не грохнула инфляция и не упали враз старые деревья и голубь черный не сел к ним на подоконник. Этот голубь так посмотрел на них своими пуговичными глазами, что они враз вразумились знамениями рока, беспечность спала с них, как шелуха, и они оказались перед новыми обстоятельствами более голыми, чем в постели и в любви.

Гевра вышел в то утро вразумления-знамения из рая-меда-полосканий на ветрах страсти и нанялся грузчиком, то есть, подсобным рабочим в магазин. Он договорился получать оплату продуктами, а обязательную бутылку водки обменивал на литр молока или на масло, либо пачку чая. Работать по профессии инженера-проектировщика Гевра не мог, чтобы не встревожить своих коллег, потерявших его в «те годы подсценной жизни». Притулившись у края новой неведомой-непонятной жизни, Гевра знал только одно: надо приноровиться как-то ко всему этому, научиться добывать хлеб для дома и Балерины и оградить ее от нищеты. О каком-либо своем социальном статусе Гевра даже не думал, а больше заботился о сохранении некого пространства вокруг Балерины, чтобы не быть вымытым щелочным раствором мелких забот из большой заботы-работы любви. А унижения и суеты стало предостаточно, но домой он должен был непременно нести охраняющую энергию и передать ее хрупкому и поразительно наивному человеку (в ее-то возрасте зрелой женщины), каким оставалась Балерина вне своей былой профессии, вне театра. И особенно теперь, когда ее жизнь прилепилась к его собственной, очень и очень проблемной, кстати, и почти эмпирической среди руин «PS» – постсоветской реальности.

Когда в день бенефиса Балерины Гевра окончательно преодолел заплоты и страх перед своим прошлым, а любовь-пение одарила его силой принятия реальности (пусть даже в самом неприглядном виде), он еще раз с удивлением и благодарностью подумал о том, как его, почти отвергнутого человека, в химерическом условном мире театра приняла и полюбила эта хрупкая, но великая женщина. За что же он был так помилован судьбой, избран для новой жизни? Будучи человеком технического логического склада ума, Гевра все же допускал участие в своей судьбе неких высших сил. Он относил это к причинам и началам божественным и внебытийным, и часто думал (в глубине своего очень потаенного кокона, который образовался вокруг него еще тогда, когда он жил в театре и спал под сценой), что может быть, та первая и давняя жена его и сын, погибшие в авиакатастрофе, стали его ангелами-хранителями, ибо он всегда был верен им душой и едва не утерял разум от постигшего их несчастья. Нет, он не самоубился, но отверг свою прежнюю жизнь ради высшего слияния с ними. Допускал он и такое, что ранее не посещавшие его мысли о божественной, метафизической природе вещей стали неким незримым кругом, в котором он спасся от отчаяния и смерти души. И хотя он не находил объяснения и ответа на свои вопросы, втайне от себя самого, в глубинах сознания роилось и такое гипотетическое объяснение всему, что с ним случилось. Фабула реальности превратилась в сверхвымысел

ирреально-волшебного. Гевра как-то даже прошел мимо «того дома», где он жил когда-то с погибшими – женой и сыном, но ни одна бытовая деталь не взволновала его и даже две неуловимо знакомые старые женщины, сидевшие на скамье у подъезда, не вызвали в нем ностальгии о прошлом-реальном и он понял, что жил он вовсе не в этом доме, а в неком высшем мире со своими первыми, возлюбленными им людьми, а все прочее не имело значения и места в реальности. Ни в «то время», ни в этот, обычный, ничем неотличный от прочих дом, ни в былые дни ему уже не было возврата. Все это навсегда принадлежало тому миру, который исчез тогда за чертой горизонта, сгорев вместе с обломками упавшего самолета. Все свое суверенное-неповторимое, лишь единожды бываемое с каждым человеком, «Они» – его первые возлюбленные унесли с собой в миг своего необъяснимо-катастрофического исхода из жизни. И Гевра надеялся, что был избран «Ими» – женой и сыном, ибо в неких мирах он станет для них заветным островом, куда они приплывут и там уже никогда не избудется память об их общих радостях, и все начнется заново, но без катастроф и печалей. Все это понималось им, все оставалось в нем, не мешая тому, что пришло потом с Балериной.

Между тем, в повседневных своих параметрах жизнь шла так парадоксально-фантастично, так беспардонно-постыдно-публично, что могла изумить кого угодно, словно решила навсегда сломать свои привычные правила-расписания и, сбросив с себя старые оковы, решила испытать всю глубину и восторг хаоса. В этих непредсказуемых выбросах в фарс-трагедию, жизнь пыталась найти свой новый экстравагантный облик. Казалось она, как живое существо, хотела показать, что не может быть больше обывательницей и все прежние расчеты-каноны нужно выбросить, как хлам. Она хотела найти иное русло, чтобы бросить в незнакомые волны всех людей, привыкших барахтаться в ее прежнем застойном пруду, и снимала с себя ответственность за любые события, которым она сама хотела быть причиной. Как сошедшая с катушек разведенная женщина, она стала необычно развязной и даже обнаружила вкус к экспериментам, а нелепые сиюминутные капризы так и били из нее фонтаном. Короче, прежняя совковая жизнь-житушка соскочила с катушек и понеслась во все тяжкие, а есть ли в ней смысл или порядок, то эту проблему она оставила решать людям. Она даже с любопытством наблюдала, как они барахтаются в новом непредсказуемом потоке и предоставила им выплывать по мере их собственных сил и возможностей.

...мездра..мерзко...мерзлота... меридианы стянулись к полюсу... в узел завязались... Гордий гордо улыбается... ждёт развязки своей загадки... теорию общего поля Эйнштейн вывел вместе с собой за черту жизни... но вопросы частного поля уже решены... степь продают и без доказательств, как аксиому...

В магазине, куда Гевра нанялся рабочим, объявился очередной хозяин, тихо-вкрадчивый и наглый одновременно. Он сразу почти шепотом-шипением дал такой разгон, что у продавцов побелели глаза, и они окончательно поняли: к старому возврата больше не будет и надо «мантулить» из одного только страха быть выброшенным за двери, как эти трое рабочих-алкашей на подхвате, которых хозяин вытолкал на глазах у всех. Гевра молча наблюдал, съел все унижения судорожными спазмами гортани, радуясь-не радуясь тому, что был оставлен, как единственный трезвенник, даже среди женщин. Одеждой своей повседневной он, честно говоря, не очень отличался от бомжей, изгнанных за пределы реального натуртовара и деревянных дензнаков, ежедневно нараставших номиналами, но еще быстрее терявшими свою исконно-стоимостную функцию. В голове у Гевры сейчас стояла только Балерина и мысль об ограждении её от всякой мерзости. Поэтому он проглотил комок протеста и принял почти кабальные условия нового хозяина-хама. Отныне он стал чем-то вроде бригадира, нанимал с утра на Сейфуллина трёх-четырех парней (они стояли здесь, надеясь на подёнку), вместе с ними быстро выгружал ящики с товаром, загружал пустую тару и тут же их рассчитывал, а сам уже в течение дня что-то подтаскивал-оттаскивал внутри магазина и получал стабильную оплату рублями, почти в уровень с инфляцией, а продукты покупал здесь же по цене оптового рынка. Так он сводил концы с концами, не переставая думать о том, где бы ему найти более пристойное занятие. Возвращаясь домой с тем немногим, что он заработал за день, Гевра получал в награду улыбку Балерины, которая будто чувствовала, как много испытал он унижений за день и со всей своей интуицией женщины понимала, что нельзя сейчас – всуе расспрашивать мужа о том, чем он занимался весь день. В эти первые минуты возвращения Гевры Балерина становилась необыкновенно внимательной и вся светилась таким обаянием, что и слов больше не надо было никаких. Такое неизмеримо высокое возмещение за свои унижения Гевра принимал, как дар судьбы. Он видел себя в эти минуты выброшенным на берег после кораблекрушения матросом, спасенным в последнюю минуту, когда огромный вал мутной воды останавливался буквально в одном метре от него и стремительно отка-

тывался назад, унося всю грязь и память об испытании-катастрофе. Вопреки природным законам, в следующий момент, Гевра видел уже спокойное море, синее небо над ним и ослепительно-чистый прилив встречал их, его и Балерину, беспечно идущих в обнимку на великолепном берегу своего острова любви. А простор благодарных чувств все расширялся, на губах ощущалось соленое совершенство счастья. Балерина была, будто бриз свежайший, и в ту же минуту, словно море зовущее или корабль белопарусный, ожидающий своего уверенного навигатора-капитана. И каким-то тайным взором Гевра видел в ней такое безоблачное безбрежное будущее, где они обязательно будут счастливы. Между тем Балерина, хлопоча по кухне, отвлекала его пустяковыми разговорами, сообщала ему милые новости, досадуя ему на скучание-ожидание, но так, что это не раздражало его, а наоборот наполняло чувством своей избранности-необходимости. И так это было хорошо чувствовать себя мужчиной, что весь безалаберный день мгновенно забывался, как нелепый сон. Поев и окончательно отойдя от дневного стресса, Гевра вытаскивал какую-нибудь «заначку». Вот как сегодня: удачно приобретенную книгу, за которой ранее пришлось бы буквально охотиться, а теперь на стихийных развалах, прямо на тротуаре, можно было за пустяк купить книгу-шедевр. Так ему сегодня попались искрометные письма Вольтера, будто ожидавшие, что именно сейчас он подойдет и купит их, как то было недавно со сборником рассказов фатального Акутагавы Рюноске с мистической «Чащей», или прелестный Бунин совокупно с «Мастером...» Булгакова, какового можно было теперь неспешно почитать-посмаковать, пряно-запретная «Лолита» Набокова и далее: Джойс, Габриэлла Мистраль, дремучий Фолкнер, «Факультет...» Домбровского, и многое такое, что ранее было читано наспех и в очередь, о чем говаривалось шепотом-мимоходом на кухнях, чувствуя себя причастным к когорте «подпольных читателей». Теперь это они читали вдвоем внимательно и неторопливо, а это значило удвоение всего того, что было в тех книгах, лежащих ныне на асфальте.

Иногда по вечерам смотрели и новости по ТВ. Особо забавляли-удручали «бестселлеры-сериалы» о далеких латиноамериканских страстях, «рабынях изаурах», а пуще всего нескончаемые серии-шедевры трёпа первого советского, а потом и казахского парламента. И люди, казалось бы, были известные и неглупые, и говорили о наболевшем, вроде бы, и никто не оспаривал демократические ценности, но откуда-то все время выскакивала то физиономия Кашпировского, то мордочка Чумака, и складывалось впечатление, что за всем этим стоят очень умные режиссеры-кукловоды. У этого оглашенно-гласного фарса и комедии «свободы слова» открывалась оборотная сторона. Казалось, что все эти люди не столько говорили, сколько испражнялись своими бесчисленными ртами, заполняя уши дерьмом пустых слов. Зато все было проще и суровей на улице, на стихийных рынках, среди живых персонажей неореалистического фильма-хроники «последних дней совка», перед которой древняя трагедия Помпеи представлялась красивой сказкой. Но именно эти маленькие люди, молчащие или азартно обсуждавшие цены и новости, были по-настоящему искренни и трогательны в своей неизменной отваге жить в пенном потоке перемен, являя простые человеческие примеры почти христоматийно-христианского терпения, что в сердце закипала веселая злость и радость быть рядом именно с этими людьми, а не с теми, кто испражнялся на ТВ. В такие минуты в голове у Гевры все более упрямо стучала мысль об устроении своем и жизни Балерины, покой и счастье которой было выше всего пережитого-читанного-передуманного им за эти дни. И он вспоминал, что как-то Балерина сказала ему:

...арабеск в танце – это такой неожиданный излом-виньетка среди прямых пресных движений и что надо следовать такому изящному капризу, потому, что это такая точная и своевременная точка-остановка в танце, с которой начинается новая канва движений, чтобы прервать поток бездумного механического танца.

И он понимал, как она глубинно права, как тонко направляет его мысль, будто чувствуя его тектонические сомнения о смысле этой вывороченной-вымороченной суеты, и что пора выходить в иное плавание, уловить ветер подлинного странствия, пусть даже это будет шторм и риск утонуть, но только бы не обманываться легким дуновением-тенью ветра... Надо же! Арабеск-излом-точка-начало!..

... маленькая поляна... пестроцветный шедевр в роще... лютики-васильки-ромашки-одуванчики-клевер... бриллиантовая зелень травы... это лечит... серая болезнь асфальта забылась... как и СПИД городов... природа медленно превращается в ландшафт...

2009 г.

Продолжение в следующем номере

Умит ТАЖИКЕНОВА

Умит Тажикенова, по основному образованию филолог, живет в Алматы.

Первая публикация рассказов У. Тажикеновой состоялась в 2001 году в журнале Казахского Пен-клуба «Тан-Шолпан». В том же году вышел сборник «Сакрализация памяти», в 2003 году – сборник рассказов и путевых заметок «Восхождение к Абсолюту», в 2006 году вышел сборник рассказов на казахском языке «Акикатка жүгіну». В 2009 году вышел сборник «Лоза тамариска», в который вошли роман «Ось существования», эссе «Подводя предварительные итоги», рассказы, путевые заметки, публицистика, переводы.

Маленький букет

Последние годы, ранней весной, я дарю себе маленький букет гиацинтов.

Непременно насыщенного сиреневого цвета: розовые мне неинтересны.

Сразу же, по приходу домой, спешу срезать ленточку, туго стягивающую в одно целое букет – освобождаю их от плена.

С некоторых пор моей спутницей стала ... печаль. Тихая.
Кажется, уже ничто не может сильно обрадовать меня.
Как раньше, когда от радости кровь учащала пульс, да сердце заходилось.

Но в новой моей спутнице свое достоинство – я приобретаю равновесие.
Состояние – без особых всплесков или раскачиваний...

Сиреневый гиацинт...
Он сквозит в гамме цветов при закате дня.
Зрелая зрелость.
Её цвет – светлая печаль с оттенком сирени.
Во всяком случае – у меня.

Вечно молодая муза зрелой женщины

Муза, говорят, бывает разной.

Моя муза – особенная. Она очень молода.

Пуглива. Нетерпелива.

По-юношески прямолинейна, резка. Даже агрессивна (когда в ней сомневаются... потому что она сама сомневается).

Она только пробудилась во мне.

Не знаю, на какое время.

О, Создатель, благодарение Тебе!
Мне не надо ее звать или ждать. Она во мне. Юная, горячая, искренняя... настоящая...

Все переплелось.
Мои праздники и будни, реальность и мечты.

Теперь у меня свой тонкий, хрупкий мир, как прозрачный воздух, с паутинками, в солнечный день бабьего лета.

Две прекрасные женщины во мне: моя вечно молодая муза, излучающая что-то новое, трепетное через быстрое перо на белую бумагу, и зрелая женщина, чутко, с восторгом прислушивающаяся к ней.

Не принимающая на веру ничто, но все еще доверчивая и наивная...

Прогулка по прошлому

Сын вывез меня на природу, к речке.

Я не просила.

По дороге, не говоря мне, завернул к родственникам, у которых я не была давно, и которые помнили моих родителей, сделавших для них очень многое.

С его молчаливого согласия я пробыла у них столько, чтоб не надоесть родственникам, не задержать сына.

Сын не такой, каким часто вижу я его в последнее время – раздражительным, вечно спешащим.

По пути он заглядывает к моей давней подруге, работающей в придорожном кафе.

Она радуется нам. Угощает нас пирогами, я – коньяком.

Сын останавливает машину у речки.

Я все время молчу, полагаясь (воле случая, воле сына?)

Он уходит куда-то вниз, к речке.

Я долго сижу одна, в машине с открытыми окнами.

Никуда не рвусь, мысли текут вяло. Все происходит как при замедленной съемке.

Оглядываюсь окрест: зеленые деревья, горы, шум воды, заглушающий все, кроме тишины. Только где-то близко шпак отрывисто и дерзко просвистит что-то.

И все...

Как хорошо слушать шум речки, к которой привез чуткий любящий сын, заподозривший что-то неладное и отреагировавший сразу.

Как хорошо увидеть подругу, с которой связаны уже долгие, долгие годы, а дружба с ней – ровесница сына, которому тридцать лет.

Я прошу сына в следующий такой раз отвезти меня к другой подруге, с которой тоже связаны многие годы моей жизни.

История той подруги делится на два этапа: до и после.

Так вот, сейчас – это «после».

Она уже не ждет меня. Я не смогу угостить ее пивом, которое она любила.

Она на кладбище.

Я поеду туда, сяду у ее изголовья, поглажу ее имя, высеченное на мраморе.

И вспомню все хорошее и светлое, что связывало нас...

Навевает тихо
ветерок печаль:
вечность и мгновенье...
И... дорога в даль...

Слова... Слова...

Не Слово.

Вечером все кажется не так.

На утро – снова слова.

Обволакивающие мир, похожий и непохожий на реальный.

А, собственно, что такое реальный мир?!

Наверное, это все равно те же самые слова... слова...

Выдуманный немножко мир.

Каждым, по уровню своего... потолка.

А, следовательно – восприятия.

Много, казалось бы, правильных действий, но слишком много того, что сопутствует этому.

Как будто не живешь, а прокручиваешь чужую жизнь, теряя чувство времени и пространства.

От отчаяния – опять слова. Много слов...

Свинцовое утро.

Абсурдность действий, ирреальность ...и
снова слова...

Молча – в уме...

Светлая печаль

Сегодня мне приснилась моя бабушка.

... Она сидит на тонком шерстяном коврике ручной работы. Я подхожу к ней, становлюсь на одно колено, целую ее и затем присаживаюсь рядом. Она проводит ладонью по моей голове, тонкими чувствительными пальцами медленно ощупывает мои глаза, нос, проводит по щеке, подбородку.

– Как ты, мой жеребеночек? – тихо спрашивает она.

У меня перехватывает дыхание, увлажняются глаза. Нежность заполоняет мое сердце.

Она слепая, моя бедная бабушка.

Я беру ее руки в свои ладони, зарываюсь в них лицом.

– Не плачь, мой мальчик, – говорит она, – у тебя была долгая и трудная дорога?

Я молчу. Слезы душат и не дают сказать ни слова. Сердце переполняется щемящей тоской. Во сне я еще не знаю, что за тоска объяла меня, душит, выплескивается и исходит из меня слезами.

– Не надо, мой мальчик. Я всегда с тобой, – она обеими руками поднимает мою голову, одной ладонью вытирает мне слезы.

Пустые глаза глубоко смотрят мне в душу, согревают, ласкают.

– Ты будешь, счастлив, мой жеребеночек – доносятся ее слова...

Я просыпаюсь в слезах.

Я знаю причину моей печали и тоски во сне: острота прошла, но сознание все еще не отпускает боль утраты. Вот уже сколько лет я прощаюсь с ней, а она благословляет.

И ежечасно оберегает.

Долго еще я лежу с закрытыми глазами, снова и снова перебирая пережитое.

Следы очищающих слез, как весенний ливень, прошедших в моей душе, еще свежи.

Весь день я хожу под впечатлением этого сна.

И меня не покидает ощущение ожидания новых, грядущих, светлых поворотов в моей жизни, обещанных мне моей мудрой бабушкой.

Прощание

С балкона многоэтажного дома, находящегося в глубине двора, видно все кругом как на ладони. Справа и слева теснятся дома, но они все как бы вытянуты вперед, к улице.

Большой проспект просматривается с балкона далеко, особенно хорошо виден перекресток.

На перекрестке и дальше вдоль проспекта – море людей. Многотысячная толпа едва заметно колышется, стоит тихий гул.

Сегодня хоронят одного из известных поэтов современности.

Помост для покойника, богато убранный и накрытый ковром, установлен посредине проспекта. Гроба нет, покойник лежит прямо на ковре. На нем черный костюм. Черная фигура на красном ковре.

Странное зрелище представляет собой покойник: руки и ноги – легковесные, высохшие, кажется, они двигаются от дуновения ветра. Человеку в черном из почетного караула все время приходится подправлять то спадающую руку, то не держащиеся ноги. Кажется, что вот-вот покойника сдует с помоста.

Впечатляет его лицо. Оно строгое, сосредоточенное и ... живое. Веки чуть-чуть приоткрыты, время от времени он обводит многолюдную толпу косящим вбок долгим отстраненным взглядом и ... вдруг губы, подрагивая, шевелятся:

Қоңрау күңгір...
Күн бір...
Күн бір ?!

Стоящий рядом почтительно вслушивается, силясь понять, затем передает услышанное дальше по цепи.

Толпа глухо волнуется, скорбь и печаль охватывает всех.

Перед расставанием с миром Света и Суеты мысли поэта и простого смертного тихо и недоуменно вслушиваются в отмеренное ему:

Колокольчик глухо « дзинь»
День один...
День один?!

Признание

Это не просто, как может показаться.

Работать вместе со взрослыми сыновьями, имеющими свои семьи. Сейчас много стало таких женщин.

Все время быть вместе. И на работе, и вне.

Большое искусство не надоесть друг другу. Уметь быть рядом, но одному, или рядом, но не раствориться в толпе родственников. Не самой, ни сыновьям. Потому что это разрушает или подтачивает изнутри личность.

Терпеливо вести по жизни, помогать постигать все премудрости нелегкого бытия, в которой сам себе и маленькое государство, и в то же время уязвимая семья. В которой, – ты еще более уязвимая мать, старающаяся не заслонять собой сыновей, а дать им опериться.

Беречь их самолюбие, дать сказать им собственное «я», и в то же время умело направлять их.

Собрать воедино усилия и потенциал каждого и всех вместе, чтобы не только выжить, но и достойно выстоять.

И вместе с тем, все сделать так, чтоб сыновья не невзлюбили, не отдалились когда-нибудь за чрезмерную властность, за невольную жесткость.

Где та невидимая грань, за чертой которой заканчивается взаимопонимание и любовь, а начинается вражда самых близких людей?! Она невидима. Этим и опасна.

Я жду возмужания и зрелости сыновей, чтоб передать все и отдалиться от дел.

Я постараюсь вызволить всю свою мудрость, чтоб осуществить это.

Я люблю вас, мои сыновья!

Я зачала вас в любви...

Все долгие месяцы вынашивала вас в любви...

С любовью я показала вам этот мир...

Я старалась, насколько мне это удавалось, заполнить ваш мир своей оберегающей, но не тяготящей любовью.

Я хочу вместе с вами обойти все рифы на вашем пути...

Рядом, но следом.

Насколько хватит сил.

Реквием

Ночь. Дождь. Свежо. Горит яркий свет.

Это на земле.

А мои старики уже под землей. В темноте, на окраине города. Вечная ночь, сыро, затхло.

Как коротка жизнь.

Всплывают в памяти их лица – цветущие, радостные, печальные, разные.

Как мимолетна радость, какая долгая печаль...

Воля бронзового Ауэзова

Юбилей Мухтара Ауэзова.

Народу много. Много и цветов.

Вдруг один из поэтов берет гвоздичку и подбрасывает к памятнику классика.

Цветок, пружиня, плавно, как будто прицельно, мягко опускается на согнутые руки бронзового Ауэзова.

Все замирают от неожиданности и в суеверном трепете: цветок в руках Ауэзова. Склонные к мистике видят в этом перст судьбы.

Еще один из поэтов подбрасывает еще один цветок.

Полет неудачный.

Хрупкий стебелек ломается, и цветок падает на грязный асфальт.

– Ауэзов не принял его цветок, – проносится в толпе.

Те, у кого воображение посмелее, пророчествуют:

– Он принял его за один из камней, что летели в него при жизни.

А один из молодых поэтов шутит:

– Вы разве не слышали?

Ауэзов сказал: -

– Не возьму!

Запредельный мир

За окном сильный ветер, пыль. Вот-вот пойдет дождь.

Большая с четверть окна форточка не закрывается, деревянная рама рассохлась, не доходит даже до середины. Тщетно женщина пытается ухватиться за маленький шпингалет рамы и закрыть окно.

Прямо перед окнами старая туя, сплошь усыпанная бирюзовыми шишечками с пахучим приторным запахом. Тую окружают старые карагачи с большими полусухими ветвями-лапами. При каждом сильном порыве ветра ветви бьются то ли по крыше, то ли по стене.

Бум... Скр-р... гремит старый шифер, ту-у-х... ударяется форточка об раму окна.

Женщина в полудреме вздрагивает.

Душно. Липкий пот покрывает почему-то только верхнюю часть тела, а ноги мерзнут. Она их сует под простыню. Жарко. Высовывает из-под простыни. Стынут. Снова под простыню. Жар.

Прикладывает подошвы ног, обдающие жаром, к стене. Кирпичная стена на время забирает жар, но ненадолго она успокаивается. Теперь – пронизывающий холод. Стынут кости. Опять под простыню.

Через некоторое время женщина встает, чтобы помыть холодной водой ноги. Немного легче. Но вода быстро высыхает. Опять жар.

А ветер не утихает. Опять скрежет по крыше, опять сильный порыв, будто уже все – конец света.

Тревожно, неспокойно на душе. Кажется, зыбко все, иллюзорно. Полудрема, видения.

...В комнату входит пожилая дама, красивая, насмешливая:

– Ну, вставай, красавица, пора... А я ведь уже вошла в колею. Уже работаю. Вчера давала интервью на ТВ.

– А, – потягивается женщина, – да, я видела Вас по телевизору. Я рада за Вас...

Дама исчезает.

Снова скрежет – крр-р, бум-м, скр-р...

Бедное сердце снова бешено колотится. Женщина старается собрать свои мокрые у корней волосы неуверенной дрожащей рукой, вытирает липкий пот липкой же ладонью и снова моет ноги в холодной воде.

И снова ночь... опять кто-то входит. Она разговаривает с ним... Потом пытается снова оградиться от жуткой ночи. Может это не в дверь, а в окно к ней лезут все, кого она не хочет видеть, или с кем не хочет говорить.

Просыпается от какого-то навязчивого зуда. Окончательно удается очнуться тогда, когда уж невмоготу. Она встает. Голова тяжелая. Болит.

Свет.

Муравьи. Мелкие на серой смятой постели.

– Ну ладно, это не самое страшное... – Выключает свет.

Снова душная, жаркая постель. Снова мысли – навязчивые, тяжелые. Она старается гнать их, но они снова и снова лезут. Лезут воспоминания. Некоторые – из дальше некуда...

Вспоминается знакомая, недавно умершая. Ее синяя, в подтеках спина... Двор других знакомых. Готовятся поминки. Вроде муж хозяйки болел тяжелой болезнью и давно уже умер. Народу не так много. Особой печали нет. Умер и умер, ничего особенного. Вдова деловита и скора на решения.

Непонятно почему, но проводят эксгумацию. Отрывают косточки с мясом, собираются сварить гостям.

А она, соседка той самой вдовы, мечется, пытается отговорить, обещает все расходы по мясу взять на себя...

Снова явь возвращается к ней...

Мокрая, она встает, заходит в ванную комнату.

И слышится сдавленный приглушенный голос в ночи:

– Прости меня, СОЗДАТЕЛЬ.

Много зелени, мадам

– Много зелени, мадам, – беспристрастным тихим голосом говорит пожилой мужчина женщине, стоящей за барной стойкой.

Сразу видно, что он неплохо выпил, хотя и держится.

– Да-да, конечно, зелени будет много, – отвечает женщина в более чем зрелом возрасте.

Он пристально и долго смотрит на нее.

Теперь уже не редкость, когда за баром стоят и мужчины, и женщины в возрасте. Привычно глазу, когда за баром работают молодые парни. Но времена изменились и хозяева нередко сами обслуживают клиентов: экономится не только зарплата, но и устраняются хищения и разного рода нарушения.

Женщина, деловито приняв заказ, который предшествовал этому «Много зелени, мадам», отдавала распоряжения кухне, а мужчина продолжал пристально смотреть.

Она была в блузке в черную клеточку на фоне лимонного цвета. С лимонным цветом неплохо сочетались ее украшения – малахитовый набор: клипсы, крупный перстень и небольшие бусы из крупных, разного размера бусин.

– Много зелени, мадам, – настойчиво и тихо повторил он.

– Да-да, зелени в салате будет много, – подтвердила опять женщина.

– Нет, мадам, на вас много зелени. Это – лишнее, – сказал он, показывая на бусы.

Женщина смущенно закивала головой, говоря:

– Да-да, зелени много.

После его ухода, она задумывается...

– Малахит называют камнем любви...

Она вздрагивает в догадке.

– Мадам, вы хотите слишком много amours?! – слышится ей его насмешливый голос.

Спасск

Звон тишины да завывание ветра.

Степная трава то пригибается, то, взъерошенная под натиском ветра, поднимается, как будто отчаявшись.

Далеко, насколько хватает глаз, – холмики, стелы, надмогильные камни.

Вдруг сдавило горло, слезы подступили к глазам, а губы, не слушаясь, скривились.

Скорбная, безмолвная сила безвинно загубленных душ исходила над степью, как жар.

Край ее выплескивался
через меня...

Во время половодья прорвало, говорят, дамбу.

Вода хлынула и накрыла кладбище японских военнопленных, находящееся рядом.

Так образовался залив.

В народе его называют Японским.

Вот судьба...

В чужой земле, уже и под чужой водой.
Но уже со своим именем.

Говорят, были и побеги.

В числе других совершали их и японцы.

Хотя знали, что не уйти.

Это, наверное, сродни харакири или сэппуку...

Коварная буква

Ручка скользит по блестящей поверхности бумаги. Текст идет более или менее быстро, пока не наткнется на букву «я».

Эта коварная буква в середине слова вроде бы ничего, но стоит ей занять позицию самостоятельную – всё! Она сразу же преображается: подбоченивается, или гордо выпячивается, или презрительно выгибается, или высокомерно вытягивается. Не совладать!

Некоторые стараются избегать ее, а некоторые – дружат. Но она одинаково коварна со всеми.

Написать «Я» – выдать себя: какой ты есть – гордый или высокомерный, преуспевающий или неудачливый, уверенный в себе или робкий.

Особо нервные авторы не выдерживают – подправляют ее. А это целая проблема: буква не слушается, вырывается, выказывая нахальный норов; приходится еще раз подправить – опять не то: она становится жирной, неопрятной, выдавая все сомнения. Автору даже нехорошо: проклятая буква выдает тебя с головой – и амбициозность, и тщеславие, и гордость. И бог знает, что могут подумать!

От усердного желания выписать ее как можно скромнее она становится еще более жеманной, еще более броской, еще более дерзкой, как самоуверенная девица; толстенькой, кругленькой, как веселенькая баба; долговязой, как жердь, с вытянутым овальным верхом, как вздорный мужичок...

Я, я, **Я,** *я,* я, **Я,** ***Я, яяя***... яяя... *Я*, **Я,** *Я...яяя...*яяя...

Не правда ли, у каждой из них свой характер?!

Общий знаменатель

Вроде как у подножья горы источники оба чистые.

Но вот растеклись, соединились с другими, текущими рядом, образовав ручейки. Вроде как тоже не сильно испортились, но разбавились. Пополнились. Другими наполнителями... Подругому не получается.

Но хотелось бы сохранить чистоту... И даже ...независимость.

А наполнители – у них свои качества, свой норов, своя правда. У них свои корни и своя крона... а как на всех растянуть тень?!

И вот уже дилемма – как и что?!

И вот наступает пора, когда надо подумать, как отойти хорошо...

Уйти хорошо – проблематично: надо найти общий знаменатель.

А рядом – числительное, подобное ангелу...

Иногда уподобляющемуся ...падшему ангелу.

Каждому своё…

Старая ива и клен, сросшиеся корнями, как будто отвернулись друг от друга, покосившись в разные стороны.

Но кроны сходятся и вместе уходят ввысь.

Ствол клена гладкий, а ива покрылась наростами. Причудливые шишечки, живущие своей, отдельной от ивы жизнью, похожи на диковинных зверьков, птичек...

В просторном сельском дворе тенисто, тихо. Сюда не залетают вороны, сороки, афганки. На лужайке удоды длинным острым клювом вытаскивают что-то из земли.

Красивы удоды... грудка цвета кофе с молоком, три черных пятнышка в столбик на хохолке при взлете раскрывающемся, как веер, полосатые крылышки, как бока у зебры. Их и не слышно. Людей не боятся, расхаживают степенно.

Пищит кукушонок, перелетая с ветки на ветку. Клюв и не закрывается: то пищит, то ест. Мамаша в несколько раз меньше его, но преданно таскает и таскает ему еду.

А в двух километрах – озеро.

Там полно ласточек, стрижей, чаек.

Всё как у людей.

Каждому своё...

Прелюдия к финалу

Осень. Поздняя осень.

Пустынно в саду, где еще недавно все цвело.

Сохранились только едва успевшие раскрыться соцветия хризантем, с растекающимися переходами от белого до розово-сиреневого...

Звучит метель Вивальди, ALLERO NON MOLTO.

Но ведь следом LARGO...

Не всё так плохо.

Римма ХАНИНОВА

Ханинова Римма Михайловна кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Калмыцкого госуниверситета.

Автор двух сотен статей по истории русской литературы XIX-XXI веков, по истории литературы народов России.

Монографии: «Поэтика малой прозы Всеволода Иванова: психологический аспект». – Элиста, 2006; «Этнопедагогическое и этнокультурное наследие в творчестве Михаила Хонинова» (в соавторстве с Э.М. Ханиновой). – Элиста, 2008; «Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов». – Элиста, 2008.

Поэт, переводчик, драматург. Пишет на русском языке. Член Союза писателей России, член правления СП Калмыкии «Шинрлт» («Обновление»), член редколлегии журнала «Теегин герл».

Сочинения: Зимний дождь: Стихи. – Элиста, 1993; Взлететь над мира суетой: Стихи. – Элиста, 1994; сб. День влюбленных: Стихи. – Элиста, 1997; Умная мышка: Стихи для детей. – Элиста, 2002; Час речи (в соавторстве с М.В. Хониновым): Стихи и поэмы. – Элиста, 2002; «На перекрестках Софии и Веры…» (в соавторстве с И.Б. Ничипоровым): Стихи, поэмы, эссе. – Элиста, 2005.

Запах полыни

Моему сыну Ильясу

Узнаю от друга и от брата,
Как давным-давно у них, в горах,
Родилось чеченское преданье,
Что кочует вольно на устах.

Некогда в Ичкерии остался
Храбрый воин, молодой калмык,
Ханский сын, и кем бы он ни звался,
К горцам постепенно он привык.

Красота горянки, дар джигита
Крепче всяких уз у кунака,
И уже из памяти изжита
Старая отцовская рука.

Хан обнять наследника мечтает –
Из степей гонцов с наказом шлет,
Но в пирах-охотах время тает,
Как под солнцем твердый горный лед.

И однажды мудрый хан, подумав,
Всаднику вручил не письмена,
А мешочек маленький, упругий,
Чтобы вспомнил сын их имена.

И, когда в шатре своем тесемку
Развязал, не ведая, калмык, –
Сразу запах он узнал тот горький,
Что единствен, как родной язык.

Запах родины, степной, полынный,
Кустиком в ладони восстает,
Сизый цвет крылом своим орлиным
Манит в вечность – в синий небосвод.

Пряный запах лишь тому приятен,
Кто сравнит и выберет одно,
Этот запах тем теперь и знатен,
Что полынит память заодно.

Караван и войско – кони, люди –
К нам идут, домой, издалека,
А на белом вожаке-верблюде
Пахнет компасно, покоится трава...

Джомба

Калмыцкий чай...Воспет своим народом
В пословицах, йоря́лах[1] и стихах...
Сродни аршану[2] он в божественной природе,
Хоть жидок, но первенствует в устах[3].
Джомба́[4] как мать среди калмыцкой пищи,
Начало и конец в пиру или в миру.
«Пить нечего, но любит даже нищий
Джомбу»[5], – так говорили в старину.
«Пусть будет аага́[6] полна!» – желали
Добра и благоденствия в пути.
Чай наливая вволю, предки знали:
Чуть до краев не должен он дойти,
Иначе гость, обидевшись на скупость,
Вверх дном вдруг опрокинет пиалу:
Проклятие посудой или грубость –
Позора не избегнуть никому.
Пусть чаепитие продлится на здоровье,
А чаша не щербится там во зло,
Пусть солнцем обернется чай, чтоб с кровью
Мешалось молоко и масло заодно.
Без сахара и меда, чай соленый:
«Без воли силы нет, без соли вкуса нет»[7], –
Он жажду утолит и в полдень знойный,
Как будто солнечным лучом в мороз согрет.
Чай в пиале кочует, поварешка
Старушкой ловко приютилась на краю[8],
Запрыгивает в чашки, как матрешка,
Зовет зазывно, словно бы в раю.
И десять раз меняется за чаем
Калмык с горячей пиалой в руках[9],
И кажется ему – век нескончаем,
Как степь бесконному в глухих солончаках.
И кажется, он в Бу́мбе[10] у Джанга́ра[11],
Один из тысячи его богатырей,
Бронзоволицых от джомбы, загара,
Бесстрашных, точно тысяча зверей.

...Чай, сохраненный предками, будь крепким,
Как легендарное его копьё в боях.
Чтоб род степной продлился, был нередким, –
Пей чай калмыцкий вволю в пиалах!

Сердце оливы

Скорбь истинная, право, не кокетка:
Что ей молва, хула или любовь?
Все сокровенное она откроет редко:
Чужая боль – такая ль это новь?

Как внешнее порою столь невинно
Скрывает суть от посторонних глаз,
Так у оливы старой сердцевина
Со временем пустеет без прикрас,
А на стволе извилистые раны
И щели, как морщины на челе,
И вечно зеленеет, как ни странно,
В сухой, безводной, каменной земле...

В час смерти Магомета все живое –
Велик Аллах, и с ним его пророк –
В скорбь погрузилось черную без слова,
Казалось, что на долгий-долгий срок:
Померкло солнце, замолчали птицы,
Листва опала и вода ушла...
И лишь олива зеленью лоснится,
Как будто безразличием полна.
Спросили возмущенные деревья:
«Ты не скорбишь со всеми. Почему?»
Ответила с достоинством и с честью:
«Вы сбросили в знак траура листву –
Лишь волосы свои, такую малость.
А у меня же сердце наяву
На части сразу с горем разорвалось».

---

[1] Йоря́л – благопожелание.
[2] Аршан – божественный нектар
[3] «Хотя чай и жидкий, он первое угощение» – калмыцкая пословица.
[4] Джомба́ – калмыцкий чай лучшего приготовления.
[5] «Пить нечего, а любит джомбу» – калмыцкая пословица.
[6] Аага́ – деревянная пиала
[7] «Без воли силы нет, без соли вкуса нет» – калмыцкая пословица.
[8] «Коренастая старуха подпрыгнула на верх кибитки. (Половник)» – калмыцкая загадка.
[9] «Пока выпьет чашку чая, десять раз изменится» – калмыцкая поговорка
[10] Бу́мба – обетованная страна в калмыцком эпосе «Джангар».
[11] Джа́нгар – эпический хан-герой.

Две жизни

Обычай древний моих предков –
Косу девичества делить –
Не соблюдают: это редкость.
Не повод нынче слезы лить,
Что не сплетешь уже, как прежде,
Двух кос в одну – ведь нет чудес:
Не возвратить в былой надежде
Девичий путь теперь и здесь.
А мне все кажется с годами
В обряде – магия любви,
Когда жена с шиверлыка ми[12]
Хранит две силы – две крови.
В двух косах – жизнь ее и мужа,
Защита, тела оберег:
Злой дух ли, зной ли, буря, стужа –
Забудут вражеский забег.
Тому порукой и току ги[13],
Те серебрятся на чехлах,
Они в сакральном жизни круге
Стрелой противника разят.
Подвески женские, звените
Под звон домбры, неся добро,
Как солнце яркое в зените,
Сквозь все столетия равно!

***

На вкус и цвет друзей, известно, нет.
Заметки Пушкина тому вновь подтвержденье:
Не высказал приязни наш поэт –
Калмыцкий чай не вызвал вдохновенья.
С бараньим жиром, с солью, с молоком
Из рук калмычки ковшиком он принял –
И перевел дыханье лишь с трудом,
Вершины гор кавказские завидев.
Сей злополучный завтрак пикника
Нет, не затмил степной Цирцеи обаянья,
Суровой прозе вняв, поэт слегка
Обогатил гастрономическое знанье.

12 Бу́мба – обетованная страна в калмыцком эпосе «Джангар».
13 Джа́нгар – эпический хан-герой.

Эка ГАГАНИДЗЕ

Эка Гаганидзе – грузинская писательница. По образованию – филолог. Окончила Тбилисский государственный университет им. И.Джавахишвили. С 90-ых годов печатается в различных литературных журналах и антологиях.

Первый сборник ее рассказов был издан издательством «Мерани» в 2001 году, а в 2007 году вышел второй сборник рассказов писательницы (издательство «Некер»).

Лауреат нескольких премий по литературе:

1998 – «Бестселлер», премия тбилисской мэрии и Союза книголюбов.

2001 – премия конкурса, организованного детским фондом ООН UNICEF.

В 2005 году рассказ «Дважды в неделю» прошел номинацию «15 лучших грузинских рассказов» -2005г.

Рассказ впервые опубликован на русском языке в Альманахе современной азербайджанской и грузинской прозы «Красный мост» – Баку, 2008.

Рассказ «Дважды в неделю» вошел в англоязычный сборник «P.S. литература», который был издан в 2006 году специально для франкфуртской международной книжной ярмарки.

Дважды в неделю

Мы встречаемся дважды в неделю. Каждый из нас имеет собственный ключ и может ходить туда, когда вздумается. Но так почти никогда не бывает. Свидание у нас назначено около оптовой аптеки, перед столбом со светофором. Сразу же, при появлении знакомой машины, я вся подбираюсь, сосредотачиваю внимание, чтоб успеть приоткрыть дверцу медленно ползущего «Опеля», подобрать полы пальто и сесть в машину до того, как недовольные минутной задержкой водители начнут оглушительно сигналить, и к тому же заслужить одобрительную улыбку Нугзара.

Мы ездим туда вместе на серой машине с такими удобными сидениями из мягкой кожи, на которой я с таким удовольствием прокатилась бы по ночному городу – пусть не очень освещенному, но все же такому прекрасному, погруженному в легкий печальный туман... А если еще засверкают звезды во всей своей красе, то город начинает поглядывать кокетливо, как девушка, вплетая в свою Куру-косу сияющие блестки. Но я прекрасно понимаю, что желание на то и есть желание, чтоб навсегда оставаться таковым, и что гораздо выгоднее приспосабливаться к действительности, в данном случае, к отношениям мужчины и женщины, чем вешать нос и надувать губки.

Так что сижу в комфортабельной машине и любуюсь пейзажем, который за два года примелькался не меньше наклейки на стекле. Привыкаю и к неизменной, вроде пейзажа, мысли, что город скучен, как процедура, повторяющаяся каждое утро, например, заправка постели, и изношена как обувь, которую бессмысленно носишь уже несколько сезонов.

Нугзар всегда покупает по дороге пирожное, всегда по два кусочка разных сортов, или мороженое и апельсиновый сок. Выпивка – в холодильнике. Кофе – в шкафчике. Всегда. Неиссякаемый запас. Нугзара беспокоит сердце. Аритмия или что-то в этом роде, поэтому мы пьем понемножку. Он – водку. Я – пиво, чуть-чуть, и то нехотя. Сидим в маленькой, однокомнатной квартире на шестом этаже высокого блочного здания на окраине города, сидим и всасываем ртом жидкость, ушами – тишину, глазами – наши окаменелые лица. Сидим и отдыхаем. Этот отдых мотивирован необходимостью отдышаться и восстановить силы после восхождения пешком на шестой этаж – лифт в здании безнадежно испорчен. Временный покой. Я сижу и блуждаю в лабиринтах кроссвордов, а Нугзар думает о машинном масле или о взлетах и падениях курса доллара. Наверное, так, я нисколько не сомневаюсь в своей интуиции. А что же делать? Сидим и ждем, когда дадут свет. При свете свечи или лампы не сыграешь в карты, не посмотришь телевизор. А

магнитофонные батарейки как всегда сели, не помогают даже вмятины и раны, которые мы им беспощадно нанесли, и бедный аппарат хрипит, как в агонии.

Сидим, попиваем, иногда чай или кофе, курим. Нугзар не особенно болтлив, предпочитает слушать. Ведь хорошо развитые органы слуха – привилегия мужчин. Поэтому чаще говорю я – рассказываю про работу, придумываю шутки (в основном это интерпретации юмористических страничек разных журналов). Пытаюсь развлечь его, потому что если я ему надоем, то он может и отобрать у меня ключи. А я предпочитаю ездить сюда дважды в неделю, чем вообще никуда не ездить.

Иногда звонит телефон. Если у него напрягается лицо и начинает дергаться жилка на скуле, значит, – это жена. В основном она просит захватить газету с недельной телевизионной программой или средство для мытья посуды. Нугзар отвечает утвердительно и кладет телефон на стол. Мобильник подмигивает мне зеленым глазом и дает добро на продолжение разговора.

Вот уже девятнадцать и плюс два столетия существует керосинка. От «Фуджика» веет теплом, и я верчу перед ним озябшими пальцами и пытаюсь вспомнить какую-нибудь историю про керосинку. Может быть из бабушкиных рассказов. Но истории про керосинки настолько древние, что их не помнят даже бабушки.

Иногда мы, проголодавшись, идем на кухню. Там я опять болтаю, курю, сажусь на табуретку и стараюсь не терять времени – делаю упражнения для шеи. Позвонки издают треск. Смотрю на Нугзара, как он режет колбасу, взбивает яйца, делает подливку, потом хватает раскаленную ручку сковородки рукавом свитера, ставит на стол, едва избежав ожога, дует на пальцы и говорит: «Гаси сигарету». Едим с аппетитом, несмотря на то, что неторопливые движения наших челюстей и плавное скольжение вилок и ножей по тарелкам строго-настрого подчинены требованиям этикета. Кокетничаем друг с другом. Мне всегда нравились мужчины, хозяйничающие на кухне. Ем и улыбаюсь внезапно возникшей мысли: мы живем здесь постоянно, а не наведываемся два раза в неделю. «Прелесть!» – хвалю его творение и свою мечту.

В ванну заходим по очереди. Блаженство, которое испытываешь, окунувшись в теплую воду, обычно длится недолго, так как Нугзар нетерпеливо стучит в дверь. Я нехотя выхожу из ванны, быстро вытираюсь и забираюсь под теплое одеяло. Сворачиваюсь клубком и жду окончания его доли водных процедур. «Безопасный секс», – говорит Нугзар каждый раз одним и тем же тоном, раздирая обертку. Секс с презервативом. Терпеть не могу! Но все равно подчиняюсь. Перед свиданием всегда покупаю две-три штуки в «той» аптеке и прячу в сумочку. На время. Аптекарша уже ничего не спрашивает, безмолвно кладет на прилавок нужное количество блестящих квадратиков. А у меня всегда заранее приготовлены деньги так, чтоб ей не пришлось возиться со сдачей. Неудобно как-то. Раньше, в детстве, я тоже покупала такие штучки, завернутые в блестящую, шуршащую бумажку, только это были жевательные резинки, а вместо молоденькой аптекарши за прилавком стояла стареющая продавщица. И эти две представительницы торговой сети так же несхожи, как и моя воображаемая и реальная жизни, которые с успехом жалят друг друга и подпускают яду.

«С тобой я чувствую себя женщиной» – эта фраза рассчитана на то, чтобы польстить самолюбию Нугзара, и мне нисколько не совестно за свою ложь. Ложь необходима, чтобы хорошенько замкнуться в себе и избавиться от лишних вопросов. Хотя ты тоже неплохо устроилась! Гасишь в пепельнице свою печаль вместе с окурком. Окурки валяются в прозрачной хрустальной чаше, как эмбрионы, и ты довольна – пока не грозит безпенсионная старость, не придется продавать на улице газеты и тысячу мелочей! Ты еще здорова, не просыпаешься по ночам в холодном поту, руки-ноги не затекают, не пачкаешь слюной наволочку. Семенишь по снежку, как лисичка. Прячешь мозги, набитые надеждами и мечтами, под аккуратной прической, и вместо жизненных дорожек и тропинок, стопы касаются асфальтированных улиц и шоссе.

Дважды в неделю, ближе к вечеру Нугзар симметрично распределяет поцелуи на моем теле и начинает дремать, положив голову мне на живот. Поглаживая пальцами волосы на почти лысеющей голове, прослушиваю его получасовое посвистывание и причмокивание. Перегородки в квартире такие тонкие, что отчетливо слышен бой часов на кухне. Бом! Бом! Часы бьют с такой силой, что можно подумать гремят куранты, а на самом деле это крохотные, белые, тонкие, как бумага, пластмассовые китайские часы. Им от силы год-два. Удары напоминают нам, что уже пора. Хоть бы стены в этой квартире стали толще или часы остановились... Быстро одеваемся, бежим по лестнице вниз, садимся в серый «Опель». На этот раз я молчу всю дорогу. Высаживаюсь около аптеки перед светофорным столбом, и иду домой.

Шагаю, опустив руки в карманы и уткнувшись носом в воротник, и думаю о том, как бы мне не хотелось увидеться с женой Нугзара и как хотелось бы, чтобы эта женщина оказалась намного

красивее меня, тогда я бы страдала от ревности и мысли, что он возвращается к ней.

Иду и думаю. Иду и думаю.

Скоро надоедает хандрить.

Иду и уже ни о чем не думаю.

Довольная сегодняшним свиданием, начинаю играть в классики по шатким плитам, которыми вымощен тротуар, как третьеклассница.

Я возвращаюсь домой.

Вот уже двадцать лет каждую зиму одно и то же непреодолимое желание овладевает мной: в морозные дни, когда мой нос или мое ухо становятся явными кандидатами обморожения и в результате неосторожного резкого движения вполне могут грохнуться на холодную землю, меня клонит в сон, вроде бурого медведя. Проспала бы месяца три, весной с теплыми лучами солнца выползла бы из берлоги и пошла в ногу с повседневностью. Хотя, между нами говоря, в этом городе нет ни зимы, ни трескучих морозов, а от медведя меня отделяет длиннейший эволюционный путь...

Сержусь на тбилисскую зиму, которая не способствует исполнению моих желаний. Здешняя погода страдает функциональным расстройством – антероретроградной амнезией. Солнце совсем обнаглело и посылает на землю почти двадцатиградусные лучи. Должно быть, это древние греки вскружили ему голову, и оно действительно вообразило себя Гелиосом. Тепло, необычно тепло для середины января, и домохозяйки, у которых руки чешутся от безделья, вывесили на солнышке свои одеяла. С нудистским бесстыдством стою у окна и скрашиваю пятнадцатиминутное ожидание очередной сигаретой. Не забываю также делать упражнения для глаз, хотя не очень утруждаю их чтением, тем более что давно уже ничего интересного не публикуется. Все уже давно написано и прочитано, но все равно, в последнее время замечаю за собой ассиметрию глаз. Тренирую глазное яблоко: сначала вперяюсь взглядом на царапину на стекле, потом смотрю на аллею вдали. Затем круговые движения слева направо и в обратную сторону. Зажмурилась – открыла глаза, зажмурилась – открыла. Лучший способ улучшить зрение.

Из окна нашей кухни виден только унылый ряд высотных корпусов, если не считать склон далекой горы и маленькую аллею. Сомкнутый ряд блочных зданий как раз умещается в оконную раму, и по цвету напоминает нечищеные зубы. Вообще-то, смотреть в чужие окна не ахти какое развлечение – видишь незнакомые фигуры, чьи движения так похожи на твои.

О-о-о-й!.. Протяжное междометье оглушило меня, как удар в двести двадцать вольт. Неожиданно перед глазами возникло незнакомое лицо. «Голая женщина с сигаретой в руке, зверски вращающая глазами, – интересное, наверное, зрелище», – это я подумала позже, ночью, уже лежа в своей постели. А в тот момент пепельница выпала у меня из рук.

Отскакиваю от окна, как ужаленная, прячусь за занавеску и боюсь шелохнуться. Чувствую сердцебиение в горле, потом начинает дрожать подбородок. Согнувшись, ползу по холодным плиткам к противоположной стене, наконец, ухитряюсь выпрямиться и краешком натренированного глаза вижу улыбающегося молодого человека. Стоит, прижавшись лбом к стеклу, и силится заглянуть в нашу кухню.

Ищет меня. Вокруг шеи дважды обмотан шарф цвета хаки, концы спущены на живот. Улыбается. Пячусь назад, по моим расчетам, до двери должно быть шага три, и если не споткнусь, благополучно и незаметно выберусь из кухни. Проскальзываю под одеяло, на скорую руку разостланное Нугзаром на тахте, и лежу тихо, как лишившаяся хвоста ящерица. Все не могу успокоиться. Нет, не стоит ничего говорить Нугзару. Мужчины не любят, когда посягают на их собственность. Пусть даже взглядом.

Интересно, кто он? Вполне возможно, что он наблюдал за мой и раньше. Я же такая безалаберная – стою голая у окна и думаю, что меня никто не видит.

– Что с тобой? – для Нугзара я кажусь слишком возбужденной.

– Ничего... – отвечаю я и стараюсь добросовестно выполнить свои обязанности, каковые взяла на себя два года назад.

Перед уходом я осмеливаюсь бросить взгляд из окна. В окне напротив – никого. Может это был призрак?

Но призраки никогда не посещают таких скучных людей, как я, так что свидания через окно продолжались.

Пока Нугзар в ванной, я надеваю халат и становлюсь перед кухонным окном с сигаретой в руке. Мужчина с шарфом цвета хаки уже делает при виде меня приветствующий жест. Стою, курю, смеюсь и постепенно убеждаюсь в том, что это и есть тот самый, мой единственный, ради которого я с удовольствием коротала бы ночи напролет, чтоб связать ему свитер, шелестела бы страницами кулинарной

книги, чтобы приготовить ему настоящий шедевр. А он, намотав на шею шарф цвета хаки, полулежал бы в кресле с газетой в руках, с таинственной улыбкой на лице, которую он так щедро дарит миру.

Спустя неделю я уже знала, что в его комнате стоит одна кровать и один стул. На стуле груда одежды, напоминающая произведение авангардного искусства. Видела краешек стола и лампу со старень-ким абажуром, стакан и глиняную вазочку, полную карандашей и ручек. Зеленая занавеска стыдливо жалась к стене, уступая место сияющей белой занавеске дня. В комнате никогда не загорался свет, а мне так хотелось получше рассмотреть ее! Не помогали вытягивания шеи и восхождения на цыпочки.

С пяти часов до четверти шестого – странный пятнадцатиминутный временной промежуток, когда я могу видеть его! Мы обменивались улыбками, и я тщетно старалась проникнуть любопытным взором поглубже в мир молодого человека.

Нугзар ничего не знал! И не должен был знать. С пяти до четверти шестого... Меня уже не раздражало, что мой любовник надолго уединялся в ванной. Наоборот, молила Бога, чтобы это уединение длилось дольше. Скрип двери ванной комнаты будто проводил грань между моими надеждами и моими обязанностями, которые я добровольно приняла на себя. Я уже чувствовала, что не остановлюсь ни перед чем. Счастье ждало меня по ту сторону оконного стекла. И я волновалась, сердилась, кипела, как поставленный на плиту чайник. Но, с другой стороны, понимала, что необходимо терпение. Еще немножко и я смогу гордо бросить в лицо Нугзару все, что я думаю о нем и о его сексуальных актах дважды в неделю. Сейчас Нугзар вызывал во мне ироничную улыбку. Я внезапно обнаружила, что он невзрачный, некрасивый, лысый, да к тому же с животиком, словом – ничтожество, и оставалось только удивляться, как это я до сих пор не заметила его недостатков, которые с каждым днем все больше бросались в глаза. Когда он режет хлеб, у него подрагивает животик. После еды он вычищает себе зубы спичкой, с причмокиванием глотает остатки пищи. По лестнице взбегает с неподходящим для его возраста легкомысленным пританцовыванием. Выпендривается. И, несмотря на то, что моется каждый день, у него воняют подмышки.

И как это я встречалась с ним все это время? Наверное, из жалости, а что же еще?! Еще немножко терпения. Пока не наступил тот заветный час. А до тех пор я тихо радовалась, верила, что там, в здании напротив, живет он, тот самый единственный... Жаль, что не с кем поделиться этой тайной!

Спустя две недели он вывесил на своем окне бумагу большого формата. «Завтра, в семь, в саду у оперы» – огромные красные буквы. Я торопливо закивала, боясь, как бы он не передумал. А он, сворачивая бумагу, не заметил моего движения. В тот вечер я много смеялась и смешила Нугзара, рассказывала ему невесть откуда оказавшуюся в моей памяти уйму анекдотов, хохотала до слез, дрыгала ногами и повторяла про себя, чтоб не забыть: «Завтра в семь».

В тот вечер мне не терпелось попасть домой. Столько дел! До свидания оставалось каких-то двадцать четыре часа! Двадцать четыре часа – это ничто, когда нужно привести себя в порядок для встречи с желанным мужчиной. Занавеска на его окне зеленая. Видимо, это его любимый цвет. Нужно как следует перебрать свой гардероб. Там обязательно должно быть зеленое платье или хотя бы свитер. Если нет, придется позаимствовать у подружки. Всю ночь я ворочалась с боку на бок. Кажется, наконец, мне все-таки удалось заснуть, потому что во сне я увидела день нашего свидания: падал теплый снег, я сидела в саду на длинной скамейке, и пальцам моих рук было тепло, в отличие от пальцев ног, потому что он держал меня за руки и дышал на них, чтобы согреть. «А у меня бородавка на среднем пальце, смотри», – смеюсь я и не могу вынести тепла, вливающегося в мое тело через руки. Затем я сижу и ем варенье из белой черешни, катаю во рту косточку, а он ползает под столом и играет с дочкой моей подруги. Подруга сидит напротив и делает вопросительные гримасы, мол, кто он, а я хохочу и игнорирую ее любопытный взгляд.

Утром, в полдевятого, я позвонила на работу. Жаловалась на недомогание и кашляла в трубку. Мне сейчас не до работы! Слава Богу, освободили. До семи часов оставалось совсем немножко времени! Зеленое платье действительно оказалось у меня в шкафу. Правда не очень новое, но ничего, сойдет. Главное, оно зеленое. Это главный аргумент в его пользу, сегодня зеленый цвет не заменит ни один другой. Ей Богу, готова была даже губы покрасить в зеленый цвет. Глаза ни в коем случае не обойдутся сегодня без цветных линз. Зеленых, разумеется. Так надо. Сегодня я должна быть красивой, как никогда...

Эпизод для заинтересованных лиц.

Место действия: дом чая «Винсент».

Время действия: семь часов пятнадцать минут.

Действующие лица: зеленоглазая женщина, двадцати шести лет, в зеленом платье. Мужчина

– примерно того же возраста, с шарфом цвета хаки.

Действие: чаепитие.

Картина единственная.

Кафе. Один официант и двое посетителей. Слышна какая-то негромкая музыка.

Молчание нарушает мягкий мужской голос.

Мужчина: Я рад, что мы встретились.

Женщина: И я тоже.

Мужчина: Может, пирожное?

Женщина: Нет-нет, спасибо, после шести стараюсь воздерживаться.

Мужчина: Потому-то и выглядишь так хорошо.

Женщина (улыбается): Может, перейдем на ты?

Мужчина: Давай.

Снова улыбки.

Мужчина: Чем ты занимаешься там, в том доме?

Женщина (с трудом делает глоток): Видишь ли, у меня профессия такая… необычная… Меня рисуют, ну… как тебе объяснить…

Мужчина: Понятно. Так я и думал. И много их?

Женщина: Не так уж…

Мужчина: Хорошо платят?

Женщина: Неплохо.

Мужчина: У меня к тебе просьба.

Женщина (ставит чашку на блюдце, дышит глубоко, стараясь успокоиться: «Боже мой, о чем он собирается просить? Если пригласит домой, обязательно пойду! А он не будет шокирован, что я так быстро согласилась? Ну и что, подумаешь!..»): Слушаю тебя.

Мужчина: Как бы это сказать… Как только я тебя увидел, сразу захотел познакомиться. Знаю, ты не откажешь… Я тоже хочу позировать. Спроси у них, может им и мужик нужен? Ты не думай, я бывший спортсмен, занимался водным поло, мускулы у меня еще ничего. Подзаработаю немножко. Сама знаешь, время такое. Не лишнее будет. Как думаешь? Получится?

Женщина: Конечно, конечно, получится!

Занавес не нужен. Тем более, зеленый!

Мне так одиноко!

Иногда очень хочется плакать.

Просыпаюсь. Моя комната. Ночная тьма поддерживается плотными шторами.

Как только начнет светать, поищу кошку. Она должна быть где-то здесь. Прячется. Но я ее все равно найду. Напою молоком с дихлофосом. Поглажу немного по шерстке, и она умрет. У моей Фло (так звали бы мою кошку, если бы она выжила) полоски как у тигра. Пересчитаю их и буду оплакивать ее на столько ладов, сколько полосок у нее на спинке, и мое сердце устанет. Усталость заставляет забыть об одиночестве и тоске…

Днем чувствую себя лучше. Ум прополот не хуже поля. Ни одного сорняка. Ни одной сорной мысли. Живу надеждой на скорый приход весны.

Недавно шла мимо парка «Мзиури». Из глубины сада доносились музыка и хриплые голоса, сорванные ораньем в микрофон. Я присоединилась к потоку молодежи. Расположенные амфитеатром скамьи вокруг открытой сцены были полны пестрой толпой. Я уселась рядом с завернутой в белую простыню фигурой, напоминающей араба. Щелкнула зажигалкой и пока выкурила одну сигарету, успела узнать, что проводится какой-то фестиваль под открытым небом. В нижней части сада прогуливались художники и рассматривали собственные рисунки. Со сцены читали стихи все, кому не лень. Кривоногий парень в шортах жевал жвачку, раскачивал микрофон и кричал в него: «Кому не нравятся мои стихи, пошли все на…». Мне стало жалко людей, которые рукоплескали вокруг. Пока поэты сменяли друг друга, веселые девчонки с картонными коробками в руках раздавали зрителям презервативы.

Я тоже взяла пригоршню и пошла домой. Несколько дней презервативы лежали в моей сумочке, потом я их выбросила. Лучше покупать их в аптеке. Опять собираю мелкие монеты и протягиваю их на ладони знакомой девушке.

Мы могли бы встречаться и у меня дома. Но Нугзар говорит, что снятая квартира на окраине надежней. Ну что ж, пусть будет окраина, если ему так хочется… Дважды в неделю стою у оптовой аптеки около светофорного столба, жду появления серого «Опеля», и сердце замирает – а вдруг он не приедет…

Дина АРМА

Хакуашева Мадина Андреевна, родилась в Нальчике. В 1981 г. окончила медицинский факультет Кабардино-Балкарского государственного университета, в 1985-м — клиническую ординатуру по кардиологии при Первом медицинском институте в Москве, в 1987-м — аспирантуру при Институте профкардиологии Всесоюзного научного кардиологического центра. В 1992 г. экстерном окончила филфак КБГУ, в 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию «Онтологические основы адыгской мифологии», потом докторскую — «Художественная актуализация онтологических основ адыгской мифологии. Формирование литературных архетипов». Работает старшим научным сотрудником Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований РАН. Публиковалась в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» под псевдонимом Асхад Гуазов. Фрагмент из романа «Возвращение домой» — «Кабардинская усадьба» — вошел в антологию «Современная литература народов России». Роман «Дорога домой» вышел в издательстве «Эльбрус» (Нальчик) в 2009 году.

Притча

«Плачет Рахиль по детям своим
и не может утешиться,
Ибо нет их»

Собрал однажды творец вездесущий подвластных богов на священной горе и провозгласил: «Бессмертные! Отныне от вас пойдут и нарекутся народы. Найдите имя им!» Молодой черноволосый бог Тха смотрел на розовеющее рассветное небо. «Ау, Дыгъэ!» – воскликнул он на своем странном гортанном языке при виде солнца. «Что ж, пусть его народ зовется адыге – дети солнца», – решили боги.

И пошли от богов народы, которые нареклись разными именами. Но грешной оказалась жизнь смертных, и Всевышний наслал на них потоп. Среди всех спаслись только праведные в Ноевом ковчеге. Не стало суши, и на 40 дней мир поглотили воды. Чтобы найти землю, дважды выпускали они белую птицу, во второй раз прилетела она с зеленой веточкой мирры, а на третий раз не вернулась, найдя сухое прибежище, и дети Тха, что были среди праведных, назвали ее божьей птицей – тха-руко[1]. Отхлынули воды, и обнажилась твердь обновленной земли, что оказалась горой Эрцаху, где и по сей день стоит остов ковчега. И даровал Господь адыгам цветущие земли Черного моря и Меотиды с горами, предгорьями, плодоносными равнинами и полноводными быстрыми реками, и цветущие земли Западной Анатолии, северной и центральной Малой Азии, и благословил их на земле своей. Завоеватели, смешавшись с хаттами, образовали великое Хеттское царство с главным городом Хаттусасом, которому покровительствовала воинственная богиня Инара, что дала начало адыгскому роду, здравствующему и поныне. Адыгское племя каски получило имя свое от хаттского бога луны – Кашки. Те, что расселились по берегам Меотиды, стали зваться меотами.

И во временах, опрокинутых в небеса, на дне текучих вод и глубинах земли запечатлелись смутные кольца, в которых была воздвигнута и обращена в руины роскошная страна Синдика, процветавшая на морском берегу, созданы и забыты письмена, напоминающие таинственные греческие иероглифы, возведены на трон и уничтожены царские династии Спартокидов.

Множилась и росла мощь и сила их, ибо были они любимы создателем. Умножались по его воле люди родов, чтобы походить на своего создателя. Но иные, приблизившись к божественному совершенству, получали вместо милости гнев господний. Такие чаще всего оставались бездетными и обделенными судьбой, будто редкие избранники, достигшие в своем совершенстве небесных высот и дерзнувшие встать вровень с ними, лишались своего продолжения во времени. Или, достигнув предела, были остановлены невидимой чертой. Ибо умножение рода – это только беско-

[1] Тхаруко (каб.) – голубь.

нечная попытка достичь совершенства, но не пребывание в нем, и человеческий род – это только колесо божественной колесницы, а не стрела, достигающая солнца.

И зачинал Всевышний детей своих в солнечном лоне горячей любви, и были они истинными детьми солнца; их огненные души и сердца помещал он в надежные сосуды крепких тел и молчаливых уст. Младшие боги, горячо любя народ свой, принимали человеческий облик и заходили в дома как гости. Прознали про эту хитрость люди и встречали каждого гостя как бога своего, и первого мужчину, что заходил в первый день после нового года, почитали Созарешем и в честь него ставили грушевую ветку или ветку боярышника с семью сучьями и зажигали на них свечи.

Но другие боги невзлюбили Тха за независимость и гордость. Особенно негодовал могущественный бог Севера Гог. «Он ни во что не ставит богов! – гремел он. – Предпочитает им солнце и свой смертный народ!» Разгневались боги и приковали Тха к скале. Из стекающей на землю крови прикованного бога появились редкие цветы – кавказские крокусы шафранового цвета, что спасали от огня. Так был спасен Медеей Ясон, когда натерся соком крокусов, чтобы устоять перед пламенем огнедышащих медноногих быков Ээта, подаренных Гефестом. В порыве ревности и гнева послал Гог многочисленный народ свой Магог уничтожить народ бога Тха, чтобы овладеть великими землями их с морями, реками и озерами, обширными пашнями, тучными стадами и бесчисленными табунами редких лошадей, цветущими садами и виноградниками, и прекрасными женами их, что во все времена были в центре вожделеющего зрачка. Но нелегко оказалось одолеть детей Тха, ибо то были великие воины.

Тогда прознали Гог и Магог, что сила народа – в могучем дубе, который почитается священным в священной роще. Ее охранял Мазитха, о котором сложили песню:

Тебя именуем Тха лесов. Усы твои –
червонное пламя.
Тебе в молениях возливаем щедро кровь –
питье красное.
Зарезан в дар-жертву тучный белый козел,
угодный тебе.
Перед тобой молодая жена неплодная
на коленях долго стоит.
Белорукий – ты знаешь все.
Могучий – ты низко клонишь вершины дубов.
Одежда твоя – шкура тучного тура.
Ложе твое – место тела слона.
Чистым серебром оправлены рога твои.
Стрела –- сердцевина красного кизила ядреного.
Лук у Мазитхи из ореха – белого дерева,
Головою тряхнешь – по лесу шум идет.
Тогда зверь – о горе, – в норе содрогается.

Бог леса ездил на кабане с золотой щетиной и посылал самок оленей и лосей на опушки леса, и девушки доили их.

К дубу приходили страждущие с самым заветными желаниями, ибо суетные и незначимые дуб не принимал. Желания и надежды горели разноцветными лентами и лоскутами на ветвях дерева. А у корней на алтаре мужчины приносили жертвы богу своему. Чем больше проливалась кровь человеческая, тем обильнее лилась жертвенная, и кора дуба постепенно из коричневой стала багровой, а лоскуты на ветвях пестрели все гуще.

Тогда решили враги уничтожить дуб. Они пришли с топорами, но не успели занести их, как со всех сторон войско обступила стая волков с холодным блеском в глазах. Люди оборонялись топорами, но волки прибывали, а наутро нашли растерзанные человеческие тела. Тогда Магог решил сжечь священную рощу с дубом, чтобы не водилась там смертоносная лесная тварь. В самый засушливый день подожгли сухой валежник, но раздался гул в небесах, набежали облака, и небывалый ливень загасил первые языки пламени. Тогда враги взяли ружья и принялись убивать лесных животных. Однако поднялся ветер, ветви деревьев гнулись и хлестали их лица, а древесные лианы обвивали и опутывали руки и ноги. Люди целились в зверя, но попадали друг в друга. Так погибло большинство из врагов, а те, что остались, в ужасе бежали и прокляли чужой священный лес и хранителя его, Мазитху.

Тогда явился сам Гог, Северный бог, и принялся рубить священный дуб под корень, но топор отскакивал и тупился. Рассвирепел Гог и начал обрубать сучья, и кровь жертвенных животных, обильно питавшая дерево, брызнула на руки его, и на тело, и на лицо, заливая глаза. Ослепленный кровью, Гог продолжал рубить и разметал в разные стороны пышные ветви, увитые лоскутами надежды, лишил дерево кроны и оставил стоять только голый ствол, истекающий кровью.

Прикованный к скале создатель перестал слышать народ свой. И стали выходить из берегов своих реки, переполненные кровью, и жизнь стала соседствовать со смертью так тесно, что граница, разделяющая их, отпечаталась на переносице мужчин, разделив ее глубокой прямой складкой, так что один глаз созерцал жизнь, а другой – смерть, а потому в счастье и несчастье они научились видеть их тесное соседство и смеялись над страданием и печалились в радости.

Глаз мужчин был точен и всевидящ в темноте, как при свете дня, подобно глазу горной рыси, а ухо обрело чуткость дикой серны. Они проникались презрением к любому страданию, так же как к чувству, и умирали без стона. Одним из грехов почиталось излишество – в богатстве, так же как в еде, и так же, как смертоносны были для воина роскошь, нега и чревоугодие, грехом и настоящим проклятием была для него жирная плоть. «Еще не родилась та лошадь, что не околеет под тобой на ближнем переходе», – говорили толстяку.

От вечной готовности к бою их одежда приобрела вид, нужный для войны: на поясе – кинжал и нож, на груди – газыри, бесшумные ноговицы, плотно облегающие стопу, и бурка, которая спасала от воды и холода, служила постелью и невидимым укрытием. Рука их была тверда, как добываемая ими сталь, которую закаливали семь раз, окуная в масло черного буйвола, и к закалочной жидкости добавляли растение зыкъер (зыкер), что росло в горах и делало сталь крепче дамасской. Днем кинжал находился на поясе, а ночью – у изголовья. Оружие никогда не вынималось из рук, и скоро оно приросло к ним. Так душа адыга переместилась в оружие, а у матерей стали рождаться младенцы с кинжалом в руках. Скалистый, узкий лабиринт тысячелетних войн, через который они проходили, отшлифовал их, оставив лишь необходимое: сухое крепкое тело, сильные руки и ноги, ловкие и быстрые, как черкесские стрелы, строгие лица с лаконичными резкими чертами. Но еще сильнее стал их дух, который всегда подчинял тело и повелевал им, и так стала плоть одухотворенной.

И как благословенными испокон веков были сраженные молнией властителя небес Шибле, так благословенными были павшие в бою, ибо доблесть их была священным покрывалом, которая делала их тела нетленными, и над ними не совершали омовения. Один воин из рода Анзоровых был захоронен на поле битвы, но, отправляя прах на землю отцов, извлекли тело через 40 дней и увидели, что тлен не коснулся его. Поэтому, считали адыги, погибшие в сражении были любимцами создателя. Одна княгиня из темиргоевского рода сказала после смерти мужа, который умер пожилым в своей постели: «Из его кожи получился бы хороший курдюк».

Дороже жизни почитался для воина хороший конь, ибо был он осенен звездной рукой самого Невидимого. За него любой мог отдать дом свой, и стада, и пашни, и земли свои, ибо только конь мог спасти от пули, штыка и стрелы, только конь заменял в нескончаемых военных походах убитого друга, живое тепло четырехногого заменяло далекий дом, а умный взор служил безмолвным советом. Лучшие из лучших лошадей породы шолох были отмечены двойной тамгой, – одной от бога, другой – от дьявола, шутили бывалые всадники, ибо никто не мог объяснить соединения стольких достоинств в одном творении: божественной силы, выносливости, скорости, ума и преданности.

Всадник никогда не расставался с конем и вскоре прирос к нему, образовав единое целое. «Шым и лъын-тхуэм ц1ыхулъ ирожэ (в жилах коня течет человеческая кровь)», – говорили люди. Пролетая мимо пеших в сражениях, игрищах и набегах, или в дикой скачке молодого удальства, конь казался с головой и торсом человека, или всадник – с копытами и крупом коня. Греки, что испокон веков жили рядом с адыгами на золотых берегах Черного моря, назвали это существо Кентавром.

Так же, как с конем, черкес никогда не расставался с оружием. Ибо только мужчины могли отстоять два великих блага, которые даровал им господь: прекрасную землю и прекрасных женщин. Но, даровав, тем самым проклял, ибо земли и женщины их испокон веков были в центре вожделеющего зрачка.

Женщины унаследовали красоту земли: как бьющие из земли источники, глаза чисты и прозрачны, как земные недра, – черны и бездонны; так же, как земля щедро омывалась великими морями, реками, озерами и ручьями, так и прекрасные тела их омывались струями алой, горячей крови, в которой растворились морские, степные и горные ветры, наполняющие легкостью и резвостью. Во-

лосы – темны и густы, как леса земли, и так же благоуханны, как цветы и травы. Женщины походили на крепкие плодоносные деревья с глубокими ветвистыми корнями, – они могли устоять в ураган, и гибкие тела гнулись, но не ломались, а корни уходили глубоко вниз, обильно оплетали сердце самой земли, образуя на нем имя Бога, подобно тому, как сосуды, оплетая человеческое сердце, складывают из себя имя Аллаха. И носили они нагрудники и пояс серебряные, ибо серебро залегало в недрах гор и предгорий, и так же, как золото Востока, исцеляло от всякого недуга, а также нечистого мужского взгляда, что не должен был подниматься выше груди, – уязвимость их была столь же велика, как и сила чар. Ибо носила каждая в чреве своем тысячи звезд в двух сияющих сферах, что могли дать жизнь целому новому народу, и цвели они по обеим сторонам божественного лона, напоенного светом нестерпимого солнца, – колыбели бессмертия. Потому каждая почиталась и охранялась как будущая мать целого народа. Чем яростнее разгорался великий дух мужской любви, чем сильней становился бич неистребимого влечения, тем туже затягивался корсет на девичьем стане, том тщательнее изживалось всякое чувство в себе, тем изощреннее насмехались над несчастным, который выказал тень еще не вытравленной любви. Все неистовее насаждался образ непорочной девы, лишенной всякого чувства, которая впоследствии должна была быть лишь надежной женой и хорошей матерью, не вселявшей безумную любовную лихорадку. Ибо это и была сама смерть. Опасная страсть делала тело влюбленного податливым и мягким, как воск, лишала воли и силы, так что руки и ноги отказывались повиноваться, голова горела огнем, а глаза казались дикими и блуждающими. Такие становились первыми жертвами в бою, и на них уже при жизни смотрели как на мертвецов. Но неистребимый властный дух любви, изгнанный из женских телесных пределов, поселился внутри, растворился в каждом изгибе тела, в скупых движениях и словах, в кротких робких взглядах, в затаенном невыразимом очаровании плоскогрудых девственниц, стянутых корсетами, которые в знак великого молчаливого презрения к вечному обузданию женского приобрели неповторимую осанку богинь. Так что сама богиня любви, едва появившись, сразу же сбежала, так и оставшись безымянной. «У них даже есть богиня пчел и бог наездников! Но меня они не замечают, почитая богиней каждую смертную! И каждая же мнит себя богиней! Они предпочитают смертных, зная, что полюби меня кто-нибудь из них – и тот обретет бессмертие и вечную любовь!» – рыдала она подле бога Тха, мучимая ревностью. Великий бог молча гладил ее роскошные волосы; сказать ему было нечего, ибо в каждую из дочерей своих он вкладывал столько любви и страсти, что они являлись свету непростительно прекрасными для смертных, и потому каждая способна была остаться в сердце мужчины вечным образом.

Чем больше зрела в мужчинах неизбывная тоска по любви и теплу, тем дальше уходили они от дома, тем больше согревало их оружие у изголовья жесткого, одинокого ложа. Чем больше они любили и привязывались к детям своим, тем больше сдерживались и отстранялись от них, и отдавали на воспитание аталыкам, потому что то были другие силки любви, и попасть в них значило погубить себя и свою семью. Ибо в непрерывных войнах погибали и похищались дети и жены их, но еще чаще – они сами, отцы, и потери эти могли стать концом каждого из оставшихся в живых. «Не люби! – приказывала жизнь со всех сторон и во все времена, – сопротивляйся чувству изо всех сил, ибо в нем заключается смерть твоя».

Но еще больше истреблялась любовь к себе. Малейшее проявление ее – и быстрее пули и штыка врага такого убило бы всеобщее презрение и насмешки. Чем больше креп и расширялся дух мужчины, что требовал для себя жизни и пространства, тем больше замыкался он в себе. Чем больше разрасталась его сила и знание собственного величия, тем глубже погружалось оно на самое дно суровой души и тайно охранялось там, тем больше смирения он выказывал, ибо мог быть только воином.

Они не звали детей своих истинными именами и давали им множество других, чтобы ревнивые и злобные духи не похитили имя ребенка вместе с его жизнью. Они изобрели язык охотников, чтобы провести хранителя леса, Мазитху, что знал все языки 12 адыгских племен и мог отвести разящую стрелу от жертвы. А на соревнованиях острословов во время праздников, что завязывались чаще на свадебных церемониях, употребляли хорибзэ – язык влюбленных, понятный только двоим. Звуки слов сами несли в себе силу тайного смысла, а потому заключались в единственно надежный сосуд – душу. Ибо слово, озвучиваясь, уносилось ветром в эфир и таяло, как первый снег. Каждый адыг верил сердцем своим лишь первозданной форме чистого смысла, безмолвно живущего внутри. Он не доверял ее звуку и уж тем более – знаку. Сколько раз в тайных мучениях и радостном озарении рождались письменные знаки, но в прозорливом отвращении, внезапно узрев будущее, их создатели бросали труды свои в пылающие очаги. Перелить теплую

живую плоть таинственного Смысла и отдать бездушным знакам – не означало ли это уничтожить его? И снова тайное заключалось только в душе народа.

Но находились те, что видели рождение нового смысла, когда он просачивался на радужке глаза, возле самого зрачка, и таился там, пульсируя и мерцая, не претворяясь в действие или слово. То был нектар или мед, целительная благоухающая смола или драгоценная влага в сосуде, еще не испитая и не тронутая, – то, что красноречивей молчания и глубже морского дна. Они видели его таким, когда он еще мог уместиться на острие иглы, но затем вырастал в мысль. Они замечали начало великой любви в первых биениях новорожденного чувства; видели порождение, становление и закат Тайного, так и не отданного словам и не воплощенного в действие, зыбкое и всесильное Нечто, оставшееся за блеском глаз и мерно дышащей грудью. Они могли видеть невидимое время и отмечали его беглый полет по звездам, на которых оно оставляло млечную пыль.

Но находились такие, у которых Тайное разрасталось и властно теснилось в груди, не находя выхода. Они выпускали на свободу саму душу, облекая ее словами-крыльями, и безымянная правда превращалась в стих, чувство – в песню, а непосильное горе – в гъыбзэ. Потому больше всех любили и боялись джегуако; они были отмечены, ибо обладали силой самого создателя. Они могли сплетать воедино души людей и извлекать из них единый голос, облекая его в слово, которое находило свой обратный путь к сердцу каждого. Они могли внедряться в камень и высекать из его немого сердца песню, становились соком земли, проникали в кровь деревьев и трав и, превратившись в растение, обретали его язык и голос.

Но было Тайное, перед которым в благоговейном молчании отступали лучшие из лучших джегуако, ибо всегда знали в сердце своем: только в молчании отражается величие. И слово оказывалось бессильно перед любовью матери к ребенку, перед любовью к земле и дому, перед любовью к женщине и к мужчине. Языком влюбленных был взгляд, а откровением любви – поцелуй, который отпускал то невыразимое, что было в обоих, и претворял потаенное, что было в них. В нем плескалось безбрежное многоликое море любви. И был он как распахнувшаяся дверь, когда в открытый проем врывается солнце, или как устье, через которое хлынул поток, как небеса, что отверзлись для целительного ливня, как сухой валежник, вспыхнувший огнем. Он соединял душу и тело, и то единое, что возникало в одном возлюбленном, соединялось с единым в другом. Таинство, воплощенное безмолвием.

Когда пало проклятие на землю и род черкесский, сошлись в едином решении четыре воинства с четырех концов света, и уничтожены были поля их, и сады их, и скот их, и сожжены дома. И полилась обильно кровь, так что синие воды трех морей, бесчисленных рек и озер стали красными. Текли красные реки по черной земле. И в зной над ними поднималась розовая дымка, что сгущаясь превращалась в алые облака, которые разбегались во все стороны и проливались красным дождем, и сведущие говорили: «Это слезы черкесских матерей». Они же говорили: «Это великий Тха плачет по детям своим ». Полуденное солнце выпивало кровавый урожай земли, но он был так велик, что не вмещался в его необъятные недра, и багровое варево переливалось через край, растекаясь кровавыми струями на горизонте запада и востока, на закате и восходе. Вслед за смертью приходил великий мор, а следом – другой, что из оставшихся забирал последних. Народ говорил: «Те, что уцелели от гяуров, погибли от чумы, те, что уцелели после чумы, погибли у реки Хумбылей» – ныне река Малка, где в одном сражении в конце XVIII века погибла почти вся кабардинская аристократия.

Не курганы сохранились
На долинах у предгорий.
То в курганы обратились
Наши муки, наше горе.
Опоясавший курганы,
Не скудел поток кровавый, –
То сочились наши раны,
Наша кровь текла в канавы.[2]

И поняли адыги, что проклята земля, род и семя их, и приходит последний час. Среди них нашлась старуха, которая слыла колдуньей: она оживляла умерших младенцев и поднимала на ноги обездвиженных стариков. Ее спросили: «Нас гонят в гнилые болота, где свирепствует лихорадка, а если нет, то через море на Восток. Что нам делать?». И она ответила: «Спросите при-

[2] Шогенцуков А. А. Фрагмент из поэмы «Камбот и Ляца».

дурковатого Мусу». И народ решил, что старуха сама тронулась умом, и оставил ее в покое. Но на всякий случай спросили и Мусу, как быть, и тот ответил: «Адыгами будут зваться лишь те, что останутся на этой земле». Но никто его не слушал. Да и как можно было слушать подростка, который плакал, когда давили муравьев, или часами мог, улыбаясь, глядеть на травинку, будто слушал неведомый разговор, или ложился на землю и обнимал ее, как женщину, со странными словами: «Ты слишком большая, чтобы я мог обнять тебя так крепко, как хочу».

И потянулись подводы на Восток. И великий плач стоял по всей земле. И народ оказался согнанным к берегу моря, и те, которым не нашлось места на чужих переполненных кораблях, нашли смерть свою на родном берегу, и не оставалось среди них никого, кто бы мог предать земле останки их. А те из них, что пересекли море, не утонув в переполненных кораблях, нашли погибель свою на чужом берегу. И обреченные обезумевшие матери искали чужих, чтобы отдать им детей своих для спасения, а те немногие живые, что остались на чужбине, были проданы в рабство. И так ушедшие на Восток нашли погибель свою от нищеты и мора, а те, кто еще оставался на земле своей, нашли погибель свою от штыка и пули, отдавая жизнь за любовь к земле, ибо были пленниками души своей, в которой жила красота.

Ею заболевали в тоске и боли, и она безмолвно жила в них, омываемая молчанием. Ни словом, ни слезой, ни вздохом не нарушался ее целомудренный предел, потому и царила она безгранично. Так же беззвучно прорастали в их душе ростки любви, ненависти и других причудливых сильных чувств и, как дикие древесные лианы черкесских лесов, оплетали их одинокие сердца; ничем не обнаруживалась их тайная жизнь, надежно схваченная броней самой надежной и непроницаемой – безмолвием. Ибо слово превращалось порой из звука в саму смерть: уносилось на крыльях злобной молвы, могло быть услышано дьявольским ухом и обратиться смертоносной стрелой, или подхвачено завистливым джинном, который даже мог проникнуть в душу и разрушить высокий чудесный дом, возведенный там или спалить прекрасный сад, цветущий в невидимых пределах. Иногда слово оборачивалось огненным смерчем гнева; оно испепеляло разум несчастного, и в порыве безумия он мог поразить брата своего. Тогда ночью покидали аулы целыми семьями, а то и родами, бежали тайными ночными тропами, спасаясь от кровной мести.

В одном ауле погибли все молодые мужчины, остались лишь женщины, дети и старики. Среди них был великий джегуако, что всю жизнь ходил из аула в аул, слагал песни, удалившись от всех в укромное место, и по три дня каждой из них обучал учеников своих. Его отец, тоже джегуако, прожил свыше ста лет, ослеп, и имел поводыря из учеников. Его деды и сыновья были джегуако. В женщинах этого рода тоже жили песни, свернувшись до поры, чтобы проснуться в свой черед и быть спетыми своим будущим детям.

В аул этот пришли новые гяуры, которые ничего не знали о гибели мужчин, они собрали стариков и сказали им: «Мы пощадим вас, женщин и детей, если скажете, где скрываются ваши воины». Старик-джегуако выступил вперед: «Хорошо, я покажу, где они», и повел их в горы, выбирая самые узкие и крутые тропы. Они проходили бездонные ущелья и пропасти, где только блуждало неумолчное эхо, потерявшись в узких расщелинах голых скал. «Он хочет погубить нас!» – догадались, наконец, некоторые, но было уже поздно. «Вы отсюда никогда не выберетесь», – сказал старик. «Говорят, что в свое время ты был лучшим танцором, – вспомнил главный из отряда, – танцуй!» И старик начал танцевать. Ему прострелили руку, но старик танцевал. Ему прострелили другую руку, и он танцевал с простреляннными руками. Старику прострелили бедро, грудь, но старик улыбался и продолжал танцевать, истекая кровью. Враги рассвирепели и прострелили ему сердце. Старик успел прислониться к большому валуну, да и умер, будто еще был в танце. Так умирали последние из великих джегуако. Ибо насылались на них воинства числом подобные песку или морским волнам.

И снова погибали мужчины, и песни джегуако не могли заполнить зияющую пустоту их непрожитых жизней, и запах тлена проникал во все живое, и причитали плакальщицы, и стон шел на четыре стороны, а в ночь на вторник возносились молитвы страждущих, разверзались небеса, и приоткрывался божественный занавес, принимая их. И рассыхалась самшитовая колыбель, и прерывалась шелковая нить, и разбивался серебряный кувшин, и иссякал хрустальный родник, и умирала последняя искра огня, и рассыпались жемчужины по сухой земле, и тускнел всевидящий зрачок, угасал последний звук, растворяясь в небесах ущербной луны, и время катилось к своему исходу.

И красота их женщин цвела без глаз возлюбленных, как весенний сад без солнечных лучей, без веселого жужжания медоносных пчел, и бесшумно опадали нежные лепестки пустоцветов, и

налетевший ветер уносил вдаль Тонкое облачко их несравненного аромата, достававшегося только небу. Ибо суженые их были мертвы. И те из них, что не омертвели в ожидании, заполняли комнаты Горьким ароматом увядших цветов и опавших листьев, и дома их покрывались трещинами, как вечно ожидающие лица – морщинами, и по-прежнему бились старые стекла окон от неизбывной тоски, и ночные птицы испуганно вздрагивали и улетали. Ибо суженые их были мертвы. Петли красных сафьяновых коншиба[3], что запутывались, перекручивались для новобрачных, и за порванную петлю острословы слагали кебжек[4], разрубались теперь вражеской саблей.

Сафьяновые коншибы

На груди у нас рвут штыками.

Снимать бы их юным уоркам
Урочной ночью брачной.
Красные стеганые петли
Сплетаем мы белым шелком.

В генеральском дому высоком
Величают меня «кынязь».
Когда ведут меня на ночь в спальню,
То и там толмач мне нужен.
Как взгляну в стеклянные окна,

Все чудится мне пши молодой.
А подойду к белой постели,
Вижу лохматого медведя.
Всю жизнь ходила я на пха-вакэ,
А теперь у ножек кровати
Кровавые слезы роняю.[5]

И женщины их стали походить на сухую землю, что трескалась без живительных дождей, и, вечно живая, мертвела, а суховей разносил только пыль ее. Скудная влага, которую знала земля, не утоляла, но разжигала жажду, – то были соленые слезы. Ибо суженые их были мертвы.

И вдовы кормили младенцев не молоком, а кровью собственных ран, заменяя вечные слова колыбельных песен новыми словами:

Спи, мой птенец, спи, засни.
Золотую куклу тебе шьют.
Слышишь – плачет твоя мать,
Стонет–плачет над тобою.
Ой птенец мой, ой сосунок,
Невеселые дни настали,
Несладкое сосешь молоко!
Но в люльке расти, вырастай.
Окровавлена твоя земля,

Замутилась смутой великой.
Веревкой связали мне руки,
Топором ноги подсекли,
Сосцы мои изранили.
Рану мою соси, птенец,
Кровь мою соси, богатырь!
На свете недолго мне жить.
Мать умрет – не умрет родина.
Как один без матери останешься?
Станет тебе матерью родина,
Наследством –- сабля отцовская[6].

[3] Коншиба (каб.) — корсет
[4] Кебжек (кааб.) – шуточная песня.
[5] Белый цвет у адыгов — траурный
[6] Фрагменты из «Колыбельной песни». Там же.

Среди их снох была одна из соседнего племени тюрков. На третий год она овдовела и прожила в роду мужа 40 лет. Она похоронила многих, из них 12 мужчин, и каждый из умерших оставался в сердце ее. Души их нашли прибежище в доме вдовы, и, куда бы ни шла она, тени покойников следовали за ней, как цыплята, которых она кормила. Она слушала их бесконечные беседы и споры, когда возделывала скудную землю свою за домом, и натыкалась на них в укромных уголках своего двора. Оплакивая очередного умершего, она слышала долгий вздох где-то за дверью или у плетня. Порой тихий смех раздавался из глиняных горшков и кувшинов, куда забирались души умерших детей. Тогда она клала сосуд набок, а сладости – напротив отверстия, чтобы выманить их, ибо, если духи засиживались в горшках, закисало свежее молоко, испарялась или начинала тихо бурлить холодная вода. Последним из рода был ее сын. Его похоронили на бескрайнем кладбище, усеянном жерновами. И когда погребли тело, на вершину холма тоже водрузили мельничный жернов, ибо каменный обруч невидимо сворачивал и соединял начало и конец рода, начало и конец мира, образуя круг, знаменующий божественную пустоту небытия. И в расколовшейся могильной тишине только еле слышно звенел ветер в камышах, извлекая из камыля тонкий звук забытой песни. Похоронив сына, вдова разломала косяк двери, так же, как сделали тысячи тысяч до нее после погребения последнего мужчины рода, села напротив потухшего очага, обмотала руки очажной цепью и окаменела. Глядя на нее, одни говорили: «Вот сама скорбь по сгинувшему роду», а другие говорили: «Вот сама верность мужу и его сгинувшему роду». Но никто не знал о тайном грехе женщины: о ее великой любви к мужу и сыну, что и после смерти была так же сильна, как при жизни.

Затравленная любовь, как голодный волк, оборачивалась порой звериной мордой оборотня, и такой человек становился одержим. Змеилась страшная молва от аула к аулу, скользкая, холодная, и оттого приводящая в озноб, как юная вдова погибшего выла ночи напролет от бесплодной тоски и однажды нашли ее холодное тело с волчьей пастью. И юные вдовы каждого аула из последних сил пытались заглушить в себе дикую тоску. А те из них, кто не надеялся на себя, зашивали свой рот суровыми нитками, чтобы не издать ни звука, – только бы не превратиться наутро в зверя. После сражений среди наступившей могильной тишины скулили только собаки. Но аза, те, что видят невидимое и слышат неслышимое, глохли от неумолчного звериного рева, сотрясавшего черное пространство ночи. Тогда они обращались с воззванием к великому Тха, а эфенди – к великому Аллаху, но рев не прекращался. Некоторые из них бежали из аулов, зажав руками уши, а те, что остались – глохли навсегда. Но наутро, как обычно, розовели и не разверзались немые небеса, равнодушно принимая нечеловеческий вой земли, и так же гасли белые безглазые звезды, не замечавшие с небесных высот ужас, творимый под солнцем. Рассказывали шепотом, как у бесленеевского уорка гяуры похитили жену, пять лет он искал ее и, не найдя, перестал быть похож на себя, а однажды в полнолуние обернулся шакалом и убежал в горные леса.

У вдовы из дагестанского аула умер на руках ее смертельно раненый сын. Тогда она влезла на плоскую крышу своего дома и принялась танцевать неистовый исламей, пытаясь провести врагов и саму смерть. Всевидящая богиня вьюг Дардза-Нянильч, восседающая на вершине Казбека, тяжело вздохнула, собрала семерых сыновей, превратила их в сияющие звезды и отправила на небо для другой жизни.

В Шапсугии враги сожгли весь аул, и в одном доме сгорело трое детей. Их мать, у которой незадолго до этого погибли муж и брат, чудом уцелела. «Уж лучше бы и ее прибрал всевышний, да простит он нас», – причитали женщины, потому что после погребения женщина осталась раскачиваться из стороны в сторону. А однажды, когда взошла красная огромная луна, круглая, как головка сыра, она превратилась в змею, уползла на могилу своих детей и поселилась там; никому не давала подходить, шипела и изворачивалась. Так и околела на могиле. А в Абадзехии из 62 аулов истребили 54; в одном из них полегли все мужчины, и тогда стали обороняться женщины. Одна воевала до тех пор, пока из детской люльки не потекла струйка крови, тогда женщина заколола себя ножницами, чтобы не достаться солдатам, и другие, – те, что остались в живых, поступили так же, но обернулись косулями и убежали в лес. Одна суровая зима принесла мор, а тот унес жизни всех детей мухаджиров[7], тех, кто остался в ожидании на берегу моря; матери их превратились в белоснежных чаек и остались с криками носиться над непогребенными телами детей своих. Море, сжалившись, поглотило всех мертвых детей, а чайки так и остались носиться над ним.

В одном шапсугском ауле на сражение ушли все мужчины, способные держать оружие. Из них после битвы вернулось 12. Три дня хоронили погибших. Но после погребений старейшая из

[7] Мухаджиры – название черкесов, подвергшихся массовой депортации в Турцию во время и после Кавказской войны

аула, которой было около ста лет, созвала всех девушек и молодых женщин. Она сняла с себя платок, расшнуровала корсеты девушек и сказала: «Через год вы должны родить столько, сколько мы потеряли». Через год в каждом доме стояла колыбель.

Один джегуако из Кабарды однажды сложил песню:

Побережье моря было нашим краем родным,
И поэтому отцов и дедов (наших) отличала широта
взгляда,
Они и лодки строили широкие.
Да и сердца у них были столь широки,
Что разрывали грудь.
...Однажды враги нежданно напали,
их было столько, – на одного по сотне...
И когда гибель всей нации стала неминуемой,
Самый старший рек:
Сыны мои,
все вы доблестны,
Однако
Давайте посмотрим
На количество.
Хотя каждый из вас и уложил десятерых,
Но еще в десять раз больше остается на каждого!
И как тут быть:
чтоб сегодня с заходящим солнцем
сошел на нет весь наш народ!
Так мы потеряем то сокровенное,
Что мы храним с незапамятных времен!
И нам сейчас нужны те, кто сохранит его –
Оставшись в живых, став нашими наследниками.
Пусть горстка молодых покинет поле брани,
и, чтобы сохранить народ, –
останется жить.
Покиньте же сейчас, и в горах схоронитесь –
и народ возродится.
Молодые уходят в горы.
И берут они в дорогу только одно —
Свое мерило,
мерило морских масштабов,
(то есть широту),
Но мерило это не пронести между скал,
(оно слишком широко!),
Тогда берут его за один конец
и приставляют к Эльбрусу:
и с этого момента высота становится
мерилом народа,
И она (высота)
рождает
нарта Сосруко[8].

Множество теней тех, кто лишил себя жизни от бесплодной любви или безысходности, бесприютно скитались между небом и землей, не давая покоя мертвым и намозолив глаза живым, ибо земля не могла принять их.

Раз возникнув, над землей повис багровый туман. Говорили, что это – дыхание ожившего дья-

8 Фрагменты из «Колыбельной песни». Там же.

вола. Туман сгущался над реками, которые несли на своих стремительных пенистых плечах полуобгоревшие трупы детей, истерзанные тела юных девушек и девочек-подростков, обломанные ветви плодовых деревьев, сплошь усеянные еще живыми белыми цветами над обугленными домам и с черными скелетами стариков, что проделали обратный путь свой в огне, пока тела их не превратились в младенческие кости, заключенные в черном лоне смерти. Туман сгущался над богатыми дилижансами, увозящими в Европу странный груз – герметично упакованные черкесские головы. Другие одинокие головы были насажены на колья, что высились вдоль стен возведенных чужих крепостей. Но на медленно тлеющих равнодушных головах необыкновенно быстро отрастали волосы и бороды; на одной голове борода достигла земли, смешавшись с травой, и один охранник, забредший ночью под крепостные стены, запутался в ней и навсегда потерял дар речи. Туман порой обретал странные очертания, превращаясь в причудливого огромного зверя, или многоголового дракона, исторгавшего из всех своих голов огненный смерч во время бесчисленных кровавых сражений, или гигантскую алую пасть, в центре которой зияло черное отверстие, ведущее в ненасытную утробу.

Случилось то, чего не помнили предки стариков: в далеких горах ожил огромный Красный Иныж, вылепленный адыгами в незапамятные времена из красной глины, для времен, когда из народа никого не останется, чтобы стать на защиту земли. По ночам был слышен долгий протяжный гул, холодящий кровь, что разносился эхом по всем окрестным лесам.

И вот стали бесследно исчезать единственные оставшиеся от считанных уцелевших родов. Говорили, что их в полнолуние заговаривали аза с молчаливого согласия стариков, и те оборачивались ящерицами и несгорающими саламандрами, чтобы выжить, затаившись в узких расщелинах скал, и когда-нибудь снова восстать и человеческом облике, и продолжить жизнь людей, которая теперь была невозможна. Но, говорили знающие, вернувшись к жизни человеческой, они навсегда утратят память, и сердца их будут пусты и безмолвны.

Итак, согласно року, снова шли войной со всех сторон на вожделенную землю, и рождала она обильно кровавый угрожай, и снова горели дома, поля и виноградники, и угонялся скот. И мертвых стало всемеро больше, чем живых. Но кровь мертвых оставалась в живых, и говорила в живых за мертвых, и вела их, и сообщала их волю, перетекая из колена в колено, а потому мертвые не умирали, оставались в живых. Но пока продолжали погибать рода и племена, от оставшихся мужчины и женщины рождал Господь новых потомков, и все начиналось сначала. Вылетая легким облачком из праха, вселялись вечные души в новых младенцев, и выдвигались стрелки солнечных часов из бездонного немого круга небытия, и приходили в движение соки жизни, и первой расцветала нетленная красота женщин, что родили новых сыновей. И все возвращалось на круги своя.

И когда немногие оставшиеся в живых приблизились к самому краю жизни и заглянули в открывшуюся бездну небытия, они увидели в ней лик смеющегося бога. «Почему он смеется? » – удивились адыги, недоумевая и не находя ответа, и обратились к мудрейшему. «Он смеялся над жизнью», – сказал мудрец. «Воистину, жизнь достойна смеха», – согласились люди. Но на следующий день мудрец снова вышел к ним и сказал: «Я не понял божественного смеха: он смеялся над жизнью и смертью». И те, что узрели смеющегося бога, узнали ответ. С тех пор они смеялись над жизнью и смертью в душе своей. И тот, кто цеплялся за то или другое, не был почитаем. Они предпочли границу жизни и смерти, света и мрака. В свете дня лицо адыга покрывала тень тьмы, а во мгле оно светилось, ибо и во мраке он носил в себе яркий свет жизни.

Но духи памяти и скорби не улетали. Они совершали бесконечные бесплодные круги вокруг разоренных пустынных земель, выбирали и поселялись в сердцах, похожих на распахнутые окна, ибо то были дома их. Часть из них, в ком поселились духи памяти, убегали на край земли, не в силах вынести это бремя, и бросались со скал или до смерти скитались в дремучих лесах. Духи памяти не оставляли людей: они внедрялись в каждый уголок души, растворялись в крови и передавались детям и потомкам. Так стали рождаться дети с тоскливыми глазами и уязвимыми сердцами. Жившие в них духи пробуждали память народа, и переполненные сердца не выдерживали и останавливались.

Видя, что полнится потомство от горстки оставшихся, Северный Бог дал народу своему оружие, какого никогда не было, – на колесах, и управлял ими дух четырех яростных непобедимых животных. И тогда животные в колесах истребили девять из десяти, не пожалев стариков, женщин и детей, а тех, кто остался, рассеяли по всему лику земли, чтобы отнять последнее, что у них было, – язык. Чтобы переняли они языки других народом и нареклись чужим именем, и слышали других богов на их чужих языках. И стало так.

А Тха, прикованный к скале, однажды собрался из последних сил, разорвал цепи, взглянул вниз и увидел, что сделали с детьми его. Вскричал он от горя. «Соединяйтесь! – закричал он. – Помните: «Царство, делившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит!» (Мф 12:25). Обретите свой язык, чтобы слышать меня, и соединяйтесь! Идите путем, каким шел народ Яхве! Как прошли сквозь огненный смерч времен и долгих скитаний 12 колен израилевых и воссоединились на земле своей, так и 12 племен народа моего должны воссоединиться на древней родине своей! Обретите вновь свою потерянную землю!» Так кричал он 100 лет, но не был услышан, ибо почти никого не осталось из народа его, а те, что остались, были похожи на домашних птиц, что добывают себе корм, уткнувшись носом в землю, и никогда не поднимают головы к небу. Как в великом Вавилоне, люди его народа перестали понимать друг друга, ибо утратили единый язык и единого бога. И тогда Тха разорвал свои одежды и посыпал голову пеплом. И все-таки нашлось несколько из детей его, чей слух был обострен, а душа обращена к небу, и был он услышан ими.

Новая притча

Наступило новое время. Решили адыги, те немногие, что остались: «Если мы прошли через кавказскую войну, две мировые и гражданскую, пережили ленинизм, сталинизм и социализм, то мы бессмертны». Во все времена божественные правители в человеческом обличье были несовершенны, и тогда пришел новый бог. Он оказался с ликом старым, как сама земля, но ускользающим, неуловимым. Он менял свои личины, но никогда не показывал истинного лица. Да и было ли оно? Как ни пытались апостолы новой веры выразить его сущность видимым символом, не нашли ничего другого, как запечатлеть самый простой и надежный – долларовую купюру. Она-то и стала видимым и невидимым знаменем нововерцев.

В то время, пока Черкесия истекала кровью, новый бог успел завоевать весь мир. Он уже почувствовал на себе завораживающий взгляд Горгоны и окаменел. Бог начал с постройки гигантского рынка, где покупалось и продавалось решительно все, поговаривали даже, что оружие, новое страшное зелье, и даже, как в старину, – люди. На привычно скромных улочках городов, а потом и аулов выросли вывески небывалой пестроты и откровения. Если раньше они были красного цвета в тон старого бога и к ним как-то привыкли, то теперь от яркости и пестроты рябило в глазах. Доллар принес чужие лица на щиты и вывески с диковинными призывами и словами: «Кока-кола! Лучший напиток в мире! Пейте охлажденным!». Порой народ путал названия товаров с такими же иностранными названиями магазинов. На броское и короткое «Спрайт» – они заходили в промышленный магазин, но оказывалось, что здесь не торгуют напитками. Вместо скудного, но добротного старого товара с постоянной ценой теперь лежал новый; он отличался красотой необыкновенной и количеством чудовищным, но на первых порах беда заключалась в том, что мало кто до конца понимал его предназначение. Однако ситуация с прежних времен почти не изменилась: если раньше товар невозможно было приобрести по причине дефицита, то теперь – по причине цен, ибо последние напоминали необъезженных жеребцов – так же скакали и лягались. Старики только качали головами, ибо для такого они слов не знали. Но веками выработанное недоверие к непроверенным новшествам, порядкам и лицам держало их на длинной дистанции от этой мишуры, от которой болели их старые глаза. Однако молодежь, раз почуяв магический запах роскоши и комфорта, отдавалась им с одержимостью фанатиков новой веры. Их неудержимо влекли блестящие небывалые формы, и они досаждали старикам ничуть не меньше неуправляемых цен и пустого кошелька.

Чужой бог неуклонно входил в силу: рынок упорно разрастался и запускал свои щупальца повсеместно; то как грибы после дождя появлялись беленькие лавочки, и ларьки, и магазинчики с таким новомодным оформлением, что перед ними робели даже бывалые горожане. Те, что посмелее, ступали на белоснежные полы, гладкий лед, с неловким чувством, опасливо озирались, но ретировались очень скоро, едва завидели цены. Большая часть магазинчиков и ларьков сгорали и в пламени зажигательной смеси или взрывалась гранатами, которые подкидывали конкуренты или чаще – рэкетиры. Понадобилось долгое время, чтобы народ уяснил себе суть новой профессии: так звали негосударственных сборщиков налогов с негосударственных же объектов, дающих хоть

какую-то прибыль. Другие ларьки горели в смысле переносном – в пламени непомерных налогов, собственной нерасторопности или простой жадности, а еще дальше – низкой покупательной способности. Это новое мудреное понятие было, тем не менее, освоено быстрее всего, ибо означало отсутствие денег и бедственное положение народа – то, что было всегда знакомо, неизменно и старо, как мир. То же касалось других незнакомых названий, например, «минимальный прожиточный уровень», который стойко удерживался ниже допустимого предела и умудрялся сползать еще ниже. Рубль постоянно обесценивался и в народе заслужил определение «деревянный». Но люди, привыкшие и не к такому, как-то жили.

Рынок тем временем распухал и уже напоминал больного при отеке Квинке: первые этажи жилых многоэтажных зданий, торцы и пристройки одноэтажных сельских домов превратились в сплошной торговый ряд. Если раньше адыги знали только продажу излишков собственного товара, то теперь торговля из занятия презренного превратилась в массовое и даже почетное. Если раньше женщины весь световой день бесплатно отрабатывали на колхозных полях свои трудодни, то теперь проводили его или на рынке, торгуя, чем придется, оставляя детей одних или на попечении стариков. Ничего другого не оставалось, ибо отлаженная семью десятками лет бесперебойная производственная машина-гигант умерла в одночасье и была раскручена и разворована до винтиков со скоростью производительности труда передовиков первых советских пятилеток.

Завозимые чужестранные товары требовалось сбывать любой ценой, – и в жизнь адыгов вошла реклама: пестрые вывески первых рыночных лет. С тех пор вывесок стало намного больше, а вид их – намного смелее: то там, то здесь выставлялись полуголые женщины с длинными ногами, в позах, которые не могли привидеться в самых смелых юношеских грезах. Наряду со своим телом они демонстрировали сбываемый товар. Старики поспешно отводили глаза и с чувством сплевывали, парни же дурели на глазах и пускались искать таких же. Правда, жен продолжали выбирать в основном по-старинке. Адыги легко и азартно усваивали жаргон и русский мат, с известным удовольствием платя дань презрения этой жизни, которую без презрения могли воспринимать лишь слабоумные, *козлы,* одним словом. Девушки спускали последние сбережения родителей, лишь бы обрести заветную вещь и хоть немного приблизиться к заветному идеалу. Надо сказать, именно им быстрее всего удалось достичь сходства с новыми образцами западного бога. Очень скоро существенная внешняя разница была почти стерта: умелый макияж, стильная прическа, изысканный дорогой туалет (вечерний и преимущественно черный почти на все случаи), самая смелая длина юбок, которая кончалась там, где начинались стройные молодые ноги и, главное, европейская раскованность и неизменная улыбка. Вот только вечно недовольным старикам все казалось, что маскарад этот – с дешевых рекламных щитов, роликов и фильмов, что транслируют по телевидению изо дня в день, с утра до утра. (Относительно западных фильмов вердикт стариков был один: американцы показали все, что можно и нельзя было показать и рассказали на разный манер обо всем, о чем можно было рассказать, а теперь, когда уже нечего показывать и рассказывать, они сочиняют то, чего не может быть, и только морочат людей). Западный наряд, говорили старики, такой ценой и такими усилиями уже не наряд, а образ жизни, насажденный шайтаном, смелость туалета такая вызывающая, что ей ну никак не сойти за «смелость», а раскованность так демонстративна, что раскованностью уже не назовешь, а как назвать, – *для такого* у стариков не было слов, ибо *такое* никогда не случалось, и они лишь горестно качали седыми головами. За чужой одеждой, манерами и рекламными улыбками они ясно видели адыгскую неулыбчивую душу, которую бросало потерянным суденышком в мишурном хаосе новых времен, где не было ни малейшего проблеска, чтобы увидеть спасительную кромку берега.

Новый бог привел с собой своих демонов – сильных, неуничтожимых. Первым было новое зелье. К нему не пришлось долго привыкать, ибо оно было вездесуще. И снова стали погибать отцы, сыновья, внуки. Погибали и женщины. Бывало, из одного городского дома или одного сельского хабле за год выносили три-четыре тела. «Лучше бы продолжалась война, – плакал седой старик, потерявший сына-алкоголика и внука-наркомана, – лучше бы они погибли, как мой дед и отец, в честном бою! Я бы утешался, что они ушли, как мужчины. А здесь вместе со смертью я получил позор. Чем же мы так прогневили Бога?». Но наркотик превращался в грабителя, насильника, убийцу, опустошал дома, разваливал семьи и роды, ибо под его действием любая жизнь рассыпалась, как карточный домик. И если чума, холера и оспа отступили, то появилась другая,

более страшная угроза. От нее не было противоядия, оружия или молитвы, – она была всесильна, – и начался новый мор.

Проявления других демонов были не так очевидны, но не менее разрушительны, ибо незаметно проникали и прорастали в сознании людей, неузнаваемо меняя их. Они продолжали говорить о чести и постепенно теряли веру в это понятие, на котором стояла вся прежняя жизнь. Продолжая говорить о старой чести, они думали о новой, ибо новая – означала лишь одно – деньги, а старая постепенно превращалась в пустой звук. Они все еще продолжали петь песни о мужестве, но уже не вслушивались в слова, ибо мужество без денег выглядело теперь так же нелепо, как средневековый воин без доспехов.

Девушки не переставали мечтать о любви, но теперь это была любовь к богатому возлюбленному, а если встречался богатый, то все чаще закрывали глаза на отсутствие другого эпитета – «любимый». Если во все времена в невесте ценили старые добродетели, то теперь первым делом выясняли, богата ли она. Целомудрие из понятия духовного и самого широкого сузилось до судебно-медицинского. Все еще говорили о нем как о несомненном женском достоинстве, но при этом без слов понимали, что за нужную сумму можно вернуть и его, по крайней мере, анатомическое подтверждение.

Маячившая 70 лет на горизонте обещанная идея коммунизма, на приближение которой положили всю честную жизнь и тяжкий труд поколения советских людей, однажды растаяла и обратилась в горькую дымку воспоминаний, – реальностью стала одна пенсия, которой не хватало даже на лекарства. Появились дома со странными названиями: «Дом ребенка», куда сдавали брошенных или ничьих детей, или тех, кого не могли прокормить нищие родители; или «Дом престарелых» – сюда отдавали никому не нужных беспомощных стариков. Таких домов не было у адыгов испокон веков, как не было лишних людей; одиноких детей и стариков досматривал род, – *такому* никогда не было названия, и старики только молча и горестно качали седыми головами.

Если раньше любой мужчина втайне мечтал о власти собственной силы и благородства, а женщина – о власти красоты и добродетели, то теперь все мечтали лишь о деньгах, ибо они покупали любую власть. Кроме безгранично разнообразных форм видимой материи суши, воды и воздуха, оказалось, что за деньги можно было приобрести союзников, друзей, покровителей, помощников, учителей, учеников, адвокатов, поваров, слуг и массажистов, музыкантов, певцов, гувернанток, садовников, телохранителей, любовников, мужей, жен, детей и родителей. Покупали и продавали голоса избирателей (доллар за одну штуку, или тридцать сребреников), так что теперь обсуждались не личные качества кандидатов и их программы, которые просто печатались на листках бумаги, но не читались, а количество денег, которым обладал избираемый в парламент.

Покупали «суррогатных» матерей, которые вынашивали чужих детей и продавали своих. Покупали и продавали органы взрослых и детей. Покупали и продавали живых людей. Те, что еще из последних сил сопротивлялись долларовому богу, пытаясь оставаться на честном государственном окладе, вскоре стали посмешищем в глазах общественного мнения, так как бюджетная зарплата, на которую невозможно было полноценно отовариться один раз на рынке, являлась откровенной насмешкой. И честным гражданам ничего другого не оставалось, как вливаться в необъятный поток мелких коррупционеров. Так все повернулось вспять и вернулось на круги своя, и народ вновь пришел к рабству, но теперь к тотальному. Уже не люди правили деньгами и товаром, а деньги и товар – людьми. Нетленными оказались строчки одного джегуако из Кабарды, что сложил песню почти сто лет назад:

Серебром кошель набит,
Бьет он бедных, не жалея.
Чем он толще, тяжелее,
Тем худей, слабей бедняк.

Всех, кошель, ты свел с ума,
Но когда проклятье минет,
С кошелем, наверно, сгинет
И убогая сума[9].

[9] Хавпачев А. Кошель. Перевод С. Северцева.

Невидимая сила денег состояла еще и в том, что они могли покупать блага невидимые: здоровье, величие, честь, уважение, учебные места, отметки, дипломы, власть, влияние, заботу. Покупались рабочие места и возможность их сохранения, особенно прибыльных. Для этого часть дохода относилась вышестоящему начальнику, от него – более вышестоящему, и так по цепочке, пока мутный, растущий поток (имеющий необычное свойство не стекать вниз, как водится, а забираться наверх), тщательно скрываемый от непосвященных глаз, не оказывался наверху... «финансовой пирамиды». Вся жизнь определялась теперь деньгами, точнее, их количеством. Когда говорили, что «человек живет хорошо», это означало – богато. И наоборот. Правда, еще находились чудаки, которые утверждали, что не все можно купить, особенно любовь. Но эти выглядели бедно и странно и вызывали жалость и подлинное удивление, которое само по себе было давно забыто.

Если раньше для адыгов бесценным даром была любовь, то теперь она продавалась ни за грош. Девушки с тревогой всматривались в лицо каждого поклонника: кто это? Тот, кто хочет полюбить или использовать и предать? И снова, как прежде, женщины стали заковывать в невидимые железные коншиба (корсеты) свои души, сердца и тела, и продолжали ломаться женские жизни и судьбы. «Настоящие львы полегли на полях сражений, – говорили старики. – Остались сплошь трусливые шакалы. Им нужны жертвы, чтобы убедить себя и других в том, что они – львы. Не дай аллах попасться в их стаю человеку с подлинным величием – растерзают в клочья. Но теперь, когда настоящих мужчин почти не осталось, они губят женщин. Когда жизнь женщин не в их власти, тогда они уничтожают то, что уничтожить легче всего – женскую честь». И они сокрушенно качали седыми головами: такого не было испокон веков, каждый адыг во все времена мог пожертвовать собой ради женщины, потому что в каждой была заключена священная тайна будущей жизни.

Все поменялось местами: теперь истинно любящая женщина могла быть объявлена презренной, а та, что выходила замуж за богатство и власть – уважаемой. Доброта, великодушие, благородство потеряли былой ореол славы, их обрели власть и деньги.

За это время был построен новый величественный дворец «Морального Закона», напоминающий гигантскую тюрьму. Его жернова равнодушно, бесперебойно перемалывали судьбы тех, кто оказался вне Закона, чтобы неповадно было другим, тоскующим по свободе и любви, нарушать незыблемые границы, которые воздвигли сами же люди.

Появилась новая, продажная, любовь. В сумраках ночных рынков, площадей и закоулков останавливалась какая-нибудь тихая иномарка, отливая мягким тысячедолларовым сиянием, из окна высовывалась волосатая рука с голубыми купюрами, и к ней со всех сторон, трепеща прозрачными ночными крыльями, стекались стайки новых юных жриц.

Запретная любовь и продажная любовь захлестнули все пространство, но, скрытые целомудренным мраком от глаз непосвященных, стали теперь ночными, невидимыми.

Из-под многотонной социалистической литературы, сложившей великую сагу о советском социализме, выпросталось обнаженное, удивительно уродливое детище, названное «гласность», за которую были отняты жизни десятков талантливых журналистов. Но вскоре гласность превратилась в любимую народную игру и была одинаково популярна во всех слоях населения: у бедноты она все еще будила надежду, богатым приятно щекотала нервы, походя на бесплатный массаж, но больше всего удовлетворяла власть имущих, так как при соблюдении принципа полной демократии гласность эта ничего не меняла, но зато позволяла «выпускать пар» особо недовольных. Поэтому верхушка... «финансовой пирамиды» прониклась удивительной и даже редкой лояльностью к гласности, если только в ее вольных текстах не фигурировали конкретные личности, преступность которых публично доказывалась. Авторы таких текстов, совершенно утратившие чувство меры, очень часто навсегда исчезали.

Итак, все меньше и меньше оставалось островков суши, которые не затопила бы могущественная стихия доллара.

Началась война нового демона – преступности. Если кривая жизненного уровня давно свалилась в пропасть нищеты и умудрялась падать еще ниже, то кривая преступности превзошла все мыслимые верхние пределы. Квартирные кражи стали столь часты, что вскоре окна первых этажей ощерились железными решетками. Однако вскоре этот вид преступлений уже сходил за невинное баловство, ибо участились убийства и насилия. Их характер был столь изощрен, что озноб пробивал даже видавших виды «оперов» из МВД.

По всем каналам почти круглосуточно транслировали хронику чудовищных «разборок» преступных группировок. Они уничтожали друг друга, деля сферы влияния новых боссов, кото-

рые отказывались платить, – это были известные и объяснимые версии. Но гораздо больше было преступлений необъяснимых и нераскрытых.

Если за 70 лет советской власти выросло семь крупных индустриальных заводов», в двух из которых работало по десять тысяч человек, и шесть больших фабрик, то теперь вырастали роскошные заводы водочных и безалкогольных напитков. Множились бензозаправки и игорные дома, являя собой высшее достижение местной архитектуры. Все эти новые объекты были оснащены по последнему слову западной техники и почти не требовали рабочих рук. Наряду с ними множилась огромная толпа безработных: она утопала в пьянстве, лишалась крова и перетекала на улицы. Если во время войны народ насильственно изгоняли из родных мест, то теперь почти все добровольно уезжали в поисках работы, ибо рабочих мест больше не было.

Такого числа беспризорных не бывало даже во время Второй мировой войны. Они слонялись по площадям, рынкам и вокзалам, спали на скамейках парков; в самых оживленных местах просили подаяние в невероятных позах инвалидов, и старые адыги, не глядя, отдавали им последние гроши, покрываясь краской возмущения и стыда, но при этом молчали – названия *этому* они не знали, да и не могли знать, ибо такого не было испокон веков. Однако никаких оснований для беспокойства подобное положение не должно было вызывать: все республиканские СМИ внушали населению необыкновенное умиротворение, ведь, согласно им, в республике продолжался неуклонный подъем экономики, повышался уровень зарплаты, была решена проблема ее своевременных выплат и каждый колхоз «был готов к севу», даже если он уже давно развалился. Но при этом почему-то народ продолжал нищать. Экономисты про себя ужасались: дефицит республиканского бюджета составлял 75%. На этот факт ужасалось федеральное правительство, которое выдавало 85% дотаций, однако во время очередных и внеочередных проверок на бумагах дебит строго соответствовал кредиту.

Одновременно с этим тихие, доселе скромные улочки центра очнулись от сонной хляби семидесятилетнего прозябания: их кварталы, расчищенные энергичными бульдозерами от былых ветхих построек, стали прорастать огромными домами с высоченными заборами, которые не в силах были утаить бьющей в глаза роскоши. Большая часть таких домов принадлежала крупным чиновникам. Впрочем, скоро и для этих слуг народа наступили тяжелые времена. Например, в один страшный день был ограблен уважаемый член правительственной верхушки, и по сводкам скрупулезных блюстителей порядка, размер похищенного составил один миллион рублей и 356 тысяч долларов, а также золотые украшения в половину этой суммы. У другого пострадавшего сумма похищенного составила два миллиона долларов. Из дома (одного из трех зарегистрированных) бывшего директора бывшего крупного завода был украден один миллион долларов; 220 тысяч долларов – у скромного преподавателя вуза и 550 тысяч – у менее скромного. При этом пострадавшие деликатно избегали огласки, особенно в СМИ, не желали справедливого возмездия грабителям (по крайней мере, вслух), словом, вели себя достойно и даже интеллигентно, – впрочем, как всегда. Новоявленные Робин Гуды, однако, несколько отличались от своего легендарного предшественника – все награбленное они не раздавали бедным, как английский чудак, а оставляли себе; таким образом, их богатство было результатом двойного ограбления, народного и частного. В народе стали раздаваться странные реплики: «наше добро теперь делят два сорта бандитов – легальные и нелегальные. Это неравная война, ведь легальные представляют власть». Однако подобная ересь глохла в народе и ее никто не слушал, так как все народные оппозиции были раздавлены и заменены правительственными, но с народными названиями, и при торжественно провозглашенном статусе демократии установилась невиданная для адыгов всех времен абсолютная монархия доллара.

Между тем частные особняки росли так же быстро, как нищета, представляя эклектику нового времени. Они напоминали роскошные дворцы, которые возводились на руинах любой цивилизации, знаменуя собой глубокое агональное дыхание умирающей Советской империи. Иногда новые маленькие империи раскидывались на пол-квартала, подавляя своим величием бедных соседей и служа действенным стимулом для богатых, которые в своем «новом» азарте стремились превзойти дерзкого выскочку. Пожалуй, ни одно время не знало совмещения стольких стилей. Излюбленные классические колонны, подпирая потолок архитектурных шедевров, венчались обильной лепкой стиля барокко. Барочный стиль был доминирующим в интерьере комнат, которых насчитывалось на традиционных трех этажах этак ...-надцать, не считая обязательных сауны, бильярдной, зимнего сада и бассейна. Потерянные гости разом отражались в многочисленных зеркалах в обрамлении

нежной лепки, встроенных в стены. Ноги тонули в персидских коврах. Импортная мебель разных комнат тоже была сочетанием необозримого стилевого диапазона: от кокетливого изящного рококо до свободных абстрактных форм авангарда, некоторые детали которого первоначально вызывали недоумение самих хозяев относительно назначения. Узнай кто из них, что в иной комнате стиль ампир тесно соседствует с сюрреализмом, – искренне удивился бы. Пустоты, образовавшиеся между мебелью, были отданы громадным напольным вазам местного производства с перламутровым благородным окрасом. В них рдели охапки искусственных роз, потрясавших воображение самой взыскательной публики. Впрочем, искусственные цветы частенько свисали с балюстрад, изредка оплетали колонны вне и внутри дома, проходы и двери. У мирно дремавших фонтанов близ фасадов, при появлении любопытствующих начиналась цвето-световая, водная и даже музыкальная истерика; зазевавшийся гость вздрагивал, а хозяева добродушно смеялись. Но тайной гордостью обитателей особняков был водопад в бассейне, с цветной подсветкой.

В счастливом положении «новых» избранников судьбы (составлявших не более 3% всех граждан) оказались преимущественно те, что вовремя распознали и использовали игривый характер нового законодательства, обладавшего двумя сторонами: одной – справедливой и строгой (с этой стороны закон декларировался по всем средствам коммуникаций с самыми неприступными серьезными интонациями, таким же он печатался в солидных государственных изданиях, учебниках и прессе), и другой, которая позволяла тот же закон купить за деньги, а если он оказывался неподкупен, то – за большие деньги.

Так в теплом чреве анархического капитализма (по иронии судьбы повторенного на свой манер 100 лет спустя после американского и 150 – после европейского) нарождался новый, доселе неведомый адыгам класс, который родился в срок и застенчиво спрятал свое скромное новорожденное чело за пластиковыми окнами новомодных коттеджей или, чаще, огромных домов, далеких от архитектурных канонов.

Но федеральное правительство закрывало глаза на эти невинные региональные «слабости», которые только дублировали в миниатюре модель жизни в центре. В свою очередь модель новой жизни Центра при всем величии новой роскоши была лишь скромной миниатюрой по сравнению с мировой. Правда, о последней можно было лишь догадываться, так как она была за семью печатями, то есть не просто теневой, а вообще невидимой. Ходили темные слухи о том, что известные мировые купцы, которые значились всего лишь скромными миллионерами, что даже не дотягивали до миллиардной планки, на самом деле владели триллионами и были богаче самых богатых стран, что на самом деле они – тайные вершители человеческих судеб. Но почти никто не сомневался, что это были лишь досужие домыслы.

Итак, невинные региональные «слабости» казались такими еще и в сравнении с фактом значительно более серьезным, ибо Северный Кавказ снова пылал в ее огне, будто не было ста тридцати лет призрачного мира. Населявшие Кавказ коренные народы теперь никак не могли поделить между собой исконные земли, розданные щедрой рукой нескольких советских правителей (например, огромные пустующие пространства земли многих депортированных народов, которые после возвращения обнаружили их заселенными). После крушения советской конституции, остова рухнувшей Советской империи, былые советские земли оказались как бы ничьи. Силясь восстановить историческую справедливость, народы Кавказа оказались в вакууме постсоветского законодательства, совершенно парализованного московским путчем, которое так и не оправилось от его сокрушительного удара. И тогда полилась кровь «межнациональной розни».

Другие хотели выйти из состава новой Федерации. Но этому препятствовал Центр, и так как ему оказывали упорное длительное сопротивление, решили, встарь, не мудрствуя лукаво, уничтожить несговорчивую часть народа, которая составила по досадному недоразумению большинство. Взрывы возмущенной мир общественности гасли под весомыми аргументами мудрого правительства, которое не желало терять нефтяную республику, щедро кровоточащую самой иен «зеленой» нефтью. Оно откровенно ссылалось на принятый очередной Международной Конвенцией документ, который, в отличие от былого советского «права любого народа на самоопределение», лишал автономные республики этой незаслуженной возможности. В результате был разбужен древний и слепой Кавказский Дьявол – кровная месть. На этот раз он был страшен как никогда, питаясь исторической памятью прежней Кавказской войны и возросшего религиозного экстремизма. И мир содрогнулся от небывало мощной волны терроризма. Почти ежедневно взрывались жилые дома и больницы, рынки и школы,

вокзалы и машины, поезда и самолеты, унося тысячи невинных жизней. Однако и тогда никто особенно не распутывал и не вникал в этот ослепляющий клубок кровавых причин и следствий.

Само понятие «кровной мести» наполнилось неведомым новым содержанием. Если исстари проливали кровь за кровь, то теперь кровь проливалась за деньги, даже за ничтожные.

В воздухе витали странные разговоры, что Кавказ – вечный полигон для новых войн, что новая кавказская война «удобна» теперь для отмывания чьих-то баснословных грязных денег. «Чьих денег?» – силился понять народ, но не находил ответа, да и были эти разговоры только досужей болтовней дураков.

После 70 лет ежедневных уверений красных лозунгов и всех советских средств коммуникаций о советском интернационализме, равенстве и дружбе всех народов, ожил и воссиял миф о кровожадных кавказцах, особенно поражавший непритязательное воображение простаков. Никто серьезно не препятствовал процветанию возрожденного мифа – он был удобен, так как легко объяснял то многое, что никак не могло быть оглашено и принято ребяческим сознанием народа. Популярная молва о свирепых головорезах породила идеологически обработанный класс молодых неонацистов, которые до смерти забивали простых прохожих только потому, что те были «черными». Убивали стариков. Убивали детей.

Впрочем, эти и подобные им проблемы не могли всерьез привлечь внимание «новых» – их заворожило золотое сияние российского Кольца всевластия. Еще бы, иные из них в своем золотом азарте в рекордный срок превзошли по миллиардному долларовому состоянию монархические династии, существующие сотни лет, взять хоть ту же королеву Англии. Те, что нажили свой капитал, выбравшись из бездны нищеты и голода, поклонялись золотому кольцу особенно страстно, ибо он с беспросветного дна вынес их на сияющую вершину могущества. Но дети их, выросшие на отцовском добре, чаще всего проникались презрением ко всему на свете, так как за родительские деньги покупалось все и вся, и они оценили продажность мира и призрачность денег. Деньги не утоляли жажды духа и не отвечали на вопросы ищущих. Они проникались презрением к отцам за их слепое идолопоклонство, утверждавшим, что только деньги – власть, могущество и счастье. Так они стали свидетелями, как в тысячный раз был отлит Золотой Телец, вслед за первым, у горы Синай. Но эти дети «новых» оказались перед бездной куда более страшной, чем их отцы в свое время.

Увидели адыги, что жизнь приобрела странные свойства: обрывались дружеские и кровные связи, радость теперь больно била в глаза, как яркая вспышка, и так же мгновенно исчезала. Мораль напоминала ту, что обычно применялась на зоне для выживания: никому не верить, никому не жаловаться, никого ни о чем не просить. Восторг больше походил на пароксизмы, будто в момент появления уже содержал в себе агонию конца. Построенные народные театры опустели, артисты и музыканты играли для самих себя, чтобы не забыть о собственном призвании. Благоухающие первоцветы, что расцветали по весне, оказывались необыкновенно ярких кричащих оттенков, как бывает у ядовитых экзотических цветов, но, выплеснув все краски, они тотчас увядали. Какая-то сонная одурь стелилась по земле, парализуя волю и желания. Мужчины перестали исполнять супружеский долг, женщины – продолжать род, а брак превратился в мертвый склеп. Никто не мог объяснить эти странные явления, кроме стариков. «Разве может появиться что-то живое на земле, в недрах которой покоятся безымянные кости мертвых, которых уже всемеро больше, чем живых? Они появлялись во все времена и продолжают появляться сейчас. *Они дошли уже до седьмого дна земли*. Проклята бывает земля, переполненная такими костями. Они не освящены обмыванием, молитвой и обрядом, – сурово твердили старики. – Поэтому этим мертвецам нет покоя, поэтому их мертвенный холод забирается наверх, проникает в жилища живых, лишает живых любви и жизни, убивает тепло и радость». Но никто не верил им, считая, что старики выжили из ума.

Однажды обнищавший усталый народ так изнемог, что закрыл глаза и уснул. Тем временем сменялись правители, выбранные как будто бы его безвольными сонными руками. Входили в силу адепты новой религии. Они разобрали его ветхую лачугу, самого поместили на плотик и пустили по волнам. Но те, что оказались рядом с ним на плаву, становились день ото дня все ненасытнее: они раздели его, не оставив на теле исподнего, забрали из-под него утлый плотик и пустили по волнам на съедение рыбам. Но, идя ко дну и задыхаясь, он очнулся, собрал всю силу и вынырнул на поверхность. И нагое, величественное тело преодолело морские мили одним гребком, и соленые волны были для него первородными водами, а берег, которого он достиг, – крепкими руками повитухи. Так народ родился вновь и увидел смутные очертания новой грандиозной вершины, на

которой восседала птица Симург. Один глаз ее был устремлен на восток, другой – на запад, хвост повернут к северу, а клюв – к югу. Она упиралась цепкими лапами на сияющую вершину, а над древней головой ее реял свободный дух великого Тха. Перед ней струилась неиссякаемая река, которая несла свои воды из прошлого в будущее, а позади горы неслись струи из будущего в прошлое. И те, что различили сияющий свет вершины, узнали, куда идти.

* * *

Машинальное соглашение вести личные записи с тем, чтобы впоследствии предоставить их для литературной оценки Мусарби Срукову, обрело для меня особую значимость уже в Москве.

В юности стремительное незамутненное течение моей жизни оказалось в предсказуемом общественном потоке нашего города. Рельеф русла этой метафорической реки был доподлинно известен моей матери – она знала все подводные течения, пороги и стремнины и с неистощимой энергией руководила нашим управляемым движением ловко лавируя и обходя потенциальные опасности. Теперь я казалась себе выброшенной в безбрежный океан. Требовалось самой прокладывать свой курс и выработать собственный устойчивый «непотопляемый» стиль.

Как-то, в одинокие минуты моей созерцательности, необходимой, как воздух, когда эфирное существо внутри в очередной раз отлетало на достаточное расстояние, чтобы обозревать контуры моей жизни, я встрепенулась от внезапного открытия: мой зеленый пунктирный вектор повторял голубой вектор жизни Теун (почти совпадая с траекторией ее движения), а на тот в свою очередь налагался вектор движения целого народа. Он следовал сплошной красной струей с кавказских гор и растекался по рекам, морям и океанам, которые окрашивали разноцветную сферу глобуса цветом индиго. Наверное, только ангелы до сих пор взирали еще на один великий народный исход; глазами, полными неизъяснимого чувства, они наблюдали, как мощный поток распадался на реки, а те, в свою очередь, на ручейки, которые бесчисленными невидимыми струйками все еще растекались по всей округлости земли. Похоже, теперь я вовлекалась в этот заколдованный круг, опоясавший ее по всем возможным направлениям; мне предстояло повторить его по-своему.

Первое время мое утлое московское суденышко опрокидывал шквал новых впечатлений. Чтобы как-то справиться с ними, я возобновила детскую привычку – «переваливать» их на бумагу. Я проделывала это регулярно в течение всего первого года пребывания в Москве. Теперь в памяти всплывали разрозненные мысли и наблюдения, которые были записаны преимущественно ночами в разное время разными почерками и рассованы по всевозможным папкам, книгам и углам. Иногда они неожиданно откуда-то выпадали и, совершенно забытые, перечитывались мной с новым чувством, чаще с раздражением, и я не ленилась «высушивать» их от избыточной юношеской чувствительности. Это было моим спасением, которое давало возможность хотя бы на время отвлечься от опустошающей неизбывной боли. Вспыхнув и опалив меня, она ушла на неведомые глубины и постепенно всплыла плотной белесой сферой с пугающей бесцветностью существа, которое зародилось и выросло в кромешной тьме. Оно незаметно и тихо подтачивало меня. Так медленно заболачивается местность, ее незаметная постепенная смерть не обжигает взгляд острым трагизмом.

Правки и дополнения моих старых небрежных записей с описанием эпизодов последнего года жизни в столице занимали почти все свободное время. Теперь я их «реанимировала» со страстной увлеченностью, прочитывая и проживая заново, – только они и позволяли с головой погружаться в последний год моей «прошлой» жизни, в которой я теперь спасалась от последних событий – смерти моей матери и выплывшего из небытия семейного архива.

Так появилась первая глава моего повествования.

Я последний раз пробежала рукопись глазами. Внезапно моя шариковая ручка застыла в воздухе – только сейчас, чуть ли не полгода спустя, я неожиданно оценила тактический ход Мусарби Срукова: наш литературный «профессиональный контракт» был той единственной зацепкой, что могла еще реально отвлечь меня на это время, чтобы не соскользнуть в невидимую страшную воронку, которая засосала всех членов моей семьи.

Я созвонилась со Сруковым и отнесла записи в назначенное время.

– Спасибо, – сказала я тихо и прямо взглянула в его темные горячие глаза.

– У тебя все будет хорошо, – сказал он, и его глаза увлажнились.

На следующий день я взяла билет и отбыла в Москву.

Наталия СЕМЕНЮЧЕНКО

Семенюченко Наталия Викторовна - кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой общеобразовательных и специальных дисциплин, заместитель директора по НИР Липецкого филиала НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, один из ведущих представителей Липецкой методической школы, член авторского коллектива, создавшего более 30 учебников и учебных пособий по русскому языку для национальных школ РФ, член Союза журналистов России, отличник Просвещения РФ. Она и ученый, и вечный ученик, воплощающий в жизнь идеи своих известных учителей-педагогов Шмакова С.А., Газмана О.С., С.Л. Соловейчика, Е.И. Пассова, с которыми не один год проработала рядом.

А еще Наталия Викторовна - автор занимательных уроков русского языка в стихах, которые помнят ее многочисленные выпускники (в школе прошла путь от учителя до директора); романтичных и смешных пьес, которые ставила в созданном ею школьном театре, научных студенческих «капустников» в вузе, в котором сейчас работает; занимательных страничек областной детской газеты «Золотой ключик», на которых появлялась в образе строгой тетушки Орфографуши; потрясающих веселых сценариев, без которых не обходится ни один праздник для друзей и коллег.

Жизнь ее наполнена стихами. И не только веселыми, но и такими, в которых есть самоирония, сомнения, грусть, надежда, любовь.

Елена Митина – главный редактор Липецкой областной детской газеты «Золотой ключик», заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Союза журналистов России.

Осенняя самоирония

Бабье лето, лето бабье – наш с тобой черед…
Из любимой песни

Машет новый день рассветом,
Организм встает...
Кофе, геркулес, газета...
Дел невпроворот...

И привычны, и спокойны
Трассы виражи...
И обычна, и достойна
Утренняя жизнь...

Под мелькание обочин
Диалог с собой,
Да с машиною... Короче –
Аутизм сплошной.

...А на лобовом – листочек
Желтенький прилип.
Он поет, кричит, пророчит:
«Лето!»... Уж охрип...

На антенне – паутинка,
Тоненькая нить...
Что-то шепчет золотинка...

Хочет объяснить,
Что и впрямь повсюду лето
И кругом полно
Бабьего шального света?
Что еще дано
Терпким воздухом любовным
Задыхаться всласть
И под небом под огромным
Взять – да и пропасть?

А потом... потом – в дурмане
Травяной тиши,
В белом утреннем тумане -
Сочинять стиши
И, печалуясь, – смеяться,
Веселясь, – рыдать,
Верой новой загораться
И дотла сгорать?!

... Хорошо б, пока не вечер,
Взять – окно открыть,
Чтоб услышать, что там шепчет
Золотая нить,
Чтобы все же докричался
Листик золотой,
Чтоб кружил роскошным
вальсом
Их напев живой,
Чтобы пелось и мечталось,
Чтоб хватало слов,
Чтоб не горбила усталость,
Бабье б лето не кончалось
Прямо до снегов!

Размышлизмы на знакомой кухне

М.В.

Ну, неужели скоро 50?!
Года, как одуванчики, летят,
И теплый ветер, ласковый, весенний,
Бросает их в холодный вихрь осенний...
Томленье духа, будни, суета,
Труба в окне, в окошке пустота,
И монотонно лупит дождь по крыше,
И серые в мозгах скребутся мыши...

Как на плаву держаться, старый друг?
Самоирония – спасительный наш круг,
Прикосновенье век знакомых рук
Да песня на хрущевской кухне милой...
Селедочка, картошка не остыла,
Бутылка водки, тренькает струна,
И, как когда-то, снова не до сна –
Уж нет трубы, слепого нет окна,
И не наговориться, не напеться,
Друг в друга до утра не наглядеться:

А что, мой друг, коль не устать любить,
И осень можно приостановить?..

Разноцветные изыски

М.В.

Мне бы стать бы на минутку Ренуаром,
Написать бы тебя в розовых тонах,
А потом сиреневым муаром,
Что от Врубеля, лечь шарфом на плечах...
Или у Пикассо взять фигуры
И тебя бы в них изобразить:
Втиснуть в треугольники натуру
И в штаны-квадраты нарядить,

Чтоб Ватто бубенчики звенели –
(Ведь его колпак тебе под стать!),
А потом бы – в шишкинские ели
Иль в подсолнухи Ван Гога всю вписать!

Ты бы там, от смеха заливаясь,
Над эклектикой дурацкою моей,
Левитановской росою умывалась,
Васнецовских гладила б зверей;

Там бы мир был полон чистых красок,
И в смешенье линий и теней
Не было бы надоевших масок –
Проступали б образы Людей...

Разноцветно-разноликая мадонна,
С жизнию прописанным лицом...
Пусть сияет тебе сине и бездонно
Небо-холст, подаренный Творцом.

Поток сознания женщины у зеркала утром в день ее ...- летия

... И подступил он опять, день рожденья...
Ах, день рожденья, ты – наважденье!..
Снова душа прибывает в смятенье –
Роем вопросы, мечты и сомненья:

Что бы надеть? Кого пригласить?...
Может, с утра коньячку накатить?
Где же взять силы мечтать и любить,
И вообще – дальше жить... как-то жить...

Смотришься в зеркало: ох, хороша –
И молода, и ярка, и свежа,
И без морщинок почти что душа...
Да за душой, как всегда, – ни шиша!

Это и к лучшему, надо признаться –
Ведь на плаву помогает держаться,
В тонусе быть и не расслабляться,
Прямо ходить и всем улыбаться,

По коридору – вжик! Ветер и звон!
Пусть все считают, что счастья – вагон!..
Только бы мне – незнакомый перрон,
Поезд крылатый, чтоб вез меня он

К яркому солнцу, к теплому морю,
Где ни зимы, ни сомнений, ни горя!..
Как бы на том необъятном просторе
Я полетела бы, с волнами споря!
Да не одна бы я стала парить:
Я бы нашла, с кем полет разделить!..
Я бы смогла бы его полюбить!..

...Господи, ведь уж пора выходить!
Так, завершаем мазилки, подводки,
Новые с лайкрой наденем колготки...
Раз, два, три, пять... Не мало ли водки?
Надо еще прикупить бы селедки...
Плечи расправить, себе подмигнуть,
Глазки пошире опять распахнуть...
Надо бы было чуточек хлебнуть...
Ладно, и так хороша, просто жуть!

Да, день рожденья примчался опять...
Будут сейчас обнимать, поздравлять...
Что же все это мне не принимать?!
Я молода! Мне опять – 25!

Неожиданное

В.В.Д.

Вот бы жизнь свою *перелистать*
От последней строчки до начала,
Чтоб понять: то ль много, то ли мало
Я успела написать, сказать...

Вот бы жизнь свою *перечитать,*
Медленно цедя за строчкой строчку,
Вспомнить всю, до запятой, до точки,
Чтоб хоть что-то про себя узнать...

Вот бы жизнь свою *переписать*,
Нет, не всю, а лишь одну страницу,
Чтоб тебе смогла я удивиться
Сразу...
А не через тридцать пять...

***

Н.Б.

Радонеж, Загорск, могила Меня,
Неба сине-синие глаза,
Дружеские нежные мгновенья –
Чудно так, что высказать нельзя!..
Мы опять все вместе и – в полете,
От стихов и песен каждый пьян,
И закат багряный на излете,
И июньский травяной дурман...
Места нет иронии и грусти,
А душа то плачет, то поёт...
Век пройдет, а ЭТО не отпустит,
За руку возьмет и поведет
По полузабытым тропам счастья
В высоту, где ты в весь мир влюблен,
От сомнений, боли и ненастья –
В колокольный вечный дивный звон...

Кавказу

Отсюда, из заснеженной России,
К Кавказу, где морские дали сини,
Где влажный бриз и ласковый прибой,
Где небо ночью бархата чернее,
Где звезды утром медленно бледнеют,
Где мы случайно встретились с тобой,
Где жизнь вином прекрасно-терпким льется,
Где дышится легко, легко поётся,
Где каждая минута хороша -
Туда летит, летит моя душа,
А что же здесь, со мною, остается?!..

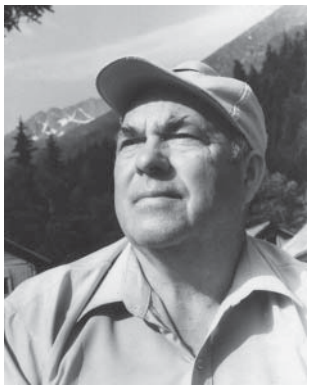
Туманам Пятигорска

Когда в тумане мой Машук,
То чудится мне, что из рук
Моих берет он воду
Желаний, музыки, стихов,
Моих волшебных тихих снов...
Благословляю непогоду,
Седые космы темных туч
Обрывы, неприступность круч –
Всю эту чудную природу.

Прощанье с Пятигорском

Запомнишь ли меня, мой Пятигорск?
Вы вспомните ль меня, глухие гроты?
Виолончельная мелодия природы,
Сыграешь мне еще средь этих гор?
Эолова беседка, пропоешь
Мне свой напев, причудливый и томный?
Китайская беседка, ты найдешь
Тень для меня?
А ты, валун огромный,
Меня с моей гитарой приютишь
Над чашей городскою суетливой?
Здесь, под тобой – прохлада, вечность, тишь,
Над – небо, величаво и красиво...

Александр МОСИЕНКО



Мосиенко Александр Алексеевич. Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей и Союза журналистов России, главный редактор газеты «Наш университет» с 1966 г.

Родился в станице Зольской Ставропольского края. Оттуда ушел в армию. Служил три года в г. Бресте, в Белоруссии.

Окончил Пятигорский Государственный пединститут иностранных языков, три года работал директором восьмилетней школы в селе Ага-Батыр Курского района.

Лауреат литературной губернаторской премии имени Андрея Губина, лауреат журналистской премии имени Германа Лопатина. Александр Мосиенко печатался в журналах «Ставрополье», «Литературное Ставрополье», «Дон», «Ханек» /Башкирия/, «Русская провинция» /Тверь/ и др. Стихи, рассказы, публицистику печатал в краевых газетах, в журнале «Народное образование» /Москва/. В различных издательствах, с том числе и в московском, вышли в свет 13 книг прозы, поэзии, сатиры, драматургии, эссе. Среди них: «Кто за рулем», «Сентябрьская сирень», «Базальт», «Букет признания», «Сны Горбачева», «Радуга над Дамхурцем», «Душа болит», «Мои рубаи», «Свадебный подарок», «Проза жизни», «К поэзии и прозе прикасаясь», «Неукратимая река времен».

Подготовлена к печати новая книга, куда вошли рассказы, повести, трагедия. Публикуемые ниже рассказы – из этой книги.

Анна Ивановна

1.

К празднику Спаса, находясь на отдыхе в горах, я решил купить свежего меду, чтобы, как в детстве у дедушки Филиппа, налить в тарелку и вдоволь поесть его с кисленькими яблоками. У всех здешних пасечников я получил от ворот поворот – первая качка продана, а со второй из-за сухой погоды взятка никудышная. Самим мало. Не до продажи.

Но мне порекомендовали обратиться к старожилу посёлка – Анне Ивановне Сушковой, чей деревянный домик стоит на берегу Лабы, у самой окраины опустевшего Дамхурца. Поселок опустел, так как активная вырубка леса прекратилась, а вслед за этим не стало рабочих мест и соответственно –зарплаты. Люди были вынуждены уехать туда, где нужны их руки и можно по-человечески жить. Оставшиеся леспромхозовские домики вместе с территорией посёлка выкупили пединститут и отдел народного образования. Так возникло два спортивно-оздоровительных лагеря студентов и школьников.

Анну Ивановну я знал уже лет тридцать, когда еще наш лагерь только зарождался. Она работала в нем шеф-поваром. Какие борщи готовила, многие помнят до сих пор. Когда же пришел новый начальник, её отодвинули в сторону. Но Анна Ивановна не захотела уезжать из поселка, да так и осталась жить в своем домике, полученном в свое время от леспромхоза. У нее уже было небольшое хозяйство, пчелы. Взрослый сын Юрий с женой Заридой. Они поддерживали это хозяйство, у них тоже не было постоянной работы, но они жили медом, молоком, грибами, которые собирали и мариновали поздней весной, летом и осенью.

Молодые никуда не уехали, потому что не могли оставить больную мать одну, к тому же у Анны Ивановны не было документов - пропали, не знает где и когда. Чтобы выправить их заново, требовалось время, деньги и здоровье. А с ее радикулитом ехать в район «дохлое дело».

– Да и зачем они мне. Буду доживать свой век здесь. Не все ли равно, где помирать, – рассказывала она. – И вообще – сколько я живу здесь ни разу никто не спросил: «А где вы голосовать будете?». Ни я, ни мой голос никому не нужны...

– А что ж сын ваш, Юрий, не побеспокоится?

– Да ему за пьянкой некогда.

– Но хозяйство-то ваше кто-то ведет?

– Сноха. Уже замучилась с ним. Наверно, разойдутся. Хорошая женщина. Карачаевка.

– Жаль, – вздохнул я сочувственно и решил вернуться к тому, зачем пришел. – Так у вас мед есть?

– Есть, только нужно подождать до вечера, пока сноха не вернется. Она еще с утра ушла в лес искать своих четырех коров. Вот уже пятый день как ушли, не вернулись домой. Недоенные ходят по лесу. Молочко пропадет... Одна надежда на ту, что дома – через месяц должна отелиться.

Чтобы как-то поддержать Анну Ивановну, я справился о ее здоровье. Она оказалась обладательницей целого букета болезней – гипертония, радикулит, щитовидка. Ноги никудышные. И так далее. Я все же решил что-нибудь «откопать» для рассказа у этой колоритной женщины. И не ошибся. Рассказ сам по себе покатился, как телега по наезженной дороге: со скрипом, но ровнехонько, без полосы препятствий и недоумений.

В чисто убранных комнатах лежали простенькие коврики, на стенах ковры получше. Я решил не менять в своем рассказе имен героев, с огромным интересом слушал и незаметно для рассказчицы вставил вопрос, который клубочком пряжи покатился, разматывая судьбу некогда красивой, статной и бывалой женщины.

2.

– Родилась я в селе Ладожском Краснодарского края.

– Не слышал такого.

– Ну как же – Ладогу под Ленинградом знаете?

– А-а.

– Так вот оттуда и замуж выходила. Муж мой работал следователем, сначала в райотделе милиции, потом за хорошую работу его в Сочи перевели. Был он человек партийный. Куда пошлют, туда едет. А я – за ним. Так мы оказались в Татарской республике. Потом, уже после войны, надоело мыкаться, бросил он эту работу и подался в лесничество. Я опять же за ним. Приехали мы сюда. Я библиотечный техникум закончила, так что мне работенка нашлась. Дали мне место в поселке Загедан. Нет, сначала было не так. Муж мой помер. От ран фронтовых. Я была бабенка справная. Сразу мужики появились, а я ни-ни. До года в трауре ходила. Потом пристал ко мне один, Иван Трохимович его звали, – давай жить вместе и все. На пятнадцать лет моложе меня. Красивый такой. Давай да давай. Ну я и согласилась, а тут раз – и закрыли мою библиотеку, сократили разработки леса и все посокращали. Магазин, школу. Хоть и начальная, но все же школа была. Люди поразъехались кто куда. Давай искать работу. Я ничего не боялась. Прихожу в районный общепит в станице Преградной. Прошу: возьмите меня на работу. Я вдова фронтовика. А заведующая, как щас помню, Фатима Кумуковна, говорит: «Куда же мы вас возьмем? Места нету. Уборщицей же вы не пойдете?».

– Пойду.

Взяли они меня. Я бабенка дебелая была. Всё при мне. Лифчик в магазине не могла подобрать. Больше шестого размера тут не шили, а мне это только на кончики. Смеётесь? Мне и сейчас от них тяжело.

Анна Ивановна мельком глянула на свою до сих пор могучую грудь и продолжила:

– Мою полы, мету, песни пою. В самодеятельность записалась. На концерты ездила. Как-то заболела одна повариха. Попросили подменить её. Я подменила. Получилось хорошо. Так взяли меня поварихой. Начальнице понравилось. Она бабочка удовая была. Говорит мне: – Анна Ивановна, оставайся совсем. Я, мож, когда поженихаюсь до утра, – дело молодое, а у тебя все в порядке. И у меня голова не болит.

Мужа её по пьяни убили.

Так и осталась я. Тут, где теперь столовая лагеря, была орсовская (отдел рабочего снабжения) столовая. Леспромхозовская. Лесорубов много. Лес валили, драть драли, все везли в Курджиново, там завод. Всех кормить надо. Так что у меня работы хватало, а я её не побоялась. Все шло хорошо. Потом – раз, сокращение. Рабочие с семьями поуезжали кто куда, а ваш институт взял да и купил все эти пустые домики. Для лагеря. И меня пригласили сюда поваром...

Да, забыла рассказать ещё про своего второго мужа, Ивана Трохимовича. Пожили мы лет пять, а его мать, свекруха моя, и говорит Ивану: «Её еще года на три хватит, а там старухой станет. Зачем тебе старуха? Тебе свою семью заводить надо. Детей нарожать, вырастить. Ты еще молодой...».

Он, конечно, человек мягкий, послушливый. Приходит от матери, а я с подругой перед двором на лавочке сижу. И не пошла, как обычно, встречать его. Тогда он подходит к нам и говорит: «Добрый вечер. Пойдем, Анна Ивановна». Он всегда на людях меня так звал. Я сижу. Пойдем, говорит, я вещички свои заберу. Мы больше вместе жить не будем.

Идем, говорю. Я тебя не звала, сам ко мне прилип. Не гоню, а коль уходишь, иди – бог тебе судия. Он думал, что я умолять буду или ругаться с ним. А я – нет. Ласково, весело, хоть на душе кошки скребли. Собрали мы его вещички. Разговору больше, чем вещей. Сели на прощание, а он как заплачет: «Ты меня прости, Аня. Жизнь есть жизнь. Ты женщина умная. Все понимаешь».

– Понимаю, – говорю.

А он:

– Ну проводи меня к ней, а то один я вещи не донесу.

Я уже знала, куда он перебирался, от меня. На Свинячку. Пару километров отсюда. Крайний домик со стороны Загедана.

– Давай, говорю, помогу.

Идём. Молчим. Он кряхтит, покуривает, а я – ничего. Ну, крепкая была. Ты, говорит, в чистоте меня держала, даже портянки утюгом гладила, а эта – не знаю. Всё мать нажимает на меня и на неё. Я ему спокойненько:

– Ничего, Иван Трохимович, поживи с молодой. А я как-нибудь сама справлюсь.

А он ревнивый был – жуть. Ни разу не оставлял меня на ночь одну. Бывало, на попутке доберется до Рожков, а оттуда двадцать километров пешком топает. Так вот он мне: «Ты, Аня, не спеши выходить замуж».

Отвечаю: «Ты теперь мне не указ, Иван Трохимович. Выйду, выйду, да еще и помоложе тебя найду».

Тут мы и подошли к Свинячке. Все, говорю, прощевай, не поминай лихом... Оставила у забора его сидор, вышла на дорогу, а дело было вечером. Звезды высыпали на небо. Оглянулась на эту Свинячку и забор поломанный, да как запою:

Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой...

Слышу, он остановился и не идет к своей новой бабе. Стоит, а я продолжаю идти и петь. Дошла до моста через Лабу. И еще громче как запою:

«А где мне взять такую песню?». Только пела-то я на новый лад: сама сочинила: «А где мне взять такого мужа, чтобы любил и уважал? Мне прохиндей совсем не нужен. Он не любил, а унижал...».

Слышу шаги за спиной. Уже за мостом догоняет меня, сам тащит шмутки назад.

– Ань, подожди... Я не пойду туда.

– Не пустили? – спрашиваю.

– Не могу без тебя.

– Так пошли ко мне.

Пришли мы с его вещами. Хохочем. Опять как муж и жена...

Рано утром стучат. Выхожу в сорочке. У калитки мать его. Ни здравствуй, ни прощай.

– Позови Ивана.

– Он спит.

– Разбуди. Я мать.

– Знаю, что мать. Разбужу.

Оделся он. Узнал, что мать за ним пришла, растерялся. Сразу стал другим, как подменили. Взял свои нераспакованные вещи.

– Я пошёл.

– Иди.

И они ушли к той другой. С ней он и сейчас живет. А я через полгода снова вышла замуж. Опять – не сама искала его. Приходит он со своей теткой. Ставят на стол бутылку, и – к делу.

– Ты, Аня, одна, Славик тоже один. Вот и давайте, объединяйтесь.

Посмотрела я на этого Славика. Шапка большая, большая. Лицо провалилось. Худое такое. Он был облученный в армии. Выпили по рюмке, и я говорю: «Славик, ты же от меня на двадцать лет моложе. (Я это знала еще раньше). Двадцать лет...

– Ничего. Хоть пятьдесят. Мне не женщина нужна, а хозяйка. Будем вместе вести хозяйство,

деньги – пополам. Мне они вообще-то не нужны. Я не жилец на этом свете. Лет пять еще протяну и – кранты. Но у меня дочь. Хочу ей после себя хоть что-нибудь оставить... Вдвоем легче. И тебе, и мне.

В общем, сладились мы. Да не пять, а все двадцать лет прожили, а потом и этот ушел от меня.

Анна Ивановна показала на шею: «Вот так запил. Я всё молчала, а потом не стала молчать. А он психанул и ушёл. Тоже на Свинячку. Только живет с другой стороны – ближе к Дамхурцу.

В это время в дверь постучали. Вошел молодой человек в камуфляжной форме.

– Анна Ивановна, ваши коровы дома?

– Пятый день нету. Сноха пошла искать их в лесу.

- Мы в Лабе нашли голову. Один рог сбит, другой целый. Языка нет. Вырезали. Не ваша?

– Не знаю, – спокойно отвечает Анна Ивановна. – Надо посмотреть. Но Юра будет к вечеру... Сноха – не знаю когда. А я ходить не могу. Только по хате и то с палкой.

– Ну давайте мы вас на машине свозим туда.

– Спасибо, Володя, сейчас выйду.

– Анна Ивановна, ну я тогда вечером за медом приду.

– Приходи, приходи. Все дома будут.

3.

Когда совсем свечерело, я снова пришел к Анне Ивановне. За мёдом и послушать окончание рассказа о себе. Зарида уже подоила найденных в лесукоров. Странно, но молоко пропало не у всех. Может, кто-то из туристов подоил, а может, корму хорошего не нашли. В общем, что-то осталось и хозяевам.

Зарида – вторая жена Юрия. Первая от него сбежала. Надоело так пусто жить. Работа, работа и работа. Никакой жизни, и пьяный муж каждый день. Не вынесла. И сбежала. Она была русская. А Зарида горянка. Все терпит. Вот и сегодня нашла коров, подоила их и выгнала пастись поближе к Свинячке, где Юрка ловил форель. Пока она там с ним беседовала, коровы хитрые, сбежали опять. А на дворе ночь. Теперь до завтра.

Когда она вернулась домой, без коров, Анна Ивановнар не удивилась этому. Просто распорядилась:

– Заридочка, детка, вот человеку меду надо. Литровая банка найдется?

– Найдется, – послушно ответила Зарида. – Я сейчас налью. Тридцать пять рублей.

Получив желанный мёд, я спросил у Анны Ивановны:

– Я надеюсь, вы еще что-нибудь расскажете о своей жизни.

– Пойдем на лавочку, – ответила она, опираясь на костыль.

Мы удобно уселись, и последовало продолжение.

– Тут если все рассказывать про мою жизнь, – целая эпопея выйдет... Ну, как вы уже знаете, коровы нашлись, а та голова была от Лешкиного быка (коменданта пединститутского лагеря). Он её, голову, кому-то отдал, а те не сладились, не продали, передержали её на дворе, она и протухла. Пришлось выкинуть. Ну, да ладно... Слушайте дальше. Поработала я какое-то время в столовой лагеря, а покойничек Фурсенко, царство ему небесное, выжил меня с должности. Да и сам вскорости погиб... Вы ж знаете, как он погиб?

– Кое-что.

– Тут такая история. Как он стал начальником лагеря, понасовал сюда своих родственников и друзей. А чего удивляться: нынче все так делают – как стал начальником, так свою команду собирает, а прежних – по боку.

Ну вот, в день, когда ему должно было исполниться сорок шесть лет, поехал он в Пятигорск, домой, чтоб там отпраздновать свой день рождения. Сам за рулем. На лагерном драндулете. Доехал до известной скалы. У нас ее называют «Пронеси, господи». Видно, ему надо было уступить дорогу встречному транспорту, или забыл чего, да захотел в лагерь вернуться. Сдал назад, тормоза отказали и полетел вниз с такой высоченной скалы. Наши ребята видели, как «газик» кувыркался и разваливался по ходу. Они спустились к Лабе – ни Фурсенко, ни машины – вода унесла. Только через два дня нашли вздувшийся труп возле села Рожкао. На мель вынесло.

Мне наши женщины говорили: «Вот его Бог наказал за то, что он тебя выгнал с работы». А я им: «Что вы, что вы – и думать не хочу так. У него же дети, семья. Просто так тому и быть. Все мы под Богом ходим».

В общем, дорога мне в столовую лагеря была закрыта. Так я взяла тут магазин. Сын Юра торговал, а я сторожила. Потом магазин обворовали. Свернули болты на двери и забрали товару на двести с лишком рублей. По тем временам – сумма немалая. Так закрыли и эту точку. Я незадолго до того, как закрывать, поехала в район отчитываться. Зашла в кабинет, а начальница спрашивает: «Вы кем работали до принятия магазина?».

– Библиотекарем, – отвечаю.

Начальница засмеялась и говорит:

– Это, извините, как свинья залезла под забор, а обратно никак не вылезет. Дернулась назад и уши оторвала... Так и вы: не лезьте не в свое дело.

Вот я и сижу. Без своего, без государственного дела. Больная, никуда не годная. Слава Богу, хоть сын есть. Хоть и попивает, но есть, рядом. И сноха. Хорошая, трудолюбивая. На них всё и держится. А жизнь – скукота смертная. Радио нет, телевизор не берет ни одного канала – горы. Так вот Юра купил видеомагнитофон, ролики с фильмами. Ставим одно и то же по десять раз. Уж наизусть все помним.

Одна отдыхавшая здесь пообещала привезти или передать с кем-нибудь, но ни аппарата, никого, ничего. Вообще-то давление еще можно потерпеть, а вот печенка, как придавит – спасу нет.

– А как же вы зимой? – спрашиваю я осторожно.

– И не говорите... Зимой хоть волком вой. Ни до кого не докричишься. Вот так мы и живём.

Потом поправила на плечах цветной тонкий кашемировый платок, давний приз за исполнение русских народных песен на районном смотре художественной самодеятельности, и во всю, хоть и старческую мощь, как запоет:

А где мне взять такую песню
И о любви, и о судьбе,
И чтоб никто не догадайся,
Что это песня о тебе...

Я слушал ее пение и восхищался некогда сильным голосом Анны Ивановны Сушковой. А когда пришел к себе в домик, мне уже не хотелось ни мёда, ни кисленьких яблок.

Ёська

Вскоре после того как развенчали культ личности Сталина, народу объявили: через двадцать лет будет коммунизм. Развернулась работа по приближению светлого будущего. Рисовались картины всеобщего благоденствия, равенства, братства, гармонии духа и физического здоровья, стирания граней между городом и деревней.

Городу такая идея была безразлична, а вот деревня очень хотела избавиться от этих граней. И все же – сказать, что каждый сельский житель бредил «стиранием», нельзя: были и люди, которые прилипли, как щенки к титькам суки, к своим приусадебным участкам, к живности, ко всему, что дает собственная земля. Но реформаторы не учитывали таких пристрастий. Был брошен лозунг: «Индустрию – на село!» И это означало – «Долой частную собственность! Долой живую тягловую силу! Все будут делать машины!».

Заманчиво, ох, как заманчиво. Наверное, сегодня и даже через сто лет это покажется странным, абсурдным. Однако, помнится, как в хрущевскую эпоху жили на земле трубадуры, которые взахлеб восхищались глобальным мышлением вождя, ретиво исполняли все его указания, тоже доводя их до абсурда.

В результате такого рвения полки продовольственных магазинов были завалены конской колбасой. Тачанки, брички, линейки, бедарки за ненадобностью сожгли. Золу пустили на удобрение пахотных земель, что должно было принести невиданный урожай. Урожая не было. В «верх» доложили: план выполнили досрочно. Правда, – и об этом уже не докладывали, — беспокоило одно: что делать с ослами? Их мясо съедобно только в сильный голод, когда и голенища яловых сапог сходили за пищу. А в то время люди еще не были доведены до такого состояния, хотя уже забыли, что такое

белый хлеб. Все заполонила «королева полей». На юге, на севере. Ученые убедительно доказывали, что хлеб вперемешку с кукурузой и соей гораздо полезнее пшеничного, ржаного.

Правда, его мякиши походили на замазку для оконных рам. Но директивы надо уважать. И, уважая, колхозы продолжали расширять площади под кукурузу, ассортимент продукции из нее. Все, хоть и не без скрипа, получалось. По-прежнему оставался трудный вопрос с этими ослами – куда их девать? На мясо не годятся, а портить пейзаж коммунистического завтра недопустимо. И тогда созрело решение: всех под нож, на салотопку, на мыло. Очень мудрое решение. Нужно только побыстрее выполнить его. И как оно не пришло в головы местным реформаторам раньше?!

2.

Коньков, пятьдесят лет проживавший в поселке Богатырь, встретил это решение в штыки. Если б не амнистия пятьдесят третьего года, сидеть бы ему еще лет двенадцать в бухте Ногаева в Устье Утином, наслаждаясь северным сиянием и прочими красотами жизни этого края, где тоже люди живут. Ветер свободы освежил ему задубелое лицо, расшевелил покрытые плесенью сомнений мозги и благословил: «Живи, человек. Теперь тебя никто не тронет».

Не поверить этому мог только закоренелый раб. Коньков таковым себя не считал. У него были кое-какие деньжата, скопившиеся с момента вынужденного переселения с юга на север. И он решил поехать в райцентр, чтобы доподлинно узнать, на какую же разведку работал он до ареста, что же это за разведка, если взяла его, безграмотного, с двумя классами образования, к себе на службу? Обращаться в архивы он не стал, так как понимал: бюрократическая машина осталась исправной и будет таковой при любом режиме. Тюремный университет «трошки образовал» его, особенно насчет политики. Во всяком случае, эту бюрократическую машину он смело назвал вечным двигателем. «Да, хучь при царе Митрохе, хучь при Миките Хрущеве - вечный двигатель». Поэтому поиски ответа на поставленный им вопрос он начал от печки. Разыскал в райцентре следователя, который вел его «дело». Так как он уже не работал (его выпихнули на пенсию), не составляло труда разговорить его, тем более, что следователю и самому очень хотелось снять со своей души тяжелый камень. Поэтому, когда Коньков пришел к нему домой, тот сразу понял, зачем. И, не дожидаясь вопросов, сам начал рассказывать.

– Я все понимаю, – перебил его Коньков, стуча по столу ребром руки, на которой синела татуировка: лучи восходящего солнца, а под ним одно слово – «Север». – Но объясните, как получилось, что вы мне чуть ли не вышку влепили?

Копаев раздавил окурок в пепельнице, изображающей черного лебедя, достал другую сигарету. Было видно, что он тоже волнуется, что он на стороне Конькова, будто не он, а кто-то другой придумал виновность гостя. Копаев никак не мог прикурить сигарету и еще труднее было ему найти нужные слова.

– Как получилось? А так и получилось... Райуполномоченный Маньковский передал нам в контору телегу, где сообщал, что вы, единоличник, такой-сякой, сын подкулачника, непочтительно отзывались о вожде народов Иосифе Виссарионовиче Сталине. Больше того, – в насмешку над ним дали кличку своему ослу – Ёська. С намеком, значит. Ваш осел был якобы ленивым, и вы, хихикая, стегали его кнутом, кричали: «Ёська, Ёська – шельма лопоухая!»

Коньков криво улыбнулся.

– Но при чем тут вражеская разведка?

– В том-то и дело, что не при чем... Но попробуй сформулируй, если строго по докладной. Страшно подумать даже, какие могли быть последствия. По отношению ко мне, конечно... А у меня трое детей...

– Ясно: своя рубашка ближе к телу... Мои дети не в счет.

– Как хотите, так и судите. Но я расскажу, как было... Виновата, конечно, система. Докладная поступила? Поступила. Надо оформлять дело... Вы думаете, я не понимал, что липа? И в том, и в другом случае – липа. Но надо было выкручиваться... Изложи я все по бумаге этого прохвоста, загудел бы вслед за вами. И, может быть, еще подальше бухты Ногаева в Устье Утином.

– В общем, за мой счет свою шкуру спасали.

– Выходит, так. Время было такое...

Ладно, ладно. Хватит валить на время. Вы-то его тоже двигали, время это. И влиять могли. Неужели нельзя было этого Маньковского прищучить? Чего, мол, плетешь такое? Ёська – это же Оська. От осла... А вы сразу – виноват.

– Сейчас легко рассуждать, а тогда попробуй, – отозвался Копаев. – И пепла не осталось бы...

– Нехай, значит, от меня, от таких, как я, пепел будет. А вы, «делопроизводители», нужны на свободе... Ладно, ладно. Хрен с вами. С этим вопросом ясно. Но все-таки... на чью разведку я работал? Хоть теперь то я должен знать, за что меня тогда... Ведь мне даже не объявили...

– Верите-нет, гражданин, то есть товарищ Коньков... Иван Иванович, — совсем разволновался Копаев. – Это был ваш спасательный круг.

– Да ну? На целых пятнадцать лет спасения... Пожалели!

– Иначе была бы вышка.

– Ни хо-хо себе! За Ёську – вышка?! Гм...

– А вы не смейтесь. Вас обвинили бы в покушении на честь и достоинство великого вождя... Статья... Но я нашел вариант полегче: пособничество турецкой разведке...

– Турецкой? В чем?

– В предоставлении информации о месте нового Грозненского нефтепромысла. Вы же работали там?

– Тьфу, едрёна корень. Какая с меня информация? Я там был разнорабочим. У меня всего два класса. Какая информация?

– А это уже была моя забота.

И далее Копаев стал подробно рассказывать, как он находил свидетелей, готовил документы, консультировался со специалистами по нефти и по турецкой разведке. Коньков уже не слушал его, пожалел, что начал «выяснение обстоятельств и истины». Он молча смотрел на энергичные жесты и заискивающие взгляды бывшего следователя, не осмеливаясь прервать его, и думал о своем.

3

Вспомнился сорок девятый год, когда он, Коньков, купил себе годовалого ишачка. Это был красавец. Темно-серая, лоснящаяся шерсть, пышная щетка хвоста, крупные, опушенные черными ресницами карие большие глаза, длинные красивые уши, а на всех ногах, выше копыт, белые носочки, то есть сантиметров по пятнадцати кипенно белой шерсти. Ишачка звали Кентавр. Наверняка эту кличку дал ему не хозяин, потому как его образование – один класс начальной школы. Конькову эта кличка не понравилась. Как было видно, не нравилась она и самому ослу. Однажды Коньков стал расчесывать ему холку, ласково произнося обращение «кось, кось», как это делается с лошадьми. Ослик радостно фыркнул и, открыв рот с желтоватыми зубами, негромко пропел: «И-а, и-а». Взаимопонимание было найдено. С той поры Коньков стал звать своего красавца Еськой. На что тот всякий раз охотно откликался.

Коньков «сгандобил» приличную двуколку, обучил своего Ёську заходить в оглобли, терпеть хомут на шее, реагировать на кнут и на вожжи с уздечкой. Словом, добился полного и не ишачьего повиновения хозяину. В ответ на это Коньков обеспечивал его свежим фуражом, а осенью и зимой – овсом, всякой мешкой из отрубей и комбикормов. На двуколке Коньков ездил на мельницу смолоть мучички, привозил им же накошенное сено, ездил на базар продавать молоко, масло, сыр. Его корова давала тридцать литров ежедневно. Так что хватало и семье, и на продажу. В колхоз его так и не заманили. Ни до войны, ни после. Жил он, как говорили, сам по себе: работал для дома, для семьи, исправно платил все налоги, продовольственные поставки, не бедствовал. Все обуты, одеты, сыты. Дети в школе не последние ученики. Дочка так даже на золотую медаль тянула. Сын грамоту получил. За учебу. А сам он раз в год ходил на парад, если это можно назвать парадом. В честь Дня Победы. Надевал лучший костюм с орденами Красной Звезды и Отечественной войны первой степени, с медалями и приходил к братской могиле на окраине поселка. Там собирались такие же фронтовики. Вспоминали войну, погибших друзей-товарищей, выпивали сто грамм прямо на плитах обелиска. Иногда пели: Артиллеристы, Сталин дал приказ, Артиллеристы, зовет Отчизна нас...

Потом, как после причастия, медленно расходились по домам. Большинство на другой день, кто еще работал, уходили в колхозные бригады, а Коньков ковырялся со своим Ёськой. И все

было бы хорошо, счастливо, если б не новые налоги на единоличников. Их-то и было три-четыре человека на весь поселок. Но с них сдирали все. Коньков сдавал государству до восьмидесяти процентов от произведенного продукта. И все же он не унывал. Бывает хуже. Ему все равно жилось лучше, чем колхозникам. В селе его любили. За честность и трудолюбие. Многие даже одобряли: «Молодец, Иван. Так и надо». Иногда добродушно посмеивались над ним, особенно когда тот проезжал в своей двуколке и, довольный жизнью, покрикивал на любимого ишачка:

– Но, Ёська! Поехали!

Не выдержал такого нахальства райуполномоченный Маньковский, частенько приезжавший в поселок Богатырь, и накапал на Конькова. Дескать, не место таким в нашем социалистическом обществе. Они подрывают его устои и глумятся над вождем всего мира, сравнивая его с каким-то лопоухим животным. Телега Маньковского была официальной, и замолчать ее было невозможно, о чем и старался уже полчаса обстоятельно рассказать бывший следователь Копаев любопытному Конькову.

– Такая была ситуация, – закончил он свой рассказ. – Так что простите меня, гражданин, то есть товарищ Иван Иванович, если что не так, но я помочь вам хотел.

– Так, так. Все так, – ответил Коньков, – спасибо за помощь. И за амнистию. Но это уже не ваша заслуга. С этими словами он встал, надел свою видавшую виды кепку, кашлянул и улыбнулся на прощание:

– Очень интересная информация... Мне больше ничего не надо. Турецкий шпион...

Жена Конькова, Вера Ивановна, расставаясь с ним после приговора, не плакала, но, поцеловав его, сказала:

– Ванечка, милый, пятнадцать лет и всю жизнь буду ждать тебя. Только тебя... Деток подыму сама.

Коньков крепко обнял ее и, уже оторванный от нее конвоирами, оглядываясь, крикнул:

– Не виноват я, Вер! Детям объясни это...

– Ва-а-ня-а! – не выдержала она и упала в обморок, но он этого уже не видел.

И вот не прошло и трех лет, как Коньков снова дома, Вера Ивановна не переставала благодарить Бога за такое счастье. Снова зажили они так же дружно, как до ареста. Но все надо было начинать сначала. Пока Коньков был на Севере, корову отобрали за неуплату непомерно возросших налогов для единоличников. А Ёську она все-таки сохранила, будто знала, что Иван вернется скоро.

– Молодец, Веруня! – похвалил он жену. Она улыбалась, довольная похвалой, прижимаясь к его теплому боку.

Коньков основательно занялся своим хозяйством. Небольшим, но своим. Через год купил три семьи пчел, а еще через год у него уже была своя небольшая пасека. Целое лето он пропадал там со своим Ёськой. Накачал меду, накосил сена. Продал все и справил обнову детям, жене. Даже на телевизор хватило. В общем, жизнь налаживалась. Живи да радуйся. И вдруг это постановление насчет тягловой силы. Конечно, лошадей жалко, но у него их не было. А вот с Ёськой расставаться он не хотел. Это – его друг и машина. Когда Конькова вызвали в сельсовет и предупредили об ответственности, он посмеялся: «Мой осел. Хочу держу, хочу продам».

– Решение партии – для всех, – упирался председатель. – Обязательно для всех.

– Я беспартийный.

– Тем хуже для тебя... Или тебе мало Севера было?! – закричал председатель.

– Так уж за ишака и Север, – спокойно отвечал Коньков. – Времечко другое нынче. Оттепель. Или уже опять морозы надвигаются?

– Вон отсюда! Демагог, – сдерживая себя от худших слов, скомандовал председатель. – Не уничтожишь осла, силой заберем...

– Так я вам и отдам, – ехидно улыбнулся Коньков и вышел из кабинета. По дороге домой он задумался. Что-то надо делать. Для начала он взял Ёську под уздцы и отвел его километров за шесть от поселка, в буруны. Там, конечно, везде песок, но в одном месте было озерко, а вокруг луга хорошие. Коньков стреножил Ёську и оставил там пастись и ночевать. Когда он вернулся домой, его уже ожидали два мужика из сельсовета.

– Ну что, сдал осла на салотопку? – спросил один.

Посреди двора стояла двуколка, но Ёськи ни в оглоблях, ни во дворе не было.

– Сдал, – соврал Коньков. – Там такая очередь... – Проверим... Документ получил?

– А на кой хрен он мне нужен?

– Социализм – это учет, – добавил второй мужик.

С тем и ушли посланцы председателя.

Коньков сел на старенький довоенный велосипед и, бросив жене: «Я скоро», поехал на салотопку, чтобы своими глазами увидеть, правда ли там истребляют ослов. Может, тоже гонят на колбасу. То, что он увидел, просто вырубило его из нормального состояния. Никакая это не салотопка была. В бурьянах стоял старый заброшенный сарай. Рядом был вырыт широкий ров. Дно его устилали тела убитых животных. Наверное, голов пятьдесят. Вонь падали до тошноты била в нос. Было видно, как трупы ослов облепили крупные зеленые мухи. Не обращая внимания на людей, с трупа на труп перелетали, каркая, вороны, иногда ссорясь меж собой за право обладанья падалью. Недалеко на холостом ходу работал бульдозер. Бульдозерист с растрепанными ветром волосами стоял возле машины и одну за другой курил сигареты. Он ждал команды засыпать ров. А ее не было. Места во рву еще оставалось много, да и по расчетам сельсоветских работников не все ослы были истреблены. Люди прятали их, надеясь, что это поветрие пройдет, но у переднего края рва, ближе к сараю, стоял человек в очках и что-то записывал. Коньков подошел к нему сзади, резко схватил за шиворот и повернул его лицом к себе.

– Твари поганые! – заорал он. – Это так вы коммунизм строить собрались? Падлы! Негодяи! Задушу тебя самого, как гниду!

И он в самом деле начал душить учетчика. Тот захрипел. На помощь прибежали бульдозерист и стрелок с карабином. Коньков всех их знал с детства. Он тут же отпустил учетчика, сплюнул в сторону и, презрительно улыбаясь, сказал:

– И вы туда же?

– Свяжите его! – приказал хрипатый учетчик. – Так и запишем: нападение на представителя власти при служебном исполнении... Еще срок получишь, тогда будешь знать, как саботировать выполнение решений партии. Сразу годков на десять потянет...

Стрелок, Санька Анчуткин, держал Конькова под прицелом, а бульдозерист, здоровый детина, связывал Конькову руки. Тот не сопротивлялся, зная, что могут состряпать ему еще одну статью.

Коньков стоял, нервно сопя и зыркая глазами то на одного, то на другого, и покачивал головой.

– Эх, сволочи вы, сволочи... Нашли себе работенку. Ни дна вам ни покрышки!

– Говори, говори, Коньков. Вот приведем тебя в Совет, по-другому заговоришь.

– А ты меня не пугай, я пуганый-перепуганый...

– Так, Анчуткин, Конькова под конвоем в сельсовет. Анчуткин было хотел исполнять приказ, но вдруг обрадовано крикнул:

– Отставить! Есть еще работенка!

Мало кто знал, что за каждую голову ему платили по три рубля. Радость Анчуткина объяснялась тем, что ко рву вели очередную жертву, еще один трояк, хотя и не осла, а коня. Хромого, с бельмом на глазу, по кличке Лихой. Каждый из присутствовавших здесь помнил его с сорок девятого года, когда тот привез золото с выставки на ВДНХ. Редкий был конь. Сколько призов он завоевал колхозу — не перечесть. А однажды, когда он уже состарился, его все-таки поставили в заезд на скачках, надеясь, что Лихой вытянет первое место. Уже на втором круге у него подкосились ноги, он упал вместе с жокеем и сломал переднюю ногу, повредил глаз. Можно было бы тогда же пристрелить его, но болельщики не позволили этого сделать. За былые заслуги, за ту славу, которую он принес колхозу. Теперь же он был совсем стар. Мясо его не годилось на колбасу. Использовать его на хозяйстве невозможно: спотыкается, не видит, все зубы стерлись. Вот и решили кончить его вместе с невинными и беззащитными ослами. Конюх Чуркин, который привел Лихого на поводу, отдал его учетчику, а сам отвернулся и заплакал:

– Не могу смотреть...

– Потом побежал от рва в сторону поселка. Учетчик поправил очки и приказал Анчуткину:

– Я буду держать на поводу, а ты давай. Прямо в глаз цельсь. Не копнется.

Анчуткин задрожал и промямлил:

– В Лихого не могу. Это ж наша слава...

– Была слава, а теперь старая развалина. Ну, давай! Давай!

Анчуткин боялся не выполнить приказа, потому что это был не просто учетчик, а заместитель председателя сельсовета, бывший работник НКВД, которому и поручено свершить это государственное дело. Лихой стоял на краю рва. Учетчик держал его на поводке. Лихой фыркал. Видно, и ему был противен запах падали с зелеными мухами. Привыкший к доброму отношению к нему человека, он и не подозревал, что ждет его в эти минуты. Не видя людей своими ослепшими глазами, он чувствовал и, казалось, уловил, что привели его сюда не на парад, не на шумный старт, а для чего-то непонятного ему. Тряхнув головой, он по-стариковски заржал.

Коньков, стоя со связанными за спиной руками, крикнул:

– Иуды, оставьте лошадь! Она никому не мешает.

И в это время Анчуткин выстрелил. Хотя у него дрожали руки, он точно попал Лихому в глаз. Тот мгновенно свалился в ров, потянув за собой учетчика, не успевшего бросить повод. Все перепугались, думая, что и бывшего энкаведешника ухлопал Анчуткин. Но тот быстро вылез из рва и, свирепо глядя на мужиков, скомандовал:

– Все! Гусаков, подгоняй бульдозер и засыпай. А ты, Коньков, марш в сельсовет. Анчуткин, отвечаешь за него головой.

– А велосипед? – спросил Коньков.

– Думаю, что он тебе больше не пригодится, – ответил учетчик.

Бульдозерист Гусаков молча пошел к своей машине, а остальные вышли на дорогу и зашагали в сторону поселка Богатырь. Впереди со связанными за спиной руками – Коньков, вслед за ним – Анчуткин с карабином на изготовку, потом учетчик, государственный человек. Шли молча. Первым заговорил Коньков:

– Я тебя не боюсь, погань ты вонючая, – обернулся он к учетчику, – но хочу спросить: неужели ты веришь, что твоя работа людям, стране нужна?

– Отставить, гражданин Коньков! – прохрипел учетчик.

– Это мы уже проходили... Там, на Севере, в бухте Ногаева в Устье Утином. После него мне уже ничто не страшно. И никто... Но даже если я снова попаду на Север, в чем я сомневаюсь, все ж-таки оттепель на дворе, я останусь человеком, а ты был гнидой, гнидой и подохнешь.

– Анчуткин, запоминай: будешь свидетелем! – снова прохрипел учетчик.

После этого короткого диалога все замолчали. Впереди по дороге им навстречу ехала двуколка, запряженная ослом. Сзади двуколки был привязан молоденький ослик. Когда поравнялись, возница этой грустной упряжки, дедок лет под восемьдесят, спросил учетчика:

– Работает салотопка? Приказано сдать...

– Разворачивай, отец, завтра привезешь. Тут недалеко. Видишь, нам некогда.

– Вот спасибо, хучь ишо один денек поживет скотинка, – радостно ответил старик, развернул свою двуколку и быстро поехал обратно. Снова установилось тягостное молчание. И вдруг Коньков как закричит:

– Стойте! Послушайте: это же Ёська! Мой Ёська. Коньков, а вслед за ним и остальные увидели, как по полю подпрыгивал его стреноженный Ёська. Коньков, не обращая внимания на конвой, со связанными руками за спиной побежал навстречу Ёське.

– Анчуткин, стреляй! Убежит! – хрипел учетчик.

Но Анчуткин остался на дороге, опустив ствол карабина вниз, и тупо смотрел в ту сторону, куда побежал Коньков. Было видно, как ускорился Ёська. Спутанные, стертые до крови передние и одна задняя нога сильно мешали ему передвигаться, но он торопился к своему хозяину. И когда между ними оставалось метров тридцать, Ёська остановился и, радостно мотнув головой, на всю степь прокричал:

– И-а, и-а, и-а!

Нурболат ДЖУАНЫШБЕКОВ

Имя Нурболата Орынбековича Джуанышбекова широко известно литературному миру Казахстана – известный ученый, доктор филологических наук, профессор, академик МАИН. Его труды по теоретическому и сравнительному литературоведению, культурным взаимосвязям Казахстана со странами СНГ, пользуются огромной популярностью у школьников, студентов вузов и колледжей.

Однако Нурболат Орынбекович Джуанышбеков не только прекрасный ученый, но еще и талантливый поэт. Его перу принадлежит ряд стихотворений, поэм, в которых он воспевает величие и многогранность мира, красоту женщины, любовь, дружбу. Лирично-романтичные, философско-глубокие, искренне-доверительные произведения Н.О. Джуанышбекова покоряют с первых же строк. Ибо в них читатель обретает утраченную миром гармонию. Практически в каждом своем стихотворении автор напоминает о вечных ценностях и этических идеалах.

Произведения Н.О. Джуанышбекова несут в себе жизнеутверждающее начало. Они полны света, веры и надежды. В них часто звучит симфония древних легенд, степных просторов, казахских кюев и эпосов.

Творчество Н.О. Джуанышбекова характеризуется многогранностью. В его поэзии органично сочетаются традиции Востока и Запада, Азии и России, что обусловливается особенностями его мировоззрения. Будучи казахом по национальности, Н.О. Джуанышбеков творит и пишет на русском языке. Он – тонкий знаток персидско-таджикской и европейской поэзии. Его любимые писатели – Хайям, Фирдоуси, Джами, О. Сулейменов, Шекспир, Байрон, А. Пушкин, Абай Кунанбаев и др.

Автор виртуозно владеет различными системами стихосложения. Он с одинаковым профессионализмом пишет в жанрах танка, хокку, рубаи, бейт, газели, сонет, рондо и т.д., что обусловливается не только его филологическим образованием, глубокими познаниями в области литературоведения, но умением чувствовать слово.

Необычен язык Н.О. Джуанышбекова. Каждое его слово, каждая фраза несет в себе глубокий смысл, который порой перерастает в символический. Такой эффект достигается благодаря использованию сравнений, метафор, необычных эпитетов (например: «Люблю твои тонкие руки, / И брови –кипчакские луки, // Как нового месяца тонкость, / Изысканно-сладкие муки. Или: «Александритовость взгляда»). В некоторых своих произведениях автор одновременно употребляет казахские и русские слова. В результате чего возникают совершенно новые рифмы и сочетания (например: сенем-салем, смятен-смущен).

Произведения Н.О. Джуанышбекова насыщены литературными реминисценциями, аллюзиями. В своих стихотворениях автор упоминает Саади, «Фауста» Гете, образы, присущие творчеству восточных и европейских поэтов. Поэтому его произведения вызывают массу ассоциаций. Они уносят читателя в иной мир, в другое измерение, где цветут сады Гулистана, льется вино, звучат речи суфиев и создается иллюзия диалога прошлого и современности.

Интересны названия стихотворений Н.О. Джуанышбекова: «Прости», «Планета», «Последний лист», «Костер», «Сад души», «Молитва» и т.д. В них, с одной стороны, раскрываются чувства лирического героя, его переживания, с другой – космизм души поэта, его умение подняться над миром и увидеть действительность в глобальном масштабе.

Творчество Н.О. Джуанышбекова – сложный сплав рыцарского начала и детской открытости, непосредственности. Он с одинаковым вниманием описывает красоту женщин, вспоминая образы Беатриче, Лауры, и пишет о бумажном кораблике, являющемся символом детства. Отсюда пронзительная трогательность и изящность его произведений.

Поэзия Н.О. Джуанышбекова еще одна яркая грань его дарования. Его стихотворения – новая самобытная страница в литературе Казахстана.

Алуа Темирболат,
кандидат филологических наук, доцент КазНУ имени Аль-Фараби

Одностишье

Застыли строгой музыкой твердые формы строф.

Бейт

***

Тишина такая, аж в ушах звенит.
Ели, как ракеты, целятся в зенит.

***

Да не будет в тревоге метаться зрачок. Да не будет.
Да не будет твой разум бедой омрачен. Да не будет.

Рубаи

***

Да, октябрь безжалостный месяц.
Клен, пустой головою свесясь,
Мерзнет, жалобно что-то шепча,
Рубаи, словно осени вестник.

***

Желтый цвет – цвет тревоги, вниманья. Желтый цвет.
Он меня, словно бабочку, манит. Желтый цвет.
Жертва я. Я – добыча огню. Красный цвет.
Нурболата одна понимаешь. Желтый цвет.

***

Годами речь рекой текла, мутна.
Луна так темной ночью не видна.
Но взглядом я твоим одним взволнован,
И Нурболата песня рождена.

Хокку

***

Тополь – лейтенант,
Юный и подтянутый,
твой будущий муж.

***

В заросший травой,
Падаю в старый окоп.
А пули летят.

***

Вот в лагерь дети
Уехали на лето.
Пусто, нет света.

***

Как дымят костры
Из листьев горьких-горьких.
Горько на душе.

Танка

1
Осень, зима ли,
Предзимье настало ли?
Снег растает,
останется – не знаю.
Заметил – мать седая.

2
упала мама,
белье развешивая
в ванной, словно мне
позвоночник сломало,
с табуретки упал я.

3
Март за окном,
На подоконнике ветки
Вербы, два побега,
Два сына есть у меня,
два вестника весны.

4
Все резко: бодрость
тела, усталость духа,
ноют суставы.
Куда-то опять идут,
И без меня составы.

5
Пролилось небо
белым молоком снега.
Ребенком во сне
чмокая, припал к груди
небесной сонный город.

Триолеты

***

Я у пруда на берегу
Услышал вновь лягушек всплески.
Пруд полнится зеленым блеском,
Я у пруда на берегу.

Пасутся кони на лугу,
Пройдя поля и перелески.
Я у пруда на берегу
Услышал вновь лягушек всплески.

***

Гаснет лето. Гаснет лето.
В звездном ласковом молчанье.
Ветерок звезду качает.
Гаснет лето. Гаснет лето.

Пролетела без билета
Надо мной звезда ночная.
Гаснет лето. Гаснет лето.
В звездном ласковом молчанье.

***

Осень. Вечер. Разговор.
Ты опять сидишь напротив.
Ты не против, ты не против.
Осень. Вечер. Разговор.

На востоке четкий профиль
Четкий профиль черных гор.
Осень. Вечер. Разговор.
Ты опять сидишь напротив.

***

Балкон в сиянии луны –
Измены желтый свет.
За мной вины, конечно нет.
Балкон в сиянии луны.

За мной, конечно, нет вины,
А за тобою – столько лет-
Балкон в сиянии луны –
Измены желтый свет.

***

Меж нами лунная дорожка,
Изменой желтой пролегла.
Ревнивица – ночная мгла.
Меж нами лунная дорожка.

Луна сияет, словно брошка,
Как ты могла, как ты могла?
Меж нами лунная дорожка,
Изменой желтой пролегла.

***

Все ясно стало в свете дня,
Пусть далека еще свобода,
Уже ищу реки я брода.
Все ясно стало в свете дня.

Черногривого коня
Пусть пошлет скорей природа.
Все ясно стало в свете дня,
Пусть далека еще свобода.

Рондо

В предчувствии весны.

В предчувствии весны я вижу сны.
Мне снятся дом и запахи сосны.
Какие-то фонтаны голубые,
И розы, алые и желтые. Любые.
И вижу я зверей, домашних и лесных.

Как будто плачу, и слеза с ресниц
На землю падает под пенье соловья.
Я в напряженье в ожиданье дня,
В предчувствии весны.

Предчувствие раскатов и зарниц,
И свежести от утренней росы.
Раскаты и зарницы грозовые,
В предчувствие того, что ты забыла.
Любила ты, а может, был каприз
В предчувствии весны.

Символы бурана

Как символы бурана, сны-обманы.
И вечный бой Ирана и Турана.
Спит тюрков степь и дремлет древом Русь.
Зима во сне мне шепчет: «Я вернусь».

Сон смутный, Святослава тенгрианы.
В предчувствии беды приходит грусть.
На стену Ярославной заберусь,
Кружат зловещие бусовы враны,
Как символы бурана.

Стрела не в цель, и все пусты колчаны.
И «СПИ» прервет традиции Бояна.
Сон Святослава объяснить я не возьмусь,
Не объяснить улыбок мне Марусь.
Неясные, как суры из корана,
Как символы бурана.

Рондель

* * *

Как из пены морской Афродита
Ты из шепота слов родилась.
Как начало начал началась,
Удивился сам Зевс, прародитель.

Ты была временами сердита,
Гневен взор зеленеющих глаз,
Как из пены морской Афродита,
Ты из шепота слов родилась.

Смерти ты и тоски победитель,
Небеса не оставят пусть нас.
Не пойму, ты откуда взялась?
Никогда ты не будешь забыта,
Как из пены морской Афродита.

Сонеты

***

Позволь, Наташа, посвятить тебе сонет,
Хотя сонет свой век давно отжил,
Но многим он поэтам нужен был,
Как милое «люблю», и грустное, как «нет».

Его я шлю, как ласковый привет,
Как воздух гор, что, задыхаясь, пил
Как запах осенит, который так мне мил,
Как первый мной увиденный рассвет.

Наполнен я стихами и печалью
И эта строчка Пушкина со мною
«Печаль моя полна одной тобою»,

Но если встретиться нарочно иль нечаянно
увидеть удивленный взлет надбровий,
как сердце вновь наполнится любовью.

***

О славе дам, об образах прекрасных
Читаю я шекспировский сонет,
Но леди беатриче все безгласны,
Ни красоты, ни славы больше нет.

Столетия проходят чередой,
И где лаур небесные черты?
Мне кажется, что только образ твой,
Мог сохраниться в шествии мечты.

В любой строке к своей прекрасной даме
Поэт мечтал тебя предугадать.
Но всю тебя не мог он передать,
Впиваясь в даль влюбленными глазами.

А ты как сердце, так ты мне близка.
Но как воспеть тебя мне на века?

***

Запад есть Запад, Восток есть Восток
Им вместе никак не сойтись.
Так Киплинг сказал назад лет так сто,
Но он ошибался. Мы вместе сошлись.

Листок одинокий, цветка лепесток
В житейских невзгодах сплелись.
Есть много притоков, один есть исток.
И в реку одну все притоки слились.

Француженка, Запад, Европа, Париж.
А я как Восток, Казахстан, Алматы.
Ты тайны свои по ночам говоришь,
И ты – это я, и я – это ты.

И счастье одно нас на крыльях мечты
Уносит как листья в страну красоты.

***

Быть или не быть? Вот в чем вопрос.
Согнуться под ударами судьбы,
Покорно ждать решения судьи,
Иль выпрямится во весь свой рост.

Похожа жизнь на сумасшедший кросс,
Мелькают годы, лица и столбы,
И хочется уснуть и все забыть.
На нитке жизнь – ненадежен трос.

Заснуть, и может, видеть снова сны...
Какие сны в загробном сне приснятся?
Чудесные видения весны,

Кошмары будут снова проявляться?
Какими муками мне предстоит терзаться?
Вот и ответ. Какие будут сны?..

Газели

***

Дни весны наступили – расцветают весною цветы.
Что мне роза, тюльпан? Есть один лишь цветок – это ты.

Жизнь такая – все быт, суета, мельтешение, проза.
Но взгляну на тебя – и судьба улыбается – роза.

Встану я над землей, как весеннее облако, плача.
Только плачу от счастья, потому что любовь как удача.

Быстролетно, как миг, пролетит, промелькнет образ мира.
А мой мир – это ты, о тебе навсегда моя лира.

Запоют соловьи – и всё жизнью весенней полно.
И пространство любви безгранично, безмерно оно.

Не один я. С тобой. Больше мне ничего и не надо.
Речи милой и взгляд, вот одна мне награда.

Нурболата газель – для любимой моей как цветы.
Дни весны наступили – и, конечно, весна – это ты.

***

Да не будет бедою твой день омрачен. Да не будет.
В день рожденья не будет твой разум смущен. Да не будет.

Ты мой мир и тебе говорю я – салем.
Да не будет обидами мир огорчен. Да не будет.

Больше жизни, родная, тебе я сенем.
Да не будет от бед мир твой не защищен. Да не будет.

Скоро осень с деревьев все листья сорвет.
Только осенью дух твой не будет смятен. Да не будет.

Твое имя всегда Гулистаном цветет.
Да не будет вражды и смятенья времен. Да не будет.

Я бы мог подарить тебе рондо, сонет.
Но газель моя в сердце твоем пусть пребудет.

Нам желали в начале любовь да совет.
Вместе с нами они до скончания дней пусть пребудут.

И пусть имя твое вместе с именем Нур
В строках этой газели живут. Пусть пребудут.

***

Откроем друг другу все карты,
Дождемся успеха и фарта.

Дождемся тепла и удачи,
Зеленого теплого марта.

Зеленая ласковость взгляда
В газелях, воспетых Саади.

Тебя поздравляю я, Тима,
С весенним обманчивым садом.

Я родом от Тимы, от Тимы,
От Тимы мотивы и темы,

И образов дивных картины,
От Тимы сюжеты, мотивы.

Изменчивых глаз твоих зелень,
Я воспою, как Саади,

Ты – моя вечная тема,
Интимная прелесть газели.

Ее воспевал Саади
Зеленая прелесть взгляда.

Ее воспевал Саади
Восточного месяца прелесть –
Александритовость взгляда

Люблю твои тонкие руки,
И брови – кипчакские луки,

Как нового месяца тонкость,
Изысканно-сладкие муки.

Все ближе, тесней наши жизни,
Когда мы без виз и авизо,

Все ближе к уходу, все ближе.
Друг другу все ближе и ближе.

Анатолий ПРЕНКО

Анатолий Савельевич Пренко – русский писатель, родившийся, живущий и работающий в Адыгее. Об этом говорят не только автобиография, но и все его книги. А их уже около десятка, изданных в Москве и Майкопе. Одна из них – «Эта непостижимая любовь» удостоена Государственной премии Республики Адыгея в области литературы. Он обладатель приза «Золотое перо Кубани», лауреат премии Союза журналистов России.

Именно эта непостижимая и постижимая любовь, преданность отчей земле, малой и большой Родине обеспечивают успех его произведениям. Они не придуманы, они взяты из жизни, их герои – люди разных национальностей, живущие в республике. Одной из своих книг он предпослал «необходимое объяснение», в котором подчеркивает, что рассказы не придумывает, «это были и небылицы кужорян», а кужоряне – это жители милой его сердцу красивой, казачьей станицы Кужорской, что под Майкопом.

Предлагаемая повесть, хотя и сатирическая, тоже пропитана этим духом его любви к людям, к Родине. Прочтите ее сами и убедитесь в этом.

Руслан Мамий,
доктор филологических наук, писатель.

Писательской судьбе Анатолия Пренко уготована добрая и долгая память, так как он умеет понять Время, которое и является главным героем его произведений.

Николай Шиков,
доктор филологических наук, профессор.

Моя Джунгтэррия

Сатирико-патриотическая повесть

Глава I. Есть Всевышний на свете!

Волею слепой судьбы – еще древние знали: у судьбы глаза завязаны, она возвеличивает ничтожных и наказывает безвинных – мой дед Арслан Иваноков со своим отцом Ахиллом оказались далеко за пределами своей родины – Джунгтэррии. В переводе с джунгтэррского *джунг* имеет два значения – *хохот и счастье*, *тэррия* (от лат. – «terra» – «земля») на нашем языке – *независимая страна*, *суверенное государство*. То есть *Джунгтэррия* – значит, *счастливая страна*.

Некоторое время дед жил в Анатолии, горной провинции Турции, где похоронил отца, потом в Болгарии, Франции и, в конце концов, перебрался в Америку. Там, в штате Калифорния, в городе Сан-Франциско, родились мой отец Ахилл и я, Арслан. Нам дали имена наших дедов.

У нас собственный бизнес – макаронная фабрика на седьмой авеню, рядом магазин – продаем свои макароны – и ресторан китайской кухни. Почему китайской, объяснение простое. Дед в Париже работал в таком ресторане. Сначала посудомойщиком, потом помощником повара и, наконец, поваром. Перебравшись в Америку, он открыл собственное дело, которое продолжили отец и я.

Мой дед давно умер, но я прекрасно помню его. Видный был старик – высокий, широкой кости, седобородый, но чернобровый и с молодым блеском в глазах. В свободное от работы время он ухаживал за приусадебным участком, я помогал ему, и мы говорили, говорили... Я любил слушать его. С юношеским жаром он рассказывал о своей чудесной родине. Какие там сверкающие снежные горы, бездонные ущелья, шумные водопады, бешено скачущие по красным камням

(мрамор, гранит) синие реки, полные дичи непроходимые леса. Какие ливни, и какие яростные грозы! А главное – прекрасные люди: рослые, смуглые, черноволосые, нос с маленькой горбинкой («Ну вот такусенький», – говорил и показывал дед), большеглазые, свободные, как птицы, мужественные, как львы, непосредственные, как дети, бескорыстные, дружелюбные, гостеприимные, чуждые мелочности, жадности и зависти.

Это под его влиянием я с детства рвался побывать на своей исторической родине. Эту мечту подогревал во мне отец, в старости – вылитый дед. Он не раз говорил мне:

– К несчастью, мне не довелось увидеть родину наших предков, но ты, сын, непременно должен поехать туда. Слышишь? Обязательно! Сестры твои повыскакивали замуж за американцев, родной язык почти не знают и не учат ему своих детей. А ты-то, в совершенстве знающий наши язык и обычаи, – спасибо за это моему отцу – твоему деду! – мужчина, продолжатель рода. И я верю, что ты не только побываешь на нашей настоящей родине, но и останешься там навсегда. Хороша Америка, но Джунгтэррия – лучше всех! Сделай это, Арслан, осчастливь своего отца! Я бы и сам... Если бы ноги подчинялись...

Легко сказать: поезжай, но как же непросто это сделать! Я ведь не пенсионер, чтобы отправляться в путешествие за тридевять земель, – мне еще и сорока лет нет – и не богач с десятком менеджеров, на которых можно оставить собственное дело. А потом – страшновато ехать. Где эта легендарная Джунгтэррия, затерявшаяся среди гор между Европой и Азией?

И все же – есть на свете Всевышний – мечта свершилась!..

Глава II. Ошеломляюще красивые

В небольшом, но уютном здании аэропорта я с жадностью всматривался в моих соплеменников. Первое впечатление – очень красивые люди. В Сан-Франциско с давних пор живет много латиноамериканцев, они смешались с европейцами – получилась симпатичная смесь. Но здесь люди красивее.

Я с восхищением смотрел на женщин. На что прежде всего обращает внимание мужчина? На стать, лицо, грудь. А я еще, а может, и прежде всего – на волосы. Волосы местных женщин привели меня в восторг – черные, густые, прямые и вьющиеся, блестящие. Обильные волосы – это порода, это сила, это близость к матери-природе.

Не только волосы моих соплеменниц были хороши. Они стройны и гибки, у них развитая грудь. А лица – с каждого пиши портрет: правильные черты, нежная смугловатая кожа, выразительный росчерк черных бровей, густые, длинные ресницы, сочные губы, нос с едва заметной горбинкой (прав был дед!). Я завидовал волосам, которые льнули к прекрасным лицам.

Одна молодая женщина – чудо природы, будто сотворенное из утренней зари, молока и, несомненно, меда, взглянула на меня с интересом. Я невольно улыбнулся красавице. Она отвернулась. Я подошел к ней и с непонятным для себя волнением, поздоровавшись, спросил:

– Подскажите, пожалуйста, как мне доехать до ула Ыгейска.

Ул по-нашему – сельский населенный пункт, село, деревня. Она приветливо ответила:

– Вы, наверное, давно не были в этих местах. Ыгейск – уже не ул, а *лус* – то есть районный центр, город. – До луса ходит автобус. Перейдите привокзальную площадь, остановка – справа.

– Спасибо, – сказал я, не в силах оторвать от нее взгляд.

Наклонив голову, она искоса взглянула на меня и улыбнулась: я, наверное, чем-то отличался от местных мужчин. Одеждой? Вроде бы нет. На мне были джинсовые брюки, джинсовая рубашка с коротким рукавом, летние кроссовки. Речью? Пожалуй. Здешний говор менее гортанный и более певучий, чем мой.

Живя в мире, где все продается и покупается, во многом разочаровавшись и разуверившись, я, глядя на красавицу, с облегчением и радостью подумал: «Все же есть на свете настоящая любовь... Если есть такие удивительные женщины, то ее не может не быть!».

Выйдя из здания аэропорта, я остановился и долго смотрел на бетонную площадку с несколькими старенькими самолетами – позже узнал: раньше здесь был военный аэродром – на сады, одно– и двухэтажные дома, которые начинались сразу за бетонной полосой, далекие сине-зеленые горы в снеговых папахах.

Во мне все ликовало: это земля моих предков! Они вот здесь и вон в тех горах неисчислимыми веками топтали тропы и прокладывали дороги, из грубо отесанных камней возводили неприступные крепости, строили дома и мосты. Здесь и сейчас в девственных лесах наверняка бродят стада могучих бизонов, красавцев-оленей, прыгучих серн, а на альпийских лугах пасутся табуны выносливых, быстроногих коней. Я ненасытно смотрел на небо: оно не походило на американское – было необыкновенно синим и необыкновенно высоким...

Прилетевшие пассажиры с чемоданами, сумками, баулами потянулись к автобусной остановке. Я оглянулся в поисках носильщика – тщетно. Подняв тяжелые чемодан и сумку (набрал сувениров), пошел следом за ними. Но шел не так, как они, – свободно, раскованно, одни – быстро, другие – не спеша – я осторожно ступал по священной для меня земле. Мне хотелось пасть на нее и гладить трясущимися от счастья руками, хотелось обнимать деревья, птицей лететь над полями, горами, кричать: «Слава Всевышнему! Блудный сын вернулся на родину!..» Какое это счастье, какое блаженство! Отец, ты не дожил до этого часа, но почувствуй там, на далеких небесах, мое состояние, и пусть тебе от этого станет еще лучше в лучшем из миров!..

На остановке я осмотрелся и, несколько придя в себя, спросил смуглого курчавого мужчину, как добраться до Ыгейска: мол, там родились мои прадед Ахилл и дед Арслан, там, уверен, живут мои родственники.

– Вы интересно говорите. У нас так говорили в старину, – с улыбкой сказал он. – Вы что, нездешний?

– Издалека, – ответил я.

– Ясно. До Ыгейска доберетесь так: сядете на автобус номер семь, который ходит по маршруту аэропорт – Айкон, это наша столица, и он вас довезет.

– А не лучше ли взять такси?

– Они здесь редки и стоят очень дорого.

С Карином, так назвался мужчина, мы ждали автобус более часа. Узнал от него, что перевозка пассажиров в Джунгтэррии убыточна, и потому в целях экономии количество рейсов повсеместно сокращено. Странно: а почему бы не сделать по-другому – поднять цену за проезд? Эту мысль я высказал Карину уже в дороге. Он улыбнулся моей непонятливости:

– Поднять можно, но кто же ездить станет!

– Как кто? Пассажиры!

– А чем им платить?

– Долларами.

– У нас не доллары, а убыли.

Убыль на джунгтэррском языке означает *доход, прибыль*.

– Какая разница!

– Так вы все-таки откуда?

– Из Америки.

– Вам, американцам, нас не понять!

– Почему же?

– У нас незнакомая вам очередная перестройка...

И он стал рассказывать про какой-то социализм, потом коммунизм, как они первыми в конфедерации, в которую входят пятнадцать республик, в том числе и Джунгтэррия, построили колхозы, а когда коммунизм – *рай на земле* создать не удалось, первыми провели приватизацию государственной собственности.

– Народные предприятия заполучили в личную собственность большие чиновники, директора, и многое за бесценок скупили богатые люди, – сказал он. – Это у нас называется разгосударствление. Заполучить-то заполучили, а управлять пока не научились, и сейчас у нас, так сказать, разбалансировка...

Я с интересом смотрел в окно автобуса. Навстречу справа и слева от дороги ровными рядами бежали зеленые свечи красавцев-тополей. Как редки здесь населенные пункты, какие убогие дома и сколько пустующих земель!

– Здешняя земля, наверно, бесплодная? – спросил я Карина.

– У нас лучшие в мире черноземы! – с гордостью ответил он.

– Странно... – в очередной раз понедоумевал я.

Глава III. Мои родственники Иваноковы

Прибыли в Ыгейск. Путь Карина лежал дальше, в столицу, но он – надо же! – сошел вместе со мной и стал расспрашивать людей, где в лусе живут Иваноковы.

– Иваноковы? – переспросил симпатичный мужчина примерно одних со мной лет. – У нас Иваноковых – пруд пруди. А кто именно нужен?

Я ответил:

– Любой.

– Перед вами Лео Иваноков. Что вы хотите?

– Я тоже Иваноков и ищу родственников.

– Одного уже нашли! Пойдемте ко мне домой, я живу рядом, там мы не спеша и разберемся с нашими генологией и родственными отношениями.

Сердце мое забилось: вот оно, гостеприимство, о котором так много говорил дед!

– Передаю под ваше попечительство своего друга, – радостно улыбнулся Карин и, быстро пожав нам руки, побежал к остановке.

«Он назвал меня другом!..», – отметил я и проводил его благодарным взглядом. Карин едва успел протиснуться в уже закрывающуюся дверь автобуса.

Широкой улицей – по центру асфальтированная дорога, около одно- и двухэтажных домов тротуары, между ними – мелкая травка спорыш, на которой паслись здоровенные индюки и гуси, – мы прошли квартал. Я тащил сумку, а Лео, по его настоянию, тяжелый чемодан. Всю дорогу он удивлялся тому, что я аж из Америки («Чего тебя сюда занесла нелегкая?!») и что Иваноковы есть и там («Далеко залетели! Орлы!..»).

У одноэтажного кирпичного дома, построенного в форме буквы «П» и обнесенного железным забором, выкрашенным в зеленый цвет, он остановился, открыл дверь и с улыбкой пригласил:

– Заходи, мы пришли.

По словам моего деда, жилищем богатым джунгтэррцам служили замки, а бедным – турлучные хаты, покрытые камышом, с навесом у входа, с глиняными полами, маленькими окошками, затянутыми бычьими пузырями, с заборами, выложенными из диких камней... Но так было давным-давно.

За забором – молодой сад. Деревья умело обрезаны (я кое-что смыслю в этом) и побелены. Тяжелые румяные яблоки, желтые груши, синие сливы гнут ветви к земле. Вдоль дорожки, ведущей к дому, посажены розы. Они цвели. Я с наслаждением вдохнул их аромат. В Америке розы так сильно не пахнут.

Лео провел меня в просторную комнату для гостей. Познакомил с женой – красивой, приветливой Лилиан и тут же попросил подростка сына, Гектора, пригласить в дом соседей Иваноковых.

– Скажи им, – наказал он ему, – что у нас гость из самой Америки, и он *наш* – Иваноков!

– Я мигом, папа!

– Моего прадеда звали Ахиллом...– сказал я. – Интересно, почему ты своему сыну дал имя мифологического героя Греции?

– Мы один из самых древних народов, цивилизация на Земле началась с нас, джунгтэррцев. Наши ученые на основе лингвистического анализа многих слов и выражений джунгтэррского и древнегреческого языков пришли к выводу, что защитники Трои – ахейцы, которых Гомер воспел в «Илиаде», потомки древних джунгтэррцев. Так что Гектор, Ахилл – имена вовсе не греческие, а наши, – убежденно ответил Лео.

– Неожиданно!

– Интересно и то, что это замечательное открытие сделали не ученые – историки или лингвисты, а юрист и архитектор.

– Удивительно!

– Да. Но ведь не только геологи открывают новые месторождения полезных ископаемых!

– Не только, – согласился я.

Лео показал мне дом. В комнатах – ничего лишнего. Мебель простая и удобная. Тонкий вкус я отметил в одежде людей. Чувство меры, красоты, видимо, в крови у джунгтэррцев.

В течение часа в гостиной собралось десятка два мужчин, женщин, детей. Все Иваноковы. Все высокого роста, худощавые, удобно одетые. Познакомились. Я раздал сувениры – копии статуи Свободы и фигурки танцующей балерины из белой пластмассы, светящейся в темноте, про-

стенькие часы – их сначала никто не хотел брать, мол, слишком дорогой подарок, зажигалки, солнцезащитные очки и прочее. Иваноковы обрадовались подаркам, как малые дети.

Начались расспросы. Старшие – семьдесят-девяносто лет – пытались вспомнить моего прадеда и деда.

Пока мы говорили, хозяйка с дочкой Лейлой – что за имена! –очаровательным созданием лет десяти, накрыли стол. Ароматные запахи заполнили комнату. Пельмени из индюшатины, их любил мой дед, жареные куры, которых подали с очень вкусным чесночным соусом, вместо хлеба – густая кукурузная каша. Чуть позже внесли кастрюлю с ароматной, обжигающей бараниной. Все дружно угощали меня. И сами много ели. И много пили спиртного. А дед говорил, что джунгтэррцы его в рот не берут!

Впечатление у меня сложилось такое: люди живут безбедно. Порадовался за соплеменников. Это позже я узнал, что барашка заколол ближайший родственник, а индюку (своему) отрубил голову сосед, то есть стол был накрыт сообща. Между прочим – отличный обычай! Но это не от большого достатка...

Вскоре женщины ушли в другую комнату, а подвыпившие, раскрасневшиеся мужчины стали говорить, не слушая друг друга. То и дело обращались ко мне, расспрашивали, сами рассказывали, объясняли.

– Наш родственник Петер Иваноков – министр сельского хозяйства Джунгтэррии. А вот своего двоюродного брата на службу не взял – выродок какой-то! Принял другого и даже не из нашего луса, – осуждающе сказал белобородый старик. – Разве можно так? Ты прежде всего бери родича, а если он отказался, то бери из родного луса или ула, ну а если уж и этот не согласится, тогда можно взять и из чужого. Так всюду делается. Президент Франции де Голль назначал министрами парней со своей родины – города Лилль, президент России Путин берет из Санкт-Петербурга, ваш президент Буш-младший, – взглянул на меня, – из Техаса. Так же поступают их преемники и наш глубокоуважаемый президент Ойбеков. И это правильно: свой-то понадежней других!..

– Мой племянник – председатель комитета нашего конгресса, – с гордостью сказал другой Иваноков. – Когда ни приедешь к нему, он все занят!

– Занят настолько, что ему, наверное, и работать некогда, – улыбнулся сосед.

– Не скажи! У того, которому делать нечего, всегда дел по горло, – насмешливо заметил третий.

– Когда у человека много свободного времени, он немногого достигнет, а мой племянник стал большим государственным деятелем! – горячо возразил ему дядя председателя парламентского комитета.

– Железо ржавеет, мясо протухает, вино прокисает... – громко сказал четвертый Иваноков, накладывая в свою тарелку исходящую паром баранину.

– Не дадим вину прокиснуть!.. – подхватил возглавлявший стол амода.

Он каждому по старшинству, но, как я понял, старшинство не столько по возрасту, сколько по должности, давал слово. Боже, какие высокие речи я услышал о присутствующих! Оказывается, здесь собрались самые известные в стране и за рубежом люди. Какое счастье сидеть рядом с великими!

– Да, – сказал амода, – мы маленькая страна, нас, джунгтэррцев, всего миллион. Но и маленькие матери рожают богатырей. За богатырей, которые собрались за этим столом! За богатыря Иваноков – достойного сына достойных родителей, который, несмотря на великие трудности, через многие моря и океаны прибыл к нам из далекой Америки! Пусть он живет пять раз по стольку, сколько уже прожил, пусть в Штатах через сто лет накроет стол для всех присутствующих! А еще лучше – пусть этот стол накроет здесь, на великой родине своих великих предков! Счастья тебе, дорогой, счастья твоей семье, счастья твоим родственникам и друзьям! Тост особо контролируемый!..

Когда гости разошлись, семья Иваноковых и я с ними стали смотреть телевизор. Лео с гордостью сказал, что в стране ежедневно на всех двадцати каналах показывают американские фильмы. Сейчас шел американский боевик. По-моему, далеко не лучший и не первой свежести. Мне захотелось оправдать Америку, и я сказал:

– Вы не те фильмы закупаете.

– Мы получаем их даром: Америка через них пытается навязать нам свой образ жизни, – ответил Лео.

– Но у вас есть свой!

– Есть, но мы потихоньку поддаемся Америке – в одежде, еде, поведении. Уже и в морали...

Еще в передачах телевидения меня неприятно поразило обилие однообразной рекламы – все больше импортные *автомобили, достойные авации!*, интимные женские принадлежности, чудо-лекарства, стиральные порошки да пиво. Часто по поводу и без повода показывали президента Джунгтэррии Ариано Ойбекова.

Легли за полночь. Переполненный впечатлениями, я долго не мог уснуть. Вспоминал своего деда и сопоставлял услышанное от него с увиденным. Дед с гордостью говорил о гостеприимстве джунгтэррцев. Но какое гостеприимство было в его понимании? Голодного – накормить, раздетого – одеть, усталому – дать отдых. А тут застолье, и с каким размахом! В богатой Америке это могли позволить себе лишь миллионеры, да и то не каждый. Миром правит мера – не мною сказано. Тут закармливали и запаивали, да еще – *тост особо контролируемый*! И не хочешь, а выпей, иначе будешь поставлен в положение человека, не достойного уважения. И бесконечные клятвы в любви и дружбе...

На другой день я познакомился с директором местной школы, очень воспитанным молодым человеком, на мое удивление, светловолосым и синеглазым. Оказывается, такими джунгтэррцы были в древности. Тоже Иваноковым. Он пожаловался мне:

– Средств на содержание школы государство выделяет недостаточно, так мы собираем деньги с родителей школьников. Бедный всегда дает, а обратишься к богатому, ответит: «Рад бы помочь, да убылей нет». Но вот на застолья всегда находят! У нас даже в рабочее время стали проводить *мероприятия*. Один накрывает стол лучше другого. И попробуй отказаться от приглашения, если в силе старинное правило: кто не разделяет со мной радость и горе, тот против меня! В резиденции президента и правительства – она тоже, как и у вас, Белым домом называется – каждую пятницу организуют застолья. В многомиллионной конфедерации, куда входит и Джунгтэррия, тридцать министров, и в нашей стране тоже тридцать, кроме того – тридцать комитетов и шестьдесят управлений. Все их руководители отмечают дни рождения. Прикиньте сами, сколько в году получается праздников! Да еще прибавьте к этому юбилеи организаций, известных лиц, фестивали, карнавалы джунгтэррского, лусского, улского уровней, которые также заканчиваются застольем. Очень весело мы живем! Но...

Директор замолчал, потом, смущенно улыбаясь, попросил помочь его школе. Я дал ему тысячу долларов и (!)... сделал счастливым.

Глава IV. Познакомиться бы с президентом!

На другое утро я, как и у себя дома, встал в шесть часов: в семь мой ресторан уже принимает первых посетителей. Родственники спали. Только в девять меня пригласили на завтрак.

– А как же работа? – спросил я несуетного Лео.

– Работа – не волк... – потягиваясь, ответил он.

– Тебя же уволят!

– Не уволят: для невыхода на работу причина серьезная – в моем доме высокий гость.

– Удивительная страна!..

Мне хотелось поездить по родине моих предков, посмотреть улы, лусы, столицу, познакомиться с видными людьми, и я высказал такое пожелание. Иваноков, не задумываясь, ответил:

– Хоть сейчас!

– Идет! – обрадовался я.

Но оказалось, что его машина неисправна, а у соседа нет времени возить меня.

– Тогда, может, мне взять такси? – сказал я.

– Ты решил меня оскорбить? – возмутился Лео. – Какое такси, у меня же есть машина!

– Но...

– Не спеши, дорогой, поспешность от дьявола. Завтра все будет о'кей! Так, кажется, говорят американцы?

Не получилось и завтра, и послезавтра. Тогда, вконец расстроенный, я с неудовольствием сказал родственнику:

– У нас в Америке обещанное выполняют. Мой дед рассказывал, что так всегда было и в Джунгтэррии.

– Верно, так было когда-то и у нас, но не торопись бросать в меня камень: теперь другие времена, – спокойно ответил Лео. – Главный демократ нашей республики президент Ойбеков – подумай, сам наш президент! – когда шел на первый срок президентства, обещал в нашем лусе провести газ и обновить водопроводную систему – не сделал. Теперь он уже идет на третий срок. И снова обещает. Один поэт даже стихи написал по этому поводу:

На айконской площади бьют часы,
Отсчитывают минуты президентской лжи!..
Поэта обвинили в клевете.

– Его отдали под суд?

– Хуже – теперь его не публикуют ни в газетах, ни в журналах, ни в издательствах.

– Вы и теперь изберете Ойбекова президентом?

– Конечно!

– Как же можно? Ему ведь нельзя доверять!

– Ну, теперь-то мы с полным основанием можем сказать ему: «Обещанного вами, уважаемый господин президент, мы ждем уже десять лет, пора бы и выполнить его!» А придет другой, снова наобещает... Сколько же нам тогда еще ждать придется!

– Странная логика!

– Да за Ойбекова голосуй – не голосуй, он все равно пройдет! У него нет соперников: он, как слон лесную поросль, вытоптал вокруг себя все молодое, ищущее, энергичное. На него будет работать вся исполнительная власть. И его боятся: когда вновь вступит в должность, он накажет тех, кто выступал против него. У нас жесткая вертикаль власти.

– Но ты же сказал, что Ойбеков у вас главный демократ.

– Да, он возглавляет Демократическую партию Джунгтэррии.

– Партия есть, а демократия?

– О чем ты?

– О том... О том, что не нравится мне все это.

– Мне тоже... И не только это! Мой друг, преподаватель немецкого языка в педколледже, перевел интервью нашего президента журналу «Bild Zeitung». Президента спросили, правда ли, что он был женат много раз. Он ответил: «Я был женат четырежды, и каждый раз – все более удачно».

– О-о!..

– Его спросили: «Когда законы Джунгтэррии будут, как и должно, приведены в соответствие с законами конфедерации, куда входит ваше государство?». Он ответил: «В Джунгтэррии закон – это я!».

– Очень своеобразная у вас демократия!..

Не отреагировав на мою реплику, Лео продолжал: О сыне-пьянице Ойбеков сказал так: «Зато он не клянчит у меня портфель премьера», а о дочери, девице – как бы деликатнее выразиться? – не очень тяжелого поведения: «Каждый служит обществу, как может».

– Похоже, его не волнует общественное мнение!

– Журналист поинтересовался: как же вы можете руководить страной, если не в состоянии навести порядок в собственной семье? Он ответил: «У каждого свой масштаб действий: одному дано управлять лодчонкой, а мне – современным крейсером».

– Каков молодец!

– Журналист выразил недоумение по поводу последних жестких мер президента в отношении его возможных конкурентов на предстоящих выборах. Знаешь, что он ответил? «Да, я убираю с политической арены своих противников. Наука другим! И пока я стрелял холостыми патронами».

– Ничего себе заявление!

– О себе он говорит: «Не ошибаются только двое – Всевышний и я!».

– Поразительный тип! Хорошо б с ним встретиться, рассмотреть вблизи!

– Попытайся...

Только на третий день гладко выбритый, усы подстрижены, принаряженный Лео – зеленые брюки, белая рубашка – на своей машине, «Жигули» называется, повез меня в столицу Джунгтэррии.

Глава V. Почему засыхают деревья

Айкон расположен в долине, окаймленной горами, покрытыми лесом, внизу – лиственным, на высоте – хвойным. На въезде в город нас остановил полицейский дорожной службы. Лео в окошко протянул водительские права. Офицер взял их и, поманив его пальцем, направился к своей машине. Там, жестикулируя, сказал ему что-то, видимо, неприятное. Лео, поморщившись, быстро достал из кармана какую-то бумажку и передал офицеру. Тот улыбнулся и отдал честь.

– Что случилось? – спросил я, когда он сел за руль.

– Превысил скорость.

– Наказал?

– Да, оштрафовал.

– Я не видел, чтобы он тебе выписывал квитанцию.

– С квитанцией – морока и обойдется вдвое дороже.

– Неужели офицер присвоил убыли?

– У нас говорят: мастер машинного доения...

Только тронулись, увидели на повороте горы изгибающуюся, блестящую на солнце кавалькаду черных легковых автомобилей с мигалками и сиренами. Из репродуктора первой с нарастающей силой неслось металлическое, властное:

– Освободить трассу! Остановить движение!..

Лео прижал «Жигули» к обочине дороги и выключил мотор. Лента машин напоминала невиданное, быстро несущееся членистоногое: на первой машине включенные фары-глаза, над ветровым стеклом две антенны-усы, справа и слева от них в форме колоколов репродукторы-уши.

Колонна, оглушив нас ревом сирен, обдав ветром и пылью, пронеслась мимо. Я взглянул на Лео. Он сказал:

– Президент Ойбеков отправился в свою загородную резиденцию. Обратил внимание на «Линкольн»? Это его.

– А зачем столько машин?

– Сопровождение, охрана. Бывает еще – и вертолет над ними.

– Его жизни что-то угрожает?

– Разве что болезни и возраст...

Столицу планировал военный архитектор – никаких загогулин, прямые улицы: на перекрестке встанешь – увидишь четыре конца города. Резиденция президента – в центре, на возвышенности. Лео рассказал, что на этом месте когда-то стоял храм, его разрушили, построили рынок (здесь говорят – *базар*), а десять лет назад рынок снесли и поставили Белый дом.

– Делать, а потом переделывать – наша слабость, – улыбнулся он.

Родственник с гордостью возил меня по широким улицам Айкона. Странные у них названия: Полевая – а поля нет, Короткая, между прочим, не очень-то и короткая, Дальняя, к слову, рядом с центром, Прямая – да здесь все улицы прямые... Но особенно поразили названия: ул. Первая имени президента А. Ойбекова, ул. Вторая имени президента А. Ойбекова, ул. Третья...

И что еще более удивительное – я увидел не только несколько школ, городскую библиотеку, но и хозяйственный магазин, газетный киоск имени президента Ойбекова и даже туалет «Президентский»!

Из любопытства зашел в магазин. Здесь продавали кастрюли, столовые и чайные сервизы, вазы, ножи и другие предметы домашнего обихода с изображением президента.

В киоске я купил несколько газет. С первых их страниц на меня надменно смотрел – да, вы верно догадались! – Ойбеков – во весь рост, во фраке, лента через плечо, на груди – ордена, медали, в руке белые перчатки; а вот он снят по пояс – в смокинге, весь в сверкающих наградах. То есть на первых страницах размещались официальные портреты главы государства. На других – президент в белом кимоно на борцовском ковре положил противника на лопатки, под снимком – подпись: *«Я выхожу на ковер, чтобы побеждать!»*; президент с приветственно поднятыми руками в окружении ликующих людей; президент с Гидрой – пышнотелой женой с властным профилем. Далее – президент с внуком, чувствуется, большим баловнем; президент в охотничьем костюме, с ружьем за плечом попирает ногой убитого оленя. На последней странице один снимок, но большой, в полстраницы, – президент на своей даче в красном спортивном костюме сидит, откинувшись в кресле, у ног лежит овчарка и с обожанием смотрит на хозяина, за его спиной – книжный шкаф. Подпись под снимком: *«Президент и на отдыхе размышляет о делах государственных»*.

Зашли мы и в туалет «Президентский», хотя Лео был категорически против, дорого, вход – пятьдесят убылей. Ничего особенного, кроме обилия зеркал, в нем я не увидел, но узнал, что сбор с посетителей идет на нужды культуры.

В центре Айкона, на перекрестке главных магистралей, нельзя было не обратить внимания на высокую квадратную тумбу. На каждой ее стороне – парадный портрет президента во весь рост, отороченный разноцветными лампочками. Я представил, как по вечерам они мигают, переливаются...

Все это, пояснил мне Лео, результат упорной творческой работы влиятельной *комиссии по созданию положительного имиджа президента Джунгтэррии*.

В Америке портретов президента и вице-президента на улицах городов нет. Мои соплеменники бывают в Европе. Там – то же самое. Месяц назад мой друг вернулся из Швеции, рассказывает, что портреты короля и премьер-министра страны нигде не увидел.

Город обвешан, заставлен, обклеен яркой рекламой. Но ее больше на английском языке, чем джунгтэррском, хотя английский никто не знает. По крайней мере, я не встретил ни одного знающего.

Побывали мы в магазинах и на самом людном месте столицы – городском рынке. Лео с гордостью сказал:

– На нашем базаре можно купить *все*! Были бы только убыли.

Родственник явно преувеличивал. Здесь был далеко не американский ассортимент товаров и продуктов, и потом – такая духотища, теснота, антисанитария! Но приятно удивили низкие цены. Мясо – два-три доллара, овощи стоят центы. Я изумился вслух. Лео снисходительно посмотрел на меня.

– А ты переведи зарплату нашего учителя, врача, библиотекаря на доллары. Получится недешево! У нас кому – мясо, кому – кости, а кое-кому и костей приобрести не на что.

– И сколько же получают учитель, врач? – поинтересовался я.

– На ваши деньги в месяц примерно сто-сто пятьдесят долларов.

– Как же они умудряются прожить на эти гроши?!

– Наша интеллигенция – живучий народ.

– В Америке за любую работу платят прилично. У нас и дворник живет безбедно.

– А наши пенсионеры заплатят за газ, свет, воду, тепло, телефон, вывоз мусора – остается только на хлеб. А если уж пенсионер заболел, то ложись и помирай: лекарств купить не на что.

– Да вы же за столом мне хвалились, что у вас медицина бесплатная и – во-о какая! – поднял я большой палец.

–Ну так то ж за столом! А в жизни: в больницу идешь – неси мзду доктору, да еще бери с собой простыни, покупай лекарства, тащи еду...

Нас остановила смуглая девушка, одетая в белый топик без лифчика, короткие белые шорты по краям с бахромой. Шорты были из тончайшего материала, сквозь него отчетливо были видны узкие белые плавочки. Глаза ее – зеленый светофор.

– Молодые люди... – обратилась она и заложила сигарету в яркие губы.

Я поднес зажигалку. Она жадно затянулась и, явно выпрашивая внимания, сказала:

– Вы какой-то нездешний. Я не ошиблась?

– Угадали, – согласился я.

– У вас сияющее, полное ожидания чудес, очень симпатичное лицо. Вы человек удачи. Люблю удачливых мужчин!

– Девушка, – вмешался Лео, – мы, к сожалению, торопимся.

– Не смею задерживать. До встречи в удобное для вас время! – и она пошла, покачивая развитыми бедрами.

Я обернулся, девушка – тоже и с улыбкой поманила меня пальцем. И тут, оказывается, есть *такие*?..

Лео заметил, что девушки, женщины в столице одеваются совсем не так, как в уле. В уле у них шея закрыта, платья, юбки ниже колен. В городе носят брюки или очень короткие юбки, прозрачные кофты, многие ходят без лифчика, с оголенными плечами и спинами.

– Жара, – нашел я этому оправдание.

– Ну, конечно, в столице жарко, а в уле – холодно! – возразил Лео. – Нет, это все американизация! Хотя у нас и нет борделей: наш президент – великий моралист, но за убыли доступную красотку найти можно.

– Прекрати! Я вижу – здешние девчата строгие и чистые.

– Не буду возражать. Я патриот и хочу, чтобы о моей стране думали и говорили хорошо.

Нам навстречу шла молодая пара. Женщина в обеих руках несла вместительные пакеты, а рядом, порожняком, если можно так сказать, легко шагал спортивного сложения мужчина. Он что-то со смехом рассказывал ей. Она, напряженно, видимо, от тяжести, улыбаясь, согласно кивала головой.

Глядя на них, Лео насмешливо сказал:

– Полюбуйся, наш местный джентльмен!..

Мы немного погуляли по парку Победы. На бронзовой доске у входа я прочитал, что парк заложен в 1995 году – в честь 50-летия Победы Джунгтэррии над фашистской Германией. Надо же! А я считал, что Германию разгромила Америка!

Лео сказал:

– Вражескую Германию разгромила коалиция государств. Но наибольший вклад в победу внесла Джунгтэррия. У нас героев больше, чем в многомиллионной Россонии!

Парку уже больше десяти лет, но деревца тонкие и редкие.

– Здесь ежегодно высаживают тысячи деревьев, но у нас в последние годы летом стоит африканская жара: глобальное потепление – они засыхают, – пояснил Лео, вытирая белым платком смуглый лоб.

– В Сан-Франциско температура повыше, а все зелено, все цветет. Разве здесь не хватает воды? – сказал я.

– Поливать? А зачем?

Я с недоумением взглянул на своего гида. Он объяснил:

– Посадочный материал дорогой, коммунальная служба луса посадит пять тысяч деревьев, запишет – десять, а потом спишет, как засохшие. А денежки, выделенные на приобретение саженцев, – себе.

– Но ведь есть же контроль!

– Контролеры – да, есть, и их не меньше, чем работников. Но все они хотят хорошо поесть. Им закрывают глаза убылями...

Но главной достопримечательностью столицы Джунгтэррии, несомненно, являются кварталы, где живут министры и другие большие чиновники. Это своего рода настоящая одноэтажная Америка. Хотя нет – намного лучше! Двух- и трехэтажные коттеджи, настоящие дворцы из точеного кирпича высокого качества, который здесь почему-то называют *итальянским*.

– Его что, из Италии привозят? – поинтересовался я.

– Технология итальянская, – ответил Лео.

– А производство местное?

– Нет, соседней Пеньберии.

– У вас что, нет глины?

– Да сколько угодно!

– Так в чем же дело?

– Купить дешевле.

– Удивительно!.. Но виллы прямо-таки роскошные – продолжил я. –Чугунные решетки, дорожки вымощены мраморной плиткой... Построены на ваши убыли?

– Тут, брат, счет идет на большущие доллары.

– Ты же говорил, что у вас низкая зарплата?

Родственник, откинув курчавую голову, весело засмеялся:

– Наивный человек! Да разве можно возвести такие хоромы на зарплату?

– Тогда откуда взялись эти дворцы?

–У нас очень уважают людей при высоких должностях. Они получают *подарки* в благодарность, например, за безвозвратную или беспроцентную ссуду, за то, что освободили от каких-либо налогов, химичат...

– Что значит *химичат*?

– Тебе, американцу, этого не понять!

– Я попытаюсь.

– Ну, например, министерство для своих подведомственных организаций и учреждений оптом закупает компьютеры, мебель, но не у производителя, а через посредника. Разумеется, за более высокую цену. Разница между реальной ценой товара и завышенной делится между покупателем – министром и продавцом – хозяином или менеджером предприятия-посредника.

– У нас бы за это...

Две недели иногда с Лео, иногда с его расторопными друзьями я колесил по стране. Побывал во всех лусах, во многих улах, встретился со множеством людей. А еще неделю провел в горах. Впечатления одно сильнее другого мощным водопадом обрушивались на меня.

Глава VI. Парадоксы Джунгтэррии

Треть сельхозпродукции в республике производят фермеры, остальное – акционерные общества разного типа. Здесь все говорят, что будущее за фермерами. Меня познакомили с самыми преуспевающими.

У Хазара Куготова тысяча акров земли. Агроном по образованию, чернобородый, улыбчивый хозяин, по западным технологиям выращивает ранние картофель, клубнику, овощи. Продукцию реализует на далеком и холодном (вечная мерзлота) севере соседней Россонии.

Я с удовольствием осмотрел фермерские угодья – ухоженные поля, современные дороги. Поразила дешевизна рабочей силы. Наемные работники наедине рассказали мне, что отец Хазара был председателем колхоза (коллективного хозяйства) и в перестройку *приватизировал*, так выразились, технику, землю отдал в аренду, а затем и продал ее за гроши собственному сыну. С этого началось фермерское хозяйство Куготова. Человек он знающий, властный, расчетливый. Они называют его капиталистом, эксплуататором, кулаком, мироедом, но вынуждены работать у него: другой работы в округе нет.

Когда я в деликатной форме сказал Куготову, что его ферма действительно образцовая, но вот люди почему-то недовольны, он уверенно ответил:

– Работать не желают, но хотят получать длинные убыли! Этого не будет: у меня не колхоз!

Ферма мне понравилась, улыбчивый хозяин – нет.

А вот животноводческая ферма Роя Арабелова. На его ферме полсотни коров и триста овец. Рой, жена, два взрослых сына и несколько работников ухаживают за ними. Механизировано только удаление навоза. Электроэнергию подают не всегда, потому здесь главные орудия труда – вилы, лопаты, ведра. Транспорт – лошадь, впряженная в телегу.

Специализации в уле практически никакой. Фермеры сами перерабатывают овощи, фрукты, молоко и мясо. Я поинтересовался у Арабелова, почему бы ему не сдавать свои молоко и мясо на ближайший комбинат.

– Невыгодно: он монополист и диктует цены, – ответил он. – Обдирает фермеров, как липку.

– А что больше всего мешает делу?

–Замучили бесконечные проверки налоговой полиции, пожарной, санитарной служб. Все проверяют, перепроверяют, вымогают, – вздохнул Рой. – Умные хозяева снимают с овцы шерсть, а у нас – шкуру!..

У большинства фермеров-земледельцев, убедился я, нет техники, нет оборотных средств для приобретения горючего, удобрений, ядохимикатов. Многие разоряются. Фермерам государство не помогает, но втридорога закупает продукты питания за границей.

Такое положение в сельском хозяйстве Америки было примерно лет сто пятьдесят назад. Но джунгтэррцы – удивительный народ! – несмотря на каторжный труд, притеснения властей, жизнерадостны, оптимистичны, приветливы, гостеприимны.

Двигатель прогресса – наука. Я побывал в Большой и Малой академиях Джунгтэррии. Большая занимается фундаментальными науками, Малая – прикладными. Материальная база их допотопная, но местные ученые – необычайно талантливые! – сделали немало открытий. Разработали и способы их применения. Внедрение открытий сулит невиданный скачок в производстве товаров и услуг. Но парадокс заключается в том, что никто не удосуживается применять их на практике!

Встречаясь с людьми разных слоев общества, я поражался их необыкновенной политизированности. В стране пять десятков партий и больше сотни общественных организаций. Согласитесь, для населения в миллион человек это многовато. Действуют они в период выборных кампаний, которые здесь на разных уровнях законодательной, исполнительной, судебной властей проводятся каждые два месяца.

Власть критикуют многие. Но президента не трогают, он для джунгтэррцев священная корова. Даже для безработных, которых, по официальным данным, явно заниженным, – здесь очень любят приукрашать положение дел – пятнадцать процентов. Я не раз слышал:

– Да, у меня нет работы, но причем тут президент? Сам виноват.

Мне убежденно говорили об Ойбекове:

– Он – светлая наша надежда, он – это мир и согласие в обществе, он – наше будущее процветание! Вы слышали его последнее выступление по телевидению? Он обещает...

– Не делайте из своего президента Господа Бога! – вырвалось у меня однажды. – Искусство постоянно нравиться – это всего лишь искусство ловко обманывать. И разве не понятно, что государству нужны граждане, а не подданные?

На меня обиделись.

Многое, очень многое меня поражало в Джунгтэррии, просто ставило в тупик! Приведу еще примеры – судите сами.

Государство не должно вмешиваться в экономику, оно должно создавать правовые условия для ее результативной работы, возможно, и правильно говорит президент. Но он сам и его правительство тормозят принятие экономических законов.

Президент Ойбеков заявил: стыдно получать убыли за счет торговли спиртным, и правительство отказалось от монополии на производство алкогольной продукции. В то же время оно не ставит никаких препонов для ее производства частным лицам, для ввоза и торговли зарубежным спиртным...

Угольные шахты страны в перестройку стали убыточны. Шахтеры вышли на улицы с лозунгами: «Шахтерам – зарплату, правительство – в отставку!» Правительство предложило акционерам: закройте шахты, и мы выплатим ваш долг горнякам, найдем им работу. Условие было принято. Шахты засыпали, механизмы сдали на металлолом. Шахтеры в поисках работы разъехались по стране. После этого правительство приняло постановление шахты восстановить. На это потребовались колоссальные средства. Пришлось брать заем у Запада. Сегодня шахты принадлежат японцам, англичанам, немцам...

В стране все – от президента до рядовых граждан – понимают: надо развивать туризм, посмотрите, какие доходы от туризма получают Италия, Испания, Франция, Монако, а мы чем хуже? У нас ведь удивительные памятники истории, уникальная природа! Но здесь государство ни одного убыля не вкладывает в отрасль.

На телевидении, радио, в газетах власти кричат: для нас забота о благе народа – превыше всего, но в стране проведена денежная реформа: стоимость убыля уменьшилась в тысячу раз. Сбережения людей в государственных банках были обесценены.

Интеллигенция Джунгтэррии бьет тревогу: жизнь у людей короткая, как овечий хвост, население страны тает, смертность превышает рождаемость. С этим соглашаются президент, правительство, но ничего не делают для молодежи, молодых семей, и они, как птенцы без гнезда, у них ни жилья, ни работы. В то же время в стране немало образованных, умных, сильных мужчин и, Боже, какие женщины! Они могли бы рожать по десятку детей. Беременность – благословение Всевышнего, но беременная – здесь большая редкость! А парни, оправдываясь тем, что меньше всего ценится сокол, которого легко поймать, не женятся до тридцати пяти-сорока лет. Многие остаются холостяками навсегда.

Здесь – свободолюбивые законы (которые мало кто знает), но свободой и не пахнет. Здешние законы подобны паутине: если в них попадется слабый – выдержит, если большой и сильный – разорвет ее и уйдет от наказания.

Президент страны дарит внуку на его десятилетие полукилограммовую медаль из платины со своим изображением, а зарплаты учителя не хватает, чтобы вставить зуб.

В зале ожидания железнодорожного вокзала можно прочитать: «У нас не курят», а на противоположной стене: «Просьба окурки бросать в урны»!..

Глава VII. Лаура

Встречи, встречи... Более интересного, чем люди, на белом свете ничего нет. Я немало повстречал в Джунгтэррии, не знаю, какое дать им определение, ну, скажем... неординарных личностей. Расскажу о самых примечательных. Но прежде признаюсь, что я встретился с той джунгтэрркой, которая напрашивалась на знакомство в мой первый визит в столицу. Да, с той самой смуглой красавицей в белом топике и белых полупрозрачных шортах. Каюсь, не смог удержаться от соблазна.

Я нашел ее на открытой площадке кафе, расположенного напротив здания конгресса. Она меня вмиг узнала.

– А-а, удачливый мужчина! Я каждый день молила Всемилостивейшего о встрече с вами! – обрадовано воскликнула она.

Я отдался воле случая и в отеле «National» провел с Лаурой, так звали ее, восхитительную ночь. Она оказалась не только чуткой в любви, необыкновенно нежной, но и, как дикарка, сильной, страстной, непосредственной. У меня закружилась голова: бесподобная женщина!

– Лаура, ты со всеми так?.. – спросил я ее утром за чашкой кофе.

– Только с тобой! – пылко ответила девушка, горячо целуя мне руки. – Ты мне с первого взгляда понравился – высокий, красивый, щедрый. И открытый! У нас многие одно говорят, другое думают, третье делают. Ты, американец, больше, чем наши мужчины, джунгтэррец! Забери меня с собой в свою страну!

– В Сан-Франциско у меня семья.

– Поверь: у тебя не было и никогда не будет женщины, более преданной, более верной, чем я! – убежденно сказала она.

– Найди себе парня здесь... – промямлил я, нисколько не сомневаясь в том, что она сказала правду.

– Здесь не найти. У нас мало осталось настоящих мужчин! Настоящие бегут за пределы Джунгтэррии – за границу.

– Если бегут, то какие же они настоящие?..

Я с болью и восхищением смотрел в прекрасные очи Лауры, в навернувшиеся капельки слез, черные, поразительно тонкого рисунка брови, целовал ее медовые губы и, видит Создатель, очень не хотел с ней расставаться...

Глава VIII. Виновата Америка

Когда секретарь – разумеется, красавица! – доложила премьер-министру Бедоладову, что я такой-то, он тут же вышел из кабинета и, оглядев дожидавшихся в приемной, быстро спросил:

– Кто?

Девушка указала на меня. Высокий, худой, с жесткой щеткой усов, он улыбнулся и широким жестом пригласил:

– Заходите, дорогой!

Усадив меня в кресло за столик, приставленный к большому, заваленному бумагами столу, сел напротив меня и предложил:

– Что будете пить: коньяк, виски, водку, местную веселку – производит мой друг-предприниматель, – кофе, чай, минеральную воду? У нас чудесная минеральная вода, такой, уверен, в Америке нет. Распоряжайтесь! У нас гость – хозяин.

Я вежливо отказался и подарил ему белую статуэтку – символ Америки. Он бережно взял ее в руки и задумчиво произнес:

– Статуя Свободы! Наш президент Ариано Ойбеков говорит: «Свобода, как и неволя, понятия относительные. По большому счету, вольная, возвышенная любовь к народу – неволя, и одновременно эта неволя есть свобода». Трудно постичь президентскую мудрость... Может, все-таки что-нибудь выпьете?

– Нет, спасибо. Вы человек занятой, я не буду злоупотреблять вашим вниманием и драгоценным временем. Давайте поговорим. Признаюсь, я впервые вот так близко вижу премьер-министра страны.

– Вы на своей родине, здесь все возможно, – снисходительно улыбнулся Бедоладов и стал расспрашивать, как я оказался в Америке, чем занимаюсь, много ли там наших соотечественников, и есть ли среди них богатые.

Выслушав мои ответы, он сказал:

– Джунгтэррия входит в конфедерацию ряда государств. Столица ее находится в Скве – главном городе главной страны конфедерации, огромной по территории и населению Россонии. Кстати, а вам известно, как с россонского переводится на джунгтэррский язык название этой великой страны?

– Не знаю.

– *Страна светлого будущего*! Не правда ли, замечательно? Сколько в этом названии уверенности, надежды, тепла! Извините, я несколько отвлекся от темы разговора... Ведущая отрасль экономики нашей республики – сельское хозяйство. У нас зона рискованного земледелия и садоводства, и не всегда производство продукции прибыльно. Потому мы считаем главным делом министров привозить из головного центра в нашу страну как можно больше убылей.

– И привозят? – спросил я.

– Конечно. Лучших мы поощряем.

– Лучший – это...

– Естественно, тот, кто больше средств выпросит в Скве.

– Удивительно!.. А какие виды на урожай в стране в нынешнем году?

Премьер сожалеюще подвигал худыми плечами.

– Все выгорело! Наши аналитики считают, что жару наслала на нас – извините, может, вам неприятно это слышать, – Америка. Она видит в нас соперника и изменяет наш климат. Вы человек образованный и знаете, что при современном развитии науки и техники это возможно, хотя и обходится дорого. Но Америка для достижения своих гегемонистских целей никаких денег не жалеет. Взгляните на карту, – он поднялся с кресла, подошел к большой карте мира, висевшей на стене, и ткнул в нее указкой. – Вот мы где находимся. Видите? В самом центре. Потому входим в зону геополитических интересов Америки. Ее ближайшая цель – разорить нас, а потом и купить с молотка. Но этого, – премьер сделал паузу и, возвратившись к столу, помахал тонким пальцем у моего носа, – этого она не дождется!

– Да американцы и не знают о существовании такой страны, как Джунгтэррия! – возразил я.

– Не скажите! Жару нам заслали такую, что, кажется, мозги плавятся.

Я перевел разговор на другую тему:

– Со своим родственником я побывал во многих магазинах города. Мебель видел только испанскую, итальянскую, венгерскую. А ведь здесь же кругом лес, и неужели нельзя организовать собственное мебельное производство?

– Фабрики есть, но изготовление мебели у нас выходит дорого, дороже, чем за границей: высока себестоимость. Лес-то мы завозим с севера Россонии. За тысячи и тысячи километров отсюда.

– Зачем же его так далеко брать, если он рядом?

– Есть причины... Мы активно экономим свой лес. Америка, например, закупает энергоресурсы, хотя имеет много разведанных богатых месторождений нефти, газа, угля. Она их бережет для будущих поколений...

Но в Джунгтэррии было вовсе не так! Петер Иваноков рассказал мне, что лес-кругляк (!) ценных пород – тис, бук, дуб – за доллары вывозится частными предпринимателями в Европу, где ценится в десять раз дороже, чем на месте. И президент, и правительство закрывают на это глаза. Не бескорыстно, разумеется.

– Вы сказали *причины*, а назвали одну, – заметил я.

– Есть и другая... – не сразу ответил премьер-министр. – За то, что мы покупаем лес в Россонии, нам, членам правительства, она платит приличные убыли.

– Но ведь интересы страны требуют...

– В Америке давно поняли, что бал правит личный интерес. Кое-что начинаем осознавать и мы. Вам ясно, к чему я клоню?

Мне этот *клон* не понравился, и я снова сменил тему:

– Мне бы очень хотелось познакомиться с лучшим министром страны.

– Никаких проблем! – подумав, ответил премьер-министр.

Было очевидно, что мои недопонимание, бестолковые расспросы ему наскучили. Он нажал кнопку селектора и напористо сказал:

– Гудимов, сейчас к тебе зайдет наш соплеменник из Америки. Не упусти тему инвестиций и удели внимание!

– Знаете, где у меня эти гости!.. – услышал я недовольный голос министра. – Я уже из-за гостей печень себе посадил. Ну-ка, каждый день пить!

– Не ворчи... – примирительно сказал премьер. – И мне: – Завтра в десять утра вас устроит?..

Глава IX. Ох, как нужны инвестиции!

Навстречу мне поднялся пожилой человек, грузный и недовольный. Вяло пожав мою руку, вяло хлопнул по плечу.

– Рад визиту! – воскликнул.

Это был Гудимов – министр экономики. Я сказал, что читаю местные газеты и в восторге от положения дел: бурный рост производства, всеобщее процветание.

– Да, – сказал министр, испытующе глядя на меня, – это действительно так, – и принялся описывать ситуацию в экономике страны.

По его словам, выходило: такие темпы роста производства товаров, услуг как в Джунгтэрии, Америке и не снились.

– Но счастья без несчастья не бывает, – грустно улыбнулся Гудимов. – У нас перестройка: старое ломаем – новое строим. Остро нуждаемся в инвестициях. Очень остро! Помогите нам найти инвесторов в богатой Америке.

– Я интересовался этим вопросом и знаю – у вас инвесторы были. Они вложили немалые средства в производство, но ни товар, ни прибыль вывезти из страны не могут. Даже кредиты забрать назад не получается, – ответил я.

– Да... Такие случаи, к сожалению, имели место, – министр толстыми пальцами-сарделькаами побарабанил по столу. – Но что делать? У нас перестройка! И наиболее сложно перестроиться нашему сознанию. Нужно время, а времени на раскачку нет. Дилемма!

– На полученные инвестиции, как рассказали мне, ваши менеджеры возвели себе дворцы, приобрели иномарки.

– Человеческие слабости! У кого их нет?!

– Но есть ли гарантии, что если...

– Как своему соплеменнику, скажу честно: гарантий нет, но... без инвестиций нам производство не поднять. По объемам инвестиций среди стран – членов конфедерации мы стоим на последнем месте. Первую часть программы мы с успехом выполнили – предприятия акционировали.

– Люди говорят: разорили...

– Ну не разорили, а всего лишь... государственную собственность передали в частные руки. А вот что делать дальше? Тут все значительно сложнее. Частники управлять собственностью не научились. Вмешаться в процесс государству? А нужно ли? Рынок со временем сам все отрегулирует... Э-э, да стоит ли именно сейчас над этим ломать голову? Пойдемте-ка лучше в нашу столовую: время-то катится к обеду.

Я согласился. Правительственная столовая – на уровне первоклассного ресторана. Услужливые официанты быстро накрыли стол. С аппетитом у министра было все в порядке. Если бы мой отец увидел, сколько и как он пьет виски, ест телятину, как, пообедав, икает и блаженно хлопает себя по пухлому животу, то с отвращением отвернулся бы: не каждый, кто на коне, – всадник. Можно занимать большой пост, но оставаться просто обжорой. Человек портит работу, а испорченная работа калечит человека.

Я рассказал Лео об этой встрече и заметил, что премьер Бедоладов и министр Гудимов были явно чем-то недовольны. Лео засмеялся, он часто смеялся моему недоумению:

– Неужели непонятно? Все тебе подсказывай! Премьер и наши министры любят, когда к ним приходят не с пустыми руками. Старая мудрость – от подношений и боги становятся сговорчивее. Наши чиновники не дают ее забывать.

Глава X. Не согласен? В отставку!

На среду я договорился встретиться с министром сельского хозяйства Петером Иваноковым. А во вторник Лео огорчил меня новостью: наш родственник отправлен в отставку.

– Представляешь? О своем освобождении он узнал из указа президента, опубликованного в правительственной газете, – расстроено сказал он.

– И за что его освободили?

– Он только догадывается.

– Ну президент же накануне подписания указа или после объяснил ему причину отставки?

– Нет.

– Может, из-за возраста?

– Ему сорок пять, президент на двадцать лет старше его. А между прочим, председателю центризбиркома уже далеко за семьдесят, и я знаю, президент не собирается его снимать: это его человек. У нас ведь неважно, кто и как голосует, главное – кто подсчитывает...

Спустя неделю Петер Иваноков вечером заехал к Лео домой. Приветливая Лилиан накрыла стол и, сославшись на дела, оставила нас. Из первых рук я узнал, за что был отправлен в отставку министр.

Петер проработал министром год. Как руководитель сложной отрасли он только-только встал на ноги.

– Все жужжат президенту о том, что он хочет слышать, а он хочет слышать только хорошее, а еще больше – хорошее о самом себе, – делился Петер. – У нас говорят: *голос истины противен его слуху*. Это о нем! Ему непонятно, что лесть – помощница пороков, кто низко кланяется, рано или поздно ударит ниже пояса, что угодничество опаснее ненависти. Ну, я тоже грешен; на первых порах был не последним в этом хоре. Потом мне надоело петь не свою песню. Терпение – прекрасное качество, но жизнь слишком коротка, чтобы долго терпеть. Изучив со специалистами обстановку в подведомственной мне отрасли, доложил Ойбекову: «Я думал, что в сельском хозяйстве у нас положение тяжелое, но такого развала и представить себе не мог!» – «Петер, – отечески похлопал по моему плечу президент, – не надо нервничать и сгущать краски. У нас не хуже, чем у других членов конфедерации. И даже значительно лучше! Ты посмотри на темпы роста! Да если мы и дальше будем так расти...» Я впервые возразил ему: «Но ведь во время последнего кризиса, господин президент, мы провалились чуть ли не до нуля! В наших хозяйствах в среднем было по пять-семь тысяч голов крупного рогатого скота, по пятнадцать-двадцать тысяч овец, а сейчас, соответственно, двести – триста и сто пятьдесят-двести голов. Верно, в прошлом году овец в хозяйствах было по сто пятьдесят голов, в нынешнем – триста. Рост – сто процентов, но ведь было-то по пятнадцать тысяч!»

– Так прямо и сказал президенту? – не поверил Лео.

– Так и сказал.

– А что же он?

Петер тяжело вздохнул:

– Ойбеков оборвал меня: «Что за чушь ты несешь! Я точно знаю – у других не лучше...» – «Сокращение поголовья у соседей произошло на двадцать – тридцать процентов, у нас – в десять раз!» – сказал я. «Довольно! Внесите предложения, я рассмотрю...» На другой день в печати появился указ.

– Ну, вот, теперь ясно, за что президент освободил тебя. Не надо было умничать! – воскликнул Лео.

– У солнца один недостаток: оно не может видеть самого себя, – грустно сказал Петер. – Наш президент кажется сильным рядом со слабыми... Я рад, что ушел с поста. Президент позволяет себе кричать на министров, а если возражаешь ему, то может и унизить, оскорбить. Но достоинство не продается, а благородство за убыли не купишь: оно есть или его нет. Пользуясь служебным положением, преступно возвеличиваться, унижая других!

– В красном яблоке завелся жирный червь, – поддержал родственника Лео...

А неделю спустя Ойбеков отправил в отставку, а затем и в психбольницу, министра социальной защиты населения – человека в расцвете лет, умного, напористого. Главе государства доложили, что он якобы на предстоящих выборах собирается выдвигать свою кандидатуру на пост президента страны. Это и определило его судьбу. Вообще наговор, ложь в стране – важнейшие приемы борьбы с противниками.

В парламенте Джунгтэррии решался вопрос о земельной реформе. Консерваторы выступали против нее. Один демократ, молодой человек, очень аргументировано доказывал необходимость и выгоды реформы для страны. С места вскочил оппонент и, красный от возмущения, закричал:

– Да кого вы слушаете?! Он бросил жену с тремя малышами. Какую еще реформу выдумывает этот аморальный тип?!

Зал зашумел, раздались выкрики:

– Долой с трибуны!

Молодой депутат попытался возразить, в ответ из зала понеслось:

– Он еще и оправдывается – лишить слова!..

– Вон!..

– Это клевета! Выслушайте меня!..

Разъяренные депутаты оторвали настырного коллегу от трибуны и выволокли из зала заседаний. Проект реформы был провален. На другой день депутаты успокоились и дали слово вчерашнему оратору. Оказалось, что он не бросал жену с тремя детьми: он был холост. Но возвращаться к вопросу о земельной реформе депутаты не стали.

Подобную историю я уже где-то читал. Видно, кое-что в мире имеет свойство повторяться.

Глава XI. Отличная штука – мода

Побывал я также в министерстве культуры. Министр – коренастая большегрудая женщина лет сорока и кокетливая, как юная девушка, Венера Оннис прокуренным голосом рассказала, сколько в стране ансамблей и какие международные призы они завоевали.

– О, наверное, их участники богатые люди! – сказал я.

Она достала сигарету из коробка, размяла ее, я поднес зажигалку. Она прикурила и глубоко затянулась.

– Это вам, – сказал я и протянул зажигалку.

Министр покрутила ее в руках и признательно улыбнулась:

– Ни у кого такой нет. Спасибо! Ну, а насчет богатств артистов... У нас действует единая тарифно-квалификационная сетка. Народный артист Джунгтэррии получает пять тысяч убылей.

– Народный артист?

– Звание такое есть в нашей стране. Очень высокое и престижное.

– А у нас такого звания нет. Есть обладатели «Оскаров», «Золотых глобусов», лауреаты международных конкурсов... Пять тысяч убылей, это сколько долларов?

– Сейчас посчитаю, – министр застучала по кнопкам калькулятора. К слову, кроме него, письменного прибора и пепельницы, полной окурков, на столе ничего не было. – Это примерно сто двадцать долларов.

– За час работы?

– Месяц!

– Неужели?!

Венера Оннис стряхнула пепел и поучительно произнесла:

– Творчество – это очень увлекательно и очень заразительно. Наши творческие люди работают на голом энтузиазме.

– Вы хотели сказать, с энтузиазмом? – уточнил я.

– Нет. На энтузиазме, то есть фактически даром. У нас это модно.

– Мода – хорошая штука, но только хорошая мода. А ваш президент следует моде?

– Зачем ему это?

– У него ведь тоже творческая работа!

– Верно, но у него и высокая зарплата, и огромные льготы в случае ухода в отставку: президентский оклад на всю оставшуюся жизнь, охрана, «Линкольн», водитель, прислуга, бесплатные путевки в санатории и дома отдыха и так далее.

– Ого! Льгот больше, чем у американского президента!

– Такое решение принял парламент в ответ на согласие президента удвоить зарплату и льготы для депутатов конгресса.

– Вы – мне, я – вам?

– А что, разве в Америке по-другому? Что вы так смотрите на меня? Вас удивляет, что я смело говорю? Раньше я сидела в этом кресле тихо, как мышка. У нас не принято высовываться: буря ломает высокие деревья. Лучше наклонить голову, чем потерять ее. Правильно? А теперь мне не страшно. Видите ли, я когда-то работала в колледже изящных искусств, и сейчас даю уроки актерского мастерства Гидре, жене президента. Стала ее близкой подругой. Гидра слушается меня, а президент – ее.

– Здорово! – вырвалось у меня.

Кокетливо улыбаясь, Венера Оннис сказала, что президенту трудно в чем-либо обвинить ее, она ведь прекрасная актриса. Министр вдруг быстро встала на стул (я смотрел на нее с изумле-

нием), одернула платье, вытянула руки по швам, поджала пухлые губы и неожиданно детским голосом, картавя, продекламировала:

– Наша Таня громко плачет,
Уронила в речку мячик.
Тише, Танечка, не плачь,
Не утонет в речке мяч...

Я вежливо хлопнул в ладоши. Она улыбнулась:

– Вы тонкий человек и настоящий ценитель искусства!

– Польщен.

– Приглашаю вас в ресторан. Мне хочется поговорить с вами об американском прикладном искусстве. Американцы, как я понимаю, очень практичный народ.

– Благодарю за честь. Но, знаете, дефицит времени...

Глава XII. На повестке дня – главное

Попал я и к председателю конгресса страны Гочетову. Это был высокий, прямой, с короткими вьющимися седыми волосами, красивый мужчина – настоящий джунгтэррец. Сама предупредительность и вежливость, он решительно заявил:

– Я в вашем полном распоряжении!

Сказал ему, что приехал на свою прародину, и здесь мне все интересно.

– Очень интересно, в частности, чем занимается парламент.

– Охотно расскажу, – улыбнулся Гочетов. – Раньше в стране было народное собрание, а год назад по инициативе уважаемого президента вместо него создан принципиально новый орган – конгресс. Если народное собрание вырабатывало законы, назначало министров, контролировало работу исполнительной власти, то конгресс занимается только одним, но самым главным – творит законы.

– И много уже принято законов?

– Пока ни одного. Но упущенное мы наверстаем: впереди у нас пять лет неустанного труда. Хотя извиняюсь, уже не пять, а четыре. Мы пока занимаемся очень важным, сложным, деликатным делом – делим портфели и кабинеты.

– А законами, ведь год прошел?

– И Всевышний годами ждет души праведников и грешников. Законы, несмотря ни на что, мы сотворим в срок! А если сами не сумеем, то подсмотрим в других странах. Все хорошее в мире уже придумано, не правда ли, дорогой?

– Господин председатель, скажите, пожалуйста, сложно ли в Джунгтэррии стать депутатом конгресса?

– Так же, как и в Америке: для одного сложно, для другого просто. Чтобы стать депутатом, надо состоять в сильной партии или иметь большие деньги. И нужно уметь красиво говорить и убедительно обещать...

Глава XIII. Его высокопревосходительство, его величество...

А вот о встрече с президентом Джунгтэррии Арианом Ойбековым я расскажу подробнее.

Записавшись к главе государства на прием, я три недели дожидался аудиенции.

– Он тебя очень быстро принял, – удовлетворенно сказал мой родственник Лео. – Тебе, американцу, сделали исключение. Обычно ждать приходится до полугода, бывает, год и дольше. Попасть к Ойбекову непросто. Помощники просеивают желающих встретиться с ним через густое сито. В первую очередь проходят те, кто за встречу платит немалые убыли...

– Даже так?!.

Люди в Джунгтэррии, как верно говорил мой дед, рослые, черноволосые, большеглазые, таким я представлял себе и президента. Но он оказался другим – низкий, рыжеватый, с крючковатым носом. Глаза у него маленькие, глубоко посаженные, уши очень большие и, как у летучей мыши, оттопыренные. Он походил на хищную птицу. Ну что ж: даже дети, рожденные одной матерью, неодинаковы.

Ойбеков – доктор политических наук, академик. В Джунгтэррии вообще много остепененных – они особая гордость республики. Здесь, как стал министром в правительстве или председателем комитета в конгрессе – так стал и кандидатом наук, как избрали президентом, получил назначение премьером, – так доктором.

– А что, очень правильно, – слышал я рассуждения многих Иваноковых. – Министерств много, аппараты в каждом огромные, надо же чем-то занять людей – вот и пишут они ученые книги. Сами кое-что узнают, развиваются, а их руководители становятся учеными. Джунгтэррия по количеству ученых на тысячу человек занимает первое место в мире. Нас в прошлом году занесли в книгу Гиннесса!..

Еще я узнал, что близко к рекордной отметке и количество лиц, которым президент присвоил звание *заслуженный*: заслуженный президент, поэт, ветврач, сантехник, скалолаз и т.д. Хороший темп взят и по росту количества отмеченных высшим орденом страны «Гордость Джунгтэррии». Причем всеми этими званиями, наградами президент первым награждает себя.

Наслышавшись о том, что Ойбеков о себе высочайшего мнения и безмерно любит похвалу в свой адрес – *только благодаря вам, глубокоуважаемый господин президент...*, *выполняя вашу научно обоснованную, дальновидную программу, высокочтимый господин президент...*, – я для затравки разговора сказал лестные слова о том, какой он мудрый правитель, как процветает его народ и боготворит своего руководителя. Даже нечаянно приврал, что его знают в Америке. Он слушал заворожено и не мог скрыть радости от того, что он – мировая известность.

Я протянул ему курительную трубку, мастерски сработанную из самшитового дерева и инкрустированную серебром. Он, как прибрежный камыш у пруда под дуновением ветра, задрожал от радости.

– Настоящее произведение искусства! Я в этом деле знаток. Спасибо! Пополню свою коллекцию трубок. Я, знаешь ли, не курю. Курить – здоровью вредить, говорят у нас, а мое здоровье принадлежит не мне – моему народу, и я не вправе растрачивать его впустую. Я – слуга народа и несу на своих плечах ответственность за его положение. Я должен быть здоровым и сильным.

– Правильно, – одобрил я и спросил: – Господин президент, два срока по пять лет вы возглавляете республику. Не притомились управлять?

– Управлять народом неимоверно сложно, – неторопливо ответил он. – Причина этого заключается в том, что наш народ высоко образован и умен. Но я, признаюсь, не управляю, я – командую. Это еще сложнее, чем управлять: страна не военный округ, а граждане не солдаты. Чтобы командовать людьми, надо многое знать и уметь. Очень многое! И скажу без ложной скромности: я знаю и умею делать это виртуозно. И представьте себе – моему народу нравится, как я им командую. А насчет притомился... Да, меня иногда посещает такое чувство: довольно, надоело работать на других, жить, как на витрине, – всем интересно, с кем я, когда, где, куда..., – но это и необыкновенно увлекательно.

– То есть вы намерены идти в президенты на третий срок?

– Я властью сыт по горло и никогда не искал выгод лично для себя. Я всегда жил для моего народа. Казалось бы, пора и мне подумать о самом себе и своей семье. Но... Знаете, очень хотелось бы до конца осуществить задуманное. Планов у меня громадье! И если мой народ меня попросит, если найдет нужным и в очередной раз окажет мне доверие, то...

Тут президент явно лукавил. Я знал: в конституции Джунгтэррии было записано, что гражданин республики может избираться главой государства только два срока подряд – норма, выверенная мировой практикой. Но месяц назад под давлением Ойбекова основной закон был изменен. Статью пятую конгресс принял в такой редакции: *«Гражданин Джунгтэррии, достигший двадцати семи лет, может избираться президентом страны неограниченное количество раз подряд»*. В соответствии с конституцией был изменен и закон о выборах. А теперь Ойбеков делает вид, что еще не решил, идти ли ему кандидатом на выборы. Нет уж – сколько змея ни талдычит, что ползает прямо, хвост у нее кривой!

Власть – наркотик. Ойбеков был явно не в силах расстаться с ней, хотя в узком кругу и в больших аудиториях не раз заявлял, что он устал и президентом на третий срок не пойдет. Это запечатлели телекамеры, это было опубликовано в газетах. Но вкусивший мед власти через что только не переступит, лишь бы не упустить ее!

– Я смотрю телевидение, читаю газеты – вижу, что на заседаниях кабинета министров вам не возражает ни один министр, – сказал я.

– Если хочет работать, то да. А, с другой стороны, как же может возражать мне *человек моей команды*? Потом всем известно: я не терплю ослушания.

– И тем не менее, вы часто меняете министров.

– Вынужденная мера: не выдерживают требований сегодняшнего дня. Знаешь, народу много, а людей нет.

– Вы отправляете министров, и не только их, в отставку, даже не побеседовав с ними.

– Долгое расставание – лишние сопли!

– Извините, я могу называть вещи своими именами?

Глаза президента сверкнули из-под приспущенных век. Он мгновенно взъерошился, как петух перед боем.

– Это уже похоже на журналистское интервью. Но, пожалуйста, пожалуйста, валяй! У нас демократии больше, чем в вашей хваленой Америке, и мы этим не кичимся.

– Правда ли, что вами командует жена?

– У меня и моей супруги один повелитель – Всевышний.

– Говорят, господин президент, вы слушаете шептунов, – я посмотрел на его уши – уши летучей мыши. – Наговорят вам на человека, и вы...

– Не так все примитивно, совсем не так! – перебил меня Ойбеков. – К каждому явлению надо подходить диалектически. Поверь мне, шептуны – не всегда плохо: они – тихий глас народа. А народ все видит и все знает. Не прислушиваться к его мнению – поступать опрометчиво.

– Многие высокие государственные посты занимают ваши родственники, родственники министров, конгрессменов. Например, премьер-министр – родной брат вашей жены, трое министров – ваши племянники. И все поголовно – джунгтэррцы, хотя страна многонациональная.

– Я подбираю кадры не по родственному, национальному или территориальному, а по единственно верному признаку – профессиональному.

– Зачем Джунгтэррии министры железнодорожного транспорта и морского флота?

– А что вас удивляет?

– Страна по территории небольшая, в ней всего пять крупных железнодорожных станций, а моря и вовсе нет!

– Мало станций? Построим еще! Чем ближе друг от друга они будут стоять, тем людям будет удобнее. Верно? Для меня благо народа – превыше всего! А насчет морского министра я скажу следующее. Мы участвуем в долевом строительстве нового морского порта в соседней Россонии. Будет порт – будут корабли. А министр уже есть. Мы, мой молодой и очень любопытный соплеменник, мыслим перспективно!

– Говорят, вы много обещаете, но далеко не все выполняете.

– Обещать – целиком зависит от меня, а вот выполнять – не только от меня... – нахмурился президент.

– Есть ли в стране оппозиция?

– Да. В парламенте против моих указов и решений правительства всегда выступают один-два депутата. Мы им это позволяем. И даже подсказываем темы для выступлений.

– Приведите пример критики в ваш адрес.

– Пожалуйста, один министр на дне моего рождения сказал: *«Господин президент, вы очень много работаете и мало кушаете»*.

– Какую главную задачу вы как президент ставите перед собой?

– Сохранить в стране мир и согласие в любых ситуациях.

– Что значит в любых, господин президент?

– Поясню. Например, человеку не хватает зарплаты, пенсии на нормальную – по его понятиям, разумеется – жизнь, но он должен считать, что у него все в норме, и не выходить на улицы с ненужными мне требованиями, не бунтовать.

– А если, представим невозможное... Например, человек умирает от голода или оттого, что ему, больному, не на что приобрести лекарство?

– Все равно думай о хорошем! И умирать надо спокойно, с достоинством.

– Верно ли, что ваши льготы по выходе в отставку выше, чему президентов Франции, Германии, Америки?

– Ну... ненамного. Но льготы себе я не устанавливал. Я здесь абсолютно ни при чем! Такой закон принял наш уважаемый конгресс, а я человек законопослушный.

– А вдруг вас не изберут на третий срок?

Ойбеков впился в президентское кресло с гербом страны над головой так, что пальцы побелели, и выкрикнул:

– Такому не бывать! Мой народ меня любит и почитает. Ты знаешь, какое звание преподнес мне конгресс в день моего шестидесятипятилетия?

– Хотел бы знать.

– *Отец нации*! Это звание, надеюсь, понимаешь, я заслужил неустанным, плодотворным трудом во благо моего народа!

Выкрикнул с такой силой убежденности, что побагровел.

– Маленькая страна... – начал я.

– И маленькие матери рожают богатырей! – крикнул Ойбеков и выпрямился во весь свой небольшой рост.

Я вспомнил, что эту пословицу уже слышал в Ыгейске в первую встречу с соплеменниками во время застолья и спросил:

– Вы себя считаете богатырем?

– Не я: я человек скромный, таким по моим свершениям считает меня мой народ, – с достоинством ответил президент и опустился в кресло.

– Я читаю местные газеты. Они в один голос пишут о вашем великом вкладе в развитие страны.

– И правильно делают! Людей надо воспитывать на положительных примерах.

– В Америке и Европе убеждены, что средства массовой информации – это своего рода общественная экспертиза того, что делают президент, правительство. Руководители страны должны знать палитру мнений о своих действиях. И считаться с этим. Только так они могут принимать верные решения.

– Вы читали книги Дейла Карнеги о науке управления?

– Не читал, но знаю: кто сам не может, тот учит. Слишком много развелось учителей! Наша страна уникальная, и чужие теории нам не подходят. У нас своя голова на плечах, и по всякому поводу есть свое мнение.

– Ваше?

– Мое!

– А если вы черное назовете белым?

– В стране должен быть порядок. А порядок возможен только тогда, когда мнение у всех одно. Единомыслие сплачивает людей вокруг носителя власти, создает единство народа, удесятеряет его силы.

– У вас есть враги?

– Успех не рождает друзей.

– И чего они добиваются?

– Они первыми замечают мои недостатки, которых на самом деле нет. А хотят одного – занять президентское кресло, по праву принадлежащее мне. Слишком многого хотят! Не выйдет! Я буду править своей страной многие, очень многие годы, а когда мне это надоест, передам власть... по наследству.

– А что вы можете сказать о морали?

– Это большой философский вопрос. Его в одной беседе не осветить. Я посвящаю ему свою очередную книгу. А вот о частице большой проблемы – скромности – выскажусь. Скромность бывает ложной.

– Это вы о себе?

– О ком же еще!

– Говорят, что вы очень богатый человек.

– Да, очень! – с пафосом воскликнул президент. – Но богат не тем, что у меня есть дворцы и виллы на берегу Средиземного моря, «линкольны», многомиллионный счет в швейцарском банке, а тем, что я имею истинные любовь и уважение, искреннюю дружбу моего великого народа.

– Вы мудрый человек, господин президент! С вами очень интересно беседовать.

Откинувшись в кресле, Ойбеков улыбнулся.

– Чьи деяния великолепны, у того и слова весомы, – сказал он.

– Как вы относитесь к правде?

– Я должен знать всю правду, а подчиненные, народ – ее частицу.

– Почему?

– Для моего спокойствия и спокойствия моего народа.

– А в чем, по-вашему, заключается смысл жизни?

– Чтобы брать.

– Что брать?

– Абсолютно все! Материальное, духовное, душевное.

– Я вычитал у одного древнего мудреца, что смысл жизни в том, чтобы давать.

– Ерунда! Оттого, что я беру, моя страна берет, мы только выигрываем, да еще и как! Если я, президент, ем экологически чистые продукты питания, пью первоклассное вино, лечусь в клиниках, санаториях мирового уровня, то я здоров и силен. А я, – президент погладил себя по груди, – частица моего народа, моей страны. Значит, и народ, и моя страна от моих здоровья и силы становятся здоровее и сильнее. Разве не так?

– Конечно... – согласился я и поинтересовался: – Вы верующий?

– Несомненно, – твердо ответил Ойбеков. – Ну, может, довольно расспросов, дорогой? У нас не любят тех, кто задает много вопросов. Это я – большой демократ, слишком большой для этой маленькой страны, и позволяю слишком многое себе и другим.

– Извините, еще один вопрос.

– Пожалуйста, пожалуйста!

– А во что вы верите, господин президент?

– В доллары и золото.

– Жадность погубила многих.

– Это – не обо мне! Великий не может быть жадным. Я понимаю, что в могилу с собой ничего не заберу, все останется моим детям и внукам.

– Ваши земляки говорят, что у вас в школе была кличка Везунчик.

– Верно. Я уже в школе знал, что стану президентом. И, как видите, я им стал! Я еще стану и главой конфедерации!..

– Вы – оригинальная личность.

– Так считает и мой народ. Больше того, он считает меня незаменимым. Об этом, кстати, говорят мои имя и фамилия.

Имя президента – *Ариано* – означает *первый*, а фамилия *Ойбеков – незаменимый.*

Последними словами президента на аудиенции были:

– Ну что, мой далекий соплеменник, я произвел на тебя впечатление?

– Сильнейшее! – ответил я.

– Мне доложили, что через неделю ты улетаешь домой. Расскажи своей Америке обо мне, великом президенте великой Джунгтэррии – моей замечательной стране, моем процветающем, счастливом народе.

– Непременно...

От людей, близких к Ойбекову, я слышал, что президент честен даже тогда, когда врет. Мне показалось, что со мной он говорил абсолютно искренне.

Глава XIV. В засуху растут лишь сорняки

Последнюю неделю я с Ионом Криницыным – другом Лео Иванокова, большим любителем и знатоком горной части Джунгтэррии (совершенно бескорыстно со стороны Иона!), много бродил по горам и альпийским лугам. Со мной говорили высокие небеса, горные орлы, суровые серые скалы, бешеные белые реки и тишайшие синие озера, невиданные деревья и волшебные цветы.

Много увидел я восхитительного. И, к моему великому сожалению, огорчительного тоже. Джунгтэррцы уничтожили гордость своего прошлого – могучих бизонов, о них остались одни воспоминания; по-варварски, с вертолетов расстреливают гордых красавцев-оленей и, как мяч,

прыгучих серн, чему я был невольным свидетелем. В самых красивых местах они рубят деревья, разводят костры, оставляют после себя жестяные консервные банки, стеклянные и пластмассовые бутылки, папиросные коробки, газеты, тут же устраивают туалеты. Глядя на все это, я испытывал острое чувство стыда за своих соплеменников...

Все! Прочь грустные мысли! Только у мечты не бывает недостатков. Мудрость – видеть хорошее.

Я поражался здешней неистовой природе – безмолвному величию гор, хаотическому нагромождению диких скал, от высоты которых захватывало дух; с восторгом и ужасом заглядывал в бездонные, дышащие холодом и тайнами ущелья, заходил в мрачные гроты, прикасался к столетним дубам и чудом прилепившимся к коричневой скале рыже-зеленой сосенке, трогательно белой березке.

Я видел мощный Ниагарский водопад (ширина поверхности падающей воды более километра), а в моем штате Калифорния – знаменитый водопад в горах Сьерра-Невады. Но такого завораживающего, волшебного зрелища, как здешние водопады с их божественным звоном, и представить себе не мог!

Сливаясь с матерью-природой, я лежал на роскошных альпийских лугах, заворожено всматривался в бездонное синее небо. И небо с космической высоты жадно взирало на меня. Или это я всматривался в себя с невообразимой высоты?.. Я пил ледяную и сладкую воду из горных родников, дышал кристально чистым, пьянящим, животворящим воздухом...

В горах я воспрял духом. У меня было ощущение возвратившейся юности. В теле появились невиданные сила, легкость, поселилась бодрость духа. Сначала во мне зажгли свечу, потом – солнце. Во мне зазвучала мощная, величественная музыка.

Я постоянно думал о прекрасной и бедной стране моих предков. Она была похожа на мелодию, звучащую в моей душе. Как больно, что моя страна (да, моя! Я – оторванная от нее и заброшенная далеко ее частица, я принадлежу ей, а она – мне) – неисполненная музыка! Есть инструменты – несметные природные богатства, здесь Создатель предусмотрел все: лес, золото, серебро, алмазы, нефть, газ, есть музыканты – большие мастера, светлые головы и умелые руки джунгтэррцев, но нет дирижера.

Моя Джунгтэррия – плодороднейшая земля, иссушенная зноем, хотя в стране сколько угодно горной, чистейшей воды, но некому напоить жаждущую землю. А что вырастает на земле в засуху? Только сорняки! Это они сегодня оплодотворяют мою древнюю землю своими семенами.

Или каждый имеет то, что заслуживает?.. Никогда не соглашусь с тем, что такую участь заслужил мой народ! У оркестра непременно будет дирижер, иссушенную землю люди напоят горной водой, бросят в нее отборные семена благородных культур, и она...

Неистово желая своей земле процветания, я изо всех сил пытался выяснить, почему, обладая несметными природными богатствами, джунгтэррцы живут бедно. Понял: в стране есть люди, действительно знающие, понимающие, умеющие, но в силу многих причин: унизительная оплата труда, экологически грязное производство, довольствование малым и так далее – не желающие работать. И есть желающие, но не умеющие что-то делать. Здесь немало людей, которые рассуждают: если я что-то могу, то это вовсе не значит, что должен это делать; зачем буду делать я, если это может сделать другой; то, что определено судьбой, ты получишь и лежа в постели; хорошим людям обязательно повезет...

В свое оправдание местные жители говорят: «Нас социализм избаловал». А давно известно, что ленивым рукам работу находит дьявол, что дерево, посаженное бездельником, сохнет.

И нигде, ни от одного человека я не услышал, что надо сражаться за то, что любишь!

Не будь джунгтэррцем, я бы с удовольствием посмеялся над этими парадоксами, несуразицами, но у меня от них сердце разрывается. От увиденного, услышанного, пережитого я не раз плакал. И мне не стыдно в этом признаться. Мой дед говорил, что настоящий мужчина не стесняется слез.

И в то же время, моя страна, какая ты прекрасная, необыкновенная, завораживающая, колдовская! Сколько раз я говорил себе и обретенным друзьям: слава Всевышнему, что мои соотечественники живут на этой райской, благословенной земле! Спасибо Создателю, что он и меня удостоил чести и счастья называться джунгтэррцем!..

Глава XV. Власть по наследству

Перед самым возвращением в Америку я узнал: конгресс Джунгтэррии решил президента Ариана Ойбекова оставить на главном посту страны пожизненно, а должность президента сделать наследственной.

В день моего отлета барометр наобещал осадки. И верно – к одиннадцати часам небо нахмурилось. Пообедав с Иваноковыми, я вышел в сад. В небесах творилось невероятное, там гуляли могучие ветры – тучи, закрыв солнце, клубились и сшибались друг с другом, между ними сновали юркие молнии. А на земле стояла удивительная тишь. Ни один листок не шевелился на деревьях. Земля томилась в ожидании дождя. Мне казалось, что она в горячей мольбе вскинула к небу свои руки – деревья, кусты, цветы: пролейся дождем, напои меня, иссушенную, изнуренную беспощадным солнцем! А еще картина напоминала мне красавицу Лауру, закрывшую глаза и замершую в ожидании поцелуя любимого – настоящего мужчины...

Но вот до меня долетел глухой голос небес, и ветер с немыслимых высот спустился на землю. Листья в саду напряженно затрепетали, закачались кусты роз, на моей спине вздулась рубаха, поднялась пыль. С яблони с глухим стуком упало несколько яблок. Лилиан, закрывая окна от пыли, звонко крикнула мне:

– Быстро в комнату – сейчас хлынет дождь!

Я кивнул ей, но не тронулся с места. Загремел гром уже в полный голос. На крышу дома, деревья, бетонную дорожку, землю стали шлепаться огромные капли дождя. Ветер усилился. Меня ослепила молния, и одновременно раздался оглушительный вскрик вспоротого огнем неба. И тут же ливень с мощным шумом, подавившим все другие звуки, обрушился стеной. Я вмиг промок. Лилиан, преодолевая сопротивление ветра, с трудом открыла окно.

– Арслан!.. – закричала мне.

Мне не хотелось уходить из дрожащего от счастья, блаженствующего под дождем сада. Я вспомнил своего деда Ахилла, его восторг могучими ливнями и яростными грозами. «Все именно так, мой дорогой дедушка!..» – подумал и, подняв руки к небу, невольно закружился на месте.

– Какой мальчишка!.. – услышал изумленный голос Лилиан и хлопок закрывшегося окна.

Я с наслаждением смотрел, как истомленная засухой земля жадно глотала небесную влагу. Я думал: «Этот обильный дождь – благодатные слезы Всевышнего над бедной страной. Это и мои слезы, Джунгтэррия!..» Дождь то усиливался, то временами ослабевал. Он нес моей душе несказанно сладкое облегчение. «Теперь здесь все будет по-другому! – уверенно думал я. – Ливень – это доброе предзнаменование...»

Месяц спустя ко мне в Калифорнию пришло письмо от моего родственника и друга Лео Иванокова. Он с гордостью писал, что в Джунгтэррии наконец-то всерьез взялись за экономику. Конгресс отменил выборы депутатов и *обязал* (именно так написал Лео) президента самому назначать – смещать не только министров, но и депутатов. «*Какая разница*, – здраво рассуждал Лео, *– выбирать или назначать? Ведь все равно и те, и другие выполняют волю президента: у нас президентская республика. На выборы президента, депутатов тратились сумасшедшие деньги, и если вдуматься в новацию, то какую великую экономию она даст!*

Должности министров, депутатов и другие наш уважаемый президент мудро решил продавать за доллары. Цены он устанавливает по своему усмотрению.

Повышенным спросом в стране пользуются посты министров, председателей комитетов, начальников управлений, глав лусов, улов и их заместителей. Это потому, что все они получают не только большие оклады, льготы, а затем пенсии, могут по примеру президента продавать должности своих ведомств, но и в своем распоряжении имеют служебные автомобили и водителей, что считается очень престижным. У нас смеются над чудиками-министрами европейских стран, которые на работу ездят на велосипедах.

В большом ходу и должности в правоохранительных органах, различных контролирующих организациях, которых у нас тьма. Я у родственников подзанял убылей и приобрел скромную должность работника таможни. За полгода рассчитался с долгами и теперь – слава Всевышнему! – работаю на себя. Мой дом теперь – полная чаша.

Так что моя Джунгтэррия живет и процветает!..»

И еще он сообщил, что в центре столицы, на перекрестке главных улиц, на том месте, где стояла квадратная тумба с четырьмя портретами президента (на все стороны света), вождю страны установили бронзовый памятник высотой в двадцать пять метров. На его гранитном пьедестале золотом вытеснено: *«Благодарное человечество – великому президенту Джунгтэррии, Отцу нации Ариано Ойбекову»*.

«Да, – сказал я себе, – приехать в отпуск на родину предков можно и нужно, а вот остаться там жить – вопрос...». Но почему же так болит душа моя?.. О Лауре – тоже...

Арслан Иваноков.

От автора

Человек, имеющий какое-либо отношение к литературе, как правило, человек неравнодушный, любопытный. Случайно встретившись с американцем Арсланом Иваноковым – он с женой, сыном и дочерью отдыхал в Дагомысском оздоровительном комплексе – я подружился с ним. Его рассказ о Джунгтэррии записал на диктофон и своим произведением не считаю.

Слушая джунгтэррца, я думал: слава Богу, что я россиянин и в нашей стране ничего подобного нет и быть не может! Я живу в свободном, демократическом государстве.

У нас, когда говорят: если не выполню обещание, лягу на железнодорожные рельсы, то никто и не ждет, что сказавший ляжет под поезд: это всего лишь фигуральное выражение.

Наши учителя, врачи живут очень хорошо. Но им не завидуют даже бомжи: у нас независтливый народ.

У нас, к счастью, очень маленький государственный аппарат. Если в Джунгтэррии один чиновник приходится на десять граждан, то у нас – на одиннадцать.

У нас убивают людей днем на улицах, и милиция преступников не находит. Но не потому, что не может найти – у нас профессионалы высочайшего класса! – а потому, что не ищет. Это большое утешение для родственников убитых.

Наше государство в огромных количествах закупает в Европе, Америке пшеницу, овощи, «ножки Буша», сахар и так далее. Причем платит за них намного дороже, чем за эту же продукцию собственным производителям. Если на это взглянуть с космических высот философии, то вывод на ладони – разумное решение! Помогая другим странам развивать сельскохозяйственное производство, мы помогаем себе: мир-то един, и все в мире взаимосвязано. А потом россияне за демократическое двадцатилетие выросли из пеленок национальных рамок. Мы стали космополитами, гражданами больше мира, чем России. Мы уже пришли к тому, к чему тугодумам-иностранцам еще идти и идти!

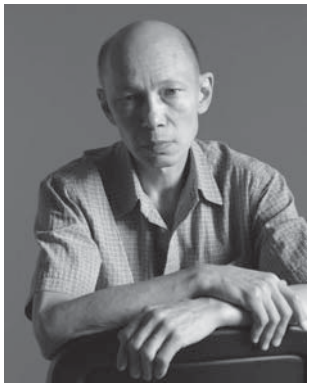
Если власти страны объявляют о повышении зарплаты работникам бюджетной сферы, то они выходят на улицы с требованиями: «Нет повышению зарплаты – учителям, врачам, работникам культуры!», потому что знают: если их зарплата поднимется на десять процентов, то цены на рынке подскочат на все пятьдесят.

Когда депутаты Государственной Думы в очередной раз трезвонят о повышении пенсий до уровня прожиточного минимума, пенсионеры – жизнерадостный народ – смеются. Они знают: этого при их жизни не будет – Дума шутит.

Да, верно, население России уменьшается, но только по одной причине: молодые, энергичные люди покидают страну. Едут посмотреть мир: россияне – прелюбопытнейший народ. А от оставшихся стариков какое потомство? Передадут ему по наследству свои болячки, да и только. Уж лучше не надо!

И вообще, слава Богу, что я – не какой-нибудь там джунгтэррец, а настоящий россиянин!..

Василий МУРАТОВСКИЙ



Корни и крона Василия Муратовского

Полвека Василию Муратовскому. Но его поэзия, юная и дерзкая, только в начале пути.

Его темы – свобода, любовь, Бог, поэзия, мир природы, жизнь и смерть. Вечные темы поэтов всех стран и народов. Античность и Библия, поэзия японцев и русский Серебряный век. Голоса любимых поэтов «хороводят вдоль берегов» его творчества. Читателю радостно угадывать эти живые переклички через века. Муратовский вечно находится в лабиринтах перепева. Органично входят в книгу «Корни и кроны» творческое наследие Гомера и китайских поэтов эпохи Тан, Юрия Домбровского и апостола Павла, Хайяма и Джона Донна, И. Бродского и А. Ахматовой, А. Тарковского и Евангелия от Матфея, Микельанджело и Томаса Элиота, Овидия и О. Фрейденберг, М. Лермонтова и А. Моруа, Державина и Федерико Гарсии Лорки, М. Цветаевой и Е. Баратынского, Шекспира и Эмили Дикинсон, Басе и Поля Клоделя, Хайдеггера и Марианны Мур, Сильвии Плат и Курмангазы, а также факты биографии лирического героя, его пейзажные впечатления, его пронзительные исповеди. О процессе духовного общения Муратовского с вышеназванными авторами можно долго говорить, но это всегда трансформация, как выразился Олжас Сулейменов, трансформация огня.

Ведь если они отзываются эхом, значит, жива и вечна наша Культура. «И сладок нам лишь узнаванья миг», – сказал об этом Мандельштам. «Но, может быть, поэзия сама – / Одна великолепная цитата», – промолвила полушутя Ахматова.

Они-то знали, что «насыщенный раствор» стиха вовсе не противоречит уникальности поэтического почерка. Корни и кроны его поэзии – здесь, рядом с нами.

В древнее скифство и в древнюю Русь уходят корни поэзии Василия Муратовского. «Скиф, скиф, скиф – кровью мечен след.... Я еще очнусь от гуденья тризн... Возврати мне, Русь, жизнь, жизнь, жизнь...». Об этом стихотворение «Стынь, стынь, стынь...»

Здесь строчка, состоящая из трёхкратного повтора одного слова, скользит вниз. Интонация Иова в состоянии отчаянья. Обращение оправдано тем что, что жизнь Муратовского – стихи.

Растворение в природе органично для души поэта. Не случайно он утверждает, что рожден под знаком воды:

Я – вода, меня легко запачкать…
Я – ручеек, который в болото
и из болота, такой же чистый…

Я – живой, как живое бессмертен,
зноем взятый – вернусь облаками…
Я согласен: не слышьте, не верьте-
знаю: пьете большими глотками…

Действительно поэзия Муратовского – это родник в пустыне, для жаждущего высокой поэзии.

Муратовский – поэт природы: и ему дороги и шум высоких тополей, и мрачность елей, и ручья веселье в таком узнаваемом алматинском горном ущелье, и символический Русский лес, и конкретный горный лес вблиз Медео, с памятными реалистическими деталями пейзажа («В горном лесу»). Степное ночное озеро сопрягается с отраженьем прибалхашской луны, полет летучих мышей причудливо связан с полетом крылатого сказочного льва. Лирический герой признается в родстве с вершинами Алатау, с деревьями Родины моей.

Разговор с людьми и разговор с богом совершается на одном уровне. С

богом он говорит «незримым облаком ночным, звездой, мерцающей в тумане», с людьми – «начну дождями нависать, деревьями шуметь над мукой…». Он остается с людьми «неистребимо как запах гари, запах лип…».

Строй, интонация, частично смысл стихотворения «Перекличка» определены «Письмами римскому другу» Иосифа Бродского. Однако это не копия, а отталкиванье и свободный полёт. Здесь перекличка не только с Бродским, но и со Цветаевой, потому что в строках «...загоняя отголоски жизни грешной дудкой горя, мерой моря в твоё море...» – неожиданно вырисовывается образ Крысолова из одноименной поэмы Марины Цветаевой. «Мера мора» – отсылка к стихотворению Мандельштама 1937 года «Флейты греческой тэта и йота...» – «И когда я наполнился морем – мором стала мне мера моя...». Мука Мандельштама музыка, как море, в глиняном сосуде приговорённого тела. Переполненность музыкой и возможность её выхода в мир только через разрушение миром его человеческой жизни. Жизнь пронзённая миром, становится музыкальным инструментом. «Мера мора» Мандельштама – чудовищное несоответствие мира духовного миру окружающему... Море Бродского как понятие времени, как освобождение от временного, как продолжение во времени раскованными накатами речи. Говорение глубинными стихами – освобождение от несвободного мира, изгнание из себя его бесов. Они бегут от слова одухотворённого и прыгают, отталкиваясь от скалы твоего отношения к миру материальному, в море чистого времени, которое без труда упраздняет всё преходящее. Слово работает в том, кто его выстрадал. Вот так можно понимать выражение «дудка горя».

Стихотворение говорит о высокой цене истинной поэзии, ибо восходит к строчкам Мандельштама, адресованным нам и посланным из 1937 г:

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
на берегах зубчатых Камы:
Я б удержал её застенчивый рукав,
Её круги, края и ямы.

Я б с ней сработался - на век, на миг один –
Стремнин осадистых завистник,
Я б слушал под корой текучих древесин
Ход кольцеванья волокнистый....

Очевидна сопричастность поэзии Муратовского к высоким образцам китайского Возрождения, великим поэтам эпохи Тан Ли Бо и Ду Фу. «Плачет Ду, смеётся Ли...» – тут показана разница в натурах двух друзей, вечно пребывающих в разлуке, Ли Бо и Ду Фу: «Один из них, высокого роста и крепкого телосложения, лицом скорее похожий на тюрка, чем на китайца, носил у пояса меч, закалывал простой шпилькой седые пряди, громко смеялся, словно подражая звуку весеннего грома, и передвигался бесшумной походкой охотника. Другой, худой и застенчивый, с лицом утомлённым от постоянного чтения и кабинетных занятий напоминал своей простой холщовой одеждой бедного учёного.» См. «Ли Бо и Ду Фу.» Избранная лирика. Предисловие Л. Бежина. Москва, «Детская литература», 1987.

В строке «...а некто склон восточный превратил в дракона...» – речь о поэте-классике, жившем в Китае 11 века, Су Дун-по (псевдоним) – Су с восточного склона горы. Светское имя – Су Ши. Дракон – символ вдохновения. В «Книге Перемен» представлены несколько стадий вдохновения: 1 – дракон нырнул в глубину, 2 – дракон вышел в поле, 3 – дракон поднялся в небо, 4 – дракон скоро упадёт. Удивителен переход от реминисценций, связанных с китайской классической поэзией, к аллюзиям на античные мотивы, в частности перепевы «Скорбных элегий» Публия Овидия Назона. Об этом свидельствуют стихи: «под накалом тоскования Назона», «Говоришь, что волей скифской стыни форму кадки Вакха дар приобретает?»; «красный, а не синий лёд из Рима, но в гортани тает».

В названии речек «Чёрная, Вторая, третья речка» – отражены судьбы трагически погибших поэтов: Пушкина, Мандельштама, Цветаевой.

«Бычьим обликом украшенная печка...» – образ восходит к пересказу античным автором персидской притчи: к жестокому царю пришёл

умелец и предложил ему своё изделие – печку, имеющую вид быка. «Когда засунешь в неё кого-нибудь – бык замычит!» – Тиран, не долго думая, сказал: «На тебе и проверим!».

В стихотворении проступают и библейские аллюзии, так строка «Первой радуги рожденье...» напоминает стих из «Ветхого Завета, Бытие, Глава 9». « Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землёю, И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга в облаке; И Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами, и между всякою душою живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти.»

Образ таракана безусловно ассоциируется с образом Сталина.

Строка «смерть отравлена рукой Акутагавы...» – напоминает нам о смерти Акутагавы Рюноскэ (1892-1927) – японского прозаика, основоположника японской литературы модернизма, отравившегося большой дозой люминала. Дальше вновь следуют строки, которые отсылают читателя к соответствующим стихам Мандельштама, Бродского, Пушкина, Гомера, Овидия, Катулла, Ходасевича, Державина.

В стихотворении «Поэзия» первая строчка воскрешает сказание о гибели Ли Бо: утонул в реке, пытаясь поймать отражение луны. В детстве Василий Муратовский видел чучело камышового тигра, застреленного Семёновым-Тяньшанским в 1910 году на реке Или. У Максима Зверева описываются балхашские тигры предвоенного времени. По рассказам местных жителей, их можно было встретить в начале пятидесятых. Сохранились шкуры балхашских тигров и капканы на них. Следующие строки выражают отношение поэта к родной природе и к древнекитайской поэзии. Птицы и дракон называют любимых поэтов Муратовского. Это Бродский, Мандельштам, Су Дун-по, Ду Фу, Ли Бо, автор «Слова о полку...», Пастернак, Рубцов, Тарковский, Гейне, Цветаева, Блок, Аполлинер, Нерваль. В последние годы, как мне признавался поэт, его кумиром является Гельдерлин.

Следующие стихотворения поэта о поэзии: «Прочтенья сложность вас тревожит, друзья…», «Гораздо выше ломаной линии горных пиков…», «О моих стихах», роднит любовь. Поэт уверен, что ценно не то, что людей разъединяет, а то что их объединяет. И этим объединяющим началом становится любовь к людям, растворенная в поэзии. Самая высокая поэзия заложена в Библии. Отсюда такое обилие библейских мотивов и образов. Муратовский умело соединяет в своих стихах Запад и Восток. Гомер, Мандельштам, Цветаева Тарковский тесно связаны с образами японской и китайской поэзии.

Стихотворение «Алма-Атинка», на первый взгляд, чисто пейзажное. Но конкретный пейзаж точно и четко выписанный служит стартовой площадкой для глубоких философских откровений.

Поэт снабдил свои стихи авторскими комментариями. Случай уникальный по нашим временам. Я использовал их, чтоб наиболее приблизится к сути его поэзии.

Слово с большой буквы не отсылает читателя к Библии, но задаёт отношение автора к слову, выстраданному до выживания времени, к слову, упраздняющему территориальные границы, объединяющему народы, роднящему людей, устремлённых к прекрасному в человеке и во всём, что его окружает, а это и листик, упавший на расплющенную морду степной лисицы, и память детства. Алматинка – это река, такая же как Волга для Некрасова, Нева для Пушкина, алматинка – это женщина, это символ всех любимых женщин, это государство Казахстан. Алматинка становится символом народа, плоть от плотью которого является лирический герой, символом города, который «дорог до слез», родины, восхищающей поэта «нетленным светом».

Последние стихи представляют монологи о времени, о смысле жизни, о себе.

Я уверен, пройдет энное количество лет, и поэзия Муратовского станет рядом с тобой, как поэзия его великих предшественников. Стоит только протянуть руку.

Нурболат Джуанышбеков

Стихи В. Муратовского

***

Стынь, стынь, стынь...
Жалок, гол, сутул...
Вынь из сердца, вынь
урагана гул...

Шум листвы верни:
грех, грех, грех
оставлять лишь пни,
если бор для всех...

Гонишь Ты в пески –
прячусь в детский бред.
Скиф, скиф, скиф –
кровью мечен след...

Я ещё очнусь
от гуденья тризн...
Возврати мне, Русь,
жизнь, жизнь, жизнь...

Перекличка

1.
Ты прости меня, Иосиф, я, конечно,
очень дерзко поступаю, тебе вторя,
загоняя отголоски жизни грешной
дудкой горя, мерой мора в твоё море.

Минотавром в лабиринте перепева –
повод к рёву закоснелым критиканам,
но поэзии разросшееся древо
кольцеваньем настигает, как арканом.

2.
Кто захочет – пусть сличает наши стопы,
я всегда был с арифметикой в разладе,
ни Америки не видел, ни Европы,
но о слове размышлял и о распаде.
Как бы ни было, но жизни половина –
не забудешь! – столько боли причиняет,
что кончины в умозрении картина –
без притворства – мало страха вызывает.

3.
От страданья далеко ль до мирозданья:
не заметил, как покинул эту землю,
слово верное есть область обладанья
неизменная – нетленному я внемлю.
Плачет Ду, смеётся Ли, а некто
склон восточный превратил в дракона,
что играет чешуёй сплошного спектра
под накалом тоскования Назона.

4.
Говоришь, что волей скифской стыни
форму кадки Вакха дар приобретает?
Прав ты, Публий: красный, а не синий
лёд из Рима – но в гортани тает.
Где ты, Чёрная, Вторая, Третья речка? –
океаном многооким стала...
Бычьим обликом украшенная печка
крови жаждущим умельцем замычала.

5.
Голубь с листиком масличным возвратился,
первой радуги рожденье – радость Ноя.
Чтобы род людской не истребился –
только избранным даётся паранойя.
Тараканом склёванным, не боле,
вдруг становится «гулагами» богатый.
Пусто место не бывает на престоле:
бесноватого сменяет вороватый.

6.
Денег нет, смешна идея славы,
что имею – просто образ жизни:
смерть отравлена рукой Акутагавы,
дикой шуткой – мой упрёк отчизне
равнодушной, и какие бредни –
раздувать скандал из песнопений.
Я не первый создан, не последний
для молитв и сладких вдохновений.

7.
Распускает нити Пенелопа,
дверь пинком, как судно ураганом,
разбивается... И голая Европа
одевается достойнейшим обманом.
О любви, любимая, ни слова:
если есть, то глубоко внедрилась.
Страсти препарировать не ново,
но по мне: знай меру, да и милость.
О, воробышек, оплаканный Катуллом,
в клюв свой малый драхмы не вмещаешь,
ошарашенный подземным гулом,
над Хароном несговорчивым летаешь.

10.
Кроны – пламя, пятитысячник за ними
(до пяти каких-то метров не хватает),
я любуюсь Заилийскими своими –
и к Синаю сердце улетает.
Бог отмерил, да отрежется не мною,
космос петель - я давно их не считаю,
благодарен памятью земною
за небесную, в которую впадаю.

Рождённый под знаком воды

Я – вода, меня легко запачкать,
но кончится тем, что я отмою...
Меня бесполезно прятать в пачку –
я впитаюсь, расклею, раскрою!

Я – ручеёк, который в болото
и из болота – такой же чистый,
для загаженного я – рвота,
для природного я – лучистый...

Я омываю чужбинные земли,
я к берегу возвращаюсь родному...

Я говорю о том, чему внемлю,
а внемлю я небесному и земному...

Я ухожу в горючую почву,
я из поля зрения исчезаю...
Я росинкой раскрываю почку,
я штормом скалы срезаю...

Я – живой, как живое – бессмертен,
зноем взятый – вернусь облаками...
Я согласен: не слышьте, не верьте –
знаю: пьёте большими глотками...

Поэзия

Я ловлю отраженье прибалхашской луны,
тени вымерших тигров дразню тростниками,
на поверхности держат сказанья и сны...
В чей атласный рукав
я вцепился руками?

Кто на лодке подплыл с непогасшей свечой,
кто плечами пожал, головою печально кивает?
Вслед за кем по тропинке к соломенной кровле над кричащей арчой
я промокший иду,
чья спина предо мною мелькает?

Кто в очаг бросил хворост, зелёного чая налил?
Кто чудесную чашечку мне протянул над циновкой?
В этой хижине милой я сказочно часто гостил,
вот и лютня, и флейта –
узнаю обстановку.

Голоса раздвигают пространство и снова во мне
интонацией боли журчащей и сладкого плена
замираний далёких, звучащих вовне,
избавляют от скорби великой
человеческой сутью Вселенной.

В этой хижине ястреб и ласточка мирно живут,
уживаясь с драконом парящим и с гусем отставшим,
словом сущим, растущим, над бездной встают:
над казнённым – воскресшим,
возвращённым – над без вести павшим.

Здесь зегзица рыдает, а лебедь – в объятье с орлом,
зимородок летит, и снуют воробьи возле крыши,
разрастаются корни под скромным рабочим столом,
скажешь тихо: «Пэнлай...» –
и Синайские гимны услышишь.

Чья над шалью ладонь нежно сжала стрижа?
Голубь чей из могильной к жизни вылеплен глины?
Всех времён и народов в строке стихотворной душа
Нахтигалем поёт
над Голгофой вестей журавлиных....

***

Гораздо выше ломаной линии горных пиков –
остров холмистый,
увенчанный полной луной...

О живопись ночи реальной!

Тёмно-синий и серебристый,
почти чёрный,
янтарный,
белесый и голубой,
как экран телевизора за тюлем квартиры
чужой, -
хороводят цвета,
ненавязчиво-плавно
меняя картины:

то верблюды плывут чередой,
то вздыхает дорожная пыль под незрячей
стопой
говорящего с Богом гонимым –
ещё Савла,
не Павла...

Как мной
это любимо:
над некрашеной рамой балкона,
с откинутыми налево, направо
крестами,
заполненными рукотворным стеклом,
лбом
врастать
сквозь пирамидальные кроны
и оконных огней игло-музыку
в галерею вселенской, визуально означенной
ворожбы
под незримый диктат части той языка,
что в заплечном вагоне судьбы
соизволила мир обрести.

Между скал, на которых трава «не грусти!»,
и трава «повстречай!»,
и трава «всех прощай!»
проросли,
проплывают зрачки...

Склоном Фудзи,
тянь-шаньским отрогом,
тосканским холмом
мозг под костью, обтянутой бритой кожей моей,
припадая к глазницам,
свободным от шор вздорной жизни,
бугрится
декорациями к любому столетью...

Душа – как для друга заваренный чай...

Ли и Ду
или в шляпе из стружек кипарисовых
странник-старик
невзначай
навестят этот миг?..
Или губы, несущиеся в темноте,
и глаза, что плывут по реке?..
Вдруг присутствием вольным дадут мне понять,
что корабль крутобокий безмерной,
поющей Любви
на крови
соизволил меня в это небо на вечность
мгновения взять.

Жизнь – стрижом на ладони,
и пальцы, цедящие смерть,
нет желанья в кулак пустоты всеобъемлющей
сжать
ибо слогом раскованным прочеканена эта, и та,
и за ними стоящая твердь...

Самолётом-ковром плоть согбенную
нежно колеблет разломавшая клетки
колыбельная млечность
ученического листа...

И сквозь сердце растут,
размышляя о нервной системе корней,
человека вылепливающих,
мусикийские стебли,

рождая звучанье
над зеркальным заливом сознанья,
воскрешающее хороводы
скользящих сквозь время -

мною зримых,
реальных,
возлюбленных личною болью
теней.

***

Холод кафеля на балконе –
благо ладони
человека, не спавшего ночь
в думе об ушедшем прочь,
но оставшемся навсегда

как шум листьев в памяти о распиленной кроне,

ветками которой к зрачкам подносилась звезда,
упраздняющая мрак всех сущих
(прошлых и грядущих)
агоний.

***

Окрест меня сонм крон:
стон поколений,
помноженный на биллион
коленопреклонений;

сон о грядущем,
сбывшемся в былом;

земной поклон корней могучих,
устремлённый в небосклон,
как склон горы, которую обжили тучи,
смиренно следуя за указующим на выгул тучный
жилистым, натруженным в просторах
неземных крылом.

Алма-Атинка

Говорливая радость горной реки,
раздвинувшей город...
Теперь можно поболтать о том о сём на досуге,
питая корни ив,
глубину цвета изумрудных мхов
на валунах ядреных
у мостиков ветхих;
ветки и стволы благословляя
на ежедневный
достославный подвиг,
выстаивать во что бы то ни стало;
радуя округу,
не различая, кто рядом -
друг или ворог,
не думая ни о вороге,
ни о друге,
становиться чьим-то
устремлённым к воле взглядом
и становиться полем,
становиться,
помимо пенья дикой птицы
над ледниковой прохладой,
улыбками над хлебом насущным
на угрюмых лицах
тружеников достопочтенного села.

Оскал снежного барса,
бульканье в горле разгорячённого архара,
спустившегося с кручи скальной напиться
алма-атинской силы,
судьба свела
в один круг -
в круг неба
над прыганьем по катакомбам
в разрезе влаги зеленовато-прозрачной,
в стеснённых обстоятельствах –
белопенной...

Когда прохожу терренкуром с любимой собакой,
всё это во мне – полонезом внутривенным...
И речи нет ни о какой битве с мраком –
мрака здесь нет, даже за полночь:
речь, увековеченная гортанно,
ныне и присно ворочается в перепонках сердца,
которому по барабану
то, чего через век не будет!

Здравствуй, река, выводящая в люди
мысли о будущем
(не только Казахстана),
рвущем
ожиревшее сердце
рынка
ритмом горной реки,
уводящей в небо
каждой фазой
раскованного дыханья,
фразой,
соединяющей днесь
здесь
устно и рукописно
с памятью грядущих единоверцев,
под сурдинку
приводящей тропами легенд и сказаний
в лес прекрасный, смерти не имущий,
существующий вне оказий и рент
временем, текущим сквозь «опасно!»
нетленным светом
вдоль берегов с явленьями временных
безобразий.
В Америке, в Европе, в Африке, в Азии -
это круто,
это – воистину
классно!

***

Кто я? -

Не статуя!
Статус для меня - «пшик!»,
воды, в которых я рыба, - родной язык,
с миллионом течений,
и счастье своё нахожу свободой движений
души, не чуждой природе всех
человечностью означенных ощущений;

радует процесс,
и неважно, как блестит при этом -
каким зрачком,
на месте каком,
под каким углом –
моя чешуя.

***

Не успеваешь оглянуться, как жизнь проходит,
но следа отсутствие я не берусь,
по слову многих, утверждать:

со мной всех павших благодать,
всех отошедших в мир иной;

проснусь и удивлюсь порой:
мне сорок семь, но вижу детство
реальнее, чем жизнь вокруг;
всех чувств, боюсь, не передать,
что тихо в сердце хороводят;
со всем, что было, есть и будет,
дано мне ощущать соседство.

***

Веселья миг
и миг печали
объединил один родник:

играй, Адель,
в моём начале,
дни середины, Каин, дли,

последнюю постель
стели,
простивший за мытарства Авель.

Где Греция времён Гомера?

Но каждый звук аэда – друг душе моей,
вошедшей в Лету и сохранившей сквозь испуг
объединяющую память;
меня потомок не застанет,
но в каждой строчке моей – стук
направленного к людям сердца.

Открыта потайная дверца в мир сущего –
единоверцев через столетья узнаю.

Проходит жизнь,
но я пою непреходящее,
и в этом -
вне смерти – мальчиком стою!
Искать следы сквозного света
и находить –
удел поэта.

Александр БУРОВ

Буров Александр Архипович (1951 г.р.). Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Пятигорского государственного лингвистического университета, член Союза журналистов РФ. Автор монографий, учебных пособий, многочисленных статей по проблемам русистики.

Лиза

Рассказ

Я исподволь наблюдаю за ее реакцией. Вначале она не обращает никакого внимания на перо, брошенное мною неподалеку от того места, где она улеглась в своей любимой позе на боку, вытянув лапы и хвост и приподняв голову с направленными на меня ушками-локаторами. Зевок, другой, демонстрация белых клыков и розового язычка. Затем она обращает внимание на шевельнувшуюся от порыва сквозняка деталь голубиного хвоста, оброненную хозяином. Усы ее, не такие угольно-черные, как ее шубка, а скорее серые, нацеливаются на частичку голубиного оперения, нос улавливает запах птичьей плоти, она привстает и, пригнувшись, медленно крадется к перу.

Прыжок, мягкий, грациозный полет – и вот добыча в ее лапах. Теперь можно сделать несколько кувырков, крепко прижав перо к груди, а затем неподвижно застыть на несколько секунд. Внезапно перо взмывает вверх, подброшенное кошачьей лапой, а вслед за ним летит ввысь и сама Лиза.

Я уже не помню, кто так назвал ее. Может быть, это был и я сам. Мы познакомились на даче ранней весной, когда я приехал туда после снежного зимнего перерыва и страшно огорчился, увидев, что зимой кто-то срубил нашу любимицу – серебристую ель, посаженную лет шесть назад возле беседки. Безжалостное лезвие топора перерезало ее тело почти в метре от земли, так что оставшиеся в живых нижние ветви сиротливо и удивленно смотрели в синеющее в не меньшем удивлении небо. Все вокруг было опечалено этим странным и бессмысленным актом насилия...

И тут из-под одной из еловых ветвей появилась узкая черная мордочка, украшенная полными любопытства золотыми очками и беззвучно открывавшая белоснежный ряд клыков. Затем показалась и сама грациозная брюнетка с пушистым черным хвостом, который победно был обращен вверх. Нисколько не смущаясь, она подошла ко мне, задев меня крутыми черными бриджами на задних лапах, и поздоровалась: «Мррр-мяу!» Затем, прищурив желтизну глаз, она выгнула спину, потягиваясь и слегка отряхиваясь от жухлой листвы и желтых прошлогодних иголок раненой ели.

Мы быстро подружились. Я приезжал довольно редко – было некогда, однако то, как она каждый раз, когда я гремел ключами в калитке, мгновенно появлялась из-за кустов и бежала навстречу, заставило меня посещать дачу все чаще и чаще. Радость, с которой она ждала, как мне казалось, не только кусочка колбасы или куриной ветчины, но и меня самого, была неподдельной и искренней. Лиза совершенно естественно приняла приглашение войти в дачный домик, где сразу же облюбовала старый зеленый диван. Игриво и лукаво щурясь своими желтыми глазками, она неторопливо приводила в порядок шубку, демонстрируя забавный островок белого пятна на брюшке, и всем видом давая мне понять, кто, оказывается, в этом доме хозяин. Абиссинская принцесса, да и только!

Когда я, устав от садово-огородных хлопот, ложился отдохнуть на диван, Лиза перебиралась мне на грудь или укладывалась под бок; морда ее обычно оказывалась возле моего лица; она включала какой-то моторчик, находившийся где-то в ее груди, и начиналась удивительная музыка – трели на низких частотах. Лизин моторчик был слышен даже в саду, что несказанно веселило мою внучку Аришу...

Так прошло лето, наступила осенняя пора, встал вопрос о том, как Лиза будет зимовать одна – в этот период я на дачу не ездил. На семейном совете было решено: брюнетка отправится на зимнюю квартиру к нам домой.

Первые дни Лиза вела себя на новом месте беспокойно, привыкая к комнатам, лоджиям, коридорам. Потом она постепенно освоилась и перестала что-то искать и куда-то стремиться. Теперь уже она стала полноправным членом моей семьи.

Совершенно не согласен с теми, кто утверждает, что кошки спят (или дремлют) двадцать часов в сутки. Во всяком случае, к Лизе это не относится, и мне кажется, что она вообще не спит. Ее любимое занятие – «ловля» голубей, часто прилетающих погреться на карнизе четвертого этажа. Она часами может сидеть на холодильнике, расположенном на лоджии, и быть в необычайном волнении; ее пушистый черный хвост становится похож на черное облако, он бешено вращается, иногда на какую-то долю секунды замирая и вновь приходя в неистовое движение. Из полуоткрытой Лизиной пасти раздаются какие-то утробные звуки, напоминающие боевой орлиный клекот и переходящие в пощелкивание зубами, которое похоже на дробь африканских тамтамов.

Охота длится до тех пор, пока ничего не подозревающая птица не прервет своего гуляния по карнизу и не улетит восвояси. Но и после этого звуки Лизиных клыков еще долго тревожат тишину.

Я часто всматриваюсь в ее загадочно-желтые глаза (она их никогда не отводит) и жадно пытаюсь остановить мгновения бытия – частицы той радости, которая всякий раз переполняет меня, когда я оказываюсь наедине с Лизой. Я обожаю ее умение молчать в нужную минуту и быть рядом, не мешая мне, но и не подчиняясь моей воле. Она дарит мне свое общение, сопереживая, сочувствуя, по-кошачьи сотрудничая в этом трансцендентальном обретении покоя в себе и себя – в покое.

Глядя в ее постоянно изменяющиеся зрачки, я чувствую, что со мной что-то происходит, творится что-то неясное, неуловимое, смутно-влекущее, заставляющее смотреть и не иметь ни права, ни желания вырваться из этой бесконечной желтизны, ее засасывающих объятий. Кажется, в эти мгновения время останавливается, и я невольно, скорее автоматически, глажу черный мех Лизиной шубки и даже не слышу ее урчания. Мы сливаемся в одно целое и вместе постигаем какой-то особый мир, таинственный и влекущий, и я чувствую, что ведет меня по этому неизведанному лабиринту маленькая загадочная брюнетка, умеющая так лукаво прищуривать свои глаза, как бы спрашивая: «Ну что, ты со мной?»

Судя по всему, ей всего лишь год от роду, может – чуть больше. Иногда я ловлю себя на мысли, что поступил дурно, заточив ее в приватизированной «брежневке» на четвертом этаже четырнадцатиэтажного дома. Правда, отсюда в хорошую погоду, а в Кисловодске это пока еще довольно нередкое явление, виден двуглавый Эльборус и прилегающий к нему фрагмент Большого Кавказского хребта. Кажется, в последнее время Лиза начала сознавать прелесть этого пейзажа, деля свободное от отдыха время между виртуальной голубиной охотой и наблюдениями за великим таянием вечных кавказских льдов. Не знаю, плоды ли это кошачьего просвещения или результат урбанизации, но, как бы там ни было, Лиза взрослеет на глазах. Посылать ее учиться за границу в кошачий университет где-нибудь под Гарвардом еще, по-видимому, рано, однако я уже начинаю задумываться по этому поводу. Как знать, как знать!..

Пока же час штурма Болонских высот для Лизы еще не пробил, мы мирно беседуем с ней по вечерам, вспоминая летнее времяпровождение на даче, редкую, но успешную ловлю мышей-полевок и хрипловатое пение Б.Г. из моего старенького «Sanyo». Иногда, правда, нас отвлекает невесть откуда взявшаяся муха; мы с Лизой явно испытываем к ней нечто; это напоминает отвращение у меня и неподдельный интерес у нее. Последнее я связываю все с теми же охотничьими генами моего темношерстного дружка.

Так и есть – мухе пришел конец; мой домашний санитар пожинает плоды добычи с удовольствием, близким к гедонистическим. До катарсиса явно далеко: муха не мышь. Но в Лизиных желтых глазах уже разгорается новая заря, они вспыхивают в предвкушении очередных острых ощущений, и я невольно радуюсь ее адреналиновой активности. Одновременно где-то в потайных уголках моей души шевелится смутное желание стать таким же вольным и беззаботным существом, как и моя Лиза. Ведь, в отличие от меня, она защищена; я рад, что причастен к этому и что пока еще (подчеркиваю: только пока!) ей неведомы ни искреннее удивление лунатиков на исходе ночи, ни священный трепет, который я испытал недавно на улице, стоя рядом с вывеской над пластиковой дверью: «Планета ногтей».

Как хорошо, что ты защищена, моя Лиза!

Джесси

Полагаю, повествование об удивительной судьбе этой рыжей и невзрачной, на первый взгляд, дворняжки, получившей свое имя благодаря одной голливудской звезде, не особенно утомит придирчивого читателя. Интересен тот факт, что Джесси оказалась наперсницей еще одной нашей героини – брюнетки Лизы. Пусть это очаровательное существо было иного вида, населяющего нашу замечательную домашнюю фауну, пусть, – однако, сосуществование множества видов еще никогда никому не мешало. Правда о кошках и собаках, уже ставшая легендой, даже, если хотите, мифом, который достоин лечь в основание очередной культурологической диссертации, в случае с Джесси подтверждает факты, уже открытые передовой наукой. Оказывается, то, что Джесси, дворянка и знатного, древнего рода – не волчьих, скорее шакальих, – оказалась способна понять кошку – брюнетку с шатеновым брюшком и внять ее природным наклонностям к звериному общению, явно свидетельствует в пользу той солидарности, о которой поведал в свое время незабвенный англичанин*.

Джесси действительно быстро нашла общий язык с Лизой. Этому, без сомнения, способствовало и проживание на совместной жилплощади в приватизированной квартире на четвертом этаже четырнадцатиэтажки в небезызвестном районе «Минутка» не менее отмеченного известностью курортного города на Кислых Водах. Не догадываясь в силу своей кошачьей синергетичности обо всех этих регионимических деталях, Лиза, естественно, сразу же распознала в Джесси существо своего этнического и социального положения, ибо новое дворянство в обновленной России стало исключительной прерогативой предприимчивых выходцев из народа. «Пусть она и не столбовая, – думала Лиза, краем желтого глаза косясь в Джессину миску со сладкой овсянкой и аппетитно поглощая кусок за куском тушку размороженного и подвергнутого кипячению минтая, – пусть!.. Но – усы, хвосты, уши и – что важно! – носы – у нас похожи! Да и принюхивается она точно так же, как и я. Единственное, что мне не нравится, так это ее хрипловатый голос. Иногда она издает такие странные и непонятные, даже страшные звуки, что я теряюсь в догадках: кто она? Может, какой-то монстр из некогда модных групп «металлистов от музыки (Heavy Methal)»? Или сборщик дани, вступивший в контакт с новичком от маркетинга из Учкекена на нашем «минутном» рынке?..».

Эти размышления Лизы были прерваны папой, который наливал в ее миску свежекипяченое молочко. Так и не отведав его и брезгливо отряхнув лапки, Лиза торжественно продефилировала из кухни в коридор. Да, пора давно было понять, кто здесь хозяин!..

Вернемся же к героине нашего рассказа. Джесси получила вид на жительство в уже упомянутом благоустроенном жилфонде вследствие ряда примечательных обстоятельств.

О, история это презабавная, любезный читатель! Где-то за полгода до своего вселения в означенную приватизированную квартиру на четвертом этаже Джесси (уже получившая от Ариши свое имя) дрейфовала из дня на день в окрестностях дома и забавляла всех своим пристальным вниманием к подвыпившим и просто трезвым гражданам «мужескаго полу», кои непременно откликались на ее мольбы и вступали в диалог на почти полусобачьем арго, пытаясь смягчить собачку и обрести в ней родственную душу. Джесси знала, что делала, и ревностно, с добросовестностью опытного охранника-собровца берегла свой четырнадцатиэтажный объект от неудавшихся потомков пресловутой реформы, осуществляемой в «переделочный» период Джессиным и Лизиным земляком, отмеченным перстом Судьбы, подобно горбатому конскому персонажу, другу Ивана-дурака из ершовского эпоса. Заметим в скобках, именуемых в науке метатекстовыми, что история Джесси где-то и образцово показательная. Родителей она, судя по многочисленным ночным беседам с Лизой, не помнила. Единственное из воспоминаний детства – это угол металлического ящика помойки на углу улицы Набережной и Зеркального переулка, где у помоечного тандема нередко проводились заседания дворянского собрания во времена торжеств, политических, предвыборных, свадебных и иных животных мероприятий. Там-то и состоялось их знакомство с Аришей, гордо шествовавшей из супермаркета с обретенным сникерсом в руках.

Не знаю, что именно пробудило их взаимную симпатию, но она, вспыхнув в одно мгновение, подобно олимпийскому огню, пылает до сих пор. Во всяком случае, я отчетливо различаю ее отблеск в карих глазах Джесси, когда она задумчиво кладет свою очаровательную голову на половичок в комнате Ариши, обдумывая грядущую мемуарную деятельность. Дивное, чудное свечение зрачков Джесси, напоминающих в эти мгновения слюдяные оконца, за коими скрываются таинственные параллельные миры, заставляет прохожего – обитателя с пропиской, проживающего здесь и направляющегося в кабинет задумчивости, замереть в ожидании сошествия чего-то чудесного. И вот, глядишь, оно уже сотворяется, несмотря на прозаизм Джессиного сабельного хвоста, постукивающего по паркету...

Знакомство же с Аришей в тот же первый день скрепил клубничный пирог, который, будучи сотворен мудрыми прабабушкиными руками из многонедельного кефира и простокваши с добавлением чего-то белого и сладкого, сразу же своими вкусными запахами заставил трепетать чуткие ноздри Джессиного рыжего носа.

Внезапное появление незнакомой маленькой брюнетки не нарушило праздничного настроения.

– Джесси! – сказала Ариша, – знакомься: Лиза, дочка дедушки Али...

И Джесси вдруг поняла, что симпатичная черная кошечка вскоре станет ее лучшим другом. Повеяло древними инстинктами, мифологией великих волчьих и кошачьих этносов, их тотемикой, еще не знавшей пирогов, запах которых шел от враждебного людского Огня...

Впрочем, однако, идиллия клубничного пирога завершилась весьма прозаично: Джесси отправили туда, откуда ее привели, – на улицу, несмотря на протесты Ариши.

Арендовать же жилплощадь рядом с Аришей рыжая собака начала благодаря удивительному стечению обстоятельств. В ожидании «будки», любезно вызванной соседкой со второго этажа, которую достало Джессино усердное и далеко не молчаливое преследование посторонних мужчин, попадавших в расположение охраняемого дома, Ариша приволокла за загривок упиравшуюся дворянку к себе на четвертый этаж и осуществила незаконный акт заселения беспаспортного животного. «Не ждать же этих живодеров!» – мотивировала свой героический поступок отличница из пятого «Б» одной из замечательных кисловодских школ. Вечером, с соблюдением всех правил конспирации, Джесси переправили на дачу. Там она уже ни на кого не лаяла, разве что на Снежану Денисовну с соседнего дачного участка, блондинку с генетикой лайки, изредка подходившую к забору из рабицы и, приветливо скуля, усердно махавшую хвостом.

Шло лето, дождливые дни сменялись солнечными. Колорадские жуки, короеды и прочая дачная тля не очень беспокоили Джесси, постоянно гонявшуюся за мухами и верно охранявшую зону дачно-трудового отдыха. Однако длительное отсутствие Ариши, из-за морского вояжа долгое время не посещавшей зеленую обитель своей рыжей подруги, побудило собаку на возвращение к тому месту, где когда-то состоялась их незабвенная первая встреча. Повинуясь древнему инстинкту и какому-то внутреннему зрению, Джесси однажды вечером совершила побег, оставив вверенный ей пост и обнажив участок границы между дачным добром и недобрыми существами без определенного места жительства.

Утром следующего дня радостный лай огласил окрестности Аришиного дома, возвестив о возвращении блудной дщери. Второй этаж безмолвствовал, и Джесси, ошалев от счастья, осмелев и поверив в то, что деятельность собачьих будок была приостановлена по причине сокращения финансирования из-за мирового кризиса, радостно пустилась в преследование опаздывавшего на лекции студента одного из многочисленных филиалов, которые, как грибы после летнего благодатного дождя, выросли в курортном городке – южной столице солнца и нарзана...

Я не знаю, как дальше сложится судьба Джесси. Она уже не девочка, тем более весной стала мамой, ко всеобщей радости. Кутята оказались замечательными – две девочки, одна рыжая,в мать, другая неопределенного окраса, нечто темно-пятнистое; а также симпатичный парень, крупный и неповоротливый позже сестер научившийся ходить. Оособеннго обрадовалась прибавлению в семействе не кто иная, как Лиза, которая быстро обнаружила в себе педагогические наклонности и, даже не прослушав лекций по педагогике и ее истории знаменитого профессора Магаева, отважилась начать обучение собачек приемам вольной борьбы с элементами иглоукалывания-покусывания зубами кончиков ушей. Пожалуй, только ее кошачье сердце так и не смирилось с реальным фактом раздачи талантливых подопечных добрым бабушкам из соседних частных домов...

Аришины родители наконец-то завершили ремонт в своей квартире, внучка переехала туда. Понятно, что Джесси последует за своей подружкой.. Их любовь вечна и бессмертна, ибо проистекает она не просто из сердца, а из тех далеких и уже призрачных глубин истории нашего бытия, когда все живые существа на этой планете были равны по своему природному статусу и когда однажды Собака пришла к Человеку и предложила ему свою дружбу, а он, взглянув в ее умные глаза, согласился. Может быть, именно в тот момент в собачьих глазах и вспыхнуло пламя той негасимой любви, верности и преданности, которая так притягивает мою любимую Аришу к Джесси. Может, так оно и есть. В любом случае в опустевшей квартире мне очень не хватает Джесси с ее специфическим запахом. Впрочем, грущу не я один, – брюнетка с коричневым брюшком и пронзительными желтыми глазами также постоянно всматривается в пустоту и, насторожив ушки, вслушивается: не раздастся ли в ночной тиши рычание ее рыжей подруги...

Морошка[1]

К воспаленным губам
поднести горсть морошки
И, по ягодке, в рот –
покормить на дорожку,
Что зовется тропой,
но не смерти –
бессмертья.
Ты прости меня, дуру!..
Простили столетья,
Отпустили грехи...
Помогла, знать, морошка.
Звонкой памятью
полнятся стежки-дорожки,
Тропке не зарасти.
Глас народа – глас Божий.
Жизнь не кончена, Саша.
Воскреснуть ты должен!..
А над Чёрною речкой
в июне туманы.
Где конец – там начало.
И лучик незваный
Сквозь туман ожерельем
алмазно-росистым
Заблестел на поляне.
Здесь Пушкин
родился,
Обретая бессмертье
Сквозь земные оковы...

Ты прости, мой родимый!
Съешь ягодку!..
Снова,
Снова эхо дантесова
выстрела ранит,
Снова Чёрная речка
сознанье таранит
Оголтелым надрывом,
ту очередь множа,
Что за Пушкиным
строится,
душу тревожа...
Выстрел... Выстрел... Другой...
Прямо – в сердце Поэта!
И – воронье – вразлёт,
хрипло! – карканье:
«Этот!..»
А морошка осталась
на блюдечке где-то.
Вновь июнь утверждает
рождение лета,
Вновь бушует
в полях и лесах
круговерть,
Снова жизнь побеждает –
по-пушкински! –
смерть.

На жизнь поэта

Я не знаю, когда-то ласкала ль
Юной Бэлы Вас нежно рука?
Эта тайна в могиле. Едва ли
Вас любовь сберегла б от курка,
Чей щелчок прогремел над Россией,
Обессмертив – не жизнь сократив.
Оказалась душа ваша сильной,
Октябрями июль тот простив .
Вас теперь облака обнимают
Днем, а ночью – межзвездная темь.

Я не знаю, где дух Ваш витает,
Но взываю: поручик! Зачем?
Ну зачем вы так дерзко играли,
Презирая фатальный исход,
С жизнью в смерть? Неужели Вы знали,
Что судьба уже сделала ход
Роковой?.. Но погашены свечи.
Воск растаял. Рассеялся дым.
Призрак Ваш... В эполетах. На плечи
Бурка брошена жестом лихим.

[1] По свидетельству современников, умиравший Пушкин попросил жену, чтобы она покормила его морошкой – его любимыми желтовато-оранжевыми кисло-сладкими ягодами, растущими на северных болотах.

Страсти по Лермонтову

Эссе

I

Лермонтов буквально ворвался в мое сознание еще в детском возрасте. Конечно же, все началось с «Героя нашего времени». Печорин покорил мое воображение; его романтическая натура, благородное сердце, холодный ум, пылкий нрав, дерзкие поступки, достойные настоящего мужчины, – все это очень хорошо вписывалось в пространство желания подражать, тем более что уже были покорены тома Стивенсона, Марка Твена, Майна Рида, Жюля Верна. Но лермонтовский герой был своим, русским, а потому и близким.

Затем я задумался над глубочайшим смыслом простоты тучек, «вечно холодных» и «вечно свободных», мчащихся с «милого севера в сторону южную». Я представил себя, также сменившего место пребывания: из Выборга – в Псков, а потом в Армавир. Вряд ли тогда, еще ребенком, я мог даже представить себе, что уже взрослым человеком, учителем словесности, давшим в школе не один урок по творчеству Лермонтова, буду не раз стоять рядом с памятником на месте дуэли великого поэта с жалким ничтожеством, одним из бесчисленного племени «мартыновых». Но это место, пусть и не совсем реальное, а условное, существовало, ибо были грифы, скорбно отвернувшиеся от бюста поэта в нише монумента...

Здесь, у памятника, родилось мое стихотворное возмущение фактом убийства Гения – одной из величайших драм русской культуры, ставшей национальной трагедией, поскольку страшная парадигма, начатая пушкинской Черной речкой и продлившаяся у Машука душным июльским днем 1841 года, осталась открытой по сей день...

И все же – как смешно:
С мартышкой – биться?
В его глазах решимость я прочел.
Ужели он всерьез?
И будет выстрел?
Да это поза, больше ничего».

И вот – Машука..
В предвечерье грозном
Июль туманом клонится в траву.
И грянет выстрел. Мой сначала.
В воздух.
Затем – его. Тот – прямо в грудь
Мою.

И будут грифы.
И печаль в граните.
И в нише я – мой траурный двойник.
Цветы и свадьбы. Дети
И – в зените
Светила вечный, равнодушный лик.

И каждый раз, когда я прихожу сюда, к Лермонтову, я благодарю Господа, что он послал мне это счастье и эту боль – быть рядом с моим кумиром и многое понять. «От Него это было...». Было, есть, будет.

Я не могу представить себе русской, а значит – и мировой, культуры без имени Лермонтова, равно и себя вне лермонтовского Пятигорска, отрогов Машука, терренкуров, по которым ступала нога поэта, Эоловой арфы и Провала, воспетых им, без его домика, ставшего музеем – местом паломничества десятков, сотен тысяч тех, кто, как и я, до последнего вздоха своего останется покоренным удивительной магией лермонтовского слова и трагической тайной его личности, его Судьбы...

Текст же его уникален, ибо не подлежит забвению. Его не отложить в сторону – к нему постоянно тянется рука. Лермонтов всегда нужен, он рядом. Мой, твой, наш...

II

Будь моя воля – запретил бы «изучать» Лермонтова. И в школе, и в вузе, и в академических сферах. Ибо неподвластно анализу, неподсудно то, что от Бога. Здесь нельзя спрашивать, где, когда, зачем и почему, нельзя сравнивать. А мы Печорина – с Онегиным, Бэлу – с Татьяной, заодно и эпику «Родины» – и все это под «нож» абитуриента или ортодокса, творящего научный опус. Нет, классику не «изучают», у нее – учатся, ее постигают, проникновенно, трепетно.

Сколько десятилетий гордились тем, что Лермонтов, с сонмом других великих, «проходится» в нашей общеобразовательно-принудительной обязаловке! Величайший поэт земли Русской разделил с нашим классическим текстом его печальную участь на плахе социалистической псевдокультуры. Обидно...

Удел Гения – страдание. Даже зная, что он обречен, он счастлив. Как, видимо, по-своему осчастливлена и серость, лишенная возможности страдать, а значит – и обделенная счастьем. Ведь все дело в том, способен ли ты отдавать, дарить, жертвовать собой.

Лермонтовский текст... До сих пор он являет собою одну из самых сокровенных загадок отечественной словесности: диалог «Я-ДРУГОЙ», трансформируемый в любом ином нарративе как общение языковой личности автора с миром (читателем), реализует настолько скрытые интенции, что постичь Лермонтова удается далеко не каждому. Правда, инициировать контакт с поэтом пытаются все.

«Отсутствующая структура» (У. Эко) лермонтовского текста – результат искривления его пространства и времени, делающего чуть ли не мистификацией его архетипику, мифологику, семиосимволику, его хронотоп. Эта «структура» – некая сакральная сила, которая регулирует в тексте Лермонтова отношениями между семантической, синтаксической и прагматической составляющими, то есть актом семиозиса, сжимая пространство-время (В.И. Вернадский) до нуля, сиречь – до бесконечности, открывая ему путь в пространство Времени.

Но самое, на мой взгляд, важное заключается в том, что это «пространство Времени» творится лермонтовским пером на удивление узнаваемо, реалистично; вот почему его текст не может не быть объектом **лингвистического анализа,** понимая под последним, естественно, семиотический ракурс интерпретации той авторской языковой картины мира, которая в основе своей концептосферы содержит **нравственные реалии.**

Пространство лермонтовского текста, а значит – и времени, не является поводом к разговору о нравственных проблемах, возникающих в жизни литературных персонажей. Лермонтовский дискурс как раз такого повода не дает; напротив, гений языковой личности автора включает нас в **нравственный нарратив** захватывающих коллизий, и мы сопереживаем тексту, мгновенно ликвидируя временную разницу в полтора столетия и полностью погружаясь в пространство лермонтовского мира.

Поэтический мир, в котором жил поэт и который творил сам, был диссонансен миру его эпохи. Конфликт был неизбежен. Но и сделанного художником оказалось достаточно, чтобы потомки почувствовали силу и правду его творчества. Презрев свою эпоху и себя в ней, Лермонтов покинул земную юдоль, не избежав голгофы. Но и здесь он оказался выше.

Мне представляется художническая судьба его откровением, если хотите – даже предостережением. Род людской в своих заблуждениях, в неведении смысла сотворяемого склонен стирать индивидуальность, субъективность мироощущения и мироповедения – основу бытия. Лермонтов – психолог и Лермонтов – философ поэтому неотделим от Лермонтова-поэта. Вчитываясь и вслушиваясь вновь и вновь в его такие простые, на первый взгляд, строки, понимаешь: эта простота стиля обманчива – слишком многое выстрадал и пережил лирический герой Лермонтова. Ярчайшее тому подтверждение – великое стихотворение «Родина». «Странная любовь», которая не подвластна рассудку, особенно остро ощущается в годины испытаний, и кто чужд этому – вряд ли может считаться патриотом. Художественность его натуры поистине многогранна. В камерности его есть монументальная жертвенность. Горечь сильной Личности, страдающей в одиночестве, ибо время застыло для нее, став давно пройденным этапом. Но как хочется остановить, предупредить. Так рождается «железный стих, облитый горечью и злостью»...

Думая о Лермонтове и страдая вместе с ним, я почему-то вспоминаю «Страсти по Матфею» И.-С.Баха. Простота и мудрость звуков хорала взывают к откровению, к состраданию и милосердию. Как мы все в этом нуждаемся сегодня...

Константин КАСПАРЯН

Каспарян Константин Викторович (1979 г.р.). Родился в Пятигорске, с отличием окончил англо-немецкий факультет Пятигорского государственного лингвистического университета. Работал преподавателем английского и немецкого языков в Предгорном районе Ставропольского края. В 2006 году защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Отечественная история». С 2004 года – преподаватель кафедры отечественной и зарубежной истории ПГЛУ. С 2007 года – научный руководитель клуба любителей истории «Реки времени».

Правда

Повесть

Действующие лица:

Улун ***I***, король Реминии, сын короля Рултана II Великого и Кейшены Нортагунской – 41 год
Биркола, его супруга – 37 лет
Кейшена, его мать, вдова Рултана II Великого – 58 лет

Дети Улуна I:
принц Улун, князь Нортагунский, наследник престола – 19 лет
принц Рултан, князь Релметерский – 17 лет
принцесса Кейшена – 15 лет

Братья Улуна I:
Рултан, князь Слэригунский, принц – 40 лет
Жерун, князь Вайнский, принц – 38 лет
Колданур, герцог Дайгеннский, принц – 37 лет
Инвенгур, князь Либихонский, принц – 33 года
Раллу, князь Фиорунский, принц – 28 лет
Килмист, князь Аргуззский, принц – 26 лет

Дядя Улуна I:
Лум, князь Вольвиенский, четвертый сын короля Килмиста I Смелого, принц – 60 лет

Кузен Улуна I:
Иглондер, князь Треннский, внук короля Килмиста I Смелого, принц, маршал – 38 лет

Главные сановники:
Зиволондор Феркулид, князь Февирский, канцлер – 59 лет
Бергон Лосургенд, князь Феблонский , коннетабль – 71 год
Лингор Колунид, князь Аблумский, казначей – 47 лет
Кулгоний Эрденид, князь Юманский, юстициарий – 54 года
Лунгон Клонэзун, маркиз Гунойский, адмирал – 57 лет
Нешнер Жерунид, барон Кревуйский, маршал – 36 лет
Фалсон Рогулид, барон Уктенский – командор гвардии – 40 лет

Придворные:
*Унвара***,** внучка князя Вэрдунского – 15 лет
*Юлгерд***,** князь Трэйский, наследник князя Юнгорского – 18 лет
*Сенкильда***,** прицесса Люнкурдская – 15 лет

Послы:
*Иктуф***,** эмир Лаузейский (Амадистель) – 30 лет
*Асумар***,** хан (Илойя) – 72 года
Фадот, князь (Орфан)- 46 лет
*Гортон***,** граф Эртонский (Лабуния) – 34 года
кардинал Тервилан, легат Понтифика – 62 года
*Энфлер***,** маркиз Огелонский (Курусия) – 43 года
Симлон, виконт Клэшский (Шасреция) – 36 лет

Орфаны:
*Норгэ***,** гонец орфанского царя, младший военачальник – 20 лет
*Кольстен***,** его друг, служащий Королевского Архива в Домберне – 28 лет
*Волдер***,** отец Кольстена, чиновник – 58 лет
*Зафо***,** владелец таверны «Коронованный Вепрь» – 67 лет
*Дикен***,** его младший сын – 22 года
*Аргульда***,** девица – 25 лет
*Тригофт***,** Повелитель Воров – 45 лет
*Гренд***,** рыцарь, убийца – 29 лет
*Тентор***,** монах из Ордена Нестяжателей – 56 лет
Ламерта Тауренд, рыцарь, комендант Тойротуна – 26 лет
*Хальдом***,** эмир Хушфанский, Великий Визирь, амадийский полководец – 38 лет
Юнертин, амадийский военачальник – 24 года
*Лундор***,** королевский лекарь – 45 лет
*Санда***,** его дочь – 20 лет
*Лум***,** князь Сэнойский, сын Рултана Слэригунского, принц – 17 лет
*Рултан***,** князь Коррский, сын Жеруна Вайнского, принц – 16 лет
*Корнбура***,** княжна, дочь Иглондера Треннского, правнучка Килмиста I – 17 лет

Памяти Александра Второго, Царя-Освободителя,
и Улугбека, ученого и правителя, посвящается...

За эпиграф-большое спасибо Лари Воздушный Зайчик!

Мой гимн - для всех, ушедших раньше срока,
Кто истину искал с трубой подзорной.
Насмешница-история жестока,
А главное – печальна и позорна...

...Мы свято верим – так зачем нам правда ?
Заглушен голос истины усталый
Ты-враг, а коли так, то вот награда:
Прости, прощай, и не мешай, пожалуй.

Палач давно следил за обреченным,
Рагу из лжи приправив сквернословьем.
А нашем мире – мудрым быть, ученым,
Как оказалось, вредно для здоровья...

Жители Домберна, столицы могущественного Реминского королевства, разразились приветственными криками:

– Вот они!

– Едут!

– Принцы едут!

Улун, наследник тронов Реминии и Лабунии и его брат Рултан, князь Релметерский, сыновья царствующего короля Улуна Первого, въезжали в столицу в теплый весенний день в сопровождении большой свиты – разряженных в шелк и атлас придворных (принцы были одеты гораздо скромнее) и сотни конных гвардейцев.

– Год не были дома, – со счастливой улыбкой заметил семнадцатилетний Рултан. Он унаследовал от отца мягкий характер, а от матери, принцессы Лабунской – мечтательность. В карих глазах, озарявших умное, некрасивое лицо, светилась радость.

Братья были похожи громадным ростом, огромной физической силой, иссиня-черными волосами, густыми бровями. На этом сходство заканчивалось. Девятнадцатилетний Улун был очень красив и держался в седле с прирожденным величием, его взгляд так и дышал властностью. Он очень напоминал покойного деда, Рултана Второго Великого, при котором Реминия из охваченной раздробленностью страны превратилась в самую сильную державу этого мира.

– Дома? – усмехнулся Улун одними губами. – Ты имеешь в виду дворец или город?

– Город...

Наследник двух корон поднял глаза к небу со страдальческим видом...

Рултан с радостью рассматривал широкие, чистые улицы Домберна, слушая крики горожан, и приветливо махал рукой. Старший брат ограничивался кивком головы.

– Не расшаркивайся перед чернью, – посоветовал Улун, неодобрительно хмурясь. Младший принц широко улыбнулся:

– Это ты у нас будущий король, вот и соблюдай условности.

Впереди показался Рогулар – дворец реминских королей, построенный еще основателем рода, великим Рогулом. На ступенях застыли королевские гвардейцы, приветствовавшие принцев стуком копий.

В Тронном зале было пусто. Король не любил его, предпочитая трудиться в своем кабинете. Там сыновья и нашли отца.

Улун Первый радостно шагнул навстречу сыновьям, выйдя из-за стола, заваленного бумагами.

– С приездом, ребята, – сказал монарх, обнимая детей. Старший придирчиво оглядел отцовский кабинет. Со времен деда здесь почти ничего не изменилось, Рогулиды вообще презирали роскошь. Широкий письменный стол из мореного дуба, несколько стульев (никаких кресел), узкий диван, на котором король часто и засыпал, когда не хотел вечером уходить в спальню, шкаф, сплошь заставленный книгами и свитками. Окно выходило на Королевскую площадь, широкую, залитую светом. А по ночам король любил любоваться звездами. Но многие ошибались, утверждая,

что Улун Первый был больше ученым, чем правителем. С юных лет он сопровождал великого отца в походах, заседал в Королевском Совете, управлял страной в отсутствие Рултана Великого. Он был единственным и в семье, и среди сановников, кто осмеливался спорить с грозным Рултаном Великим. А последние восемь лет он был королем и никто бы не посмел назвать его слабым преемником могучего правителя. Но, в отличие от отца, Улун Первый был слишком прост в обращении. По мнению старшего сына, отец слишком много доверял черни и слишком много для нее делал.

– Батюшка, – принц Улун насупил брови, – до Лабунии дошли слухи, будто дядя Рултан посмел спорить с вами на Совете, а потом ушел, хлопнув дверью...

Король провел рукой по усам :

– Это так. Но ты же знаешь своего дядю. Пошумел, а потом вернулся.

Наследник окаменел:

– Первый принц крови не должен попирать монарший авторитет! Надо было отослать его в Слэригун, чтобы подумал.

Улун Первый покачал головой:

– Брат может со мной спорить, но никогда не предаст.

– И все же я думаю, что король не должен...

– Так, – оборвал его отец с шутливой строгостью, – Ваше Высочество, вы сейчас сами поучаете своего короля. Чем вы лучше строптивого дядюшки?

Принц Рултан весело засмеялся. Старший брат бросил на него уничтожающий взгляд.

– Государь, – отчеканил он, – позвольте проведать королеву Кейшену.

– Пойдешь к бабушке? А мать и сестра?

– С вашего разрешения, я навещу их попозже.

С этими словами престолонаследник вышел из кабинета.

– Вылитый дед, – вздохнул король.

– Отец, он такой скучный...

– Зато из него получится хороший король.

– А ты?

– А я? Нет, сынок, я плохой король...

Юноша недоумевающе уставился на отца. Король медленно прошелся по кабинету и повернулся к сыну:

– Король должен уметь проявлять беспощадность. Я, увы, на это неспособен.

– Отец, но ты дал крестьянам свободу, ты...

– Об этом я не жалею. Человек не должен быть рабом другого человека. И потом, став свободными, крестьяне стали заинтересованы в результатах своего труда.

– Тогда в чем дело?

–Твой дед серьезно ослабил знать. Ваши титулы ведь не означают, что вы владеете своими землями. Вы только получаете часть доходов с них. Но мои родственники и знать занимают все ведущие посты в королевстве. Я ущемил их интересы. И они ненавидят меня за это. Из всех братьев я могу положиться лишь на Килмиста. В Королевском Совете за мной меньшинство.

– Я теперь тоже вхожу в Совет!

– Да. Ты, Килмист, и канцлер – это все, кто на моей стороне.

– Но ты король, решающее слово за тобой!

– Да. Когда решали вопрос о крестьянах, я так и поступил: «Такова моя воля!». Но я не этого хотел. Абсолютная королевская власть хороша, когда надо объединять государство. Это сделал твой дед полвека назад. Король должен быть первым среди равных. Но у меня не получается переубедить их. Я устал, Рули. И я рад, что тебе не придется наследовать трон...

* * *

Старый Вестон недовольно покачал головой, посмотрев на небо. Вот-вот пойдет дождь. Ветеран сплюнул, выругавшись.

– Что, Ворчун, не хочется мокнуть? – рассмеялся Биндер.

– Тебе там, на вышке, хорошо зубоскалить, – огрызнулся воин.

– Ты проиграл в кости, – радостно заржал Биндер. – Может, хочешь отдать деньгами? Десять делондов мне не помешают...

Вестон злобно погрозил кулаком наглому молокососу. Ветеран был опытным воином, участником войн с Амадистелем и Курусианской империей. Но в этот вечер мерзкое настроение притупило его чутье. Он не почувствовал, как к нему сзади подкрался амадистельский лазутчик. Он понял опасность лишь тогда, когда враг полоснул его кинжалом по горлу. Спустя мгновение Биндер мешком свалился с вышки, пронзенный стрелой.

Закутанный в плащ всадник равнодушно наблюдал за тем, как амадистельцы ворвались в деревню и устроили резню. Солдаты гарнизона, захваченные врасплох, не смогли оказать сопротивление. Воздух сотрясали крики женщин и стоны умирающих. «Что ж, дело сделано. Хозяин будет доволен». – С удовлетворением подумал всадник, увидев, как к деревне мчится предупрежденная им (с опозданием, конечно) дозорная сотня из крепости. Амадистельцам не уйти. И это – повод для войны...

...В Зале заседаний Королевского Совета стены были обиты коричневым шелком – фамильные цвета Рогулидов. Длинный стол, за которым уже удобно расположились члены Королевского Совета, занимал большую часть Зала. Пустовало лишь кресло во главе стола, над которым висел коронованный вепрь. Совет ожидал короля.

Канцлер Зилондор Феркулид, князь Февирский, окинул взглядом собравшихся. Сидевший слева от королевского кресла принц Рултан, князь Слэригунский, второй сын покойного государя Рултана Второго, недовольно хмурил брови. Сидевший рядом с дядей наследник Улун насмешливо поглядывал на него. Сегодня эти двое будут давить на короля. Забавно... Князь Слэригунский- поборник феодальной вольницы, бытовавшей еще при его деде, Килмисте Первом Смелом. Наследник – сторонник абсолютной власти короля. И оба недовольны Улуном Первым. На стороне князя Слэригунского, в первую очередь, Лум, князь Вольвиенский, последний из оставшихся в живых братьев Рултана Великого. Из сыновей Рултана Второго – Жерун, князь Вайнский, болезненный человек с дурным нравом и Инвенгур, князь Либихонский, мрачный молчаливый гигант. Хитрый Раллу, князь Фиорунский больше молчит и не знаешь заранее, чью сторону возьмет. Зато сыновья Лума Вольвиенского, Рубонд и Рульден – всецело на стороне обожаемого кузена Рултана.

За наследника – и коннетабль, старый Бергон Лосургенд, и адмирал Лунгон Клонэзун, и юстициарий Кулгоний Эрденид, и казначей Лингор Колунид.

Сторону короля держат лишь Килмист, князь Аргуззский, седьмой сын Рултана Великого и младший сын Улуна Первого, Рултан Релметерский, самый юный из членов Совета. Кузен короля Иглондер, князь Треннский – с оговорками. Ну, и он – канцлер. Маловато. Вопрос, который король Улун вынесет сегодня на обсуждение, очень важный...

Двери распахнулись и на пороге возник камергер Улуна Первого, барон Алгинор Окойфенд.

– Господа, Его Величество король !

Канцлер отметил усталый вид короля, пока тот шел к своему креслу.

– Прошу садиться, господа, – молвил Улун Первый, оглядев членов Совета. Взгляд его отца заставлял отводить глаза или опускать голову (только сам Улун всегда сохранял самообладание). Взгляд Улуна не был тяжелым, в нем не было властности, только сосредоточенность и бесконечная усталость.

– Господин канцлер, вам слово.

Зилондор поднялся:

– Господа, позвольте начать наше заседание с приятного. Сегодня, по достижению совершеннолетия, стал членом Королевского Совета второй сын нашего государя Рултан, князь Релметерский.

Принц, краснея, встал и поклонился присутствующим.

Канцлер продолжил:

– Нам предстоит обсудить несколько вопросов. Прежде всего...

Князь Феркулид замялся. Что сейчас начнется!

– Позвольте мне, – негромко сказал король. – Я вношу на рассмотрение Королевского совета предложение. Для более широкого привлечения всех сословий к государственным делам предлагаю создать сословно-представительный орган – Совет Королевства.

Князь Слэригунский вскочил, опрокинув стул:

– Сир, брат мой, это немыслимо! Я протестую!

– Вы и так дали черни слишком много!

Килмист Аргуззский усмехнулся:

– Мессиры, чего вы так боитесь? Может, дадим Его Величеству закончить?

Началась перепалка. Лишь наследник сидел с презрительной улыбкой на устах...

– Мессиры, – король говорил негромко, но его все слышали, – криком мы ничего не добьемся. Какие у вас возражения?

Лум Вольвиенский тяжело поднялся. Скрестив полные руки на груди, он выдохнул:

– Сир, племянник мой, не так давно мы с Рултаном внесли на рассмотрение Совета проект о создании Совета Пэров, для более широкого привлечения знати к государственным делам, но вы...

– Ваше Высочество, – мягко перебил его юстициарий, качая лысеющей головой, – пэров в королевстве немного, большая часть сидит в этом зале. Какую пользу могут принести государству, скажем, князь Вэрдунский или князь Юнгорский?

Он повернулся к королю:

– Государь, Совет в его нынешнем виде создан вашим отцом. Мне кажется, что мы справляемся с важными делами. Зачем привлекать простолюдинов к обсуждению государственных дел? По-моему, здесь и так сидят люди... сомнительного происхождения.

Зиволондор, чей прадед был простым воином и получил дворянство от первого короля – Лума Объединителя, а дед, Илгинмон Бесстрашный, стал князем Февирским за особые заслуги и женился на дочери все того же Объединителя, иронически улыбнулся. Эрденид давно метит на его место и не упустит случая оскорбить.

Зато адмирал Клонэзун, маркиз Гунойский, в прошлом пират, принятый на службу Рултаном Вторым, схватился за меч:

– Князь, свои титулы мы заслужили кровью и потом !

Улун Первый посмотрел на юстициария так, что тот поежился

– Вы только что восхваляли мудрость моего покойного отца. Эти люди введены в Совет им. Что вы на это скажете?

Кулгоний побледнел. Сказать ему было нечего. Канцлер признавал, что его враг умный и талантливый человек – других сановников у Рултана Великого и его сына просто не могло быть, но сегодня король поставил законника на место. Зато в бой бросился наследник:

– Государь, ваше предложение может привести к тому, что простолюдины начнут диктовать нам условия, мы будем клянчить у них деньги на войну или на постройку крепости, они станут учить уважаемого канцлера как вести внешнюю политику.

Мальчик далеко пойдет. Умом удался в деда. раньше всех понял, к чему клонит король. С отцом не в ладах. Да и когда они общались? Когда он родился, Рултан великий забрал старшего внука о родителей и лично занялся его воспитанием. А в семилетнем возрасте отправил в соседнюю Лабунию – мать Улуна Младшего была лабунской принцессой, а ее брат, король Гормул не имел наследников. Так что Улун Младший получит в будущем две короны. Умен. Но слишком высокомерен. И еще неопытен...

Камергер заглянул в зал:

– Ваше Величество, вас хочет видеть посол Амадистеля. Он говорит, что его султан объявил нам войну!

Король вздохнул:

– Зовите, мессир.

Посол не вошел, а буквально влетел в Зал. Его сапоги с высокими каблуками гулко стучали по каменным плитам. Иктуф, эмир Лактунский, посол Великого Султана, светоча Юга, был молод и очень красив и пользовался популярностью среди домбернских дам. Но сейчас его лицо, обычно спокойное, дышало яростью, полные губы были плотно сжаты, черные глаза метали молнии, рука сжимала рукоять сабли.

– Приветствую вас, мессир посол, – голос короля звучал очень учтиво. – Что привело вас сюда? И что так взволновало?

– Король Реминии не знает, что творится на границах?!

Улун Первый встал и подошел к посланнику. Канцлер одобрительно хмыкнул – это был тонкий прием. Король, благодаря огромному росту возвышался над немаленьким Иткуфом на целую голову и тому приходилось смотреть на монарха снизу вверх, что сразу вселило в него неуверенность.

– Я прекрасно знаю, почему наш брат, султан Фельрунг, решил объявить Реминии войну. Комендант крепости Тойротун нанес удар по Шинарчу – приграничному городу Амадистеля.

Тонкие стрельчатые брови эмира поползли вверх:

– Вы все знаете? Мой Повелитель согласен уладить конфликт при одном условии... «Шель-

мец, отлично знает реминский», – отметил Феркулид. – Интересно, какое условие выдвинет султан? Вообще-то, угадать нетрудно...».

Зиволондор не ошибся. Посол гордо вскинул голову:

– Вы отдадите коменданта Тойротуна на расправу султану.

Князь Слэригунский грохнул кулаком по столу:

– Грязный варвар, ты осмеливаешься говорить такое королю Реминии в его столице? За такую наглость я разрублю тебя надвое!

Иткуф побледнел, но голос его остался спокоен и полон достоинства:

– Что же, брат короля, я готов к поединку с тобой. А кто из нас варвар, – тут он надменно ухмыльнулся, – еще можно и поспорить!

– Эмир Иткуф, – канцлер счел, что пора вмешаться, – простите принца за грубость, но требование вашего повелителя действительно немыслимо. Короли Реминии не отдают своих подданных на казнь другим государям.

– Тем более тем, чьи предки неоднократно были биты королями Реминии, – выкрикнул князь Вольвиенский.

– А жаль, – вполголоса заметил наследник, обращаясь к юстициарию, – лучше отдать одного дурака, чем сложить головы тысяч воинов сейчас, когда на нас точат зубы Шасреция и Курусия...

Между тем посол Великого Султана криво усмехнулся:

– Почтенный дядя короля, но и ваши предки терпели поражения от Султанов. Если забыли – ваш дед Лум Второй сложил голову под Омулькерзом.

– Икуф, это в прошлом, – спокойно парировал король, – сейчас мы гораздо сильнее. Эту войну вам не выиграть. Тем более, что у вас проблемы с Илойей и Орфаном. А главное – я знаю, почему комендант Тойротуна нанес удар по Шинарчу. Это был ответ на нападение амадитстельцев на пограничные реминские деревни, которые были сожжены дотла !

...Иктуф побледнел:

– Ложь!

– Пепелище четырех деревень тоже ложь? Более полутора тысяч беззащитных подданных реминской короны погибли! Некий таинственный всадник появлялся перед деревней, а потом...

Канцлеру показалось, что один из присутствующих при этих словах монарха нервно вздрогнул. Всего на миг, но все же... «Стареешь, приятель, стареешь. С чего бы ему беспокоиться?».

– Откуда все это вам известно? – эмир нервно погладил свою аккуратную остроконечную бородку.

Улун Добрый покачал головой:

– Мессир, вы же умный человек. Зачем мне это говорить? Рултан Лев, как в вашей стране зовут моего покойного отца, научил меня тому, что тот, кто знает много, может очень многое...

Члены Совета заерзали. Государь был сегодня непривычно многословен. Чего тут говорить, когда посла поставили на место? «Погодите, то ли еще будет», – усмехнулся князь Феркулид. Он знал, что произойдет дальше. В Зал вновь вошел камергер:

– Послы шаха Илойи и царя Орфана прибыли по вашему приглашению, государь.

Посол Илойи, Асумар-хан, был высоким благообразным стариком с живыми умными глазами и длинной седой бородой. На указательном пальце правой руки блестел перстень с крупным бриллиантом, указывающим на его родство с Шахом Шахов, которому оно доводился родным дядей. Орфанский посланник князь Фадот, напротив, был невысокого роста, на смуглом лице выделялся крупный нос – отличительная черта его народа. При виде Иктуфа его глаза опасно сузились, а молодой эмир демонстративно отвернулся.

– Мой повелитель, шах Эстур, приветствует своего брата Улуна, да ниспошлет ему Мудрый Сантушфа свое благоволение, – начал Асумар свою выспреннюю речь. – Он высказывает сожаление по поводу внезапного нападения амадистельцев на реминские земли и дает нерушимое слово, что в случае войны воины Илойи придут на помощь...

– Ту же клятву дает и мой царь Дистан, – пробасил Фадот. Оба посла, низко поклонившись, вручили Улуну перевязанные шнурком грамоты и вышли.

Иктуф, казалось, был поглощен созерцанием портретов предков Его Величества Улуна Первого. Члены Совета заерзали в креслах.

– Эмир Иктуф, – громко и четко сказал король, – Реминия ждет извинений от Амадистеля за

неправомочные действия. Мы не будем требовать выдачи виновных, пребывая в уверенности, что Великий Султан сурово накажет их за злодеяния. Если же султан Фельрунг хочет войны, которой я надеюсь избежать, он ее получит! Жду ответа повелителя Амадистеля, надеясь на его мудрость.

В глазах Иктуфа появилась тоска:

– За подобное послание Владыка вызовет меня в Ильгидун и сдерет живьем кожу...

– Эмир, в случае чего, Реминия готова предоставить вам убежище.

– Благодарю вас, но Султан будет прав – я не справился с поручением. К тому же, если я не вернусь, пострадает моя семья...

Когда дверь за незадачливым эмиром закрылась, король оглядел членов Совета:

– Мессиры, в виду сложившегося положения вопрос о Создании Совета королевства придется отложить.

Мессиры удовлетворенно загомонили.

– Брат мой, – обратился король к князю Слэригунскому, – напоминаю вам, что послы неприкосновенны, и угрожать им нельзя...

Наследник довольно ухмыльнулся, увидев, как покраснел дядя. Но тут отец посмотрел на него:

– Сын мой, каково бы ни было наше положение, мы не должны выдавать подданных реминской короны. Комендант выполнял приказ, изданным покойным государем Рултаном Вторым – не оставлять безнаказанным вторжение на наши земли.

Теперь уж наследник вспыхнул, как маков цвет... Зиволондор покачал головой. Нечасто нынешний государь столь резко осаживает своих родственников. А наследник-то не так уж и умен, как кажется. Правда, у него все впереди...

Король окинул взглядом опустевший Зал и тяжело опустился в кресло, массируя левую сторону груди. Феркулид участливо спросил:

– Кликнуть лекаря, Ул?

– Нет, учитель. Я просто устал.

– Тебе надо отдыхать, побольше проводить время с семьей, Ул. Я могу взять на себя часть дел...

– Королевская власть – не блеск и великолепие, танцы, пиры и охота. Это – бремя ответственности за страну, которой правишь. И король не должен щадить себя! – устало процитировал король отрывок из «Наказа Королям», написанного его отцом.

– Мне всего лишь сорок один, а я порой чувствую себя стариком. Сердце... Отца оно свело в могилу в шестьдесят. Я сгорю раньше.

Канцлер посмотрел на правителя великой страны, которого в детстве обучал вместе с Рултаном Вторым премудростям искусства управлять и перед его мысленным взором вновь предстал любознательный подросток с добродушной улыбкой...

– Ты не сгоришь. Ты – лучший сын Рултана Великого. И ты нужен стране. А посему – иди, отдохни!

...Молодая фрейлина присела в реверансе. Вдовствующая королева Кейшена милостиво кивнула головой:

– Что там, Таркола ?

– Государыня, пришел Его Высочество Улун, князь Нортагунский.

– Зови, – коротко бросила королева. Таркола вихрем бросилась исполнять повеление – Ее Вдовствующее Величество, как называли за глаза королеву, не любила медлительных.

Наследник двух корон почтительно склонил голову:

– Ваше Величество...

– Ради Творца нашего, избавь меня от твоих высокопарностей, внук, – оборвала его королева. – Переходи к делу. Надеюсь, ты не будешь говорить, что соскучился по любимой бабушке?

– Не буду, – согласился принц, удобно устраиваясь в кресле напротив Кейшены. – Мне нужен совет. И у кого его можно еще спросить, если в нашей семье ум есть только у вас и меня?

– Отцу ты в этом отказываешь? – хитро улыбнулась бабушка.

– Не спорю, батюшка умен, но ум его не от мира сего. Но хоть так. А любезные дядюшки и кузены – сплошь кретины. Да и братец тот еще достался, Гордецы его побери!

– Ах, какое самомнение, – саркастически усмехнулась вдова. – Спасибо, что признал за мной некоторые способности мыслить!

– Я всегда говорю только правду, – отмахнулся внук. Подобный пренебрежительный жест

в отношении королевы мог позволить себе только ее любимец. Дети и внуки (за исключением нынешнего короля) трепетали перед вдовой Рултана Великого. Дочь последнего владетельного князя Нортагунского в шестнадцать лет стала женой грозного короля Рултана и подарила ему семерых сыновей и трех дочерей. От частых родов она погрузнела, потеряла былую стройность. Но выглядела очень хорошо для своих пятидесяти восьми. Голубые глаза смотрели молодо, остро. В густых каштановых волосах совсем не было седины. Покойный муж восхищался ее пытливым умом. После его смерти ее слово стало значить очень многое...

Ну, – унизанная перстнями рука королевы оторвала ягоду от сочной грозди винограда, лежавшей на фарфоровом блюде, – так какой совет тебе нужен, Улун?

Наследник откинулся на спинку кресла:

– Как вообще можно воздействовать на папеньку, чтобы он отказался от своих бредовых затей насчет всенародного собрания?

Вдова скептически покачала головой:

– Это невозможно. Твой дед совершил единственную ошибку в жизни, – при этих словах она покосилась на портрет мужа, висевший на стене у окна – Рултан Второй был изображен во всем царственном великолепии – ярко-синей мантии, короне реминских королей, с мечом Рогула-Прародителя в руке.

– Какую же?

– Желая как можно лучше подготовить наследника к трону, он отдал его на воспитание к мудрецам-книгочеям, которые...

– Чушь, – нетерпеливо перебил бабку принц, – дед и дух отца закалял, он и как воина его...

– Не смей прерывать меня, мальчишка, – внезапно свирепо рявкнула Кейшена. От неожиданности Улун Младший выпучил глаза.

– Мой старший сын увлекся историей. И больше всего он полюбил читать о древнем Шордене, – уже спокойно продолжила Ее Величество. – Шорден славился тем, что цари считались с народным собранием – Шоро. Царям приходилось просить денег на войны и...

– Это я и так знаю, ничего нового вы мне сказали, – фыркнул внук.

Королева пожала плечами:

– Так чего ты от меня хочешь ? У твоего папаши слабое сердце, тебе недолго осталось ждать.

– Бабушка, – взвился наследник, – я не люблю отца, но не могу желать ему смерти!

– А тебе этого и не нужно, – усмехнулась королева. – И я благодарю Всевышнего за то, что ему наследуешь ты, а не твой брат. Готовься к скорому восшествию на трон, Улун!

– Государыня, он же...он же ваш сын!

– Н-да. И что же? У меня их семеро. Жерун тоже не жилец, слышишь, как все время надрывно кашляет? Лучший из моих сыновей, Колданур, далеко, в Курусии – присматривает за императором. А остальные... Только Раллу кое-чего стоит, но он лишь шестой по счету. А твои дядюшки Рултан и Инвенгур – тупицы. Им дай волю, сейчас бы помчались воевать с Амадистелем. Порой мне стыдно – и кого я родила?!

– Дядя Рултан – хороший воин, – задумчиво заметил наследник престола. – И Первый принц крови...

– Но полный болван, – хмыкнула королева. – У тебя что-то еще?

– Нет, Ваше Величество, – ответил внук, прикладываясь к изящной ручке бабушки, – благодарю за уделенное мне время...

Оставшись наедине, королева расхохоталась:

– И он называет себя умным ! Мальчонке еще расти и расти...

* * *

Первый принц крови грохнул кулаком по столу так, что оставил на его гладкой поверхности солидную вмятину.

– Полноте, племянник, – укоризненно покачал головой князь Вольвиенский, – не стоит так расстраиваться.

– Не стоит? – прогремел князь Слэригунский. – Брат отчитал меня, как мальчишку! Брат хочет позволить вонючему мужичью участвовать в делах королевства! А вы говорите...

– Криком ничего не добьешься, – ответил толстяк, проведя ладонью по лысеющей голове.

– А чем? Делом?

– Делом, конечно, делом.

Дядя наклонился к племяннику и стал что-то нашептывать ему. Чем дольше он говорил, тем больше прояснялось лицо первого принца крови...

* * *

Таверна дядюшки Зафо «Коронованный вепрь» считалась одной из лучших в городе, хотя и находилась на окраине. Зафо, старый седой орфан, еще лет сорок назад приехал в Домберн, где была большая и богатая орфанская община. Орфаны, гордившиеся своей славной древней историей, переживали тяжелые времена. Большая часть могучего в далеком прошлом южного царства была завоевана Амадистелем, после чего тысячи людей разбежались по всему свету. Орфаны славились склонностью к торговле, строительству, многие юноши служили наемниками. Те, кого судьба забрасывала в Домберн, рано или поздно приходили в «Коронованный вепрь». Но дядюшка Зафо не делал различий между «своими» и «чужими», хотя и радовался возможности поговорить на одном языке...

– Отец, – уже сейчас выручка очень хорошая, – улыбнулся Дикен, потирая руки.

– Иди работай, – буркнул отец. Он не любил праздных разговоров. А младшему сыну только дай повод – будет чесать языком, бездельник.

Появление в таверне двух новых посетителей улучшило настроение Зафо. Он вышел из-за стойки и направился к столику, за который сели мужчина средних лет, и юноша, одетые неброско, но аккуратно. Своего любимого клиента Зафо узнавал всегда...

...Мужчина встал из-за стола и шагнул навстречу трактирщику:

– Здравствуй, папаша Зафо ! Давненько не бывал я у тебя! Уж извини – дела...

– О, я понимаю... мессир. Но мы вам всегда рады.

– Моего младшего сына, надеюсь, ты помнишь?

– Да, конечно. Вы повзрослели за этот год, молодой мессир, пока были в чужих краях. Что вы будете?

– Как всегда, – широко улыбнулся мессир. – Жареное мясо и кувшин вина. Вашего, орфанского.

С этими словами он положил на стол два золотых. Вообще-то заказ стоил в два раза меньше, но этот посетитель так всегда и расплачивался.

– Благодарю, мессир. Сейчас Дикен все сделает...

Трактирщик отошел, и юный принц Рултан оглядел таверну. За одним из столов расположились трое пожилых орфанов, увлеченных игрой в кости. За другим пировали матросы с торгового корабля, на днях прибывшего в Домберн. За их столом сидела молодая женщина лет двадцати пяти, миловидная, с глубоким вырезом на платье. Она держала в правой руке кубок с вином, а левой обнимала могучую шею сидевшего рядом матроса. Заметив, что Рултан смотрит на нее, девица игриво подмигнула. Юноша покраснел и отвернулся. Отец потрепал его по плечу:

– Что, сынок, понравилась?

– Отец, я... Она ведь...

– Да, – кивнул король. – Она блудница, непотребная девка. Ты ведь это хотел сказать? Не спеши осуждать. На том свете Всевышний воздаст всем по заслугам. А так... Главное, чтобы у человека не была непотребная душа.

Рултан просветлел лицом:

– Отец, я всегда так рад, когда мы разговариваем. Наши разговоры дают мне не меньше, чем все занятия с учителями.

– Увы,-вздохнул Улун Первый, – как я мечтал о таких вот беседах с моим отцом. Но я для него был всегда наследником, преемником. А уж потом сыном.

Помолчав, Улун продолжил более веселым тоном:

– Только бывая в таких местах, как это, можно понять, что такое жизнь. Обычная человеческая жизнь. Вот по-настоящему счастливые люди, сын. И те трое, что играют в кости, и эта веселая компания матросов, и та супружеская пара в углу. У всех них есть печали, неприятности. Но они принадлежат себе. А мы – королевству, долгу, чести.

– Печальная стезя, – погрустнел принц.

-Не мы ее выбирали, но она наша. И чтобы эти люди пели, работали, веселились, я не пожалею своей жизни. Пусть они будут счастливы.

– А ты счастлив с матушкой, так ведь?

Лицо монарха осветилось доброй, теплой улыбкой:

– Да. Нас поженили родители, чтобы укрепить союз двух королевств, это так. И поначалу мы были с ней просто друзьями. Но потом... Мы с ней одно целое, благодарение Всевышнему...

В таверну вошли два молодых орфана и застыли на пороге в поисках свободного столика. Первый был невысокого роста, широк в плечах, на поясе висел меч, на локтевом сгибе правой руки держал островерхий шлем. Большие черные глаза искрились весельем, лицо обрамляла аккуратная рыжеватая бородка, контрастировавшая с черными, как смоль, волосами.

– Эй, почтенный, – окликнул он Зафо, – прикажи, пожалуйста накормить моего коня!

– Сию минуту, господин гонец, – улыбнулся трактирщик. – Вот только столика свободного нет...

Второй орфан понурился. Он был полной противоположностью товарищу. Высок, очень худ, бледен. Карие глаза излучали мягкость и некоторую грусть. Парень был одет в черный камзол и черные же штаны и держал в руке мешок с письменными принадлежностями.

– Вот, у нас за столиком два места свободно, – подал голос Улун. – Надеюсь, мы друг другу не помешаем, юноши?

Первый орфан весело проследовал к столику, за ним поплелся его друг.

– Благодарим вас, мессиры, – сказал худой, присаживаясь за столик. – Позвольте нам представиться. Это мой друг Норгэ Торфан, он прибыл в Домберн по поручению орфанского царя. А я – Кольстен Кортефан, служащий Королевского Архива Домберна.

– Труден ли был путь? – обратился Улун к Норгэ на чистейшем орфанском.

– В целом нет, мессир. Только пришлось сменить пятерых коней. А все потому, что Амадистель перекрыл нам дорогу по морю!

– Да, – скорбно кивнул головой Кольстен, – уже много лет земля моих предков страдает...

Улун сочувственно кивнул :

– Да, это трагедия. Амадистель, увы, очень силен. Реминия, конечно, благодаря покойному государю Рултану, стала еще сильнее, и есть союзники. Но... и враги очень сильные. Шасреция и Голвердиния не дадут помочь Орфану и Йлойе. А есть еще и Курусия, где многие мечтают о реванше. И Олгедорский Понтифик точит зубы на нас... Прошу прощения, господа. Меня зовут... Биндер, а это мой сын – Олькурт. Мы служим у канцлера, поэтому не понаслышке знаем о том, что творится на Юге...

Норгэ посуровел:

– Все так, мессир. Стычки на границе постоянны. Пропади все пропадом! Султан спит и видит, как приберет оставшиеся наши земли. Я сам участвовал в нескольких боях. Амадистельцы, если честно, сильнее, когда их больше. А так, на равных, мы им ни в чем не уступаем. Но их много, слишком много!

Улун подбадривающе улыбнулся и поднял кубок:

– Выпьем же за то, чтобы ваш народ выстоял в этой борьбе! И чтобы помог вам в этом реминский король! Помоги, Всевышний!

– Помоги, Всевышний! – подхватили Рултан и Кольстен. Норгэ, чуть помедлив, тоже поднял свой кубок:

– Благослови, Мудрец Сантушфа.

Четыре кубка соприкоснулись...

В Реминии – монотеизм, вера во Всевышнего (аналог христианства). Эту веру исповедуют все страны Севера. Но делятся. У реминцев, как и еще в нескольких странах Церковь Смиренная, в большинстве остальных – Церковь Блистательная. Разница вот в чем – клоруны («блистательные») – подчиняются Понтифику Олгедорскому. Церковь господствует над монархами. Бытуют пышные обряды, Церковь владеет огромными земельными наделами и крестьянами, принимает богатые дары от монархов, их вассалов, купечества. Гредены («смиренные») – очень скромные обряды, всего один монашеский (мужской) орден – Нестяжателей, Церковь подчинена государством, единого иерарха нет. Гредены откололись от клорунов всего тридцать лет назад (хотя это назревало в течение веков). Король Рултан Великий использовал спор между двумя течениями в реминской Церкви. Он поддержал Нестяжателей, ратовавших за «скромную» Церковь. Монастырские земли были конфискованы, монастыри закрыты. Под покровительством короля был создан единый Орден Нестяжателей) – о нем чуть подробнее – в тексте. Понтифик Олгедорский был вынужден это признать,

так как Реминия стала мощнейшей державой на континенте Олидана, кроме того... Рултан II щедро отблагодарил его за молчание. Примеру Реминии последовали ее союзники – Лабуния, Рилдония и Санкерния. Номинально их архиепископы подчиняются Понтифику, но назначаются королями. Все обряды, каноны и т.п., в целом, аналогичны с клорунизмом. Священная Книга – Скрижали.

На Юге веру во Всевышнего исповедуют лишь в Орфане, но там она не является государственной религией. Ее исповедуют царская семья, часть знати и часть простонародья. Остальные придерживаются древней религии – учения Мудреца Сантушфы (аналог зороастризма). Эта же вера господствует и в соседней Илойе.

В Султанате Амадистель и ряде вассальных ему мелких государств Юга господствует логуринизм – монотеистическая вера в Логурина – Великого Воина.

На Юго-Западе Олиданы – в империи Яльвен и небольших соседних княжествах религия, как таковая отсутствует, господствуют различные философские учения. Яльвен, Реминия и Орфан с Илойей – оплот веротерпимости... Кольстен побарабанил пальцами по столу:

– Забавно. Четыре века тому назад амадийцы завоевали древнюю Колдейскую империю и создали свой Султанат – сильнейшее государство Юга. И почти ничего не осталось от колдейского наследия – лишь то, что вывезли в Илойю и Реминию. Потомки колдейцев верно служат султанам – а что им делать, если любое восстание подавляется весьма жестоко...

Норгэ усмехнулся:

– Что еще забавнее – логуризм , который исповедуют амадийцы, зародился в Фэгском Халифате, а теперь Султаны Султанов именуют себя Преемниками Логурина...

Улун подался вперед:

– А ведь вашу веру, Норгэ, амадийцы фанатически ненавидят. Оно понятно – Сантушфа воплощает в себе свободолюбие, мышление, гуманизм, мягкость. Амадийцы воинственны. Глупо, конечно, называть их варварами. Их картины, статуи – это великолепно. Но... изображают они только воинов. Война у них – благородное ремесло. Но это лишь потому, что они – молодой народ. Мудрость придет со временем.

– Но мы этого не увидим, – печально заметил Кольстен.

– А жаль, – нахмурился Норгэ. – Мне довелось убивать амадийцев. И впредь придется – чтобы защищать от них родную землю. Но это... скажем так, не радует.

– Посол Иктуф человек благоразумный, – сказал молчавший доселе Рултан. – С ним можно договориться. Если бы таким был Султан...

– Или хотя бы Великий Визирь, – поддержал его отец. – Нашу веру они тоже не жалуют, – продолжил он свою мысль. – Они считают ее рабской. Но терпят – Север ведь может и собраться в Священный поход, к которому призывают Понтифики уже столько лет...

Он внезапно замолчал, глядя на вход. У двери стоял человек в коричневой рясе, опоясанной простой веревкой. Человек откинул назад капюшон, открывая немолодое умное лицо, изрытое оспой. Его серые глаза, казалось, прожигали насквозь. Шум в таверне стих.

Нестяжатели, монашеский Орден, созданный Рултаном Великим тридцать лет назад, были опорой королевской власти, блюстителями порядка в Церкви. Сам архепископ Домбернский должен был подчиняться Отцу-Приору. Нестяжатели оправдывали свое название – сами обрабатывали землю, принадлежащую своим монастырям, одевались скромно, мало времени проводили в монастрыских стенах.

Они нещадно карали священников и епископов, вымогавших у паствы деньги. Они представляли королю на утверждение нового епископа или архиепископа. И все знали: если и есть в Церкви островок подлинного благочестия и неподкупности, то это монахи Ордена. Брали туда только взрослых, умудренных опытом людей, невзирая на прошлое – лишь убийцам был доступ закрыт.

Девица, сидевшая за столом с матросами, вдруг направилась к монаху. Рослый подмастерье преградил ей путь, грубо схватив за руку:

– Совсем обнаглела, мерзкая блудница! Благословения хочешь?!

Он вдруг поморщился от боли – кто-то железными пальцами сжал его плечо. Он обернулся – перед ним стоял Рултан.

– Лучше отпусти женщину, – тихо сказал принц. Его обычно добрые глаза смотрели так яростно, что здоровяк дрогнул и отошел.

– Благодарю вас, мессир, – женщина тряхнула каштановыми волосами и направилась к монаху...

...Монах спокойно посмотрел на подошедшую к нему женщину:

– Чего ты ищешь, сестра? Исповеди? Я готов тебя выслушать. Осуждать тебя я не буду, ибо только Всевышний безгрешен и нам он воздаст в Лучшей Жизни. Но и обещать спасения – не могу.

Шатенка покачала головой:

– Брат Тентор, прошу лишь благословения для моей сестры, которая тяжело больна.

Присутствующие загомонили. Тентор был правой рукой Отца-Приора, лучшим проповедником Ордена.

Тентор простер худую руку над склоненной головой:

– Я буду молить Всевышнего о ее исцелении, сестра...

– Аргульда, брат Тентор.

– Хорошо, сестра Аргульда.

Дородный купец-клорун вдруг встал и отвесил монаху поклон:

– Преподобный брат, хотя наши представления о чествовании Всевышнего и разнятся кое в чем, я и мои друзья, – он кивнул на сидевших за столом товарищей, – хотели бы услышать одну из твоих проповедей.

Посетители поддержали клоруна нестройным гулом.

– Слово мое будет недолгим, – склонил голову Нестяжатель, – ибо не в велеречивости сокрыта Мудрость Всевышнего...

Сказано в Скрижалях: превыше всех истин – Правда. И как бы ни лгал человек, Правда проявится всегда. Пусть через год, пусть через столетие – не суть важно. И если кто убил или украл, свалив вину на другого, пусть помнит – настигнет его Правда. И кара придет. И какой будет она, не знает никто из живущих...

В таверне наступила тишина. Простые в общем-то слова прогрузили всех в раздумье. Брат Тентор обладал подлинным Даром Красноречия...

– А теперь, сестры и братья, – заговорил вновь монах, вперив огненный взор в Улуна, – возношу молитву за государя нашего Улуна, за то, чтобы благоволил к нему Всевышний в Лучшей Жизни...

– Не торопись, Преподобный брат, – воскликнул одноглазый матрос, – король еще не стар. И крепок.

Изуродованное оспой лицо Нестяжателя осветила грустная улыбка:

– Да, брат мой. Но король Улун живет по законам Всевышнего, а не мирских владык. Он благочестив – без ханжества. Он освободил рабов, по мере возможности заботится о сирых и убогих, помогает страждущим. Но такие государи живут недолго. Кто-нибудь прерывает их жизнь.

– Брат Тентор прав, – негромко сказал Улун и все взоры обратились к нему. – Такие короли недолго живут. Но славить его незачем. Он делает то, что должен...

– Ты помолчи, чинуша, – возмущенно воскликнул пожилой крестьянин. – Это НАШ король! Он дал нам почувствовать себя людьми! И если вдруг кто подымет на него руку...

– Я не хотел сказать ничего дурного, почтенный, – примирительно сказал Улун.

– Не ссорьтесь, братья, – сказал Тентор. – Вы правы оба...

С этими словами он покинул таверну, едва заметно кивнув Улуну.

– Сильный человек, – уважительно заметил Норгэ. – Но то, что он говорил, сказано и в Учении Сантушфы.

– Это еще раз говорит о том, что между всеми нами много общего, – улыбнулся Кольстен.

– Отец, – тревожно сказал Рултан, – монах ведь может и ошибаться... насчет короля ?

– Нет, – покачал головой Улун, – брат Тентор никогда не ошибается...

...Рултан зябко поежился и упрямо заявил:

– Ты меня сам учил, что ничего не предопределено!

Отец промолчал. Норгэ похлопал принца по плечу:

– А ты, видно, очень уважаешь короля, друг !

Кольстен улыбнулся:

– И есть за что!

– Да, но... – Норгэ в сомнении провел ладонью по подбородку, – мне кажется из того, что я слышал, что ваш государь излишне мягок. У нас это равносильно самоубийству.

Рултан вскочил:

– Мессир Норгэ, вы забываетесь!

Орфан медленно поднялся:

– Ничего обидного я сказать не хотел, Олькурт. Но и оскорблений я не потерплю. Если что-то тебя не устраивает, я к твоим услугам.

Последние слова он подкрепил указанием на свой меч. Побледневший Кольстен положил ему руку на плечо, пытаясь успокоить:

– Норгэ, он же не воин. И поединки запрещены.

– Что ж, – невозмутимо парировал Торфан, – можно обойтись и без оружия.

И хотя он был гораздо ниже ростом громадного Рултана, исход потасовки был отнюдь не ясен.

– Сын, – тихо и укоризненно сказал Улун, – сядь! И попроси прощения! Каждый имеет право на свою точку зрения!

Рултан поник.

– Извини, Норгэ, – пробормотал юноша, – не понимаю, что на меня нашло…

– Все в порядке, – добродушно ответил орфан.

… Шумная матросская компания потянулась к выходу, но рыжеволосая Аргульда невольно подчинилась знаку, поданному ей отцом, заступившегося за нее юнца, и направилась к столику, за которым он сидел с сыном и двумя орфанами…

– Присаживайся, – гостеприимно сказал Улун, придвигая стул.

– Благодарю мессира, но…

Улыбнувшись, король протянул молодой девушке кошелек, который он вытащил из-за пазухи:

– Это покроет убытки?

Аргульда открыла кошель и обомлела, – он был набит золотыми монетами.

– Да столько дарлондов мне за год не заработать, – пролепетала женщина.

– На лечение сестры, надеюсь, хватит.

– Как…как мне вас благодарить?

Улун усмехнулся:

– Брось то, чем занимаешься. Понимаю, что не так просто одинокой девушке с больной сестрой на руках заработать, однако это – не единственный способ. Стоит лишь решиться, и я тебе помогу.

– В городе тысячи таких, как я. Почему вы решили помочь мне?

– Трудно сказать. Но в твоих глазах я не прочел удовлетворение от своего ремесла. Впрочем, тебе решать.

– Да побери всех Гордецы, – лицо Аргульды запылало, – я только и мечтаю о том, чтобы избавиться от этой грязи. Но…Тригофт Ушастый мне не позволит. Покойные родители задолжали ему большую сумму денег, сестра погибала и я… – она закусила губу. – Долг давно отработан, но он сказал, что убьет сестру, если я хоть в чем-то ослушаюсь…

– Тригофт Ушастый, – задумчиво протянул Улун, – один из «королей» Дна, Властелин Воров… Не бойся, девушка, он тебя не тронет.

Глаза Аргульды округлились от ужаса:

– Мессир, он… очень опасен!

– Да я лично берусь отрубить ему уши, – запальчиво воскликнул Норгэ. – У нас жестоко карают тех, кто позволяет себе столь гнусно обращаться с женщинами!

– Может, расскажешь об этом поподробней, чужеземец, – послышался вкрадчивый голос. Друзья обернулись. Перед их столиком стоял низенький толстяк с огромными красными ушами. Давешний здоровяк-подмастерье что-то угодливо нашептывал ему.

– Ты почему не пошла с матросом, дрянь, – визгливо вскричал Тригофт, вперив взгляд в обомлевшую Аргульду.

– В-вот деньги, – прошептала женщина, протягивая кошелек, но Улун мягко отстранил ее :

– Эта девушка пойдет с нами.

– Что-о? Чернильная крыса, да ты хоть знаешь, кто я?

Вор многозначительно посмотрел через плечо – за ним толпилось с полдюжины дюжих молодчиков.

Улун неторопливо встал из-за стола, выпрямляясь во весь рост. Рядом встал Рултан. Поднялись и Кольстен с Норгэ. Тригофт поостыл: отец и сын выглядели очень уж могучими детинами, да и орфанов заморышами не назовешь, к тому же, один из них вооружен. Но уйти и не забрать лучшую девицу означало расписаться в собственном бессилии.

– Намните им бока, – рявкнул Властелин Воров, отступая в сторону. Его «гвардия» бросилась в бой, но один так и не добежал – Кольстен весьма ловко бросил ему под ноги свой мешок и вор с грохотом повалился на пол. Улун отшвырнул еще двоих, будто это были не упитанные молодцы, а пара хилых подростков. Норгэ утихомирил своего противника ударом в челюсть. Хуже всего пришлось Рултану – юноша был очень силен, но в драке оказался впервые и пропустил серьезный удар в ухо. Он покачнулся, но устоял.

Но большой драки не получилось – рассердившийся не на шутку Улун задал ворам хорошую трепку и те, кто еще мог стоять на ногах, обратились в бегство. Тригофт был так ошеломлен, что позволил Норгэ сцапать себя за шиворот.

– Полагаю, вы прекратите докучать этой девушке и ее сестре, мессир? – ласково осведомился Улун.

– Вы завтра будете плавать вверх брюхом по Лимине, – запальчиво сказал Тригофт. – Я ухожу, но вы еще пожалеете об этом.

– Я в этом не сомневаюсь, – сочувственно сказал Улун, с трудом сдерживая усмешку. Далеко Тригофт не уйдет. Прогулка, конечно, дело полезное, но не все так просто. Король Воров попался на удочку, будто школяр. За дверью его ребят уже повязали стражники, и ему с ними придется прогуляться в Утенгиру – лет на двадцать. Что делать, если начальник городской стражи ест с рук Тригофта. Вернее, ел. Теперь будет коротать вечера в компании Ушастого. О каком порядке в стране можно вести речь, если в самой столице творится такое?

– Ну вот, Аргульда, – Улун устало взглянул на красавицу, – он тебя больше не тронет.

Она вдруг обвила его шею:

– Мессир, вы пойдете со мной? Я ничего не возьму с вас! Вы...вы такой...

– Нет, – мягко ответил король, осторожно убирая ее руки. – Я люблю свою жену и верен ей. Впрочем, – тут он лукаво улыбнулся, – с тобой может пойти мой сын.

Рултан вспыхнул, как маковый цвет:

– Отец, но...

– Эй, парень, – задорно хихикнула Аргульда, хватая его за руку, – идем, не бойся. Я не кусаюсь.

С этими словами она потащила юношу вверх по лестнице. Обомлевший Рултан шел с таким растерянным и обреченным видом, что его отец не выдержал и расхохотался. Смех подхватили молодые орфаны...

* * *

Всадник спешился и привязал коня к колышку. Воровато оглядевшись, он вошел в дом. Там царил полумрак.

– Ты опоздал, – Повелитель был раздражен.

– Да, но у меня были причины.

– Не испытывай мое терпение! Ты слишком часто стал ошибаться! Может, ты забыл, второй сын полунищего рыцаря, кто спас тебя от петли, одел, накормил, сделал человеком?

– Я помню, Повелитель. Разве не старался я натравить амадийцев на реминские деревни? У меня же получилось. Я не виноват, что ваш король сумел поладить с Султаном и в этот раз...

– Все так, Гренд, – зло бросил Повелитель, внезапно оказавшись за спиной у подручного. Гренд вздрогнул – он никак не мог привыкнуть к этой способности своего хозяина.

– Король зажился на этом свете, – продолжил Повелитель. – Но не о нем сейчас речь. У тебя все готово?

– Да. Оба не переживут эту ночь.

– Надеюсь, – буркнул Повелитель. – Не подведи меня!

«Поди, попробуй подвести!» – подумал Гренд, возвращаясь к коновязи...

* * *

...Иктуф задумчиво разглядывал звездное небо. Как же ему надоел этот Домберн, надоела эта Реминия! Он совсем недолго пробыл в должности посла Султана в Домберне, всего три месяца... С тех пор, как Светоч Юга отозвал предыдущего, недовольный его работой. И посадил на кол прямо на главной площади Ильгидуна – столицы Султаната. Иктуф зябко поежился – нрав у Владыки тяжелый. Вернуться бы домой, сражаться с орфанами да илойцами. И быть поближе к

Сунэль. Вспомнив о второй жене, посол мечтательно улыбнулся. «Глаза твои, как звезды!» – сказал он ей, когда служанки привели ее к нему в спальню после свадьбы. «А ты согреваешь меня, будто Солнце, мой господин!» – был ее ответ. Теперь она ждет от него ребенка. Первая жена, Лэтаг, рожает только дочерей. А Сунэль непременно родит сына !

«Да, – горько подумал Иктуф, – и он тоже будет воевать либо с реминцами, либо с орфанами. Логурин Могучий, почему? Мало у Султана земель? Мало склонивших головы государей Юга?».

Едва слышный шорох за дверью Иктуф уловил обостренным слухом бывалого воина. Поздняя ночь. Кто там может быть?! Явно не друг!

Дверь еще не успела рухнуть под напором неведомых убийц, а посол уже метнулся в прыжке к стене и сорвал с нее любимую саблю. Голова первого из ночных гостей покатилась по дорогому амадийскому ковру, но врагов было слишком много.

«Могучий Логурин, – успел подумать эмир, прижавшись к стене и готовясь принять безнадежный бой, – я ведь не успел сказать Сунэль, как назвать сына!»

* * *

Брат Тентор неспешно приближался к монастырю. Спать хотелось страшно – кем бы ты ни был, а грешное тело напоминает о себе... Тентор презирал оголтелых фанатиков, призывавших «вразумить заблудших клорунов и покарать нечестивых логуристов или сантушфан». На то и есть Всевышний, он всех рассудит. А если хочешь обратить в свою веру, не ругай чужую, а доказывай правоту своей – словом и делом. В этом за свои пятьдесят два года Тентор убеждался не раз.

Появившиеся на тропинке двое парней в масках удивили, но не испугали. Жизнь Тентора была такова, что он не цеплялся за нее. Да и кому нужен нищий монах?

– Чем обязан, братья?

– Тебя не раз предупреждали, монах – не болтай! Не лезь в то, что тебя не касается!

– Брат мой, ответ я держу лишь перед Всевышним. Ему меня и судить.

В лунном свете тускло сверкнули ножи. Тентор усмехнулся :

– Вам много заплатили?

– Достаточно, святоша. Молись!

Нестяжатель скрестил руки на груди:

– Если хотите меня убить, убивайте. Или уйдите с дороги, у меня много дел.

Он не умолял, не дрожал. Это привело убийц в замешательство. Их, но не Гренда. Арбалетный болт вонзился в спину Нестяжателя и тот упал в траву. Гренд подбежал к нему и приподнял голову:

– Ты кому-нибудь говорил о Повелителе?

– Нет, – прошептал умирающий, – его лицо для меня скрыто пеленой. Но ты передай ему, брат мой – Правда проявится всегда. Всевышний да поможет тебе, ибо ты болеешь. Но пусть лицо твое станет таким, как у меня, ты останешься жить...

Гренд опустил бездыханное тело в траву и посмотрел на подельников:

– Идиоты, все приходится делать самому! Ишь, разболтался! Нашего Повелителя ничем не одолеть. А я здоров, как бык!

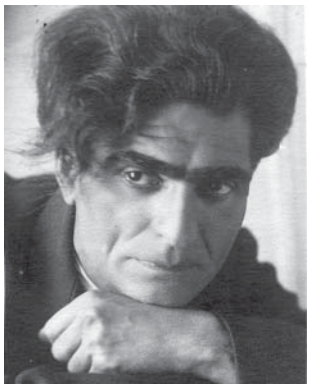
– Тело прятать, мессир? – осведомился один из подручных.

– Нет, пусть ломают головы, кому мешал этот «преподобный брат»!

Продолжение следует

Литературное наследие

Гамлет НАЗАРЬЯН



Продолжение. Начало в «Мегалог №1, 2008»

Персия без пехлевийских козырьков

(заметки в пути)

I

«...Я – Кир. Властелин суши и морей. Сиятельный вельможа священных башен. Победитель непобедимых. Гроза Ирана – я, воздвигнувший пирамиды из черепов врага, растливший девушек из стана его и предавший огню его города.

Да страшатся народы гнева моего!».

Много лет тому назад рука раба выбила эту хвалу на граните. Дремотно проползли столетия. Рассыпались железные когорты. Империя Дариев и Киров превратилась в жалкую полуколониальную страну. На смену мрачному сатрапу и разнузданным сынам пустыни пришли белый китель английского колонизатора и черный потертый сюртук американского миссионера.

Но десятки этих памятников и по сей день стоят в далеких углах Персии. Ржавчина веков покрыла клинопись. Усталые погонщики верблюдов перестали различать их в серой массе причудливых скал. Люди забыли грозных властелинов.

Разверните карту Персии, отметьте булавками территории, пользующиеся экстерриториальностью, иностранные концессии, миссии, виллы, потревожьте историю колониальной политики «великих держав»; поройтесь в архивах, извлеките на свет многочисленные недорого стоившие конвенции; раскройте череп персидского интеллигента, напичканный американским педантизмом и французским легкомыслием; посетите ориенталистический отдел великобританского королевского музея; киньте беглый взгляд на статистику голодных годов и эпидемий в персидской деревне – и вам станет ясно, что Персия сохранила для себя лишь немного земли и еще меньше наивного патриотизма. И это она, волею истории, граничит со страной Октября.

Гордый металлический мост переброшен над ворчливой каймой Аракса, являющегося рубежом. На кружевной обшивке моста сохранилась еще доска, повествующая о том, что «сей мост подарен персидскому собрату императором всея Руси, ныне благополучно царствующим Николаем II»1.

Это русский империализм протянул свои щупальцы к житницам Персии в последней четверти прошлого столетия, чтобы позже, в 1907 году, в тихий августовский вечер дать возможность мининделу (министру иностранных дел – Р.Н.) Российской империи Александру Извольскому и уполномоченному представителю Великобританского правительства сэру Артуру Никольсону бесцеремонно разделить Персию на «сферы влияния».

[1] Учредительное собрание Персии.

Это было не трудно. Для этого пришлось отложить на минутку сигару, лениво взять два пера и, забыв о существовании меджлиса2, провести жирную линию на карте. Думал ли тогда редактор «Тан», что за санкт-петербургской сделкой могут следовать «десять дней, которые потрясли мир»?

«...Договор этот является, безусловно, результатом мудрой и дальновидной политики двух великих держав, союз которых должен быть почитаем цивилизованной Европой», – уверенно трубила его передовица двадцать два года тому назад. Редактор ошибся.

Сегодня этот мост является мостом сближения двух народов.

Персия! Вот вы стоите на пыльной площади таможни. Там, в сотне шагов позади вас, последняя пядь советской земли. Сквозь пелену прозрачных сумерек видны еще строгие линии антенн и новых черепичных крыш. Они – символ нового. А здесь перед вами – необъятные просторы нищеты и произвола, суеверий и проказы, бесправия и романтики, которыми туго опоясана страна шахен-шахов.

На кирпичном фасаде уныло треплется трехцветный национальный флаг, с нелепо размалеванным львом, из-за рыжей гривы которого робко выглядывает глуповатый диск выцветшего от времени солнца.

«Могуче развевается на земле шахен-шаха знамя мира», – говорят персы, поглядывая на этот флаг. И, глядя на их серьезные лица, затрудняешься сказать, где кончается безудержная фантазия азиата, живущего отвлеченными гиперболами национального могущества, и где начинается, ему одному присущая, тонкая ирония.

Снующие вперемежку с облепившими поезд маклерами уличные псы и попрошайничающие старухи; волнообразные наносы песка; ленивая походка жандарма; выпученный живот неряшливой женщины, покупающей синие бусы у уличного торгаша, и звон затерянного в дали каравана – порождают в вас недоумение и бесформенную грусть, от которой вы тщетно пытаетесь отделаться.

Но вот открываются обитые медью широкие «дарвазе». Из казарменного нутра таможни выплывают черные рединготы чиновников. Не спеша, с сознанием собственного достоинства, отбирают они паспорта и велят перенести пассажирский скарб в зал осмотра, где перерывается содержимое каждой корзины, каждой картонки, каждого узелка. Вот один из чиновников – сухопарый маниак с болезненными сочленениями – ревностно разворачивает рукава чьей-то сорочки в поисках «московской литературы». И он не шутит. Или недалекий профан этот верзила, или плут и пройдоха. Взгляните на его, испещренное морщинами, бледное лицо, посмотрите, как бегают масляные точки глаз. О, это лицо казалось бы строгим и неподкупным, если бы не подобострастная улыбка, кривящая концы змеиных губ.

Кто-то священнодействует над вашим саком. Утомленный длительной процедурой обыска, вы уже облегченно вздыхаете, радуясь концу, как вдруг пухлые пальцы чиновника достают из вашего бювара открытку с изображением Венеры Милосской.

– «Этого нельзя провезти, сударь: подобные вещи разлагающе действуют на молодежь».

Будь вы более сведущим, вы знали бы, конечно, что такое «открытки парижского жанра», которые служат специальным предметом экспорта в восточные страны, знали бы вы и то, что перегруженному работой мелкому чиновнику трудно различить наготу от «наготы».

Но вы не знаете об этом.

Стараясь не дать себя в обиду, вы читаете блюстителю нравственности целую тираду об античном искусстве. Древний мир... Бессмертные боги... Шедевры изобразительного искусства... Но у смиренного раба престола свои понятия об этике. Бросив на вас уничтожающий взгляд, он прячет «непристойную карточку» в широкий карман шаровар.

Стоит ли спросить? Если в пульмановском вагоне нет места «черным людям», то почему в стране «царя царей» должны поклоняться какой-то давно умершей богине любви...

Покорно взяв свой саквояж, вы погружаетесь в безлюдные закоулки города.

II

Тупое безразличие – вот основная черта персидского городка, который, подобно усталому верблюду, изо дня в день пережевывает приевшуюся жвачку веков.

Землетрясение разрушило половину Хорасана; правительством подписан новый пакт о ненападении; эпидемия холеры принимает угрожающие размеры; в лондонском Сити взорвалась бомба. Что до всего этого мирно дремлющему городу?

---

[2] Ворота

Он не хочет нарушить своего философского спокойствия пустяками, выходящими за грань его незатейливой жизни. Глиняные стены и кривые линии грязных мостовых ограничивают его горизонт. Безучастно распластавшись на скудном лишайнике песков или захлебываясь от избытка зелени, лениво перебирает он четки дней, не сомневаясь, что время – самый дешевый товар.

Люди не нарушают гармонии своего обиталища. Нет у них беспечных улыбок, нет неподдельного смеха, мало радостей у них. Скрытно и молча проходят они по пути дневного труда; недоверчиво отталкивают всякого, кто хочет вмешаться в их переживания; редко говорят и еще реже оспаривают что-нибудь. Вы не услышите здесь гортанного говора, не улыбнетесь остротам, не увидите пестрой лавины неугомонной толпы.

Горбы носильщиков, копающийся в мусорной куче ребенок, незаживший со вчерашней ночи кровоподтек под глазом проститутки – расскажут вам уродливую быль зловонных будней персидского города. Вы поймете, почему так враждебно относится улица к «прилично одетому» человеку и почему так ядовито усмехаются люди, когда вы расспрашиваете об их житье-бытье.

За мигом миг. Идут часы.

Долго слушают слепого музыканта. И вместе с мелодическими изгибами песни, вместе с плачем кеманчи из полузакрытых глаз сочится человеческая скорбь.

Если вам удастся заговорить с одним из этих людей, каждая фраза которых начинается неизменным «иншаллах» и кончается покорным «альхандольиллах», то вы поймете, что философия перса – философия неизмеримо-глубокой пассивности.

Та же пассивность и в самом персидском городе. Сквозь растрескавшиеся бока его стен ехидно мигают чешуйчатые купола минаретов. На них золотая рука имама Али – символ шиизма. В бирюзовых орнаментах и арабских фресках – железный закон Мохаммеда: «Все существующее предопределено Аллахом».

Отсюда все. Отсюда обезличенность персидского города. Догмат о предопределении судеб и поступков людей налагает на психику персидской массы цепи фатализма и парализует лучшие стремления ее.

– Ля илах-оль-иль-аллах.

Нагибаются спины, вытягиваются пальцы, шевелятся губы. Перс свершает свой намаз. Не нагибается лишь спина «отечественного аристократа». Наряженный в модный европейский костюм, с «дэми» на руке и роговыми очками на патрицианском носу, он боится смешаться с толпой и замарать замшевые перчатки и воротничок «от Франсуа», за которые он прозван «накрахмаленной пустотой». Галантно уступив дорогу какой-то американке и остановившись на минуту перед редакцией газеты, чтобы выявить свой демократизм, он самодовольно направляется к казино, выстукивая изящным стэком по неровной мостовой: “Sequi il tuo corso e lascia dir le gentil”.

Миновав ничего не говорящие ряды глиняных коробок, от которых по всем углам расползается какая-то робкая неуверенность, какое-то смешное недоумение, гид тащит вас от «достопримечательности» к «достопримечательности». Однако, в результате ревностных трудов миссионеров, туристов и вояжеров всех оттенков, торгующих в Персии культом распятого Христа и западноевропейскими фабрикатами, достопримечательностей здесь почти не уцелело. Керамика, миниатюра, затейливые арабески, фаянс – все это было вывезено еще в половине прошлого столетия и теперь украшает фамильные камины европейцев.

Бедному гиду пришлось бы очень туго, если б не его фантазия, которая, сплетаясь с умением безобидно лгать, творит чудеса. И вот, уязвленный столь беззастенчивым разбоем иностранцев, патриот старается представить вам каждый ком земли своей родины как восьмое чудо мира.

Вы видите эту гору с раздвоенной вершиной? Это бесстрашный Джемшид ударил по горе мечом-молнией. Это вот место, где славный Шах-Аббас впервые начал строить свои чудо-каналы... Затем, вдохновлено импровизируя, он расскажет вам о страшных битвах, чудодейственных амулетах и многоголовых чудовищах, стараясь найти вещественные доказательства к своим «историческим пояснениям».

Вы слушаете. Вы зачарованно пьете медовые струи его слов. Вам хочется на миг забыть все, превратиться в глупенького ребенка и верить этим красивым хрупким легендам. А там, в засахаренной тени рассказов проводника, – другой мир. Мир страстей, лишений и труда. Мир контрастов. Там, за мозаичной аркой, которую вы рассматриваете, – базары, плантации и те, что делают жизнь. Там пульсирует живая Персия – красочная и многогранная.

Ш

Чай-ханэ.

Как мало похож он на все то, что пишут о нем.

Чай-ханэ.

Это невзрачная, наспех сколоченная лачуга, приютившаяся в темном углу базара или раскинувшая свои бутафорские, из ивовых прутьев, навесы на пыльном майдане. Серыми пятнами выступают узкие деревянные тахты и глиняные возвышения. На них в самых причудливых позах раскинулась не менее серая человеческая масса, состоящая из ремесленников, мелких торговцев и равнодушно дремлющих бродяг, которых здесь называют «вейланэ-доулэ».

Люди?..

Их исхудалые пергаментные лица искажены судорогами, бескровные губы бессмысленно шепчут что-то, глаза растерянно блуждают или плавят непостижимо-давнюю тупую тоску. Курят с каким-то непонятным для иноземца ожесточением, переходящим в блаженную апатию. С протяжным свистом тянут они в себя маковый сок, который безнаказанно продается на каждом шагу, вопреки призрачным запрещениям властей.

Было бы большой опрометчивостью подумать, что курение опиума или просто посещение чай-ханэ, где персы просиживают иногда целые дни, носит характер такого же случайного отдыха, как желание европейца побаловать себя стаканом грога в ближайшем кафе. Экономическая несостоятельность толкает здесь людей на путь малодушного самозабвения. Час в чай-ханэ не просто времяпрепровождение, а искусственное напряжение, имеющее целью изгнать из раскаленного за день черепа всякие мысли и погрузиться в состояние полной пассивности. Запуганные безграничным произволом тысячи приносят в мрачную утробу чайного дома с трудом заработанные гроши, чтобы купить на них минутное счастье.

Выпустив из дрожащей руки потухшую трубку, они впадают в сладкую дрему. Шербетные реки текут мимо них, пышное небо сыплет пурпуром и золотом, райские девы ублажают их и они свершают смелые подвиги на благо Ирана. Неумение изменить вращение колеса истории толкает одних в объятия сладострастных видений, а других – в безобидное донкихотство. Впрочем, бывает и другое, когда этим сгорбившимся по углам людям мерещатся лишь громады хлеба и луковиц, которые так трудно достаются бедняку. Эти сны ближе, роднее, ярче.

Философски-спокойное и, по-своему осмысленное пребывание в чай-ханэ перс называет «кейфом». Кейф – блаженство. Кейф немыслим без «тамашэ» – зрелища.

Канатный плясун, шут, обвешанный бубенцами, бродячий музыкант, прорезающий площадь караван, уличная ссора, драка пса с ощетинившейся кошкой, – все это «тамашэ», все это смотрится с жгучим интересом, еле прикрытым завесой кажущегося равнодушия. Из всех видов «тамашэ» перс предпочитает рассказчиков – дервишей. Дервиши – нищенствующие рыцари ислама. Задрапированные в лохмотья, с немытыми космами волос, со скорлупой кокосового ореха, в которую они собирают милостыню, с торчащей на боку секирой, проходят они тысячи верст, эти носители весенних сказок, мудрых пословиц, мягкого юмора, религиозных притч и прибауток.

Вот дервиш остановился у дверей чай-ханэ. По рядам пробегает сонный шепот. Во взорах – ожидание. Дервиш резким жестом бросает в воздух сверкающую секиру, ловит ее на лету и приветствует толпу коротким:

– Иа, хакк!

Тишина. В глубоко запавших глазах, костлявой фигуре, в цепких – чуть дрожащих пальцах дервиша, в глубоком блеске его секиры что-то манящее, заставляющее вслушиваться в каждое слово. Бронзовые ступни нервно передвигаются из угла в угол, лицо преображается, все больше и больше убеждают движения. Дервиш рассказывает.

И сквозь облака табачного дыма, сквозь зеленую нить воды, что колеблется в граненых сосудах кальянов, сквозь пылающие жаровни на прилавках встают седые легенды, встают и обвивают больное воображение...

Мимо чай-ханэ, обдавая прохожих грязью, катятся вылощенные кареты знати. Одетый с иголочки «ажан» беспрерывно работает палкой, водворяя порядок. На его обрюзглом лице, в его уверенных манерах, в блестящем мундире этого офранцузившегося крючка:

– «L`etat – c`est moi».

IV

Едва ли можно найти в Персии что-нибудь ярче и колоритнее нескончаемо длинных базаров. Здесь, в тени слезящихся, покрытых вековым мхом сводов, во влажном полумраке лавчонок, в грязных дворах караван-сараев бьется общественная жизнь страны.

Базар, подобно гигантскому осьминогу, разбросавший во все стороны свои щупальцы-лабиринты, не только торгует, нет, он делает политику, разрешает самые сложные государственные проблемы, высмеивает и поощряет, налагает свое «табу» и дает свое милостивое разрешение.

Новая партия советского ситцу, слухи об убийстве английского офицера арабами, пикантная история о шейх-оль-исламе и какой-то француженке, предсказание о близости страшного суда, избиение Хаджи-Гусейна «хас-пушами», изобретение медовых пилюль от запора, – обо всем этом на все лады толкует то крикливый и беспокойный, то терпеливый и выжидающий базар. Бежит новость, часами обсуждается она и будет обсуждаться до тех пор, пока не получит самой ясной формулировки, а тогда двинется дальше, снабженная авторитетным заключением рынка.

Насколько безлюдно в кузнечных и горшечных рядах, где, изнывая от жары, вздувают примитивные меха и тащат красную глину полунагие рабочие, настолько шумно и многолюдно в той части базара, которая завалена импортными товарами. Толкаясь и ругаясь, катятся по узким коридорам людские волны. Раздраженный феодал, раздобывший грош мелкий чиновник, навьюченный оружием офицер, степенный молла, шумная ватага детворы, модница, лукаво выглядывающая сквозь щели шелковой чадры, – останавливаются перед сверкающей витриной, очарованно рассматривают фарфоровые безделушки, дорогие бутылки заморского вина, большую, хлопающую глазами куклу и вновь бегут дальше, к новым, невиданным вещам, которые так щедро готовит для них рынок.

– Хабардар! Хабардар!

Это предостерегающие выкрики возниц. Заглядевшаяся толпа бросается в сторону и испуганно липнет к стенам, давая дорогу карете, военной пролетке или верховому. Горе тому, кто не успел вовремя броситься в сторону, особенно, если проезжает карета богача. Свежие розги ложатся на спину провинившегося и копыта коней калечат его. Базар имеет свои законы, освященные временем и серебром. Эти законы нельзя нарушать.

– Хабардар!

Но на этот раз никто не обращает внимания, никто не сторонится, люди не отрываются от сосредоточенного разглядывания безделушек. Ведь этот возглас принадлежит не дородному, с широким кушаком, кучеру и не конному «ажану», а «хамалу».

Низко нагнувшись под тяжелой ношей и широко расставив сильные ноги, идет он к месту назначения. Время от времени он останавливается, прислоняет к стене ношу, выпрямляет ноющую спину и переводит дух, чтобы через минуту вновь окунуться в раскаленный воздух, вновь идти, смахивать со лба крупные капли пота, спотыкаться и падать. Хамал – это персидский рикша. Давно привыкшая к белым европейским воротникам персидская знать назвала их «засаленными воротами». «Засаленный ворот» – бессловесное вьючное животное, которым надо пренебрегать, которое надо презирать, с которым можно делать все, что угодно, – такова традиция базара, который наряду с индийскими божками и золотыми ворохами шафрана продает лубочное изображение апостола Павла и королевы Виктории.

Рядом с носильщиками, хаотически переплетаясь, ковыляют ослики и величаво плывут верблюды. Целые стаи уличных псов бегут по всем направлениям, возмущая своей беззастенчивостью.

Торговцы здесь не похожи на тех расторопных, подвижных людей, которые зазывают вас на шумных майданах Кавказа. Запрятавшись в свою темную конуру и ритмично покачиваясь над пожелтевшим кораном, персидский «тутджар» с деланной бесстрастностью и немного смешной важностью ждет, пока вы подойдете к нему с просьбой отпустить золотник крошеного гилянского табаку или медный с бирюзой перстень, которым любят украшать свои выкрашенные в огненный цвет пальцы персианки. Кстати, их довольно много на базаре. Сверкая из-под покрывала любопытными глазами и крепко сжимая в руке все наличные деньги, они торопливо снуют между рядами. Хождение по базару – это целое событие для персианки, это – «тамашэ», и она больше рассматривает, чем покупает.

Вот хлебные ряды. Румяные лаваши свисают с шестов, наполняя воздух волнующим, щекочущим в носу запахом. Дальше – целые горы овощей, еще дальше – симметрично расставленные лотки и коробки со всевозможными пряностями. Совсем недалеко оттуда, где пьянит мускус, раз-

вешено прекрасное дамасское оружие. Ятаганы и секиры чаруют тонкостью работы. За оружейным рядом, где немало оружия европейского образца, расположены мастерские отечественной обуви. Здесь некоторый универсализм: производство и продажа расположены в одной и той же лачуге, обвешанной яркими полотнами и пахнущей дубленой кожей. На деревянных полках беспорядочные кучи сафьяновых чувяков или «шлепалок», как называют их сами персы.

Чем дальше, тем больше, светлее и богаче витрины. Вот вы стоите перед большим магазином европейского типа. Все, начиная от медной обшивки дверей и кончая полосатыми навесами, защищающими вас от солнца, безукоризненно чисто, а – главное – модно. Мода во всем, даже в мишурной ливрее швейцара, который широко открывает вам двери. Подобные магазины принадлежат преимущественно иностранным фирмам, которые облепляют средневековый базар журналами мод и белоснежными манишками, бутылками шампанского и булавками для галстуков, олицетворяющими на востоке всю мощь западноевропейской цивилизации.

Базары велики, легендарно велики. «Караван, входящий с восточных ворот в тебризский базар на рассвете, – гласит народная пословица, – выходит из западных ворот его поздно вечером». Простите азиатам страсть к преувеличению, но в данном случае они близки к правде.

Но вот доносятся звуки вечернего призыва муэдзина. Базар начинает пустеть. Уличный цирюльник с остервенением скоблит намыленную щеку пациента и, приложив к кровоточащей ранке подобранный тут же навоз, собирается покинуть свой угол. В дымной харчевне, откуда несется приторный запах бараньего жира, поспешно доедает свой плов запоздалый гуляка. Хлопают массивные ворота караван-сараев. Грохочут встревоженные болты. В фиолетовом воздухе тонут последние силуэты. Ночь.

V

Крепкие, непроницаемые стены. Узорчатый стеклярус окон. Разрисованные деревянные жалюзи, упрямо скрывающие от постороннего взгляда все происходящее внутри. Цветистый беспорядок шелковых подушек. Тысяча и одна хитрость евнуха. И все-таки жадные ненасытные глаза целыми часами разглядывают улицы. Такова приблизительно восточная женщина, образ которой мы привыкли воспринимать сквозь слащавые строки Пьера Лоти. И чудится, что в этой стране «вечной весны и сказок» нет ни социальной лестницы, ни нужды, ни труда, а лишь беспечная самка, немного пикантная и довольно пустая. Гарем – вот рамки, в которые деспотически хочет втиснуть персиянку наше воображение. Гарем – не фикция. Религия и бытовые традиции родили его. Жены знатного перса проводят дни в курении и сплетнях. Часами отдаются они туалету, стараясь больше нравиться своему неограниченному властелину. Свободное от всего этого время они посвящают советам с портным, рассказыванию анекдотов и эротическим излишествам. Наконец, по пятницам, они приглашают в гости подруг, едят с ними засахаренный миндаль, болтают, крутятся перед зеркалами или совершают загородные прогулки под наблюдением евнуха. Все это так же просто, наивно и богато, как в любой «восточной» кинофильме.

Даже больше того: в гаремах процветают с недавних пор идеи освобождения, устраиваются собрания с обильными чаепитиями, создаются всевозможные ложи. В каждой персиянке этого круга вы найдете реформистку, желающую дать свои несуществующие силы на служение общества. Она долго и горячо будет рассказывать вам о благотворительных обществах, пикниках, зрелищах. Она удивит вас уймой цитат из столичных газет, скажет о том, что знает о существовании английского парламента и суфражисток, и когда вы спросите ее о причинах инертности персиянки, переносящей постыдное рабство, она может вконец ошарашить вас своими знаниями, ответив:

– A la guerre, comme a la guerre.

Великий аллах! Ведь надо же развлечь себя чем-нибудь! Но есть и другая персиянка. Та, что не замечена Пьером Лоти. Она живет в глиняной мазанке, неуютной и грязной. Она работает с раннего утра до поздней ночи. Незамеченная никем, заслоненная шелковыми шароварами и глупостью сценаристов, идет она по своему тяжкому пути.

Не верьте буржуазным исследователям, отбросьте банальные романы, пройдите мимо гарема, обессиленного и умирающего, идите туда, где царят нищета, голод и болезнь.

Холодная и темная мастерская. Согнулись над ковром. Их много, Их трудно различить друг от друга. Долгие дни и ночи проводят они у высоких пяльцев, в шерстяной пыли.

Нервно пляшут по нитям их иссохшие пальцы. Надрывно скрипят несмазанные станки. Слезятся изъеденные трахомой глаза. Десятки женщин, не смея сбросить ситцевой чадры, ткут

ковер и в хаосе туго натянутых ниток цветут яркие цветы солнечного юга, обагренные кровью и гноем. Подойдите к одной из них, постарайтесь заговорить. Она бросит на вас подозрительный, немного враждебный взгляд, оторвется на минуту от звенящих ниток и, удостоверившись, что надсмотрщик не замечает ее, сипло спросит:

– Что тебе?

– Много ли она зарабатывает?

– Хорошая работница около трех «пенабет».

– Как долог рабочий день?

Она удивится этому вопросу: разве не ясно, что это зависит от «арбаба»?

– Давно ли она работает в ковровой мастерской?

– Ее отдали сюда восьмилетней девочкой. Вначале она училась ремеслу и лишь затем, спустя два года, стали оплачивать ее труд.

Затем, как бы подавившись нашими расспросами, она судорожно схватится за грудь и вновь сосредоточится на своей работе.

Много таких костлявых, больных, пришибленных. На их плечах держится почти вся кустарная промышленность. Их трудом питается страна. Это они по колено в желтой воде, мучимые лихорадкой, собирают рис. Они делают хлеб. Их ноги без устали прессуют сладкий кишмиш. Их миллионы. И они голодны.

В темную южную ночь идите туда, где колышутся огни публичных домов. Там за недорогую плату можно купить подобранную на улице смуглянку, провинившуюся служанку, обманутую крестьянку и профессиональную проститутку. Идите в эту ложбину лжи, сифилиса и страданий, не бойтесь: все пользуется там покровительством трусливого закона. Велика благодать аллаха!

Говорят, что в домусульманской Персии женщина была свободней. Это было давно, когда фривольное поклонение огню не вылилось еще в формы порабощающей религиозной системы. Потухли костры огнепоклонников. Прахом легли столетия. Задвигались полчища разнузданных арабов. Вот поднялась в пустыне грозная тень Мохаммеда. Персиянку окутывает чадра – символ изолированности от общественной жизни. Тяжелым камнем ложится на нее догматика мусульманской теософии.

«Нет бога, кроме бога, и Мохаммед – пророк его».

Ислам – религия господствующего класса – ставит женщину в экономическую зависимость от мужчины, лишает ее элементарных человеческих прав, обезличивает и порабощает. Клерикально-светское законодательство полно самых грубых противоречий, умело используемых персидской буржуазией в целях классового обогащения. Это и явилось источником тех уродливых бытовых традиций, которые существуют на мусульманском востоке. Освободительное движение, насчитывающее за собой десятилетия, ничего или почти ничего не сделало для освобождения женщины. Феминистическая литература, проникшая в Персию в дни модернизации, охватила лишь ограниченные круги «высших» слоев. Героизм отдельных женщин и небольших группировок был обречен на гибель. Лирические стихи талантливых поэтесс и полные пацифизма декларации различных «обществ» оказались плохим оружием. Лишь в последние годы, в связи с растущим влиянием Советского Союза, женское движение в северо-западных областях Персии принимает относительно массовый характер. Но наряду с этим люди еще говорят:

«Женщина не была бы создана, если б аллах не наделил мужчину похотью».

VI

«...Аллах-акпер. Бисм-иллах, рахман ор рахим...»

Неизменно слышите вы гул детских голосов, проходя мимо медресе, приютившегося где-нибудь под навесом антикварной лавки или в устланном циновками сыром и мрачном подземелье. То ученики, нагнувшись над засаленными страницами непонятного аль-корана, преодолевают витиеватость арабского алфавита. Изумленный видом нескольких десятков покачивающихся детских спин, вы стараетесь лучше разглядеть этот оригинальный тип массовой школы, рожденной в дни халифата и ныне мирно существующей наряду с американскими и персидскими «мектеб».

На деревянном помосте, напоминающем сколачиваемые на летучих митингах трибуны, сидит молла. Аккуратно разложив вокруг себя принесенные учениками дары и прикрыв их широким подолом серого «аба», он мирно храпит, предоставив детворе самостоятельное разрешение теистических проблем, щедро рассыпанными в священной книге последователями пророка.

– Рахман-ор-рахим...– грызут гранит религии дети. Но это ничто в сравнении с тем, что вы увидите спустя минуту. Вот, обеспокоенный застрявшей в ноздре мухой, молла громко чихает и просыпается. Желая показать свою бдительность, он дарит кое-кого из учеников ударами сучковатой палки и немилосердно сыпет отборнейшей руганью, обнажая богатство и образность родного языка.

Головы нагибаются ниже. Голоса дрожат. Уста еле лепечут:

– Аллах...

– Кулам-Гусейн, – вызывает грозный учитель. Вызываемый, дрожа от страха, встает и отвешивает низкий поклон.

– Знаешь ли ты, что на земле дороже адамантов и сапфира?

Поставленный в тупик столь лукавым вопросом, мальчик что-то бессвязно бормочет.

– Говори же, ибо молчать сыну человека непристойно.

- З – золото, ага, – неуверенно роняет предчувствующий избиение ученик.

– Осел! – хохоча, бросает наставник, и толстая палка ложится на худые плечи мальчика. Вслед за этим вы слышите мудрые слова:

– Слушайте же и запомните, правоверные: перлы слов пророка (да будет богоугодная тень его над нами!) дороже адамантов и золота, ибо они вразумляют нас и сулят нам вечное блаженство Дженната...

Персия не эмансипировалась еще от теократического характера государственной системы. Трудно сказать, где кончается здесь юриспруденция и где начинается теософия. Основа всякой науки – священный Аль-Коран. От него одного все доброе, светлое, готовящее к вечному блаженству. Лишь вчера отошла от этого грубого поверья наиболее передовая часть персидского общества. Но это лишь на бесподобных тегеранских шоссе, по которым катятся автомобили Форда и снуют крикливые газетчики, в гуще же все еще живо изречение халифа Омара: – «Если в книгах александрийской библиотеки есть то, чего нет в Коране, то они вредны; если же там написано то, что в Коране уже есть, – они излишни: и в том, и в другом случае их надо сжечь».

Религиозный фанатизм, слепой и невежественный, всемерно поддерживаемый духовенством, толкает в медресе тысячи, которые одним ударом могли бы изменить многое. В данное время, в связи с реформами в области народного образования, медресе упразднено, вернее, подчинено органам министерства народного образования. Однако это не больше, как формальный компромисс либералам со стороны «демократически настроенного» новатора.

Проходят годы. И с каждым годом блекнет мощь царя царей. Умирает абсолютизм. Волна европейского свободомыслия 60-тых годов катится по дряхлому Ирану. Наступает период ломки и переоценки. В главных городах открываются низшие и средние учебные заведения европейского типа. Реакция делает все возможное, чтобы не допустить в страну шиизма идей «кафаров». Но время берет свое. Персидский патриот подражательного периода, перенявший утконосую обувь парижанина, не мог не европеизировать отечественные школы. Окрыленная модернизацией интеллигенция самоуверенно берется за перевод учебников с иностранных языков. Ошибки переводчиков редко принимаются во внимание. Внутришкольная жизнь, дающая элементарные понятия по арифметике, геометрии, географии и о походах Александра Македонского, чаще всего бессодержательна. О сколько-нибудь ценной и рациональной программе не может быть и речи. Отсутствуют квалифицированные преподаватели.

В каждом городке вы встретите зеленую вывеску средней школы и позолоченную вывеску «реисе-моарифа». В них форма, внешний лоск – прежде всего. И это – все. Тем не менее организационно средняя школа была оформлена. Оставалось точнее регламентировать ее методический лик. В рутину ислама был брошен камень. Вода пришла в движение. Люди ждали. И вот в эти дни европейская и американская буржуазия открывают новую Голгофу. Мучимые жаждой подвигов, миллионы миссионеров осаждают Персию. Впереди католики из органа святого Лазаря, за ними сухопарые янки и опять французские монахини в полосатых чепцах. Можно ли было оставить на произвол судьбы эту страну с ее маковыми и рисовыми плантациями, с коврами и с предметами старины?

Одна за другой растут иностранные школы. Персидская молодежь учит английский и французский языки, читает библию и бульварно-реакционные издания с надписью «специально для Персии». С преклонением рассматривает она изображение парижского департамента полиции, под которым чья-то рука вывела: «либерте, фратерните, эгалите».

В отдельных, обведенных высокими стенами школах персидские девушки вышивают розы и якоря на сорочках и панталонах, предназначенных в приданое. Это делается под умелым ру-

ководством «мисс» и «мадам», которые с таким мастерством сплетают педагогическую деятельность с торговлей опиумом, миниатюрами и ширазскими коврами.

Миссионерские школы следует рассматривать как весьма сильное и давно себя оправдавшее орудие психического порабощения в колониальных и полуколониальных странах Востока. Богоугодно-смиренная миссионерка, опущенные ресницы которой вечно скорбят о распятом сыне божьем, и педантически чистый, ушедший в мешковатые брюки мужчина делают то, что не удается сделать дипломатическими нотами и угрозами. Евангелие, ложь и деньги прикрывают танки и кровь. Молодежь, попадающая в сети миссионеров, окончательно потеряна для страны. Школы умело и незаметно убивают в учащемся все проблески социально-политических тенденций, расхолаживают его, опутывают тенетами всяких условностей и он выходит в жизнь безвольным манекеном, исполняющим волю сагиба и готовым за любую цену продать «просвещенному» Западу свою родину. И это не единичные случаи. Взгляните на учреждения, играющие важную роль экономических регуляторов персидской жизни, пройдите в таможню, в министерство финансов, на почту, в управление дорогами – всюду вы встретите воспитанников американцев, англичан и французов. Они занимают ответственные посты и ведут страну к гибели.

Вульгарность завоевательной политики царской России вошла в поговорку. Россия долгое время проникала на Восток лишь с помощью своего бронированного кулака. Весьма характерный диалог приводит некий маститый член императорского русского географического общества в своих очерках о Персии:

– Часто ли приходится слышать колкости от персов?

– И не запомню когда. Персы не решаются затрагивать нас (русских), – скорее кто-нибудь из наших молодцов обидит их, и то сходит с рук. Намедни сторговал я на базаре молоко, и сарбаз (персидский солдат) запустил в него лапу, – значит, не знал, что мое ... Я его шарахнул.

В той же книжке уважаемый исследователь, захлебываясь, рассказывает о всемогуществе русского офицера, о молодцеватых «шарахающих» урядниках и о «глупых», «неряшливых» персах. Такие рассказы характерны для определения природы государственного аппарата царской России.

Необходимость «духовного» закабаления становится ощутимой для русских политиканов лишь накануне империалистической войны. В Урмии, в ограде русского собора основывается русская миссия. Однако, вместо персов, русские ставят ставки на айсорскую молодежь, которая, будучи затянута в семинарские мундиры и обучена Дубровинским истинам, в последующие годы своей погромнической идеологией разжигает национальный антагонизм в Северной Персии, с самого начала втянутой в орбиту русско-турецких столкновений.

Резюме:

Воспитанники западных миссий мягко и без угловатостей проводят политику своих благодетелей, а русские «семинаристы» из Урмии устраивают погромы и сжигают деревни персидских крестьян. Лицо миссионерских школ неизменно одно и то же – христианская филантропия, – но в нужную минуту эта маска спадает и появляются бесстрастные жерла пушек и громады дредноутов. Если прибавить ко всему этому отсутствие достаточно сильного руководства центра, разрозненность персидских школ, их чудовищную бессистемность и безответственную работу многих чиновников и учителей, то станет ясным, что школа в Персии была чем угодно, но не воспитывающим и не организующим фактором.

С 1921 года во многих городах Персии открываются советские школы. Наряду с детьми граждан советских колоний в них обучаются и дети персов. За короткое время своего существования советская школа в Персии завоевала неоспоримо заслуженный авторитет среди персидского общества. Наличие советской школы, в которой учится персидская интеллигенция – новый этап развития персидской национальной школы, вопрос об оздоровлении и окончательном оформлении которой поставлен особенно остро после династического переворота в Персии.

В течение последних лет министерство народного образования Персии провело целый ряд рациональных реформ, намного улучшивших состояние низшей и средней школы. Разработана относительная программа для всех школ. Особенно много сделано в области вовлечения в школы девушек. Есть, безусловно, и симптомы прогресса, и довольно большого. Иностранные школы подчинены государственному контролю. Все больше и больше развивается персидская школа.

Но все еще живет медресе. На смрадном базаре, на жаждущих света и знаний майданах, в далеких деревнях – тысячи черепов тщетно стараются постигнуть противоречивую мудрость мстительного аллаха, поклоняться которому призывают ушедшие в небо минареты...

«На рубеже Востока», Тифлис, 1929, №3, с.61-72.

Проба пера

Мусса ДУДОВ

Дудов Мусса Хамидович, родился в 1973 году в селе Учкекен, Карачаево-Черкесской Республики.

По образованию теолог-преподаватель арабского языка, закончил Черкесский Исламский институт имени Абу-Ханифы. с 1998 по 2007 годы работал председателем (имам-хатибом) мусульманской общины с. Красный Курган КЧР. В данное время работает в строительной фирме «Север-Юг», в городе Кисловодск.

* * *

Заблудиться в твоих волосах,
По причудливым прядям кочуя,
Вот и всё, что от жизни хочу я
В самых светлых и сказочных снах.

Позабыв про сомненья и страх,
Прядь за прядью, как книгу читая,
Без конца и без края мечтаю
Заблудиться в твоих волосах.

Заблудиться в твоих волосах,
Как в неведомый мир окунуться,
И дрожащей рукой прикоснуться
К тайнику на семи небесах.

Заблудиться в твоих волосах,
Утонуть как в хмельном водопаде,
Вот и всё, что от жизни мне надо
В моих самых наивных мечтах.

Заблудиться в твоих волосах,
Заплутать, как в белёсом тумане,
Всей душою, истрёпанной, манит
Заблудиться в твоих волосах.

У вселенной у всей на глазах
Эти волосы вновь воспеваю,
И желанье своё не скрываю –
Заблудиться в твоих волосах.

* * *

Давай пошепчемся о том,
Как тихо день в потемках тает,
И осень ранняя листает
Слегка потрепанный альбом.

Как незаметно за окном
Крадется ночь, почти беззвучно,
Как жизнь скучна, а жить прескучно
Покуда двое не вдвоем.

Давай пошепчемся о том,
Как утопая в дивных грёзах,
Роняет восковые слезы
Свеча, объятая огнём.

Как мерно капая дождем,
Приходит грусть, куда не звали
И как давно не согревали
Друг друга мы своим теплом.

Давай забудем о плохом,
Что может в жизни приключиться
И все печальные страницы
Навеки с памяти сотрём.

Скрижаль судьбы за томом том
Испишем белыми стихами,
И вдаль, куда не знаем сами,
Схватившись за руки, пойдем.

В своих желаньях забредём
Во все немыслимые дали,
И всё, что раньше не сказали,
Доскажем всё и допоём.

На этом свете и на том
Неразделимо будем вместе,
Ты – самой лучшею невестой,
Я – самым скромным женихом.

***

Эта ночь подарила мне песню,
В ней лишь тихая грусть вместо слов,
И вопрос, может быть неуместный –
Почему мне не дарят любовь?!

В час, когда на селенья украдкой
Опускалась холодная мгла,
Эта ночь задала мне загадку,
Но ответа, увы, не дала.

До утра я по звёздным аллеям,
Словно странник бездомный, блуждал,
Козерогам, Стрельцам, Водолеям
Всё вопросом своим досаждал.

Но, увы, озорные светила,
Улыбаясь лукаво в ответ,
За моё любопытство дарили
Лишь холодный, мерцающий свет.

***

Пусть об этом потом пожалею,
Но тебе не могу не сказать –
Я живу лишь любовью твоею, –
Разве это так трудно понять?

Окрыленный мечтою шальною,
Не могу, не хочу я скрывать,
Что дышу лишь тобою одною, –
Разве это так трудно понять?

И в твои затворённые двери
Не устану стучать и стучать,
Ни в какие разлуки не веря, –
Разве это так трудно понять?

***

Казалось голос сентября
Шептал сквозь блёклый листопад:
– Я целый век искал твой взгляд,
Я сотни лет любил тебя.

Сто раз рассвет сменял закат,
И было так сто тысяч лет,
А я искал, искал твой взгляд,
Как вдохновения поэт.

Я словно сорванным листом,
Кружась в грядущем и былом,
Сквозь тьму веков, за часом час,
Летел на свет любимых глаз.

***

В плену волшебных сновидений,
Витая в грезах золотых,
Две тени стали на мгновенье
Одною тенью на двоих.

И посреди немой печали,
Когда весь мир в тоске затих,
Две пары губ всю ночь шептали
Одну поэму на двоих.

Как мало нужно им для счастья,
Храня тепло сердец своих,
Любить и верить ежечасно,
Что мир был создан для двоих.

Мария БУНОВА

Бунова Марина Юрьевна. 29 лет. Стихи начала писать в детстве. Писала для себя, нигде не печаталась. Музой-вдохновительницей всегда была и есть сама жизнь со всеми ее радостями и трудностями. И, конечно же, семья – любимый муж и дети. В них весь смысл моего существования.

Серый дождь, белый снег.
Ты, чудак-человек.
Твой покой – мир земной,
Твой ночлег – мрачный век!

Ты не зол, не сердит,
Пережил сто обид,
Но любил, но страдал,
И искал... Что искал?!

Брел во тьме наугад,
Говорил невпопад,
Верил снам, жил мечтой
Лишь о ней об одной.

Что с того, что любил
Для нее все творил,
За нее жизнь отдал...
Что с того, что пропал?!

Серый дождь, белый снег.
Вот чудак-человек.
Вот он был и уж нет...
Не померк белый свет .

Не заметил никто
Тишины, пустоты,
Лишь остались холсты,
И стихи, и мечты .

Все о ней об одной...
Только дождь за стеной
Знает все. Меркнет свет .
Спи спокойно, поэт.

* * *

Бьется в тесной клетке птичка,
Щебетает невпопад,
Плачет птичка-невеличка,
Не вернется все назад!

Истрепала птичка перья,
Голосок совсем пропал,
Смотрит, – верит и не верит,
Жизни кончился запал.

Там, на воле, в небе синем
Были счастливы вдвоем.
Небо синее бессильно,
Клетка – вот теперь твой дом.

Привыкай, живи как знаешь,
Забывай про синеву,...
Но мечтай! Когда мечтаешь,
Все как-будто наяву!

И тогда совсем не важно,
Что закрыта клетки дверь.
Все сбывается однажды,
Ты лишь очень сильно верь!

* * *

Дождливым серебром раскрашен небосвод
И в лужах облаков земное отраженье.
Но вечер наступил, горит закат, и вот
Приходят в мир людей ночные сновиденья.

С немыслимых высот, из поднебесной тьмы
Срываясь камнем вниз летят на наши крыши.
Сквозь потолки домов стремятся к нам, но мы...
Мы не видим их и , голос их не слышим.

Они поют в ночи нам серенады звезд
И дарят нам во снах невидимые крылья,
Чтобы хотя бы в них мы ночи напролет
С любимыми своими, как ангелы, парили.

Чтоб видели миры, в которых вновь и вновь
Любили мы, паря в сиянье звездной пыли.
Нужны нам сны, чтоб в них жила наша любовь
Чтоб с ними в жизни мы чуть-чуть счастливей были.

События. Юбилеи. Презентации

Памяти Чингиза Айтматова

12 декабря 2008 года исполнилось 80 лет со дня рождения Чингиза Айтматова

В Киргизии 2008 год был объявлен годом Чингиза Айтматова. Были проведены многочисленные мероприятия на всех уровнях: от личностного до государственного. Одним из знаменательных мероприятий стали проведенные в Киргизском государственном аграрном университете им. Скрябина 12 ноября 2008 года «Айтматовские чтения». 12 декабря 2008 года в Российском центре науки и культуры при Посольстве РФ в РК (Астана) прошел вечер памяти Чингиза Айтматова. 12 февраля 2008 года в Российском университете дружбы народов прошло аналогичное мероприятие с участием близких друзей Чингиза Торекуловича, ученых, преподавателей, студентов.

Все эти и многие другие мероприятия, которые проходили в честь 80-летия всемирно известного писателя, попытка нас – живущих не потерять связь поколений.

Чингиз Айтматов: «С годами приходится убеждаться – неукоснительная для всего сущего на свете формула бытия – все течет, все изменяется – действенна и по отношению к тем, чьи имена остались жить в памяти потомков. И для них время течет, разумеется, отраженно – в нашем сознании, и для них история продолжается.

Я говорю это в том смысле, что фактор времени обладает одним поразительным свойством, подчас нелицеприятным, но всегда неизменным и в высшей степени обязательным – ставить все на свои места, вносить коррективы в минувшую историю, в предания, в иногда модные увлечения, в официальные и частные мнения, оценки, касающиеся тех или иных событий.

Особенно в литературе, в искусстве, в судьбах писателей и произведений эта закономерность времени выступает со всей неизбежной последовательностью и строгостью. Ибо суд потомков включает в себя новую ступень духовного опыта поколений, потребность новых критериев и оценок, необходимых для осмысления новых проблем развития. Сила эта и есть та историческая объективность, которую в обыденной жизни мы называем справедливостью.

Отсюда проистекают иной раз те неожиданности, когда то, что казалось горой, некоторое время спустя, может оказаться равниной. И эту горькую истину приходится понимать. Случается, наоборот, потомки вдруг совершают открытие – открывают для себя ранее не признанный не замеченный или не понятый при жизни крупный оригинальный талант. Да, и такое бывает, редко, но бывает. Чаще безжалостное время вносит иные поправки – некогда вознесенная, восхваленная, вознесенная всеми почестями величина начинает сжиматься как шар, из которого постепенно убывает воздух...» («Слово об Ауэзове», 1978).

Все вышесказанное о великом казахском писателе читается теперь, когда с нами нет Чингиза Айтматова, как мысли-размышления автора статьи и о себе самом, о своем творческом пути. Осмысление нами – читателями творческого пути писателя шло разными путями. Не всегда, но не редко высказывались разные мнения относительно творческой деятельности писателя. И он знал о них, но, не всегда соглашаясь, не навязывал своего мнения «в отместку».

В свое время выдворение писателей и художников из государства советского было не таким уж и редким делом, собственно, также как и сохранение в том государстве тех, которых Т. Толстая назвала «имперскими писателями» (в том числе Чингиза Айтматова). По справедливому определению Т. Толстой: «"Имперские писатели" – это "не те, что выражали сам дух империи, а, напротив, **те, кто работал на стыке сопротивления и подчинения: сопротивления идеологии, подчинения языку**"».

А. Адамович, написавший поздравительную статью в Литературной газете (в №50 (5220) от 14.12.1988) к 60 –летию Чингиза Айтматова, ссылался на слова С. Залыгина, который сказал об Айтматове: «...писать после Сталина правду не так уж трудно, но трудно по-прежнему, всегда трудно говорить всю правду до "головешечки". Брать, выхватывать ее из костра голыми руками...

Удается ли это: всю правду, именно всю! – Чингизу Айтматову? Всегда ли удавалось?

В главных вещах и в главном – да. Что не напрямую, то через притчу, через миф, но именно стремление выхватить из раскаленной реальности самую-самую головешечку».

В годы сталинщины проходил свои университеты и Чингиз Торекулович Айтматов. В последний визит в Российский университет дружбы народов Чингиз Торекулович поделился со студентами историей прощания со своим Отцом – слушателем Института красной профессуры в Москве, расстрелянного в 1937 году.

В праздничный для каждой семьи день – 1 сентября 1936 года Торекул Айтматов на Казанском вокзале бежал за поездом, в котором украдкой уезжала его семья на родину, и старший сын Чингиз – школьник. Беспокойству отца были причины. Он уже знал свое будущее. Потому отправлял семью далеко, вглубь страны, как можно дальше. В посвящении к «Материнскому полю» его сын писал: «Отец, я не знаю, где ты похоронен. Посвящаю тебе, Торекулу Айтматову. Мама, ты вырастила нас четверых, посвящаю тебе, Нагиме Айтматовой». И только в 1994 году Айтматову – сыну удалось найти останки своего Отца, а теперь и Отец и Сын покоятся на «Ата-Бейит» вблизи Бишкека.

«Людям не достает власти, но тоталитарное государство имеет власть для того, чтобы насильно подчинить контролю морали – их особой морали – произведение интеллекта, и в первую очередь, искусство и поэзию. В таком случае, как нам показал режим Гитлера и Сталина, творческие силы становятся ответственными перед государством и послушным Государству; художник и писатель имеет главное моральное обязательство перед политикой; равным образом они должны приспособиться к эстетическим принципам, как их формирует Государство, выдающее себя за выразителя и защитника интересов народа. Государство уже не изгоняет Гомера, как наивно декретировал Платон. Оно пробует приручить его» (Маритен, 1991).

Но приручило ли оно Айтматова? Государство не видело в нем угрозы или опасности из-за их молчаливого согласия сидеть рядом и «заседать в Президиумах», из-за того, что «не брезгуют государственными занятиями наверху»? Прямые обвинения и сетования уважаемых и известных людей восприняли бы по-другому, когда б, если писали они и о том, какая миссия у национального писателя, пишущего на языке государствообразующем. И первая, и главная из них та, которую обозначил Ф.М. Достоевский в письме от 14 декабря 1856 года другу Ч. Валиханову – пишет: «Всего лучше б, если вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте, вашем возрасте там и т.д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а вы, конечно, знали бы что писать. ... **Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине, просвященным ходатайством за нее у русских.** Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам душу и сердце. Нельзя, нельзя от-

ставать. ...Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе вашей, мой дорогой Валихан. Я так вас люблю, что мечтал о вас и о судьбе вашей по целым дням».

За Чингизом Айтматовым стояла его маленькая относительно территорий России и всего Союза Киргизия, его народ с родиной Шекером и великим «Манасом».

По утверждению Ф. Томпсена: «Дъявол может делать много вещей. Но дьявол не может творить поэзию. Он может испортить поэта, но он не может создать поэта. Среди всех козней, которые он строил для искушения святого Антония, дьявол, по свидетельству святого, нередко выл, но никогда не было слышно, чтобы он пел».

Айтматов пел песни грустные, в его произведениях мало юмора. «Не соглашаясь – примиряться» – определение, данное Буранному Едигею Г. Гачевым, во всей полноте применимо к самому создателю «Буранного полустанка», который в полной мере изведал боль безотцовства, боль, которую чувствует сын «врага народа», мечтавшем в детстве стать разведчиком, поймать шпиона и погибнуть, чтобы доказать таким образом невиновность своего отца перед Советской властью.

Чингиз Айтматов оставался верен себе в своих творческих изысканиях. «Буранный полустанок» и «Плаха» писались Айтматовым, не в пастернаковские времена, когда «литература задыхалась во лжи», но «когда стало легче говорить правду», но много ли их, говоривших правду «до самой головешечки»?

Если анализировать все творчество писателя в хронологическом порядке и даже с большим пристрастием, не увидит исследователь того, что писатель терял веру в силу собственного мнения. Он не пел с общего голоса, и не жил чужими, навязанными ему представлениями.

Алесь Адамович в той же статье писал: «Дар писательский от природы. Гражданином стать – надо иметь характер. Гражданские чувства, распространенные не только на свой народ, на судьбы страны, но и всего человечества, - к этому Айтматов шел через всю жизнь, по ступеням своих знаменитых повестей, романов...».

О том, что Айтматов в своих произведениях в совершенстве владеет искусством отражения правды жизни во всей полноте и сложности, противоречиях и тайнах, писали многие исследователи как в бывшем Союзе, так и во всем мире (только известных нам - более 150 диссертаций было защищено до 2000 года), в том числе и американский литературовед С. Соучек.

Другие американские критики и перевочики Г. Смит, Л. Грулев, М. Гинзбург, равно как и английские: Р. Хинли, В. Уэбб, Д. Браун, Т. И Дж. Фейферы противопоставляют творчество Айтматова основной направленности развития советской литературы, выводя ее за пределы социалистического реализма.

Взгляды зарубежных критиков (М. Гинсбург, Р. Хинли, Л. Грулев и др.), писавших о догматизме социальной и политической ангажированности советской литературы сходятся в том, что талантливые писатели, в том числе Чингиз Айтматов, руководствуются в своем творчестве субъективными симпатиями и антипатиями.

Много высказываний в печати и кулуарах было по поводу «правды» Айтматова. Суть их сводилась и к недоумению: что ему заранее разрешают на запретные темы писать? Не дожидаясь, когда начнут все, поняв истину, писал сам. И были открытия, как вспышка, как озарения, было все, что заставляло читателя держать спину прямой, жить осознанно и достойно. Были, очевидно, и неудачи, но как верно заметила А. Латынина: «Неудачи – привилегия больших писателей. У плохих удач не бывает». Л. Беляева: «Айтматов останется от нашего века». Г. Гачев: «Айтматов – не Томас Манн и не Булгаков. Он не пишет стилизацию, у него другие задачи. Гибкое следование языка за художественно философской мыслью. Чингиз Айтматов – писатель Евразии, его Киргизия – мировой перекресток народов и культурных влияний. Народ – горцы, народ – кочевник, народ – земледелец сходятся тут. ...Все традиции сказываются в Айтматове. Не только для читателя, но и для историка мировой кульутры твочрество Айтматова – любопытный универсальный духовный феномен». Но были и те, которые уличали писателя в «псевдоглубокомыслии и псевдопоисках» (В.Войнович, 1983 «О литературе разрешенной и неразрешенной»; В. Тучков – интернет-статья).

Пожалуй, точнее других о писательском кредо Айтматова удалось сказать Алесю Адамовичу: **«Не из тех, что жили и писали в позе “чего изволите”.** Много пришлось преодолевать, чтобы завоевать право говорить ту правду, которая неудержимым потоком катит по эпическим руслам – романам Айтматова».

Мировая известность писателя Айтматова началась с повести «Джамиля», написанном, как на родном, так и на русском языке началась. В 1959 году цивилизованная Европа в лице французского критика Луи Арагона, переведя с русского языка «Джамилю», отметила силу, мощь и молодость художественных образов, созданных молодым киргизским писателем: «И вот здесь, в этом горделивом

Париже, Париже Вийона, Гюго и Бодлера, Париже королей и революций, многовековом Париже художников, где каждый камень – напоминание о какой либо истории или легенде, в городе, где было столько любящих, что, если задумаешь их назвать, получится, как в песенке: «Не знаю я, с чего начать ...», в этом Париже, который все перевидал, все перечитал, все испытал, для меня вдруг не стало ни «Вертера», ни «Береники», ни «Антония и Клеопатры», ни «Манон Леско», ни «Воспитания чувств», ни «Доминики» - все потому, что я прочел «Джамилю», не стало для меня и Ромео и Джульетты, Паоло и Франчески, Эрнани и доньи Соль ... ибо летом третьего года войны, августовской ночью 1943 года, где-то в долине реки Куркуреу я встретил Данияра и Джамилю с их груженными зерном бричками и мальчика Сеита, который рассказывает историю этих молодых людей».

И Чингиз Торекулович понимал, какую роль сыграл русский язык в его жизни, его народа, всех народов, населявших шестую часть суши, до конца жизни был благодарен и не уставал говорить об этом: «...хочу сказать о роли русского языка, ставшего посредником, языком-мостом, соединившим впервые в истории художественные берега народов, незадолго до этого не знавших даже о существовании друг друга, значительно отстоявших друг от друга по степени цивилизации, по культурному и социальному опыту, придерживавшихся самых различных обычаев и традиций, говорящих на непонятных друг другу языках». ...Ресурсы русского языка неисчерпаемы. Когда я пишу по-русски, то чувствую (хотя почти невозможно «сформулировать» это чувство), что выражаю себя совершенно особым и неповторимым образом» (1982).

«Родной язык! Сколько об этом сказано! А чудо родной речи необъяснимо. Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией, рожденной опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многомерностью и многозначностью языка предков. Детство – не только славная пора, детство – ядро будущей человеческой личности. Именно в детстве закладывается подлинное знание родной речи, именно тогда возникает ощущение причастности своей к окружающим людям, к окружающей природе, к определенной культуре. ...Должен сказать, по крайней мере, исходя из собственного опыта, что в детстве человек может органически усвоить два параллельно пришедших к нему языка, а может быть, и больше, если эти языки были равнодействующими с первых лет. **Для меня русский не в меньшей степени родной, чем киргизский, родной с детства, родной на всю жизнь**» (1978).

Человек живет не только в абсолютном времени, но и в относительном: в веках, благодаря той «исторической объективности», о которой говорит Айтматов. Безусловно, время все расставляет на свои места, невзирая на «модные увлечения», веления цензоров литературы или времени, «официальные и частные мнения, оценки, касающиеся тех или иных личностей».

Но очевиден факт феноменального явления, которое стоит за именем Чингиз Айтматов – непостижимый дар – выражать в своем творчестве общечеловеческое и выразить при этом себя и свое время, не обыденное, а то, которое открывается художнику Айтматову. В этом и заключается функция творческой личности в историческом процессе.

Один из самых известных исследователей творческой деятельности писателя Г.Д. Гачев так определяет его писательский труд: «**Творчество Чингиза Айтматова становится фактом не только киргизской, не только общесоветской, но и русской литературы. Ибо им влиты в русскую литературную традицию такие сюжеты, мифологемы, образы которых русский по происхождению писатель и на материале русской жизни создать не может**; но русский литературный процесс (как еще и сход и сток ныне многих разных русел русскоязычных литератур национальных республик) без них становится немыслимым».

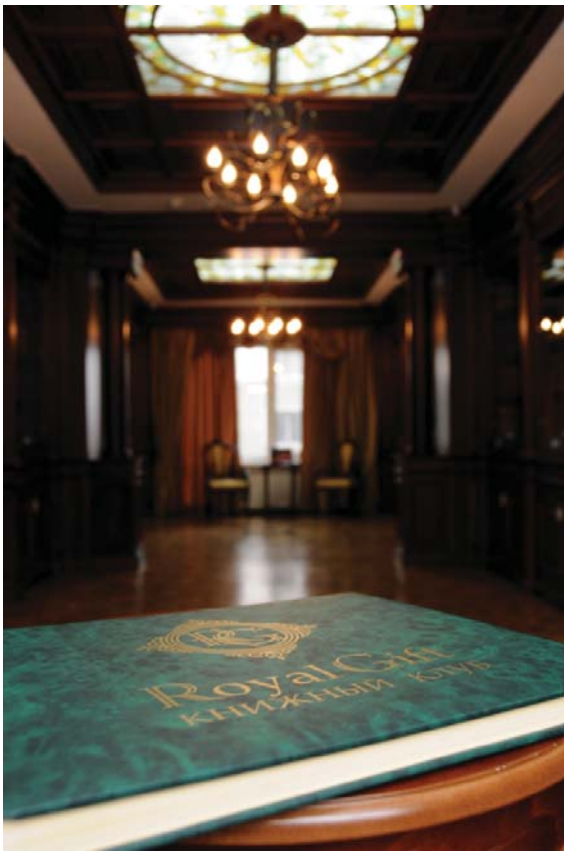
Мы соглашаемся и с этим тезисом Г.Д. Гачева **« ...айтматовская художественная система и стилистика направлены скорее в сторону пурификации и тем, скорее, служат русскому литературному языку**. Тот нейтральный, прозрачный «классицистический» стиль повествования, который мы отмечали у Айтматова, – есть **особый стиль и интонация уже в русском литературном языке, а из истории русской художественной литературы уже неизъемлемы образы и сюжеты Джамили, Дюйшена, Гульсары, Белого парохода, Ранних журавле**й и т.д.».

Цель данной статьи вспомнить Чингиза Торекуловича Айтматова, и по возможности, представить взгляды других людей. Отсюда, опора непосредственно на их мнения.

И еще: не верно выражение «когда с нами нет Чингиза Айтматова...». Он всегда с нами, пока мы есть, стоит только протянуть руку к его книгам.

Улданай Максутовна Бахтикиреева,
д. ф. н., профессор (РУДН, Москва).

Книжный клуб «Royal Gift»



О сегодняшнем Казахстане можно много и долго говорить, но только на примере столицы г. Астана – «своеобразном символе устойчивого развития, живом организме, включенном в естественную среду» (Г. Шалахметов), уже становится понятным, что казахстанские Лувры и Монмартры становятся на крыло. Памятник жертвам политических репрессий советского времени и Байтерек в центре Астаны, Лента Мебиуса в городском сквере и Набережная Ишима, мечеть и церковь, синагога и костел, строящиеся Дворец Мира и Согласия и будущий спортивный стадион...

25 декабря 2007 года в стремительно развивающейся Астане открылся Книжный клуб «**Royal Gift**».

Клуб является закрытым объединением книголюбов, осуществляющим свою деятельность в области культуры.

Основными идеями создания книжного клуба:

- пропаганда искусства книги; содействие объединению усилий и координации деятельности книголюбов, направленной на развитие национальной культуры;
- содействие утверждению общечеловеческих ценностей, созданию единого духовного пространства;
- утверждение духовного приоритета как основы мировой культуры;
- содействие улучшению качества книгоиздания, книгораспространения, библиотечного дела.

Деятельность Книжного клуба «RG» включает в себя:

- популяризация книжного искусства;
- обеспечение членов клуба интересными и полезными книгами самого высокого полиграфического качества из серии: русская и мировая классика, приключения и детективы, «женские» и любовные романы, художественные и документальные исторические произведения, энциклопедии и справочники, альбомы по искусству и красочные детские книги;
- разработка предложений по созданию домашних библиотек;
- развитие библиофильских традиции и организация общения библиофилов;
- организация и проведение творческих встреч с писателями и поэтами Республики Казахстан, ближнего и дальнего зарубежья;

- проведение вечеров классической музыки;
- содействие повышению читательского интереса к книге;
- развитие любви к чтению у детей (детский зал);
- всемерное удовлетворение духовных запросов и интересов членов клуба, формирование хорошего читательского вкуса;
- участие в различных книжных выставках;
- сотрудничество с творческими союзами и организациями литераторов, книгоиздателей и книгораспространителей.

Книги книжного Клуба «Royal Gift» – это выбор успешных состоявшихся людей, тонких знатоков и взыскательных ценителей произведений печатного искусства.

Кто бы вы ни были: книжный сомелье, любитель роскоши или корпоративный клиент, – в Клубе для каждого найдется что-нибудь по душе.

Все книги Клуба – это шедевры переплетного искусства, которые передаются от отца к сыну, доходят до внуков и хранятся в семье как настоящие реликвии.

В клубе проводятся творческие вечера с писателями и поэтами Республики Казахстан, ближнего и дальнего зарубежья, вместе с тем и вечера классической музыки.

16 апреля 2008 г состоялась встреча с **Сабитом Аймухановичем Досановым.** С. Досанов – известный казахстанский писатель, лауреат Международной премии им. М. Шолохова, заслуженный деятель Республики Казахстан, академик Российской Академии педагогических и социальных наук, академик Академии Российской литературы, профессор.

В истории казахской литературы С. Досанов – второй писатель после Сабита Муканова, пишущего во всех жанрах литературы. Перу автора принадлежат несколько десятков художественных произведений, среди которых широко известные романы «Двадцатый век», «Горная дорога», «Вторая жизнь», а также книги документальной и художественной прозы: «Судьба страждущей земли», (1978), «Весна 1985-го» (1989), «Не заблуждайтесь, Люди!» и «Кимберлит с ароматом полыни» (1999), «Тотем под чадрой» (2002), «Тензор степного кургана» (2002), «Ремарки на алтаре» (2004), «Великие уходят, чтобы остаться» (2006; сборник стихов « аза ым-ау, айда кеттіп барасы ?...» («Куда вы идете, мои казахи ?...»), (1994); монографии «Свежие следы» (1976), «Кладезь» (1987), «Не гаси сердца огонь» (1989).

11 декабря 2008 года состоялся творческий вечер известного русскоязычного поэта, переводчика с русского на казахский, сценариста, режиссера **Бахыта Гафуовича Каирбекова.** Бахыт

Каирбеков окончил Литературный институт им. А.М.Горького в 1975 г. и Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР в 1989 г.

Б. Каирбеков – автор сценариев документальных фильмов и 6 сборников стихов, изданных в 2 томах, автор-режиссер 25 документальных фильмов. Участник международных кинофестивалей в Тегеране (Иран), Дьере (Венгрия), Штутгарте (Германия) и др.

В переводе Бахыта Каирбекова увидели свет произведения казахских поэтов и прозаиков: Шакарима Кудайбердыулы, Койшыгара Салгарина, Асана Кайгы, Бухара-жырау, Г. Каирбекова, С. Муратбекова, А. Сейдимбекова и других.

Дипломант 1-го Международного телефорума «Содружество стран СНГ» в Москве.

Триптих «Полнолуние» и фильм «Сундет» в 1999 г. отмечены призом открытого форума российского телевидения «Лазурная звезда» (г. Сочи). Фильм «Кызыл трактор» получил в 2002 г. специальный приз V Евразийского телефорума «За вклад в образование единого культурно-образовательного пространства» (г. Москва).

Его студия «Гафу» носит имя известного казахского поэта Гафу Каирбекова, которого по праву называют народным.

В начале встречи в «RG» зрителям продемонстрировали серии документального кинопроекта Бахыта Каирбекова «Девятая территория мира». Этот многосерийный проект стартовал в 2004 году в рамках «Большой казахстанской экспедиции». Благодаря спонсорской помощи компании «КазТрансОйл» съемочная группа побывала в нескольких регионах Казахстана. На данный момент снято уже 30 серий.

Ведущая творческого вечера доктор филологических наук, профессор РУДН Улданай М. Бахтикиреева.

У. Бахтикиреева инициатор и организатор творческой встречи с Бахытом Каирбековым в Российском университете дружбы народов, которая состоялась 2 ноября 2008г. в Москве, в рамках Международной научно-методической конференции «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы». Данная встреча вызвала широкий резонанс и в продолжение уже на казахстанской земле состоялась презентация новых серий «9 территория мира».

У. Бахтикиреева: «Позитивно пополняя культурное наследие Казахстана, Бахыт Каирбеков вносит свой вклад в духовное развитие, как соплеменников, живущих за пределами так и соотечественников – народов Казахстана, для которых 9-ая территория мира стала Родиной. «9 территория мира» – это культурологический, а не только страноведческий материал о Казахстане. И опять – не только: историку и этнографу, востоковеду и казаховеду, лингвисту и литературоведу, философу и палеографу, знатоку культуры, и просто гражданину есть, что сказать после просмотра и осмысления фильмов Бахыта Каирбекова, прекрасное дарование и профессиональную компетентность которого можно оценить по степени воздействия на наши чувства – чувства зрителей».

В творческом вечере приняли участие творческие личности и ученые из Казахстана и России.

4 февраля 2009 г. состоялась встреча с **Фаризой Унгарсыновой** выдающейся поэтессой, лауреата Государственной премии. Писательский талант поэтесса в себе открыла в возрасте двенадцати лет, не подозревая о том, что строки ее произведений станут известными на весь мир. Стихотворения Фаризы Онгарсыновой отличаются разной тематикой и глубинным смыслом.

24 февраля 2009 г. состоялась **презентация фотоальбома Б. Каирбекова и Н. Постникова** «Внутренним взором фотографа и поэта».

13 марта 2009г. в книжном клубе «Royal gift» состоялся творческий вечер, посвященный Всемирному дню поэзии.

В проведении вечера был задействован молодежный **литературный клуб «Пегас».**

«Пегас» существует пять лет на базе филологического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

В теплой и дружеской атмосфере ребята-пегасовцы читали стихи классиков, а также собственного сочинения. Активное участие в чтении любимых стихотворений приняли гости, приглашенные на данный поэтический вечер.

Незабываемое впечатление произвело исполнение романсов.

31 марта 2009 года состоялась творческая встреча с **Гадильбеком Минажевичем Шалахметовым.** Г.М. Шалахметов – Депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

Автор книги «Мир приносит счастье», Москва, 2000 г., «Принцип пирамиды», Москва, 2005 г.

Основатель Межгосударственной телерадиокомпании «Мир».

Лауреат Премии Ленинского комсомола за сценарий телефильм. «Испытание» (1978 г). Фильм в том же году награжден премией Международного фестиваля кинодокументалистики в г. Лейпциге.

Лауреат премии Союза журналистов СССР за оригинальную творческую разработку цикла телепередач «Операция Ритм»

Председатель Гостелерадио Казахской ССР, депутат Верховного Совета Казахской ССР 12-го созыва.

Пресс-секретарь Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева.

Член двусторонней США – СНГ Комиссии по политике телевидения (Картер-центр при Университете Эмори Атланта, Джорджия).

Заместитель председателя Межгосударственной федерации союзов журналистов (г. Москва).

Академик Всемирного Клуба народов планеты.

Академик Российской Академии естественных наук (РАЕН).

Президент АО НК «Казахское информационное агентство (Казинформ)».

Член Комитета по социально-культурному развитию.

Член депутатской фракции Народно-демократической партии «НУР ОТАН».

14 мая 2009 г. в книжном клубе состоялась **презентация монографии У.М. Бахтикиреевой** «Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения)».

В книжном клубе проводятся мероприятия и для детей членов клуба, так в декабре 2008 г. был проведен мастер-класс по русскому языку зав. Кафедрой русского языка и литературы ИИЯ РУДН – Синячкина Владимира Павловича.

В ближайшее время состоится презентация сборников стихотворений **Толегена Мухамеджанова**, который печатается под псевдонимом Жан Луна.

В июне планируется проведение презентации нового фотоальбома **Б. Каирбекова и Н. Постникова** «Мангыстау».

Планируется проведение творческих встреч с **О. О. Сулейменовым**, на сентябрь месяц запланирована встреча с **М. Ауэзовым и А. Кимом** – презентация нового перевода «Путь Абая».

В перспективе запланирована встреча с поэтом **Е.Ш. Шаймерденовым** – председателем Комитета по языкам Министерства культуры и информации РК.

Книжный клуб «**Royal Gift**» всегда рад гостям – ценителям литературы, искусства.

Наш адрес:
Республика Казахстан, 010000, Астана, ул. Отырар 4/2 офис 2.
Тел 7172 940-400 940-240

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

16 декабря 2008 года прошел знаменательный юбилей в жизни талантливого ученого, известного русиста, как в Казахстане, так и далеко за его пределами доктора филологических наук, профессора Нурсулу Жамалбековны Шаймерденовой – выпускницы КазГУ им. С.М. Кирова, и очной аспирантуры при кафедре общего языкознания МГПИ им. В.И. Ленина («Глоссы в памятниках русской письменности как источник для исторической лексикологии и лексикографии». Научный руководитель – проф. С.Г. Капралова. Специальность 10.02.01 – *русский язык*).

Докторскую диссертацию «Экспликация семантики языковых единиц и лексикографические дефиниции» по специальностям 10.02.01, 10.02.20 (научный консультант – проф. Э.Д. Сулейменова) Н.Ж. Шаймерденова защитила в КазНУ им. аль-Фараби (Алматы), где в течение 23 лет работала на кафедре общего языкознания, дойдя от ассистента до профессора. В разные годы она совмещала с основной работой должности ученого секретаря и члена диссертационного совета по защите докторских диссертаций; ученого секретаря Ученого совета университета.

С 2004 по 2007 гг. – руководитель Центром изучения новых независимых государств Института геополитических исследований и международных отношений при Казахстанско-Российском университете (г. Астана); независимый эксперт и ученый секретарь экспертного совета по «Филологии и искусствоведению» Комитета по надзору и аттестации в сфере образования и науки Министерства образования и науки РК.

С 2007 г. – директор Центра гуманитарных исследований КМИ «Парасат» (г. Астана).

Н.Ж. Шаймерденова – вице-президент Алматинской Ассоциации антиковедов Казахстана, член КазПРЯЛ, член международного проекта INTAS New language identity in transforming societies: Kazakhstan, Kyrgistan, Tajikistan and Uzbekistan (INTAS ref. Nr. 04-79-7292), руководитель творческого коллектива по созданию учебных программ по русскому языку для общеобразовательных школ Республики Казахстан.

В сферу ее научных интересов входят проблемы исторической лексикологии, источниковедения и этнолингвистики, славистики, языковых контактов, проблемы теории языка, русской исторической лексикологии. Н.Ж. Шаймерденовой в научный оборот введен большой корпус источников с глоссовым материалом, воссоздана картина состояния и развития словарного состава русского языка в различные периоды его функционирования.

Автор 3 монографий, 4 словарей, учебного пособия для магистрантов, учебника русского языка для школ с казахским, уйгурским и узбекским языками обучения, более 100 научных статей, тезисов докладов в Казахстане, в России, и за рубежом. Под ее руководством защищено 20 кандидатских диссертаций, 2 докторских, является научным консультантом 4-х докторских диссертаций.

Вся профессиональная и творческая деятельность неутомимого организатора международных конференций, семинаров, конгрессов, круглых столов – Нурсулу Жамалбековны направлена на преданное служение выбранному делу – русистике. Все грани деятельности человека созидающего, объединенные в одной личности, дороги всем нам – ее коллегам, ученикам, друзьям, с гордостью и искренней радостью воспринявшим весть о награждении профессора Н.Ж. Шаймерденовой (Указ президента РФ В.В. Путина) государственной наградой Российской Федерации - медалью А.С. Пушкина в 2007 году.

С удивительной солнечной улыбкой, скорая на помощь каждому, не устающая делиться знаниями с коллегами и учениками, профессор Шаймерденова – личность скромная, и потому особенно приятно поздравить ее со страниц литературно-художественного и научно-публицистического журнала «Мегалог».

От имени коллег и друзей из России, государств СНГ и Балтии

Нурсулу Жамалбековну всегда ждут в Российском центре науки и культуры при Посольстве РФ в Казахстане (Астане). После проведения Круглого стола, посвященного Дням славянской письменности в РК. Май, 2007.

Центр гуманитарных исследований Казахстанского многопрофильного института «Парасат» создан 2 февраля 2007 года при учебно-научно-производственном комплексе «Казахстанский многопрофильный институт «Парасат». Основные направления деятельности Центра: организация и проведение встреч с известными учеными Казахстана и зарубежья; создание базы данных по тюркско-славянской лингвистической контактологии; проведение международных конференций, научно-теоретических семинаров, круглых столов, тренингов по социально-гуманитарному направлению; изучение функционирования мировых языков и языков СНГ в Казахстане и т.д. ***Директор – д.филол.н., проф. Н.Ж. Шаймерденова.***

Учебно-научно-производственный комплекс
«Казахстанский многопрофильный институт «Парасат»

Казахстанский многопрофильный институт «Парасат» основан путем объединения четырех вузов и колледжей; прошел государственную аттестацию Министерства образования и науки РК (Государственная лицензия № 0026245).

Рецензии. Статьи. Эссе

Жанна ТОЛЫСБАЕВА

Толысбаева Жанна Женисовна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языковых дисциплин Каспийского государственного университета технологии и инжиниринга имени Ш.Есенова (Казахстан, г.Актау).

В научных кругах Казахстана и за его пределами Толысбаева Ж.Ж. известна как ли-тературный критик, специализирующийся на реалиях современного литературного процесса. Печатается в отечественных журналах общественно-политического и художественно-публицистического направления («Простор», «Евразия», «Нива», «Аманат», «Сибирские ог-ни»). Ведет большую просветительскую работу, пропагандируя труды современных рос-сийских и зарубежных авторов, исследуя культурные явления, литературу современного Ка-захстана и мирового сообщества. Член Международного клуба Абай, член редакционной коллегии республиканского художественно-публицистического журнала «Аманат».

О литературе как диагнозе абсолютного земного неблагополучия и одном пути её перепрочтения

Мне захотелось поделиться с Вами, уважаемые авторы и читатели журнала «Мегалог»! Прочитав эссе Джамбулата Кошубаева «М.Ю.Лермонтов: опыт прочтения» («Мегалог», № 1, 2008), до конца осознала, как же необходим всем нам этот непростой мега-диалог. Ведь так радостно узнавать в далеком собеседнике единомышленника... А поводом для вступления в мегалог стало замечание-сентенция Д. Кошубаева о том, что Лермонтов и Микеланджело сближены родством. Каким?

«...они извлекли одни и те же звуки одиночества,
страдания и ***непомерной, в человеческом измерении, любви****...»*
Д. Кошубаев [1, С.250]

Что такое литература? Что представляет собой феномен писателя (драматурга, поэта – все равно)? Какова онтология писательского труда? Наверное, человек, причастный к чтению художественной литературы, когда-нибудь да задавал себе подобный вопрос. Признаюсь, меня этот вопрос начал волновать сравнительно недавно. Будучи студенткой, я даже и не задумывалась над содержанием учебников «самих» Абрамовича-Тимофеева-Гуляева (!). Просто заучивала наизусть определения литературы, родов и жанров, равно как и факты биографии писателей, хронологию написания произведений. Так же выходила на занятия к студентам и твердила, что литература – это «отражение и пересоздание реальной действительности художественными средствами», писатель – это уникальная творческая личность, которая как никто другой чувствует время со всеми болями и проблемами; а свое назначение писатель видит в пересоздании окружающей реальности

и таким образом приближает себя к роли Демиурга. Кандидатскую и докторскую диссертации писала, по большому счету, исходя из тех же приоритетов...

Но, занимаясь изо дня в день изучением истории русской литературы, сначала исподволь я стала обращать внимание (свое, затем студентов) на очень высокий порог авторского неудовлетворения, присутствующий в русской литературе. А вскоре стала сознательно искать другой системы координат, в которую бы вписалась ***моя*** история русской литературы.

Теперь я понимаю, что изучать эти произведения традиционно, т.е. с целью формирования прагматической системы знаний об истории русской литературы, соотнесения с доминантой идеологии или эстетики, насаждения априорных истин (типа «И один в поле воин, если он Чацкий», «Положительный герой в романе....»), – по меньшей мере, невежественно! Потому как идеальность каждого из положительно хрестоматийных героев более чем спорна. Ибо знания не могут появиться там, где есть одни неразрешенные вопросы. Ибо вся мировая, а с ней и русская литература – это диагноз человеческого неблагополучия, а писатель – это тот, кто трагически обречен чувствовать реальность Абсолюта – но *не может!* выразить и сотой доли того, о чем он прозревает на тончайшем духовном уровне.

Попробую обосновать свое иновидение литературного творчества, что называется, «от обратного». Как изучается литература в школе и вузе на сегодняшний день? Методов много, но все они рассчитаны на прочтение земной судьбы и такого же *выразимого* творчества автора. Чем оборачивается русская литература, если её вычитать через «горизонтали» биографии писателя, истории литературных жанров, методов?

Из биографии каждой творческой личности столетний научно-педагогический ум смог выжать нечто такое, что, с его точки зрения, стало бы назидательным и созидательным для новых поколений читателей. Но полезность подобных изучения, по большому счету, химерична. Вспомним хотя бы несколько судеб известных деятелей искусства слова. Страдали и умерли от болезней генетических или приобретенных Н. Некрасов, В. Белинский, Ф. Достоевский; сошел с ума К. Батюшков; убиты на дуэли А. Пушкин, М. Лермонтов; приговорены к медленной смерти на каторге Аввакум, декабристы, Н. Чернышевский, О. Мандельштам; расстреляны именем Государства Н. Гумилев, П. Васильев, В. Маяковский; отравлен М. Горький; повешены через все то же явное или скрытое содействие гуманнейшего из гуманных государств С. Есенин, М. Цветаева; вынужденно эмигрировали А. Герцен, А. Куприн, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Солженицын, А. Довлатов, И. Бродский; умерли от неизвестной болезни, возможно, депрессии Н. Гоголь, Л. Андреев, А. Блок и т.д. От бесконечной фактографии того, что за свободу надо всегда платить ценой жизни, вряд ли у молодого поколения появится желание быть действительно свободными! И прорыв в виде риторического вопроса «Как же нам тогда жить, если стремление к счастью обходится так дорого?» неизбежен. Это первый вопрос, на который надо дать ответ. Но какой?

Более чем привычным стал для литераторов-педагогов путь изучения художественных текстов через обязательное соотнесение с мирообразом эпохи, концепцией главенствующего метода. Какую динамику развития человеческих отношений обнаруживает этот вид анализа? На первый взгляд, доказывает революционно-поступательное развитие искусства, а значит, и общества. Очень удобный вывод для тех, кто сравнительно недавно изрекал: «верной дорогой идете, товарищи!». А какой позитив на сегодняшний день можно почерпнуть из исторически сменяющих друг друга методов? За всеми схемными и формульными обозначениями своеобразий той или иной культурной эпохи находится одна и та же суть: человек всегда находится во власти времени и пространства. Ведь это великий подлог – заявка о том, что романтизм переворачивает вертикаль ценностей классицизма! Была иерархия «бог (верх) – царь (золотая середина) – человек (ниже некуда)», которая в ***более гуманные(?)***, то бишь романтические времена приняла иную форму: «Человек над (вне-, против) обществом». Даже если принять во внимание исключительность романтического героя, сути дела это не меняет: в обоих случаях человек – существо несвободное, по тем или иным причинам изгнанное из мира нормальных отношений, вынужденное каждый раз принимать условности, навязанные ему его же эпохой. Насколько и от чего освободилась культура романтизма, а иже с нею и человек, если сегодня мы понимаем, что именно от этой печки безостановочно вот уже два столетия пляшет по всей планете самодурство индивидуалиста? По степени развращенности сознания авторитарная личность нового времени «превзошла» все возможные крайности поведения героев эпохи классицизма (и положительных, и отрицательных

вместе взятых)! Эволюция литературного метода (а значит и мировидения автора) – впечатление поверхностное, а иначе: откуда бы взяться следующему витку неудовлетворенности жизнью?

Само членение на литературные эпохи и периоды также достаточно условно и не мешает самим историкам литературы находить в романтизме – каноничность классицизма, в критическом реализме – романтических героев, в дебрях соцреализма – классицизм (пусть даже со всевозможными оговорками), в модернизме – романтизм, а нашумевший за последние годы постмодернизм и вовсе сопутствует всем переходным периодам литературы. Стоит ли такая заумная игра свеч? Благо, ученики не утруждают себя попыткой глубже и детальнее проникнуться в тайны высокой науки.

Может быть, история жанров окажется более объективным повествователем о том, как эволюционирует человечество? Многие учителя Казахстана стали использовать на своих уроках именно этот вид работы с текстом, ссылаясь на принцип построения учебников нового поколения. Мифы, сказки, былины, песни и повести, оды, сонеты, элегии, мадригалы, идиллии, эпитафии, стансы, баллады, басни, поэмы, рассказы, романы – дети усваивают историю мировой, а прежде русской литературы, через пестроту жанров. Предполагается, что каждый жанр останется в памяти ребенка знаком конкретной литературной эпохи. Не переусердствовали ли коллеги, переоценив возможности детского сознания? Зачем вводить ребенка (думаю, школьник среднего звена – это ещё ребенок!) в фантазийно-образный мир литературы через каркасы и стропила, возведенные когда-то кем-то? Такой ученик будет умен, но только на уроке. А в свободное время вряд ли ему захочется читать текст, выискивая в нем элементы мифологии, сказочной культуры или какие-нибудь жанры.

Действительно, ни один жанр, созданный до настоящего времени, не отображает гармоничную картину мира. Каждый жанр держится некоторым диссонансом, идущим извне. Не будем апеллировать к эпитафии, балладе, элегии, стансам. Здесь и так все ясно. Обратимся к самому доброму жанру сказки. Если Вы когда-нибудь пытались читать сказки своим собственным детям и тем более анализировали причины любви своего ребенка к одним сказкам и отторжения им же других текстов, то результаты налицо. Ни одна сказка не начинается с позитива: «У одной одинокой женщины не было детей...» (так начинается сказка о Дюймовочке), «У лесника умерла жена и привел в дом мачеху с двумя дочерьми...» (а это сказка о Золушке), «Было у одного царя три сына... а третий был дурак» (множество волшебных сказок с главным действующим лицом Иваном-царевичем обделяют последнего в материнской любви и любви окружающих). Да и финал сказок очень условен: уж взрослые знают, что найти Василису Премудрую и полцарства-государства в подарок получить, – это только полдела. А вот о том, как дураку с премудрой жизнь прожить и царство приумножить, – об этом ни одна сказка не расскажет, поскольку так нарушатся требования жанра (добро-то должно однозначно победить)...

Из литературных жанров самым гармоничным считается сонет. Так принято считать. А если присмотреться: «тело» сонета намного длиннее «ног» (соотношение строк катренов и терцетов – 8 к 6-ти), содержание сплошь драматично (вспомните знаменитый сонетный принцип построения текста «тезис – антитезис – синтез»). Уродливость внешнюю и внутренний непокой он умело маскирует изящной рифмой, ритмом, неожиданными разворотами образов. Как та претендентка в соломоновы жены: красива, умна, но с волосатыми ногами.

Жанр, будучи сколком с эпохи, его породившей, несет в себе генетически зашифрованную память о прошлом. «Всплывая» в творчестве то одного, то другого поэтов, он сигнализирует о возврате в пространство до-поэтова существования. Чем это плохо? – спросит полемично настроенный человек. Тем, что мы вновь попадаем в ситуацию раздвоения. Внешне всё выглядит очень культурно: автор выносит в заглавие определение того или иного жанра и таким образом признается в обращении к традиции (отдает дань прошлому, проявляет эрудицию, играет сложными вещами и т.д.). Но сущностно период активной апелляции авторов к ранее созданным жанрам достаточно тревожен. Эксперименты с жанрами заполняют пространство бытования поэта, выдавливая из него собственную свободу творчества и уводя на круги псевдоразвития, именно таким образом создавая иллюзию происходящих перемен: и поэту приятно, и критику есть, чем заняться. Обратим внимание на то, что такими тенденциями отличаются рубежные литературные эпохи: конец XVIII – начало XIX вв., конец XIX – начало XX вв., конец XX – начало XXI вв. Но если жанр – это картина мира, увековечившая ту или иную крайность человеческого бытия (а

крайность всегда вне понимания красоты и гармонии), то какой цели служит игра с ними? И, по большому счету, какое моральное удовлетворение, какой душевный рост может произойти в человеке читающем от узнавания жанровых признаков произведения?

Недостаточно ли примеров того, как вывернуто наше всеобщее видение-понимание истории и содержания русской литературы? Что же мы утратили на всех путях-дорогах своего культурного так сказать развития? Мы основательно забыли (ибо не говорим об этом на своих занятиях), что настоящее дарование приходит к человеку не только (и не столько) от горизонтальной генеалогии, сколько свыше. И этот выбор неподвластно совершить никому из живущих на земле. Надо быть ***призванным*** к постижению Тайны. Соответственно, непредсказуемы в своем появлении на свет великие литераторы. Великий реформатор российской науки и литературы М.В. Ломоносов был рожден совершенно непросвещенной «мадам Холмогоровой», через столетия этот феномен повторился, но уже в образе С. Есенина. Зачем-то надо было заурядному эфиопу быть вывезенным в Россию, чтобы через поколения вдруг возьми и родись до безобразия похожий на него внук, ставший великим вопреки всем сопутствующим факторам (стихи слагать Пушкина в Лицее не учили!). Надо было татарскому мырзе Льву Тургену принять российское подданство, чтобы его потомку было суждено в середине 19 века доказать Европе право на самобытность русской (!) литературы! Богатый дворянский род Буниных не дал миру гениального выученика в период своего расцвета: гений Ивана Бунина появился самым нелогичным образом в период обнищания семьи.

Истинный поэт (писатель, драматург – грани одного и того же) приходит на землю как носитель высшего Истинного Знания – Любви. Он – избранный. Истинный поэт призывается в особенно важные для Земли периоды. Он не знает, ***что*** именно вложено в него, но крупица понимания высшего смысла спасает, в первую очередь, его самого и, конечно же, мир, которому он вскоре будет отдавать это знание. Такова точка отсчета ***другого*** понимания истории русской литературы.

Выдерживать напор и давление окружающего мира таким людям суждено с самого детства. Заметим, что ни один из великих литераторов не был счастлив в семье, в отношениях с родителями. Неудовлетворенность человека юностью или зрелостью можно объяснить какой-либо из так называемых взрослых причин (излишней амбициозностью, социальным, материальным положением), а более того, это ***временное*** несчастье можно исправить при определенных обстоятельствах. Сознание же ребенка, живущего в семье, рядом с матерью и/или отцом и не получающего Любви как основы основ будущей счастливой жизни, – такое сознание должно быть обречено на веки вечные. Современная история дает немало имен «кровавых героев», корни жестокости которых – в том самом безлюбовном детстве. Формула их будущей известности проста и сомнительна одинаково: семья – минус любовь – равно гений. Это потом, всю сознательную жизнь, гений будет реализовываться в злодеяниях, но первоначально он просто несчастен...

Если бы не те личности, в сознание которых откуда-то свыше была заложена мощнейшая жизненная сила, позволившая противостоять лично и защитить человечество от агрессии, мы могли бы стать очевидцами совсем нефантастической истории о том, как погибала целая цивилизация. Заметим – не народы, не этнос, но все человечество (ведь не случайно многие великие русские литераторы рождаются через породнение с другими нациями)!

Приведем примеры. И, конечно, начнем с А. Пушкина. Крылатое «Пушкин – это наше все» в данном контексте приобретает поистине зловещий оттенок. Нелюбимый сын, отторгнутый от семьи в Царскосельский лицей, он неслучайно нашел там друзей. Мальчишки, попавшие на обучение в элитнейшее заведение, оказались собратьями по несчастью: практически у каждого была своя семейная драма нелюбви (читайте художественную прозу о Пушкине – Ю. Тынянова, А. Терца и др.). Не поэтому ли они с восторгом встретили эротические стихи юного Пушкина, в которых пародировались мужеско-женские отношения и соответствующим образом принижался образ женщины (=матери, жены)? Но великий поэт не родится от презрения и ненависти. Великое знание, доверенное Пушкину свыше, в том, что в сложившихся условиях он умел искренне прощать и любить. Но легкость пушкинского слога, являясь метафорой самого поэта, не перешла в реальность его земной жизни. Мог ли этот поэт построить счастливую семью? Хотел, да. Но не смог, ибо образца для подражания, запаса полученной ***земной*** любви не имел. Вот и метался по жизни, восславляя желанную любовь идеальной мадонны... и крепостной няни Арины, по возра-

сту годящейся ему в матери. Гигантский отрыв пушкинского сознания с вложенной в него информацией о Любви стал причиной гениальности поэта и его трагической судьбы одновременно. Он был слишком откровенным раздражителем для тех, кто нес в себе другие ценности.

Несхождение поэтических и биографических судеб многих писателей и поэтов зачастую демонстрирует катастрофическое несоответствие понятия земной любви – любви Истинной, заложенной как матрица отличия в сознании литераторов-созидателей. Едва ли менее пострадавшими в духовном плане можно назвать писателей, на которых была направлена безграничная по земным меркам любовь бабушки (к М. Лермонтову, М. Горькому, С. Есенину), матери (к И. Тургеневу), отца (к А. Герцену), тети (к А. Блоку). Но эта любовь была гипертрофирована ненормальным положением второго родителя в семье или их (родителей) полным отсутствием. Результат не замедлил проявиться в форме бегства писателя-мессии от себя на земном уровне (как иначе объяснить неприкаянность Лермонтова, бесконечные переезды Тургенева, неуют жизни Герцена «на том берегу», бездомность Блока?).

Биографии писателей позволяют увидеть драматичную закономерность, когда-то и кем-то учрежденную на земле: литератор тем более велик, чем более изломана его психика в глубоком детстве. В чем же логика рождения мессий в литературе, если каждый из них, пройдя определенный круг испытаний, заканчивает жизнь трагически или драматически? На уровне земной судьбы он не отличается от других страждущих: он тоже несчастен.

Поэты с открытым сознанием приходят не для того, чтобы испить чашу страданий вместе со всеми и как все. Неся в себе (на уровне сознания и подсознания) информацию Первоначала, они всю свою творческую жизнь постигают это знание вопреки нелюбви окружающего пространства и передают его дальше. Такой художник слова является переводчиком высшего знания: прозрения на тонком духовном плане он вкладывает в свои произведения и отсылает эти послания в мир, тем самым, привнося в жизненное пространство современников и потомков, которым перейдут книги, ***непокой поиска любви***.

Истина, заложенная в недрах творческой памяти призванных литераторов, вела в невидимой человеческому глазу жизни, но оставалась невыразимой до конца, была непереложима на язык графики письма! Отрыв внутреннего знания от возможности его полного воплощения, как в реальной материальной жизни, так и в письменном творчестве стал причиной духовных метаний Н. Гоголя, невысказанности А. Блока, теми же причинами объясняется абсолютный драматизм произведений А. Герцена, безысходность финалов романов И. Тургенева, неудовлетворенность Ф. Достоевского и Л. Толстого своей романистикой.

Произведения писателей XIX века требуют перепрочтения. Пора отказаться от всевозможных уловок и ухищрений, которые по сей день (!) опускаются, как шоры, на глаза читателю. Пространство русской литературы обладает уникальным свойством активной трансформации общеизвестных, всеми принятых, а значит – обманных истин. Такого качества не найдем ни в одной другой литературе мира. Важно заметить, что в пространстве русской литературы (шире – культуры) процессы созидания и разрушения лжеценностей происходят со значительным ускорением. Временному потоку не удается растянуть процесс самообмана русской литературы. В результате каждое разумное открытие не успевает пустить корни в «устои и традицию», как тут же подвергается разрушению. По такой схеме проходит история узаконивания классицистической и романтической традиций, жанров сонета, элегии, романа. Эти же процессы можно отследить в логике становления и смены литературных эпох, в динамике развития той или иной творческой личности. Форма, объем, содержание русского романа середины XIX века были вопиюще ненормативны в глазах «развитой» Европы, но именно так русская литература выходила в залитературное пространство, где поднимались вопросы далеко не национального, а надчеловеческого порядка. Русский безудерж считывается с судеб абсолютно всех российских художников слова. Символом такого непокоя стала фигура Льва Толстого, но рядом с ней можно поставить И. Тургенева, поднявшего вопрос о предназначении русской нации на уровень мирового значения, И. Бунина, переродившегося из Фета в Салтыкова-Щедрина при виде бесчинств окружающего мира, и Л. Леонова, предсказавшего близость времен, когда ни одна религия не сможет удержать человечество от морального разврата (роман «Пирамида»).

Общим местом в литературоведении стало суждение об обязательной соотнесенности русской литературы с идеей веры. Более того, считается, что тексты русских авторов невозможно

понять вне знания канонов христианства. Действительно, вопросы бытийного масштаба являются для русской литературы, и культуры, в целом, краеугольными. Но, на наш взгляд, следует внимательнее присмотреться к этому вопросу. Поиски веры русскими писателями предполагают не преданность или сомнение в земной церкви, но поиск истинной веры, ***не задетой рукотворством человека***. Следует признать, что XIX век велик тем, что он не убоялся посягнуть на святая святых, на христианство как оплот власти. В то время не осталось ни одного писателя, который бы не выразил своего отношения к этому вопросу.

Считается, что А. Островский был очень верующим человеком, для которого утрата религиозности русским обществом была подлинной трагедией. И потому он пытался понять, научно обосновать причины утрачиваемой религиозности и, конечно, активно участвовал в религиозном возрождении общества. Но таков великий драматург в быту. В пьесах он говорит о том, к чему был призван от рождения, – о естественности стремления человека к любви ***истинной,*** и в то же время Островский фактографировал: в «темном царстве» нелюбви никогда и никто не сможет стать счастливым. Подвижничество любви не удается героиням Островского, т.к. знания любви им откровенно не достает (не в этом ли смысле – «бесприданница»?), да и достойных любви нет.

Интересно, что ни один из авторов молодой литературной России не может похвастать цельностью религиозных взглядов. Для Н. Некрасова треугольник «женщина-мать – старик – ребенок» становится альтернативой единому всетерпящему и вселюбящему Началу. Тургенев подменяет гармонию недосягаемого Абсолюта красотой абстрактного Искусства. Достоевский сомневается во всех бесспорных, с точки зрения абсолютно верующего, положениях. Толстой и вовсе переписывает Библию в свой, толстовский завет, чем заслуживает анафему ортодоксальной церкви. А Н. Чернышевский, сын священника (!), открыто заявляет о своем материалистическом сознании и позволяет себе в недрах внешне крепкого XIX века развенчать постулаты христианства! Таковой, к примеру, оказалась интерпретация темы боли: с точки зрения Чернышевского, человек изначально так устроен, что он не может самому себе желать боли (вопреки всеизвестному «истина приходит через страдание»). По такой логике Чернышевский строит линию поведения своих героев в романе «Что делать?». Показательно, что Достоевский, возмущенный «безграмотностью» рассуждений своего молодого коллеги, попытался полемизировать ... – и пришел к тем же выводам: страдания не только не возвышают человека, но развращают его природу до основания (об этом – роман Достоевского «Бедные люди»).

Если перестать читать произведения великих авторов голым рассудком, т.е. доверять только тому, что видимо, доказуемо, вложено в определенную форму, тогда станет относительно ясным душевное смятение, перешедшее от автора к героям. И. Тургенев неслучайно заработал славу великолепного стилиста: то, что так тревожило сознание, но никак не вкладывалось в фактуру письменной речи, ему удалось выразить на уровне настроения текста. Ощущение неполноты бытия возрастает в эпилоге романа «Отцы и дети», после констатирующих описательных моментов. И здесь важно не выяснение отношения автора и героев к смерти Базарова, а то, что Тургенев обозначил иной масштаб вопроса о любви, поднятый этим героем и оставшийся для него мучительно безответным. Невыразимым стал этот вопрос для всех, кто остался жить: и для родителей Базарова, почитающих заповеди христианской любви, и над ударившимся в скитание Павлом Петровичем, и над природой, тоже участвующей в драме несостоявшегося поиска замечательно неспокойного человека. Даже состояние счастья молодых семей Кирсановых ощущается как нечто временно прекрасное...

Растерянность авторов перед неожиданно проявившейся сверхидеей явно прочитывается в финалах романов А. Пушкина «Евгений Онегин», И. Гончарова «Обломов», во всех романах Ф. Достоевского. До сих пор в образе Татьяны предлагалось видеть и образец народности, и просто идеал женщины. Но каковы аргументы? Что приобрела Татьяна за тот отрезок жизни, который нашел отражение в романе Пушкина? Искала Любви – не плотской, не такой, какой её описывала Жорж Санд, а другой – высокой, истинной любви. Нелюбовь Онегина перенесла как тяжелую болезнь и... – согласилась выгодно выйти замуж! Стала ли она счастливее, свободнее, обрела ли то, что искала и на что в начале своего пути была абсолютно способна? Нет! Это ясно невооруженным глазом. Так почему же мы твердим, что Татьяна верна христианским требованиям и в этом её праведность? Это элементарный обман, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы его увидеть. «Евгений Онегин» – это роман о том, как блуждают люди в лабиринтах ими же придуманных

условностей, мешающих жить. И трагическим героем здесь выступает Онегин, действительно прозревший до Любви и готовый переступить все нормы общества... Не потому ли Пушкин назвал роман именем героя? По крайней мере, Онегин ищет лекарство от мучающего его сплина, а не лицемерит, принимая вид добропорядочности.

Ещё более печален финал романа И. Гончарова «Обломов». Илью Ильича Обломова, честно пытающегося удержаться на пути идеальной любви (он любит всех – от Захара до Ольги, негодование в нем вызывают лишь те, кто открыто отрицает и порицает любовь), общество убеждает в абсолютной несостоятельности. В контексте наших рассуждений обращу внимание опять-таки на то, что на тупиковый путь его выталкивают родители (отправили в Петербург, чтоб был, как все), а потом конвоируют ближайший друг Андрей Штольц, подруга Ольга, сослуживцы и просто знакомые. Только одна героиня, Агафья Пшеницына, в свое время раздражавшая критиков своей ***неразумностью*** смогла уважительно отнестись к поиску ***благородного*** (как она ощущает) барина. Ощущение благородства Обломова – не социальное. Пшеницына (благодатная фамилия!) и сама умеет любить беззаветно, и в Обломове это чувствует.

Убедив Обломова в том, что он деградирован, изгнав его на задворки цивилизации (в дом Пшеницыной), мир активно действующего разума многое утратил. С уходом Обломова как-то вдруг, неожиданно-нелогично всем стало плохо: плачет не только Агафья и Захар, но признается мужу в неуюте жизни Ольга, на миг ощущает пустоту пространства Штольц, а сын Обломова и вовсе тоскует по любви...

Честен Л. Толстой, заявивший после одного из гениальных прозрений о том, что из всего творчества он оставил бы повесть «Казаки» и главу о Платоне Каратаеве. Именно в этих текстах, наименее понятых XX веком, великий мыслитель постарался рассказать о том знании, которым наделяет высшая любовь, о силе любви и о том, насколько готов человек к восприятию такой любви. Косноязычие Дмитрия Оленина в ситуациях кратковременных прозрений, алогичность поступков Каратаева, абсолютная невоссоздаваемость его мыслей и чувств – формы отображения того высшего знания, которое открылось Толстому на заре его творчества. В последующем писатель увлекается разумными толкованиями Библии, чужих философий, гневно клеймит пороки общества, уходит из дома, возвращается и строит школы, больницы, вновь клеймит и уходит, пишет новые тексты о прежних проблемах... И только к концу жизни сознает, что весь его духовный путь, по большому счету, может быть считан с двух текстов.

Русская литература откровенно не доверяет всем изобретениям разума в любых формах его проявления. В XIX веке о своем неверии в силу молодой, но семимильными шагами развивающейся медицины сказали свое слово И. Тургенев в романе «Отцы и дети», Н. Чернышевский в романе «Что делать?», А. Чехов в повести «Палата №6», М. Булгаков в повестях «Собачье сердце» и «Роковые яйца». Для XX столетия эта тема станет наиболее обсуждаемой и, как это ни парадоксально, закрытой. Проблема экологии, урбанизации, насилия, пьянства, воровства, проституции и другие формы преступления людей поднимаются в произведениях великих классиков XIX столетия не с целью морализаторства, а исключительно из желания понять механизмы разрушительного воздействия черной силы на природу человека. Ведь неслучайно Ф. Достоевский всю жизнь решал для себя вопрос о совести: откуда идет это понятие? Оно дается с воспитанием или свыше, от Создателя?

Заметим, что XIX век был значительно более трезв в своем недоверии к тем, кто не имеет в душе ни искры любви; общество XX столетия не нашло в себе силы на противостояние разбушевавшемуся разуму и вознесло на пьедестал потомков безлюбовных Круциферских: Павлов Власовых, Шариковых, Корчагиных. Это притом, что альтернатива была дана избранными писателями того же времени – Б. Пастернаком, Л. Леоновым, В. Распутиным, В. Астафьевым. Правда, на фоне XX столетия герои, умеющие преодолевать пространство земного тяготения (доктор и поэт Живаго, профессор Вихров, старуха Дарья), выглядят не столь значимо и полновесно, как их предшественники... Так изменилось соотношение сил...

...Странным образом в историю русской литературы вписано творчество авторов, несущих в себе свет Высшего прозрения. Логику становления сознания писателей абсолютно не отражает система закономерностей развития литературы. Периоды историко-литературного развития только при близком (близоруком) рассмотрении обнаруживают эволюционные признаки. Если подняться на уровень масштабного видения проблемы «человек и мир», то смена литературных

методологий обернется великим смущением умов, т.к. назначение их в запутывании и без того заплутавшего человеческого сознания. Призрачна, химерична история самоопределения личности, считываемая с логики движения «классицизм – романтизм – критический реализм – модернизм – неореализм – постмодернизм». Абсолютно все методы познания действительности упираются в невозможность обретения истинной свободы, а значит счастья и любви. Ни в незыблемом классицистическом триединстве «бог – царь – человек», ни в романтическом выпаде человека против всех институтов общественной власти нет места человеку любящему.

В этом и парадокс! Антропологическое литературоведение начала XXI века выработало самые разные образные категории: человек плачущий, человек смеющийся, человек болеющий, человек мыслящий... До этого был «маленький» и даже «лишний» человек! А вот человека искренне любящего нет! Состояние «бедной Лизы», плачущей от любви; Евгения Базарова, заболевающего и умирающего от любви; Константина Левина, много мыслящего о любви; князя Мышкина, сходящего с ума от любви; «лишних» Онегина и Печорина, прошедших мимо любви; «маленького» Карандышева, не доросшего до любви – этих и других героев любовь не смогла освободить ни духовно, ни, следовательно, физически.

И это не случайность. Выводя тему любви на самый первый план (нет романов без любовной коллизии, неинтересен поэт, не пишущий о любви!), литература не в состоянии рассказать о том, какой должна быть эта самая любовь! Почему? В литературе искусно использовалась заинтересованность каждого человека в любви в качестве приманки: не потому ли политический роман «Что делать?» содержательно выведен на уровень любовного романа; не по этой ли причине все массовые для XIX века романы Достоевского развивают бурную любовную сюжетную линию?

И опять перевертыш: почему-то любовь истинная в сознании просвещенного человека является синонимом смерти... Человечество по сей день в качестве культовых любовных образов выбирает трагических литературных героев: Ромео и Джульетта, Данте и Беатриче, Лаура и Петрарка, Козы Корпеш и Баян Сулу, Соломон и Суламифь! И давно уже нашли «умные люди» отговорку: в вечность уходит та любовь, которая имеет трагическое завершение.

Современная постмодернистская литература доделывает свою далеко непозитивную работу. «Осколки» прежних текстов собираются в новые словесные полотна исключительно техникой писателя. Если великим авторам XIX столетия был присущ поиск идей, за которые они несли духовные страдания, то постмодернист владеет техникой коллажа – и никакой идеи, кроме того, что Мир есть Хаос. До конца развращается образ любви в так называемых розовых женских романах, в массовой литературе, используя любовный сюжет как дешевый трюк, рассчитанный на непосвященного читателя.

Литература как искусство, созданное сознанием человека, просто обречена отражать его блуждание по лабиринтам умозаключений. У порога нового «золотого тысячелетия» мы понимаем, что на большее, даже самый одаренный человек, не был способен. Возможно, что на новом витке развития человечества все эти блуждания и метания будут казаться игрой в жмурки: так ясно каждый ощутит Истину жизни. Но пока сознание современников пытается найти гармонию в хаосе узаконенного (кем?) постмодернизма, ***надо (!)*** раскачать инерцию глухонемоты и ускорить процесс сознательного освобождения от навязанных трактовок как разновидностей давления разума. И этот процесс, как показал журнал «Мегалог», уже начался.

1. Кошубаев Д. М.Ю.Лермонтов: опыт прочтения. Эссе. – Мегалог. 2008. – №1. – С. 248-288.

Ауэзхан КОДАР

Ауэзхан Абдираманович Кодар, известный писатель, культуролог, публицист, кандидат философских наук академик Народной Академии Казахстана «Экология» (2000 г.). С 1988 г. – член Союза писателей СССР. С 1989 по 1996 гг. – редактор главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Казахстана. С 1994 г. – президент ассоциации по экологии культуры народов Казахстана «Золотой век». С 1999 г. – основатель и главный редактор журнала «Тамыр». С 1999 по 2001 г. – член Правления международного фонда Сорос-Казахстан. С декабря 2002 г. член Совета по СМИ при Президенте Республики Казахстан. С 2006 г. – советник генерального директора российско-казахстанского фонда «Институт евразийских исследований». Указом Президента Н.А.Назарбаева от 9 декабря 2006 года награжден орденом «Парасат».

Ауэзхан Кодар стал одним из инициаторов нового культурогенеза в Казахстане. Особенно активно проявил себя в конце 90-х. Организатор философско-эстетических исследований и семинаров «Проблемы этнической прессы в РК» (совместно с Фондом Ф. Эберта) и «Культурные контексты Казахстана: история и современность» (совместно с Фондом «Сорос-Казахстан»), "Культура и СМИ: проблемы взаимодействия" (совместно с фондом Сороса).

Автор книг «Крылатый узор» (1991 г.), «Канагат каганаты» (1994 г.), герменевтического сборника «Абай (Ибрагим) Кунанбаев (1996 г.), «Круги забвения» (1998 г.), «Очерки по истории казахской литературы» (1999 г.), монографии «Степное знание: очерки по культурологии» (2002), книги стихов с параллельным английским текстом «Цветы руин» (2004).

Философская терминология как творение концептов: из опыта переводов на казахский язык философов-постмодернистов

Передо мной стоит несколько не та проблема, которая обозначена в заглавии этой статьи. Речь идет о вхождении казахской философской мысли в мировой опыт построения философских терминов. Но для этого я хочу привлечь материал не из истории философии, не из классической философии, а из опыта мыслителей-постмодернистов, которых сам переводил по государственной программе «Культурное наследие». Они входят в 10-томную серию «Әлемдік мәдениеттану ой-санасы» и составляют ее VII и VIII тома под названием «Постмодернизм және мәдениет» – Алматы, «Жазушы», 2006. Перевод на казахский был осуществлен с промежуточного перевода с французского на русский язык, осуществленного известным культурологом Б.Г. Нуржановым. Это очень важно, поскольку говорит о существовании казахстанской школы академических переводов на казахский язык через посредничество русского языка. VII-ой том снабжен моей вступительной статьей «Несколько слов о постмодернизме», кроме того, каждому переводимому философу посвящена отдельная статья, где говорится о его творческой биографии и о терминологических особенностях переводимого текста.

Если подробнее остановиться на содержании двух названных томов, то в VII-й том вошли: Ж. Бодриар «Фатальные стратегии», Ж-Ф. Лиотар «Состояние постмодерна», Ж. Делез и Ф. Гваттари «Тысяча плоскостей» (из «Капитализма и шизофрении», т.2), Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа

музыки», М. Хайдеггер «Что такое философия», Ж. Деррида «О грамматологии», К. Окакуро «Книга чая». В VIII-й том вошли внушительные выборки «Из философии Древнего Востока», «Из философии Древней Греции», Ж. Батай «Свободный человек Сада», Р. Жирар «О тайнах, сокрытых со дня сотворения мира», «Краткий культурологический словарь» и мои статьи на казахском, посвященные проблемам культурологии.

Переводить было сложно, но интересно. Некоторый опыт у меня уже имелся, в 2002 г. была издана книга «Батыс философиясының антологиясы» // Аудармашылар Қ. Әбішев, М. Сәбит, Ә. Қодар, А. Сағықызы. – Алматы: Фонд Сорос-Казахстан, 2002. – 464 бет, где были мои переводы из Гераклита, Парменида, Демокрита, Ницше, Хайдеггера, Ортеги-и-Гассета, Делеза и Гваттари, Деррида, Адорно. Это было первой попыткой перевода современной западной философии на казахский язык после обретения нами суверенитета. Книга была по достоинству оценена в рецензии знатока западной философии Ж. Баймухаметова. «В жизни казахстанской философской науки произошло знаменательное событие. Казахскоязычная литература пополнилась академическими переводами западных философских текстов благодаря выходу в свет однотомной «Антологии западной философии». Со времен издания трудов классиков марксизма-ленинизма на казахском языке это едва ли не самое значительное на данный момент предприятие казахстанской науки по переводу трудов западных философов от Гераклита до Деррида. В коллектив переводчиков вошли такие авторитетные ученые, как Кажимурат Абишев, Мурат Сабит, Ауэзхан Кодар и Аяжан Сагикызы»[1]. В этой рецензии сказано также и о моем личном вкладе в антологию. «В особенности хотелось бы отметить переводческий дар Ауезхана Кодара, который осуществил, прямо-таки, впечатляющее по своим масштабам вторжение, как в царство древнегреческой мудрости, так и в область постклассических философских стратегий»[2].

Согласно Делезу и Гваттари, философы до сих пор недостаточно занимались природой концепта как философской реальности. Они предпочитали рассматривать его как уже данное знание или представление, выводимое из способностей, позволяющих его формировать (абстракция или обобщение) или же им пользоваться (суждение). Но концепт не дается заранее, он творится, должен быть сотворен; он не формируем, а полагается сам в себе (самополагание); самое субъективное в нем оказывается и самым объективным[3].

Переведенные мной философы все как на подбор обладают как раз способностью творить концепты. К примеру, Бодриар придает терминологическое значение самым простым словам таким, как экстаз и инерция, террор, непристойность, заложник, принцип зла, трансполитика. Сначала я придерживался принципа полной переводимости иностранных терминов на казахский. «Экстаз» я перевел как «еліру», «инерция» - «баялау», «заложник» – «аманат», «непристойность» – «абыройсыздық». Принцип был в том, что я делал кальку термина на казахский язык и далее давал в скобках значение термина на русском языке. Например, «заңдылыққа тәуелділік» (детерминация), «заңдылыққа тәуелсіздік» (индетерминация), «үдерген заңдылық» (гипердетерминация), «ақырғылық» (финальность), «аса семіздену» (гипертелия). Однако я обратил внимание на то, что если калькировать термин на казахский язык, его смысл становится непонятным, мало того, этот термин теряет терминологическое значение, становится неудобоваримым набором слов. И в самом деле, если убрать значение термина, даваемое мной в скобках, казахский аналог получался слишком многословным и неудобным для использования в качестве термина. Ведь значение термина в том, что он определен в самом себе и не нуждается в дополнительном определении. Отсюда следует то, что иностранные термины, если они имеют общеупотребительный характер, не стоит переводить на другой язык. Например, такие термины, как «субъект», «объект», «трансценденция», «метафизика». Они имеют длительную традицию использования, устоялись в языке и вошли в международный обиход. Когда встречались такие термины, я их оставлял в том же виде. Но особенность терминологии постмодернистов в том, что они абсолютно обычное слово наделяют терминологическим значением. К примеру, Бодриар семантику лексемы «ожирение» переносит в область социальных отношений. Делез употребляет такие терми-

[1] Баймухаметов, Ж. Западная философия. kz // Журнал «Тамыр». – №1(11), 2004. – С. 123.
[2] Там же. – с.125.
[3] Делез, Ж., Гваттари, Ф. Что такое философия? ЭД: http://www.philosophy.ru/library/deleuze/filosof.html

ны, как «тело без органов», «желание», «шизопотоки», т.е. самые обыкновенные слова наполняет социокультурной семантикой. Это и есть творение концептов, поскольку концепт – не просто термин, а вторжение философского означивания в самые неожиданные контексты и будничное словоупотребление. Как говорил Ницше, вы ничего не познаете с помощью концептов, если сначала сами их не сотворите, т.е. не сконструируете их в свойственной каждому из них интуиции[4]. Исключительное право на создание концептов обеспечивает философии особую функцию, но не дает ей никакого преимущества, никакой привилегии. В философии концепты творятся лишь в зависимости от проблем, которые представляются нам дурно увиденными или дурно поставленными (педагогика концепта). По Делезу и Гваттари, «мы рассматриваем некоторое поле опыта, взятое как реальный мир, не по отношению к некоторому «я», а по отношению к простому «наличествованию». В некоторый момент наличествует тихо и спокойно пребывающий мир. И вдруг возникает испуганное лицо, которое смотрит куда-то наружу, за пределы этого поля: здесь Другой предстает не как субъект или объект, а совсем иначе – как возможный мир, как возможность некоего пугающего мира. Другой – это возможный мир, каким он существует в выражающем его лице, каким он осуществляется в придающей ему реальность речи; он является концептом из трех неразделимых составляющих – возможный мир, существующее лицо и реальный язык, т.е. речь[5]. По Делезу и Гваттари, у всех концептов есть история, у каждого концепта есть становление, которое касается уже его отношений с другими концептами, располагающимися в одном плане с ним. Концепту требуется не просто проблема, ради которой он реорганизует или заменяет прежние концепты, но целый перекресток проблем, где он соединяется с другими, сосуществующими концептами[6]. В этом отношении интересно разобрать соотношение концептов «деструкция» и «деконструкция», введенных соответственно Хайдеггером и Деррида. На мой взгляд, в первом случае делается акцент на разборке, когда определенное явление разбирается на составные части, а во втором случае акцент делается на сборке, т.е. когда составные части явления собираются в новую целостность, отличную от первоначальной. «Фатальные стратегии» Бодриара изданы в 1983 году. Трудность для перевода представляет уже само название. В названном произведении Бодриар как бы ставит диагноз своему времени. Но это не профетизм, и не ясновидение, а уважение к закономерностям и следование за ними. «Фатум» – понятие из римского культурного обихода, он скорее похож на детерминацию, чем на судьбу. Даже боги подчинялись фатуму. Бодриар понимает современный мир как изолгавшийся, превратившийся в симулякр и занимается разоблачением симуляционных стратегий. Поэтому название книги я перевел на казахский, как «Бұлтартпас жол-жобалар». Было очень трудно перевести понятие зла. На казахском не находилось полного аналога этого слова. Обычно это слово переводят как «зұлымдық», но это скорее ближе к русскому «коварство». Пришлось использовать слово «қастандық» – «вражда», «враждебность». На казахском языке понятие «зло» скорее ближе к субъективной установке, чем объективному принципу. Как видим, перевод помогает понять также и межязыковые различия. Пришлось много подумать о том, как перевести термин «непристойность». По Бодриару, способ манифестации иллюзии – сцена (scene), а способ проявления реальности – отсутствие сцены (obscene), но «обсценное» и есть «непристойное». В этой лексеме нет ничего аморального, оно имморально, индифферентно к морали. Вот этот оттенок и хотелось передать как можно бережнее. Поэтому пришлось перевести не «ұятсыздық» (бессовестное, аморальное), а «абыройсыздық» – «то, что не приносит почета, не имеет ценности»[7].

Другой переведенный мной автор Жан-Франсуа Лиотар, в частности, его «Состояние постмодерна» (1979). Именно Лиотар, опираясь на философию языка, разоблачает стремление к преобладанию видов знания западной культуры. Здесь мы должны сказать несколько слов об «отце» философии языка Л. Витгенштейне. По его концепции, философия производится в языке, нет понятий, существующих самих по себе, даже такие понятия, как Бог, Человечество, Идеал, есть всего лишь составляющие языка; если они и встречаются в определенном языке, то могут не встретиться на другом. К примеру, слово «метафизика» первым употребил Аристотель, но в его время это слово обладало лишь значением «после физики», а сейчас мы употребляем его в смысле «мир абстрактных представлений», или «философия».

[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же
[7] Әлемдік мәдениеттану ой-санасы. Он томдық. 7 том. Постмодернизм және мәдениет – Алматы: Жазушы, 2006. –14-15 бб.

На казахском языке это слово и вовсе не встречается, а в русский язык пришло из греческого. Следовательно, понятие метафизики создано искусственно при помощи ресурсов определенного языка, т.е. такого явления нет в природе, оно появилось из-за неправильного употребления определенного слова. Так возникли и другие термины. Поэтому в качестве явлений природы нет ни науки, ни философии, это только языковые игры. Задача философии раскрыть природу игр и таким образом излечить разум индивида от интеллектуальных заблуждений. Иначе говоря, Лиотар, чтобы понять природу знания, использует философию языка. По его теории, главный способ употребления знания есть «наррация» или способ повествования, в разные исторические эпохи существуют различные наррации. Их основной легитимирующий принцип Лиотар называет макронарративом. В мусульманских странах это поклонение Аллаху, в Советском Союзе – идея коммунизма. Словом, у каждой культуры – свой макронарратив. Вместе с этими макронаррациям, существуют и «языческие» микронарративы вроде семьи, последние не стремятся к власти. Повествования определенной направленности Лиотар называет дискурсом. Это самое большое повествование или метанаррация и в таком виде она создает социальную мифологию, поддерживающую властные структуры. По Лиотару, особенность нашего времени как «после современности» («постмодерн») после катастрофических событий XX века, к примеру, таких как Освенцим, макронарративы лишились своей легитимирующей силы. Ибо сегодня им никто не верит. Изменчивость идеологий подрывает веру во власть разума, права человека и социальный прогресс. Кризис ценностей и идеалов, нашедших свое воплощение в спекулятивной философии Гегеля, указывает на необходимость перехода от диктатуры общего к самоценности индивидуального опыта. Право индивидуального выбора при своей реализации приводит к паритетному сосуществованию множества языковых практик.

«Состояние постмодерна» – произведение, впервые объявившее постмодернизм парадигмальным явлением всемирного масштаба. Здесь мы под парадигмой понимаем целостную познавательно-эстетическую систему. Лиотар исследует технологию смены таких систем, извещает о том, что современное знание поднялось на новый уровень, не признающий метанарративов. Одно из наиболее часто встречающихся слов в работе – «перформативность». «Перформатив» происходит от латинского performo – совершаю действие. Это такой способ высказывания, где в одном акте совмещены и действие и его обозначение, т.е. что-то сказать и в тот же момент это совершить. К перформативным относятся такие словосочетания, как «выражаю благодарность», «приказываю», «обещаю». Иначе говоря, перформативность – нечто эффективное в своем непосредственном выражении, т.е. чистая эффективность. Один из основных терминов в работе Лиотара – «легитимация». Иногда я использовал его непосредственно, а где-то давал аналог на казахском[8].

Если теперь мы обратимся к способу мысли Деррида, он называется «деконструкция». Его особенность в том, что если в эпоху модернизма критика была способом борьбы с традицией, орудием разрушения и бунта, деконструкция хоть и подвергает критике, но не стремится разрушить объект критики. Напротив, проникнув во все его существо, стремится воссоздать заново. Конечно, воссоздавая, оно воссоздает условно. Однако в этом и состоит преимущество постструктурализма – в понимании условности процесса мышления. Если со времен Платона было принято думать, что реальный мир – лишь бледная копия мира Идей, что сейчас полностью отрицается, в наше время считается, что мыслить – это означивать. Задача исследователя - прояснение особенностей означивания каждого общества, каждой цивилизации и каждого автора в определенный период времени. Деконструкция и является орудием такого прояснения. По мысли Деррида, независимость от философии – это не простое перелистывание ее страниц (это признак плохой философии), а продолжение чтения мыслителей в определенном порядке. Для Деррида все в мире есть текст и даже речь не что иное, как подвид текста. Ибо речь это знак, предлагающийся чьему-то вниманию, следовательно, в нем есть идея сообщения, которое отправляется и принимается. В этом случае лучше воспринимать не письмо в системе речи, а речь в системе письма. В терминологическом плане Деррида – самый неуловимый философ, ибо формальное понятие растворяет в стихии речи, переопределяя его настолько, что от первоначального значения ничего не остается. Опорные термины Деррида – это «письмо» и «архиписьмо. В антологии 2002 года я перевел письмо как «хат», а архиписьмо как ежелгі хат. Однако для Деррида письмо не только готовый продукт, но и сам процесс его производ-

[8] Әлемдік мәдениеттану ой-санасы. Он томдық. 7 том. Постмодернизм және мәдениет – Алматы: Жазушы, 2006. – 168-171 бб.

ства. На данный момент российские исследователи творчества Деррида считают, что французское «l'ecriture» следует переводить как «письменность»[9], в таком случае на казахском надо его переводить не «хат», а «жазу», я так и перевел это понятие в тексте VII-го тома (467 б.). В таком виде казахский аналог передает многозначность французского оригинала. «Жазу» – это и текст, и процесс написания текста, и средство, используемое в процессе, т.е. как средство-процесс – письменность.

Что касается терминологии Делеза – Гваттари, она посвящена метафорическому исследованию номадического образа мысли. Для них номад – существо, не попадающее в сети центрации, противопоставляя машину войны идее Государства. Философия Делеза противостоит деконструкции Деррида. Делез очень мало внимания уделяет лингвистике и вводит понятие доличностных кочевых сингулярностей, противостоящее и классической теории субъекта, и структуралистской теории означивания. Если Деррида проводит свою деконструкцию в лоне классической традиции, Делез с самого начала покидает ее пределы, стараясь завоевать новое пространство для мысли. На этих безоглядных просторах французский философ встречается с кочевниками. Место их встречи степь, пустыня. В работе «Логика смысла» Делез делит философию на три вида: философия высоты, философия глубины и противостоящая им обеим философия плоскости (стоики и киники). Плоскость – доличное пространство личности, не имеющей свойств. Это нечто отличное от пространства феноменологии, поклоняющегося субъекту. Плоскость есть пространство шизопотоков. На казахском «шизоағындар». Здесь я применил способ сочетания иностранной приставки с обычной казахской лексемой. Таким же способом я создал термины «транссаясат», «транссубъектілік» и т.д. Одни из основных терминов Делеза – Гваттари – это «территориализация» и «детерреториализация». До события должно быть его место. Если у кого-то нет места, то нет и его самого. Но иногда событие может «не дозреть». Авторы называют данное обстоятельство «место без пассажира». Иногда есть событие, но нет ему места. Образное обозначение этого: «пассажир без места». Свою теорию Делез озвучил в «Логике смысла». Земля – образование природное, территория – политический термин. При переводе я использовал казахское слово «мекен». Поскольку это обычное казахское слово, в нем патриархальный (биосоциальный) смысл преобладает над политическим. Эта лексема напоминает русское «место обитания». Поэтому я перевел «территориализация» как «мекендену», а «детерреториализация» как «мекенсіздену».

Лексему «движение» я переводил то как қимыл, то как әрекет, то как қозғалыс. Можно сказать, что у перечисленных слов нет абстрактного значения. К примеру, қимыл обозначет какое-либо физическое действие живого существа, похоже на русское «шевеление». Әрекет аналог русского действие. И только абстрагировавшись от конкретного значения перечисленных терминов, можно обрести их теоретическую наполненность[10].

Таким образом, работа над переводом концептов с языка на язык предполагает вхождение во все контексты переводимого текста, а также абсолютное двуязычие, без которого невозможен поиск адекватного аналога на другом языке.

[9] Грицанов, А.А., Гурко, Е.Н. Жак Деррида. – Мн.: Книжный дом, 2008. – С. 72-73

[10] «Батыс философиясының антологиясы»//Аудармашылар Қ. Әбішев, М. Сәбит, Ә. Қодар, А. Сағықызы. – Алматы: Фонд Сорос-Казахстан, 2002. – 440, 443 бб.

Фатима УРУСБИЕВА

17 июня 2005 года по решению президиума Всероссийской аттестационной комиссии в Краснодарском Институте культуры и искусств Фатиме Урусбиевой, первой среди балкарцев присвоено звание доктора культурологии. Тема диссертационной работы: «Традиционные вербальные формы этического сознания карачаевцев и балкарцев».

Свою научную деятельность Фатима Анваровна начала в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте истории и экономики в 1970 году в качестве старшего научного сотрудника отдела фольклора. В 1972-ом она издала свой первый монографический труд «Путь к жанру», посвященный эволюции жанровых форм в балкарской литературе. Автор подверг фундаментальному анализу вопросы прозы и поэзии в контексте общенационального процесса.

В 1974 году Фатима Анваровна, профессионально утвердившись в научно-исследовательской работе, продолжает изучение актуальных проблем в области фольклора и литературоведения в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте. Результатом ее работы стало издание очередной монографии «Карачаево-балкарский фольклор» (Черкесск, 1979), которая представляет несомненную ценность для науки. В ней автор освещает историю развития таких основных жанров карачаево-балкарского фольклора и литературы, как трудовые, обрядовые, исторические, бытовые песни, нартский эпос, сказочный эпос и т. д. Исследователем привлекается богатый сопоставительный фольклорный материал народов Северного Кавказа, Средней Азии, Дальнего Востока.

В конце семидесятых годов Ф. А. Урусбиева принимает участие в коллективной работе над «Очерками истории балкарской литературы», появившимися в печати на родном языке в 1978 г., на русском - в 1981-ом. Она пишет проблемные главы «Просвещение и культура Балкарии в XIX - начале XX века», «Драматургия в 20-30-е годы», «Драматургия на современном этапе». В 1984-1985 гг. Урусбиева провела социологическое исследование «Театр и зритель», материалы которого стали предметом научного сообщения «Диалог: театр и зритель» на региональной конференции «Идеи дружбы в культуре братских народов Северного Кавказа» (Орджоникидзе, 18-29 ноября 1987).

В 1986 г. Урусбиеву привлекают к работе над академическим изданием «Советская многонациональная литература народов СССР» для написания разделов, посвященных истории карачаевской и балкарской литератур.

Тематический диапазон третьей книги «Портреты и проблемы» (1990), которая состоит из критических статей, рецензий, литературных портретов, довольно широк: объектом научных изысканий исследователя является творческий потенциал карачаевских, ногайских, балкарских, абазинских, кабардинских, русских поэтов и писателей. Книгу отличает отсутствие стереотипного подхода к анализу фактического материала.

В 90-е годы исследователь завершила плановую монографию «Этапы художественного сознания на материале фольклора и литературы балкарцев и карачаевцев в наиболее «этнических» жанрах - эпос, песни о набегах, пословицы».

Творческий арсенал взыскательного ученого, критика и литературоведа на сегодняшний день составляет более семидесяти научных трудов, которые разноплановы по характеру исследований.

Наследие высококвалифицированного специалиста Урусбиевой, как показатель мастерства и таланта, заняло достойное место в истории национальной литературоведческой науки.

http://www.elbrusoid.org/content/famous/p324393.shtml
07/06/2006

Анатолия. Конец или начало транзита?..

Отрывок из книги «Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза» – М., 2005. Книга была экспонирована на Международной книжной выставке в Париже-2006.

Книга посвящена исследованию культурогенеза и систематического описания категориальных понятий тюрков. Как известно, в европейской традиции со времен Аристотеля тюркская культура интерпретировалась как варварская в противоположность эллинской, и базировался такой подход в основном на европейском материале. В данной работе делается попытка исследовать тюркскую культуру как самостоятельную данность, черпая факты из нее самой. В книге описываются процессы, связанные с аксиологическими установками тюркской культуры как типа, действующими на всем временном и пространственном протяжении «тюркского транзита».

Дилеммы

«Кто мы – османы или тюрки?
Наследники османских династий или граждане Турецкой республики?
Фаталисты или мудрецы?
Кочевники-туркмены или оседлые?
Восток, Запад или Анатолия?
Армия, нация или община (улус)?
Милитаристы или мирные, цивилизованные граждане?
Современное общество или мост в прошлое (живой музей)?
Шаманы или мусульмане?
Внуки Фатиха или дети Аты?
Носители культуры или завоеватели?
Меч ислама или кара христиан?
Запад или страж Запада?
Кто эти турки? Откуда пришли и куда идут? Тюркская раса или туранская?».

Даже сельджуки Коньи пренебрежительны к туркам. Собирательный образ турка у европейских народов в книге «Тюрк кимлиги» Бозкурта Гювенча отрицателен, если рассмотреть приводимые им расхожие определения.

«Ответ на вопрос «Кто мы?» – это не только восприятие нами себя и других, но и соответствие этого восприятия объективным оценкам. Ибо восприятие нами объекта – это и наша самохарактеристика». Впрочем, этноцентризм – это болезнь всего цивилизованного мира, а не только того или иного этноса.

Вот несколько взглядов на тюрков со стороны: 1) туристов-путешественников; 2) философов и ученых; 3) ориенталистов и тюркологов.

«Турок – маленький, как десятицентовик, мальчик для битья».

«В истории турок – синоним восточного деспотизма и варварства».

Монтескье называет Турцию «страной восточного деспотизма и монархии», а Хоббес – «патриархальным королевством».

В библейской мифологии её эквивалентом считается морское чудовище Левиафан – символ деспотии.

И только Вольтер, а затем Теофил Готье защитил турок от Монтескье. Панславизм или пантюркизм – это идеи, стоящие вне науки, вне свободы, вне земных благ, ибо они неосуществимы без достижения духовной, а значит, и политической независимости. Они утопичны, поскольку связаны с «чистой культурой», они вне социума и истории.

Однако для турков – это скорее комплекс, появившийся под длительным воздействием европоцентризма или, как выражаются в Турции, культурного империализма. Хотя именно свидетельства европейцев, как это ни парадоксально, собранные вместе, убедительно развенчивают европоцентристский миф.

Европейцы о турках

Высказывания выдающихся людей:

Наполеон Бонапарт: «У мужчин главное человеческое качество – храбрость, а у женщин – целомудрие. Но и тех, и других объединяет любовь к родине. Турки из тех героев, кто отмечен безудержной храбростью и умением противостоять судьбе.

Их можно убить, но покорить их нельзя».

Ибн-и Эшрос: «Турок, если пожелает, возьмет. Берется за дело – значит, выполнит, а за невыполнимые дела не берется. Литература Басры, искусство Китая, греческая мудрость – все это давно знакомо туркам».

«Турки шли за голубым волком к горизонту, туда, где сходятся голубое небо и черная земля. Там он исчез. Их жизненное пространство – от горы Кадырган на Западе до железных ворот Дербента».

В XIX веке Томас Жарийе в книге «Герой и пейгамбар» писал: «...для тюрков во главе угла стоит справедливость».

Джон Волпорт: «Ислам, в отличие от католической инквизиции, никогда не допускал вмешательства в чужую веру и не обращал в свою веру силой. Его (пророка) мы должны слушать более всего. Все остальные слова пусты. Мы, европейцы, в большом долгу перед мусульманами. Идеи равенства тоже связаны с пророком. Под щитом крестоносцев мы основали сначала феодализм, затем аристократию и лишь после этого пришли к свободе.

Когда Европа была во тьме средневековья, т.е. религиозного обскурантизма и фанатизма, мы (европейцы) использовали достижения исламского мира в области естественных наук: математики, медицины и астрономии (Ибн Сина Авиценна, Ибн Рошд, Ибн Байтар, Фараби), которые своим светом открыли дальнейший путь науке, которые противопоставили знание и вдохновение богатству и преуспеванию. Вторым после себя пророк Мухаммед объявил еврейского пророка Моисея (Мусу)».

«Чувство пути» двигало теми анатолийцами, которые дошли до конца «тюркского странствия», т.е. до Малой Азии, где они воплотили мечту о государстве. Их путь в истории – не только механическое перемещение. Оно имеет вектор (создание государства), «запас» движения, т.е. пассионарность (категория Льва Гумилева) и длительность. Независимость, презрение к опасности, движение вверх, а не вниз или в обход – лучшие качества для войны и победы.

«Нападающие на врага турки напоминают ураган, бушующее море, разящую молнию. Турок подле друга – утренний ветерок, прозрачное озеро» (Торквато Тассо).

Мартин Лютер: «Эй, немцы! Оставьте. Пусть нас (Германию) завоюют турки. Они научат нас правде и справедливости».

Шарль Демирбаш: «Я пленен турками. На ногах нет цепей, я не в кандалах и волен в своих желаниях. Но я – пленник нежности, благородства, уважительности. Я окружен алмазным садом. Турки не развратники, они придерживаются шариата. Спешат на помощь в беде. Любят соседей. Превосходны, великолепны...».

Черчиль: «Турки молчаливы, медлительны, осторожны, серьезны, наблюдательны и здравомыслящи, но в личной жизни обходятся без хитрости и затей. Чтут и закон, и адат. Их роскошь – в простоте, красноречие – в молчании. Они утонченны и чувствительны. Блеск, благородство и честность – их отличительные качества».

Конте де Бохховаль: «В этой стране великого духа боюсь забыть родину. Люблю турков».

Леди Монтегю: «Турецкая женщина придает блеск даже алмазу, и это чудо природа создала только в Турции».

Шатобриан: «Турецкая нация приветлива, снисходительна. Даже истинам, чуждым им, они позволят жить рядом, они закроют на них глаза. В этом доказательство их силы, гордости, идущей дальше надежды и благородства».

Кампанелла: «Можно ли найти город солнца на планете? Турки, не стесняющие свободу совести, свободу идей, свободу языка, уже своим существованием убеждают меня в том, что завтра этот город будет. Если они признают над собой только голос справедливости, голос истины и свободы, почему бы этому городу не воплотиться в явь?»

Лорд Биаконсфельд: «Их жизнеспособность, высокая одаренность, вечные добродетели, не подлежащие сомнению, нужны Европе как пример устойчивости и равновесия».

Вольтер: «Победы турков живут в душах поколений – значит, надо победить не только самих турков, но и их историю».

«Турки умеют умирать, а значит, не покоряться. Но не знающие страха турки... боятся. Боятся воспоминаний о долгом своем пути. Теперь идет новая борьба – борьба историй».

Пантюркизм – явление ответного, компенсационного порядка, как бы «расплата» за военные притязания Османской империи, которые спонтанно закончились вместе с ее крушением. Спонтанность – это константное качество тюркской культуры и дипломатии на самых отдаленных полюсах как временного, так и пространственного протяжения.

Турецкий просветитель Зийа Гёкалп в начале века выдвинул тезис о «среднем классе» турков, который по своему обществообразующему положению призван гармонизировать общественную и культурную ситуацию.

Созданию «нового тюркского человека» посвятил свои реформы основатель Турецкой республики Мустафа Кемаль Ататюрк. Он категоризирует понятие культуры для «новых тюрков», считая его первоосновным для национального строительства. Ататюрк в своей деятельности сразу же разграничивает понятия «национализм» и «патриотизм», понятия «культура» (традиционная) и «цивилизация» (западная, машинная).

Культура, считает он, становится равной цивилизации, вобрав в себя государственную, духовно-мыслительную и экономическую деятельность.

Ататюрк – прогрессист по убеждению, избравший для родины путь единения, открытости миру, опоры на разум и знание для достижения естественных и неизменных в существовании человека целей.

Для тюркского государства это означает процветание (рефах), мир (бариш), счастье (мутлулук).

Культуру он считает достоянием не расы, страны, нации, а всего человечества, что вполне сопоставимо с мечтой европейца Герберта Уэллса на заре того же века о всемирной истории, о «мировом государстве».

Чтобы не стать полуколонией Запада, обрести духовную и политическую независимость, опираясь на опыт, предшествующий крушению Османской империи, накопленный в кочевых и аграрных формах «образа жизни», он приходит к выводу о необходимости прямого подражания западным технологиям.

Теоретической опорой ему послужили в этом положения Р. Тэйлора о культуре и цивилизации, а также О. Шпенглера о суперорганических сущностях цивилизаторского процесса. Нет четкой разделительной линии между физической (технологической) и духовной цивилизацией, т.е. культурой. Об этом говорит опыт турецкого Ренессанса и Просвещения. Не пройдя этап религиозной общины («джемаат»), общество не могло перейти к светской стадии развития («джемийет»). Особенность турецкого феодализма, который так и не оформился в классический вид формации, заключается в том, что малоазиатские формы государственной организации, отдавая землю «бейликам» (владетельным беям), «комутанам» (военным), в то же время оставляли распределение дохода, культуру, религию, медицину и социальную сферу в руках государства.

«Бой» (род), «конат» (племя), «девлет» (государство) – эта триада выделяется историком и социологом Дивитчи Оглу в книге «Сельджуки» как постоянная, типичная для тюрков константа общественного устройства. Все три ее ипостаси сосуществуют и не меняются при любом уровне прогресса.

Федералистский тип развития экономики и культуры диктуется здесь разнообразием и контрастностью географических и культурных оппозиций; климатических (север-юг, запад-восток), ландшафтных (горы, равнина, прибрежная полоса). Оппозиция кочевье-оседлость породила культурно-хозяйственные и ментальные типы. Ф. Бродель (1991г.), Паз (1985г.), разработавшие основы теории о ритмах истории, отмечают, что в странах с длинной историей наблюдается более замедленный тип развития, а в странах с «короткой историей» ритм ускоряется.

Турция не сохранила государственную деспотию, но сохранила элементы опеки, патернализма во многих сферах: в служебных и производственных коллективах, вплоть до взаимоотношений правительства с государством («Девлет баба Демирель» – отец государства Демирель).

Культ отца («баба»), дяди («ага») и особенно деда как сакрального предка («геййикли баба» – «олений отец»; ср. мать-олениху в «Белом пароходе» Чингиза Айтматова; «суусуз дедиле» – «безводные деды» в культах секты алеви, «иль-баба» – «отец племени»), – все это элементы чувственно, эмоционально воспринимаемой модели семейно-родовой общины, которая переносится на государство.

Даже улицы обозначаются терминами родства в соответствии с их значимостью (шоссе, улица, переулок) и взаиморасположением – «ата джаддеси», «ана джаддеси» и т.д.

РЕЛИГИЯ В АНАТОЛИИ

Несмотря на то, что здесь после принятия ислама господствует монорелигия, в разных государствах и даже в отдельных общинах она имеет различные толки: в Иране – шиитизм, в Анатолии – бакташи и алеви, в Египте – фатимиды, в Средней Азии и далее к Востоку – политеистическое шаманство, в Индии – исламизм. В секте бакташи ощущаются элементы доисламских верований. От христианства здесь сохранился полушаманский культ Хедра – Ильяса. Все ветви (тарикаты), кроме «сунни», носят полушаманский характер (алеви), к чему турки относятся менее снисходительно, чем даже к иудеям и христианам.

Секта «алеви» несколько сместила культ пророка Мухаммеда, признав главным Хазрет Али, и ему посвящает свою таинственную обрядность. Культ огня, пост без воды, испытание отсутствием омовения – все это как бы воспроизводит муки Хазрет Али, которые он претерпел за веру. Секта позволяет нарушение правил ортодоксального ислама – винопитие, пляски дервишей, совершение намаза только из двух рекятов, соблюдение поста «рамадан» на протяжении всего трех дней, моление (дуа) на тюркском и под сазовую музыку. Живут алеви компактно, они расселены в Измире, и районе Нарлы Дере. Этнографический интерес, который вызывают их эзотерические, «темные» обряды, например, обряд «гашения свечи» («мюм сёндю»), их своеобразная религиозная мифология, – этот интерес всерьёз осложняется страхом перед якобы политическими целями организации, которая довольно сильна и распространена на весь регион Малой и Передней Азии и может использовать эту религию в деструктивных целях.

Диллема между «орфи» и «шерри», т.е. государственным и религиозным правом разрешалась в пользу последнего в эпоху Энвери и эпоху Аббасидов в виде института кадиев. И только в 1779 году, после распада Халифата, утверждается здесь европейская конституция. До тех пор под влиянием Халифата здесь делами мира и войны ведал исламский «Яса». Кадии же и при новой конституции продолжали решать вопросы бытовые и семейные: брак, развод, наследование и т.д. Идеологической и философской основой служили «Келам» имама Газали и философские трактаты Фараби, Авиценны, а в арабо-испанском ареале – андалузца Ибн Рошда. Когда в XVII веке в Европе уже утвердилась эпоха Ренессанса, а затем Просвещения, здесь еще царило средневековье.

Туркмены-огузы говорили на тюркском, однако не отуречились. Хотя они и перешли к оседлому земледелию, но еще не остыли от военных побед над оседлыми анатолийцами.

Алеви (бекташи) подняли восстание на стороне шиитов. Они не верили в потусторонний мир. Алеви, сбросив грубые шерстяные одежды дервишей, возжелали мирового господства под видом государства всеобщего благоденствия. Их целью было получить через «мевлеви» (организации бекташей) или же через государственные структуры свой самый большой пай.

Имам Газали вещает и о том, что турки – люди только по видимости и что их нельзя допускать к религиозным структурам, так как неукоснительно поддерживать они могут только государственный османский кодекс.

Мевлана из Коньи, развивавший ислам духовно, заявил, что мир «могут строить греки, а разрушать турки». Но турки и за пределами Анатолии всегда были строителями ислама, в то же время признавая равенство культурного наследия всех народов.

Если принять за основу тезис о том, что вера (религия) настолько крепка, насколько совпадает с культурой, то общинная модель и ислам совпадают по многим принципам как жизнеустройства, так и отношений ее членов между собой и с общиной в целом. Религиозное целое общины («умма») стало основой для принятия «сунны» – неукоснительного свода правил, составленного по жизнеописаниям пророка.

Харизматическая община, признаваемая тюрками во все времена, после создания временных эфемерных государств (османы, севефиды, монголы, аббасиды), снова предстала перед ними как идеальная и вечно живая модель общественного устройства. Краеугольным камень общественного существования являлся демократизм, равенство составляло притягательную силу для всех вновь обращенных в общину. Мусульманство – это «религия отчаяния». «Я горжусь своей бедностью», – сказал пророк Мухаммед, решив тем самым проблему собственности, осудив грех чрезмерного обогащения, заменив всякие формы неравенства, будь то купля-продажа земли и недвижимости, наследование и ростовщичество, формами натурального обмена: «Пусть славён купец, проклят будет перекупщик». Тимур, внедрявший ислам огнем и мечом, тем не менее способствовал в Мавераннахре развитию науки и искусства и заложил основы государствования в своих «Уложениях», отведя первое место среди учреждаемых им десяти сословий мудрецам и правоведам. Он же отделил судебную власть от административной, поставив под контроль государства отдаленные районы, армию и рынок.

Если язычество дало ереси (зороастризм, манихейство, несторианство), то ислам – государственность, а в области духа – чувственно и умопостигаемый космос, «келам» Аллаха вместо растекающегося «кадар». (У балкарцев, задержавшихся в язычестве долее других, еще прорывается надежда и волевое преодоление предназначения: «Къадар – Мадар» («На судьбу управа найдется»).

Светское и духовное, вечное и сиюминутное, реальное поведение и установки, – все теперь централизовалось в непреложности Откровения. А естественное право действовало только в вопросах, выходящих за пределы частного семейного быта.

Устремленность религии в прошлое (то, что произошло в истории, – проявление божественной воли) соответствовало по своей главной сути харизматической общине («все последующее должно принимать форму, соответствующую прошлому»), колее предков.

Ислам не разрушает и главной ценности человека в общине: самосознание «я» как «потенциального центра» (человек – самое совершенное зеркало бога). Установка целиком опираться на свои собственные силы, независимо от государственных обстоятельств, «составляет основу религиозного и культурного иммунитета ислама».

Т.П. Григорьева определяет восточный тип философии такими терминами, как нелинейность, недуальность, параллелизм, одновременность, инторовертность, синтетичность, многомерность, спиритуализм. Если вычленить из этого «состава» те специфически дальневосточные свойства культуры, которые составляют основной ареал ее исследований - такие, как спиритуализм, недуальность, – то картина представляется применимой и к ментальной карте тюркских культур, с различными зональными, хронологическими и этнокультурными корреляциями. Если же попытаться применить ее к интересующей нас проблеме, то у карачаевцев и балкарцев, находящихся посреди тюркского странствия и во времени, и в пространстве, и в интенсивности и чистоте проявлений духовных закономерностей, дуальность как раздвоенность ощущается особенно отчетливо. Двойственность между религией и свободомыслием, между адатом и шариатом (в праве), демократизмом и аристократизмом, между духовными и материальными авторитетами, если иметь в виду подвижное соотношение между категориями «насыб» («счастье»), «намыс» («честь»), «ырысхы» («богатство») и «кюч» («могущество»).

Спиритуализм же, выделенный Т.П. Григорьевой, у балкарцев и карачаевцев очень сильно проявляется в магии, эзотерике древних действ, но отсутствует в сегодняшнем «портрете» балкарца, исторически и национально определенном из-за «тяжести» («сабырлыкъ»), противостоящей пустоте и легкости, т.е. способности к экзальтации.

Балкарец (карачаевец) – это приоритет «глаза» (видимого) над «ухом» (внушаемого).

Тюркский ислам

Главным отличительным признаком тюркского ислама является его развитие и активное включение в жизнь. Ислам для тюрков – это и быт и культура.

В современной Турции имя бога (Аллах) можно встретить на транспаранте, вывешенном поперек улицы, или на грузовике, и это непривычно взгляду приезжего носителя религии, привыкшему к большой скованности и дистанцированности при упоминании бога. Современные свадьбы (дуюн) сопровождаются «илахи», распеваемыми хором нарядно, по-европейски одетых гостей, вся набожность которых состоит, на первый взгляд, в блеклом платке, который носят в сумочке, чтобы, повязав его, забежать в час молитвы в ближайшую джами (мечеть).

Обязателен намаз в два рекята для служащих муниципалитета (мужчин) – это является как бы признаком турецкого истэблишмента. Особенно строго соблюдается полуденный намаз, когда на дорогах случаются пробки из-за того, что водители и пешеходы-мужчины спешат преклонить колени в том месте тротуара, где их застал азан – призыв к молитве. Прочно вошли в быт интеллигенции сазовые религиозные песнопения в виде домашних концертов для гостей, а также пятничные молитвы женщин-дервишек с легким угощением (пирожки с йогуртом) в доме какой-нибудь «святой» кадын. Они тиражируются в виде кассет и идут нарасхват, как любая популярная музыка. А проповеди главного священнослужителя, транслируемые по пятницам из Стамбула, смотрятся всем народом по телевидению со слезами на глазах – настолько взволнованны и обращены к каждому эти проповеди.

Когда я спросила у Фадыл-Бея, еле вырвавшегося из дорожной пробки, чтобы помолиться на тротуаре, о чем он говорит с богом, кроме обязательной молитвы, и как он совмещает суету своей жизни с таким высоким актом, он ответил: «Благодарю Аллаха за то, что жив и здоров, молю о будущем... Молю о ближних, те – за меня, и получается, что каждый – под защитой бога, и колесо крутится...».

Он подарил мне прекрасное издание сорока хадисов под названием «Сабах» («Утро») и объяснил, что они предназначены для утра каждого дня. Религия «на каждый день» и даже «на каждое утро» приближает мудрость Корана к бытию каждого человека. Повседневная молитвенная практика, свобода разговора с богом пробуждает в личности встречную рефлексию, все более глубокое осознание себя в боге.

Хадисы

Вот некоторые из хадисов:

l. Мое сострадание превзошло мой гнев.

2. Рай в тени штыков (о джихаде).

3. Утаивать науки несправедливо (не благо).

Имам Газали писал об этом так: «Сначала найди знание, потом усвой, потом передай его другим.

Чтобы пользоваться им самостоятельно, воспитай себя. От приобретения знания иди к его пониманию (внутреннему). И еще более почетно передать его другим, сделать его приносящим пользу людям.

Учиться, применять знание и передать его другим – все это приближает душу человека к небу. Потому что такой человек подобен солнцу. Просветленный, он просветит других, но сам сгорит и станет пеплом».

4. Кроткого Аллах возвысит, гордого – принизит.

5. Доброе слово заменит милостыню.

6. В судный день будут положены на весы чернила ученых и кровь борцов за веру. Чернила ученых перетянут чашу. Ученые – светильники вселенной... С продвижением знания связано продвижение веры.

7. Блага просите у Аллаха подле красивых и приветливых лицом. Абдурахман Джами говорит о физической, а не духовной красоте, ибо, прося о насущном, человек успокаивается, глядя на красивое и приветливое. Кроме того, физическая оболочка – отражение внутренней гармонии: воздержанность, уравновешенность, моральная сила, справедливость запечатлеваются в чертах лица человека.

8. Нетребовательность – неиссякаемый клад.

9. а) Облегчайте, упрощайте.

б) Не усложняйте.

в) Возлюбите.

г) Избежите ненависти.

10. Послушание отцу – послушание Аллаху. Мухаммед выделяет группы людей, и дуа (молитвы) будут приняты в первую очередь от отцов за детей, от гостей за хозяев и от тихих (кротких). И на том, и на этом свете зачтется послушание детей, старание ублаготворить отцов.

11 . Приветствие идет раньше (т.е. должно предшествовать речи).

12. Зависть, подобно огню, пожирающему дрова, съедает все доброе.

13. Там, где зависть, нет места вере.

14. Прежде чем заниматься чужими недостатками, посмотри на свои.

Хадисы о сплетнях, передаче слухов, о милосердии, жалости, о мягкости слова сочетают в себе реальную и идеальную этику:

Рай – под стопами матерей.

Кающийся равен безгрешному.

Подавляющий свое любопытство усилит свое мусульманство.

Мусульманин тот, кто оберегает свой язык и тело в чистоте.

У каждого, кто блюдет чистоту, приумножится благо (богатство).

О возможностях судят по результату.

Возможности связаны с намерениями.

Хоть и маленькое, но постоянное и продолжающееся деяние Аллаху угодно.

Не правда ли, роскошная утренняя духовная пища для рядового мусульманина?

Гостеприимная учительница колледжа подарила нам ксерокопии с уставом «Всемирного духовного братства Мевланы», в которым изложены в их развитии основные принципы Учителя – Джалаладдина Руми (Мевланы). Это как бы кодекс духовного братства людей планеты и даже всех разумных существ нашей Галактики, это требник для всех вступающих в это братство в поиске гармонии с мировым порядком: «Бог создал Вас, а Вы создайте себя»; «Зерна любви взойдут невиданными цветами, и их запах станет Вашим третьим глазом». В этом программном слове – и о совести, которая одна, и о равенстве перед богом, и о категориях Стыда и Покаяния.

Стихи о «тёвбе» (раскаянии) несравненного для тюрков Юнуса Эмре полны неувядающей и все более понятной современникам острой и ароматной мудрости:

Корень раскаяния смешай с листом прозрения,
Омой кровью сердца и растолки пестиком единения,
Пропусти через сито совести, затем добавь мед любви
И свари в огне Любви,
Затем пальцем скромного довольства принимай в пищу
И утром, и вечером...
Юнус Эмре

Покаяние, раскаяние (у карачаевцев и балкарцев в возгласе «Тоба» или «Тобагъа къайтхан», «сокъураннган мёлеклеге тенгди» («кающийся подобен ангелу»), как и сомнение, – категории более поздней, «рефлективной культуры» (Мелетинский).

Уровень образования в Турции (официальный, в цифрах) у старшего и среднего поколения не столь высок. Но «индекс интериоризации», т.е. глубинного усвоения знаний и массовости овладевшего ими населения, гораздо выше, чем у нас. Причина этого в том, что ислам воспитывает мораль в союзе с поэзией, глубоко проникая в бытовую праздничную обрядность.

Что касается образованности как таковой, то удивляет всеобщее знакомство с историей тюрков, их философией. Слово «инсан» (т.е. «человек» с оттенком «духовности») постоянно употребляется в быту. Характерны возвышенность лексики, свободное включение ее в беседу, что превращает последнюю в «высокий диалог». Здесь уместно вспомнить впечатление, которое на А. Битова («Уроки Армении») произвела всеобщая историческая эрудиция армян и уважительное отношении к «мастеру» («варпет»), который может быть и водителем, и скульптором, и философом.

В Турции же слово «эфенди» («доктор») – повседневное обращение. Философствуют на бытовом уровне все - от зеленщика до сельскохозяйственного специалиста. Моя соседка по палате, – простая сельская женщина Мёлек Колташ, – охотно читала наизусть прелестные загадки в стихах, отрывки из «Чичек дестана» («Дестана о желтом цветке») Юнуса Эмре, а также дуа (молитвы) и мистические отрывки из старых поэтов Анатолии.

Модель «рая» в Измире

Ислам ассоциируется не только с постом, самоотречением, но и с радостью («зевкли»), наслаждением («кейфли»), легкостью («колай»), покоем («рахат»). «Гузель» («прекрасный, красивый»), кажется, – самое употребительное и универсальное понятие. Это слово – как заклинание, как необходимый фон образа жизни (наподобие американского «о'кей!»).

Очень убедительны в лексике общения и слова, означающие противоположные состояния: «рахатсыз» («беспокойный, неудобный»), «юзюлдюм» («я печален, грустен»), «сыкынты» («у меня тоска»), «перишан» («я в растрепанных чувствах»), «хейеджан» («я взволнован»). Этих признаний не стыдятся, они вызывают общее сочувствие. Эта инновация в поведении восходит к очень древней дальневосточной культуре уважения к эмоционально-умственному состоянию человека (японцы прикалывают к прическе или одежде таблички в дни медитации или эмоционального расстройства).

Причем эмоций не стесняются ни мужчины, ни юноши, в турецком кино они часто получают пощечины от женщин (ситуация, для наших понятий о мужской чести чреватая драмой), плачут, а в телехитпарадах любовные страдания всегда космически масштабны и нешуточно трагичны. Они как бы и составляют и «цвет», и «вкус» жизни.

В быту огуз нежен и заботлив – и с детьми, и с женой. В торговле и сфере обслуживания он часто заменяет женщину: стегает на виду у прохожих одеяла, печет сладости, дома готовит еду и салаты. Безраздельна его власть на рынке, где он и продавец, и зазывала, и выдает такие вокальные партии, по патетике сравнимые только с оперными, особенно в окончаниях слов «бин» (1000) и «кампанья», что буквально вызывает катарсический разряд и у себя, и у покупателя. Приходит на память японская мудрость: «Старый мужчина соединяет в себе сразу мужскую, женскую и детскую ипостаси», а также миф о двойном женско-мужском тотеме тюрка (бык – луна), от брака которых он появился. Во всяком случае, возникает ощущение взаимодополняемости этих начал, усиливающих в конечном счете именно мужское начало как изначальную ответственность за род, семью. Прекрасное сочетание!

Ведь аскетизм мужского образа на Кавказе в современных условиях жизни часто оборачивается некоей полой структурой, в которой мужские и женские роли давно поменялись местами.

Отсутствие «мужского шовинизма» наблюдается и в положении дедушек, которых тащат на поводке собаки или строптивые внучата. Дедушки делают все закупки на рынке, готовят обеды и не требуют особого почитания к себе, тогда как бабушки привычным царственным жестом подносят руку для поцелуя.

Наиболее бытующее в обращении слово, стоящее в том же ряду, что и слова «зевк», «кейф», «рахатлыкъ» – это «йемек» («еда»). Все эти термины – позднейшее обретение тюрков в Анатолии в их уже преобладающем «огузском менталитете», отличном от кипчакского, более аскетичного и простого. Понятие «йемек» равнозначно священнодействию, оно возведено Ата-тюрком в государственную программу семейного и национального процветания, в задачу накормить гостей, голодных и нуждающихся. «Софре Юс-тюнде мёлеклер» («Скатерть охраняют ангелы»). «Йемек» обязательно подразумевает ситуацию общения. Железные стандартные подносы с разделами для обеда, десерта и т.д. – это почти символ Турции. Они одни и те же для всех без различий, как по качеству еды, так и по социальному контингенту, нет отдельных начальственных столов, как при советской бюрократии. Случаются и большие «йемеки» – общегородские или квартальные, для «сюннет тоя», выезда всем селом или общественной организацией на природу. Еде не предаются ради нее самой и не гурманствуют, а стараются провести все деловито и быстро. Сохраняется как бы сакральный смысл приема пищи. Главное – соблюсти точное время. Для гостей подают то же, что и сами едят каждый день, если не считать уже сугубо европейские «фуршетные» столы с алкоголем для гостей-иностранцев (традиция, завезенная из Германии и Америки). Культ зерна (пшеницы, чечевицы, риса, овса) во всей своей архаике до сих пор сохранился в турецкой кухне. Так, весь Хазиран – начало Нового года по религиозному календарю – здесь едят зерновой суп со всевозможными фруктами.

Перечисленные ментальные особенности укладываются в современную «философию жизни». Кажущееся простодушие и духовная незатейливость – это возвращение к истокам после «идеологических эпох» 20-30-х годов. Впрочем, и тогда не наблюдалось революционной ломки всего быта, общественного и межличностного. Традиционность быта в главных чертах утрачена не была. Даже в торговом и этнически пестром Измире можно заметить махаллеобразный (квартальный) уклад, хотя население города составляет около трех миллионов жителей. Каждый район как бы повторяет в себе образ другого, а в совокупности они создают модель некоего «рая». Этот мотив прослеживается в «кафесах» (клетках для певчих птиц), вывешенных в магазинах и на улице, на фасадах цветочных магазинов; чувствуется он и в композициях из сухих цветов, которые создают соответствующую среду на торжественных мероприятиях, как семейных, так и отождествленных с таковыми, и в венках из искусственных цветов и лент с подписями, в цветах из шелка, бисера... Если сюда прибавить скверы с невиданными, самых причудливых тонов, цветущими деревьями, которые у нас проживают в статусе скромных кустарников, то сходство с раем усиливается. Райскими кажутся и фасады домов из какого-то современного песчаника, белизна которого также подчеркнута вьющимися цветочными шпалерами, сиреневыми и розовыми.

Мотив «райской клетки» семантически как бы перекликается с образом женщины, в этой модели рая тоже как бы заключенной в золоченую клетку, ибо она далеко не часто работает или служит. Если у мужа есть возможность, то даже в интеллигентных семьях жены, скорее всего «капалы», т.е. «закрыты», а это означает известные ограничения не только в одежде, но и в образе жизни. Она закрыта платьем типа «сари» нежных расцветок с соответствующим пальто или плащом, волосы ее спрятаны, но, как ни странно, юное лицо становится еще более юным в ореоле собственного совершенства и свежести, которые, вместо ухищрений прически или косметики, выгодно оттеняет ткань «ёртю» (платка). Такая женщина не отходит далеко от дому одна, она и ее скромность полностью защищены, что доставляет ей немалые выгоды. Муж тоже, как и она, делает намаз, избегает порока, доставляет все домой сам, оставляя ей только домашние заботы об убранстве дома, занятия вышиванием, разведением цветов, приготовлением ритуальной еды, и т.д. Сам акт «закрытия», которое добровольно принимают и приехавшие учиться девушки, не означает ни монашества, ни ухода от жизни. Он как бы возвращает женщине утраченное достойное существование и придает ему романтический ореол.

Именно такой женщине посвящены здесь ежеквартальные россыпи золотых и серебряных изделий, расположенных так же часто, как хлебные или овощные развалы.

При всем динамизме большого города и обилии транспорта здесь все-таки чувствуется некоторая «райская» сонливость – это как чисто восточный фантом. Он ощущается и при виде черных кошек, живущих здесь уж очень какой-то самостоятельный от людей жизнью, обычно ночной,

обстоятельно изучающих мусорные контейнеры и крыши, свои территории и квадраты. Кошки – мои «измирские сестры» по одиночеству, неизбежному в окружении другой ментальности.

Когда по приезде я перечитала описания приморских городов у Александра Грина, то удивилась их точности, угаданности пространства, в котором никогда не жил скромный конторский клерк из крымской провинции. Его Зурбаган и Лисе в точности повторяют Измир, бывшую греческую Смирну. «Блистающий мир» Грина сопоставим с бело-голубым пространством лежащего на серпантинах морской кромки Измира с его собственным внутренним «Зурбаганом» – городом-призраком, городом-мечтой. В его роли выступает Карши Яка (тот берег) – район, где живут богатые, преуспевающие горожане и к которому лучше всего ехать на «вапуре» (пароме). Он прилегает к морю своими казино, портовыми (напоминающими таверны или траттории) кафе для студентов с запахом жареной рыбы и атмосферой приключения.

Здесь же, прямо на воде, расположен Дворец бракосочетания, украшенный мифологическими скульптурами дельфина, согласно мусульманской легенде, спасшего от врагов пророка Юнуса, продержав его в чреве сорок дней, или морских коней-драконов, выносящих на своих гривах из моря неведомых легендарных героев, создающих несколько наивно декоративную мифологию побережья.

Отель «Хилтон», который, как и отель «Амбассадор», не имеет национальной прописки, а скорее служит трансконтинентальным символом города, возвышается надо всем, но отделен от моря одной широкой аллеей, по сторонам которой – могучие и ровные пальмы, книжные развалы и сувениры. Здесь в собственном книжном магазинчике принимал нас самый модный журналист Измира Яшар Аксой, работающий в «Йени Асыр» – газете «Новый век». Угостил крепчайшим чаем в армудах прямо у киоска, подарил книги по истории литературы. Я сидела и размышляла о том, что он тоже осуществил свой «рай на земле»: живет в той же Карши Яке, что и «цвет города», домой добирается вот по этой нереально красивой улице, сначала пешком, а потом на пароме, успешно работает и пишет на самые модные темы культуры, в том числе о религии алеви, обладает каким-то всемирным компьютерным каталогом по тюркологии, носит какую-то щемяще элегантную шляпу и элегантный костюм колониального европейца... Но если ад и рай в душе поэта (или художника) неразделимы, то где же он носит свой ад?

Фантом «сна», какого-то замедленного течения чувствуется здесь и в ритуале приветствия. Оно включает в себя набор стереотипных вопросов и ответов, повторяющихся снова, если кто-то из присутствующих отлучился на время, а также при повторной встрече и при прощании. Это тоже, видимо, имеет какое-то «сверхзначение» для ритуала самой жизни, нуждающейся в постоянном вращении «колеса» при участии всех и каждого. (Вспоминается буддийский храм в Непале, где у его входа установлены огромные медные вращающиеся барабаны, чтобы каждый мог исполнить этот ритуал вращения жизни.)

Идеологема вращающегося круга в Турции наглядно создает образ страны. Вращающийся «донер» (вертел для изготовления мясной духовитой строганины для бутербродов), вращающаяся скалка в руках бабушки, пока внуку делают обряд «обрезания», и, наконец, древний танец дервишей «сема», в котором идею коловращения жизни планеты воплощает каждый танцующий, плавно вращаясь вокруг своей оси и одновременно вместе с другими по замкнутому кругу.

«Сон – главный враг тюрков». Эти слова эпического героя огузов Деде Коркута составляют пафос целого движения в Турции в 30-е годы, в котором «харакет» (движение, динамика) выдвигался как условие успеха национального государственного строительства. В терминологии ататюрковских программ это положение воплотилось в лозунге «Чалышмак» («Трудиться»). «Чалышмак» – это не демагогическая абстракция, а реальная стратегическая программа вывода страны из положения европейской провинции, подъема технологии до требуемых стандартов. Потогонные системы наемного труда, существовавшие, в основном, в Германии, а за пределами материка – в Америке, где турки занимают немалый процент трудовых мест, обусловили «трудоголизм» сегодняшней Турции. Даже в дождь здесь моют шампунем тротуары, убирают за каждым прохожим мусор, места общего пользования, стригут газоны, а чай в круглых подносах подается прямо к месту работы. Деятелен и отдых.

Бесконечны праздники дружбы, представления кукол, карнавалы, открытия мемориальных парков и памятников, массовые благотворительные акции, не говоря о главном «пульсе жизни», особенно в Измире, – торговле. Нет ни одного метра, не «окультуренного» торговлей или сферой обслуживания. Все – на вынос, все требует немедленной реализации... Впрочем, это уже, кажется, черта городского или туристического пространства в мире вообще и в новинку только для нас, еще не связавших пульс жизни с рынком.

Но вернемся к фантомам «рая» и «сна», которые не покидают нас все это время, несмотря на переливы современных ритмов. Эти фантомы ощущаются в сохранивших в неизменности уклад средневековья, чисто мужских кварталах, где и продавцы, и обслуга, и старики, созерцающие и беседующие, все поголовно мужчины, и это в центре города. В переулках со стариками-кальянщиками, целыми днями сидящими в ряд. Это «сидение» как форма созерцания, кажется, тоже имеет какое-то сверхзначение, если вспомнить культуру сидения («чек») у тюрков, в т.ч. и балкаро-карачаевцев (собрания «тукум чеки», на которых решались важные родовые дела). Это и просто медитация на личном уровне тех, кто умеет сидеть так значительно и отрешенно, не поворачивая головы, а только поводя глазами.

Современное общество, входя в тупики цивилизации, совершенствует нравственность в новых религиях, сектах, в оккультном ликбезе, меняющемся со скоростью моды, оказывается как раз нравственно не защищенным, лишенным иммунитета к злу, пороку. По существу, представители такого общества лишены культуры, некультурны в смысле устойчивых культурно-нравственных навыков и барьеров. Они, словно атланты, несут на себе груз «двойной морали», как на личностном уровне, так и на уровне государственной лжи, – прессы и СМИ вообще. Жизнь же в религии, в ее практических формах дает идеальные модели поведения на каждый день (хадисы, например), перекладывает этот непосильный груз на плечи религиозной, квартальной, деловой, учрежденческой общины, с которой пока еще в живой связи находится государство. Мы уже говорили о «патернализме», который еще не разрушен бюрократией. Модель «Государство, выросшее на плечах ислама» работает и в обратную сторону. «Ислам на плечах государства» – это благотворительность, воспитание и обучение, или деятельность, например, такого института, как «Тюрк дунья», под опекой которого и находилась наша группа по культурному обмену. Его деятельность в Измире, например, не носит централизованно-бюрократического характера. Хотя формально организация состоит при «валилике» (губернаторстве), она зиждется на доброй воле и инициативе двух-трех человек, состоящих в штате и приводящих каждый раз в движение всю реальную инфраструктуру: депутатов, а также «каймаканов» (районных губернаторов города), заведующих научными и хозяйственными учреждениями, частных благотворителей («зенгин»), а главное, целую армию «бравых ребят» – пенсионеров-педагогов, военных, и т.д., которые в Турции рано уходят на пенсию и охотно реализуют себя в неформальной деятельности. Поскольку руководитель организации Фадыл Бей Унал сам является ветераном образования, он располагает широкими возможностями координации и направления «дела». Круг его обязанностей настолько широк и непредсказуем, что, казалось бы, «дело» неминуемо рассыплется, устранись он от него хоть на день. Если мэрия занималась вопросами приема и размещения новых партий тюркоязычных студентов (от чувашей и уйгуров до среднеазиатов), то есть их «социализацией», в том числе устройством в «санпропускник» (языковые курсы), снабжением проездными карточками и жильем, то «Тюрк дунья» – адаптацией, приобщением к «образу жизни», хождением в гости, «на чай», «субботними каникулами» («татил»), экскурсионными поездками. И еще члены «Тюрк дунья» помогали нам с «медициной», при необходимости – с обследованием (которое стоит здесь довольно дорого), посещали в больнице с участием всего актива – все тех же пенсионеров, болгарских турок, репатриированных из Болгарии, членов «кавказского клуба» («дернека»).

Они также занимались и выпиской из больницы с последующими официальными благодарностями врачам от имени организации и т.д.

Один день руководителя Фадыл Бея вмещал в себя очень много: навестить приехавшего из Киргизии студента с семьей, откорректировать вопрос о питании, выбить деньги на отъезд группы студентов, нам – на покупку словарей и пособий, боснийским детям – на экскурсию в горы (они были вывезены из зоны войны в Боснии, обучались Эрзруме, и их премировали этой поездкой за хорошую учебу). Фадыл Бей превзошел в этот день сам себя, гонял с детьми по поляне на мотоцикле, чокался с ними бутылками «Пепси» и без конца фотографировал. «Если это бюрократизм, – подумалось мне, – то нового типа». И еще я подумала о «сентиментальности» государства, которое может вот так, как живой человек, сочувствовать, плакать и радоваться, не обкатывая свои эмоции казенно-бюрократическими реляциями и указаниями. Когда женщины из организации «Кадын колла» («Женские руки») устраивают благотворительные базары, выставляя собственные поделки, блюда и сладости, книги, кассеты, детские вещи (совсем как в Америке) или перегораживают шоссе «цветочным шлагбаумом» из перекупленных по дешевке и оптом гвоздик, с целью сбора средств для детей Боснии, – это тоже человеческое лицо Государства.

Мифология побережья

Эгейское побережье – особая зона не только в географическом, климатическом, но и в биоэнергетическом отношении. Сказывается плотность ноосферы, ощутимый биологически настрой культурных эпох. Здесь другой отсчет времени, другие ритмы природы. Мы ступали по другой земле, пили другую воду, сновидения из-за потери привычных координат исчезли вообще, и только одна из нас видела «цветные сны» – видимо, благодаря особой проницаемости.

Для меня все это объяснялось близостью «божества моря» – Дениз Танры. Оно, несомненно, жило рядом, приникало в нас звуками, мерцанием, видениями, слоистостью и изменчивостью атмосферы. Впервые я ощутила его материальность. И, наконец, решилась. В тот день ностальгия по дому и близким схватила особенно сильной «железной рукой» и прорыв к морю был вынужденным (на набережной был междугородний автомат). И именно здесь, под неумолчный шум автомобильной трассы и рокот моря, под очень патетической и наивной скульптурой с морскими богатырями на морских конях-драконах, состоялся сеанс связи с родными, а значит, со всем миром. Это было как благодать, как благословение жить дальше.

Вторая встреча с морем, не из окна автомобиля или автобуса, а на уровне обряда, произошла в день Хедр-Ильяса. Этот странный языческий обряд, очень популярный в Измире, посвящен одновременно двум пророкам, – охраняющему путников на земле – Хизру – и покровителю путников на море – Ильясу. Измирцы ощущают море на чувственном уровне, судя по фразеологизмам: «сегодня есть море» («дениз вар») или «море схватило» («дениз туту»).

Обряд Хедр-Ильяс исполнялся в том году четвертого мая. Испрашивая у Танры Моря блага, выкладывают пиктограммы из камешков с изображением того, что просишь, – дом с садом, сердце, когда просят любви, ребенка... и всякие нехитрые символы домашнего благополучия. В этот день здесь на берегу особенно много влюбленных, пришедших к восходу солнца. Морскую воду добавляют во всякие «зелья». Послания же Танре в виде записок бросают прямо в море.

По странному совпадению, после того, как я бросила свои, из моря к самой дамбе выплыла большеглазая медуза (по-турецки «дениз анна» – «мать моря») и уставилась понимающим взглядом, как бы в знак того, что Танра приняла послание...

В Измире темнеют и вьются волосы, чернеют кошки. Да и волосы вьются скорее не от геля, а от морского воздуха, и прически дервишей у юношей и девушек, вместе со спортивной одеждой – бесцветными футболками, наподобие хитонов, – делают их похожими на каких-то «жителей моря», напоминая об Атлантиде, которая затонула когда-то в водах Средиземного моря. Этим «морским стилем», наверное, объясняется почти полное отсутствие пиджачной цивилизации в этом регионе.

Больница мэрии была на окраине, и окна палаты выходили на какой-то пустырь так, что изоляция от городского шума, вместе с пятикратным азаном, раздававшимся от минарета небольшой джами, составляли единственный фон, который властвовал на этом пространстве все десять дней. Медсестры («хэмшири») начинали делать инъекции с пяти часов, и я проснулась, как от какого-то внутреннего толчка, очень рано. Последняя звезда ночного неба еще висела над минаретом, словно остановившись, чтобы приоткрыть границу миров дня и ночи, саму тайну и смысл этого перехода. Я вспомнила о свете Тейри, который, по религии тенгрианства, виден только на рассвете и в сумерках, в том числе и по мифологии карачаевцев и балкарцев.

Азан сегодня особенно яростно рвался к небу, как прорыв к невозможному, как вздох пустынника, утолившего жажду... Как плач по только что умершему на рассвете. Как отдавание души Богу, «как картина, которую выдуваем на саксофоне», – по словам одного знаменитого художника. Удивительно то, что он всегда другой, то ли от вариантов кассетного воспроизводства, то ли от разнообразия сольного исполнения. Есть целая школа азана, тонкости который нам неведомы, но он всегда идет из сердца прямо к небу, а потому космичен. Армстронг, американский астронавт, первым побывавший на Луне, по его признанию, услышал в космосе «музыку сфер», а потом, узнав ее в азане, перешел в мусульманство. Такое же побуждение, видимо, испытал и Ив Кусто в глубинных сферах океана, перейдя в ту же границу миров, когда принял мусульманство, и французский философ культуры Роже Гародий, признавший в сопротивлении алжирцев борьбу за достоинство жизни.

Ислам – это и поэзия, и эстетика тюрков, и их повседневность. В современной Турции делят не землю, а небо. Ее азан – о лучшем будущем человечества.

Асфар КУЁК

Куек Асфар Сагидович. 1952 г.р. Родился в ауле Лакшукай Теучежского района Адыгеи. В 1975 году окончил адыгейское отделение филологического факультета Адыгейского государственного педагогического института. Мастер спорта по борьбе самбо и дзюдо, судья Всероссийской категории. С июля 1998 года по май 2002 – Главный редактор республиканской газеты «Адыгэ макъ» (Голос адыга), с марта 2003 года по август 2005 года – Председатель Комитета Республики Адыгея по делам печати, информации и общественно-политическому прогнозированию. Заслуженный журналист Республики Адыгея. Писатель, автор шести книг. Президент благотворительного фонда «Самгъур» по связям с соотечественниками, проживающими за рубежом. Побывал в странах компактного проживания адыгов в Израиле, Сирии, Иордании, Турции, Европе, Ливии и др. В 1999 году собрал, организовал и перевез на Родину вторую группу косовских адыгов, беженцев из Косово. Работает ведущим научным сотрудником Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Кандидат филологических наук.

Иорданские этюды

Эссе

Чистый колодец

Я объездил немало стран, увидел много интересного, встречался с различными людьми, которые оставили след не только в моей памяти, но и сердце. Индрис Шапсуг и Садык Муготль одни из них. Индриса я помню еще студентом, когда он приезжал с большой группой соотечественников из Иордании в Адыгею. Его выступление в актовом зале педагогического института в Майкопе всех поразило глубиной мысли, прекрасной адыгской речью и степенной поступью знающего себе цену человека.

Затем, в начале 90-х, я получил одну видеокассету из Иордании, снятую известным адыгским подвижником Шыупащэко Джаудэтом. Черкесы Иордании собрали по всей стране адыгский раритет – все, что составляет материальную культуру адыгов. Здесь было великолепное оружие, национальная одежда, сбруи, седла, домашняя утварь и многое-многое, чего, к сожалению, сегодня уже не найдешь. Это был своеобразный музей, пусть на несколько дней, но по насыщенности ничем не уступающий нашим национальным музеям, а в отдельных случаях и превосходящий.

Гидами этого чудного музея были Индрис и Садык. В импровизированной беседе в течение нескольких часов они рассказывали о каждом предмете, находящемся в зале Благотворительного черкесского общества в Уадсире. Они поразили нас таким знанием истории и культуры народа, его обычаев и традиции, что каждый, кто имел счастье видеть и слышать их беседу, тот непременно пропитывался светлым и гордым чувством принадлежности к древнему народу, вписавшему славные страницы в летописи мировой культуры.

Это было время бурного возрождения национального самосознания, пассионарного всплеска конца 80-х. Если я скажу, что видеокассета с двумя мудрецами всколыхнула размеренную жизнь адыгской интеллигенции, общества – это не будет ошибкой, настолько это было значимо для нас. Прошли годы, мне посчастливилось быть гостем этих старцев, пообщаться и побеседовать с ними. В знаменитой кузне Шапсуга Индриса я сидел с ними и пил чай, они мне рассказывали, я – им, заходили их друзья и знакомые, в такие часы кузница становилась хачещем – гостиной.

Временами я был учеником и молотобойцем кузнеца Индриса, но с неизменным диктофоном в нагрудном кармане – каждое слово, мысль и раздумья Индриса заслуживали сохранения.

Бывал я часто и у Садыка в его адыгском Науре, записывал его рассказы, предания, воспоминания о жизни в тогда еще адыгских селениях на Голанских высотах. Я слушал их, впитывал их знания, восхищался неиссякаемой мудростью, был счастлив и горд, что вот так могу сидеть и общаться с ними, я бы сказал, с последними из могикан адыгского мира. Они были чистым колодцем – чем больше черпаешь, тем он прозрачнее, чем больше пьешь из него, тем больше хочешь. Поистине, народная мудрость неисчерпаема...

Кузнец

Индриса, сына Меджаджеко Ахмеда, большинство его знакомых называют Шапсугом Индрисом. Мудрый и великолепный рассказчик, удивительно глубоко и всесторонне знающий историю адыгов. Он родился в 1922 году в иорданском чылэ (село – А.К.) Уадсир, который был основан изгнанными из родных земель адыгами в 1870 году. Рассказывают, что и отец Индриса – Ахмед тоже прекрасно знал историю адыгов.

Благотворительная организация Адыгэ Хасэ в Иордании сделала много для сохранения культуры и Адыгэ хабзэ среди черкесской диаспоры в арабских странах. В 1989 году при Хасэ был создан комитет, который собирал и систематизировал все, что касалось языка, этикета, фольклора адыгов. Комитетом руководил доктор Хакуз Мусса. Первым человеком, с которым начал работать комитет, был Шапсуг Индрис.

«Этот мудрый человек, – говорил Хакуз Муса, – всегда старался докопаться до истины, ничего не брал на веру, проверял, переспрашивал, сам делал свои выводы и все, что он находил, узнавал, служило нам и всему адыгскому народу».

У нас с Индрисом завязалась, несмотря на большую разницу в годах, личная дружба. Мы всегда встречались или в Иордании, когда я там бывал, или в Адыгее, когда он приезжал к нам. Когда я на целый месяц выезжал в Иорданию, я почти каждый день бывал у него. Я записывал все, что он рассказывал, записано немало, но осталось неизмеримо больше, и это не может не печалить меня.

Индриса надо было уметь разговорить; как у любого самобытного человека, у него свой характер и свое отношение к людям: если человек не понравился ему, делиться с ним своими знаниями он не будет. Я выпросил у своего бысыма Чениба Рози, у которого я жил, старую одежду. Почти каждый день я облачался в нее и отправлялся к Индрису в его знаменитую кузню. Так я работал с ним целый месяц. Эти и другие записи, подаренные мне местным Благотворительным фондом, я передал в наш научно-исследовательский институт, чтобы все желающие могли ознакомиться с ними, и сам продолжаю работать над ними.

– Индрис, – как-то спросил я его, – ты знаешь свою родословную?

– Меня зовут Индрисом, – ответил он, – отца моего звали Магометом, деда – Хатугужук, прадеда – Зекошау. Зекошау был сыном Меджаджеко. Вот моя родословная.

– Мы знаем, что ты переслал в Адыгею семейную реликвию — кинжал. Кому он принадлежал?

– Это был кинжал Хатугужука. Скажу, почему я переслал на родину этот кинжал. Однажды я возвращался с охоты и уже вблизи нашего дома увидел одного араба, юношу на осле, он держал в руке кинжал, уже без ручки, с затупленным лезвием, но острым концом, и подгонял им животное. Кинжал адыгский. Увидев такое, я подумал: если нашему кинжалу суждено попасть в руки вот такого собачьего сына, если, говорю, ему уготовано такое будущее, лучше я перешлю его на свою Родину. В это время у одного шапсуга, Хаджииндрисока, гостил парень, Кошмез, я пошел к нему и спросил: «Ты можешь доставить это на Родину?» «Смогу, конечно», – ответил Кошмез. «Тогда хорошо», – сказал я, и мы пошли к русскому, работающему здесь от вашей страны. Составили с ним документ, чтобы Кошмез мог вывезти кинжал; русский еще позвонил, куда следует, чтобы не препятствовали вывозу. С нашей стороны ответили, что можно перевезти, если это имеет музейную ценность. Я не знаю, что такое музей, просто я понял, что это то место, где можно хранить наследие древних адыгов. Я отдал кинжал этому парню, и он увез его.

Наш кинжал пробыл в Москве год и восемь месяцев. Когда спрашиваю, мне отвечают: еще не прибыл... еще не прибыл. Тогда я стал спрашивать местные власти, у меня же на руках была бумага о том, что я сдал им кинжал. Пошел я к тем, кто дал мне эту бумагу и говорю: «Я сдал вам

вот такую вещь, она должна была попасть в музей. Если я узнаю, что в течение двадцати двух дней кинжал не дошел до нужного места, мы с тобой пойдем в суд». После этого в течение двадцати двух дней я получил извещение о том, что кинжал дошел до места. Вот каким образом наша реликвия попала на Родину.

Вскоре мы уже говорили о том, как адыги делали оружие. Индрис стал рассказывать об адыгских кинжалах.

– Адыгские кинжалы бывают разные. На адыгском кинжале с обеих сторон делают продольную ложбинку для того, чтобы удобнее и легче было им орудовать. Когда кинжал проникает в тело, кожа должна осесть. Если лезвие кинжала на всю свою плоскость захватывает мясо, оно оказывается словно в тисках и ход оружия замедляется. Мясо прилипает к металлу. А часть мяса раненого места, уходящая в ложбинки, теряет силу. Иначе не очень сильному мужчине рукой трудно бывает дальше орудовать кинжалом, здесь могут выручить только ложбинки.

Мы можем говорить только о бжедугском, абадзехском и шапсугском кинжалах. Абадзехский кинжал имеет по две ложбинки с обеих сторон, шапсугский имеет с одной стороны две ложбинки, с другой – одну. Бжедугский кинжал с обеих сторон имеет по три ложбинки. Кто сделал по три ложбинки, тот и является самым большим мастером.

Расскажу, как адыги делали кинжал. Хорошо ковали сырой металл, пока он не становился тонким, потом сворачивали металл надвое, в середину помещали стальную пластинку и закрепляли ее края. Затем заготовку клали в огонь и держали там, пока края заготовки прочно не приваривались к стальной пластинке. Когда оружию уже придана необходимая форма, его хорошо закаляли водой. Такой кинжал имеет белое лезвие, словно серебристое, а затачивается он не как нож, а как тот инструмент, которым можно стругать железо, а затачивают специальным камнем.

Ложбинки вытачивают ножным станком. Это такой станок: крутишь ногой два колеса, один большой, другой маленький, они соединены кожаным ремнем. Большое колесо сделает один оборот, а маленькое за это же время делает двадцать оборотов, а к нему снизу прикреплен точильный камень. Ниже этого камня располагается деревянный брусок, на котором крепится кинжал. Колесо крутится, и камень вытачивает ложбинку на кинжале. По-иному эти ложбинки сделать невозможно. Вытачивается ложбинка специальным остроконечным камнем. Если с двух сторон кинжала делается по три ложбинки, то они вытачиваются глубиной до стальной пластинки.

Лезвие становится тонким, но не может сломаться, потому что, сколько ни закаляй сталь, она с двух сторон схвачена железом.

Меч тоже сделан по такому же принципу. Но меч не имеет таких ложбинок. Меч имеет вырезы для того, чтобы легко было вкладывать его в ножны и вытаскивать оттуда. Почему назвали это оружие – чатэ? Все народы мира, имеющие саблю, между рукоятью и лезвием делали перекрестную защиту, чтобы сабля противника, скользнувшая по твоему оружию, не поранила руку.

Адыги сделали рукоять сабли как у обычного ножа — гладким. Адыг рассчитывал на свою быстроту и ловкость. Если ты его ударишь саблей, он встретит твое оружие плоскостью своей сабли, а затем быстро ударит тебя в селезенку, поэтому и назвали «чатэ». (Чэ – селезенка – А.К.).

– Индрис, – говорю я, – слушая тебя, я вспомнил, что адыги сравнивали меч и язык, они считали язык более острым, чем лезвие меча.

– Рана от меча залечивается, а рана от языка не залечится, – ты, видимо, говоришь об этой пословице. Адыгский язык, парень, прямой и рубит, как и меч, он очень точный. Вот адыг скажет: ползет (по-над чем-то), ползет (по-над чем-то скользким или скользко) и еще несколько таких же слов, различных по выговору, но передающих одно состояние с разными оттенками... В одном слове и состояние предмета, исполняющего действие, и само действие, и даже состояние воспринимающего это действие.

Такого языка нет в этом мире. Вот этот Іанэ, за которым мы сидим, можно сверху стружить, сбоку, снизу, все это передается нашим языком одним словом с прибавлением необходимой приставки. Таких языков мало. Мы теряем свой язык не потому, что он плохой, а потому что мы нерадивые. Мы погибли из-за наших руководителей, которые вовремя не заметили, что мы гибнем. Во времена Салачериеко Дэгу решили обучать детей грамоте, и он спросил:

– Если вместе будут учиться сын лодыря и сын тхаматэ, и при этом сын первого станет лучше учиться, то лучше ли это будет для сына уважаемого человека? Ему ответили:

– Если учился лучше и стал лучше, то, конечно, он лучше.

– Тогда не нужно детей учить,— ответил Салачериеко Дэгу.

Видишь? А этот, который хотел детей учить грамоте, похож на того, о ком было сказано: учился, но не подул (не набрался ума – А. К.). Не надо было ему так говорить. Сын тхаматэ – он и так уже сын тхаматэ, но если сын лодыря выучится чему-нибудь, разве это не пригодится сыну тхаматэ? Вот если бы он так ответил Салачериеко, тот дал бы согласие. Встретились двое недалеких людей, и мы между ними погибли. Если ты знаешь адыгский язык и можешь хорошо на нем разговаривать, ты поймешь, что такой четкий, точный и ясный язык трудно найти. Но если ты всего этого лишен, не знаешь своего языка, тогда считай, что ты погиб.

В моей семье, алхамдурилах, все знают родной язык, ну не так, чтобы очень глубоко, но все мои дети, а их у меня девять человек, и мальчики, и девочки, одинаково владеют языком. Знают его и их дети. В моем доме не может жить человек, если он не владеет своим родным языком. С малых лет он должен начинать говорить на адыгском языке. Если ребенок попросит тебя на родном языке, исполни его просьбу. Если же не говорит, пусть он просит хоть целый год, не получит он того, чего хочет.

Если ты взялся за уздечку, чтобы вести за собой лошадь, голова лошади пойдет вслед тебе, потом грудь ее, потом ноги ее и хвост лошади тоже. Главное – начать. Не может же одна голова без туловища пойти за уздечкой. Так же и с языком: начнет ребенок с родного языка, остальное пойдет за этим. Слово за слово, одно за другим – так выучит весь язык.

У нас есть малец по имени Наурыз. Мы с ним разговариваем только на родном языке, он уже неплохо владеет им. Вот как-то мы сидим за столом после ужина. Он говорит:

– Бабэж, расскажи какую-нибудь сказку.

– С удовольствием расскажу,— отвечаю я. – Волк пришел к чабану. – Рассказываю ему специально так, чтобы ему легче было усваивать язык. – Пришел волк к овцам, и маленькая собачка стала лаять. Собачка лает, а чабан насторожился, посмотрел по сторонам и увидел в ночной темноте волчьи глаза, светящиеся, как угольки. Он выстрелил в него из ружья. Убить волка чабан не смог, но тот, убегая, попал в яму. Собачка погналась за ним и тоже упала в ту же яму. Раненый волк загрыз собачку. Но волк не может выбраться из ямы. Тут проходил зайчонок, увидел волка и спрашивает:

– Что ты здесь делаешь?

– Да что тут делать, вот попал и сижу, дай мне свою лапу и вытащи меня отсюда.

– Не по душе мне путь собачки, который закончился на твоих челюстях, – ответил заяц, – так что сиди там в свое удовольствие, – и ушел.

Идет зайчонок и встречает дикую кошку. Кошка погналась за зайцем. Гоняет кошка зайца вокруг старого засохшего дерева, а на том дереве затаился большой дракон. Он бесшумно сполз вниз и незаметно схватил кошку. Змеи не убивают, чтобы потом съесть жертву, пережевывая ее. Удав целиком проглотил кошку.

– Бабэж, – спрашивает меня Наурыз, – он проглотил кошку вместе с кожей и внутренностями?

– Да, проглотил, – отвечаю я.

– Тогда он проглотил и все дерьмо в ней...

Есть у нас тут адыгская школа. Там учат и арабскому, и адыгскому языку. Там у него есть учителя, среди них дочь Шукао Асхада, он родом из Хаштука, шапсуг. Еще дочь Черимитов, супруга Хатхе Решада. Они сказали: сын Шапсуга хорошо владеет адыгским языком, пойдем к нему и спросим. Пришли они к Наурызу. Дочь Черемитов хорошо знает адыгский язык, а другая выросла среди кабардинцев и знает только кабардинский (адыги – самоназвание всех черкесов, адыгейцев и кабардинцев. Диалект кабардинцев и черкесов существенно отличается от других адыгских наречий – А.К.). Вот она первой и спросила на своем наречии Наурыза:

– Наурыз, я слышала, что ты хорошо владеешь адыгским языком, это правда?

– Не знаю, хорошо ли, но умею разговаривать на нем.

– Тогда скажи, что означает слово «шIакъо?»

Наурыз рассмеялся и не стал отвечать. Но от него не отставали, и он сказал:

– Я давно уже не делаю под себя в постели. Если знаете такого человека, спросите у него.

Слово «шIакъо» по-кабардински означает хлеб, а по-шапсугски – выпускает из себя воздух. Пришли учительницы ко мне и рассказали об этом. Я ответил им, что если бы к нему обратились на адыгском, он бы правильно им ответил.

На этом Белом море однажды сгорел корабль, там погибло много абадзехов, изгнанных с Родины. Там был мальчонка с родителями. Родители погибли, а он спасся. Стоит на берегу и плачет, плачет. Старуха из Абадзехии прижала его к груди, утешает.

– Чей ты сын, малыш? – спрашивает его старуха.

А родители его были кабардинскими хаджиретами. Кабардинские хаджиреты у вас разговаривают на кабардинском, они проживали между Большой Лабой и Малой Лабой, двумя реками. Здесь нет переселенцев из Кабарды, все живущие здесь кабардинцы из ваших мест, нынешней Адыгеи. Их сюда привел Хатугушок. Во времена Ивана Грозного они вместе с Хатугушоком переселились сюда... На вопрос старухи мальчик ответил:

— СцIыфкъым.

На кабардинском это означает – не знаю, на адыгейском – не могу справить большую нужду.

— Ах, беда-то какая, – говорит на это старуха, – к наказанию Аллаха прибавилось и это горе. Что же я могу для тебя сделать?

«Адыгский язык очень удивительный, кто из адыгов его не знает, тот получеловек», – так утверждает Индрис.

Много интересного услышал я от Индриса Шапсуга, много любопытных притч, преданий, интересных рассказов о народных героях. Рассказы его пронизаны гордостью и болью за свой народ, восхищением перед благородным именем черкеса в истории, но и сожалением об отдельных ее страницах. Но из истории не выкинешь ничего, как невозможно изменить прошедшую жизнь любого человека.

– Вот ты интересуешься жизнью адыгов в арабских странах, хочешь узнать, как они уживаются с местными народами, крепки ли их корни на этой земле, – Шапсуг Индрис задумчиво смотрит на огонь своей кузни. – Корни народа должны быть на своей земле, на чужбине они плохо приживаются.

Было время, когда на Кавказе считалось, что настоящий мужчина должен был не потом зарабатывать себе на жизнь, а тем, что добывает от набегов. Многие похищали людей и продавали их в рабство. Хорошо это или плохо, мы сейчас не обсуждаем, это было в народе, мы об этом говорим.

Чаще похищали детей, отвозили их к Черному морю и продавали туркам. А те переправляли их в Стамбул и продавали на базарах. Когда в бжедугский кой заходил абадзехский всадник, с потрепанной шапкой на затылке, с привязанной веревкой к коню седлом, со стременами тоже из веревки, в порванной войлочной накидкой на плечах, бабушки говорили: «Прячьте детей, абадзехский всадник зашел в село, он украдет и продаст их». Вот так адыги жили, вот так мир тогда крутился...

В Стамбуле детей выставляли и начинали зазывать покупателей: «Этот мальчик из Кавказа, если его воспитать, он может стать таким: будет преданным всегда, будет надежно охранять, а если его обучать, образованнее его не будет!»

Приезжали из Мысыра тхэматэ и покупали детей, воспитывали их храбрыми всадниками, воинами, одновременно давали им и образование. Мальчику, которому семь, восемь или девять, десять лет, на чужбине не забывает, кто он, откуда его увезли. Вот так их привозили и они встречались на чужбине, не теряли друг друга, а когда их в Мысыре оказалось достаточно, они захватили себе место тхэматэ. Вот так Мысыром стали править черкесы. Никто им не подарил государство со словами: «Вот эта страна ваша, адыгской семьи».

Время так шло, пока однажды в Мысыр не прибыл один негодяй-арнаут, из албан, Мохаммед Алый. Его воспитали турки и прислали в Каир, дали очень много денег. Он был образованным человеком, часто бывал среди черкесов, смог войти в доверие к ним. Те ему поверили и назначили его тхэматэ над войском Мысыра. Когда он стал тхэматэ, собрал всех именитых адыгских полководцев в одной крепости, накрыл им стол. Ничего не подозревающих черкесов внезапно окружили люди Мохаммеда Али и убили их. А было их четыреста семьдесят четыре известных полководца. Только один смог уйти, спрыгнув на коне с пятидесятиметровой крепости. Когда до земли осталось совсем немного, он соскочил с коня, тот разбился, а всадник остался в живых. Это был Амин Бек Абадза.

После этого большинство черкесов Мысыра ушли из страны, кто в Тумэргэрб, Судан, Сыунар, Тыурыс, Магрэб, Либие, Палестину, Сирию. Вот Бибарсы, бырсы, живут в Сирии, абадзехи, живущие в Наблусе, – это потомки тех, кто тогда ушел из Мысыра. Из них Алый Джамбулат. Жанэ Болэт, так звали его по-адыгски, но арабы не могли произнести правильно его имя, поэтому назвали Джамбулатом. Есть еще и другой, Щэкиб Арслан. Ты знаешь, что есть адыгский род Асла-

нов? Среди друзов живут черкесы, которые думают, что они – друзы, а сами адыги, они об этом уже забыли. Они потомки тех черкесов, которые тогда ушли из Мысыра.

Потом и здесь, и в Наблусе живут абугоши. Арабы не могут произносить все наши фамилии правильно, гишев, абадзехов, они называют абугошами (арабы мужчину не называют по имени, а обращаются к нему, добавляя обязательно к имени слово «отец» (Абу), к слову, если его сына зовут Гиш, арабы называют его Абугиш – Гиш сын своего отца – А. К.). Вот так это было...

А турецкий посланник, этот негодяй Мохаммед Али, когда захватил Мысыр у адыгов, не отдал земли Турции, а сам стал падишахом. Много лет он правил страной, но пришло время, и его правнука Фарука скинули с трона. Черкес Халим Агырбащ был соратником Кемаля Абдель Насера в этом деле.

– Я гость вашего отца (традиционное обращение адыгов с просьбой, просьба гостя, тем более гостя отца, по законам гостеприимства должна была непременно быть выполнена – А.К.), – попросил Агырбащ. – Мы вместе выполнили это дело (совершили переворот в стране – А.К.), поэтому прошу выполнить мою просьбу – я хочу, чтобы вы оставили в живых Фарука, и выселили его из страны.

– Почему? – спросили его.

Среди них был и адыг Зэкэрие Мухадин. Он сказал:

– Мы хотим, чтобы он и его семья умерли на чужбине так же, как наши предки ушли в мир иной, мечтая вернуться в Мысыр, но, не имея на это права. Оставьте мне его.

– Делай что хочешь, – сказали ему.

Он дал возможность Фаруку уехать из страны так. Мечтая вернуться домой, так и умер на чужбине последний тхэматэ Мысыра Фарук. Это сделал Халим Агырбащ, настоящий черкес. Это он определил Конституцию Мысыра, до сегодняшнего дня она все еще действует в стране. Он записал в Конституции, что человек, не родившийся в Мысыре, не являющийся гражданином Мысыра, не имеет права стать президентом или премьер-министром. Он сделал это для того, чтобы никто из чужих не мог вернуться в страну и претендовать на высшие посты. Вот так окончился славный путь черкесов в Мысыре.

– Мы слышали, что там до сих пор живёт немало потомков черкесских мамлюков. К нам в Майкоп как-то приезжал один из них, правда, он родного языка уже не знал. Считал себя черкесом, гордился тем, что он потомок знаменитых мамлюков. Знаешь, что удивляет, Индрис? Почему арабы, для которых столько сделали черкесские султаны, не хотят признавать заслуги наших предков?

– В этом ничего удивительного нет, ведь каждый лучшее тянет к себе, кладет к себе на бровь, как говорят адыги. Арабы не желают признавать, что столько лет ими правили черкесы. А насчет того, что в этой стране еще живут потомки черкесов, да, есть, но какие они теперь черкесы, потеряв родную речь, теряешь и свое Хабзэ (неписанные правила поведения – этикет – А.К.). А без него разве можно сохранить себя...

Да, прав мудрый Меджаджэко Индрис, корни дерева мамлюков окончательно высыхают в Мысыре. Я вспомнил, что писал о черкесских мамлюках французский полководец Наполеон. «В Египте род мамлюков не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками. У них не бывало детей, или же дети, рождавшиеся от этих браков, умирали, не достигнув зрелости. От браков с коренными жительницами у них рождались дети, доживавшие до старости; однако род их редко продолжался до третьего поколения, что вынуждало их пополнять свои ряды путем покупки детей на Кавказе. Количество мамлюков – мужчин, женщин и детей исчислялось в 1798 году пятьюдесятью тысячами. Они могли выставить двенадцать тысяч всадников...».

Такое число мамлюков действительно было выставлено против французов. Увидев черкесское войско, Наполеон им восхитился. «Солнце, игравшее на шлемах и панцирях мамлюков, придавало этому прекрасному войску особенный блеск, – писал он. – По восточному обычаю произошло большое число поединков между наиболее смелыми из мамлюков и неустрашимыми альпийскими стрелками. Мамлюк демонстрировал свою ловкость и храбрость, он вызывал восхищение. Он был привязан к своей лошади, которая, казалось, разделяла все его страсти; с саблей, подвешенной к запястью; он стрелял из своего карабина, мушкетона и четырех пистолетов и, разрядив таким образом шесть образцов огневого оружия, огибал взвод стрелков и с поразительной ловкостью проскакивал между ними и боевой линией... Один мамлюк был сильнее одного француза; он был лучше натренирован, сто мамлюков могли биться со ста французами, имея шансы на успех...».

Позже, после победы над мамлюками у Шубрахита и пирамид, Наполеон Бонапарт, посчитав, что окончательно покорил врагов, писал: «Мамлюки не существуют более как самостоятельная сила, они могут пригодиться в качестве подчиненного ополчения; это прирожденные враги арабов и шейхов, они могут оказать услуги во многих случаях...».

Но уничтожение французской эскадры у Абукира англичанами во главе с Нельсоном привело к тому, что мамлюки установили тесную блокаду побережья, прекратив связь экспедиционного корпуса с Францией. Они оставались еще грозной силой, стоявшей на защите Мысыра, чужой им земли, за которую так обильно проливали кровь, земли, где их не понимали, земли, которая не пустила в себя корни их прекрасного дерева...

О многом из истории своего народа я узнал в кузне Шапсуга Индириса, его рассказы – это жемчужины адыгской мудрости, родник, из которого мы будем еще долгие годы черпать живительную влагу. Как жаль, что этого славного человека больше с нами нет, но остался его чистый колодец, вот несколько капель из него.

Гозэрибл

Адыгское слово «Гъозэрыбл» означает факел. Этот факел держит человек, стоящий на холме или на горе, машет им, подавая сигналы, чтобы они были заметны находящимся на противоположной горе. Факелом «разговаривают»: помахал им сверху вниз один раз – это означает одно, два раза – другое и т. д. Сигналы передаются от горы к горе. Так, минут за десять, на всей адыгской земле люди получают необходимое известие.

Я знаю, что в Адыгее есть гора с названием Гозэрыбл. Что означает адыгское слово «гъуазэ»? Сообщить о чем-то. А второе слово – «рыблэ»: это огонь, то есть «горит». Получается – извещающий огонь.

Кочас Хатхов

Кочаса из рода Хатхэ убили в долине Афипса (Кочас Хатхэ – знаменитый храбрый шапсуг XVIII века, искусный охотник, был очень красив. Рассказывают, что он приглянулся жене хатукайского князя Дэое Пщыхафэ, что послужило причиной ссоры Дэое Пщыхафэ и Кочаса Хатхэ, однако Шапсуго Индрис считает, что противостояние Хатхэ и Дэое возникло по другой причине – А.К.).

Кочас Хатхэ и Дэое Пщыхафэ не могли поделить место охоты на лань. Это место находилось у водопоя, там охотился Кочас. Почему охотились на лань? Дело в том, что на лани густая шерсть, ее стригли и делали из неё подушку для седла. Почему делали подушки из шерсти лани? Потому что не садится, моль не трогает. Если кожа износится, не снимали ее, а обшивали новой кожей. Почему так делали? Чтобы не терять ни волосинки. В седле таких подушек – четыре: две для сидения, две для подколенника. Каждая подушка стоит столько, сколько платит жених выкуп за невесту, такова цена подушки из шерсти лани. Вот почему они не могли поделить место отстрела лани.

Узнав, что в лесу Кочас Хатхэ разбил свой охотничий стан, князь со своей свитой направился к нему. Он жаждал славы, хотел поймать Кочаса, привязать его к заду коня, отвезти и продать его, скажем, за десять ремешков от штанов. Когда Кочас услышал их, он сказал другим охотникам:

– То, что к нам направляется, похоже на стадо диких животных, но оно слишком медленно идет. Сказать, что группа всадников, но их для этого слишком много. Если вы захотите остаться со мной, – центр здесь, а если не надеетесь на себя, то уходите в глубь леса.

Вот всадники подъехали, и Дэое Пщыхаф приказал связать Кочаса Хатхэ, усадить на круп коня, за седлом.

– С того времени, как меня мать родила, я не приемлю для себя сидеть на коне за седлом, об этом знают все мои друзья, ты иди своей дорогой, – так сказал Кочас князю.

– Садись на коня так, как я тебе говорю, не надейся на свою слепую пулю и протухший порох, – настаивал на своем Дэое Пщыхаф.

– Пуля моя, что ты называешь слепой, гоняет по морю корабль, а порох, что ты считаешь протухшим, гремит как раскаты грома, иди своей дорогой...

Что добавили к этому кабардинцы? – «Вот кольцо твоей жены в знак внимания ко мне», – сказал Кочас и показал ему кольцо. Будто Кочас Хатхэ был любовником жены Дэое Пщыхафэ. Этого не было, это неправда. Как кабардинцы оправдывают действия Кочаса? Говорят, что чемгуйский князь в первые брачные ночи заходил к невестам. Женихи, оскорбленные поведением князя, уходили к Кочасу, надеясь на его поддержку. Будто они и тогда были с ним. В отместку за оскорбление гостей-женихов, Хатхэ Кочас соблазнил жену Дэое Пщыхафа, позже она сама приходила в его стан. Так рассказывают о Кочасе наши кабардинцы. Но, правда в том, что они не могли поделить место охоты.

Кочас Хатхэ был вынужден застрелить Дэое Пщыхафа. Он мог скрыться, уйти в лесную чащу, но не позволил себе этого. Когда прогремел выстрел, и князь упал с коня, его байколы начали хлестать себя плетьми.

– Оплакивая мою гибель, не стойте, хлеща себя плетьми, это не так важно, – сказал им князь, – главное не упустите того, кто меня убил.

Байколы князя копытами затоптали Кочаса Хатхэ в игольчатом кустарнике боярышника, он не погиб от оружия. Его замкнули в круг, сбивая с ног грудью коня, затоптали. Так погиб Кочас Хатхэ.

Хырцыз Алэ

Мыхамэт Ашэ и Агырджаныко пришли к Хырцыз Алэ (все трое – известные герои Русско-Кавказской войны, отличавшиеся храбростью, мужеством и бесстрашием. В свое время они выкрали из крепости дочь русского генерала Засса, одного из самых жестоких завоевателей Кавказа. Продержав ее у себя несколько месяцев, также незаметно они вернули ее в крепость, в целости и сохранности – А.К.).

– Мы слышали, что урысы (русские – А.К.) скоро провезут здесь деньги, – сказали они, – если ты будешь с нами, мы хотим напасть на них.

– Олахэ, я тоже об этом знаю, но вы немножко подумайте, – ответил Алэ. В фаэтоне, на котором развозят деньги, сидит один воин, который достоин двухсот солдат. Кроме этого деньги охраняют двести всадников. Что вы можете сказать на это?

– Если эти всадники – урысы, что такое двести, как будто их посадили на коней вилами, – сказали Ашэ и Агырджаныко.

– Да?

– Да.

– Тогда выбирайте, – предложил им Алэ, – или возьмете на себя того, кто сидит в фаэтоне, или двести всадников.

Договорились, что они возьмут на себя воина в фаэтоне. Хорошо? Хорошо. Друзья сели в засаде. Появился фаэтон, и они набросились на него. Хырцыз Алэ сбросил с коней двести всадников и направился к фаэтону. Тот, кто сидел в фаэтоне, подбил коня Мыхамэта Ашэ, и он оказался на земле.

– Мышэ (мышъэ – медведь, так Ашэ звал Алэ за недюжную силу – А.К.), дай мне второго коня, которого держишь в запасе, – попросил он его.

– Ты что не знал, что, отправляясь на такое дело, ты должен был иметь запасного коня? Для тебя я коня в запасе не держу, – ответил Алэ. – Держу, чтобы использовать, когда это мне будет необходимо.

Он не дал ему коня, и тот остался пешим. Агырджаныко и воин, сидевший в фаэтоне, сцепились и дерутся ожесточенно. Но Агырджаныко никак не может найти подхода к сопернику. Как только Хырцыз Алэ поравнялся с фаэтоном, он грудью своего коня ударил по хомуту и сломал дышло. Фаэтон остановился. Алэ спрыгнул с коня и набросился на урыса.

– Ты не вмешивайся, – сказал Хырцыз Алэ Агырджаныко, – двое для одного – это уже войско, стыдно будет, если кто узнает. Я справлюсь с ним.

Хырзыз Алэ и урыс начали биться на саблях. Бились, бились, и Алэ выбил саблю из руки противника. Тот попытался поднять ее, но Алэ наступил на саблю ногой. Урыс отполз назад. Когда противник отполз назад, Хырцыз Алэ бросил свою саблю. Яни, как можно драться с безоружным? Алэ решил драться с ним без оружия.

– Не надо, – попросил урыс, – не надо, я тебя узнал.

– Как ты меня узнал?

– Хырцыз Алэ – это ты, – ответил тот, – я могу предложить тебе на выбор три условия. Первое – если вы меня возьмете с собой, и в радости, и в горе, пока жив, я буду с вами. Второе – если нет, ты подпишешь мне документ, что именно Хырцыз Алэ отнял у меня деньги, и отпустишь меня. Третье – если нет, можешь убить меня. Кроме этих трех условий, других не будет, выбирай.

Что ответил ему Хырцыз Алэ?

– Такой, как ты, мужчина, оказавшись в подобной ситуации должен за свое стоять до конца, до смерти, а не искать другие выходы, таких, как ты, я не беру в соратники, – сказал он ему. – Второе – не в моих правилах резать привязанного ягненка. Если ты хочешь, подготовь документ, я подпишу.

Не стал он его убивать, подписал и отпустил...

Прошло время, и урыс царь пригласил к себе Хырцыз Алэ, Мыхамэт Ашэ и Агырджаныко, изъявил желание познакомиться и побеседовать с ними. Когда об этом известили Хырцыз Алэ, он спросил своих друзей, что они думают по этому поводу.

– Олахэ, из-за того, что он сказал, мы не можем так далеко, до Бытырбыфа, ехать, – сказали они.

Бытырбыф – это Санкт-Петербург.

– Олахэ, если даже вы не поедете, я не могу позволить, чтобы сказали, что из-за этого расстояния Хырцыз Алэ не смог приехать, я поеду.

– Если ты считаешь, что нужно ехать, счастливой дороги, – сказали друзья.

Так Хырцыз Алэ на коне отправился из Черкесстана в Санкт-Петербург. Доехал он, царю сообщили, что прибыл гость. Три дня Хырцыз Алэ гостил в городе. У урысов тоже есть свои обычаи, после трех дней тхэматэ пришел к нему, и они поговорили.

– Я слышал о тебе, как о хорошем всаднике. Я хотел увидеть тебя, поэтому пригласил, я не причиню тебе вреда. Хотелось, чтобы ты как-нибудь погарцевал на коне, показал свои способности.

– Хорошо, – сказал Хырцыз Алэ.

Путь был длинным и утомительным, поэтому Алэ дал коню отдохнуть неделю. Затем начал готовить его к выступлению. Всадник и конь должны понимать друг друга. Настал назначенный день, люди собрались посмотреть на черкесского всадника. Алэ вышел в центр, стал и стоит. Стоит, стоит, стоит без движения. К нему направили человека выяснить, почему он ничего не делает.

– Почему ты ничего не делаешь? – спросил он его.

– Как я могу что-то сделать один? – ответил Хырцыз Алэ. – Я сюда приехал не танцевать, а показать, что может черкесский всадник. Мне нужны соперники, всадники, один я не могу здесь вам что-то показывать.

– А сколько нужно всадников?

– Самое меньшее пятьдесят.

– Хорошо.

Отобрали пятьдесят всадников. Хырцыз Алэ вышел снова в центр, встретил соперников и всех сбросил с коней.

– Ты сделал, бесспорно, то, что сможет сделать достойный мужчина, но сможешь ли ты это повторить на другом коне?

Что подумал урыс тхэматэ? Это заслуга не всадника, а коня.

– Конечно, повторю, повторю без проблемы.

– Тогда отбери себе любого коня и еще раз покажи, на что ты способен.

Отвели его к коням, он выбирал, выбирал, выбирал, наконец, нашел то, что искал и сказал: «Этот подойдет, но мне нужна неделя, он должен узнать меня, а я его...»

Хырцыз Алэ неделю занимался конем, подготовил его. И во второй раз он вышел в круг вместе с пятьюдесятью всадниками. Чуть в стороне от того места, где сидел царь, по предложению Алэ вкопали два столба и сверху перекрыли бревном, чтобы конь мог его перепрыгнуть.

Хырцыз Алэ начал свой поединок с всадниками, сбросил всех, развернулся, понесся к препятствию. Как только конь взвился в прыжке, Алэ подтянул резко уздечку, сам выпрыгнул из седла, а конь, упав на спину на землю, погиб. Царь увидел, каким способом всадник убил коня и удивился. А Хырцыз Алэ вышел из круга и сел на свое место.

– Этот конь ни в чем не был виноват, а ты его убил, – обратился к нему царь. – Если резко подтянуть уздечку во время прыжка, конь не может нормально приземлиться, он погибает, почему ты так поступил?

– Это чтобы на коня, обученного мною, не мог сесть такой, как ты, – ответил Хырцыз Алэ.

– Тогда понятно, – ответил царь и решил выкупить у Алэ его коня.

– Я воспитал своего коня послушным мне, чтобы и в радости, и в трудные минуты, пока я жив, он был со мной, понимал меня. Ни продать, ни подарить его не могу. Коня, ружье и жену не продают и не дарят. Это не в наших традициях. И не продам, и не отдам.

– Понятно, – ответил царь.

Ночь прошла, а на следующий день он опять обратился к нему.

– Хырцыз Алэ, у тебя есть свои друзья, расскажи им про наш разговор, – попросил он. – Сколько вам нужно для жизни, я беру на себя, только вы перестаньте свои набеги, сделайте это ради меня и живите по-другому.

– С того времени, как мать меня родила, и я научился жить среди людей, я был вовлечен в походы и набеги, это стало делом моей жизни и не смогу его оставить, – ответил царю Хырцыз Алэ. – Пока роковая пуля не настигнет меня, я буду жить своей жизнью, пока не умру, я буду ходить в набеги, так что, дело твое, дарить мне что-нибудь или не дарить, я не прошу об этом, мне этого не нужно...

Так Хырцыз Алэ сказал царю и вернулся в Черкесстан, таким был Хырцыз Алэ. Он был небольшого роста, но сбитым и крепким. Когда он однажды пошел к кузнецу заказать ему саблю, тот, посмотрев на него, спросил:

– По твоим локтям, может, я добавлю длины? – чтобы было легче доставать противника.

– Нет, сделай саблю, как положено, – ответил Хырцыз Алэ. – Я могу на шаг подвинуться к врагу и ударить. Если бы я так не мог, я бы не боролся и не воевал...

Индриса Шаспуга я хотел бы сравнить с Хырцыз Алэ, один владел прекрасно оружием, другой словом. Каждый оставил свой яркий и благородный след в памяти народа...

От чужого добра не бывает прибыли

О Садыке Мыготле можно долго рассказывать. Он родился в Сирии, на Голанских высотах, в Бирхаджаме, после израильско-арабской войны уехал в Иорданию. Садык – человек с ярко выраженным национальным самосознанием, всю свою жизнь Садык являл собой пример адыгства и человечности. В Иордании живет в Науре, ему уже за семьдесят. Познакомился я с ним у него дома, где услышал много занимательных рассказов.

Слушать Садыка Мыготля очень интересно. Он любит юмор, что придает своеобразный национальный колорит его рассказам. Мы просидели у него несколько часов, и за все это время он ни разу не встал, сидел прямо, сохраняя учтивую и уважительную позу и не показывая никаких признаков усталости. Потом проводил нас за ворота и глядел нам вслед, пока машина не скрылась за поворотом.

Немного позже мы узнали, что в тот вечер его пожилая супруга тяжело заболела и находилась при смерти. Как истинный адыг, он ничем не выдал своих волнений и переживаний по поводу жены. Позднее Садык несколько раз посещал меня в доме Чениба Рози.

Из всего того, что мне рассказал Мыготль Садык, я хочу выделить его удивительно ёмкие слова о женщине-матери. Их можно назвать обращением или призывом к женщине-матери. Прежде чем познакомить читателя с этими словами, хочу пересказать одну из наших бесед.

Я сижу у Чениба Рози, а гость мой – Мыготль Садык, который пришел ко мне со своими «делами»: – поделиться, как это принято было во всех кунацких, своими мыслями, беспокоящими его.

– Если у человека есть какая-то обида, и ты даешь ему ее высказать,— начал беседу Садык, – ему становится легче, а слушающий получает удовлетворение и сердечную благодарность, да отблагодарит вас Аллах. Я счастлив, что встретил человека из далекой родины и могу беседовать с ним.

Я не делю людей на абадзехов, шапсугов, бжедугов. Я знаю одно: есть адыги. Это все – и кость, и вены кровеносные, и сам народ. Какими были наши матери, когда мы были юными, и какими стали ныне – огромная разница, как между небом и землей.

У меня есть один сосед, зовут его Хадж-Мурат. У него есть жена, а детей нет. У меня тоже одна старуха. Как-то утром моей старухи дома не оказалось, в поисках ее я выглянул в окно и вижу: моя старуха и жена Хадж-Мурата, весело смеясь, вместе идут к нам. Пока я размышлял над тем, чему они так весело смеются, они вошли в дом и жена соседа говорит мне:

– Доброе утро, сосед!

– Да возлюбит тебя Аллах, заходи, садись, – отвечаю я.

Я сделал вид, что ничего не вижу, а моя жена толкает соседку в бок и говорит: «Скажи ему, скажи...». Я же думаю: что они хотят сказать мне? Женщина продолжает:

– Сосед, хочу попросить тебя об одном.

– Валлахи, – отвечаю, – если смогу, исполню твою просьбу.

– Мы хотим иметь по одной саланче.

Я подумал: если «саланче» – это какая-то вкусная еда, это хорошо, в такой холодный день съедим его в свое удовольствие. Подумал я так и спрашиваю:

– А где покупают саланче и как ее готовят?

– Нет, это не еда.

– А что же?

– Саланче — это за морем. Оттуда привозят саланче – это прислуга домашняя, так вот мы хотим иметь по одной прислуге.

Я развесил уши в надежде, что они говорят о какой-то вкусной еде, а они, видишь, что имеют в виду?

– Послушайте, – говорю, – этот человек, которого надо привезти из-за моря, на каком языке он говорит, как вы будете общаться с ним?

– Это неважно, – отвечают мне, – вот так покажем – подаст воды, а вот так сделаем – возьмет метлу, покажем на Іанэ (низкий столик на трех ножках – А.К.). – принесет его.

Меня гнев охватил, скажу честно, пока я обувался да искал свою палку, они быстро убрались, старуха моя осталась у соседей.

Во-ви, удивительные дела творятся! Наши матери на коромыслах таскали воду, доили коров и коз, сбивали масло, делали сыр, стирали нашу одежду и постельные принадлежности. И для этого тоже на своих плечах таскали воду, готовили тесто, пекли хлеб, кормили нас, убирали за нами. А теперь эти женщины воду не таскают, сыр и масло не готовят, тесто не делают. Крутятся в четырех стенах, но хотят иметь саланче, чтобы самим болтать, а попить воды им будут подносить другие.

Пока я удивлялся всему этому и размышлял над жизнью, появилось и другое дело.

У меня есть сосед, удивительный парень, он сирота, ни отца, ни матери у него не осталось. Имеет хорошую работу, приличную зарплату. Года через два после женитьбы у него родился ребенок. Мать ребенка принесла его к нам в дом в колыбели.

– Сосед, – говорит она мне, – он не проснется, пока я не вернусь, мне обязательно надо отлучиться, пусть он пока побудет в вашем доме.

– Валлахи, моя дочь, – говорю я, – ты говоришь, что он не проснется, но как знать. Моя старуха с соседкой куда-то пошли, не знаю, вернутся ли сегодня. Ты лучше скажи, куда ты собираешься, если за хлебом, или какой другой едой, то я сам схожу в магазин.

– Нет, мне самой надо сходить. Пусть ребенок побудет у тебя.

– Ну, если не проснется, оставь его, что же делать...

Мать ребенка ушла, она рядом живет. Только она ушла, ребенок проснулся и стал плакать. Надо, думаю, сообщить матери, которая обещала, что он не проснется, пока она не вернется. Пошел к ней и постучался в двери. Она выглянула в окно и говорит:

– Добро пожаловать, сосед.

Я вошел в дом и вижу: наша соседка стоит возле большого зеркала, в руках у нее что-то похожее на револьвер, она тычет им в свои волосы. О Аллах, что это она держит в руках, револьвер или что?

– Да не покарает тебя Аллах, – говорю, – что это ты делаешь?

– Расчесываю волосы, – отвечает она.

– А что это такое ты держишь?

– Это называется сачеуал.

А я уже решил, что она хочет застрелиться.

– Во-ви, ты сказала, что ребенок не проснется, а он проснулся, – говорю я, – давай пойду вместо тебя туда, куда ты собираешься. Не бери греха на душу, успокой ребенка.

– Мне непременно надо пойти самой, – сказала она, – я работаю секретарем.

В армиях есть большие военачальники со звездами на погонах, я видел турецкого военачальника, французского, английского, арабских вижу каждый день. Но секретаря, о котором она говорит, я не видел ни на груди у них, ни на погонах.

– Что это такое? – спрашиваю я.

– Я работаю у одного врача, – сказала она. – Туда привозят больных и лечат. Прихожу туда рано утром и привожу в порядок стол, стулья врача, пол, стулья для посетителей. Тем временем начинают приходить больные, первому посетителю даю бумагу с первым номером, второму – со вторым номером, третьему – с третьим и т. д. Приходит врач, если он попросит, я готовлю ему чай, а захочет кофе – подаю кофе. Потом я убираю стаканы, мою, расставляю по местам, потом возвращаюсь к нему и если он говорит, чтобы я впустила посетителя, то впускаю человека с первым номером, когда он выходит, впускаю к врачу второго, потом третьего... Если к врачу приходит знакомый или друг, он звонит в колокольчик. Я захожу к нему, и если он заказывает, подаю чай или кофе и пока он беседует с посетителем, я готовлю снова чай или кофе, а когда они попьют его, снова убираю их, мою, и расставляю по местам. Посетитель выйдет – я впускаю следующего.

– Как называют эту должность? – спрашиваю я.

– Секретарь.

– Это на каком языке, на адыгском как это будет звучать?

– Не знаю, – отвечает.

– Тогда я тебе скажу, – говорю я. – Это прислуга. Твой муж – симпатичный, добрый человек, зарплата у него хорошая. По четвергам он возвращается домой после обеда, отдыхает в этот день, отдыхает и в следующий день, потом идет на работу в субботу. Ты ни в чем не нуждаешься. Не лучше ли для тебя ухаживать за своим сыном, учить его родному языку, чтобы он вырос, зная, что является адыгом? Разве лучше будет, если он вырастет, не зная, какой он национальности, разговаривая на чужом языке? А твоего заработка тебе не хватит даже на платье...

Она меняет платья каждый день. Ходит на работу, где ей не платят столько, чтобы хватило даже на одежду. Когда я все это выложил ей, она пришла к нам, забрала своего ребенка с люлькой и ушла, не знаю, к кому она понесла ребенка. И наша старуха тоже хочет саланче...

Так и живем, без молока и молочных продуктов, хлеба не пекут, не стирают и не моют ничего. Вот в такую зиму, как сейчас, когда моя мать была молодая, из дымаря торчали связки сушеного мяса, колбаса, а в сторонке от очага стояли корзины с сушеным сыром. Их тоже уже не стало. Уже не стало и таких женщин, которые смогли бы сделать адыгский кефир из молока, сыр. Всевышний сотворил нас, сказав: живите, как и все народы мира, я вас породил адыгами. Он и говорит нам: берегите себя, и Я тоже буду беречь вас; будете работать, тогда Я умножу ваши труды. Если будете беречь друг друга и жить, поддерживая каждый другого, тогда рука Бога вас не покинет. Но как нам поддерживать друг друга, игнорируя родной язык, этикет свой, задирая свой нос перед другим... Вот это все я хотел сказать сегодня в этой кунацкой. Уж вы не обессудьте меня.

– Какой же выход ты видишь, Садык? Мы и до приезда сюда были наслышаны о тебе, рассказы твои и притчи многому научили нас.

– Спасибо за желание твое послушать мои слова, ты высоко поднял меня в собственных глазах, дай Бог тебе с честью и достоинством прожить свой век... Около ста пятидесяти лет адыги живут в чужой стране. Что видели мы раньше, того уже не видим, что слышали мы раньше, того уже не слышим, и все прежнее мы теряем. Мы не можем ухватиться за уходящее, не можем обрести заново то, что теряем. Если спросите, отчего так происходит, скажу так: все из-за того, что не учимся читать и писать на родном языке.

Хотя мы не учимся писать и читать на родном языке, но раньше наши женщины были смелыми и честолюбивыми, был жив и язык наш, были живы и обычаи наши. Но когда наши женщины стали забывать о своем народе, мы стали беднеть и языком своим, и традициями своими. Может быть, наши сестры, которые сейчас слышат мои слова, не согласятся со мной, но пусть они без обиды выслушают меня.

Братья мои, сестры мои и друзья! Адыга делает мужчиной женщина. Адыгского мужчину сделала мужественным и отважным женщина. Когда ребенок плачет в колыбели, женщина кор-

мит его грудным молоком. Если ребенок не успокаивается, женщина дает ему размягченный кусочек хлеба. От имени народа мы просим всех адыгских женщин вместе с этим молоком и кусочком хлеба вкладывать в ребенка адыгский язык. Бедный ребенок, он лежит, в своей люльке, как же он может научиться родному языку, если его не научит тот, кто должен это сделать?

Когда он покинет свою люльку, почему он должен пойти в мир, шатаясь, как пьяный, оттого, что не знает, какого он роду-племени, не знает своего языка, своих костей? В чем он виноват, что он такого натворил, что его лишили самого святого для него?

Братья, сестры! Даже рыба мечтает о том, чтобы вода, в которой она живет, стала глубокой. Маленькая пчелка в улье желает, чтобы меда у нее было много, и без устали трудится.

Мы, адыги, один из самых древнейших народов мира. Наш язык сладкий, наши традиции красивые, наша молодежь отважная, наши женщины чистые. Много ли таких народов на земле со столькими достоинствами? Мы – дети своего народа. О чем мы должны мечтать, чего мы должны хотеть? О том, чтобы сгинули наш язык и наш Хабзэ?

Чтобы при встрече мы друг друга не узнавали, гордо задирали свои носы?

О мардж! Как нам сохранить в чистоте свой язык, как нам жить по законам Хабзэ, как нам радовать своих стариков, как объединять свою молодежь, как защитить своих женщин? Нам надо трудиться вместе и помогать друг другу.

Для адыга самое обласканное, самое почитаемое существо, ради которого он готов пожертвовать собой – это женщина. В этот вечер именем своей матери я обращаюсь к женщинам. Братья и сестры, мои слова обращены к моей матери, я вижу, что среди вас нет ровесниц моей матери, но послушайте мои слова, с которыми я обращаюсь к ней, такие слова вы можете у себя дома не услышать, поэтому будьте терпеливы и слушайте меня.

– Мать! Моя дорогая мать! Адыг живет на земле, пройдя через страшную беду. Это горе для всех нас, кому же, как не тебе, сказать мне об этом? Адыги разбросаны по земле, мы живем поодиночке.

Выпуская меня в мир, ты сказала: «Ты стал мужчиной, делай то, что делают другие». Этот огромный мир я вижу под ночным лунным светом. Вижу людей. Они узнают нас по нашему языку, живем среди них по законам хабзэ, хранить нас будут наше мужество и самоуважение. Наш язык пропадает, нас, как адыгов, забывают, мы уже не может идти в ногу со временем, кончается наше мужество, нет у нас уже собственной гордости, мы отстали от других народов, мать.

Мать, те народы, которые учились и писали на родном языке, развили свои языки, и творения их достигли Луны. А мы, адыги, даже хлеб называем чужим словом. С чужого добра прибыли не бывает, мы перешли на чужой язык и погибаем. Если вы не хотите нашей погибели, матери наши, то где вы, – разве мы не ваши дети?

От добрых дел произрастают добрые семена. Почему ты не научила меня произносить слово «хлеб» на родном языке? Достаточно было бы, если бы ты рассказывала на адыгском языке о том, что мы видели на дорогах, по которым ходили с тобой, и все знали бы, что я адыг. Кто мне скажет то, о чем мать не сказала, кто мне даст знать то, что я не узнал от матери? Кто мне вернет язык, который я потерял из-за нее?

Все у нас было, да, было, но что это теперь дает? Были у нас кунацкие, где учили уму-разуму. Люди приходили туда, чтя законы гостеприимства, приходили отдохнуть и развеять скуку. Приходили решать большие дела. Когда мой отец закрыл двери своей кунацкой, ты, мать, что-нибудь сказала ему?

Она ничего не сказала ему. Облегченно вздохнула, подумав, что хватит ухаживать за чужими людьми. Эта маленькая закрытая дверь запретила нам, адыгам, ходить друг к другу, адыг не посещает адыга, не видит и не узнает его, мы перестали быть гостеприимными.

Наша мать, адыг почитал и уважал тебя, готовившую обильное и щедрое угощение и приветливо встречавшую гостей. Когда ты отставила в сторону чугунок, в котором готовила угощение, тебя перестали благодарить.

Вы родили нас, чтобы мы жили на этом свете, мы же живем с горькой печалью в душе. Самая большая наша печаль и боль – это наш язык, скажи всем, наша мать, что народ, забывший свой язык, перестает быть народом. Кто хочет быть народом, тот хранит свой язык, тот не предает забвению свой Хабзэ. Кто хочет быть народом, тот не даст унизить себя как человека. Народ – это язык, Хабзэ и человек.

Наш язык сладкий, благозвучный, наш Хабзэ прекрасный, наша женщина чистая. Из-за каких наших злодеяний вы нас бросили на произвол судьбы, наша мать? Почему вы преждевременно губите нас? Мир живет не ради хлеба, нам хватает еды. Когда мы смотрим на тех, кто нас опередил, мы понимаем, что являемся живыми мертвецами. Если вы не хотите нашей погибели, то где вы, мы же ваши дети!

О, моя мать, да не огорчат тебя мои слова. Бог велел мне ничем не печалить тебя. Он дал тебе прекрасное место в раю, если ты не будешь помнить обо мне, я лишусь и этого. Помолись Богу, мать, чтобы Он не лишил адыгов рая.

Что-то говорит мне мать, не знаю, слышите ли вы это, она услышала мои слова и сейчас сожалеет о том, о чем вовремя не сказала и не сделала вовремя.

– Сын мой, – говорит мне мать, – достаточно того, что ты сказал мне, а что ты скажешь отцу своему и дяде?

– Моя мать, у них не было жалости и этим многим нам навредили. Лживыми обещаниями, обрадовав нас, они поселили в наших сердцах гнев. Они потратили жизнь на то, чтобы выяснить – кто самый мужественный из них. Не понимая мир, свое непонимание они сделали для нас образцом. «Надо дело делать вместе», – говорят они, но сердца их полны коварства, и поэтому начинают лгать. Но ложь долго не живет, и когда это выясняется, они начинают грызть друг друга. «Это проблема всего народа», – говорят они, начиная какое-то дело, на самом же деле заняты своими личными проблемами, поэтому ссорятся, грызут друг друга и сеют среди нас раздор и непонимание.

Сестры мои, я сказал вам о своих обидах и печалях. Мы не просим хлеба, мы не просим одежды. Наша просьба – о языке и Хабзэ. О мардж, мясо на наших костях наросло на чужой земле, но наши кости – принадлежат народу, это адыгское, скажите об этом людям. Пусть здравствует народ, пусть погибнут наши враги. Спасибо вам, сестры и братья...

Мы слушали Мыготля Садыка, чувствуя в сердцах своих глубокое волнение и нарастающую печаль.

– Дорогой наш гость, – сказал еще Садык, – я так понял, что ты завтра собираешься домой. Дай Аллах тебе счастья, счастливой тебе дороги. Пусть умножится достаток твоих близких, молю Бога, чтобы ты дома застал всех живыми и здравыми. Дай Бог вам жить так, чтобы сберечь наш язык и наш Хабзэ. Живите так, чтобы увеличивался ваш достаток, а век ваш был долгим, и сами были добрыми и приветливыми к гостям, как это было всегда присуще адыгам. Пусть ваши поля будут урожайными, а еда обильной. Живите в дружбе и согласии. Да откроет Аллах для вас такие двери, которые помогли бы собрать всех разбросанных по земле адыгов. Пусть адыгский народ снова объединится на родной земле. После Аллаха вся надежда на вас, на тех, кто живет на земле предков.

Да поможет вам Аллах одержать победу над врагами. Пусть ваше счастье будет долгим. Мы здесь бессильны, только вы можете сделать что-нибудь для народа. Уйдет наше поколение, и родной язык будет предан забвению у нас. Не обижайтесь на нас за это... Мы очень рады твоему приезду, передай наш сердечный привет всем, кто тебя ждет на родине. Да умножит Аллах ваше счастье, пусть уважают вас и почитают. Прошу Бога помочь нам, адыгам, жить единой костью, едиными кровеносными сосудами, не забывая друг друга, сплоченно, в любви и уважении друг к другу...

Улданай БАХТИКИРЕЕВА

Бахтикиреева Улданай Максутовна *(Российский университет дружбы народов, Россия, Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков РУДН.*

Билингвальный автор и его авторский перевод

Памяти Чингиза Торекуловича Айтматова

Исследуя процесс становления младописьменных литератур в 80-х годах прошлого столетия, Г.Д. Гачев пишет о том, что «**творчество Чингиза Айтматова становится *фактом* не только киргизской, не только общесоветской, но и *русской литературы*. Ибо им влиты в русскую литературную традицию такие сюжеты, мифологемы, образы которых русский по происхождению писатель и на материале русской жизни создать не может** (*выделено нами. – У.Б.*); но русский литературный процесс (как еще и сход и сток ныне многих разных русел русскоязычных литератур национальных республик) без них становится немыслимым» [12: 612]. Новой творческой силой и «открывателем новых путей» в литературе называет Ч. Айтматова А. Дима [14: 168]. О том, что в литературе тюркских народов сложилось довольно емкое понятие «айтматоведение» пишет известный исследователь творчества писателя А.А. Акматалиев [5].

Уже в первых работах, посвященных художественным текстам писателя, прослеживается мысль о том, что писатель следует традициям русской классики и его русский естественен даже в самых ранних произведениях. Так, М. Азизов особо отмечает ясную и смысловую точность поэтического языка Ч. Айтматова, которые неотделимы от чеховской «грации фразы», от «чеховского лаконизма» [1: 13]. Лаконизм и простота выражений, по мнению исследователей, роднит его произведения с лучшими образцами русской классической прозы. Они отмечают в ритмике айтматовского повествования плодотворную учебу и сознательное следование великим традициям русской классики. Это говорит о том, что умение найти и использовать «нужный» способ описания на русском языке – навык, который не приобретается путем освоения грамматик. Он возникает только в результате активного усвоения опыта русской классической литературы. Сам писатель в своей статье «Взаимосвязь традиций» (1972) пишет: «Каждая советская литература базируется ныне на двух началах: собственной национальной традиции и традиции русской культуры, с которой мы знакомы с детских лет. Таким образом, два потока, два русла соединяются вместе: **процесс сложный, многообразный, богатый, несомненно, способствующий кристаллизации нового типа писателя**» (выделено нами. – *У.Б.*) [3: 147].

Что значит для Айтматова быть русским писателем? Отнюдь «не значит жить на Оке, не обязательно «акать» или «окать». Но это обязательно означает одно: хранить в своей душе художественный, духовный опыт предшественников как свой собственный, как личный и сокровенный. ... Невозможно создавать современную прозу, не впитав классического реализма Толстого и Чехова. Опыт русской художественной мысли интересен и сам по себе, своим собственным богатством, интересен и важен тем, что приобщает к общемировой культуре. Ну, и весьма важное – язык. **Ресурсы русского языка неисчерпаемы. Когда я пишу по-русски, то чувствую (хотя почти невозможно «сформулировать» это чувство), что выражаю себя совершенно особым и неповторимым образом**» [3: 148-148].

Исследуя повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!», многие сравнивают эту повесть с пушкинскими произведениями («Конь» и «Песня о вещем Олеге»), с чеховской «Тоской» и «Холстомером» Толстого. Н.А. Архангельская в работе «Концепция личности в повести Ч. Айтматова

«Прощай, Гульсары!» (1974) отмечает, что в некоторых работах ученых (И.К. Кузьмичев) проводится мысль о том, что Ч. Айтматову присущ и «горьковский подход к изображению героев» [7: 86].

З. Кедрина отмечала, что русский Ч. Айтматова «**естественен и изящен, как это бывает, когда писатель думает на том языке, на каком пишет**. Словесная палитра молодого писателя богата красками и оттенками, его язык пластичен и гибок. Национальная традиция, сказывающаяся и в своеобразном решении характеров, и в использовании сюжетных ходов и ситуаций, дает стилю айтматовского повествования некоторые **дополнительные тона**» (выделено нами. – *У.Б.*) [17: 17]. Согласно исследованию М. Плисецкого, критика указывала на «акварельную манеру письма» и «чистое употребление символов, афоризмов, мягкость и свежесть ритма и интонации» [18: 289].

Русский язык как язык творчества, несомненно, стал проводником киргизской культуры на Западе. Башкирский народный писатель Мустай Карим заметил по этому поводу: «Чингиз Айтматов – один из немногих наших тюркоязычных писателей, который заставил чужестранного, особенно западного читателя вступить в общение со своими героями, заставил любить и ненавидеть их, сопереживать им» [Цит.: 5: 5].

Цивилизованная Европа, переведя с русского языка «Джамилю» (1958), отметила силу, мощь и молодость художественных образов: «И вот здесь, в этом горделивом Париже, Париже Вийона, Гюго и Бодлера, Париже королей и революций, многовековом Париже художников, где каждый камень – напоминание о какой либо истории или легенде, в городе, где было столько любящих, что, если задумаешь их назвать, получится, как в песенке: «”Не знаю я, с чего начать ..., в этом Париже, который все перевидал, все перечитал, все испытал, для меня вдруг не стало ни “Вертера”, ни “Береники”, ни “Антония и Клеопатры”, ни “Манон Леско”, ни “Воспитания чувств”, ни “Доминики” – все потому, что я прочел “Джамилю”, не стало для меня и Ромео и Джульетты, Паоло и Франчески, Эрнани и доньи Соль ... ибо летом третьего года войны, августовской ночью 1943 года, где-то в долине реки Куркуреу я встретил Данияра и Джамилю с их груженными зерном бричками и мальчика Сеита, который рассказывает историю этих молодых людей» [6: 40].

Анализ исследований в хронологическом порядке показывает, что параллельно с мыслью следования традициям русской классической литературы в них развивается мысль о самобытном мире писателя, в котором наряду с колоссальным и действенным влиянием русской классической литературы с ее мощными культурно-эстетическими традициями отчетливо проявляется мощное влияние киргизского национального фольклора.. В «Заметках о себе» (1972) Ч.Т. Айтматов пишет о том, что любовь к родному языку привила ему его бабушка: «Родной язык! Сколько об этом сказано! А чудо родной речи необъяснимо. Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией, рожденной опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многомерностью и многозначностью языка предков. Детство – не только славная пора, детство – ядро будущей человеческой личности. Именно в детстве закладывается подлинное знание родной речи, именно тогда возникает ощущение причастности своей к окружающим людям, к окружающей природе, к определенной культуре» [3: 151].

О повести «Пегий пес, бегущий краем моря», как и о многих других произведениях Айтматова, написано огромное количество работ. Это не удивительно, поскольку вся действительность не укладывалась в рамках рассказа, повести. Младописьменная культура нуждалась в выходе в новых условиях культурной парадигмы середины XX века. Ч. Айтматовым был открыт новый принцип постижения действительности, той реальности и современности, которую он силою своего таланта был призван отразить. После «Пегого пса...» в первом большом произведении Ч. Айтматова мы видим как роман и сказка жанрово взаимодействуют, не конкурируют, а срастаются в новое образование, благодаря чему возник принципиально новый жанр – не сказка, не роман, а именно роман – сказка, как «Осударева дорога» М. Пришвина – тип нового повествования, как «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, где быль, исследование соседствует с притчей, сказкой, легендой. При этом особое внимание привлекает язык двух произведений. У М. Булгакова быль и небыль написаны одинаковым языком, словарь и стиль изложение не выходит за рамки русской языковой системы.

В «Белом пароходе» С. Залыгина «удивила такая особенность: отдельно взятый абзац его

(Ч. Айтматова) повести то и дело звучит как сказка, однако же, в целом – это вполне реалистическое произведение, написанное чистым и красивым языком.

Русские писатели, если бы они писали сказку, **писали бы** ее языком сказочным, а произведение реалистическое – **совершенно другим языком,** тоже реалистическим, не исключая при этом необычайного его разнообразия. Из русских писателей я, пожалуй, знаю только одного, который умел стилистически соединить эти два жанра – это Платонов» (выделено нами. – *У.Б.*) [15: 363]. О том, что герои романа «Буранный полустанок» напоминают платоновских «сокровенных героев» пишет С.Ю. Преображенский [19].

Тонко чувствует работу Ч. Айтматова с русским словом Г.Д. Гачев – один из главных специалистов в области творческого опыта Ч.Айтматова. В творчестве писателя ученый особо выделяет появившийся после его рассказов и повестей первый роман писателя «Буранный полустанок». Приступив к прочтению романа, ученый пишет, что с первых предложений «почувствовал особую *чуткость слова* тут, что ново у Айтматова, чье слово, в общем, было ясно-нейтрально прежде, классично и недостаточно характеристично. Тут же он, **нерусский, осмеливается пускаться в диалектизмы и неологизмы**» (выделено нами. – *У.Б.*). После прочтения первых строк романа, ученый на полях первой же страницы делает заметку: «сразу – свобода языка: заговорил на русском, как власть имеющий и играющий» [12: 612-613]. Отмечая утонченность работы Ч. Айтматова над первой фразой, Г.Д. Гачев замечает, что писатель использует редкие слова: «*под обмыском, старой промоины», мышкующая лисица*» и проч.». Ученый находит в них «отзвук и Распутина, и Астафьева – «словесных исхищрителей последней поры» – так он их называет. «Исхищрениями» ученый называет устремления писателей «в самоглагольность Языка, уповая, что разнообразие слова развернутостью миросозерцания дышит и чревато (хотя пусть и не выявлено и не осознанно для самого автора) и что вольнословие уже есть вольномыслие» [12: 630].

Анализируя состояние литературы постсоветского периода (Ф. Искандер, Ч. Айтматов, А. Ким), свою точку зрения на «вольномыслие» выражает Т. Толстая: «Имперским языком советской словесности был русский. И в русской литературе советского периода закономерно возникли имперские писатели, – **не те, что выражали сам дух империи, а, напротив, те, кто работал на стыке сопротивления и подчинения: сопротивления идеологии, подчинения языку**» (выделено нами. – *У.Б.*) [21].

По высказываниям ученых можно судить о значении первого романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок». По мнению А.С. Карпова, данный роман является тем произведением, которое «лучше других позволяет судить о советской литературе (70-х годов)» [16: 35]. О том, что «полнота творческой зрелости Чингиза Айтматова нашла выражение в романе» писал С.Ю. Преображенский [19: 39]. Почти все исследователи сходятся в едином мнении о том, что художественный образ Буранного Едигея поднимается до постижения «сокровенности своей человеческой», дерзко утверждает не просто возможность, но необходимость для человека возомнить себя втайне богом, ратующим за всех. «Только так сможет он, человек, выполнить предназначенное ему природой» [16: 40].

Г.Д. Гачев считает язык романа *особенным* и выделяет в нем «несколько эпицентров действия = источников особого Слова. «Обценупр» – и «я», и «бог» – вот слова-полюса тут. «Я», как и «бог», – слова, состоящие только из корня: без приставок и прочих налетов-полипов. Такое слово – короткое, как выдох, простое, как «да» или междометие «ох!». А «Обценупр» - это словочудовище, произведенное как аббревиатура из сочетания «Объединительный центр управления». Это – слово-шифр, для знающих ключ, слово, иначе непонятное, коли попросту и непосвященно и не учено его воспринять: дичь какая-то! И звучание-то совершенно не считающееся с благозвучием языка и естественным для него сочетаниями и чередованиями гласных и согласных. «Упр» невозможно как окончание русского слова, разве что «упырь»... Но главное в слове такого типа (аббревиатуры) – безразличие к *корням*, то есть живописным натуральностям слова, чье слово заземлено в природе национального Космоса. Попробуйте разобрать слово «Обценупр» морфологически. «Об» – приставка, «цен» - корень, «упр» – суффикс (как трехгалавый дракон), как «ург» или «арь», – так похоже, можно было бы разобрать это слово, не зная его значения, непосвященным будучи в него, а лишь в законы русского языка, где оно уже странно: как иностранное, нездешнее, слышится, словно с подвохом, мина в поле языка... И верно: таковые слова-аббревиатуры убийственны в заразе своего распространения для живого Языка-организма, где и

слова рождаются органически, а не составлено: как агрегаты механические» [12: 612].

Задуманная и описываемая писателем ситуация предопределяет выбор слова. Ч. Айтматов стремится к отбору каждого слова к каждой описываемой им ситуации: «Мы как бы упускаем из виду, что любая мысль, даже самая благородная, состоит из слов и сила ее воздействия – логическая и эмоциональная – в конечном счете, зависит от того, как, какими словами она выражена. Слова-пустоцветы, слова-опилки душат подчас живой язык на глазах. ... Умение владеть словом и делать его фактом искусства – обязательное условие для каждого пишущего» [3: 84].

Размышляя о причинах обращения Ч. Айтматова к русскому языку как языку творчества, Г.Д. Гачев проводит мысль о том, что его тексты на русском языке выполняют иную функцию, нежели переводные сочинения, что у них другие «права». Аналогичное, по его мнению, – было в первой трети XIX века, когда в русскую литературу вошел **«нацмен»** из Малороссии Николай Гоголь. Особый стиль, тон особый диалект в русскую советскую литературу внесли в 20-е годы XX века одесситы – Бабель, Катаев, Петров и др. Но «айтматовская художественная система и стилистика направлены скорее в сторону пурификации и тем, скорее, служат русскому литературному языку. Тот нейтральный, прозрачный «классицистический» стиль повествования, который мы отмечали у Айтматова, – есть **особый стиль и интонация уже в русском литературном языке, а из истории русской художественной литературы уже неизъемлемы образы и сюжеты Джамили, Дюйшена, Гульсары, Белого парохода, Ранних журавле**й и т.д. (выделено нами. – *У.Б.*). [12: 612-613].

Действительно, читая айтматовский роман, можно разграничить язык космического сюжета и язык легенд и народных песней – плачей. Автор, изображая художественные образы Найман-аны – матери манкурта, Раймалы и Бегимай – героев легенд, передает их именно теми речевыми средствами, к которым не прибегал бы русский писатель при создании этих же образов. Тут налицо взаимодействие двух языковых стихий, двух итоговых результатов процесса осмысления действительности, выраженных речевыми средствами русской культуры. Писатель должен следовать неукоснительному правилу: создать адекватный национальный образ и одновременно следовать литературным нормам русского языка.

Не вся действительность родной культуры, не все достижения киргизского общественного сознания могут уложиться в рамки русского литературного языка. И тогда в русском тексте нерусского писателя русский читатель находит в привычных русских словах «специфическую окраску», «дополнительные тона» – то, чего не встречает в тексте русского писателя. *Невозможность создать национальный образ одной культуры на языке другой культуры без изменений смысловой схемы типовых высказываний рождает художественный текст с новыми качествами, которые носитель языка может оценивать как отклонение от нормы. Тогда как такой текст является особым видом психической ментальной деятельности со своими нормами и «технологией» создания и передачи.*

Особую речемыслительную деятельность можно проследить на примере авторского перевода творческой билингвальной личности.

Особенности авторского перевода с киргизского на русский. К русскому языку как языку творчества Ч. Айтматов перешел не сразу. Его рассказы и первые повести были написаны на киргизском языке, не считая 2-3 –х самых ранних рассказов. Писатель говорил, что огромными резервами обладает и его родной язык – киргизский: «В нем существуют выражения неповторимые и непереводимые. ... Когда я создаю свои вещи на киргизском языке я (...) чувствую неповторимость выражения своего «я». [3: 148].

Ч.Т. Джолдошева, исследовавшая проблемы авторского перевода Ч. Айтматова с киргизского на русский, считает повесть «Первый учитель» определенной ступенью творческой работы писателя [13]. В работе исследователя обоснованно показаны особенности данного вида творчества писателя, которые помогли осмыслению и выработке выводов в части авторских переводов писателей-билингвов.

Написанная на киргизском языке «*Баллада о первом учителе*» на русском языке выходит в журнале «Новый мир» под названием «*Первый учитель*». Затем это же название повесть получила и на киргизском языке. Главная причина изменения названия – читатель, к которому адресовано произведение. Когда Айтматов менял название рассказа «*Сын солдата*» на «*Солдатенок*», он исходил из названия на киргизском языке. Оно звучало так: «*Атадан калган туяк*» - это почти непереводимое идиоматическое выражение, обозначающее: 1) продолжатель дела отца; 2) его на-

следник; 3) след на земле; 4) родная кровинка.

Изменения названия влечет за собой изменения сюжетно–композиционной структуры. Так, повесть «*Саманчинын жолу*», ставшая «*Материнским полем*» на русском языке претерпела значительные изменения. На первый план выходит образ «Материнского поля – Матери-земли» и это становится ведущим лейтмотивом повести на русском языке, в то время как в «*Саманчинын жолу*» образ «*Млечного пути* (*Саманчинын жолу* в переводе на русский – *Млечный путь*), Дороги *Соломщика* (*саманчи – соломщик*) является ведущим в его структуре.

В процессе перевода повесть «Первый учитель» претерпела значительные изменения в силу того, что автор как участник творческого процесса воссоздания ее на русском языке вторгается в художественную ткань, меняя многое, укрупняя характеры, дополняя повесть. Например, образ первого учителя укрупнялся. Вместе с тем, отметались какие-то детали, прибавлялись новые. Все это шло в русле усиления масштабности образа первого учителя в киргизском аиле, первого коммуниста. Художественное время в повести довольно значительно, охватывает больше 35-ти лет из жизни героев. Но биография и жизнь Дюйшена дана с большими временными пропусками, отдельными штрихами, деталями и только в конкретном отрезке времени 20-х годов изображена довольно подробно в конкретных его делах в аиле. В киргизском тексте период до прихода в аил дан более детально. В русском варианте об этом периоде сказано коротко: «*Слушая Дюйшена, мы мысленно сражались вместе с ним на фронтах с белыми*», исчезли такие детали, что он вместе с отцом работал на железной дороге, две зимы учился у старого учителя Михаила Семеновича, а позже воевал с белыми. «*Дуйшен атасы менен кеше темир жолдо иштеп журуп, Михаил Семенович деген карыя мугалимдин колунда эки киш окип жургенун, аскерге баргандагасын, актар менен согушкандагасын кызыгып угар элек*».

Дополняются и изменяются детали портретно–психологической характеристики героя. Если русскоязычный читатель знает, что Дюйшен носил *буденовку*, то киргизский видит его в обыкновенной *шапке*. «И он тоже сорвал с головы *буденовку*». – «*Озу даки шапкисин башынан жулып алды*». В киргизском тексте «*брови как у беркута*» (*буркут канат каштаты*) в русском еще прибавляется «*сияющие глаза, устремленные вдаль*. «*Он стоит..., закинув руки на затылок и смотрит устремленными вдаль сияющими глазами на белые облака, гонимые ветрами над горами*».

Многочисленные изменения, поправки, дополнения, введенные автором в русский перевод повести, обусловлены необходимостью создания характера – типа, выражающего сущность эпохи 20-х годов прошлого столетия. Изменения образа Алтынай шли в направлении углубления психологизма, лиризма, поэтичности, в более тонком выражении своего внутреннего «я». Цель – показать пробуждение сознания человека, его личностного характера, тяги к знаниям, желания жить по-другому.

Глубокое впечатление остается от сцены купания Алтынай в звонкой, светлой речушке после освобождения ее от страшной участи *токол* (*второй жены*). Сцена построена по принципу контраста: звонкая чистая речушка, разноцветные камушки на дне, состояние огромной радости, которое пришло к ней вместе с освобождением, и только что пережитого ею состояние ужаса и омертвелости, готовности умереть в схватке, но не покориться. А слова Дюйшена, которые в киргизском варианте, о том, что Алтынай, выкупавшись в речке, выйдет из нее новым человеком, что вода унесет нечисть и грязь, автор вложил в уста Алтынай: «*Унеси, вода, с собой всю грязь и погань этих дней! Сделай меня такой же чистой, как ты сама, вода – шептала я и смеялась, сама не зная чему*».

Повесть насыщена лирическими отступлениями, написана в форме монолога, обращенного к современнику. Лирические отступление о трагическом положении *младшей (второй) жены – токол* звучит эмоциональнее, драматичнее на русском языке. Это было сделано для того, чтобы показать русскоязычному читателю один из фрагментов действительности – жизни и судьбы молодой киргизской женщины. Создавая образ своей героини, Ч. Айтматов, отобразил исторический процесс начала XX века.

Аудитория, к которой обращено произведение, решительно влияет на выбор писателем стилистических, эмоциональных средств выражения при переводе. Авторский перевод свободно ориентируется в стихии двух языковых культур, двух литературных стилей, явления одного измеряя явлениями другого. В стиле повести на русском языке происходит сочетание национально – киргизского и национально – русского мироощущения: в описании природы, речевой характе-

ристики героев, в авторской речи, в системе художественно–изобразительных средств, где лексика с национально-культурной семантикой играет особую роль.

В киргизском тексте большое количество фразеологических выражений. В русском тексте герои изъясняются естественно и привычно для русского слуха, исчезают тонкости киргизской диалогической речи и формы выражения, типичные для данного героя. В косвенном монологе Алтынай, переживавшей первую юную весну встречается троекратный сказочный повтор из русского фольклора: «*Где-то за тридевять земель голубели талые озерца, где-то за тридевять земель ржали кони, где-то за тридевять земель пролетали в небо журавли и куда они звали сердце такими томительными, такими трубными голосами*». В киргизском варианте этот повтор отсутствует.

Пословицы, поговорки, встречающиеся в киргизском тексте, чаще всего переводятся описательно. Передается их смысл, суть. В силу различных языковых систем автор не сохраняет афористичность, краткость и выразительность. Некоторые реалии, характерные для жизни и быта киргизов (одежда, утварь, реалии родства и т.д.) заменяются реалиями жизни русского народа, почти полностью заменены термины, обозначающие родственные отношения (*аке, агай, жене, таяке* и др.). Киргизское «*куржун*» заменяется «*котомкой*», «*тебетей*» на «*малахай*» – больше понятного русскоязычному читателю, встречавшего это слово в произведениях русских писателей, описывавших восточный образ. Образность, яркость сравнений, метафоричность – одна из характерных черт русского перевода повести «Первый учитель».

В этой повести наблюдается процесс «отсечения-дополнения», как и в предыдущей повести «Материнское поле». Кстати, изменение названия «Саманчинын жолу» на «Материнское поле», повлекло за собой изменение ее композиционной структуры. На русском языке повесть состоит из 18 глав, на киргизском – из 8. Они чередуются диалогическими и монологическими формами повествования. Выделяются главы, написанные в форме диалога матери Толгонай с матерью – Землей, усиливающие философское звучание и придающее ей масштабность философского обобщения.

Различия и особенности двух языковых систем заставляют автора прибегать к функционально-стилистическим сдвигам при переводе повести на русский язык. Подчеркнем, что повести на киргизском языке насыщены образными идиомами, афоризмами, фразеологизмами, точный перевод которых не всегда возможен. Заметим, что это не просто упражнения писателя, а необходимость, диктуемая законами киргизского и русского языков. Где есть возможность, автор заменяет киргизские русскими идиоматическими выражениями, афоризмами, что делает авторский перевод художественно выразительным для читателя. Кроме того, такая работа еще рождает неповторимый стиль, в котором, на наш взгляд, сплавлены черты национального киргизского и русского языков.

В 1978 году с русского на киргизский язык Айтматов переводит «Прощай, Гульсары!». В процессе перевода автор вносит новые детали, дополняющие художественный образ. Вследствие чего происходит функциональный и стилистический сдвиг, который наблюдается в переводе на русский, цель которого оптимально близко передать характер оригинала в условиях другой языковой системы. Чувство языка писателя подчинено решению художественных задач. Перед автором стояла задача адекватного создания художественного образа своей культуры на обоих языках, «способного ... разобраться в противоречиях своей жизни и своей эпохи, осознать величие и заблуждения своего поколения, способного судить себя самого мерой самой высокой требовательности, осознать глубину своей социальной ответственности за настоящее и будущее страны» [7: 92].

Таким образом, «Первый учитель», «Материнское поле», «Солдатенок», «Прощай, Гульсары!» приобрели новые качества, сплавились в новое художественное единство формы и содержания. Авторский перевод – процесс колоссальной работы творческого сознания двуязычного писателя над порой, казалось бы, неуправляемыми стихиями двух языковых систем.

Ценным в авторском переводе является то, что наряду с соблюдением всех традиционных требований, предъявляемых к литературному переводу, **подобный текст является авторским произведением, таким же уникальным и неповторимым, как и его прототип**. Ведь, хотя перед переводчиком и переводчиком-автором стоят, казалось бы, одни и те же задачи и трудности, в авторском переводе разрешение их приобретает несколько иной характер, иное направление, иное содержание. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к переводам произведений Ч.

Айтматова на английский и американский вариант английского языка [8, 9, 10, 11, 12; 20].

Авторский перевод создает новый текст, который принадлежит русской национальной культуре, с одной стороны, являясь вариантом русского языка в описании «чужого» образа. С другой – такой текст является вариантом национально-специфического. И, что особенно важно, полученный текст не оказывается скованным текстом оригинала, но скорее вдохновленным им. При разборе языковых особенностей обоих вариантов важно обращать внимание на те фрагменты, которые представляются наиболее важными с точки зрения национально-культурной семантики текста.

Сопоставление переводов текстов повестей Ч. Айтматова показывает, что автор не прибегает к введению лишних слов. Мы наблюдаем особое внимание автора в выборе той или иной языковой единицы независимо от того, с какого языка на какой он переводит. Изменения, вносимые автором в русский текст, вызваны тем, чтобы донести для русского читателя все атрибуты, представляющиеся действительно новыми и интересными, дополнительными по отношению к известным ранее. Тексты перевода в целом отличаются очень высокой степенью лингвистической (грамматической и лексической) точности. Следуя за оригиналом в том, что касается эмоциональной и оценочной коннотаций текста-прототипа, русский текст перевода обнаруживает стремление автора передавать стилистические средства оригинала соответствующими средствами русского языка.

Вместе с тем, текст перевода заключает в себе ряд особенностей, отсутствующих в оригинале, заключающихся в изменении заглавий; некоторые образы, применяемые автором-переводчиком в обоих вариантах, обретают в переводе большую конкретность и определенность (рефрен-повторение, авторские ремарки); ряд единиц в переводе утрачивает свою просторечную окраску. Например, единица, требующая от русского читателя «фоновых знаний» из области истории и культуры конкретного государства, заменена адекватной единицей (*малахай – шапка – буденовка*), понимание которой возможно лишь при включении аналогичных «фоновых знаний» из области истории и культуры другой культуры; в текст перевода вводятся отсутствующие в оригинале образы, более привычные, близкие и потому понятные русскому читателю.

Следовательно, в сознании билингвального авторп четко обозначены различия в двух языковых культурах, условиях общения и внеязыковом сознании, которые обусловливают нетождественность коммуникативной функции, ее вариативность. Сопоставительный лингвистический анализ авторских переводов имеет определенную значимость не только при разборе скрытых смыслов произведения на теоретическом уровне. Такой анализ актуален с точки зрения чисто практической. Задача передачи всех сложных отношений, значений, ассоциаций, которыми оперирует в конкретном тексте тот или иной переводчик, облегчается при обращении к тем возможностям, которые предоставляются ему в авторских переводах текстов. В данном случае появляется возможность обратиться к предварительному анализу тех методов, приемов и средств, к которым сам обращался автор, выступая в роли переводчика своих текстов. Переводы текстов конкретной творческой билингвальной личности (Ч. Айтматов, А. Кодар), в которых выражается национальный образ первичной культуры, на языке культуры приобретенной заключают в себе внутреннюю «экзистенцию» (киргизского, казахского) народа, доступную восприятию и пониманию читателя, к которому обращено произведение.

Автор, выступая в роли переводчика своих текстов, направляет свои усилия на выражение внутренней «экзистенции» народа, заключенного в конкретной языковой системе. Методы, средства, приемы, к которым он прибегает в процессе передачи на иной язык всех значений, присущих национальному образу, вызваны необходимостью – сделать их достоянием читателя, к которому обращено произведение. Таким образом, языковая картина мира, имеющая в каждом языке свои особенности, в общих функциональных, понятийных планах становится в принципе типичной, автор и читатель понимают друг друга.

Создание индивидуально-авторских фразеологизмов и афоризмов, их видоизменение, «наращивание» коммуникативных функций в тюркизмах и т.п., наблюдаемые в текстах билигвов-тюрков – индивидуальные особенности речевой деятельности на русском языке не русского человека, которые в обобщенной форме становятся понятными для носителей русского языка. В этом проявляется коммуникативная, познавательная функция знаковой системы языка, в частности – русской, как универсальной социальной сущности, в формах которой обеспечивается отражение,

познание и преобразование окружающей действительности в рамках практической целесообразности, в т.ч. русско-национального двуязычия.

Авторский перевод расширяет ментальные возможности не только творческой личности билингва, но и читателя. Свободно ориентируясь в стихиях обеих языковых культур, автор-переводчик делает своего читателя «гражданином мира», способным верно понять те культурные артефакты, с которыми он сталкивается при чтении, но которые не принадлежат его культуре. Читатель, не знающий первичного языка автора, начинает конструировать вокруг себя культурный ореол, культурную ситуацию, сообразно той, которую создает опережающее монолингвальную обыденность сознание творческой билингвальной личности. Приобщение читателя к «чужому» через его родной язык делает это «чужое» «своим». В данном случае «приобщает к мироощущению тюрков».

Библиографический список

1. *Азизов, М.С.* Художественные особенности языка повестей Ч. Айтматова. [Текст] / М.С. Азизов. – Махачкала, 1971.
2. *Азизов, М.С.* Мастерство Чингиза Айтматова [Текст] / М.С. Азизов // Автореф. дис. …канд. филол. наук. – Махачкала, 1974.
3. *Айтматов, Ч.Т.* В соавторстве с землею и водою. Очерки, статьи, беседы, интервью. [Текст] / Ч.Т. Айтматов. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978. – 408 с.
4. *Айтматов, Ч.Т.* Собрание сочинений в семи томах. Том седьмой. Статьи. Выступления. Эссе. Диалоги. [Текст] / Ч.Т. Айтматов. – М.: Туркестан, 1998. – 504 с.
5. *Акматалиев, А.А.* Творчество Чингиза Айтматова во взаимодействии с тюркоязычными литературами народов СССР, взаимосвязей и взаимообогащения современных литератур Киргизии и Казахстана [Текст] / А.А. Акаталиев / Автореф. дис.докт. филол. наук. – Фрунзе: Кирг.гос.ун-т, 1990. – 43 с.
6. *Арагон, Луи.* Самая прекрасная на свете повесть о любви [Текст] / Л. Арагон. / «Джамиля» Ч.Айтматова // Писатели мира. – М., 1978. – С.239-241.
7. *Архангельская, Н.А., Архангельский, Л.М.* «Люди, это я!» Семейно-нравственное воспитание и литература [Текст] / Н.А. Архангельская, Л.М. Архангельский // Литературное обозрение №6, 1981. –М.: Правда. – С.25-31.
8. *Бахтикиреева, У.М.* Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в художественной прозе Чингиза Айтматова [Текст] / У.М. Бахтикиреева / Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М.: РУДН, 1995.
9. *Бахтикиреева, У.М.* К вопросам: о роли интеллектуала в современном обществе и функции художественного образа в историческом процессе. На примере творчества Ч. Айтматова [Текст] / У.М. Бахтикиреева // АС АЛАН. – М.: Мир дому твоему, 2002. – Вып. №1(10) 2002. – С.5-23.
10. *Бахтикиреева, У.М.* Русскоязычный писатель: проблемы художественного билингвизма (с лингво-культурологических позиций) [Текст] / У.М. Бахтикиреева //Сборник научных докладов и тезисов XIII Международн. научн. конф.: «ЯЗЫК и КУЛЬТУРА» им. проф. Сергея Бураго. 30 июня-2 июля 2004. – Киев. Вестник Украины. – С.207-214.
11. *Бахтикиреева, У.М.* Особенности художественного текста писателя-билингва [Текст] / У.М. Бахтикиреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – М.: Изд-во РУДН, 2004. – С.43-50.
12. *Гачев, Г.Д.* Национальные образы мира. Центральная Азия [Текст] / Г.Д. Гачев. – М. Издательский сервис, 2002. – 784 с.
13. *Джолдошева, Ч.Т.* Роль авторского перевода в творчестве Ч. Айтматова [Текст] / Ч.Т. Джолдошева // Современная киргизская повесть и проблемы перевода. – Фрунзе, 1981. – 165с. – С.124-162.
14. *Дима, А.* Принципы сравнительного литературоведения [Текст] / А. Дима. – М.: Прогресс. 1977.
15. *Залыгин, С.* Литературные заботы [Текст] / С. Залыгин. – М., 1979. – с.363.
16. *Карпов, А.С.* Методические рекомендации к изучению советской прозы 70-х годов [Текст] / А.С. Карпов. – М.: УДН, 1987. – 42 с.
17. *Кедрина, З.* Золотая жила [Текст] / З. Кедрина. – М., 1991.
18. *Плисецкий, М.* Поиски и достижения Ч.Айтматова [Текст] / М. Плисецкий. – М., 1991. – С.288-291.
19. *Преображенский, С.Ю.* Литературная норма и стиль писателя: О романе Ч.Айтматова «Буранный полустанок» [Текст] / С.Ю. Преображенский // Русская речь. – М., 1984, №1. – С.39-45.
20. *Рыскулова, Ж.М.* Особенности восприятия творчества Чингиза Айтматова в англоязычных странах [Текст] / Ж.М. Рыскулова / Автореф. дис. …канд.филол.наук. – М.,1987.
21. *Толстая, Т.* После. Постсоветская литература в поисках идентичности. 1995.11. Специальный проект: «Журнальный зал» в «Русском журнале».

Режим доступа: http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano009.html.

Вера САВЕЛЬЕВА

Савельева Вера Владимировна. Живет и работает в Алматы. Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и мировой литературы Казахского национального педагогического университета им. Абая. Автор монографий «Художественный текст и художественный мир: соотнесенность и организация» (1996), «Художественная антропология» (1999); лекционного курса в вузовском учебнике для гуманитарных факультетов «Художественная антропология и творчество писателя» (2007); учебников нового поколения по русской литературе для школ Республики Казахстан (2003-2009); книги стихов «Четыре» (2007); книги «Письма вскладчину. Алматинский адресат Клары и Юрия Домбровских» (2009). Область научных интересов: теория моделирования художественных миров, художественная антропология, художественная гипнология, русская литература и современная литература Казахстана.

Постлирические стихи в современной поэзии Казахстана

Среди девяти главных муз в древнегреческой мифологии три являлись вдохновительницами поэтов: Эрато – музу любовной, эротической поэзии, изображали молодой женщиной с лирой/кефарой в руках; Евтерпа – муза лирической поэзии, являлась молодой женщиной с двойной флейтой; Каллиопа (в переводе – имеющая прекрасный голос) – старшая из муз, которую почитали и как вдохновительницу песнопений и музу эпической поэзии, а ее постоянными атрибутами были палочка для писания (стиль) и навощенные дощечки. Время шло, а в голосе и крови поэтов смешались мелодии, струи и потоки трех источников поэтического творчества. И теперь уже одна безымянная Муза, сначала писавшаяся с прописной буквы, а потом и просто со строчной объявлялась поэтами символом вдохновения.

К ней они обращались в стихах. Так молодой Пушкин уверенно объявлял: «В младенчестве моем она меня любила / И семиствольную цевницу мне вручила...». В стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» он потребовал от нее смирения и подчинения высшей воле: «Веленью божию, о муза, будь послушна, / Обиды не страшась, не требуя венца; / Хвалу и клевету приемли равнодушно / И не оспоривай глупца». Больной Н.Некрасов прощался с ней в последних стихах и умолял ускорить конец: «О муза, наша песня спета, / Приди закрой глаза поэта / На вечный сон небытия, / Сестра народа и моя!». Именно в его стихах к постели умирающего поэта является непрекрасная муза: «Сказать: умрем! конец надежде! / Я прибрела на костылях». Ахматова упрекала-благодарила. И далее поэты почти весь XX век выясняли отношения с бессмертными.

К музе обращались не только за помощью, но ждали ее суда как первого читателя, мысленно спорили с ней, бунтовали, прислушивались. Муза, переместившаяся в мир поэта, – это его внутреннее я, с которым трудно договориться, которое родное и инородное одновременно. По одной из версий, музы – дочери Мнемозины, богини памяти. И потому для ученичества в школе муз признавались важными передача и сохранение традиций.

Но в истории литературы неоднократно наступали периоды, для которых важнейшими объявлялись разрушение традиций, десакрализация искусства прошлого, развенчание кумиров и авторитетов. Такое время переживает и современная цивилизация. Неслучайно его называют новым футуризмом. Но что говорить о веках минувших! Поговорим о нынешнем.

Молодой, мучающейся и выживающей поэзии музы-вспомогательницы не нужны. Музы умерли. Их нет. И тогда каждый поэт выживает в одиночку или в коллективе. И как назвать поэзию, отказывающуюся от услуг муз? Для себя я назвала ее постлирической поэзией. Хотя и слово «поэзия» трудно притирается к современным стихам, современной стихопрозе, прозостиху, минималистским жанрам. Лучше просто стихи, постлирические.

Отказаться от услуг синтаксиса и пунктуации, возродить косноязычие, ослабить контроль над психикой и раскрепостить сознание, не контролировать речь. Вернуться к стадии до гармонии. Как-то все это знакомо! Неофутуризм, неодадаизм, авангардизм, неонатурализм, неоабстракционизм. Но важны толчок, рывок и результат.

На обложке книги ***«СОРОК.ЧЕТЫРЕ»*** Литературно-художественное издание. / Сост. Р. Айткалиев, П.Банников» (Алматы, 2008) четыре фото-картинки. Можно пофантазировать и найти переклички с каждым из четырех поэтов, можно – присвоить по картинке каждому автору; можно вообще не обращать на обложку внимание.

На задней обложке четыре зеркально воспроизведенных текста – авторские визитные карточки четырех алматинских поэтов. Авторы-издатели деликатно напоминают читателям, что ранее в рамках проекта ими уже были изданы две книги. От себя добавлю, что они не остались незамеченными: их анонсировали в журнале «Новый мир», о них написал В. Бадиков в «Литературной Газете Казахстана» и в журнале «Простор» [1]. Так что третий сборник в рамках проекта – это уже явление не спонтанное, а предопределенное.

Сборник четырех («литературно-художественное издание» - так позиционируют себя авторы) – это не коллективный альманах времени романтизма или эпохи модернизма, это временное сожительство под одной обложкой и в одном городе четырех совершенно различных творческих индивидуальностей. Таково мое мнение. И я постараюсь его объяснить.

Заглавий у сорока стихов нет, но есть нумерация в пределах каждого авторского раздела.

Павел Погода «ДЕСЯТЬ.РАЗ».

Из четырех авторов в стихах П. Погоды в наибольшей степени выражен социальный бунт против негатива и позитива жизни. Главный персонаж стихов – это некое «я», которое чувствует враждебность окружающего мира, но и не совсем одинокое, так как говорит от лица «своего» социального клана. Для этого лица характерен заниженный инстинкт самосохранения и пестование синдрома суицида. Сочетание комплексов избранности и отверженности. Умение представить ощущение страха, говоря языком терминов, хорроризацию современного социума. Не случайно последнее, 10 стихотворение начинается строчкой: «Время похоже на кокаиновый джаз...».

Основные черты стиля сродни неофутуризму и рок-поэзии. Остаточные знаки пунктуации – тире, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие, двоеточие, скобки. Точка и запятая исключаются. В графике – любовь к курсиву, сочетание очень длинных и коротких строк. Метрика – почти верлибр. Рифма – эпизодическая. Очень важна звуковая инструментовка речи. Строфика – разнородные строфы от двустишия до десяти и более. Навязчивые лексические повторы. Гротесковые урбанистические образы. Рекламная поэтика.

Вот четвертое стихотворение. Условно называю его «монолог к капельмейстеру»: *«капельмейстер! Накапай мне пива! – слишком сухо в горле / я срываюсь и хриплю – / только вой остается»* [2]. Это монолог-вопль, как у В.Маяковского «Зашел к парикмахеру причешите мне уши...». Неонатурализм: «И смотреть умиляться как дети / идут разорять могилы и птичьи гнезда». Опять же в памяти ранний Маяковский: «Я люблю смотреть, как умирают дети».

Образ мира как звукового хаоса. При нерегулярной рифменной организации в стихах ярко артикулирована фонетика. Например в 5 стихотворении: «нет ни дрожи в коленях не будет и дрожи земли / не дороже жизнь щебета птиц улетавших не видеть руины». 9 стихотворение все построено на сквозном звуковом обыгрывании внешней и внутренней формы слова «хоргос». Вот часть этого звукового словоряда: хор, гос, господи, в духе жареных овощей горящего масла отбросов, ор и жестикуляция, громогласный хор жестов, не город не место, слово всего.

Лучшие стихотворения, на мой слух, 2 и 6. В них в традициях визуальной рекламной поэтики и тяжелого рока представлено условное, небиографическое лицо персонажа и коллективный образ защищаемого им микромира. Приведу последнее полностью.

...ты сказала:
мы – всего лишь сбиваемся в стайку
мы морские котики
на грани вымирания –

и ты права
но всё-таки я хочу знать почему нас ненавидят

но всё-таки я хочу знать почему все вокруг враги
почему мы –
тихие котики
мы –
мирные атомы
мы –
практически бодхисатвы
мы –
не лезущие в чужие постели
мы –
не претендующие на знание
не претендующие на великую миссию
не претендующие на власть
мы –
знающие что гениев среди нас нет
и что гениев больше не будет
мы –
знающие свою пустоту и бессмысленность –
почему мы признаны и объявлены повсеместно людьми с нестабильной психикой
пережитками юрского периода
стрейнджами
фриками
аморалистами
ханжами
фанатиками
карьеристами
хапугами
лжецами
почему? –

все закрывают уши
когда морские котики
уже сорвав голоса
шепчут в унисон:
я такой как все
я такой как все
я такой как все
я такой как все...

Наталья Банникова «ДЕСЯТЬ.ДВА»

Появляется точка, и значение ее в стихах очень велико. Как-то И. Бабель заметил: «Ничто не входит в сердце так леденяще, как вовремя поставленная точка». Так вот, я бы сказала, что Н. Банникова умеет ее поставить в тот момент, когда контакт с читателем возник. И в этот же момент автор может удаляться.

В сети
Протекаю по проводам.
От входа до соединения –
Вечность.
Треск, замыканье,
Как будто вода...
А потом –
Длинные гудки
До следующего вечера. (2)

Обратим внимание на красивую правую рифму вечность:вечера, которая держит текст и звуком «в» притягивает вторую рифмопару проводам:вода.

Автор «ДВА» – самый немногословный из четырех. В ее творчестве проявляется свойственная современным молодым поэтам и отмеченная Ж. Толысбаевой «тенденция к минимализации

текста» [3]. Она отсеивает слова, сокращает, сжимает строчки до слова, не дает мелодии стиха литься-струиться. Любит нераспространенные предложения, зияния в синтаксисе. Часто обрывает фразу многоточием. Многоточия почти в каждом стихотворении. Как у Некрасова – остановленная мысль и сдержанная эмоции. Энергетика текста проявляется и в мышлении вопросами, которые автор задает себе, другим, в пространство...

«В руках барабан и горн, – зачем? – / Спросите у Бога.» (1).

«не та строка, / а, в общем, / какая разница?» (3).

«И гнутся деревья / Под тяжестью влаги, вопросами.» (6).

«Бунт. / Бессмысленный? / Не знаю.» (7).

«Эволюция, / Мистер Дарвин... / Почему / У меня нет щупалец, / Как у осьминога?» (10).

В лексике важную роль играют вводные слова (может быть, в общем), очень заметны наречия (потом, вчера, сегодня, зачем) и местоимения (кто-то, кому-то, ты, я; «И плакать / о них, / О себе, / О нем»). А глаголы только определяют исходное событие, но ничего не меняют в мире.

Стихи в жанре записной книжки или минисюжетов, снятых фотокамерой сотового телефона. Что-то видно отчетливо, что-то смазано, о чем-то догадываешься. Одни реплики звучат ясно, другие пропадают. Но всё быстро кончается. В таких стихах-клипах всегда намечена ситуация, определены реалии камерного быта или урбанистического пространства. Но развязка всегда на грани поэтики абсурда.

Лучшие стихотворения из десятки, по-моему, 2, 7 и 9.

Полный.
Пропускаю, хотя следующий будет таким же.
Холодно.
До Нового года осталось: раз, два, три... Совсем не много.
По городу
расставлены ёлки. Кажется чересчур...
Тошнит
от предпраздничной приторности.
В свете гирлянд на площади
одинокий...
скучает монумент декабристам.
Бунт.
Бессмысленный?
Не знаю.
Кому-то весело,
а кто-то уходит...
Конец года
у многих ассоциируется
с концом жизни.
«Кресты, памятники, ритуальные услуги. С выездом».
Не понимаю зачем,
запоминаю номер:
2 43 2 56 –
легкий. (7)

Владимир Воронцов «ДЕСЯТЬ.ТРИ»

Этот автор не пишет, а шаманит. Он, может, больше всех ощущает генетическую связь с поэзией модернизма. И подобно тем поэтам увлечен экспериментаторством. Каждое из десяти стихотворений представляет реализацию одного звукового проекта, положенного на слова.

Ведущую роль в стихах поэта «ТРИ» играют повторы: фонетические, лексические, синтаксические и строфические.

Забытый песнями, стихи глазами пью
Из чаш страниц, как пьяница, тайком.

Стихи – забвения, стихи – страдания,

стихи – утопии – пруды – тихи,
стихи – надгробия, стихи – терзания.
Стихи. Стихи. Стихи. Стихи. Стихи. (3)

Все десять стихотворений В. Воронцова намеренно или неожиданно для читателя-меня организуются в некий условный, неавторский, как говорят литературоведы, цикл. И это тоже свидетельствует о некой внутренней физиоорганике автора «ТРИ». У него очень явно каждое следующее стихотворение увязывается с предыдущими и последующими. Он пишет не текстостихи, а текстопотоки.

Главная тема стихов автора «Три» – это философия и психология творчества, начиная с утробного его периода. Порой эта труднейшая рефлексия облекается в неожиданные образы.

...и кажется заснули столбцы календаря.
И окна догорели и обуглились.
И нежная молочная заря
блеснула по вершинам гор. И звуки из
бессмысленного гула стали складываться
потоком слов. И новый монолог
затрепетал невинной радостью.
И шевельнулись тени строк... (7)

Лучшие стихи, на мой взгляд, 9 и 10. Привожу последнее. Оно представляет жесткий автошарж, некомплиментарный автопортрет. В горячей десятке стихов В.Воронцова этот десятый текст – как бы догоревший «долбан» после вспышки первого, самого длинного и какого-то брюсовско-северянинского, как мне показалось, стихотворения «Здравствуй, девочка с одуванчиком...». Но мне этот «долбан» нравится больше.

любое стихотворение похоже на сигарету
сначала вспышка зажигалки
потом дым
дым
дым
еще дым
а в последней строке
рука как бы выбрасывает долбан

Равиль Айткалиев «ДЕСЯТЬ.ЧЕТЫРЕ»

Эти стихи слишком умные, мрачноватые и однотональные. Их надо читать ясным утром, выспавшись, на свежую голову. Что их рождает? Явно не суггестия, не страсть, не мелодия. Они порождение разума. «А поэзия, прости господи, – заметил Пушкин в письме Вяземскому, – должна быть глуповата». Но эти стихи и не хотят быть поэзией. Это прозостихи, распадающиеся на фразы из внешнего и внутреннего мира. Фразы топчутся, наползают друг на друга, монотонно и ритмически повторяются. Синтаксический параллелизм и повторы задают монотонный ритм.

Голова моя гладкая, сценический образ – надо.
Очки мои черные – торопился, случайно попали под руку.
<...>
Голова моя постепенно обрастает ежиком,
очки мои незаметно привыкают к переносице. (1)

Вчера я бродил по городу в поисках патрона,
<...>
Я добавлю денег
<...>
Я отнесу его туда же, дополню сумму,
<...>
Я сдам его по тому же адресу,
<...> (2)

Скорость света уменьшается – это видно.
Скоро свет остановится.
<...>
Скорость света становится отрицательной.
<...>

Скорость тьмы возрастает.
<...>
Скорость тьмы становится отрицательной.
<...>
Скорость света растет, по моим наблюдениям,
<...> (9)

Тексты поэта «ЧЕТЫРЕ» можно разделить на те, в которых автор сохраняет знаки препинания, и другие, в которых автор от них отказывается. Стихи без знаков имитируют измененные состояния сознания перед засыпанием или в процессе пробуждения.

...шопот
кого-то позвали
позвали кого-то
не понимаю спросонок
спросонок позвали кого-то
имя знакомо как будто знакомо
как будто
так меня звали когда-то
так меня звали
так меня звали а я не пришел
потому что
я не пришел потому что
так показалось
так показалось мне имя мое незнакомо
так показалось спросонок
так показалось... (10)

В других стихах синтаксис продуман и нарисован очень тщательно. Видно, что автор одержим желанием позиционировать свое неординарное интеллектуальное «я». Перед нами эгостихи, представляющие как бы расшифровку с диктофона реплик непрописанного диалога плюс информационные врезки-фразочки. Прием монтажа явно виден. Можно обнаружить все выделенные Эйзенштейном четыре его вида.

К лучшим стихотворениям я бы отнесла 5 и 6.

Завершая этот серьезный разговор о таком стратегически профессионально красиво выстроенном и изданном сборнике, не могу скрыть первой же веселой ассоциации, которая родилась и не покидала мое мобилизованное сознание. Это Хармс: «Жили в квартире сорок четыре сорок четыре веселых чижа...» и так далее почти всё стихотворение, читанное-перечитанное, восстановилось в памяти... Так что воспринимаю это как подсказанное пожелание сорока четырем стихам-чижам озоровать и летать дальше.

В лирике часто возникала соотнесенность поэта с певцом, а поэтического голоса с пением. Своеобразным аналогом поэта выступал соловей. В постлирике о пении говорить некорректно. Постлирическое стихотворение – это говорение, бормотание, оговорки, описки, черновик будущего.

P.S. Через несколько месяцев после того, как эта статья была написана, состоялась презентация первой в Казахстане поэтической газеты «ЫШШО ОДЫН» (июнь 2009, выпуск odын) – «антипериодическое антикоммерческое издание Ышшо odын (газетного типа)». В разделе «Наши принципы и требования к текстам» заявлено: «Тексты, имитирующие (осознанно или нет) манеру письма и образный строй писателей прошлого, не рассматриваются» [4: 1].

Конечно, этот эксклюзивный номер заслуживает отдельной рецензии, но дымок неофутуризма явно уловим и в нем. Балансировать на грани великой поэзии прошлого и стихов будущего необычайно трудно. Но интереснее стало жить в нашем королевстве.

дай устоять на перекладине
остаться в воздухе стоять
в щели тянет рифмой *найдена*
сопротивляюсь как могу
и понимаю ненароком
соседа напугав лицом
что эта речь она к чему [4: 3]

Библиографический список

1. Бадиков, В. Казахстанские писатели «новой волны» // Простор. 2008. № 8. с. 136-144.
2. Здесь и далее указываются автор и номер текста от 1 до 10 в пределах авторского раздела в сборнике: СОРОК.ЧЕТЫРЕ: Литературно-художественное издание. / Сост. Р. Айткалиев, П. Банников. Алматы, 2008.
3. Толысбаева, Ж.Ж. «Капиллярная» поэзия Востока и литература постмодернизма // Восток-Запад в русской литературе XI-XXI веков. Материалы международной конференции. 24-26 июня 2009. Стамбул. 2009. С. 183-190.
4. ЫШШО ОДЫН. Вып. 1 (odын). июнь 2009.
5. Kanat, Омар «Как буквы» // ЫШШО ОДЫН. Вып. 1. 2009. июнь. С. 3

Тамара ГУРТУЕВА

Гуртуева Тамара Бертовна – доктор филологических наук, профессор Университета Фатих (Стамбул, Турция). Её монографии и литературоведческие работы выделяются своей концептуальностью, высоким уровнем академизма и глубиной исследовательской мысли.

Культурное пространство как пространство постмодернизма

В конце XX века решительно изменился контекст художественного творчества. Последнее оказалось в открытом пространстве, когда исчезли сами критерии художественности, и возникло острое ощущение близкого завершения некоего духовного процесса, властно правящего художником внутри его исторически совершаемого творчества. Пространство культуры, в котором развернулась критика разума, есть пространство постмодернизма (Культурология 1995: 382).

«Неподражаемая странность» взгляда, предельная субъективность, оформленная в высокой лексике эзотерических мифов, «персональное видение», основанное на принципиальной непереводимости индивидуального мира – это слагаемые той заново осмысленной романтической концепции художественного творчества, которая сейчас явно или скрытно довлеет художественному сознанию нашей эпохи. Новизна ситуации предопределила появление постмодернизма. В сфере эстетического его можно рассматривать как реакцию на «классический авангард». Но, по свидетельству В.Малахова, в отличие от авангарда, ряд течений которого не порывал с характерным для классики диалектически-профетическим пониманием искусства, постмодернизм полностью стирает грань между прежде самостоятельными сферами духовной культуры и уровнями сознания (Современная западная философия 1991: 239-240).

Иная точка зрения на генеалогию авангарда принадлежит И. Есаулову: «В основе провокации и агрессии авангардизма лежит как бы обида на то, что мир уже сотворен: «язык» уже существует; человеческая жизнь протекает в ноосфере осмысленного бытия. В конечном итоге это восстание против сотворенной и осмысленной жизни. Иначе говоря, попытка окончательного и последнего освобождения от объективной реальности. Это попытка раз и навсегда избавиться от всякой онтологичности бытия, заменив её самодовлеющей гносеологией эстетического произвола. Авангард в крайних своих проявлениях жаждет «приговора» и «казни» миру как объекту ради обретения полной индивидуальной свободы от него» (Есаулов 1993: 13-14).

В отличие от предыдущих исследователей Вячеслав Курицын указывает на тематическую зависимость русского постмодернизма от соцреализма и авангарда. Особое внимание при этом он уделяет проблематике тоталитарного письма, разработанной постструктуралистом Жаком Деррида. Им отмечено, что, например, концептуалисты с успехом использовали один из чрезвычайно важных для структуры текста элементов – паузу. В отличие от слова, лишенная следов тотальности, она переводит внимание воспринимающего на себя. В результате пространство нетотального письма совмещается с «пространством-внутри-меня» (Курицын 1995).

Сопоставляя постмодернизм с «героическим авангардом» 10-20-х гг., Дмитрий Пригов указывает на существенное расхождение в разрешении проблемы личного высказывания. Он утверждает, что в противовес решительному авангарду, отказавшись от ценностной иерархии, от оценок, от какого бы то ни было сравнения с прошлым, постмодернизм «явил трагедийность проблематичности личного высказывания», очаровал всех «освободительной мощью самых сокровенных глубин человеческой психики, сознания, поведения» (Пригов 1994: 249). Он убежден, что «новые

модификации вечных проблем бытия ... настолько мощны, что даже на его излете критики постмодернизма пока не могут противопоставить ему что-либо равнозначное» (Пригов 1994: 249).

В своей художественной практике постмодернизм стремится к снижению и пародийному обыгрыванию идей авангарда. Главным убеждением постмодерниста становится взгляд на реальность как на фикцию, фантом, ничто. С особенной силой эта убежденность выступает на поверхности постмодернистских произведений изобразительного искусства. Её внешние приметы: пластическая сомнительность любой завершенной формы, где изображение строится не столько объемами, сколько просветами, где в отсутствие предметной определенности пространство тянется с маниакальной равномерностью бесконечности, лишенной визуальных опор. Таким образом, очевидным представляется пространство постмодернистского произведения: в нем фигуры и вещи не выступают в поле зрительского восприятия, а напротив, стараются укрыться в неподвластном художнику стихийном саморазвивающемся, экспрессивном потоке штрихов, цветовых пятен, нарушающих логику вещи, человека, формы. Пространство постмодернистской картины есть в этом случае прореха, через которую открывается зияющая пустота Ничто. Навязчивый мотив дематериализации, развоплощения призван выявить бессмысленность усилия художника угадать очертания действительности. Сходные процессы были характерны для всего европейского искусства XX века, когда за счет постепенного уничтожения ряда художественных элементов (тональность, непрерывность, форма, содержание, смысл, цель) искусство в аскетическом стремлении к некоей бескомпромиссной своей сути, увы, вынуждено было продвигаться к «эндшпилю, где оставались лишь нетронутый холст, пустая сцена, безмолвие...» (Тарнас 1995: 333). Кардинальное сомнение в реальности реального питается особым переживанием пустоты, которое воплощается в стремлении как можно меньше вторгаться в белое пятно холста, которое рассматривается как источник метафизического света. В нем скудные приметы реального растворяются ввиду своей незначительности. Это пространство тайны, загадки, служащее символом некоей изначальной субстанции, хранящей в себе все формы. Целостная «философия белого», угадываемая в этой скупости изобразительных средств, крайнее немногословие предполагает зрительское ассоциативное восполнение изображения, скрыто содержащее уверенность в необязательности любой определенности. Существование осязаемой реальности остается для постмодерниста под вопросом, на который художник старается не отвечать, отделываясь скупыми репликами иронической незаинтересованности в существовании реального. Исчезает сознательная функция искусства. Последнее превращается в вариант метафизического языка – языка умолчаний и пустот. При этом он универсален, так как пригоден для описания чего угодно, ибо изначально не опирается на предметность, но оперирует категориями «чистого смысла», идеями, символами. Эта универсальность позволяет ему в равной мере служить как тому, что обладает предметной формой, так и нарочито бесформенному, часто лишенному предметности, фактуры, и крайне редко тому, что в определенных случаях обладает смыслом. Предмет в этом случае подается вне жизненного пространства, вплотную, как единственная реальность, произвольно выделенная из мира мнимых величин и лишь по прихоти попавшая в поле зрения художника. Высшей ценностью предстает раскованное воплощение порабощенной прежде энергии без особой заботы о долговечности созданного. Жест художника приравнивается к его произведению. Происходит тотальная эстетизация окружающей среды, где долговечность и сохранность произведения не принимаются в расчет, где любые потоки краски воспринимаются как абстрактный экспрессионизм и даже обычная свалка – среда. Любое рациональное действие в этом абсурдном мире только усугубляет нелепость описания мира в соответствии с законами формальной логики.

Постмодернизм как художественная практика уподобил искусство игре. Л.Витгенштейн (Витгенштейн 1985) был убежден в том, что все науки, все философские системы являются не более как языковыми образованиями, имеющими характер игр. Он также считал, что сложившиеся на основе различных форм жизни в процессе человеческого общения, они, как всякие игры, имеют лишь более или менее условное значение. На возникновение множества различных языковых игр обратил внимание и Ж.-Ф.Лиотар (Лиотар 1995: 532). Он совершенно справедливо считал, что главная проблема культуры заключается в том, чтобы найти переходы между гетерогенными «языковыми играми». Схожая точка зрения была и у Й.Хейзинга (Хейзинга 1994). Он, в частности, признавал, что возникающая в сфере игры культура первоначально разыгрывается. «Финальный элемент игрового действия, его целеполагание, в первую очередь, заключается в самом

процессе игры, без прямого отношения к тому, что за этим последует. Результат игры как объективный факт сам по себе несуществен и безразличен», – уточняет автор работы «Homo ludens» (Хейзинга 1994). В этой ситуации значение имеет только бесконечность, сами же цитаты не интересны, не ранжированы по важности и истинности. В такой практике обнаруживается некоторая непривычная легкость самоосуществления художника – он выявляется на уровне идеи (даже не художественной, а просто идеи), когда для того, чтобы произведение стало состоявшимся, хватает остроумного замысла, знака, жеста.

Практически все исследователи ситуации постмодерна признают, что постмодернистская практика есть стремление к концу, затуханию, молчанию, тишине, белому листу. «Постмодернизм, – читаем мы у Ж.-Ф. Лиотара, – это характеристика современной художественной практики, основывающейся на особом типе письма, связанном с энтропией смысла, деканонизацией материала, радикальной иронией, карнавализацией и т.д.» (Лиотар 1995: 528). Грубо говоря, постмодернизм – это когда всё «всё равно». К примеру, в «Смерти Автора» Р. Барт обозначает область исчезновения субъективности – письмо. Это сфера неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы субъекта, для Автора наступает смерть и начинается Текст. Метафизика Текста – сеть, сотканная из «цитат», отсылающих к множеству культурных источников» (Барт 1989: 384). По Барту, письмо и Текст выступают как «самые примечательные и обнадеживающие феномены современной культуры», в которой «противостоят друг другу враждебные языки, дискурсы». Иное определение Текста дает Деррида: «Текст – это образование, на теле которого видны следы многих «прививок», знаки «включенности» в этот текст текстов, не сводимых ни к какому синтезу» (Современная западная философия 1991: 90).

Возвращаясь к изначальной характеристике постмодернизма, заметим, что постмодернизм – это тоска по утраченному раю осмысленности, циничная насмешка над заведомо безнадежной попыткой вернуть не то чтобы сакральность, а просто значимость в насквозь опошленный, отрефлексированный мир сущего. Это смех, ирония, скрывающие боль души. Существо постмодернистского взгляда на мир состоит в открытии радикальной неопределенности какой бы то ни было действительности, какого бы то ни было знания. На это указывает и К.Кедров: «Я решительно ... не знаю вообще, что означает жизнь, небо, солнце, Чернобыль, сталинизм, фашизм, патриотизм, национализм, сионизм, демократия, плутократия, фундаментализм...» (Кедров 1990: 97). Открытие тотальной пустоты мира в силу отсутствия равного ему смысла, уверенность в надысторичности и надчеловечности всякого смысла уравняло в ничтожестве все сущее. Смысл, расположенный по ту сторону мира, призывает к отысканию неких метакатегорий, выражающих новое состояние смысла и отношение его к человеку. Но поскольку и смысл человека пребывает отныне в той же области трансцендентного, то в отличие от рационализма Нового времени, индивид перестает быть организующей силой категориального синтеза. «Герой сегодняшнего дня, – отмечает А.Якимович, – это личность с «текучим» сознанием, где не закреплены устои» (Якимович 1994: 243).

Постмодернистский человек уравнял в правах себя и мир, объявив об одинаковой пустотности их обоих, отказавшись от возможности самостоятельного философствования. «Закат человека» происходит не в силу изменения роли языка в современной культуре, как бы участвующем в «игровом процессе». Это приводит к тому, что литература, как пишет М.Фуко, « ... все более и более отличает себя от дискурсии мыслей и замыкается в своей глубинной самозамкнутости, становится простым проявлением языка, который знает лишь один закон – утверждать вопреки всем другим законам дискурсии свое непреклонное существование» (Фуко 1977: 390). Таким образом, философия постмодернизма есть философия отсутствия и пустоты. Отсюда неизбежная *метастильность* искусства постмодернизма – он отнимает все стили и каждый делает массой несуществующего смысла. Постмодернистский человек предоставляет всему сущему возможность пребывать в мире без него, реализуя на практике то космическое безволие, которое охватывает человека перед лицом Ничто. Постмодернистский человек в своей имитации всех стилей и форм скрывает волю к самоустранению, волю к сокрытию своей сущности в непроницаемости бессмыслия. Происходит это в силу нарастающего *бытийственного отчуждения*, в разобщении «я» с миром. Все растворяется в однородности пустоты. Человек, выпавший из процесса развития, перестает существовать, исчезает, растворяется, оставляя в нашем распоряжении «... пышный букет исторических обстоятельств и факторов жизни человека в XX столетии, которые как-то связаны

с тем поразительным «новым человеком», коего мы и наблюдаем в новом искусстве» (Якимович 1994: 242). «*Новый человек*», или «*человек неописуемый*» (по Ницше), или «*существо без сущности*» (по Сартру) возник в конце XX века, в период вседозволенности и великой заповеди «все едино», «все годится» (Пол Фейерабенд). Мир в отсутствие человека распадается на отдельные феномены, сущность которых проблематична, а бытие есть «бытие музейных экспонатов» – безмолвие усталого покоя.

В постмодернистском искусстве особая роль отводится *перечню*, ибо его открытый во все стороны ритм освобождает от заботы о форме. Это напоминает нам музей, в котором оригинальность и новизна подменены картотекой. Парадокс заключается в том, что предметы в перечне материальны до полного размывания материальности. Что же касается их функций, то они остаются за пределами перечня. Происходит это в силу отсутствия контекста, в котором они могли бы быть на самом деле, и одновременно невидимы вообще. Их единственная функция – следовать друг за другом, ибо перечень безразличен к своим составляющим. Он просто длит себя в бесконечности, в которой отдельный предмет исчезает. Он скрывает, как скрывает и человека в его усилии имитировать существование. В итоге исчезает даже ритм, ибо нет шкалы, относительно которой он мог бы себя проявить. Подобное состояние описал А. Белый в работе «Революция и культура»: «Тайна будущей формы не вскрыта, а сущие формы изношены; и они упадают; революция в области форм иллюзорна: она – эволюция разложения мертвых, застывших каркасов под давлением внутренних импульсов, не явивших свой лик» (Белый 1994: 301).

Мир художника-постмодерниста далек от целостности и единства: он состоит из заимствованного материала, склеенного и собранного, бывшего в употреблении, известного и знакомого, но обретающего новую жизнь в постмодернистском произведении. Раскавыченная цитата предметного мира обретает в руках художника смысл, в котором встреча некогда распавшихся частей становится подобием, намеком на былое существовавшее единство. Недаром Жак Деррида был убежден в изначальном отсутствии критериев для их различения. Весь мир культуры представлялся ему как мир знаков, скрывающих ту или иную реальность. Деррида утверждал, что «живого настоящего» как такового не существует: прошлое оставляет в нем свой след, а будущее – набросок своих очертаний. Следовательно, настоящее не равно самому себе, не совпадает с самим собой. Оно затронуто «различием» и «отсрочкой».

Эстетическая программа постмодернизма основывается на возможности *тиражирования* как на своем естественном основании. Это приводит к тому, что извлеченное из тишины музея, репродуцированное произведение искусства становится доступным, а само восприятие, освобождаясь от оттенка элитарности, «приземляет» его настолько, что лишает его подлинности и уникальности. Облегченность и упрощенность восприятия делают излишними внутреннюю подготовленность и определенную трудность созерцания, превращая произведение в жертву обыденного, которое уже не требует для его понимания особой внутренней подготовленности читателя. Отдается предпочтение более упрощенному восприятию постмодернистского *Текста* в противовес сложности созерцания. Постмодернизм в своем стремлении раствориться в реальности, в свою очередь, отрицает саму реальность. Конкретная культура, дизайн и другие виды современного искусства внутренне строятся на сознательном разрушении того образа, который в традиционном понимании художественности составляет условие, когда возникает возможность проникновения к правде реального. Здесь уже типизирующий образный смысл появляется постфактум в виде того обертона, накладываемого самим зрителем на представленный ему предмет или ситуацию. Смысл образа в этом случае имеет весьма зыбкие границы. В постмодернизме – поскольку ни искусство не остается собственно искусством, ни жизнь не предстает собственно жизнью – эти зыбкие границы образа стремятся к своему полному исчезновению. Например, говоря о модернистских картинах, Г. Гадамер проницательно заметил, что «...в языке таких картин заключено, похоже, не столько высказывание, сколько отторжение смысла» (Гадамер 1991: 238). Образ, желающий быть самой реальностью внутри глубоко запрятанной стилизованности, корректирует себя по некоему загадочному стандарту, по неизвестной мерке, которая находится в промежутках между реальностью и образом, то есть в пустоте, заполненной пространством *иронии*. Образ и реальность не равны сами себе, пока существует это пространство – пустотность, создающая видимость некоей точки зрения, призванной примирить реальность и образ. И это примирение странным образом происходит, но не в силу примирительного стремления, а в силу заведомой равнокачественно-

сти сторон. И вещь мира, и произведение искусства одинаково равны для постмодернистского человека. В обоих случаях ему свойственна полнейшая незаинтересованность в тонкостях предмета, будь то музыка постмодернизма, стремящаяся к наибольшей громкости, либо живопись с её минимальной изобразительностью. И то и другое снимает нюансы, растворяет музыкальную норму и останавливает время, делая каждый момент абсолютным, непосредственно переходящим в вечность. Именно в этой абсолютности сказывается верность романтической «*тоске по бесконечности*» (В.Шлегель).

Говоря о постмодернистичности произведения, мы имеем в виду не то, что сознательно привносится художником в произведение, а то, что уже существует в мире, в воздухе, в атмосфере культуры до всякого произведения и только в произведении обнаруживает себя, иногда безо всякого усилия самого автора. Об этом пишет Умберто Эко в «Имени розы»: «Должен сказать, что я сам убежден, что постмодернизм – не фиксированное хронологически явление, а некое духовное состояние. Постмодернистская позиция напоминает мне положение человека, влюбленного в очень образованную женщину. Он понимает, что не может сказать ей «люблю тебя безумно», потому что понимает, что она напоминает, что он понимает (а она понимает, что он понимает), что подобные фразы – прерогатива Лиала. Однако выход есть. Он должен сказать «по выражению Лиала – люблю тебя безумно...». Его любовь живет в эпоху утраченной простоты» (Умберто Эко 1986). От традиционного искусства в постмодернизме сохраняются лишь воспоминания: не цвет, а *мотив цвета*, не сюжет, а *мотив сюжета*, не пространство, а *подобие пространства*. На поверхность выходит не искусство, а *мотив искусства*, которым художник произвольно манипулирует, используя его в качестве механизма творческой работы. Во всем строе постмодернистского взгляда на мир и искусство чувствуется стремление натужного оправдания не только существования искусства и художника, но и бытия сущего в целом. Из этой натужности рождается повсеместное господство эклектизма – этой «нулевой степени общей современной культуры» (Ж.-Ф.Лиотар).

Постмодернизм – это стойкая уверенность в том, что модернизм был последним художественным направлением со своей идеей, что ничего уже нельзя выдумать, да и не надо, что «осталось только вспоминать, иронизировать, пародировать, ухмыляться над прежними идеями и грустить о цельности. Прежняя вера модернистов в личность художника – «повелителя мира», лишенного без него смысла, сменилась постмодернистской утратой веры в трансцендентное могущество художника» (Тарнас 1995: 334). Все ценности потеряли свою значимость для постмодернизма. Философия и искусство становятся формами ответственности за сохранение человечности человека. Но поскольку философ в эпоху постмодернизма мыслит сущее как Ничто и человека как «заместителя Ничто» (по М.Хайдеггеру), то встреча философии и искусства в деле спасения человечности превращается в напряженное переживание индивидуальности в беспредельности становящегося мира, точнее – в сам поиск возможностей единства сущего и человека. В этом пространстве общей задачи философичность обнаруживается художественной, а художественность предстает как философичность. Текучесть, изменчивость, множественность, красота мира признает только такой же подвижный, изменчивый взгляд. Здесь в каждом «повороте мысли должна проявляться не столько логичность, сколько подлинность чувства, приведшего автора к данной мысли» (Мигель де Унамуно). Здесь человек есть одновременно и хаос, и гармония, саморазрушение и самосозидание, здесь порядок пронизан неожиданностью, а непредсказуемость таит семена порядка. Этот способ мышления присущ всем течениям мысли, вышедшим из романтизма. Постмодернизм также находится в русле этого способа. Примирение противоречий в абсолюте не есть только романтическая идея, но романтизм внес нечто новое в способ разрешения противоречий: человек в романтизме обретает смысл только тогда, когда в своем бытии прикасается к *надчеловеческому*. Постмодернизм имеет лишь то отличие, что в нем все смыслы ускользнули от человека в область трансцендентного. Метафизические основы постмодернизма тождественны романтическим. Постмодернизм как умонастроение есть, на мой взгляд, «*старость романтизма*». А «старость» означает завершение. Все основные принципы социальной философии, провозглашенные в XIX веке, сейчас воспринимаются только с отрицательным знаком, ибо «...цивилизация не движется к вершинам прогресса, а научные открытия не приносят желаемой пользы, но грозят разрушением самой цивилизации» (Тростников 1989: 260).

Говоря о постмодернизме применительно к развитию философии, уместно остановиться на тех смыслах, которые вкладывает в рассматриваемую нами лексему Ж.-Ф.Лиотар в работе «Пост-

современное состояние». Он, в частности, говорит: «Термин «постмодернизм» отражает состояние духовного европейского типа в наши дни, связанное с ощущением изжитости какого-то важного этапа в развитии цивилизации, изжитости «современности». «Постмодернизм» – это комплекс философских учений, так или иначе провозглашающих конец Истории, когда структурированность и упорядоченность человеческого мира будут разрушены и исчезнет само разделение на «мое» и «иное» (Лиотар 1995: 528). И далее он называет основное противоречие постсовременности, которое состоит в том, что «основные нарративы современности (эпохи, которая изжита) потеряли свою легитимирующую силу. Можно говорить о ситуации «постмодернизма» как о неверии в метанарративы, разочаровании в них. Это неверие является следствием прогресса наук и, в свою очередь, его предполагает», – убеждает Ж.- Ф. Лиотар (Лиотар 1995: 529). Разочарование, ощущение себя у «разбитого корыта» есть основа умонастроения постмодернизма. Это напоминает нам разочарованный дух романтизма, выбиравшего для своего выражения «обрывочные, вывихнутые и самопародийные формы, когда его единственно возможные истины обретали форму иронии и мрачного парадокса» (Тарнас 1995: 331).

Положительным утверждением постмодернистского человека является тезис о том, что «наивысшая реальность бытия есть пси-функция, управляющая Вселенной как целостной и единой системой, то есть актуальная бесконечность в функции объективного творчества» (Тростников 1989: 260). Понятие актуальной бесконечности формирует лицо философии постмодернизма. Отсюда следует вывод, что актуальная бесконечность есть бесконечность, существующая как реальный объект сразу всеми своими элементами. Она оказалась реальнее реальности. К ней человек приобщается не путем освоения ее своим сознанием – это невозможно – но путем мистического с ней соединения. При желании можно именовать эту актуальную бесконечность просто Богом. Это тот же самый бесконечный Бог романтиков, понятый как становление, как творчество. Постмодернистский взгляд на этого Бога отличается только тем, что человек вообще не участвует в этом божественном процессе творчества – становления, ибо всякий смысл теперь трансцендентен. Уверенность в трансцендентности всякого смысла и есть постмодернизм. Человек как нечто, что ещё представляет интерес, полностью растворился в безличности Абсолюта. Постмодернистский человек являет собой последнюю редакцию романтического человека. Убедившись в пустоте небес, человек возвращается к своему одиночеству. Научный факт, свидетельствующий о мире, не скроенном по человеческой мерке, обращается человеком против мира. Мир становится «козлом отпущения», виновником пустоты небес. Жизненная потребность человека в любви и неотчужденности надломилась под тяжестью научных результатов. Чем шире раскрывается мир перед наукой, тем больше он прячется от чувств, слов, представлений человека. Этим можно объяснить своеобразную установку постмодерна на изгнание из произведений искусств личных переживаний. Постепенный отказ от разного рода эмоций и чувств у зрителя и слушателя привел к тому, что началось «бегство от человека», которое Ортега-и-Гассет назвал «*дегуманизацией искусства*». Теперь «поэт начинается там, где кончается человек» (Ортега-и-Гассет) с его страстями и чувствами.

Исследователями было неоднократно замечено, что «холодное, высокоинтеллектуальное кружево очаровывает, но не затрагивает человеческих чувств, оставляет читателя в неведении относительно экзистенциального мира поэта. Требуются какие-то особые формы восприятия, когда погружаешься в мир поэтических метафор, где нет смысла, нет привычных и понятных описаний человеческих переживаний, где все неузнаваемо, все есть интеллектуальная игра» (Культурология 1995: 382). Равнодушие овладевает человеком перед пустыми глазницами бесконечности. Равнодушие до полной утраты каких-либо развлечений и желаний. Это старость духа. Это равнодушие усталого покоя, когда «творческий дух завершил построение здания...и еле ворочается от усталости» (Й. Хейзинга).

В постмодернистскую эпоху произошла эпохальная смена парадигм, связанная с кризисом модернистского понимания разума. Претендующий на звание абсолютного, он и сам подвергается всеобъемлющему сомнению. На изменение его статуса повлияло и то, что прогресс перестал быть всемогущим, мудрым и всеблагим, сделав человека свидетелем апокалипсических зрелищ. На этом фоне вполне оправдан возврат людей к религиозной культуре, вере в «совершенное иное». Переход к постмодернизму ни в чем так ярко не проявляется, как в возвращении религиозной культуры, носящей амбивалентный характер. Вопрос, в какой мере постмодернизм сле-

дует религиозной парадигме, далеко не праздный. Отвечая на него, А.Якимович, со ссылкой на отечественных мыслителей XX века, утверждает, что «мысль и искусство России, как бы они не «вестернизировались» в те или иные моменты своей истории, наделены какой-то глубоко отличной от «западности» спецификой, а именно эсхатологичностью. Они обязательно верили в некую «сверхидею», в абсолютную ценность, которую невозможно и непозволительно комментировать. В культуре России радикальное отрицание скорее служит обоснованием Абсолюта, находящегося вне человеческих понятий и возможностей» (Якимович 1994: 246). Все ценности обанкротились. О герое можно сказать, что это «человек, который не может ничего», да и сама человеческая культура ушла в небытие, предоставив человеку стать «заместителем Ничто» (М. Хайдеггер). Однако осталась еще вера в Свет по ту сторону безумия и хаоса, которая и воплощает в себе истину. «Если попытаться составить кредо новой культуры России, то оно будет начинаться со слова «верю», – характеризует ее А. Якимович и продолжает, – Я верю в то, что можно достигнуть иного, высшего, преображенного состояния. Для этого надо разоблачить, высмеять и разрушить ложь реальной действительности: самодержавие, родительский авторитет, капитализм, правильные стихи о любви и патриотизме и т.д. Здесь не имеет самостоятельного смысла это самое непокорное «я», которое разрушает, поносит, кощунствует, неистовствует. Оно очищает путь, оно должно быть преодолено», – утверждает исследователь (Якимович 1994: 248).

При всей разности культурных парадигм у западного постмодерна и российского очень много схожего. Близость к западноевропейской парадигме, скорее всего, объясняется общими христианскими корнями. В различные эпохи своего существования христианство претерпело немало изменений своей парадигмы, затронувших всю систему его учения. Ханс Кюнг, исследующий проблему взаимодействия модернизма и постмодернизма, смену парадигм воспринимает не только как изменение метода или теории, но и как изменение «всей системы убеждений, ценностей и образа поведения, признаваемой членами определенного сообщества» (Кюнг 1990: 223). Со сменой парадигмы изменилась основная модель мировосприятия: произошел «прорыв» множества разрозненных сигналов, поступающих из прошлого, и превращение их в общую тенденцию, осознаваемую широкими слоями общества. Несмотря на то, что роль религии заметно уменьшилась, само религиозное сознание, претерпев некоторые изменения в связи с двусмысленностью ситуации, заметно эволюционизировалось. «Смерть Бога парадоксальным образом открывала перед человеком возможность осмысления и переосмысления высших проявлений бытия. Опора на религиозные источники (а обращение к каноническим книгам и сочинениям представителей духовенства, их цитирование уже есть один из элементов постмодернистской поэтики) «признана важным проявлением человеческой активности, помогающей и обществу и отдельному индивиду в символическом истолковании высшей природы бытия» (Тарнас 1995: 343).

Постмодернистская установка на отказ от рациональности возникла не после модерна, а рядом с ним. Поэтому противоположность между рациональным и иррациональным (мышлением и ощущением) представляет собой ложную антитезу. Как верно подметил Х. Кюнг, «рациональность и иррациональность не являются признаками эпохи, они представляют собой постоянные, вечные, антропологические и исторические константы» (Кюнг 1990: 227). Произошел надлом системы модернизма, повлекший за собой появление всемирно-исторического понятия, характеризующего эпоху. Постмодернизм – термин, используемый не столько в узкоэстетическом плане, сколько для обозначения смены времен. Иными словами, изменения во всемирно-историческом плане привели к эпохальной смене парадигм. «Под удвоенным натиском знаменательных перемен и самопересмотров, охвативших практически все интеллектуальные дисциплины современности, центральный раскол Нового времени – раскол между наукой и религией – оказался сведенным почти к нулю. Как следствие всех новейших достижений и открытий, изначальный замысел романтизма – примирение субъекта и объекта, человека и природы, духа и материи, сознательного и бессознательного, рассудка и души – вновь появился на сцене, теперь уже с новой энергией» (Тарнас 1995: 246).

Явление постмодернизма сопровождает обилие взглядов и воззрений на его природу. Одни авторы рассматривают постмодернизм в культурно-историческом плане, представляя его как «продолжение художественного авангарда», то есть как стилевое направление, другие – как некий «сверхэтап развития мировой культуры» (В.Курицын, Дм. Пригов), третьи – в широком диахроническом контексте культурного процесса европейской цивилизации как «последнее звено в цепи

последовательно сменявших друг друга на протяжении веков идейно-эстетических направлений» (В.Халипов). Рассматривая характерные особенности, присущие той или иной эпохе, автор статьи «Постмодернизм в системе мировой культуры» В. Халипов (Халипов 1994: 235) указывает на господствующие виды искусства как ее отличительные черты. Идейно-эстетическое движение сменяющих друг друга направлений имеет логическую завершенность: романтизм сменяется реализмом и модернизмом, на смену которым приходит постмодернизм. Исследуя эстетические критерии литературы и искусства двух эпох (романтизма и модернизма), исследователь обнаруживает между ними глубокую связь. Каковы же эти критерии?

По В. Халипову, это отрицание нормативности, рациональной регламентированности, обновление художественных форм, многозначность, ассоциативность, сгущенная метафоричность, взаимопроникновение искусств, синтез искусства, философии, религии, пессимизм, неверие в прогресс и т.д. По существу, все эти признаки романтизма повторяются и в модернизме. Автор статьи отмечает эту поразительную схожесть эстетических критериев литературы и искусства двух эпох. Для них, полагает он, характерно «дионисийское» начало. Он исходит из традиционной оппозиции: «дионисийское» (темное, иррациональное) – «аполлоновское» (светлое, рациональное) начало. Давая далее суммарную характеристику каждому из направлений, исследователь строит систему культурологических координат, в которой и рассматривает явление постмодернизма. В.Халипов убежден в том, что «на смену «темному» модернизму пришел «светлый» постмодернизм» (Халипов 1994: 237). Но прав ли он? Как соотносится это теоретическое утверждение с реальными признаками постмодернизма?

Думается, что ни одна из характеристик направления, следующего «аполлоновскому» началу, не подходит к нему: рациональность, упорядоченность, аналитичность, гармоничность, целостность, планирование, логичность, оптимизм, вера в прогресс, «подражание природе», ясность и т.д.). Сошлемся в этой связи на «Словарь современной западной философии»: «Скептическое отстранение от установки на преобразование мира влечет за собой отказ от попыток его систематизации: мир не только не поддается человеческим усилиям его переделать, но и не умещается ни в какие теоретические схемы» (Современная западная философия 1991: 240). Бессмысленно говорить о вере в прогресс в ситуации, когда всё «всё равно» (Культурология 1995: 327). Исследователь усматривает в постмодернизме черты некоего «сверхреализма», «истинного реализма». Безусловно, он прав, когда говорит о правдивом отношении мира и ощущений современного человека. Однако следует уточнить предлагаемое понятие, так как это не тот «истинный реализм», который некогда проповедовал Пушкин, давая новое толкование романтическому направлению, и не современный метареализм, связанный с постмодернизмом не только игрой метафор и метонимий. Уместнее говорить о постмодернизме как о господствующем направлении художественного творчества наших дней, которое есть «последнее звено в цепи закономерно сменяющих друг друга на протяжении истории направлений культуры» (Халипов 1994: 240).

Внутренний смысл постмодернизма обнажил смысл всего Новейшего времени – ничтожествование сущего перед лицом Абсолюта – Ничто, отсутствие сущностных различий феноменального мира. Постмодернистская убежденность в радикальной неопределенности всякого возможного знания покоится на признании Ничто единственной силой, единственно реальным бытием, приводящим в движение Универсум. Метафизика Ничто опять-таки не является только лишь романтическим и тем более постмодернистским новшеством – она коренится в тех глубинах человеческого мышления, из которых берет начало европейский нигилизм в продолжение двух тысяч лет европейской истории. Завершенность нашей эпохи знаменует собой и завершение европейской метафизики субъектности, в которой постмодернизм выступает следствием тех процессов в сфере мысли, толчок которым был дан в размышлениях немецких романтиков. Ближайшим предшественником этого типа мышления (романтического) была германская еретическая мысль средневековья. Николай Бердяев писал: «Поистине германский дух сделал наиболее изумительные открытия в старой германской мистике и дальше развил их в германской философии, отчасти в германском искусстве и вообще в германской культуре. Я думаю, что в первооснове этой духовной культуры лежит постижение бытия, постижение глубочайшего, первичного бытия как иррационального и темного по своей основе (не в смысле злого, потому что тьма эта заложена до самого различения между добром и злом). Где-то в несоизмеримо большей глубине есть безосновность, к которой не применимы не только никакие человеческие слова, не применимы и

категории бытия и небытия. Это глубже всего, и это есть первоначальный исток, который составляет, как учит Беме и вслед за ним Шеллинг, «темную природу в Боге». Это в природе Бога, глубже Его, лежит какая-то изначальная темная бездна, и из недр ее совершается процесс теогонический, процесс Богорождения; этот процесс – уже вторичный по сравнению с той первоначальной безосновной, ни в чем не выразимой бездной – абсолютной, иррациональной, не соизмеримой ни с какими нашими категориями. Это величайшее открытие сделано германскими мистиками, и если не впервые, то с наибольшей силой явлено в их творениях. Оно определило в значительной степени судьбу всей германской философии, потому что поистине в ней раскрывается то, что в первооснове бытия лежит некоторое иррациональное волевое начало, и что весь смысл и вся сущность мирового процесса заключается в просветлении этого темного и рационального начала в космогонии и теогонии» (Бердяев 1990: 43-44).

Идея Ничто принадлежит к заветнейшим идеям естественного богопознания, свершающегося вдали от Откровения. Европейское мышление в этом смысле есть яркий пример верности этому способу богопознания. Уже Платон и Аристотель знали «Ничто» как материю тварного мира. Этот бытийно-небытийный характер материи вполне соответствует и естественнонаучному взгляду на «материю» Новейшего времени, согласно которому электроны, составляющие атомы материи, не имеют субстанционального (то есть онтологического, в конечном счете) носителя, но являются зарядами некоей первичной воли (силы), существующими сами по себе. Основа материи есть в этом случае «заряженное Ничто». Материя, таким образом, в понимании новейшей науки возвращается к платоновскому пониманию её как «темного и трудного вида». «Темный и трудный вид», проще говоря, есть хаос, представляющий собой романтическую иррациональную волю, ту самую изменчивость саму по себе, к которой устремлены взоры поэтов, философов и ученых Новейшего времени. Такова метафизика, из которой берет начало романтическое истолкование мира. Исторический смысл постмодернизма состоит в завершении этой метафизики. Смысл вещей, истории, религии, человека, языка находится за границами этих феноменов, ибо во всем видится только отраженный свет Абсолюта. Уверенность в трансцендентности всякого смысла и есть постмодернизм. Вся культура Новейшего времени постмодернистична, поскольку исторически постмодернизм есть отрицание модернистичности Нового времени с его рационализмом. Но до настоящего времени постмодернистичность идеологии была как бы заслонена масками эпох, проходивших в соответствии с закономерностями утраты Бога, и только к концу XX века стал ясен смысл пересмотра картины мира Нового времени, свершившийся в романтизме. Постмодернизм, как и постсовременность, всегда сопутствует современности, поэтому новизна его всегда относительна.

Библиографический список

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – Москва, 1989.
2. Белый, А. Символизм как миропонимание. – Москва, 1994.
3. Бердяев, Н. Смысл истории. – Москва, 1990.
4. Витгенштейн, Л. Философские исследования (фрагмент) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XVI. – Москва, 1985.
5. Гадамер, А. Актуальность прекрасного. – Москва, 1991.
6. Есаулов, И. К генеалогии авангарда // Вестник гуманитарной науки, 1993. – №1-2. – с. 13-14.
7. Кедров, К. ДООС // Советская литература, 1990. – №7. – с. 97.
8. Кюнг, Х. Религия на переломе эпох // Иностранная литература, 1990. – №11.
9. Курицын, В. Отечественный постмодернизм – наследие соцреализма и русского авангарда. – Варшава,1995.
10. Лиотар, Ж.-Ф. Постсовременное состояние. // В кн.: Культурология. – Ростов, 1995.
11. Малахов, В. Современная западная философия. – Москва, 1991.
12. Пригов, Д. Я его знал лично // Иностранная литература, 1994, №1, с.249.
13. Тарнас, Р. История западного мышления. – Москва, 1995.
14. Тростников, В. Научна ли научная картина мира // Новый мир, 1989. – №12.
15. Фуко, М. Слова и вещи. – Москва, 1977.
16. Халипов, В. Постмодернизм в системе мировой культуры // Иностранная литература, 1994. – №1.
17. Хейзинга, Й. «Homo Ludens». – Москва, 1994.
18. Эко, Умберто. Имя розы (гл. Постмодернизм, ирония, занимательность) // В кн.: Называть вещи своими именами. – Москва, 1986.
19. Якимович, А. О лучах просвещения и других световых явлениях (Культурная парадигма авангарда и постмодерна) // Иностранная литература, 1994. – №1, с. 243.

Елена КРЕМЕР

Елена Николаевна Кремер - филолог, преподаватель русского языка и литературы в Институте иностранных языков РУДН. Живет и работает в Москве. Занимается исследованием творчества русскоязычных писателей тюркского происхождения.

Об особенностях поэтического творчества Бахыта Каирбекова

Творчество писателя-билингва глубоко своеобразно, интересно и потому заслуживает внимательного изучения. В чём проявляется уникальность его речемыслительной деятельности? Как это рассматривают сами поэты и писателя, пишущие на неродном русском языке?

Анализируя особенности творчества русскоязычных поэтов Казахстана, Бахыт Каирбеков (русскоязычный поэт, переводчик с казахского языка, сценарист, режиссер), прекрасно владеющий казахским языком, но в качестве языка творчества выбравший русский, отмечает поверхностные и глубинные особенности художественного языка своих коллег. Он пишет, что «казахская тема в произведениях русских поэтов «узнавалась» в частом использовании тюркизмов и трактовалась самими поэтами как обязательное условие для издания своих стихов», обращает внимание на «изобилие географических названий, наименований, слов тюркского происхождения – все те внешние приметы экзотики, которые в первую очередь бросаются в глаза чужестранцу, но давно привычны местному жителю». Сетует на то, что зачастую «настораживает обилие тюркизмов, необязательных и явно назывных, далеко видных, словно нарочно расставленные вешки для критиков, ищущих степные мотивы». Поэт выделяет самое интересное в творчестве поэтов Казахстана – это наполненность поэзии «внутренней степной свободой», замечая, что «преломление художественных образов – не насильственная пересадка их на казахскую почву, но осмысление, наполнение русской художественной традиции новым содержанием», «обогащение образной системы языка» и одновременно «возвращение к тюркским корням».

Безусловно, следует рассмотреть, как эти теоретические размышления воплощаются в поэзии Бахыта Каирбекова.

Прежде всего отметим, что его стихи не пестрят «необязательными тюркизмами». Из безэквивалентной и относительно безэквивалентной лексики поэт использует слова, обозначающие предметы быта человека, наименования музыкальных инструментов, людей и др.: юрта, саке, бурдюк, саманный (дом), кизяк, кизячный (дым), аул, аульный дувал, арба, джайляу, дастархан, казан, пиала, мангал, бесбармак, кумыс, ичиги, чалма, чадра, урюк, аргамак, азан, апатай, ага, батыр, падишах, гурия, караторгай, домбра, кобыз, камлание.

Таким образом, мы видим, что поэт использовал лишь 30 тех слов, замены которым нет (исследовались все опубликованные поэтом произведения) и только в тех случаях, когда это абсолютно необходимо.

Рассмотрим, как раскрывается поэтом концептуальный образ степи, пронизывающий творчество каждого поэта/писателя-казаха.

Степь

Мне вольность гордая твоя
И жгучих трав родная горечь
Вновь перехватывает горло –
Петь об одной тебе веля.

Забуду я покой и грусть,
Столицы щедрые посулы,
И вновь кочующих аулов
На спину мне навьючен груз.

В крови кумыс взыграет вновь
Той самой гордой кобылицы,
Что по степи промчалась птицей,
Познав нежданную любовь.

Во мне твой голос победит,
Строкой звенящей отзовётся, –
Я буду петь:
Пусть в горле бьётся
Полынный ветер, –
Сердце рвётся

В простор разбуженной степи!

***

Степь. Цикады. За речкою юрта.
Полог поднят.
Кизяк задымил...
Мир кочевья – родного уюта –
Где я не жил...
И вроде бы жил.

Тень мою угловатую тонко
Тусклый свет на ковре удлинил.
Не допел я, –
Спросила сестрёнка,
Будто сам у себя я спросил:

Почему на домбре не играю?
Почему я по-русски пою?..
Вот, глазастая стала какая,
Чуть примолкла, и вновь «почему?»

– Почему испугался ужонка,
Насмешил своим криком аул?
– Почему, – показала ручонкой, –
Так неловко держу пиалу?

Степь и ночь...
Степь и ночь...
И – дорога
Вдаль уходит в накрапах копыт...
Постою под луной у порога:
Что-то долго сестрёнка не спит.

Здесь степь – это Родина, вольная, как степь, это память о предках и чувство вечной ответственности перед ними, это то, чем жив поэт, что наполняет его кровь силой, являясь источником вдохновения; то, куда всегда рвётся сердце, потому что степь – это мир.

Знание степи – Великое знание, оно необыкновенно важно для поэта.

Степь – многотравный простор,
Горизонты походов травы.
Степь – ствол необъятный дыхания земли.

Степь – песен гортань,
Столба позвоночного выход.

Свирели земное отверстие звучное.

Как же мне славить тебя, мой космический Век?
Что мне игрушки твои – если я позабыл
Своё знанье травы, и степей, и небесного древа?

Степь – это не просто Родина, связь с ней пуповинная, генетическая – не случайно цикл «Родные травы» поэт посвящает отцу, отмечая «потому как степь я узнал благодаря ему», то есть подчёркивая естественную взаимосвязь степь – Родина – отчий дом – родители – предки.

В середине степи
мои деды росли:
семь колен назову
из аргынского края.

или Я – батыр из могучего рода!
Мои предки ловили коней.
Я родился под ясным сводом
И обласкан ветрами степей.

Поэт боготворит всё, связанное с Великой Степью, с прошлым и будущим, с культурой своего народа. Потому

Всем я обязан двужильной домбре –
судьбой и дорогой, что выбрал себе.

Степь – отчий дом, где под ясным сводом растёт человек свободный и гордый за своих предков, плоть от плоти степи, по-матерински этой степью обласканный и защищённый. Прослеживается явная параллель русского образа Родина-мать – степь-мать, но всё же шире: степь – родители.

Эта же генетическая связь в строках.
Степь. Цикады. За речкою юрта.
Полог поднят.
Кизяк задымил...

Мир кочевья – родного уюта –
Где я не жил...
И вроде бы жил.

Поэтому, обращаясь в воспоминаниях к детству, поэт заявляет «я – солончак», т.е. плоть от плоти степи.

снятся сны...
Где я снова бегу,
задыхаясь,
по жёлтой,
раскалённой ладони степи.

Степь – вечный дом, дарованный человеку:
И эта даль бескрайняя в степях,
Вся эта ширь и высь – и есть мой дом.
Высоких не поставить мне дверей.

Чтоб каждый мог уверенно входить,
Храня в себе степенность, стать свою,
Степного неба помня высоту,
Чтоб в доме этом петь, как здесь поют
Караторгаи, славя чистоту
Воздушных струй и даль степных дорог,
Домбры сказанья, пену кумыса
Всё это – мне дарованное впрок
И есть земля моя, мой дом, мой сад.

Потому оторванность от степи мучает:
... мой друг
Рассказал мне, что «мается степью».

Человек боится её потерять, как боится забыть дорогу к родному дому:
Не дай мне позабыть
Родную степь до самых синих гор.

Поэт не просто осознаёт свою тесную взаимосвязь со степью, свою сопричастность к жизни степи и родства с ней – именно степь даёт поэту силы для творчества, являясь непреходящим источником вдохновения:

Во мне твой голос победит,
Строкой звенящей отзовётся, –
Я буду петь:

Пусть в горле бьётся
Полынный ветер, –
Сердце рвётся
В простор разбуженной степи.

Поэт понимает:
Что здесь искать истоки вдохновенья,
Что здесь лежат мои степные книги,
подчёркивая, что книги его «степные», т.е. рождённые самой Великой Степью.

Степь, проникающая в самые глубины сознания: строки – высохшие степные ростки, корни степных растений, кровь поэта:

В зыбучей толще лет текущих
Лишь корни памяти крепки
О, пусть меня вязать научат
Стихов сухие узелки!
... Но корни жаждут откровенья,
Впиваясь строчками в висок.

Поэт заявляет, что тема степи – вечна.
Мне вольность гордая твоя
И жгучих трав родная горечь
Вновь перехватывает горло –
Петь об одной тебе веля.

Степь, бесконечная родная и близкая, щедро дарит не только «волную гордость» – она даёт жизнь, поэтому поэт «за степную щедрость в лицах».

Степь – это и весь окружающий человека мир, и люди, в этом мире существующие:

Как в степь уходят на конях лихих
Уйдут стихи.

или

И пошло твоё слово бродить по степи,
Зная: странник в степи – гость почётный.

... Слово важно входило в просторные юрты.

Здесь интересно одушевление слова, уподобление его степному путнику, явно не характерный для русского языкового сознания образ.

Степь – абсолютное воплощения простора, свободы и воли, и потому поэт вновь и вновь возвращается в степь «не веря её неоглядной красе», возвращается туда, где

не надо мчаться вскачь кругами,
Здесь облакам лететь –
Не день, не два.

И когда человеку одиноко, он чувствует себя былинкой в этом хрупком мире:

Я путник, я один
В степи блуждаю в поисках колодца.

Накинул тень скользящей птицы,
Что волн степного ковыля
И облака задеть боится.

На невесомые поля

Степь олицетворяется: это особый живой мир, и муки степи – боль, страдание и горечь поэта:

Из опрокинутых степей
Тревожный гул как долгий сон.
Пучки травы как звёзды в небе
Сгорели, землю обнажив.
И прячет степь в бессильном гневе
В оврагах ржавые ножи.

и

Сиротливые пятна от юрт
На всхолмлённом раскинутом теле
Обнажённой степи – потемнели...

Наконец, степь – это не просто что-то бесконечно родное и близкое («моя степь») – это сама жизнь, кровь и плоть поэта. Поэтому

Когда в степи моей
Умолкнут кузнечики,
Я умру...

О том, что отсутствие степного простора и воли душит человека, поэт рассуждает и в своих дневниковых записях: «Уходя взглядом в даль, человек как бы мирится с ... пространством и спокоен. Когда же его взгляд упирается в стену, он ощущает предел, возникает ощущение тесноты, духоты, пигмейства, никчёмности, беспомощности – чувство клетки!».

Бахыт Каирбеков замечает, что «казах уважает путника за его беспокойный поиск утраченной родины, за его одиночество и жажду». Поэтому лирический герой Каирбекова – кочевник, неразрывно связанный с кочевым прошлым своего народа:

Мы кочуем, вступая в спор
С ветром, ливнем, дыханьем гор,

И вновь кочующих аулов
На спину мне навьючен груз,

Перелётная птица, кочевник, кентавр,
В ладу лишь с копытами,
С крыльями,
С пылью дорог!

Герой видится поэту человеком, «... презирающем вечный порог». И жизнь человека – это «путь кочевий, уходящих в бесконечность», где человек странствует по миру в поисках смысла жизни:

Я путник, я один
В степи блуждаю в поисках колодца.

И строить свою жизнь он будет по модели предков:

Кочевник – у дороги возведу
Свой дом, чтоб караванный след
Не миновал его...

Потому так велика потребность уйти за край земли (ведь только в пути можно обрести истину!) в обнимку с солнцем, в абсолютном единении с природой, с миром степи:

Он будет грустен, этот вечер,
Когда душа забьёт в набат,
В обнимку с солнцем,
Чуть беспечен,
Уйду за край земли – в закат.

Уйду.
Никто и не заметит,
Как я сгорю в закате том...
Уйду,
А душу на рассвете
Внесут в пелёнках в чей-то дом.

Поэт говорит о вечном движении (ковевье) всего мира как о единственно возможном способе существования:

Как же движение трав и цветов,
звёзд и подзвёздных кочевий
маршруты забыть?!

и
В пустыне ожили забытые пески,
Кочуют дюны...

Душа человека – «вечный странник», чувствующий себя «пустышкой, залетевшей в мир чужой». Кочевье для поэта – это постоянное движение, даже тогда, когда, кажется, весь мир замер:

Степь и ночь...
Степь и ночь...
И – дорога

Вдаль уходит в накрапах копыт...
Постою под луной у порога...

Эта дорога, уходящая вдаль, будет вечно манить человека – странника от рождения до последних дней жизни.

Незабываемое прошлое своих предков, воинов и кочевников, рождает следующие метафорические образы:

Лук бровей насторожён;

Я – стрела из лука;

Словно стрела из лука,
В горло вошла разлука;

Это ложь,
Как стрела из эпохи забытой;
И страх этой лжи помогает
Жить и дальше по нашей стране кочевать;

Слово важно входило в просторные юрты;

Тянется дней караван.

Это совершенно иное в отличие от русского мировосприятие описывает и сам Каирбеков, размышляющий в своих дневниках о том, что его «народ... не просто кочует, а **живёт в этом кочевом состоянии**» (выделено нами – Е.К.).

Линия жизни русского человека – дойти до цели, достичь чего-то, создать что-то по возможности вечное и нетленное, тогда как образ жизни казаха – само движение, не к какой-то намеченной, заранее определённой цели, а движение как способ жизни, способ познания окружающего мира и себя в нём.

Поэт говорит о своей неразрывной связи с вечным другом и спутником кочевника – конём, мы слышим цокот копыт в стихах:

Он не знает измены, обид не таит,
Как близнец – повторяет меня,
Краткий сон нас на миг разлучит,
Разлучит ли, тревог не тая.

Поэта восхищает
Громогласное ржанье коней
И безудержный радостный бег
Среди чистых как юность полей!

Вспоминая детство, Бахыт Каирбеков пишет:
Жеребёнок весёлого детства
Ускакал в непроглядную ночь.

Мучась чувством оторванности от родины, степи, истоков, поэт вопрошает:
Где томишься ты, мой аргамак?
Родственная близость с конём прослеживается и в стихах:
В крови кумыс взыграет вновь
Той самой гордой кобылицы...
Уважение к этому благородному животному – в строках:
У нас не торопят коня,
запевая долгую песню степной дороги!

Конь как бы всегда рядом с потомком вечных всадников, поэтому даже «ливневый почин» поэт хочет «стреножить».

Человеку, выросшему в мире степи, необыкновенно близка и родственна природа:

Я – луч дождя,
Я – неба сон,
Всё – часть моя,
Я – твердь земная.
Океан
Во мне вздымает волны.
Мне земляничный сок заката
Из тучи брызнул на ладонь,
И рыжим ответом объятый
Помчался в рощу красный конь.

Природа, окружающий мир одушевляются, деревья – как люди, потому у «дерев морщинистые лица»,

Коричневые пальцы ветвей
едва удерживали
по-весеннему набухшее
сиреневое небо.

Небо, раздвинь свои брови,
Развей эти складки тяжёлого гнета!

Вот уже, затаившись и медля,
Где-то луч, как малыш, шевелится.

А воздух – зубами попробуй!
А неба – отколотый лёд!
А солнце купает в сугробе
Лучистое тело своё!

Земля – это глаза человека, смотрящие в бесконечность, и «мохнатые ели – ресницы лесов».

Природа страдает, как человек:
Падает лист
На грудь корневища,
Боль затаив.

Небо проткнули, как шилом
... не сшить ракетам нежную ткань.

И создание стихов для поэта – это тоже природное явление:
Веришь ли, как хорошо
Буквы на белом листе выводить!
Словно сажаешь семена в землю.
Только слезами... можно стихи орошить,
Чтоб взошли они.

Как уже отмечалось ранее, поэт-билингв, воспитанный в тюркской культурной системе, создаёт свой ассоциативный ряд, свою систему образов и сравнений. Это можно заметить и в поэзии Бахыта Каирбекова, где «весна в чадре из снега» – абсолютно нетипичный для русского сознания образ, не только из-за слова «чадра», но и потому, что этот покров воспринимается

нами как тёмная ткань, на снег абсолютно не похожая. Здесь же «чадра» – просто нечто плотное, прикрывающее нежную весеннюю землю.

Обращаясь к матери, поэт говорит «твои ладони – пиала», видя сходство не только по форме, но и по содержанию – любовь и забота матери, хранительницы домашнего очага, необходима ребёнку, как глоток воды (казахи, очевидно, сказали бы «кумыса»). Вспоминая детство, поэт видит себя «в тёплой рубахе кизячного дыма» – синоним родного дома, тепла и родительской любви, дающей чувство защищённости.

Любимая поэта – «оазис мой желанный» – островок, дающий человеку жизнь в огромной пустыне.

Пузатая тыква напоминает поэту «восточного вельможу», «падишаха с раздувшейся чалмой».

Интересно ещё одно абсолютно нехарактерное для россиянина, выросшего в краю лесов, сравнение: «морщинки – тропинки лица». Ведь тропинки – это дорожки в лесу, никак у русского с лицом не ассоциирующиеся. Подобный образ может родиться у человека, для которого природа – это, прежде всего степь (ровное пространство), и изучать её можно по тропам, как лицо человека по морщинам.

Отмечая чарующее воздействие музыки, поэт пишет: «я пойман в камлание нот». Камлание – удивительное действо шамана, околдовывающее и возвращающее человека к жизни, дарующее ему силы, и именно словом «камлание» передана волшебная сила музыки. Русское «колдовство», «волшебство», «чародейство» безусловно не отражает всю полноту созданного поэтом образа.

Поэты, выбравшие языком творчества неродной им русский, не устают размышлять об особенностях своей речемыслительной деятельности, о своём месте в родной литературе:

выбрал я навсегда
Тот же путь в этом мире:
быть казахом и русским,
как древний Урал –
быть на стыке границ.

Несмотря на осознанность и продуманность этого выбора, поэт с грустью спрашивает себя:

Почему на домбре не играю?
Почему я по-русски пою?

Тем самым выражает по поводу оторванности от жизни предков. Как и многим другим русскоязычным поэтам Казахстана, Каирбекову присуща мысль об измене своему народу. Мы убеждены, что эта измена – мнимая, так как сожаление, сопряжённое с раскаянием, выявляет истинный патриотизм поэта, который выражается не у умении ловко пользоваться языком, данным по праву рождения, а в любви к Родине, в стремлении пропагандировать духовные ценности своего народа, что в поэзии Бахыта Каирбекова выражено, не менее остро, чем у пишущих на казахском языке.

Размышляя о творчестве Каирбекова, В. Бадиков пишет: «поэт становится своеобразным бахсы – музыкантом, врачом и учителем», что не только абсолютно отражает восприятие этого яркого, не похожего на других поэта, но и говорит о своеобразном преломлении вечной темы «поэт и поэзия». В русской языковой культуре невозможно выразить это одним словом, ведь «бахсы» не эквивалентно привычному «волшебник», «кудесник», «маг», «чародей», т.к. имеет другое лексическое значение.

В статье «Два могучих крыла Пегаса» Бахыт Каирбеков, размышляя о билингвизме, пишет следующее: «Это огромное богатство – чувствовать чужой язык и чужую культуру, как свою. Жить поэтически на рубеже двух культур и двуязычия – всегда было перспективно и плодотворно для человека пишущего – а пишет он чаще на одном языке, но мироощущение его базируется на двух пластах – изначально чужеродных, но именно соединяясь и сливаясь в душе поэта – они становятся взаимопроникающими и, конечно же, взаимообогащаемыми». И с этим трудно не согласиться.

Анна ПОДОБРИЙ

Подобрий Анна Витальевна, доцент кафедры русского языка и литературы и методики преподавания русского языка и литературы Челябинского государственного педагогического университета, доцент, кандидат филолологических наук; специальность 10.01.09 – фольклористика и 10.01.01 – русская литература.

«Мы наш, мы новый мир построим…»

(Образ гибнущего еврейского мира в его столкновении с революционной действительностью в «Конармии» И.Бабеля)

И. Э. Бабель представляет для науки довольно сложную задачу в плане определения его культурной ориентации. Истоки его творчества, несомненно, имеют основу в философии и культуре иудаизма. Зрелый писатель Бабель писал только на русском языке, но по мысли некоторых исследователей (Ш. Маркиш, Г. Фрейдин, Е. Зихер, Я. Либерман, А. Кобринский), он – писатель бинациональный. И эта бинациональность должна была непременно отразиться в одном из главных произведений писателя – цикле «Конармия».

Рассказчик в «Конармии» сочетает в себе два мира: еврейский (мир генной, культурной памяти) и казацкий (мир, куда его ведет новая вера). Образы этих миров в новеллах цикла существуют и в отдельности, и в совокупности, происходит своего рода удвоение культурно-национальной составляющей цикла.

Связывает эти два мира не только образ рассказчика, но и доминирующий мотив Дороги. Правда, способы и направления пути у казаков и евреев разные.

Казаки как самый мобильный род войск (конница) постоянно в движении, перемещении: от дома и обратно к дому. Как профессиональные военные они были готовы сняться с места в любой момент. Оставляя хозяйство на стариков, жен и детей, казаки нисколько не жалели ни чужого имущества (ограбить – святое), ни чужую жизнь. Таким образом, Дорога – один из символов казачества (непосредственно связанная с другим – Конем). Дорога была и своеобразным символом воли, простора, движения без ограничений. Это качество пути находило особый отклик в душе казака. А воля порождала и вольность в отношении друг к другу и местным жителям.

В еврейской культурной традиции Дорога – это Дорога к Богу. Причем дорога не в физическом/пространственном смысле слова: речь идет не о перемещении тела, а о религиозно-этическом пути души к Богу. Не случайно самоназвание евреев – «Ам-ха-сэфер» (= «Народ книги»). Тора – от Бога, Тора – путь к нему, уйти с этого пути, уйти от Книги – гибель веры и культуры. Оказавшись вне пространства и вне времени (= в Книге), евреи идут вглубь души, вглубь веры. «Еврейство по быту оторвано от земли, природы, не знает простора: дали, выси...– оно загнано в глубину, в центр, в сердце...», – отметил Г. Гачев [3: 235]. Дорога к сердцу, дорога к Богу – вот одна из доминант еврейской культуры.

Рассказчик, отвергая путь души, выбирает другой: полный движения, красок, сформировавший новый «кодекс поведения», принятый Лютовым: спать – есть – совокупляться – убивать. Недаром Бабель в «Дневнике» отметил: казаки – «зверье с принципами»(18.8.20), «что такое наш казак? Пласты: барахольство, удальство, профессионализм, звериная жестокость» (21.7.20.

Пелча-Боратин).

Рассказчик искренне стремится увидеть в революции светлое начало, несущее людям свободу и счастье. Но он прекрасно понимает, что война, через которую необходимо пройти, вытаскивает в людях наверх глубинное, звериное чувство, вступающее в противоречие с культурными, моральными посылками нации; что невозможно совместить в своей душе генетически заложенные начала философии и мировоззрения и веру в новый мир, строящийся на насилии.

В душе Лютова происходит одновременно и диалог национальных культур и их противостояние. Бабель же рисует образ еврейского мира, еврейской древнейшей культуры и образ казацкой субкультуры, вступившие в сложные взаимоотношения не только друг с другом, но и с формирующейся новой советской культурой.

Как заметил один из исследователей национальных образов мира в литературе Г. Гачев: «Природа Еврейства, его материя – это плоть народа. Космос оказался как бы вдавлен в Этнос. Главная заповедь здесь – жить, выжить... И Бог Израиля имеет эпитет «Живой», и они – «избранный народ Бога Живаго» [3: 225].

Однако в «Конармии» перед нами разворачиваются картины медленного угасания еврейской окраины. Лютов – еврей, но он тщательно скрывает от окружающих свое еврейство. Цель этой маскировки не только не оказаться парией среди казаков, имеющих многовековой опыт резни евреев, но и слиться, ассимилироваться с казачьей массой, в которой кипит жизнь.

В истории все повторяется (Бабель даже в «Дневнике» отметил: «...несчастное еврейское население, все повторяется, теперь эта история – поляки – казаки – евреи – с поразительной точностью повторяется, новое – коммунизм» (Новоселки-Мал.Дорогостай. 18.7.20)). Эта «повторяемость» напрямую связана с одним из исходных положений Ветхого Завета: мир сотворен Богом, изменить его нельзя, надо соблюдать закон. «И нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1; 9). Мир не развивается, происходят лишь колебания. Опять еврей оторван от земли, опять он вынужден скитаться, чтобы обрести родину.

Путь Лютова – это поиск новой родины, духовной и душевной. Поэтому, видя умирание старого еврейского мира, Лютов стремится «прибиться» к миру новому, славившемуся своей легендарной ксенофобией. Но водораздел между новым и старым миром проходит по линии жизнь/смерть. Следовательно, выбор нового мира Лютовым также в традициях еврейства.

В цикле последовательно строится топос еврейского местечка, ограниченного чертой оседлости. В основном здесь живут хасиды. Естественно, что миру хасидизма посвящена часть новелл цикла («Гедали», «Рабби», «Сын рабби», «Пан Аполек», «Кладбище в Козине», «Переход через Збруч», «Костел в Новограде», «Берестечко», «Путь в Броды», «Замостье»). И в этот веками замкнутый круг вихрем врывается революция, несущая анархию, гибель, перемены.

С первой же новеллы «Переход через Збруч» автор вводит образ Смерти. «Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу» [2: 6]. Апокалипсическая картина гибели мира «продолжается» трагедией семейного плана, не менее страшной, чем только что виденная рассказчиком.

Две трагедии (едва ли не равные друг другу) соединяет Бабель: смерть привычных устоев жизни и веры («я нахожу развороченные шкафы в отведенной мне комнате, обрывки женских шуб на полу, человеческий кал и черепки сокровенной посуды, употребляющейся у евреев раз в году – на пасху» [2: 6]) и смерть человека («мертвый старик лежит там, закинувшись навзничь. Глотка его вырвана, лицо разрублено пополам, синяя кровь лежит в его бороде, как кусок свинца» [2: 7]).

Лютов – часть той силы, что принесла гибель. Он это осознает, но воспринимает увиденное как должное, ужасается смерти автор. Чтобы первой же новеллой цикла не только противопоставить мировосприятие автора и рассказчика, не только продемонстрировать контраст между символами двух национально-культурных миров, но и включить трагедию одной еврейской семьи в контекст многовековой трагедии этой нации, Бабель вводит в текст определенные маркеры «культурной принадлежности» героев, вступающие порой в противоречия друг с другом, создавая картину ломки эпох.

Автор (не рассказчик) выстраивает целый семантический ряд аллюзий, «возвращающий» нас к событиям Ветхого Завета и Талмуда. В этих религиозных трактатах есть множество исто-

рий, где детей убивают на глазах родителей, а родителей – на глазах детей. Например, вспомним историю Седекии и его сыновей.

– Прошу тебя, – сказал Седекия Навуходоносору, – убей меня первым, дабы не видеть мне крови детей моих.

– Нас убей, государь сначала, – взмолились к Навуходоносору сыновья Седекии, – не дай нам видеть пролитую кровь отца нашего!

Навуходоносор же сделал так: зарезал перед Седекией сыновей его, у Седекии выколол глаза и бросил их в печь, а его самого отвел в Вавилон» («На развалинах Иерусалима») [1: 137]. В этот ряд включаются также истории Иова и матери семерых детей [1: 139, 173].

Интересно, что предшествует монологу еврейки в «Переходе через Збруч» сон Лютова, где центральным является мотив лишения глаз: «Пули пробивают голову комбрига, и оба глаза его падают наземь». Мотив лишения глаз – в традициях Агады. (См., например, приведенную выше историю Седекии или историю Бава бен Буты. Он оставлен был в живых Иродом, чтобы можно было пользоваться его мудрыми советами. «Предварительно, однако, у него выкололи глаза и пиявками окружили в виде венца его голову». Эта история запечатлена в Трактате Бава-батра, 3-4; Трактате Таанид, 23).

И у Бабеля, и в еврейской религиозной литературе лишение глаз – наказание, месть: Навуходоносор лишил глаз Седекию, так же как Ирод Бава бен Буту потому, что они враги; Савицкий в «Конармии» калечит комбрига потому, что тот «поворотил бригаду» от врага, струсил, стал врагом, то есть мотивы практически одинаковые.

Вторая новелла «Костел в Новограде» продолжает тему разрушения святынь, а значит и сотворения греха. Если в первой новелле Лютов – пассивный наблюдатель, открыто не высказывающий своих чувств, то во второй скорбь его выливается в плач. Причем в плач, написанный и выплаканный прекрасным библейским слогом: «Нищие орды катятся на твои древние города, о Польша, песнь об единении всех холопов гремит над ними, и горе тебе, Речь Посполитая, горе тебе, князь Радзивилл, и тебе, князь Сапега, вставшие на час!..». Рассказчик еще стремится уйти от всего этого, вернуться в свое прежнее бытие, но уже не может. Поэтому звонят колокола, «заведенные» «паном Робацким, обезумевшим звонарем» [2: 9].

Библейские мотивы нужны, чтобы включить «Конармию» в библейский контекст, а вместе с тем в бытийный, космический контекст, чтобы продемонстрировать «повторяемость» истории и, вместе с тем, незыблемость Книги и ее философии.

Душа человека – целый мир, учит Книга: «...Тот, кто губит хоть одну человеческую душу, разрушает целый мир, и кто спасает одну душу, спасает целый мир...» (Трактат Сангедрин, 37). Бабель считает также. Поэтому каждая смерть, описанная в цикле, приобретает едва ли не символическую окраску. Так происходит, например, в новелле «Костел в Новограде». «Раздетый труп валяется под откосом. И лунный блеск струится по мертвым ногам, торчащим врозь». Лунный свет заставляет Лютова произнести эпитафию по Польше, более похожую на плач по мертвым. Интересно, что этот плач в традициях Агады: «Когда человек плачет ночью, звезды и планеты плачут вместе с ним. Человек, который слышит ночью голос плачущего, невольно и сам плакать начинает» [1: 197].

Широко используется в «Конармии» мотив греховности людей, растления земли («Иваны», «Переход через Збруч»), который явно соответствует библейской картине: «И воззрел Бог на землю, – и вот она растлена: ибо всякая плоть извратила свой путь на земле» (Бытие. 6; 12). Отсюда и мотивы, сродни апокалипсическим: дождь, заливающий все живое («Аргамак», «Замостье»); непонимание конармейцами друг друга («Их было девять», «История одной лошади» и др.); непонимание мирными людьми друг друга («Сын рабби», «Солнце Италии», «Пан Аполек» и пр.).

Также отчетливо выделяется мотив святых мучеников (отец в новелле «Переход через Збруч», Сашка Христос в одноименной новелле, дьякон Агеев в «Иванах» и т.д.). Другие библейские мотивы не столь отчетливо выписаны Бабелем, но заметить их все же можно. Кормление взрослого мужчины молоком женщины («Замостье»), осквернение трупа врага («Иваны»), мотив загаженной земли («Иваны»), почтение к мертвым («Кладбище в Козине»), искупление греха смертью («Эскадронный Трунов»), возжелание чужой вещи, чужой собственности («История одной лошади»).

Конечно, библейские истории Бабелем переосмыслены, но в тексте «Конармии» они несут

ту же функциональную нагрузку, что и в Ветхом завете. Как отмечает американский исследователь Э. Зихер в статье «Ключ к воображению Бабеля», писатель использовал библейские мифы как средство создания аллегорических параллелей и аллегорий морально-нравственного плана. По мнению Э. Зихера, анализ использования Бабелем мифов помогает раскрыть принципы, лежащие в основе стилистических и композиционных особенностей его произведений, поскольку некоторые библейские образы нужны писателю не только для углубления символики образов, но и для создания самого сюжета» [10].

Последовательно проводится Бабелем мотив осквернения веры, церкви. Буквально в каждой новелле Лютов наблюдает кощунство по отношению к храму. Он пытается искать оправдание действиям казаков, но это не всегда получается. Например, разграбление костела в Новограде («Костел в Новограде») он оправдывает предательством пана Ромуальда. Именно поэтому высшего, божественного, наказания за вандализм казаков не последовало. Другое дело – храм Берестечка. Его разграбление и осквернение ничем не оправданы. И проклятие, последовавшее за этим актом, было не только проклятием пана Людомирского, но и проклятием Христа. (Его статуя поразила воображение казака, стоящего рядом с Лютовым. Христос был изображен с разорванным и кровоточащим ртом. Его «преследовала ненависть и настигала погоня. Он выгнул руку, чтобы отвести занесенный удар, из руки пурпурным током вылилась кровь» [2: 88]).

После акта вандализма в костеле Берестечка Конармию преследуют военные неудачи, проклятие действует: гибнут люди, мир заливается кровью («кровавый след шел по этому пути»). Налицо перекличка с Библией: «Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра; оно отнимет жизнь у завладевшего им» [Книга притчей Соломоновых. 1,13].

Такие ненавязчивые аллегории с ветхозаветным текстом не только являются одним из способов включения в русскоязычный текст элементов еврейского фольклора, который, как известно, является художественным отражением мировидения нации, но и придают «Конармии» некий вселенский масштаб. Причем, И. Бабель не только «возвращался» к каноническим сюжетам религиозных книг, но и создавал свои, в некотором смысле апокрифические истории, как это было, например, в новелле «Конармии» «Пан Аполек».

Рассказ о юродивом художнике предваряет пафосный монолог рассказчика: «...Среди скрюченных развалин, судьба бросила мне под ноги укрытое от мира Евангелие». Лютов оказался окруженным «простодушным сиянием нимбов» [2: 18], и вдруг рассказчик понял, глядя на этих «...Иосифов с расчесанной надвое сивой головой, напомаженных Иисусов, многорожавших деревенских Марий», что перед ним не жертвы насилия, а символы святости, которые смог разглядеть и запечатлеть Аполек и которые не смогла победить католическая церковь. Эта новелла стала тем водоразделом, который был проложен между ветхозаветной моралью непримиримости, ощущением избранничества («сладость мечтательной злобы, горькое презрение к псам и свиньям человечества, огонь молчаливого и упоительного мщения» [2: 18]) и новым обетом, маркируемым словом «Евангелие».

Однако Аполек создает новое *апокрифическое* Евангелие – пятое (не случайно и рассказ о художнике в цикле – пятый), более того, мы можем говорить о том, что и Бабель создает апокриф: новый *третий Завет*, где мессией выступает Пан Аполек.

Аллюзии с Библейским текстом лежат едва ли не на поверхности, но еще более заметна полемика с Новым заветом. Библейская символика, включенная в реалии нового времени, – еще один способ введения инонационального элемента в русскоязычный текст. Бабель последовательно строит свое повествование, свой «Завет» таким образом, что он оказывается «промежуточным» между Ветхим и Новым, а привычные образы приобретают новое истолкование.

Начинается основная часть повествования описанием картины, созданной Аполеком «Смерть Крестителя»: «Прямо на меня из синей глубины ниши спускалась длинная фигура Иоанна. Черный плащ торжественно висел на этом неумолимом теле, отвратительно худом. Капли крови блистали в круглых застежках плаща. Голова Иоанна была косо срезана с ободранной шеи. Она лежала на глиняном блюде, крепко взятом большими желтыми пальцами воина... Из оскаленного рта его, цветисто сияя чешуей, свисало крохотное туловище змеи. Ее головка, нежно-розовая, полная оживления, могущественно оттеняла глубокий фон плаща»[2: 18]. Мертвая голова как символ мести Иродиады явно контрастирует с «новым обетом» рассказчика, а змея может нести несколько мифологических ассоциаций: змея могла иметь эсхатологическое значение и символи-

зировать судьбу и предзнаменование судьбы [6: 175].

Вместе с гибелью Иоанна погиб и традиционный Библейский мир, ибо в «Евангелии от Аполека» четко говорится, что после акта совокупления Иисуса и Деборы Иисус «удалился в пустынную страну, на восток от Иудеи, где ждал его Иоанн» [2: 24]. Но эта встреча, по логике событий, не состоялась, так как Иоанн уже был мертв. Поэтому нигде в бабелевском тексте Иисус не именуется Христом.

Предтеча – фигура промежуточная между двумя каноническими Заветами и центральная для третьего – апокрифического – Завета Бабеля. «Некрещенность» Иисуса умаляет значение Нового Завета, так и не принятого иудеями, и Христа как мессии. Точно заметил И. Есаулов, что в «завете» Бабеля «...отменяется Богоявление. Онтологическая реальность Иисуса Христа при этом вовсе не подвергается сомнению, но художественно он трансформируется из Мессии в приватное лицо хасидского толка» [5]. Иисус не обожествлялся, а, скорее, очеловечивался.

Десакрализация образа Христа и акта его союза с Деборой возвращают нас не к духовному, а к плотскому началу: у Иисуса родился ребенок, тем самым «обожествление земного человека, характерное для икон-картин Аполека, имеет метафизическое оправдание: каждый живущий на земле человек может, с этой точки зрения, оказаться прямым (кровным) потомком Христа» [5].

Бабель сознательно проводит своеобразную историческую и культурную параллель между разными эпохами, снова подчеркивая тем самым Библейскую мудрость о повторяемости всего в мире. Даже «акт крещения», вхождения в «новый завет» в «Конармии» есть, правда он маркируется символами другой (казацкой) культуры и другого (не библейского) сознания. Лютов проходит своеобразное крещение вместе с казаками в кровавых водах Збруча в первой новелле цикла. «Величавая луна лежит на волнах. Лошади по спину уходят в воду, звучные потоки сочатся между сотнями лошадиных ног. Кто-то тонет и звучно порочит богородицу. Река усеяна темными квадратами телег, она полна гула, свиста и песен, гремящих поверх лунных змей и сияющих ям» [2: 6].

Аполеку же никакое крещение не нужно, ибо он сам Создатель. Патер, увидел не картины, не изображения, а *новый мир*, сотворенный юродивым художником. «Патер увидел на своем столе горящий пурпур мантий, блеск смарагдовых полей и цветистые покрывала, накинутые на границы Палестины» [2: 20]. Завет Аполека соединяет не человека с Богом, а человека с человеком, обожествляет его плотское начало. Викарий это осознал мгновенно, отсюда и рвущийся из сердца крик: «Он произвел вас при жизни в святые» [2: 22]. Ересь в этом местечке перестала быть ересью, а стала новой религией.

В «Пане Аполеке» уже происходит своеобразная контаминация русского литературного жанра сказа с еврейской фольклорной притчей. Но Бабель идет дальше: в новелле «Сашка Христос» он создает образ нового праведника новой религии. Происходит соположение еврейской и русской (казацкой) апокрифических историй. «Казачий апокриф» о Сашке явно проникнут новозаветными ассоциациями. Отчим Сашки – плотник, он сам – пастух, утешитель людей. Но стать пастухом он смог, только пройдя через предательство матери (допустил до нее отчима) и через акт своеобразной инициации – дурную болезнь.

«Новое крещение» с каждой новеллой все дальше и дальше отдаляет рассказчика от его еврейского мира, но все же Лютов делает попытки вновь вернуться в него. Из тридцати трех новелл цикла, выделяются три, образующие как бы цикл в цикле. Это «Гедали», «Рабби», «Сын рабби». Они посвящены миру хасидизма. Примечательно, что, не зная основ этого учения, невозможно до конца понять смысл «хасидских» историй.

Основатель хасидизма ребе Исраэль Баал-Шем-Тов (перевод фамилии буквально означает «обладатель доброго имени») в своих проповедях противопоставлял живые формы народной жизни слепому следованию образцу, обряду. В его учении на первый план выдвигалось не изучение Талмуда, не ритуал, а молитва, доступная любому и идущая от сердца прямо к Богу. При своем возникновении хасидизм сделал упор на личном религиозном самосовершенствовании, а не на национальном спасении. К концу XYIII века хасидизм стал мощным религиозно-общественным движением. Фактическим его главой был Шнеур-Залман Бен Барух (более известный в России под именем Залман Борухович Шнеерсон). Он создал стройную философскую систему, учение хабадников. На иврите хасиды означают «ревностные, святые». Единственное, что объединяло раввинов и хасидов, это ненависть к проповедникам Гаскалы (просвещения) [4; 7], а точнее ска-

зать – к проповедникам ассимиляции евреев с другими нациями.

Центральные персонажи новелл – приверженец хасидского рабби Гедали, сам рабби и его сын. По словам Бабеля, Моталэ «последний рабби из Чернобыльской династии», а его сын Илья «последний принц в династии». Действительно, в Житомире существовала династия хасидских раввинов, но она не прерывалась. Члены Чернобыльской династии носят фамилию Тверские, тогда как фамилия героев Бабеля – Брацлавские. «Фамилия Брацлавские ассоциируется с одной из самых своеобразных хасидских групп, основатель которой рабби Нахман бен Сихма из Брацлава (1772 – 1811), был также ее последним живым главой. Брацлавские (или Бреславские) хасиды – единственная из всех групп, объединяющихся вокруг фигуры духовного вождя, живого лидера не имеет. Ими руководит память об их основателе. Соперничающие группы в насмешку называют их «мертвыми хасидами»... Рабби Нахман был таким же необыкновенным религиозным лидером, как необыкновенной оказалась и секта, образованная его последователями» [8: 438, 439].

Есть одна черта в писаниях рабби Нахмана, которая близка Бабелю: он провозглашает веселье как принцип жизни (что явно противоречит Ветхому завету, ср.: «Сердце мудреца – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья» (Екклезиаст, 7, 4.). Именно это «единение» помогает точнее понять смысл диалога Лютова и Моталэ в новелле «Рабби».

– Откуда приехал еврей? – спросил он и приподнял веки.

– Из Одессы, – ответил я.

– Благочестивый город, – сказал рабби, – звезда нашего изгнания, невольный колодезь наших бедствий!..» [2: 35-36].

Естественно, что Моталэ не мог всерьез назвать Одессу «благочестивой». Дело в том, что именно в Одессе началось движение Гаскалы, не принимаемое хасидами, поэтому Одесса никогда не считалась Меккой нравственности. Ответ Моталэ – это своеобразная насмешка, игра. И Лютов эту игру понимает и принимает.

– Чем занимается еврей?

– Я перекладываю в стихи похождения Герша из Острополя.

– Великий труд... Шакал стонет, когда он голоден, у каждого глупца хватает глупости для уныния, и только мудрец раздирает смехом завесу бытия...» [2: 36].

Гершеле Остропольер для евреев был кем-то вроде фольклорного национального героя, типа Ходжи Насреддина у тюркских народов или солдата из бытовой сказки у русских. Все его похождения направлены на то, чтобы как можно сильнее насолить богатым. Поэтому в них нет ничего божественного и святого. Но это был веселый человек. И если рабби – приверженец Нахмана Брацлавского, переложение Лютовым на стихи приключения Герша (или Гершеле) покажется ему делом благочестивым. Однако Моталэ продолжает проверку Лютова, прежде чем допустить к столу: «Чему учился еврей?». «Библии» [2: 36]. Т.е. святости. Поэтому следующий вопрос требует пояснить, в чем же святость: «Чего ищет еврей?». «Веселья». Вот теперь все точки расставлены. Рабби убедился, что перед ним единоверец.

Игру диалога понимают оба: и рабби, и Лютов. Рассказчик никогда не перелагал на стихи приключения Герша, и Моталэ, и юродивый Мордхэ это знают. Именно поэтому рэб Мордхэ произносит эту, казалось бы странную, речь: «Ах, мой дорогой и такой молодой человек! – сказал оборванный рэб Мордхэ и подмигнул мне. – Ах, сколько богатых дураков знал я в Одессе, сколько нищих мудрецов знал я в Одессе! Садитесь же за стол, молодой человек, и пейте вино, которого вам не дадут...» [2: 36]. Лютов перелагал похождения Герша лишь на словах, поэтому ему и предлагают несуществующее вино, которое пить он может только мысленно, как мысленно и писал. Но игра закончена, и Лютов возвращается к недописанной статье в газету «Красный кавалерист».

Хасидские новеллы тесно связаны с мотивом крушения святынь. Недаром Гедали – апологет учения – говорит: «В страстном здании хасидизма вышиблены окна и двери, но оно бессмертно, как душа матери...» [2: 35]. Но старик ошибся, хасидизм уже мертв. Лютов увидел полное запустенье: «Мы вошли в комнату – каменную и пустую, как морг». Приверженцами учения остались лишь «бесноватые, лжецы и ротозеи». Революция сломала хребет хасидизму. Она смела все привычные, традиционные ограничения, в том числе и моральные. От века заведенный быт с его заботами о семье, о хлебе насущном, о доме рухнул в одну минуту, был разрушен «до основанья». Прежде всего, борьбу повели с религией, значит и с хасидизмом как частью религии. Отречение молодежи от учения – вот гибель религии и морали, вот гибель хасидизма.

Гедали считает, что душа матери бессмертна, и тот, кто идет против матери, погибнет. Это «доказывает» история Ильи Брацлавского. Имя Илья – русская версия древнееврейского Илия, или Илиеху, что наталкивает на три ассоциации. В 1 и 3 книгах Царств Илия – пламенный пророк, защищающий веру от иноверцев. В Талмуде Илия – предвестник пришествия Мессии. В еврейском фольклоре Илия изображается как небесный вестник, который послан бороться с несправедливостью. У Бабеля в образе Ильи Брацлавского сочетаются все три значения, создавая фигуру борца за счастливое будущее.

Впервые мы видим его в новелле «Рабби» курящим в присутствии отца, в субботу. Это совершенно невозможно для правоверного иудея. Даже бесноватый Мордхэ, ради уничтожения этого греха, пускается в другой, едва ли не в более тяжкий – он выхватывает у Ильи папиросу, а правоверный еврей ни за что не прикоснулся бы к огню в субботу. Основы религии расшатаны до основанья, поэтому Мордхэ совершает еще один грех – берет у Лютова деньги в субботу. М.Фридберг утверждает, что это происходит от того, что Бабель «не слишком озабочен бытовой достоверностью своих описаний» [8: 437]. Но ученый явно не прав. Бабель сознательно вводит эти сцены, показывая умирание старого учения. Раз уж сын рабби и его ближайший сподвижник отходят от традиций, чего ждать от остальных? Отлучение Ильи от «народа Израиля» подчеркивается и внешним сходством сына рабби со Спинозой, который тоже был отлучен от «народа Израиля» в XYII веке.

Новелла «Сын рабби» и сюжетно и идейно продолжает новеллу «Рабби». Илья уже на пороге смерти. Мы узнаем, что он красный командир, коммунист. Он «взбунтовался» против отца, точнее, против его учения, и лишь мать удерживала его в доме. (Кстати, бунт против отца и любовь к матери имеют соответствия в писаниях рабби Нахмана, а также в Библии. Но у Бабеля библейские мотивы несколько переосмыслены. В Библии мать выступает либо на стороне сына – история обмана Исаака Иаковом и Ревеккой [Бытие. 27], чтобы добыть благословение, либо сын восстает против отца ради власти – история Давида и Авессалома [2 Книга Царств. 15, 18] – без помощи матери и без ее ведома).

У Бабеля мать – символ семьи, жизни. Илья-сын постоянно держит ее в мыслях. Любовь к матери вынуждает его повременить с полным разрывом с отцом и его учением, но не надолго. Это, казалось бы, соотносится со словами Гедали о бессмертии души матери, но Гедали ошибся: для Ильи-коммуниста «мать в революции – эпизод». Бабель дает понять, что смерть Ильи – неизбежность. Она и насильственная (война убила солдата), и естественная (Илья ушел от родной веры и принял другую, чуждую ему [едва ли не парафраз крещения иудея]). И еще раз писатель демонстрирует «неприкаянность» Ильи. Среди его вещей рядом лежат «портреты Ленина и Маймонида». Хоть Маймонид признается величайшим духовным вождем иудаизма, рабби Нахман запрещал своим ученикам читать его книги, да и вообще все философские книги. «Поэтому выбор между Лениным и Маймонидом был выбором не между ересью и традицией, а между двумя ересями, каждая из которых предлагала свое наставление растерявшимся, – и Ленин, между прочим, у хасидов под запретом не был, в отличие от Маймонида» [8: 443].

Если рассматривать смерть Ильи с хасидских позиций, то она не есть крушение дела коммуниста Брацлавского. Он как бы повторяет путь «мертвого рабби». Его идеи лишь после смерти получат распространение. Поэтому знаток хасидского учения Лютов признал в нем своего брата: «Я принял последний вздох моего брата» [2: 129]. Бабеля упрекали в советской критике в «натурализме», «плотскости», «порнографии», но нельзя не возразить подобным упрекам: все эти «элементы» несут в себе определенную авторскую концепцию действительности, имеют особый смысл, причем зачастую религиозный. Так, например, во фразе из новеллы «Сын рабби»: «девицы, уперши в пол кривые ноги незатейливых самок, сухо наблюдали его половые части, эту чахлую, курчавую мужественность исчахшего семита» [2: 129] – явно ощущается библейский оттенок. Ср.: «Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от своего, что мог поместить в руке своей» [Екклесиаст. 5,14].

Хасидский мини-цикл имеет замкнутую круговую структуру. Каждая из новелл вносит дополнения и пояснения в последующие и предыдущие. Поэтому, обращаясь сейчас к новелле «Гедали», мы нарушаем лишь хронологический порядок, но не циклический.

Знаменитый диалог между Гедали и Лютовым следует рассматривать с двух позиций: в соответствии с хасидской теорией и с общечеловеческой точки зрения. Начнем с последнего. Для

Лютова Гедали такая же редкость, как и его лавка. Он не воспринимается рассказчиком как объект сегодняшнего дня. Недаром Лютов говорит: «Меня обволакивает легкий запах тления». Гедали хочет понять революцию, сказать ей «да», но не может. На что рассказчик точно замечает: «В закрывшиеся глаза не входит солнце» [2: 30]. Гедали боится насилия, радуется, когда поляков, притеснителей евреев, погнали. Он хочет свободы, причем свободы частной собственности тоже, но он видит, что этой свободы опять у него нет, что одно насилие сменилось другим.

Гедали не жалко граммофона, просто он точно знает, если человек способен отобрать у другого что-либо (вещь ли, жизнь ли), это нехороший человек. А раз революция отбирает у него граммофон, то революцию делают «злые люди» (Явная перекличка с Библией: «Злые люди не разумеют справедливости» [Притчи Соломоновы, 28, 5]). Отсюда вывод: «добрые люди» революцию делать не будут. Мечта Гедали об «интернационале добрых людей» – утопия.

Стоящий перед Гедали еврей-конармеец не способен аргументировано противостоять местечковому еврею в споре. Гедали вопрошает Лютова с позиции мирного человека, желающего спокойной жизни: «Где сладкая революция?» Он знает, что такое «интернационал добрых людей». Мысли Гедали не скачут, потому что его идея интернационала – это библейская идея мира и гармонии. Визави Гедали Лютов пытается противостоять старику в споре с позиции революционера, строящего новую реальность: «Она не может не стрелять, Гедали, потому что она революция». Но Лютов, желая верить в то, что сам говорит, желая соединиться с революцией, оказывается не убежденным до конца в своей правоте. От этого он и произносит трафаретные фразы: «Его [интернационал] кушают с порохом... и приправляют лучшей кровью...».

Лютов терпит поражение в споре прежде всего потому, что его ответы Гедали идут не от сердца, а от разума, он хочет, но не может верить в то, что говорит. И это неверие проявляется в последнем вопросе рассказчика: «Гедали, сегодня пятница и уже настал вечер. Где можно достать еврейский коржик, еврейский стакан чаю и немножко этого отставного бога в стакане чаю?..» [2: 30]. Гедали не переложил вину за свой несбыточный интернационал на Лютова, потому что увидел в нем это неверие. И именно поэтому он захочет вновь вернуть его в лоно веры, т.е. ведет его к хасидам в новелле «Рабби».

Если рассматривать этот же эпизод с точки зрения учения рабби Нахмана, то диалог приобретает еще одно значение. Реквизицию граммофона можно рассматривать тогда не как заботу о частной собственности, а как предвестник худших бед, ибо рабби Нахман учил: «Тот, кто может украсть, способен на любое преступление» [8: 443]. И обратно, готовность Гедали добровольно отдать все граммофоны хорошим людям... полностью согласуется с заповедью рабби Нахмана: «Дурно быть неблагодарными и с евреями, и с неевреями» («Хасидкая антология»).

Готовность Гедали уверовать в пришествие квази-мессианской революции, которая сметет прочь несправедливость и нищету, тоже в русле учения рабби Нахмана, еще за столетие до того писавшего, что «многие не еврейские народы уже близки к покаянию» («Хасидская антология»). И знаменитые слова Гедали: «И я хочу интернационала добрых людей, и я хочу, чтобы каждую душу взяли на учет и дали бы ей паек по первой категории», – то есть, каждой душе, и еврейской, и не-еврейской, – твердо укоренены в талмуической и хасидской традиции. «Талмуд требует, чтобы в этом мире беднякам-неевреям подавали милостыню, также как и еврейским беднякам (Git. 61a), и строго запрещает взимать проценты с иноверцев (BM, 706; Encuclopedia Judaica). А после пришествия мессии, говорится в Талмуде, благодати равно сподобятся проповедники всех народов... Мечта старика об Интернационале добрых людей пусть и нереалистичная, зато благородная. И это Бабель признает, недаром он дал своему тщедушному герою имя Гедали. Гедали по-древнееврейски значит «великий».

Все дальше и дальше отходит от своих корней конармеец Лютов, он принимает философию казаков и старается вести себя сообразно ей. А автор остается верен своей культуре. Происходит своеобразный диалог между автором и рассказчиком в том числе и на языковом уровне.

Бабель строит многие метафоры, явно заимствуя принцип их построения из еврейской речи. Например, он часто употребляет два определения сразу, тем самым «снимая» их первоначальный прямой смысл и превращая в метафору: «пышная книга с золотым обрезом стояла перед его *оливковым невыразительным лицом*» («Солнце Италии»), «у древней синагоги, у ее *желтых и равнодушных* стен...» («Гедали»), «*желтые и трагические* бороды» («Учение о тачанке») и пр.

Бабель создает метафоры, «придумывая» слова при помощи переименований «старых»

слов, то есть меняет исконное лексическое значение слова, оставляя лишь его оболочку, а от этого восприятие слова как бы удваивается: старое и новое значение начинают жить одной жизнью. Например: «*паутинная тишина* летнего утра», «*пыльное золото* закатов» («Пан Аполек»), «*голый блеск* луны» («Солнце Италии»), «расшитые *полотенца крестьянских полей*», «*мумии раздавленных страстей*» («Путь в Броды»), «*укус неразделенной любви*» («Вечер») и т.д.

Часто в одной фразе Бабель соединяет предметы, удаленные друг от друга, лежащие в разных плоскостях: «*хриплый восторг*» («Костел в Новограде»), «*мечтательная злоба*» («Пан Аполек»), «шелковые *ремни дымчатых глаз*» («Гедали»), «*удили жареных куриц* в *улыбках* командарма» («История одной лошади») и т.д. Порой это шло от частного ко всеобщему: «Снопы пшеницы летали по небу, июльский день переходил в вечер, чащи заката запрокидывались над селом» («Замостье»), «вчера был день первого побоища под Бродами. Заблудившись на голубой земле, мы не подозревали об этом...» («Путь в Броды») и пр.

Как отметила М. Чудакова, в прозе Бабеля «...наиболее резко, обнаженно, почти нестерпимо (и почти неподражаемо) сталкиваются в пределах одной фразы разные «планы» общей картины» [9: 54], да при этом отсутствует связывающий эти «планы» элемент. Например: «сутулый – он облит луной, торчащей там, наверху, как дерзкая заноза, типографские станки стучат от него где-то близко, и чистым светом сияет радиостанция» («Вечер»); «обоз тягуче кружился по Бродскому шляху; простенькие звезды катились по млечным путям неба, и дальние деревни горели в прохладной глубине ночи» («Афонька Бида»); «мужичье преклоняло колени, целовало руки, и на небесах в тот же день пламенели невиданные облака» («У святого Валента»).

Бабель часто прерывает действие, свертывает его и разворачивает картину (поэтому так стремителен темп смены событий), например, «штаб выступил из Крапивны, и наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе... Поля пурпурного мака цветут вокруг нас, полуденный вечер играет в желтеющей ржи, девственная гречиха встает на горизонте, как стена дальнего монастыря...» («Переход через Збруч»), или: «и только тогда, пройдя алтарь, мы проникли в костел. Он был полон света этот костел, полон танцующих лучей, воздушных столбов, какого-то прохладного веселья. Как забыть мне картину, висевшую и правого придела и написанную Аполеком...» («У святого Валента»).

Метафоричность стиля Бабеля усиливают и резкие, запоминающиеся сравнения (которые, порой, принимаются за контрасты): «оранжевое солнце катится по небу, *как отрубленная голова*» («Переход через Збруч»), «я вижу... твою душу, нежную и безжалостную, *как душа кошки*» («Костел в Новограде»), «прелестная и мудрая жизнь пана Аполека ударила мне в голову, *как старое вино*» («Пан Аполек»), «таков Махно, многообразный, *как природа*» («Учение о тачанке»), «песня журчала, *как пересыхающий ручей*» («Берестечко»), «тело Сашки, цветущее и вонючее, *как мясо только что зарезанной коровы*, заголилось» («У святого Валента»), «утро сочилось из нас, *как хлороформ сочится на госпитальный стол*» («Замостье») и так далее.

Еврейский колорит создается и при калькировании речевых оборотов, типичных для разговорной речи евреев, например: «революция – скажем ей «да», но разве субботе мы скажем «нет»?... «Да», кричу я революции, «да», кричу я ей, но она прячется от Гедали и высылает вперед только стрельбу», «а революция – это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот» («Гедали»); «ах, мой дорогой и такой молодой человек», «и когда матери нет в живых, она оставляет по себе воспоминание, которое никто еще не решился осквернить» («Рабби»); «мы делали переход из Хотина в Берестечко» («Берестечко») и пр.

Бабель имитирует и высокий библейский слог, например: «пусть короткое забвение поглотит память о Ромуальде, предавшем нас без сожаления и расстрелянном мимоходом» («Костел в Новограде»); «и вот я, мгновенный гость, пью по вечерам вино его беседы» («Пан Аполек»); «в субботние кануны меня томит густая печаль воспоминаний» («Гедали»); «шакал стонет, когда он голоден, у каждого глупца хватает глупости для уныния, и только мудрец раздирает смехом завесу бытия» («Рабби»); «о Броды! Мумии твоих раздавленных страстей дышали на меня непреоборимым ядом. Я ощущал уже смертельный холод глазниц, налитых стынущей слезой» («Путь в Броды»); «за окном ржали кони и вскрикивали казаки. Пустыня войны зевала за окном» («Сын рабби») и прочее.

В некоторых случаях идет прямая отсылка к реалиям еврейской культуры, например: «наступает суббота. Гедали – основатель несбыточного Интернационала – ушел в синагогу молиться»

(«Гедали»); «благословен господь.., благословен бог Израиля, избравший нас между всеми народами земли» («Рабби»); «евреи в рваных лапсердаках бранились на этой площади и таскали друг друга. Одни из них – ортодоксы – превозносили учение Адасии, раввина из Белза; за это на ортодоксов наступали хасиды умеренного толка, ученики гусятинского раввина Иуды. Евреи спорили о Каббале и поминали в своих спорах имя Ильи, гонителя хасидов» («Эскадронный Трунов»).

Иногда Бабель создавал весьма своеобразный эстетический эффект за счет соединения высокой библейской стилистики с символами нового времени, рождая таким образом новый (как мы уже говорили «апокрифический») текст, например: «О устав РКП! Сквозь кислое тесто русских повестей ты проложил стремительные рельсы. Три холостые сердца со страстями рязанских Иисусов ты обратил в сотрудников «Красного кавалериста» («Вечер»); «вот Польша, вот надменная скорбь Речи Посполитой! Насильственный пришелец, я раскидываю вшивый тюфяк в храме, оставленном священнослужителем, подкладываю под голову фолианты, в которых напечатана осанна ясновельможному и пресветлому Начальнику Панства, Йозефу Пилсудскому» («Костел в Новограде»); «здесь все было свалено вместе – мандаты агитатора и памятки еврейского поэта... Прядь женских волос была заложена в книжку постановлений Шестого съезда партии, и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов. Печальным и скупым дождем падали они на меня – страницы «Песни песней» и револьверные патроны» («Сын рабби») и пр.

Образ еврейского мира создается Бабелем на разных уровнях: лексическом (еврейское слово, «переведенное» на русский язык включается в массив речи, метафоры, гиперболы, сравнения ориентированы на еврейский образ мировидения и мышления, в рамках русской речи создается также еврейский национальный сказ) и мировоззренческом (начиная от прямых отсылок к Библии, до создания параллелей морально-нравственного характера).

Введение в текст библейских мотивов, параллелей, аллюзий не только «возвращает» читателя в эпоху Ветхого завета, но и контекстуально расширяет рамки бабелевских новелл: включает сегодняшний день в процесс мировой истории. Обращаясь к традициям Книги, запечатлевшей основы мировоззрения иудея, символике и образности еврейской речи, Бабель сделал для русского читателя наглядным и чувственным образ еврейской культуры, мир еврейского местечка, переживающего трагедию уничтожения.

А это, в свою очередь, позволяет делать определенные сопоставления морально-этического характера. Еврейский мир – жертва, но святыни, в свете которых Бабель судит о творимом – это святыни Ветхого завета, ставшие общемировыми ценностями.

Библиографический список

1. Агада. Сказания, притчи, изречения талмуда и мидрашей [Текст] / перевод С. Г. Фруга; вступ. ст. В. Гаркин. – М.: Раритет, 1993. – 319 с.
2. Бабель, И. Сочинения: в 2 т. – Т.2: Конармия; рассказы 1925-1938 г. [Текст] / И. Э. Бабель. – М.: Художественная литература, 1990. – 574 с.
3. Гачев, Г. Национальные образы мира (Курс лекций) [Текст]/ Г. Гачев. – М.: Academia, 1998.
4. Евреи в России: XIX век [Текст] / Вступ. статья, сост. и коммент. В. Е. Кельнера. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 560 с.
5. Есаулов, И. Этическое и эстетическое в поэтике И. Э. Бабеля («Пан Аполек») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://jesaulov.narod.ru/Code/sobornost_text_9.html
6. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
7. Телушкин, Й. Еврейский мир. Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии [Текст] / Й. Телушкин. – М.: Лехаим, 1998 – Иерусалим, 5758. – 574 с.
8. Фридберг, М. Еврейские фольклорные мотивы в «Конармии» Бабеля [Текст] / М. Фридберг// Русская литература XX века. Исследования американских ученых. – С.-П., 1993. – С. 436-445.
9. Чудакова, М. О. Поэтика М.Зощенко [Текст] / М. О. Чудакова. – М., 1979.
10. Sicher, E. Midrash and History. A Key to Babelesque Imagination [Text] / E. Sicher // Isaak Babel: Modern Critical Views. Ed. H. Harold Bloom. – New York: Chelsea House, 1987.

Подписано в печать 29.09.2009.
Формат 60x841/8 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,25. Уч.- изд. л. 36,8. Тираж 300 экз. Заказ № 1141.

Пятигорский государственный лингвистический университет.
357532 Пятигорск, пр. Калинина 9.
Отпечатано в Центре информационных и образовательных технологий ПГЛУ.